

А. Ю. Шаламов

МОСКОВСКАЯ
ПОЛИЦИЯ
1905–1907

 КУЧКОВО ПОЛЕ
издательство

Москва
2022

УДК 321.01“1905/1907”

ББК 63.3(2)522-3

Ш 18

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ПРОГРАММА ПРАВИТЕЛЬСТВА МОСКВЫ

Выпуск издания осуществлен при финансовой поддержке Департамента
средств массовой информации и рекламы города Москвы

Рецензенты:

Александр Иванович Фролов, член Союза писателей России
и Московского краеведческого общества, кандидат исторических наук

Павел Алексеевич Кюнг, кандидат исторических наук, доцент РГГУ

Шаламов Алексей Юрьевич

Ш 18 Московская полиция. 1905–1907. — М.: Издательство «Кучково поле», 2022. —
560 с.: 8 л. ил.

ISBN 978-5-907171-69-5

В книге рассказывается о повседневной жизни и службе московских полицейских во время первой российской революции 1905–1907 гг. Автор детально рассматривает состояние правоохранительных органов Москвы накануне и в ходе революционных событий: их численность, личный состав, структуру, управление, оснащение и вооружение, методы работы. А также бытовые условия жизни, уровень коррупции, внутренние конфликты в правоохранительных органах, приводит биографические данные некоторых служащих административно-полицейских учреждений.

УДК 321.01“1905/1907”

ББК 63.3(2)522-3

ISBN 978-5-907171-69-5

© Шаламов А. Ю., текст, иллюстрации, 2022

© ООО «Издательство «Кучково поле», 2022

© ООО «ИКС-ИСТОРИ», макет, 2022

ПРЕДИСЛОВИЕ

В начале XX века на долю России выпали тяжелейшие испытания: разрушительный революционный кризис, кровопролитнейшие войны, разгул терроризма, разложение государственной власти. В 1905 и в 1917 годах улицы Москвы стали местом революционных боев. В эти годы российский народ приобрел горький опыт, оплаченный дорогой ценой. И в конце того же века этот опыт неожиданно стал очень актуальным. На улицах Москвы в 1991 и в 1993 годах вновь развернулись вооруженные столкновения. В 1990-е годы опять началась «маленькая победоносная война», принесящая множество жертв. По стране прокатилась волна терроризма. Уголовная преступность и коррупция достигли такого масштаба, что превратились в серьезные национальные проблемы.

Использование и негативного, и позитивного исторического опыта, накопленного нашим народом и государством, в том числе опыта полицейской деятельности, может помочь в предотвращении или в пресечении подобных разрушительных кризисных явлений. И в начале XXI века опыт преодоления революционного кризиса не потерял своей актуальности. Об этом свидетельствуют события в соседней Украине, которая в течение целых исторических эпох развивалась вместе с Россией в составе единого государства и переживала те же самые потрясения.

Знаменитые уроженцы Киева Василий Шульгин и Михаил Булгаков в своих книгах красочно описали, что происходило в этом городе в 1905 и 1918 годах¹. И в тех далеких событиях прослеживается множество параллелей с тем, что происходит сейчас в Киеве, Одессе и других регионах Украины. Этот опыт столетней давности надо знать и использовать сегодня, чтобы не наступать дважды на одни грабли и избежать повторения трагичных событий.

Несколько примечаний, касающихся текста данной книги:

1. Все даты даются по старому стилю, действовавшему на момент описываемых событий.

2. В цитатах сохраняются орфографические и синтаксические особенности письменных источников, включая ошибки, встречающиеся в оригиналах цитируемых документов. Они сами по себе ярко характеризуют рассматриваемую эпоху и действовавших тогда людей. Документы того времени составлялись согласно правилам как старой, так и новой орфографии. Эта разница сохранена при цитировании.

3. Буквы русского алфавита, вышедшие из употребления, заменены современными.

Глава I

РЕВОЛЮЦИЯ НАДВИГАЕТСЯ

Предвестия революции

Первая российская революция началась в 1905 году. Но грозные предвестия появились раньше. Особенно этому поспособствовала Русско-японская война 1904–1905 годов. Она должна была стать «маленькой и победоносной», а оказалась настолько тяжелой и кровавой, что подтолкнула страну к революции.

Первые предреволюционные проявления были следствием действий центральных властей в столичном Санкт-Петербурге, а в Москву они приходили извне. Например, такими проявлениями стали массовые беспорядки, возникавшие в среде призванных на войну военнообязанных, состоявших в запасе армии.

Так, 25 октября 1904 года в Москву из города Кадникова Вологодской губернии прибыл эшелон мобилизованных запасников численностью в 1000 человек. Сопровождала его воинская команда от 7-го гренадерского Самогитского полка в составе командира 4-й роты штабс-капитана М. Ф. Михайлова, поручика Н. Н. Рахманова и 32 безоружных нижних чинов. Эшелон этот должен был после кратковременной остановки следовать далее в город Тюмень.

Состав приняли в 6 часов утра на станцию Москва-Товарная Московско-Казанской железной дороги. Запасники начали требовать накормить их. Через два часа им объявили, что желающие могут проследовать строем в Крутицкие казармы для получения пищи. Желающих оказалось около 400 человек. Их отправились сопровождать поручик Рахманов и 12 гренадеров.

Поскольку пьяные беспорядки со стороны мобилизованных уже не были редкостью, местная полиция постаралась принять соответствующие меры. Пристав 1-го участка Лефортовской части направил полицейские наряды на

Крутицкие казармы. Фотооткрытка. 1913

станцию, во все ближайшие трактиры и пивные лавки. Но этого оказалось недостаточно.

До Крутицких казарм поручик Рахманов довел лишь около 150 человек. Остальные разошлись по улицам. А запасники, оставшиеся на станции, смели безоружную команду штабс-капитана Михайлова с полицейским нарядом и тоже двинулись в город. По дороге они разгромили несколько трактиров и булочную Филиппова, приставали к прохожим, требовали от извозчиков бесплатно везти их, били стекла в домах.

Для «усмирения буйствующих» на станцию прибыла вооруженная воинская команда — один офицер и 48 нижних чинов из 12-го гренадерского Астраханского полка. А местный полицейский пристав вывел на улицу всех своих подчиненных. Но этих сил было мало.

Тогда полицмейстер 3-го отделения полковник В. М. Яфимович обратился к обер-полицмейстеру Москвы генерал-майору Д. Ф. Трепову с просьбой задействовать более значительные войсковые подразделения. Обер-полицмей-

стер поднял по тревоге эскадрон Московского жандармского дивизиона и связался по телефону с начальником штаба Московского военного округа. Тот направил в район, где происходили беспорядки, батальон из состава 221-го пехотного Троицко-Сергиевского полка.

Генерал Трепов, взяв с собой команду этого полка во главе с подпоручиком Тухановым, сам прибыл на станцию. Солдаты перекрыли все выходы со станции в город. В это время другие команды патрулировали улицы. Они задерживали запасников и отправляли их на станционный двор. Обер-полицмейстер решил, что «водворил порядок», и уехал домой, оставив командовать на станции полковника Яфимовича и подпоручика Туханова. А в это время к станции стали толпами возвращаться из города многочисленные пьяные запасники. Увидев патрули и оцепление из солдат, они вооружились камнями и поленьями. Между мобилизованными запасниками и солдатами Московского гарнизона начало разворачиваться настоящее сражение.

На место беспорядков вернулся обер-полицмейстер Трепов, а также прибыл полковник Э. В. Сила-Новицкий, командир Троицко-Сергиевского полка. Последний принял командование сражением на себя. Тем временем запасники перешли в наступление. Под градом камней и поленьев солдаты начали отступать. Ушибы получили полковник Сила-Новицкий, подпоручик Туханов и поручик Ахшарумов. Причем поручик получил сильный ушиб лица «с переломом зуба». Пострадали 12 нижних чинов. Один из них был тяжело контужен в голову.

Старший воинский начальник скомандовал открыть огонь поверх голов. Солдаты сделали несколько залпов, но это не остановило толпу. Тогда был отдан приказ стрелять дебоширам по ногам. Видимо, большинство солдат стреляли все же не в людей, а в землю перед ними. Но некоторые стрелки то ли из-за неопытности и волнения, то ли по озлобленности целились в толпу. В результате среди запасников было двое убитых, двое тяжелораненых и четверо легкораненых. Так что первые боевые потери они понесли, не доехав до фронта несколько тысяч верст, еще в Первопрестольной.

После обстрела беспорядки удалось подавить. Толпу утихомирили и заперли в вагонах. 17 человек дебоширов арестовали и заключили в ближайшие полицейские дома (изоляторы временного содержания). На следующий день поли-

ция передала их в распоряжение Комендантского управления. Еще 14 трезвых запасников просили не отправлять их с этим эшелоном. Таких оставили до следующего поезда².

В девятом часу вечера железнодорожный состав отправили на восток, к местам боев с японскими войсками. Сражение на станции Москва-Товарная завершилось, но это была лишь прелюдия к куда более страшным и кровавым событиям в Первопрестольной.

Тогдашний главный московский начальник, похоже, предчувствовал это. Московским генерал-губернатором и командующим войсками Московского военного округа (МВО) был великий князь Сергей Александрович, дядя царствовавшего императора. Еще в самом начале Русско-японской войны, 7 февраля 1904 года, генерал-губернатор в зашифрованной телеграмме министру внутренних дел писал: «Убедительно просил бы не ослаблять Московской Полиции. В данную минуту мне каждый человек дорог. Жду ответа. Генерал-адъютант Сергей»³.

Черновик этой телеграммы написан с помощью карандаша, на обороте листа тем же карандашом нарисованы и густо заштрихованы темные грозовые тучи⁴. Это производит сильное впечатление. От рисунка так и веет тревожными предчувствиями.

Почти ровно через год, 4 февраля 1905 года, Сергей Александрович будет убит террористом. А еще через 10 месяцев, во время Декабрьского вооруженного восстания, московские мостовые зальет кровь.

Но пока еще война была далеко от Москвы, а сюда долетали лишь ее отголоски. Например, в городе неожиданно стали распространяться панические слухи о предстоящей приостановке выдачи вкладов из сберегательных касс и о том, что положенные на хранение в кассах денежные средства будут направлены на военные надобности. Москвичи стали массово изымать свои вклады. Поскольку это могло расстроить финансовое обращение, директор Московской государственной сберегательной кассы обратился за помощью к обер-полицмейстеру⁵. Полицейские вынуждены были провести широкую разъяснительную работу среди жителей своих участков. Паника была преодолена.

Другая возникшая из-за войны проблема — переполнение московских тюрем преступниками, приговоренными судом к каторжным работам или

к ссылке на поселение в Сибирь и на Дальний Восток. Раньше осужденных отправляли либо сухим путем по железной дороге и сибирским трактам, либо морем из Одессы на пароходе Добровольного флота «Ярославль». Ежегодно из Московской, Одесской и Самарской пересыльных тюрем этим пароходом вывозили на Сахалин более 2 тысяч человек. Но с началом войны пересылка заключенных в Сибирь была прекращена. Для решения этого вопроса пришлось обращаться не только в Главное тюремное управление, но и к императору. Высочайшим повелением было предписано отправлять ссыльных до окончания войны в северные и северо-восточные губернии европейской части России. А каторжников распределять по московским тюрьмам⁶. Московские власти получили возможность избавиться хотя бы от тех политических преступников, которые за революционную деятельность были осуждены к высылке.

Менее опасным политическим противникам, которые не были подвергнуты заключению, но находились под гласным полицейским надзором, правительство предложило перемирие. Император разрешил им с согласия местных властей поступать рядовыми, действующую армию⁷. В этом случае полицейский надзор с них снимался, и они фактически получали амнистию за свои прошлые антиправительственные поступки. Но гражданский мир между революционерами и императорской властью установлен не был. Наоборот, противостояние нарастало.

У московских полицейских также появилась обязанность бороться против японского шпионажа на подведомственной им территории. Директор Департамента полиции Министерства внутренних дел действительный статский советник А. А. Лопухин сообщил: «...Получены сведения, будто бы некоторые подкупленные Японией корейцы и переодетые в корейское платье японцы занимаются разведками в пределах империи <...> В видах предупреждения злонамеренных замыслов означенных лиц, Департамент Полиции просит <...> собрать сведения об образе жизни, сношениях и деятельности всех находящихся в пределах вверенной Вам местности корейцев и о последующем сообщить Департаменту»⁸.

По узаконенным правилам японцам и корейцам разрешалось «продолжать во время войны свое пребывание и свои мирные занятия в пределах империи».

Вячеслав Константинович Плеве, министр внутренних дел Российской империи в 1902–1904 гг.

Но они подлежали высылке из восточных губерний России на запад.

Министр внутренних дел В. К. Плеве добился от императора предписания московскому генерал-губернатору великому князю Сергею Александровичу и обер-полицмейстеру Трепову «в случае если во вверенных им местностях проживают японские подданные, иметь за деятельностью таковых особо тщательный надзор и при малейших попытках с их стороны к совершению деяний, могущих в каком бы то ни было отношении причинить вред государству, входить <...> с представлениями о безвозвратной высылке их <...> за границу»⁹.

В начале войны никаких японцев и корейцев в Москве обнаружено не было. Но вскоре они появились. 7 марта 1904 года сюда прибыли высленные из Иркутска два корейца

Че Сун Хе и Ким Чан Иль. На прежнем месте они работали на табачной фабрике, но в Москве устроиться не смогли. Первый из них немного говорил по-русски, второй же новым языком не овладел. Средств к существованию здесь у них не было. Обеспечивать их должна была корейская миссия в Санкт-Петербурге. Но она на запросы из Москвы не отвечала. Судьбой попавших в тяжелейшую ситуацию переселенцев обеспокоился обер-полицмейстер Трепов. Он не только надзирал за корейцами, но и заботился о них. Генерал подыскал им жилье, распорядился выплачивать пособие по 30 копеек в день, а потом устроил на работу. Че Сун Хе настолько прижился в Москве, что принял православие под именем Григорий¹⁰.

27 августа того же года в Москву доставили 10 пленных японских офицеров¹¹. Военные власти передали их под надзор московской полиции без каких-либо указаний относительно режима содержания и надзора. Японцев поместили под охраной полицейских в гостинице Клеева на Домниковской улице. Оказалось, что место выбрано неудачно. Улица была многолюдной, и каждое появление на ней японцев собирало толпу. Полицейские при этом видели свою главную задачу в защите пленных от возможных враждебных проявлений со стороны толпы. Кроме того, гостиница была доступна для самых разных людей. Полицейские опасались, что среди них могут оказаться «неблагонадежные элементы», которые попытаются установить контакты с пленными. Московские власти просили МВД больше не присылать к ним военнопленных, а еще перевести японских офицеров в другую губернию или разрешить отправить их «в уездный город, где есть воинские части, например, в Серпухов». Но согласия на перемещение пленных из Москвы они не получили. Тогда для японцев нашли место в пригороде, в уединенно расположенной богадельне. Там для них освободили отдельное строение, где имелась даже своя кухня, и установили полицейский пост.

В МВД родилась идея усилить полицию в восточных районах империи за счет отправления туда на время войны служащих из других регионов. Но великий князь Сергей Александрович отразил попытку ослабить полицию в Москве. 10 июня 1904 года министр внутренних дел Плеве вынужден был сообщить, что «распоряжение о командировании чинов Московской Полиции в Иркутск отклонено»¹².

Но война внешняя влекла за собой разгорание внутренней войны в Российской империи. В начале декабря 1904 года революционеры организовали и провели в Москве митинги и демонстрации. Власти расценили это как уличные беспорядки и ликвидировали их с помощью силы. 5 и 6 декабря в городе ввели усиленные наряды войск и полиции. В них были задействованы все три полицеймейстера, 22 пристава, 26 помощников приставов, 100 околоточных надзирателей, 1000 городских, 3-й драгунский Сумской полк в полном составе, 16 рот пехоты, 3 $\frac{1}{2}$ сотни казаков и 2 эскадрона конных жандармов¹³. Для составления этих нарядов было приказано «городовых с постов 3 разряда снять, а на постах 2 разряда, сняв городских, заменить их ночными сторожами и дворниками».

Чтобы выявить пострадавших при подавлении волнений их участников, охранное отделение полиции предписало участковым приставам «немедленно и срочно сообщить отделению <...> о всех случаях обращений за медицинской помощью в больницы и другие лечебные заведения вверенного вам участка...»¹⁴.

Противостояние революционной оппозиции и государственной власти все более обострялось. Беспрестанные военные поражения российских войск, огромные человеческие жертвы, значительное снижение уровня и ухудшение условий жизни вели к тому, что в обществе усиливался раскол. Все большее число людей отказывало императорскому правительству в доверии и начинало сочувствовать, а то и содействовать экстремистам-революционерам. Власти, в том числе правоохранители, теряли уверенность в правильности своих действий. А революционеры все решительнее стремились разрушить существующую государственную систему. На пороге уже стояли сильнеешие потрясения.

Московская полиция: структура и численность

В начале XX века московская полиция успела отметить 180-летний юбилей своего существования. Она имела значительный опыт борьбы с уголовной и политической преступностью, развитую организационную структуру. Численность полицейских, на первый взгляд, была довольно значительной. Но вот была ли она достаточной для тогдашней Москвы, крупного города со сложным составом населения. К тому же в то время российское общество, особенно в крупных городах, находилось в состоянии растущего социального раскола и обостряющегося политического кризиса.

Действовавший штат Московской городской полиции был утвержден 5 мая 1881 года. При его составлении в расчет была взята численность населения Москвы, определенная переписью 1871 года: 602 тысяч жителей. Однако во внимание не приняли уже начавшийся в то время стремительный рост здешнего населения. Как показала перепись 1882 года, за 10 лет оно увеличилось больше чем на 150 тысяч человек. И в дальнейшем этот рост постоянно ускорялся. Поэтому сразу же после введения в действие штата 1881 года выяснилась его недостаточность.

Медаль «За труды по первой всеобщей переписи населения 28 января 1897»

Нагрудный знак счетчиков 1-й Всероссийской переписи населения. 1897

В 1897 году в стране прошла Первая Всероссийская перепись населения, которая показала, что в Москве постоянно проживают уже 1035 тысяч человек. В 1881 году средняя численность населения в полицейских участках Москвы составляла 18 750 человек, а в 1897 году она достигла уже 25 610 человек. Это усредненная численность, а на деле во многих участках количество жителей удвоилось. Самыми населенными были 2-й участок Пресненской части, 2-й участок Пятницкой части и 2-й участок Рогожской части. В каждом из них проживали более 40 тысяч человек. Ober-полицмейстер считал, что для успешного поддержания общественного порядка, такие участки надо делить пополам. А для этого требовалось учреждение новых участковых полицейских управлений и соответственное увеличение количества служащих полиции.

Самую быстрорастущую и самую беспокойную для полиции группу населения составляли вчерашние крестьяне, переселившиеся в Москву. Здесь они становились фабричными рабочими, ремесленниками, работниками торговых и промышленных заведений, людьми без определенных занятий. Уровень жизни у них был низким, труд — тяжелым и неблагодарным, перспектив на

улучшение — очень мало. Они не имели хорошего жилья и «размещались по коечным и ночлежным квартирам». Такие слои населения были подходящей средой для развития криминала и политического экстремизма всех видов.

Другой «головной болью» для правоохранителей стали студенты вузов и старшекласники средних учебных заведений. Криминальных проявлений в этой группе населения было мало, зато политическая оппозиционность государственной власти процветала.

Еще один фактор, осложнявший поддержание порядка и борьбу с преступностью, — это обширность городской территории, сложность ее застройки и планировки. Общая площадь города составляла около 90 кв. верст, то есть около 102 км². Долгое время границей Москвы считался Камер-коллежский вал, но теперь город выплеснулся за его пределы, и почти треть городской территории находилась уже за валом. И она продолжала увеличиваться все быстрее. Это тоже требовало создания новых полицейских участков и усиления полиции.

В черте города насчитывалось 1418 улиц, за чертой — 105. Их общая протяженность — 580 верст (618 км). Это почти столько же, сколько по прямой от Москвы до Петербурга, и больше, чем от Москвы до Нижнего Новгорода, Воронежа, Курска или Смоленска. И даже больше, чем от Москвы до современных границ Латвии или Украины.

Жилых строений в Первопрестольной было более 47 тысяч, фабрик и заводов — до 400, мастерских «с паровым двигателем» — до 300. А еще Москва была крупным железнодорожным узлом. И это тоже усложняло задачу по обеспечению правопорядка и безопасности. С разных сторон Российской империи сюда тянулись шесть уже действующих и четыре строящихся линии железных дороги. Поезда ежедневно привозили в город множество людей, имеющих самые разные намерения.

Похожая ситуация была и в других крупнейших городах империи. Но даже по сравнению с ними, в отношении численности полиции Москва находилась в более сложном положении. По расчетам обер-полицмейстера, в 1898 году в Петербурге на одного полицейского чиновника приходилось 8207 человек населения, на одного околоточного надзирателя — 3193 человека, на одного городского — 590 человек, а в Москве: на одного полицейского чиновника —

10 392 человека, на одного околоточного надзирателя — 5196 человек, на одного городского — 737 человек, то есть значительно больше.

В Положении о Московской городской полиции от 5 мая 1881 года¹⁵ говорилось, что возглавляет ее обер-полицмейстер, подчиняющийся генерал-губернатору. 24 мая 1893 года была учреждена должность помощника (заместителя) обер-полицмейстера.

Непосредственно обер-полицмейстеру подчинялись органы общего (то есть центрального) управления полицией в Москве. Это управление составляли четыре чиновника для особых поручений, канцелярия, адресный стол, общий полицейский архив, врачебно-полицейское управление, врачебно-полицейский комитет, полицейский телеграф. Данные учреждения выполняли вспомогательные функции и не участвовали в непосредственном противостоянии преступникам. Зато они способствовали тем подразделениям полиции, которые делали это. Еще в состав общего управления входили московский брандмайор (начальник пожарной охраны города), сыскная часть и полицейский резерв.

В административно-полицейском отношении Москва до 1881 года делилась на 3 городских отделения (по-современному говоря, это были административные округа) и 17 городских частей (районов). Но по новому положению полицейские управления частей расформировали и вместо них создали 40 полицейских участков. Управление еще одного участка (Петровско-Разумовского) сформировали по дополнительному штату от 14 июня 1895 года. Таким образом, к концу XIX века количество административных районов увеличилось более чем в два раза.

Руководство местной полицией осуществлялось в каждом отделении города соответствующим полицмейстером, а в каждом участке — участковым полицейским приставом. Пристав возглавлял управление полицейского участка — учреждение аналогичное современному районному отделу внутренних дел. В состав управления, кроме пристава, входили один или два его помощника и письмоводитель, а с 1893 года еще и помощник письмоводителя. И это при численности жителей на территории участка, доходившей до 40 тысяч человек.

Приставу подчинялись околоточные надзиратели и городовые наружной полиции. Они составляли так называемую полицейскую стражу, фактически

патрульно-постовую службу. Околоточный надзиратель соединял в своих руках функции современного участкового оперуполномоченного и командира подразделения патрульно-постовой службы. В своем околотке он осуществлял непосредственный надзор за всеми жителями, доводил до их сведения требования законов и распоряжения администрации, следил за исполнением этих требований. Надзиратель был обязан несколько раз в сутки обходить подведомственную ему территорию, немедленно устранять все беспорядки, своевременно появляться на месте всякого происшествия или преступления. Также он руководил службой городских своего околотка.

Городовые несли круглосуточную трехсменную службу по охране общественного порядка и безопасности на постах, в патрулях, при обходах и облавах, при массовых мероприятиях и участвовали в других действиях полиции по борьбе с преступностью.

Штат 1881 года с дополнениями 1893 и 1895 годов определял количество служащих наружной полиции следующим образом: полицмейстеров — 3 человека, участковых приставов — 41 человек, старших помощников приставов — 41, младших помощников приставов — 21, письмоводителей — 41, помощников письмоводителей — 40, околоточных надзирателей — 204, городских — 1424 человека¹⁶.

Еще в состав местного полицейского управления входили 16 полицейских домов. В них размещались полицейские учреждения и пожарные команды, приемные покои для людей, пострадавших от преступных покушений и несчастных случаев, полицейские медики и камеры для арестованных.

В каждый такой дом назначались чиновник-смотритель, околоточный надзиратель, помогавший ему, и команда полицейских служителей. Служители содержали в чистоте полицейские помещения и камеры арестантов, готовили горячую пищу для полицейских и арестованных, охраняли камеры, наблюдали за арестантами, конвоировали их при перемещениях, доставляли официальную полицейскую почту по назначению.

Всего в служительской команде должно было числиться: смотрителей — 16 человек, околоточных надзирателей — 16 человек, полицейских служителей — 400 человек (после формирования Петровско-Разумовского участка их стало 402 человека). Служители распределялись так: при участковых

Городской арестный дом на Хавской улице. Фотография 1900-х

управлениях состояли 82 человека (по 2 человека на участок), при полицейских приемных покоях — 16 человек, кашеварили 16 человек, дежурили при конторах смотрителей полицейских домов 32 человека, убирали помещения 16 человек, разносили пакеты 32 человека, дежурили при арестантских помещениях 102 человека, занимались конвоированием арестованных 106 человек.

За 1897 год количество арестованных, побывавших в полицейских домах, составило 76 896 человек¹⁷. Понятно, что указанного числа полицейских служащих было явно недостаточно. Особенно если учитывать, что арестантов тогда конвоировали пешком или перевозили на извозчиках.

Непосредственно обер-полицмейстеру подчинялся полицейский резерв, который выполнял две функции. Во-первых, это было учебное подразделение московской полиции и здесь проходили теоретическое и практическое обучение полицейской профессии кандидаты на должности полицейских чиновни-

ков и городских. Во-вторых, резерв служил для усиления наружной полиции в случае необходимости, например, при проведении массовых полицейских мероприятий. В этом подразделении постоянную службу несли два человека — начальник резерва и фельдфебель (он же — писец). А обучение одновременно проходили 10 чиновников резерва и 150 городских¹⁸.

Так же напрямую обер-полицмейстеру была подведомственна Московская сыскная полиция (МСП). Это специализированное уголовно-розыскное учреждение (предшественница Московского уголовного розыска). Задача МСП — борьба с наиболее опасными преступлениями (убийствами, разбоями, грабежами, поджогами), с высококвалифицированной профессиональной преступностью (в том числе с крупными и серийными кражами и мошенничествами), с организованными преступными сообществами (бандами или шайками преступников). Штат Московской сыскной полиции включал в себя 17 должностей. Кроме того, при МСП была организована служительская команда из четырех человек¹⁹.

В 1899 году для надзора за рабочими промышленных предприятий в Российской империи была учреждена фабрично-заводская полиция. Для Москвы ее штат составил 14 полицейских надзирателей и 79 (с 1902 года — 80) городских²⁰.

В Москве располагались еще два правоохранительных подразделения, которые не входили в состав московской полиции, но активно участвовали в охране порядка и борьбе с преступностью. Они имели двойное подчинение: обер-полицмейстеру и Московскому губернскому жандармскому управлению.

Первое из этих подразделений — Московское охранное отделение (МОО). Это было оперативно-розыскное учреждение политической полиции, главной задачей которого являлась борьба с революционерами. Члены подпольных экстремистских революционных организаций нередко совершали тяжкие преступления. Например, проводимые ими «экспроприации» полиция квалифицировала как разбои, а террористические акты — как убийства или покушения.

В оперативном распоряжении обер-полицмейстера находилась и воинская конная часть — Московский жандармский дивизион (МЖД), состоявший из двух эскадронов. По тогдашним штатам в нем числилось 27 офицеров и классных чинов, 458 нижних чинов и 241 лошадь.

Таким образом, к началу XX века московский обер-полицмейстер для обеспечения порядка в городе и борьбы с преступностью имел возможность использовать две с половиной тысячи полицейских и полтысячи жандармов. При этом он считал, что эти силы необходимо увеличить примерно в полтора раза. И это было обосновано.

С 1881 года численность населения в Москве выросла на 300 тысяч человек. Штат же полиции увеличился на 166 человек, что произошло за счет введения 40 должностей помощников письмоводителей, сформирования Петровско-Разумовского участка (к имеющемуся штату добавились 33 новые должности) и учреждения фабрично-заводской полиции (93 должности). Ну, правда, еще была добавлена генеральская должность помощника обер-полицмейстера.

Настаивая на необходимости усиления полиции в Москве, обер-полицмейстер писал, что на территории города в существующих границах необходимо создать по крайней мере три новых полицейских участка с соответствующим штатом. В прежних же участках требовалось увеличить количество полицейских чиновников. Во-первых, это было связано с ростом числа дел, в них разбираемых. Во-вторых, ежедневно в среднем девять помощников приставов отвлекались от службы в участках и заступали в общегородские наряды. Забрать чиновников для этого можно было только из тех участков, где было по два помощника пристава. А таких участков насчитывалось всего 21. Значит, практически через сутки участковое управление лишалось одного из своих офицеров.

Также в общегородские наряды каждый день в среднем назначалось 40 околоточных надзирателей, то есть $\frac{1}{5}$ часть их наличного состава. А еще надзиратели по очереди несли дежурства при участковых управлениях. То есть два дня из шести надзиратель был оторван от своего околотка.

Средний околоток в Москве имел свыше 5 тысяч жителей и до 250 домов. Обер-полицмейстер рассчитал, что эффективно выполнять все свои служебные обязанности надзиратель может только при условии, что в околотке проживает не более 3 тысяч человек. Поэтому старший полицейский начальник Москвы просил добавить к имеющимся 204 надзирателям еще 110 человек. Из них 89 человек должны были бы заведовать вновь созданными околотками,

а 21 человек — нести службу на вокзалах и в других общественных местах, где требовалось «усиленное и непрерывное наблюдение»²¹.

В новых околотках планировалось учредить 224 дополнительных полицейских поста. Для этого потребовалось бы 672 городских. Также обер-полицмейстер хотел учредить 12 постов на действующих вокзалах и 9 постов на вокзалах, готовящихся к открытию. Это еще 63 человека. А всего нужно было 735 человек новых городских.

В штат полицейского резерва следовало ввести должности одного старшего и одного младшего помощников начальника, 10 околоточных надзирателей и 75 городских. А количество служителей полицейских домов увеличить на 100 человек. Обер-полицмейстер предлагал для каждого полицейского дома приобрести пару лошадей и крытую повозку, чтобы перевозить арестантов. Такие «автозаки» могли бы облегчить конвоирование и предотвращать попытки арестантских побегов.

Наконец, после многократных попыток старания обер-полицмейстера увенчались частичным успехом. 4 февраля 1902 года был принят новый должностной штат московской полиции²². Штат предусматривал создание в Москве 42-го полицейского участка (3-го участка Пресненской части), для которого были введены пять должностей полицейских чиновников. Еще добавили 20 должностей младших помощников приставов для тех участков, где ранее такой должности не было. Увеличили численность полицейской стражи на 84 должности надзирателей и 506 должностей городских.

Изменилась и организационная структура полицейского резерва. Начальнику этого подразделения дали двух помощников, старшего и младшего. Для руководства городскими во время несения службы в резерв назначили пять околоточных надзирателей, но зато упразднили 10 должностей чиновников резерва. Таким образом общее количество служащих резерва уменьшилось на три человека.

Численность служительской команды осталась прежней, даже несмотря на учреждение нового полицейского участка.

16 декабря того же года штат полиции получил дополнение. Сделано это было по ходатайству Московского акцизного управления. Дело в том, что на дворах казенных винных складов часто возникали беспорядки. Происходило

такое во время получения вина и спирта приказчиками и работниками владельцев частных питейных заведений. Для предотвращения или пресечения беспорядков учредили шесть должностей городских²³.

Теперь общая численность участковых управлений, полицейской стражи, полицейского резерва и полицейской служительской команды составила 3120 человек. Вот с такими силами полиция Москвы и встретила начало революции в России.

Старшие полицейские начальники

С 1891 года должность московского генерал-губернатора занимал великий князь Сергей Александрович, пятый сын (неважно пятый или нет) императора Александра II. Сергей Александрович родился в 1857 году и с этого же года числился на действительной государственной службе. К 1905 году он дослужился до чина генерал-лейтенанта, стал императорским генерал-адъютантом и членом Государственного совета (высшего законосовещательного органа империи), шефом нескольких воинских частей, попечителем различных благотворительных обществ. Как ближайший царский родственник он имел все высшие ордена Российской империи²⁴.

Во время коронации императора Николая II в мае 1896 года в Москве произошла страшная трагедия на Ходынском поле. Тогда в давке погибло и пострадало множество людей, собравшихся на празднество. Главным виновником этого, конечно же, был генерал-губернатор, в первую очередь отвечающий за порядок и безопасность во вверенной ему местности. Несмотря на это, Николай II благоволил к своему дяде, в том же месяце назначил его командующим войсками Московского военного округа (МВО), повысил в чине, а еще вручил ему высшую личную императорскую награду — свой портрет, украшенный бриллиантами. Сергей Александрович был почти не подконтролен своим начальникам по службе — военному министру и министру внутренних дел. Фактически он играл роль одного из советников императора по политическим вопросам и его заместителя в Москве.

По своим взглядам великий князь являлся крайним консерватором, антисемитом, сторонником жесткого подавления любой оппозиции, особенно революционного экстремизма. Поэтому революционеры считали его одним из главных своих врагов.

Московский генерал-губернатор
великий князь Сергей Александрович

Жена Сергея Александровича великая княгиня Елизавета Федоровна была родной сестрой императрицы Александры Федоровны. Великую княгиню в семье Романовых все очень любили. Она много занималась благотворительностью. Ныне прославлена Русской православной церковью в лике святых²⁵.

Детей у Сергея Александровича и Елизаветы Федоровны не было. Они взяли на воспитание своих племянников — мальчика и девочку. Мать этих детей умерла, а отец, великий князь Павел Александрович, со скандалом женился во второй раз на своей многолетней любовнице и из-за этого вынужден был уехать за границу.

Московской полицией с сентября 1896 года руководил обер-полицмейстер Дмитрий Федорович Трепов. За несколько лет он стал одним из лучших полицейских начальников в империи, хотя до назначения на должность московского обер-полицмейстера он вообще не имел ни малейшего опыта полицейской службы.

Дмитрий Федорович родился в декабре 1855 года. В 11-летнем возрасте был зачислен в Пажеский Его Величества корпус — самое привилегированное учебное заведение Российской империи. Попастъ туда могли лишь дети из семей правящей элиты, а его отец, полный генерал Федор Федорович Трепов, с 1866 по 1878 год был сначала обер-полицмейстером, а потом — градоначальником столичного Санкт-Петербурга.

Выпускников корпуса ждала служба при Высочайшем дворе или в лейб-гвардии. Они были лично известны членам Императорской фамилии, всегда находились на виду, со временем им доставались высшие государственные должности и многочисленные награды.

В 1874 году Дмитрий Трепов закончил обучение «по 1-му разряду», то есть с отличием, и был выпущен корнетом в лейб-гвардии Конный полк. В этой воинской части и прошла большая часть его службы. Конногвардейцем он оставался 22 года.

Когда началась Русско-турецкая война 1877–1878 годов, молодой офицер решил принять в ней участие. Для этого он был временно прикомандирован к лейб-гвардии Гусарскому полку. 6 августа 1877 года Трепов выступил в поход, 24 августа пересек границу Российской империи, 11 сентября участвовал в форсировании Дуная.

12 октября 1877 года Трепов в составе отряда полковника А. А. Челищева участвовал в атаке на город Телиш и был ранен. За этот бой его наградили орденом св. Станислава 3-й степени с мечами и бантом. После ранения Трепов оставался на службе в зоне боевых действий, но в сражениях больше не участвовал. По окончании войны он вернулся в свой полк. Его произвели в поручики и повторно наградили за тот же бой орденом св. Анны 4-й степени с надписью «За храбрость». Вероятно, это было сделано, чтобы блестящий молодой человек из высшего общества не чувствовал себя обделенным наградами. Ведь другие выпускники Пажеского корпуса, побывавшие на театре военных действий, получили по 3–4 российских награды, да еще по несколько наград от союзных правительств.

В Конногвардейском полку Трепов прошел все ступени офицерской карьеры. В разное время он занимал должности члена и председателя полкового суда, полкового казначея, бригадного и полкового адъютанта, заведывающего учебной командой, командира эскадрона, помощника командира полка по строевой части. Он дослужился до чина полковника, получил несколько российских и иностранных орденов и медалей, право носить императорский вензель на эполетах и погонах.

В 1896 году Дмитрий Федорович резко меняет курс своей служебной деятельности. Продолжение карьеры потребовало оставить свой полк. На тот

Московский обер-полицмейстер
Дмитрий Федорович Трепов

момент должность полкового командира в лейб-гвардии Конном полку была занята. Впрочем, оставалась возможность дожидаться, пока освободится аналогичная должность в каком-либо из гвардейских полков, или перейти на более высокую должность в армейскую кавалерию. Трепов же вообще оставляет воинскую службу и переводится в МВД.

Очевидно, это было связано с личной просьбой великого князя Сергея Александровича. Прежний московский обер-полицмейстер был уволен после Ходынской трагедии. И теперь великому князю требовался на эту должность очень надежный человек. Сергей Александрович выбрал на эту роль Трепова и не ошибся.

12 сентября того же года Дмитрий Федорович был назначен «исправляющим дела московского полицмейстера», 18 сентября исключен из списков Конногвардейского полка, 25 сентября прибыл к месту службы. 9 апреля 1900 года с присвоением за отличия по службе звания генерал-майора он был утвержден в должности.

С новым для него делом Трепов справлялся весьма успешно. Император Николай II во время своих визитов в Москву обращал внимание на «примерный во всех отношениях порядок» и оставался «вполне довольным». В 1898 и 1900 годах он объявлял свое Высочайшее благоволение начальнику московской полиции. За отличие по службе в 1900 году Дмитрий Федорович стал генерал-майором. Он получил ордена св. Владимира 3-й степени, св. Станислава 1-й степени и множество иностранных орденов. А еще вдовствующая императрица Мария Федоровна, возглавлявшая благотвори-

тельное ведомство, назначила его почетным членом Совета московских детских приютов²⁶.

Дмитрий Федорович был женат на дочери статского советника Софии Сергеевне Блохиной. Она родила ему четырех дочерей. В 1904 году старшей из них Софии было уже 22 года и она успела выйти замуж. Младшей Вере исполнилось всего 7 лет. И сам Трепов и его жена были весьма состоятельными людьми. Помимо высокооплачиваемой должности, он имел очень крупное поместье (более 3 тысяч десятин земли) в Киевской губернии, супруга же владела большим поместьем (почти 1,5 тысячи десятин) в Орловской губернии.

На службе Трепов подобрал себе команду отличных профессионалов. Он был вполне доволен работой всех старших начальников московской полиции. В 1903 году по его представлению были произведены в генерал-майоры помощник обер-полицмейстера И. Н. Руднев и бренд-майор В. З. Лихтанский. А в следующем году Трепов представил к производству в генеральские чины всех трех московских полицмейстеров — полковника барона А. Р. Будберга, полковника В. М. Яфимовича и статского советника К. В. Свешникова²⁷. Для начальника охранного отделения титулярного советника С. В. Зубатова обер-полицмейстер добился исключительной по размеру денежной награды в 5 тыс. рублей²⁸.

В 1900 году Трепов рекомендовал на пост руководителя Московской сыскной полиции Василия Ивановича Лебедева. Через несколько лет тот станет самым выдающимся сыщиком Российской империи и основателем всероссийского уголовного розыска, а также экспертно-криминалистической и кинологической служб в российской полиции. По штату должность начальника МСП была полковничьей и на нее имелись претенденты в высоких чинах. А Лебедев на то время состоял всего лишь в чине поручика (по-современному, старшего лейтенанта). Но обер-полицмейстер сумел увидеть в нем необходимые для уголовно-розыскной службы качества и настоял на своем выборе. Вскоре Лебедев уже имел «штаб-офицерский» чин.

Трепов умело руководил своими подчиненными и по-настоящему заботился о них. И забота эта распространялась не только на полицейских в солидных чинах, но и на тех, кто выполнял обязанности по охране общественного порядка в низших должностях — городских, сторожей, дворников. Так в цир-

куляре обер-полицмейстера участковым приставам от 3 августа 1899 года говорилось: «Предлагаю вашему благородию немедленно предложить всем домовладельцам вверенного вам участка снабдить дворников непромокаемыми накидками»²⁹. Документов такого характера много и они весьма показательны.

Дмитрий Федорович заботился и о семьях тех полицейских, которые уже не могли нести службу. Отставных и больных полицейских, вдов и сирот погибших защитников правопорядка он никогда не считал отработанным материалом и лишней обузой. Даже оставив уже пост московского обер-полицмейстера, он будет продолжать хлопотать о пенсиях и пособиях для них.

2 января 1905 года в Москве, на вокзале Николаевской железной дороги, произошел случай, еще раз показавший всем присутствовавшим, что революция «не за горами». Сергей Александрович уезжал на два дня в Петербург к императору. Среди провожавших его людей был и Трепов. Это событие описали сам великий князь и его адъютант Владимир Федорович Джунковский. Вот что рассказывал Джунковский: «Как только великий князь простился со всеми и, пожав руку Трепову, вошел в вагон <...> раздался выстрел. Обернувшись, я увидел юношу в фуражке какого-то учебного заведения, который, стоя перед Треповым в трех шагах, стрелял в него из револьвера почти в упор. Все как будто остолбенели и смотрели, как юноша палил из револьвера <...> пока один жандармский унтер-офицер не схватил стрелявшего за руку <...>. Трепов остался невредим <...>. Оказалось, что стрелял студент Полторацкий, бежавший из арестного дома Пречистенского приемного покоя для испытуемых психических больных»³⁰.

Рассказ великого князя более лаконичен и более эмоционален. «Когда я вошел в вагон — молодой человек подошел к Трепову и 3 раза стрелял в него из револьвера. Когда я выскочил на платформу — его уже держали — я к Трепову — осмотрел его со всех сторон и, убедившись, что, слава Богу он невредим — уехал!! Ужасное впечатление. Помилуй Бог!!»³¹ К этому времени Сергей Александрович окончательно разочаровался в своих возможностях успешно управлять Москвой и ее губернией в условиях революционного кризиса. Поэтому он решил оставить пост московского генерал-губернатора, сохранив за собой должность командующего войсками МВО.

Император Николай II забрал из Москвы и Трепова. Как сообщает Джунковский, Дмитрия Федоровича направили в распоряжение командующего всеми сухопутными и морскими силами на Дальнем Востоке генерал-адъютанта А. Н. Куропаткина. Причина такого назначения не ясна. Трепов больше восьми лет находился на полицейской службе. Ситуация с внутренним порядком в империи заметно ухудшилась. Зачем нужно было оправлять опытного полицейского начальника в армию? Тем более что ему даже не нашлось определенного служебного поста.

Можно только предположить, что тогдашнее руководство МВД хотело избавиться от всех крупных фигур из «московского клана» великого князя Сергея Александровича. Тогда же убрали из Москвы помощника генерал-губернатора А. Г. Булыгина, который стал членом Государственного совета.

Вскоре Трепов получил назначение на пост Петербургского генерал-губернатора. В апреле 1905 года он стал кроме того товарищем (заместителем) министра внутренних дел и командующим Отдельным корпусом жандармов (ОКЖ), то есть возглавил всю полицию империи. Но справиться с нарастающим революционным кризисом он не смог и в октябре того же года оставил эти посты и был переведен на должность дворцового коменданта.

В историю Дмитрий Федорович вошел, издав приказ для полицейских, в котором говорилось: «...Холостых залпов не давать и патронов не жалеть». Это не вполне справедливо. Он пытался перевести протестное рабочее движение в мирное русло и вести с предводителями этого движения диалог, даже несмотря на сопротивление этому со стороны вышестоящих властных инстанций. Но из этого ничего не вышло.

Позже Трепов служил в Дворцовом ведомстве, был комендантом Петергофского и Зимнего дворцов. Нет, он был дворцовым комендантом, то есть отвечал за охрану лично императора. Фактически в это время он оставался советником императора по внутривластным вопросам. Скончался Дмитрий Федорович в сентябре 1906 года.

А в начале 1905 года Москва разом лишилась и генерал-губернатора, и обер-полицмейстера. Воспользовавшись этим, император Николай II решил провести реорганизацию административного управления в Первопрестольной. Видимо, такой проект уже был подготовлен заранее. Но для его реализации

нужно было «подвинуть» московского наместника с его поста. И вот теперь это произошло.

Больше всех заинтересовано в реорганизации было МВД. Его руководители хотели повысить эффективность управления Москвой, поставить тамошние власти под более жесткий контроль центральных органов. Императорским чиновникам удалось убедить монарха. Указом от 1 января 1905 года Николай II объявил, что счел нужным не замещать должности московского генерал-губернатора и его помощника «впредь до наших указаний»³². Это значит, что Москву и Московскую губернию разделили в отношении административного и полицейского управления, а их старших начальников подчинили непосредственно министру внутренних дел. Этим же указом в Москве учредили должности градоначальника и его помощника, упразднив должности обер-полицмейстера и его помощника. Служебные функции градоначальника, его властные права и степень самостоятельности расширились по сравнению с теми, которыми обладал обер-полицмейстер. Все служебные вопросы, ранее решавшиеся генерал-губернатором, теперь разделили «по принадлежности». Те из них, которые касались исключительно местных проблем, возложили либо на московского губернатора, либо на московского градоначальника. А те, что затрагивали общеимперские проблемы, передали министру внутренних дел. В указе оговаривалось, что все эти нововведения делаются «временно». Значит, император не был уверен в правильности данного решения и оставлял себе возможность «отыграть назад». Но сроки деятельности Московского градоначальства не были определены. Поэтому, как и следовало ожидать, его существование из временного превратилось в постоянное.

Руководитель московской городской администрации официально получил статус правителя одного из столичных городов империи. А городская полиция стала называться Московской столичной полицией.

Но проблема усиления эффективности управления Первопрестольной еще не была решена. Как известно, «кадры решают все». На новые должности нужно было назначить людей, наилучшим образом подходящих для этого. Процесс смены руководителей в кризисной ситуации — опасное дело. Пословица советует не менять коней на переправе. Но государственные властители к народной мудрости прислушиваются редко.

Городовой на Сретенке.
Фотография 1890-х

Старшим среди оставшихся московских полицейских начальников оказался бывший помощник обер-полицмейстера генерал-майор Иван Николаевич Руднев. Это был опытный служака, хорошо владевший полицейским делом, знавший ситуацию в городе.

Полковник В. Ф. Джунковский, ставший вскоре московским вице-губернатором, отзывался о Рудневе так: «Руднев, хотя и был прекрасным человеком, честным и благородным, но в то же время был слабоволен, нераспорядителен и совершенно не годился ни на какую самостоятельную административную должность». Сейчас трудно сказать, насколько такой отзыв был справедливым. В дальнейшем Руднев не раз будет временно исполнять обязанности градоначальника. И при этом он не допустит ни одного провала, в отличие от тех генералов, что будут сменять друг друга во главе градоначальства.

Можно было назначить Руднева градоначальником, а его помощником сделать кого-либо из московских полицмейстеров. Самым энергичным и деятельным из них был генерал-майор барон Андрей-Эбенгард-Рейнгольд Романович Будберг. Он 10 лет возглавлял 1-е отделение Москвы, в которое входила и центральная часть города с Кремлем, главными храмами и площадями. В свое время обер-полицмейстер Трепов, представляя Будберга к генеральскому званию, дал ему отличную аттестацию. Там отмечалось, что «он, кроме обычной своей деятельности, всегда заведует нарядами в таких исключительных случаях, как Высочайшие приезды, парады войск на Театральной площади и духовные торжества...».³³ Следовательно, Будберг умел организовывать мероприятия по предотвращению и пресечению массовых беспорядков. Недо-

статками Будберга были его излишняя резкость и грубость в отношениях с окружающими, в том числе с подчиненными. На это однажды указал даже шеф корпуса жандармов³⁴. Так что «плюсы» и «минусы» Руднева и Будберга были прямо противоположны и могли бы компенсировать друг друга.

Назначать градоначальника мог только сам император. Но кандидатуру, конечно же, подбирали чиновники МВД. А там почему-то решили, что в Первопрестольную надо направить «варяга», а не выдвигать кого-либо из москвичей. Возможно, в МВД опасались, что московские полицейские генералы под покровительством своего бывшего «августейшего шефа» привыкли к излишней независимости от министерства, и теперь их надо «подтянуть».

Подходящего кандидата нашли за двумя морями — Азовским и Черным. Это был начальник курортной Черноморской губернии генерал-майор Евгений Николаевич Волков. Его помощником назначили Руднева, которому поручили исполнение обязанностей градоначальника до прибытия нового руководителя с берегов далеких южных морей.

Волков ехал в Москву, и наперегонки с ним к городу приближалась революция. Она добралась в Первопрестольную на неделю раньше градоначальника.

Началось...

Первая российская революция началась 9 января 1905 года в Петербурге. Поводом к ней стала страшная трагедия, получившая название «Кровавое воскресенье». Это был расстрел войсками демонстрации рабочих. Демонстранты шли к Зимнему дворцу и намеревались передать императору петицию, содержащую как экономические, так и политические требования, в т. ч. созыв Учредительного собрания. В результате расстрела, только по официальным данным, были убиты и ранены 429 человек. Это вызвало возмущение по всей стране. В ответ во многих городах начались забастовки и беспорядки.

О том, что случилось 9 января в Петербурге, москвичи узнали в тот же день. На следующее утро забастовали заводы и фабрики во всех районах Москвы.

Судя по рапортам участковых приставов, эти действия рабочих не были стихийными и не были вызваны внутренней обстановкой на предприятиях. Они инициировались и направлялись извне, из единого центра. Об этом говорит и однотипность действий стачечников, и то, что на московских предприя-

тиях тогда не было непосредственного повода для начала массовых забастовок. Стачки были ответом на действия центрального правительства, но удар пришелся по руководству заводов и фабрик, и по местным властям.

В Москве насчитывалось около 200 тысяч рабочих. Главной силой, на которую рассчитывали революционеры, были мужчины, работающие на больших и средних предприятиях. Именно там и велась пропаганда и агитация представителями нелегальных антиправительственных партий. Эти предприятия были распределены по районам города крайне неравномерно. Поэтому и размах революционных волнений в разных районах значительно различался.

Самыми пролетарскими были части города, расположенные на южных, западных и восточных окраинах. Больше всего фабрик и заводов, включая и очень крупные, находилось в частях Пятницкой, Лефортовской, Рогожской, Серпуховской.

Баррикады во время Декабрьского восстания в Москве в 1905 г.
Угол Пименовской улицы и Оружейного переулка

В Пресненской части предприятий было меньше. Но зато здесь находилось крупнейшее в Москве промышленное заведение — бумаго-ткацкая и ситценабивная фабрика Товарищества Прохоровской Трехгорной мануфактуры. Здесь работали 5,5 тысяч человек, из них половина — мужчины. Производственные и жилые помещения фабрики составляли целый отдельный поселок внутри городской черты.

Из средних предприятий, расположенных на Пресне, стоит упомянуть мебельную фабрику П. А. Шмита (135 рабочих, в т. ч. 134 мужчины). Она еще сыграет в революционных событиях заметную роль.

Другие крупные московские предприятия это: военно-шорная фабрика «Торговый дом Тиль и К°» в Пятницкой части (2511 рабочих, в т. ч. 2105 мужчин), ситценабивная фабрика Товарищества «Эмиль Циндель» в той же части (2359 рабочих, в т. ч. 1964 мужчины), механический завод Товарищества Московских металлических заводов в Лефортовской части (2148 рабочих, в т. ч. 2093 мужчины), шелкоткацкая фабрика Товарищества шелковой мануфактуры (1893 рабочих, в т. ч. 663 мужчины), фабрика ваксы и жестяных изделий Генерального общества французской ваксы (бывшая «А. Жако и К°») в Серпуховской части (1458 рабочих, в т. ч. 493 мужчины), машиностроительный завод «Общества механических заводов братьев Бромлей» в той же части (915 рабочих, все — мужчины)³⁵.

Отдельно надо назвать железнодорожные предприятия, находившиеся в Москве. Рабочие-железнодорожники стали ударным отрядом революционеров в Первопрестольной во время первой российской революции. Самыми крупными из этих предприятий были Московские мастерские Московско-Брестской железной дороги (1456 рабочих, все — мужчины), Мастерские Московско-Казанской железной дороги (1213 рабочих, все — мужчины), Главные вагонные мастерские Московско-Курской, Нижегородской и Муромской железной дороги (1136 рабочих, все — мужчины)³⁶.

Как сообщали приставы, в каждом районе стачки начинались на наиболее крупных заводах тяжелой промышленности — металлургических, машиностроительных, механических. Там было сильно влияние революционных партий, имелись их подпольные организации и кадры подготовленных аги-

таторов. Основное руководство забастовками осуществляла Российская социал-демократическая партия (РСДРП).

В последующие дни полицейские изъяли множество листовок, отпечатанных в подпольных типографиях этой партии. В числе этих агитационных материалов были отпечатаны письмо петербургских рабочих, которое они несли царю, и послание священника Георгия Гапона к рабочим и солдатам³⁷.

Забастовщики с крупных заводов устраивали политические митинги и шествия. Они отправлялись на небольшие фабрики и заводы всех отраслей, убеждали, а то и заставляли тамошних рабочих присоединиться к стачке. Затем наставала очередь мелких мастерских. Таким образом, забастовка распространилась на большинство московских предприятий. А раз в это число вошли самые крупные из них, то можно считать стачечное движение всеобщим.

Например, пристав 1-го участка Пятницкой части докладывал, что на территории его участка бастует 17 заведений, отказались бастовать 11 заведений³⁸. Среди бастовавших предприятий были чугунолитейный и машиностроительный завод Товарищества Добровых и Наболиц (772 рабочих), фабрика Досуужева (400 рабочих), кондитерская и пряничная фабрика Торгового дома «И. Д. Иванов с сыновьями» (216 рабочих). Из неприсоединившихся к стачке

Предприятие «Общества механических заводов братьев Бромлей». 1899

предприятий самыми значительными оказались Центральная электрическая станция Московского общества электрического освещения (182 рабочих), водочный завод Торгового дома «Смирнов» (175 рабочих), слесарная фабрика Крылова (100 рабочих). Все остальные не бастовавшие заведения — это маленькие мастерские. В этом участке общее количество всех рабочих, не участвовавших в стачке, было меньше численности рабочих одного завода Добрых и Набогольца.

Очень подробно о развитии забастовки 10 января рассказал пристав 1-го участка Серпуховской части подполковник Б. И. Гринцевич³⁹. В том участке все началось на машиностроительном заводе Акционерного общества механических заводов братьев Бромлей. С утра и до обеда рабочие, как обычно, трудились на своих местах. Но вскоре после обеда, около 2 часов 15 минут пополудни, рабочие слесарной мастерской «бросили работу и направились на двор завода, увлекая за собой и требуя прекратить работу от всех остальных мастерских и отделений завода».

К стачечникам вышел заведующий мастерскими Афанасьев. Он спросил, в чем дело и чего они хотят. Ему ответили: «Да мы еще сами не знаем, чего требовать. Нас просили петербургские поддержать их». Забастовочные требования действительно еще не были сформулированы. Рабочие представили их администрации завода лишь через два дня. А 10 января у стачечников было лишь обращение петербургских рабочих с просьбой поддержать их движение.

В 2 часа 30 минут завод остановился. Приехал вызванный пристав. Он обратился к рабочим, спрашивая, отчего они прекратили работу. Из толпы раздались голоса: «Разве Вы не знаете, как нас угнетают?» После этого, не ведя переговоров с администрацией завода и полицией, забастовщики вышли с завода на Калужскую улицу. Действовали они не стихийно, а очень организованно, целенаправленно и быстро. Колонна рабочих направилась к соседнему предприятию — Московским военно-обозным мастерским полковника Терещенко (330 рабочих). У закрытых ворот мастерских стачечники остановились и стали требовать прекращения работ и выхода рабочих с предприятия. Около 3 часов дня рабочие мастерских прекратили трудиться и присоединились к колонне.

После этого забастовщики разделились на группы и двинулись на Шаболовку к механическому заводу «Товарищества Друтис и Кольпак» (120 рабочих), к механическому заводу Шварцкопфа, к электромеханической мастерской Струкова и Чистякова и в другие места. Уже в 3 часа 30 минут работа на указанных предприятиях была остановлена.

На следующий день, 11 января, рабочие завода братьев Бромлей и военно-обозных мастерских собрались на предприятиях, но к работе не приступили. В 8 часов 30 минут и те, и другие вышли с предприятий и собрались на площади Серединка. Туда же стали подходить рабочие с других заводов. К месту происшествия были выдвинуты подразделения казаков. Увидев их, стачечники стали расходиться по прилегающим улицам и переулкам. Сопротивления рабочие не оказывали, а казаки им не препятствовали.

Около 10 часов утра на Дровяной площади собралось 500–600 человек рабочих разных заводов. Там состоялся митинг, на котором приняли резолюцию, содержащую требования забастовки. Выступал и предлагал резолюцию неизвестный человек. Как сообщали полицейские, он по внешности «не принадлежал к числу рабочих». Его речь вызвала «большое неудовольствие одних, заглушенное одобрением других». На Дровяную площадь направили очень серьезные силы правоохранителей — два эскадрона жандармов, сотню казаков, наряд из 20 городских. К 11 часам войска прибыли к месту митинга и разогнали рабочих. За сопротивление полиции был задержан один человек — 29-летний крестьянин Василий Романов, работавший на заводе Добровых и Набгольца.

Списки требований, предъявленные забастовщиками администрациям заводов, включали полтора-два десятка пунктов. Большая часть требований была одинакова во всех списках. Пункты следовали в одном и том же порядке и совпадали не только по содержанию, но часто и текстуально. Это подтверждает, что требования были сформулированы централизованно. А рабочие на предприятиях от себя добавляли несколько пунктов.

Несмотря на то, что повод для стачки был политическим, все требования носили экономический характер. Предъявлялись они владельцам и управляющим предприятий, а не властям. Значит, организаторы забастовочного движения, хотя и использовали его в политической борьбе, но хотели придать ему законный вид.

Вооруженные бастующие на Цветном бульваре в Москве. Декабрь 1905

Первый пункт во всех списках — это требование 8-часового рабочего дня. На некоторых заводах рабочие оговаривали время начала и конца работы, продолжительность обеденного перерыва. Например, начало в 8 утра, вместо 7 или 7 $\frac{1}{2}$ часов, окончание в 5 $\frac{1}{2}$ часов, обед — 1 $\frac{1}{2}$ часа. В субботу и предпраздничные дни работы должны были продолжаться только до 2 часов дня без обеда, но с оплатой, как за полный день.

Далее следовал пункт об увеличении заработной платы. Для самых низкооплачиваемых категорий должен был устанавливаться минимум оплаты — чернорабочим не менее 1 рубля, ученикам — не менее 50 копеек в день. Для остальных стачечники требовали значительного повышения оплаты, указывая, например, «не менее как на 25%», или оговаривая: «для рабочих, имеющих профессии заработанная плата устанавливается комиссией от рабочих и администрации поровну», «рассмотрение расценков, как со стороны мастеровых, так и со стороны администрации».

Еще забастовщики хотели, чтобы администрация не имела права увольнять рабочих «по своему рассмотрению», а рабочие могли бы «требовать увольнения отдельных лиц из администрации». Для этого предлагалось «учре-

ждение третейского суда для разборки недоразумений между рабочими и предпринимателями, составленного на половину из представителей рабочих (свободно выбранных рабочими) и на половину из представителей от предпринимателя».

Во всех списках были пункты об усилении охраны здоровья рабочих. Формулировались они по-разному: «гигиеническое устройство мастерских», «назначение времени на мытье рук», «улучшить медицинский персонал», «полная оплата на время болезни по вине завода, половина — по своей вине», «выдача заработной платы полностью за все время болезни рабочего, лечение за счет предпринимателя, выдача лекарства по <...> рецептам».

Во многих списках есть требования о полной отмене штрафов и об отмене сверхурочных работ. Встречается такое требование: «Учреждение библиотеки и читальни при ней за счет предпринимателя» (завод Акционерного общества «Густав Лист»). Есть пункт о том, что «никто из забастовщиков не должен быть уволен и время забастовки не должно считаться прогульным», а значит, за эти дни рабочим полагается «полная средняя оплата». Единственным пунктом, который предъявлялся властям, было «государственное страхование рабочих на случай старости и увечья» (завод Добровых и Набольца)⁴⁰.

Великий князь Сергей Александрович в эти дни записал в своем дневнике следующее. 10 января: «...Принимал все утро — в Питере ужасный погром с рабочими забастовщиками. Из-за горла не выходил. В 3 ч. Руднев — забастовки и у нас начинаются — умоляет, чтоб мы переехали в Кремль, чтоб из-за нас не разбрасывать полиции. Уже толпа рабочих ходит по городу <...> Господи помилуй!»

12 января: «...Пока забастовки не увеличились — с войсками столкновений не было. Рауш, Руднев утром были — Московские драгуны и Копорский полк, мною вызванные — прибыли. Студенты не волновались <...> Господи помилуй!» Генерал-лейтенант Е. А. Рауш фон Траубенберг был тогда начальником штаба Московского военного округа. По приказу великого князя он стягивал к Москве воинские части округа из других городов.

14 января: «...Принимал без конца — с Раушем долгая беседа. Забастовки есть, но пока немного. В 3 часа у меня совещание <...> для правильного наряда войск, ибо Руднев совсем голову потерял! Надеюсь, теперь уладили»⁴¹.

Руднев все-таки убедил Сергея Александровича переехать вместе с семьей из любимого великим князем дома в Нескучном саду в Николаевский дворец Кремля.

11 января к забастовке еще присоединялись новые предприятия. Так из 1-го участка Якиманской части пристав сообщил о прекращении работ на заводе Акционерного общества «Густав Лист» (382 рабочих) и в типо-литографии Кирстена (148 рабочих). А 12 января, например, начали бастовать рабочие типо-литографий в 1-м участке Пятницкой части. Затем стачка пошла на спад.

Расследованием причин забастовки и принятием мер по ее ликвидации руководили генерал-майор И. Н. Руднев и начальник охранного отделения подполковник В. В. Ратко. Раз стачечным движением руководили революционеры-подпольщики, то и бороться с ним поручили политической полиции.

11 января рабочим были запрещены любые собрания «впредь до особого распоряжения». Ранее они имели право устраивать свои районные собрания и танцевальные вечера в помещениях трактиров и чайных лавок⁴².

13 января исполняющий дела градоначальника издал объявление. Там говорилось: «...Объявляется рабочим самовольно прекратившим работы, что претензии их будут рассмотрены и удовлетворены в пределах закона и возможности лишь после возобновления работ, приступить к каковым рабочие приглашаются немедленно, с предупреждением, что замеченные в подстрекательстве к продолжению забастовки и увеличению числа ее участников будут арестовываемы»⁴³.

На следующий день последовало новое объявление от него: «...С соизволения Его Императорского Величества, Министерство финансов приступает к разработке общего закона о дальнейшем сокращении рабочего времени и выработке таких мер, которые дали бы рабочему люду законные способы обсуждать и заявлять о своих нуждах, но что для такой деятельности Правительства необходимы прежде возстановление порядка и возвращение рабочих к обычному труду, так как удовлетворение требований рабочих, как бы справедливы они не были, не может быть последствием беспорядка и упорства. В виду этого Исполняющий дела Московского градоначальника, во имя интересов самих рабочих, приглашает рабочее население города Москвы возвратиться к обычным занятиям»⁴⁴.

Полиция и предприниматели действовали единым фронтом. Полицейские арестовывали всех, кто агитировал за продолжение забастовки. Таких людей заключали в Пересыльную тюрьму. Предприниматели немедленно увольняли их. Паспорта, расчетные книжки с соответствующими записями и деньги, следующие по расчету, передавали в полицию.

Охранное отделение проверяло личности всех арестованных и забирало в свое распоряжение тех, кто его заинтересовал. Остальных предписывалось «высылать этапным порядком на родину». В родные края их доставляли под конвоем, как преступников. Документы препровождались в «Полицейские управления по месту выбытия каждого <...> на свои родины»⁴⁵.

С такими документами эти люди вряд ли могли вновь устроиться на работу. А во многих местностях из-за неурожая уже начинался голодный период 1905–1906 годов.

На многих предприятиях объявили, что увольняться будут все рабочие, «нарушившие наемный договор более трех дневным прогулом»⁴⁶. Некоторые предприниматели были готовы объявить локаут, то есть уволить всех своих рабочих, если забастовка на их предприятиях не прекратится. В это время крестьяне массами ехали в города на заработки, и найти новую работу уволенным рабочим было бы крайне трудно.

По полицейским рапортам, например, из 1-го участка Серпуховской части, хорошо видно, как забастовка затухала. Уже 12 января с 7 часов утра приступили к работе в военно-обозных мастерских. 14 января с утра прекратилась стачка на заводах Шварцкопфа, Друтиса и Кольпака, и в электро-механических мастерских. Продолжали держаться лишь стачечники завода братьев Бромлей. Но вскоре сдались и они. 18 января на свои места вышли более половины рабочих этого предприятия — 467 человек. 19 января — уже 764 человека, 22 января — 865 человек. Забастовка потерпела поражение.

Теперь началась расправа администрации предприятий с забастовщиками. Например, полиция выслала «по этапу» двух рабочих военно-обозных мастерских. А заведующий мастерскими полковник И. Ф. Терещенко уволил «за принуждение других мастеровых к забастовке» не менее 31 человека, то есть почти каждого десятого работника.

Форма околоточных надзирателей и городских наружной полиции образца 1901 г. Фотография 1900-х

На завод братьев Бромлей полиция отправила список рабочих (на 29 имен⁴⁷), подлежащих увольнению и высылке за руководство стачкой. Но администрация, как и обещала ранее, рассчитала всех, кто бастовал более трех дней. Таких насчитали 864 человека из 925 работающих.

На завод их не пустили, расчет выдавали в управлении полицейского участка. При этом произошли массовые беспорядки. За подстрекательство полицейские задержали 12 человек. Из них семеро оказались уволенными рабочими завода, а пятеро, вообще, не имели к этому предприятию никакого отношения⁴⁸.

Жизнь в Москве, казалось бы, вернулась в прежнее русло. 19 января были вновь разрешены рабочие собрания. Первый акт революции в Первопрестольной прошел довольно мирно, без кровопролития.

1 февраля Сергей Александрович писал Трепову в Петербург: «У нас пока все тихо и забастовки прошли вполне благополучно: мы с Рудневым бедным — поработали — он был в ужасном состоянии <...> Какие кошмары приходится переживать. Храни вас Бог. Ваш Сергей»⁴⁹.

В большинстве полицейских рапортов о забастовках, шествиях и митингах рабочих указывается: «Настроение рабочих было спокойное и проявления какого-либо буйства не было»⁵⁰. Забастовщики не громили свои предприятия или попадавшие по пути следования шествий магазины и трактиры, никого не избивали. При встречах с воинскими подразделениями или значительными нарядами полиции, не оказывая сопротивления, рассеивались по окрестным переулкам и проходным дворам.

Правоохранители ни разу не применяли против рабочих оружие. Они только предъявляли требования разойтись, и чаще всего не прибегали к насилию.

В Москве ни забастовщики, ни правоохранители пока не были готовы к жесткому противостоянию, к вооруженной борьбе. Ненависти между ними еще не было. Пройдет совсем немного времени и все изменится. Уже к концу года революционеры и защитники государства будут убивать друг друга и окружающих людей на улицах своего города, ведя настоящие бои с применением артиллерии, пулеметов, ручных гранат и фугасов большой мощности. Для этого кому-то пришлось очень сильно постараться.

Генеральская чехарда

В 1905 году в Москве, как никогда, требовалась устойчивая и твердая государственная власть. Именно в это время там, как никогда быстро, одни генералы сменяли других на руководящих должностях. Ни в какой другой год этих замен, прыжков друг через друга, не было так много. словно происходила игра в чехарду. Высшие власти империи, похоже, стремились доказать, что совершенно не способны правильно расставлять кадры и эффективно руководить страной.

В. Ф. Джунковский пишет: «16 января приехал в Москву новый градоначальник генерал-майор Волков, но никаких новшеств или перемен по улучшению службы полиции не внес. Единственно все заметили, что он стал ездить

по Москве не в мундире, а в сюртуке, как простой обыватель <...> За время своего градоначальства он ничем себя не проявил, и подчиненные так и не узнали его требований. Его назначение в Москву в такое время было каким-то недоразумением <...> Всеми своими назначениями Е. Н. Волков был обязан тому, что снискал к себе расположение Государя императора, будучи еще офицером Лейб-гвардии гусарского полка его величества, в то время, когда Государь в бытность свою наследником отбывал службу в этом полку, а потом Е. Н. Волков сопровождал Государя во время его путешествия наследником-цесаревичем на Дальний Восток и в Японию».

Документы московской полиции подтверждают это. Градоначальник Волков не оставил в них каких-либо значительных следов своей деятельности. А необходимость в этом была. Потерпев в Москве временное поражение в ходе забастовочного движения, революционеры решили «раскачать» ситуацию другим путем. Вместо массовых действий они активизировали индивидуальный террор. И опять эти революционные проявления пришли в Первопрестольную извне.

В составе подпольной Партии социалистов-революционеров (ПСР) существовала Боевая организация, занимавшаяся подготовкой и проведением террористических актов против представителей правящего режима Российской империи. В целях конспирации эта организация не была связана с местными комитетами ПСР, которые вели агитационную работу среди рабочих и крестьян и потому часто попадали в поле зрения правоохранительных органов.

Базировалась Боевая организация за границей. На совещании в Париже ее члены решили направить в Россию три группы террористов для осуществления убийств генерал-губернатора генерал-майора Д. Ф. Трепова в Петербурге, великого князя Сергея Александровича в Москве и генерал-губернатора генерал-адъютанта Н. В. Клейгельса в Киеве. Об этом подробно рассказал в своих «Воспоминаниях террориста» один из руководителей боевой организации Борис Савинков⁵¹.

«Московскую» группу возглавил сам Савинков. Ее участники поодиночке пересекли границу России, провезя с собой динамит. Они собрались в Москве и установили наблюдение за великим князем, собирая информацию о его передвижениях и образе жизни. Московский комитет ПСР не был

поставлен в известность о прибытии этой группы и ее действиях. Савинков поясняет: «...Мы не желали вступать в какие бы то ни было сношения с комитетскими работниками. Степень конспиративности и революционной опытности последних была нам неизвестна, и мы боялись знакомством с ними навести полицию на след нашего покушения. Поэтому московский комитет долгое время не подозревал, что в Москву прибыли и работают члены боевой организации. Мы же, полагаясь на собственные силы, самостоятельно начали наблюдения»⁵². Кроме Савинкова, в состав группы входили Дора Бриллиант, которая отвечала за хранение динамита и сборку взрывательных снарядов (бомб), и боевики Иван Каляев, Борис Моисеенко, Петр Куликовский.

Первую попытку покушения савинковцы назначили на 2 февраля 1905 года. Им стало известно, что великий князь в этот день обязательно посетит в Большом театре благотворительный спектакль по сбору средств в пользу Красного Креста.

Дора Бриллиант, остановившаяся в гостинице «Славянский базар» на Никольской улице, в назначенный день приготовила две бомбы. В то время революционеры еще использовали для терактов очень несовершенные снаряды. Взрыватели представляли из себя стеклянные пробирки с кислотой, которые разбивались при ударе бомбы о препятствие. Бомба могла взорваться при ее падении из рук, при ее зарядании или разрядании. Такие случаи действительно происходили неоднократно.

Савинков рассказывает: «В 7:30 вечера обе бомбы были переданы, и с 8 часов вечера Каляев стал на Воскресенской площади, у здания городской думы, а Куликовский в проезде Александровского сада. Таким образом, от Никольских ворот великому князю было только два пути в Большой театр — либо на Каляева, либо на Куликовского... Был сильный мороз, подымалась вьюга. Каляев стоял в тени крыльца думы, на пустынной и темной площади. В начале девятого часа от Никольских ворот показалась карета великого князя <...> Тогда, не колеблясь, Каляев бросился навстречу и наперерез карете. Он уже поднял руку, чтобы бросить снаряд. Но, кроме великого князя Сергея, он неожиданно увидел еще великую княгиню Елизавету и детей великого князя Павла — Марию и Дмитрия. Он опустил свою бомбу и отошел»⁵³.

Иван Каляев, эсер-террорист, убийца великого князя Сергея Александровича. Фотография 1905

Каляев решил, что нельзя убивать детей. Члены группы с ним согласились. После спектакля он еще раз подходил к карете с бомбой в руках. Но опять в экипаж сели великая княгиня и дети. Дора забрала и разрядила обе бомбы. Куликовский отказался участвовать в следующем покушении.

Удивительно, но в такое беспокойное время, зная, что революционеры неоднократно угрожали убийством Сергею Александровичу, политическая полиция не предприняла мер, обеспечивающих ему надежную охрану. Она

вообще не заметила этой попытки покушения. А ведь это могло спасти великому князю жизнь.

Конечно, террористы не должны вызывать никаких симпатий у нормальных людей. Но надо отметить, что члены Боевой организации социалистов-революционеров (эсеров) все же выгодно отличаются от нынешних террористов. Ведь последние, не задумываясь, лишают жизни или здоровья множество мирных жителей, в том числе и детей.

Никакой путь нельзя пройти сразу. Всегда нужны какие-то первые, еще небольшие шаги. В начале того пути, что привел к нынешнему большому терроризму, стояли и такие революционеры-романтики, как Каляев (его подпольная кличка — Поэт). Они сделали свои первые шаги на этом пути, внесли свой вклад в то, чтобы терроризм стал угрозой всему человечеству. Значит, и они тоже несут за это ответственность. Они хотели человечеству только хорошего, но заблудились по дороге. Думая, что служат Добру, они служили Злу. Сейчас, когда уже немало пройдено по такому пути, это стало очевидно.

Следующая попытка савинковцев состоялась 4 февраля в Кремле, на Сенатской площади. Каляев встретил там карету великого князя и бросил бомбу. Сергей Александрович был убит, а его кучер смертельно ранен. Каляева арестовали. Остальные члены группы скрылись. 5 апреля 1905 года Каляева судили в Петербурге в Особом присутствии Сената и вынесли ему смертный приговор. Его кассация была отклонена, и 10 мая террориста повесили.

Покушения, которые Боевая организация готовила в Петербурге и Киеве, провалились.

Убийство великого князя Сергея Александровича было грандиозным провалом для центральной политической полиции. Она имела свою агентуру и в руководстве ПСР, и в Боевой организации, поэтому должна была предотвратить покушение на одного из высших сановников империи и родственника монарха. Это был провал и для московской полиции, обязанной охранять великого князя.

На место командующего войсками МВО император поставил генерала от инфантерии Н. Н. Малахова. А еще Николай II решил укрепить власть в Москве. Для этого он посчитал нужным вновь назначить московского генерал-губернатора, сохранив при этом пост градоначальника.

Новым генерал-губернатором, по желанию царя, стал генерал от кавалерии Александр Александрович Козлов. Рескрипт на его имя о назначении был подписан императором 12 апреля 1905 года, а указ об этом — 14 апреля. С 21 апреля Козлов «вступил в отправление должности»⁵⁴. Это был не обычный сановник и не чужой в Москве человек.

Начало жизненного пути А. А. Козлова выглядело вполне тривиально для представителей высшего круга тогдашнего российского общества. Он родился в 1837 году, в семье дворян Нижегородской губернии. Учился в Пажеском корпусе. В службу вступил в 18 лет прапорщиком лейб-гвардии. Служил в Измайловском полку, в 1-м стрелковом батальоне, в Кирасирском Его Величества полку. Во время Восточной войны 1853–1856 годов находился в составе войск, охранявших побережье Выборгской и Санкт-Петербургской губерний.

Как и положено бывшему пажу и будущему сановнику, он был адъютантом у высокопоставленных начальников. Сначала — у Санкт-Петербургского военного генерал-губернатора генерал-адъютанта П. Н. Игнатьева, потом — у его

преемника генерал-адъютанта светлейшего князя А. А. Суворова. Получил чин ротмистра, ордена св. Анны 3-й степени, св. Владимира 4-й степени, св. Станислава 2-й степени. Блестящее начало карьеры на глазах у императорского двора.

Но в 1865 году Козлов оставляет службу в гвардии и Петербург. Он уезжает в провинцию, хотя и европейскую и становится старшим полицмейстером города Риги с переименованием в подполковники. С 1867 года одновременно с этой должностью еще «исправляет обязанности попечителя и председателя Рижского Кагала». И это, пожалуй, самое необычное его назначение. В Риге Козлов получает чин полковника и орден св. Анны 2-й степени.

Через три с половиной года Александр Александрович возвращается в столицу. Его назначают помощником Петербургского обер-полицмейстера, а позже — градоначальника Ф. Ф. Трепова. За 9 лет службы на этом месте Козлов многократно заменял начальника во время отлучек того со своего поста. Ему вручают ордена св. Владимира 3-й степени, св. Станислава 1-й степени, св. Анны 1-й степени, присваивают звание флигель-адъютанта, а затем и чин генерал-майора Свиты. Император несколько раз объявлял ему свои благоволения и благодарности. Иностранскими орденами, полученными Козловым, можно было нагрузить маленькую тележку. А сверху положить его самую необычную награду — «с Высочайшего соизволения» ему было «разрешено носить медную каску, присвоенную пожарной команде». Забавно бы он выглядел в мундире свитского генерала с аксельбантами, орденами и с пожарной каской на голове.

В 1879 году, в связи с отставкой Ф. Ф. Трепова, должен был оставить свою должность и его помощник Козлов. Александра Александровича направили в Москву обер-полицмейстером. Этот пост он занимал дважды: в 1878–1881 и в 1882–1887 годах, а в 1881–1882 годах он был обер-полицмейстером в Петербурге и одновременно начальником штаба Отдельного корпуса жандармов.

За это время он стал генерал-лейтенантом. Его наградили орденами св. Владимира 2-й степени и Белого Орла, несколькими медалями, в том числе — золотой медалью «В память освящения Храма Христа Спасителя в Москве». В 1883 году «в воздаяние особых заслуг по охране порядка и спокойствия в Москве во время коронавания» Александр III вручил ему свою личную

награду — золотую табакерку стоимостью в 3 тыс. рублей. А иностранные ордена пришлось бы складывать во вторую тележку.

По окончании службы Козлов был назначен почетным опекуном Московского присутствия Опекунского совета учреждений императрицы Марии — учреждения, занимавшегося благотворительной деятельностью. Это тоже можно считать наградой, так как император распорядился выплачивать ему содержание по этой должности в 6 тысяч рублей и ежегодную пенсию в 4 тысяч рублей. А позже он получил еще и аренду на 4 года по 1,5 тысяч рублей в год.

В 1887 году Александра Александровича по его прошению освободили от обязанностей обер-полицмейстера и в дальнейшем занимал должность почетного опекуна по Московскому присутствию. Связано это было с его состоянием здоровья. В 1890 году «по случаю получения наследства» Козлов отказался от денежного содержания по должности почетного опекуна.

В 1889–1890 годах Александр Александрович был управляющим Московским родовспомогательным заведением, а в 1893–1900 годах — попечителем Московского коммерческого училища. И оба раза проблемы со здоровьем заставляли его уходить в отставку.

Хотя он и не занимал важных государственных постов, но продолжал получать высшие награды империи: в 1891 году — орден св. Александра Невского, в 1896 году — бриллиантовые знаки к нему, в том же году — чин генерала от кавалерии, в 1901 году — орден св. Владимира 1-й степени⁵⁵.

И вот теперь, в апреле 1905 года, его вновь призвали на службу на очень высокое и очень беспокойное место. А заодно поощрили присвоением звания императорского генерал-адъютанта.

Для такого выбора кандидатуры на пост правителя Московского генерал-губернаторства были определенные основания. Козлов хорошо знал Москву и москвичей, пользовался авторитетом среди жителей, обладал замечательными личностными и деловыми качествами. Но существовали обстоятельства, которые делали этот выбор очевидно неправильным. Назначать на труднейшую службу в кризисной ситуации человека довольно пожилого и очень больного было ошибкой. Ведь в предыдущие два десятка лет Александр Александрович из-за болезни неоднократно оставлял куда менее ответственные должности. То ли Николай II демонстрировал свою неспособность правильно

Александр Александрович Козлов, московский
генерал-губернатор в апреле — июле 1905 г.

расставлять руководящие кадры, то ли, при большом количестве сановников в высоких чинах, выбирать хороших руководителей ему было не из кого.

В. Ф. Джунковский по поводу этого назначения пишет следующее. «В Москве в то время градоначальником все еще был генерал-майор Волков, далеко не удовлетворявший своему назначению, чувствовалось отсутствие власти. Это и послужило причиной к назначению в Москве вновь генерал-губернатора. <...> А. А. Козлов пользовался очень

большой симпатией и уважением среди всех слоев московского населения, не исключая рабочих, и простого люда, а также и учащейся молодежи. Среди последней он даже был популярен. <...> Козлов долго, как сам мне рассказывал, отказывался от этого назначения, ссылаясь на свои преклонные годы — ему было тогда 68 лет — и на то, что не обладает уже должной энергией; но в конце концов принужден был все же уступить. <...> В это время генерал от кавалерии Козлов <...> проживал очень скромно в меблированных комнатах Троицкого у Никитских ворот. Прислугой у него была только одна кухарка. Как только вышел высочайший приказ, Козлов, захватив ручной багаж, вдвоем со своей кухаркой пошел пешком по Тверскому бульвару и пришел в генерал-губернаторский дом <...> Москва приветствовала это назначение, хотя мало придавала ему значения...»

Генерал-майор Волкова перевели на должность губернатора в Таврическую губернию. Джунковский рассказывает далее так. «Московским градоначальником был назначен генерал-майор П. П. Шувалов, большой друг А. А. Козлова и любитель <...> полицейского дела. <...> Граф Шувалов родился в 1859 году

и по окончании Пажеского корпуса вышел в артиллерию непосредственно на театр военных действий во время Русско-турецкой войны. Затем он был адъютантом при великом князе Сергее Александровиче и заведующим его двором с 1894 по 1897 год когда был назначен одесским градоначальником, но пробыл в этой должности не долго. Граф Шувалов принялся очень ретиво за свои обязанности и работал рука об руку с генералом Козловым, который имел на него отличное влияние и умел сдерживать его увлечения. В минус графу Шувалову можно поставить то, что он мало интересовался всем тем, что не было чисто полицейским делом, но работал он очень много и все свое время отдавал службе. Он был очень умен и не без хитрости. Его жена, рожденная графиня Воронцова-Дашкова, была на редкость очаровательная женщина, умная, образованная, имевшая отличное влияние на мужа».

Вскоре в Москве произошел новый громкий теракт. 28 июня 1905 года градоначальник принимал посетителей. Среди людей, пришедших в приемную комнату дома градоначальства, был и террорист. В то время, когда граф Шувалов читал прошение, этот человек выстрелил в него из револьвера пять раз. Шувалов вскоре скончался.

Злодея задержали. Выяснилось, что это 34-летний бывший учитель Петр Куликовский. Тот самый эсер, который ранее безуспешно участвовал в покушении на великого князя Сергея Александровича. После тех событий Куликовский ушел из Боевой организации и занимался другой партийной работой. Московскому губернскому жандармскому управлению он был хорошо известен. Еще в 1903 году его выслали в Восточную Сибирь за участие в деятельности тайной типографии. Совсем недавно его привлекли к дознанию по делу о «заготовлении Московским комитетом партии социалистов-революционеров огнестрельного оружия для террористических актов и вооруженного возстания»⁵⁶. Он сбежал из Пречистенского полицейского дома, где содержался, и совершил злодеяние. 23 июля Московский военно-окружной суд в закрытом судебном заседании вынес Куликовскому смертный приговор. Но 20 августа этот приговор был «Всемилоостивейше заменен» на бессрочные каторжные работы⁵⁷.

Это был очередной полицейский провал. А в результате Москва лишилась отличного руководителя, заменить которого оказалось совсем не просто. Пока

шли поиски подходящей для этого кандидатуры, генерал-губернатор А. А. Козлов приказал «вступить в исправление должности Московского градоначальника» генерал-майору И. Н. Рудневу. Исполнение обязанностей помощника градоначальника поручили полицмейстеру 2-го отделения города Москвы действительному статскому советнику К. В. Свешникову. А с 8 июля эти обязанности передали полицмейстеру 3-го отделения генерал-майору В. М. Яфимовичу.

К этому времени Козлов уже убедился, что не сможет эффективно управлять генерал-губернаторством. 5 июля он написал письмо министру внутренних дел А. Г. Булыгину: «...Состояние моего здоровья положительно не позволяет мне продолжать службу в занимаемой мною ответственной должности московского генерал-губернатора; мои физические и моральные силы настолько ослабли, что в критическую минуту, требующую усиленных занятий и энергии, я, при своей слабости, могу причинить делу, которому служу, непоправимый вред...»⁵⁸

Через 10 дней Николай II уволил А. А. Козлова и назначил на его место генерала от инфантерии П. П. Дурново⁵⁹. Козлов же вскоре уехал лечиться за границу.

Петр Павлович Дурново был еще старше Козлова, но обладал хорошим здоровьем. Это был очень богатый человек: ему принадлежали поместья в Орловской, Тульской, Воронежской, Вятской, Нижегородской, Костромской, Калужской, Тверской губерниях. В Санкт-Петербурге он владел каменным особняком и пригородной дачей. Жена его Мария Васильевна, в девичестве — княжна Кочубей, родила ему в 1874 году сына, а в 1878 году — дочь. Он дослужился до высших государственных чинов и должностей. Российских орденов у него было не меньше, чем у Козлова, а иностранных — еще больше. Послужной список характеризует его блестяще⁶⁰. А вот другие исторические документы — нет.

Родился Петр Дурново в 1835 году, в семье дворян Санкт-Петербургской губернии. В 1853 году закончил Пажеский корпус и в том же году поступил учиться в Императорскую военную академию. Через два года, по окончании учебы, был причислен к Генеральному штабу. Так как еще шла Восточная война 1853–1856 годов, то Дурново назначили на службу в распоряжение командующего войсками в Финляндии. И полгода он состоял на службе в частях, охранявших побережье Финляндии от возможного вторжения неприятелей.

**Петр Павлович Дурново,
московский генерал-губернатор
в июле — ноябре 1905 г.**

28 и 29 сентября 1855 года молодой офицер находился в крепости Свеаборг, во время ее бомбардировки с кораблей англо-французской эскадры. Штурмовать крепость враги не решились. За нахождение под обстрелом блестящего генштабиста наградили орденом св. Анны 4-й степени.

После войны Дурново перевели в гвардейский Генеральный штаб и произвели в поручики гвардии. В 1859 году его назначили флигель-адъютантом к императору, а в 1860 году произвели в штабс-капитаны.

Тут же на него посыпались награды от иностранных монархов.

В 1861 году Петр Павлович, как и другие флигель-адъютанты, исполнял особые поручения императора по проведению Крестьянской реформы в регионах Российской империи. Видимо, делал он это успешно, так как вновь был осыпан наградами. Получил чин капитана, орден св. Владимира 4-й степени (минуя низшие ордена), серебряный знак отличия за введение в действие Положения о крестьянах, «Именное Монаршее благоволение за отличное исполнение Высочайше возложенного поручения по крестьянскому делу в войске Донском»⁶¹.

В 1862–1865 годах Дурново состоял при канцелярии Военного министерства. Затем вернулся в императорскую свиту, стал полковником, потом генерал-майором Свиты, кавалером орденов св. Станислава 2-й степени и св. Анны 2-й степени, а также, как старший в своем роду, — потомственным командором Мальтийского ордена св. Иоанна Иерусалимского.

Затем он был губернатором: в 1866–1870 годах — в Харьковской, а в 1872–1878 годах — в Московской губернии. Оба раза увольнялся по собственному прошению. Многократно ему объявлялись «монаршьи благоволения» за сбор

податей и недоимок. У Дурново хорошо получалось выбивать долги из населения. Он получил ордена св. Станислава 1-й степени, св. Анны 1-й степени, св. Владимира 2-й степени, Белого Орла. С 1876 года Петр Павлович стал генерал-лейтенантом. В Харьковской губернии его избрали почетным гражданином городов Ахтырка, Сумы, Изюм, Славянск. В Московской — «действительным членом музея имени Наследника Цесаревича» (позже — Русский музей) и «председателем частных собраний попечительного совета заведений Общества Призрения в Москве». Иностранные ордена сыпались на него уже ведрами. Для них впору было открывать отдельный музей.

В 1882–1884 годах Дурново — управляющий Департаментом уделов. Это учреждение ведало недвижимостью, принадлежавшей императорской фамилии. Он вновь награжден, теперь орденом св. Александра Невского. И вновь уходит с поста по своему прошению. Не служилось ему долго на одном месте.

С этого времени он «состоит по Военному министерству без содержания с оставлением по Генеральному штабу». Должностей не занимает, жалованья не получает. Но его это и не беспокоит. Зато ему идет стаж службы и соответствующие чины. В 1890 году он произведен в генералы от инфантерии. В 1893 году получил бриллиантовые знаки к ордену Александра Невского. В 1904 году Дурново становится членом Государственного совета. Формально это высший орган империи, на деле — sineкура для престарелых высокопоставленных сановников.

И вдруг 15 июля 1905 года его назначают генерал-губернатором в Москву, а 30 июля присваивают звание императорского генерал-адъютанта. Похоже, что Николай II решил так «подслащивать» назначение каждому новому правителю Московского генерал-губернаторства. Основаниями для определения Дурново на этот пост служило то, что он имел высокий чин и много лет назад был губернатором в Московской губернии.

По поводу этого назначения тогдашний московский вице-губернатор В. Ф. Джунковский написал: «П. П. Дурново было в то время 70 лет от роду, но физически он был довольно бодр. Это был очень богатый человек, но скупой, и, как многие богатые люди, страдал самодурством. К делу он не был приспособлен, хотя до этого занимал серьезные административные должности: в 70-х годах — московского губернатора, затем <...> директора Департамента

уделов, в последнее время состоял гласным Петербургской городской думы и председателем ее. Человек неглупый, но заниматься делами любил только на словах и при этом всегда хвастался. Престижа не внушал, также и доверия, обращал внимание только на мелочи и на внешнюю сторону. Своим генерал-губернаторством упивался и, если можно так выразиться, хорохорился. В серьезные минуты не то что терялся, но не понимал их и не учитывал обстановки, старался брать с генерал-губернаторства то, что ему нравилось, а до всего другого ему как будто дела не было <...> Его пребывание на посту генерал-губернатора было анекдотично и печально».

31 июля Дурново сообщил, что «вступил сего числа в отправление должно-сти»⁶². А уже 1 августа он озаботил канцелярию московского градоначальника и Московское дворцовое управление выяснением вопроса о том, сколько в Москве людей имеют звания придворных дам и кавалеров, и по каким адресам они проживают. Видимо, более важных проблем в это время не было. Кстати, в списках придворных оказались бывший генерал-губернатор А. А. Козлов (проживал в доме Макеева по Никитскому бульвару), московский губернатор Г. И. Кристи (жил в доме МВД по Тверской улице), вице-губернатор В. Ф. Джунковский (в Кавалерском корпусе в Кремле), его сестра фрейлина Е. Ф. Джунковская (в Николаевском дворце в Кремле)⁶³.

На следующий день после назначения Дурново, 16 июля 1905 года, был выбран новый московский градоначальник. Им стал генерал-майор барон Г. П. фон Медем, служивший в то время помощником начальника штаба Отдельного корпуса жандармов (ОКЖ). Вероятно, Дурново выбрал его из предложенных МВД кандидатур.

Медем начал службу в корпусе жандармов в 1874 году и прослужил там 31 год. Был адъютантом, а затем помощником начальника губернского жандармского управления (ГЖУ), начальником отделения жандармско-полицейского управления железной дороги (ЖПУЖД). С 1892 года командовал Московским жандармским дивизионом (МЖД). В 1893 году стал командиром Санкт-Петербургского жандармского дивизиона (СПЖД) и оставался на этой должности 10 лет. По отзыву командующего ОКЖ генерал-майора Д. Ф. Трепова, Медем «выказал все наилучшие качества командира отдельной части и довел СПЖД до образцового во всех отношениях состояния»⁶⁴.

В 1903 году барон был назначен помощником начальника штаба ОКЖ. По мнению начальника штаба, он «обладал редкими служебными качествами и вместе с тем добрым, отзывчивым сердцем»⁶⁵.

Но на новом месте службы в Москве у Медема с непосредственным начальником генерал-губернатором Дурново сложились отвратительные отношения. Наверное, барон не раз пожалел о своем переходе на новую должность.

Джунковский характеризует Медема следующим образом. «Это был жандармский генерал, но не специфический, так как командовал строевыми частями: сначала Московским, потом Петербургским Жандармскими дивизионами. <...> Это был недурной человек, весьма доброжелательный, старавшийся угодить населению столицы, но не отдававший себе отчета в том, что происходило вокруг, и потому все его распоряжения как-то не соответствовали переживаемой эпохе. Когда начались беспорядки, он совершенно спасовал, не выезжал из дому, и полиция не получала должных директив, кроме того, он не имел поддержки от генерал-губернатора Дурново, который его всячески третировал, несмотря на то, что он был его ставленником».

Далее вице-губернатор описывает развитие ситуации так. «К октябрю месяцу в воздухе чувствовались определенно революционные настроения. <...> А в Москве генерал-губернатор Дурново не отдавал себе отчета в том, что происходит, а может быть, и не хотел отдавать себе отчета и делал вид, будто это вовсе не сознательно нарождающийся переворот. Он продолжал заниматься глупостями, мешал градоначальнику работать разными неуместными вопросами, как, например, звонил ему по телефону, спрашивая, почему околоточные ходят с портфелями, затем, вернувшись с какой-нибудь поездки по городу, звонил опять и проверял градоначальника, знает ли он, доложено ли ему из участков, по каким улицам он проехал и т. д.».

Таким образом, за 1905 год, когда стабильность власти была жизненно необходима, на посту московского генерал-губернатора побывали Козлов, Дурново, а в конце года еще и адмирал Ф. В. Дубасов. На посту градоначальника — Волков, Шувалов, Руднев (дважды) и Медем. На посту помощника градоначальника — Руднев, Свешников и Яфимович, а в конце года еще и Будберг. Более нелепой генеральской чехарды в очень опасной ситуации было трудно придумать.

Полиция против революционеров и черносотенцев

До 12 февраля в Москве продолжали нести службу усиленные наряды полиции, жандармерии и войск здешнего гарнизона. Круглосуточно значительные отряды находились в готовности подавить массовые беспорядки в случае их возникновения. Однако ничего такого больше не происходило, и московское начальство начало успокаиваться. Усиленные наряды отменили⁶⁶.

Забастовки возникали на отдельных предприятиях и в учебных заведениях города. Они быстро прекращались в одних местах и начинались в других. Стачечное движение даже близко не поднималось до того уровня, на котором оно было в январе.

Защищая общественный порядок и безопасность, московская полиция уже вела борьбу на два фронта — против уголовных преступников и против революционеров. Теперь в Москве появилась еще одна сила, разрушавшая порядок. Это было движение националистов-черносотенцев. В середине февраля 1905 года они попытались вновь развязать в городе массовые беспорядки.

Черносотенцы в Москве организовались позднее революционеров. В январе, пока проходили забастовки и шествия демонстрантов, выступлений националистов еще не было. Но в феврале, как только стачечное движение утихло, разрушать общественный порядок взялись эти «патриоты». Они заявляли, что причина всех бед — это революционная агитация, которую ведут студенты. Источник зла — образование, высшие и средние учебные заведения. Инструмент для борьбы с этим — насилие. А мишень, в которую следует бить, — это все студенты и учащиеся.

17 февраля градоначальник генерал-майор Волков оповестил участковых приставов: «По городу распространяются слухи о намерении лиц из низшего класса общества в течение предстоящих праздничных дней Сырной недели учинять насилия над учащейся молодежью. <...> В случае если будет замечено враждебное отношение при встречах на улицах простолюдинов с учащейся молодежью, тотчас-же принимать меры к предотвращению всяких насилий»⁶⁷.

Националисты прикрывались патристическими лозунгами: заявляли, что защищают национальные ценности, поддерживают существующую власть

Шествие монархистов по Никольской улице в Москве. 1907

и закон. На деле же их деятельность выливалась в погромы, насилия и убийства безоружных и зачастую невиновных ни в чем людей. Своими врагами черносотенцы объявили почти половину населения многонационального государства — «инородцев и иноверцев», в первую очередь — евреев, а также революционеров и либералов, студентов и интеллигентов. А еще и иностранцев.

Вместо защиты Родины они раскалывали страну. Вместо поддержания закона — нарушали его своим произволом и насилием. Вместо укрепления власти — дискредитировали ее, подталкивая людей, недовольных погромами и убийствами, в оппозицию к правительству, допускающему такое.

Если национализм, называющий себя патриотизмом, соединяется с произволом и насилием, то он становится нацизмом или фашизмом. В 1920–1940-х годах это продемонстрировали, например, Германия и Италия. А нынче это показывает Украина. Но любой нацизм, немецкий или итальянский, украинский или русский, бесчеловечен, преступен и разрушителен.

Черносотенное движение не получило массовой поддержки у москвичей. Поэтому удалось предотвратить беспорядки и пресечь бесчинства. К весне в городе наступило затишье.

Охранное отделение, которое должно было бороться с революционными проявлениями, излишне расслабилось, приписав наступившее затишье своей успешной деятельности. Охранка убеждала в этом и вышестоящие власти: «Осень прошлого года и весна этого протекли в столице сравнительно спокойно. <...> Благодаря осведомленности Охранного Отделения являлись возможности путем предупредительных ликвидаций. <...> парализовать попытки враждебных правительству элементов к устройству демонстраций. <...> В период повсеместных рабочих забастовок в России <...> в Москве спокойно»⁶⁸.

Как показало будущее, это было затишье перед бурей. Революционеры собирали силы после зимнего поражения и ждали подходящего момента для перехода в наступление. Московская охранка имела свою тайную агентуру в рабочей и революционной среде. Но, очевидно, эта агентура на то время оказалась неэффективной. Центральные органы политической полиции проворонили подготовку убийства великого князя Сергея Александровича. А теперь Московское охранное отделение проглядело подготовку революционеров к новым выступлениям.

Из разных регионов доходили слухи о применении правоохранителями оружия против смутьянов и о трагичных последствиях этого. В Первопрестольной ничего подобного пока не случалось. Но генерал-губернатор А. А. Козлов все же озаботился этим. Как выяснилось позже, его предчувствия оказались верны. Козлов написал в Петербург следующее. «За последнее время войсками, призывавшимися в разных местах империи для содействия полиции при подавлении уличных беспорядков, приходилось неоднократно пускать в ход огнестрельное оружие, при чем, насколько мне известно, в некоторых случаях пострадавшими от выстрелов оказывались лица не принимавшие участия в беспорядках и даже находившиеся на значительном расстоянии от того места, где таковые происходили»⁶⁹.

Генерал словно в точности видел все, что будет происходить в Москве через несколько месяцев. «Как в воду глядел», — говорится в таких случаях.

Козлов попытался найти средства для предотвращения таких трагедий. Он сделал два предложения. Во-первых, выдавать воинским подразделениям, участвующим в умирительных акциях, вместо мощных трехлинейных винтовок Мосина (лучших в мире на то время) менее дальнобойные «ружья старых образцов». Во-вторых, снабдить эти подразделения патронами с уменьшенным количеством пороха⁷⁰. Может быть, предложения Александра Александровича не были оптимальны. Но направление мысли он выбрал совершенно верное. Сегодня правоохранители во всех цивилизованных странах при подавлении массовых беспорядков применяют нелетальное оружие и спецсредства, в том числе резиновые и пластиковые пули.

После обсуждения в Военном министерстве и МВД предложения Козлова отвергли и забыли. Ему ответили: «...Мера эта <...> потребовала бы, при современном нахождении в наряде почти всех частей [воинских. — А. Ш.] Европейской России, двойного вооружения и обучения частей, на что не имеется ни средств (наличное количество старых ружей в складах весьма незначительно), ни времени»⁷¹. Возможно, «двойное вооружение», действительно, было не рационально. Но то, что «старых ружей» нет на складах — это не правда. До принятия на вооружение мосинской винтовки в 1891 году вся российская армия была вооружена менее дальнобойным оружием. Вскоре этими устаревшими винтовками вооружают полицию, а во время Первой мировой войны их будут выдавать даже фронтовым частям.

Заодно московскому генерал-губернатору сообщили об имеющемся уже опыте: «Стрельба при подавлении беспорядков холостыми патронами, как усматривается из донесений, поступавших в Главный штаб, совершенно не достигает цель и наоборот приводит к совершенно нежелательным результатам. Толпа, убедившись, что войска стреляют холостыми патронами, не верит затем в возможность стрельбы боевыми патронами и совершенно не подчиняется предъявляемым ей требованиям, вследствие чего порядок восстанавливается с гораздо большими жертвами с неизбежным применением боевых патронов»⁷². Сформулирована эта мысль неудачно: «Применяйте боевые патроны, не то придется применять боевые патроны в еще больших количествах». Но здравый смысл в ней в то время, видимо, был. Это и имел в виду товарищ министра внутренних дел Д. Ф. Трепов, когда отдавал осенью 1905 года приказ «холостых

залпов не давать и патронов не жалеть!». А вовсе не то, что надо убивать всех налево и направо. Ведь полиция тогда противостояла не только нарушителям порядка, но и вооруженным боевикам.

В Москве 1905 года левые революционные экстремисты и правые черносотенные экстремисты с двух сторон разрушали общественный порядок и безопасность, пока это не закончилось катастрофой.

Летом того года черносотенцы объявили охоту на иностранцев. Главными врагами среди них националисты тогда считали японцев и англичан (потом их заменят немцы и австрийцы, потом еще кто-нибудь и так без конца). Но японцев в Москве, да и вообще в России, в «свободном доступе» не было. А британцы были! И московской полиции пришлось их охранять.

16 июня градоначальник граф П. П. Шувалов поставил каждого участкового пристава в известность: «В виду полученных негласных сведений по поводу господствующего, будто бы, возбуждения в империи против великобританских подданных и распространяющейся по Москве прокламации за подписью: “Издание Народного Союза”, призывающей народ к избиению иностранцев, — я предлагаю Вашему Высокоблагородию принять все зависящие от Вас меры к тому, чтобы подобного рода воззвания не были распространяемы во вверенном Вам районе, и, вместе с тем, оградить жизнь и имущество иностранных подданных от возможных посягательств на них толпы»⁷³.

Обычно с наступлением летнего тепла рабочие в свободное время выбирались в загородную местность для отдыха на природе. Сейчас это называли бы пикниками, а тогда говорили — маевки, хотя продолжались они весь летний сезон. Революционеры использовали это для ведения среди рабочих агитационной и организационной работы, превращая маевки в оппозиционные собрания. Активность подпольщиков переместилась на прилегающую к городу территорию Московского уезда.

Вице-губернатор В. Ф. Джунковский докладывал генерал-губернатору: «Еще около двух лет тому назад было замечено, что в летнее время <...> главари социал-демократической и революционной [эсеровской. — А. Ш.] партий начали время от времени собирать сходки в различных местах уезда, но сходки эти собирались не особенно часто, главным образом во время происходивших в Москве каких-нибудь забастовок. <...> За истекшие шесть месяцев [написано

23 августа 1905 года. — А. III.] картина резко изменилась. Стачки и забастовки на фабриках и заводах сделались явлением хроническим и продолжаются почти непрерывно. Без них [сходок. — А. III.] не проходит ни одного праздника, при чем оне обыкновенно устраиваются сразу в нескольких местах уезда, и в будни почти каждый день получают сведения о найденных или отобранных в разных местах прокламациях»⁷⁴.

Заметное ухудшение ситуации с поддержанием порядка в Москве произошло в конце весны и начале лета 1905 года. Этому поспособствовали два события, связанные с неудачами в ходе Русско-японской войны. О первом из них Джунковский пишет: «16 мая вся Россия содрогнулась — получено было потрясающее известие о гибели эскадры адмирала Рожественского под Цусимой». Это была грандиозная катастрофа, с этого времени слово «цусима» стало нарицательным для обозначения любой катастрофы или трагедии, случив-

Петровские казармы жандармского дивизиона. Фотография 1900-х

шейся по вине властей. Вторым событием стало начало в июне очередной, уже восьмой частичной мобилизации запасных нижних чинов.

Война на Дальнем Востоке с самого начала была крайне непопулярна и в широких народных массах, и в кругах образованного общества. Она шла уже полтора года, не принесла никаких успехов, зато требовала огромных жертв. На Дальневосточный фронт отправляли все новых и новых мобилизованных запасников, отрывая их от семей и от хозяйств. Превратившись в солдат, эти люди совершенно бесполезно гибли или становились калеками в сражениях, которые заканчивались все новыми поражениями. Цусима окончательно убедила подавляющее большинство населения Российской империи в недостижимости успеха и в напрасности этих жертв. И тут стало известно о новой мобилизации. К тому же мобилизация была плохо организована, проводилась с «накладками», как и все на той войне. Собранных в эшелоны запасников даже не могли своевременно обеспечить питанием.

Бои в Маньчжурии затихли. Армии бездействовали. Нужно ли было вообще проводить эту мобилизацию?

После Цусимы «бездарность деятельности военного командования и государственной власти» начали активно разоблачать уже не только революционеры, но и представители либеральных кругов. Антиправительственную агитацию с требованиями прекратить войну теперь вела и легальная пресса, а не только подпольные издания. А власти считали, что решение проблемы состоит в том, чтобы зажать прессе рот и подавить подпольщиков.

Генерал-губернатор Козлов 18 июня экстренно обратился к министру внутренних дел: «Убедительно прошу распоряжения Вашего Высокопревосходительства о воспрещении печатать что-либо по сему предмету [о призыве запасников. — А. III.] без предварительной цензуры...»⁷⁵

Московское охранное отделение докладывало: «В видах прекращения возникшей 13 сего июня забастовки рабочих на фабрике товарищества Голутвинской мануфактуры по Большому Голутвинскому переулку, московским градоначальником была принята депутация рабочих этой мануфактуры. Во время приема рабочие заявили, что они не могут не верить агитаторам, так как то о чем говорят агитаторы помещается в местной прессе. <...> Подобное заявление рабочих свидетельствует о том зловредном влиянии,

которое оказывает ныне пресса на и без того повышенном настроении рабочих масс»⁷⁶.

На самом деле это свидетельствовало о том, что политическая полиция, да и власть в целом, проигрывают борьбу с революционной агитацией. Так же, как военное командование проигрывало войну с Японией.

Непонимание того, что происходит в обществе, в том числе в армии, доходило у высших сановников империи до уровня некомпетентности и даже неадекватности. Об этом говорит, например, пространная телеграмма, отправленная 29 мая в Москву уже бывшим главнокомандующим войсками на театре военных действий генерал-адъютантом А. Н. Куропаткиным. Предназначалась она Московскому губернскому предводителю дворянства князю П. Н. Трубецкому⁷⁷: «Тяжелое впечатление в армии производят доходящие из России известия об стараниях многих маломужественных деятелей скорей заключить мир, забывается при этом, что мир заключенный до победы не может быть почетным, поэтому не будет и прочным; между тем наша армия никогда еще не была так сильна и готова к самому упорному бою как теперь; победа много ближе к нам, чем это кажется издали; войска относятся полным доверием новому своему главнокомандующему, войска прочно обеспечены всем необходимым и их санитарное состояние отлично. Мы радостно встретим весть. Что японцы двинулись на нас и сами готовы когда последует на то приказ с верою в свои силы двинуться на них <...> мы лишились флота, но наша армия в Маньчжурии сохранена и, повторяю, более сильна, чем когда бы то ни было...»

Далее Куропаткин сообщает, что у японцев все совсем плохо, и призывает: «И, если москвичи не чувствуют себя по прежним мерам в силах послать к нам своих лучших сынов, то пусть они по крайней мере не мешают нам исполнить свой долг на полях Манчжурии до победного конца». Интересно, что генерал не хочет обнародования своего мнения и просит не публиковать телеграмму. «Появление ее в печати за моею подписью представляется вполне не желательным», — именно так нелепо он это формулирует.

Но главное не это. Во-первых, генерал-адъютант совсем не представляет себе, что творится в государстве и обществе. Ведь правительству вот-вот придется вести боевые действия против своих граждан — рабочих, студентов, моряков, солдат, крестьян. Где уж тут продолжать войну с Японией. Во-вторых,

Куропаткин то ли вовсе не знает ситуацию в своих войсках, то ли сознательно дезинформирует своих адресатов. Может, он так и верховную власть дезинформировал?

О положении в российских Маньчжурских армиях в 1905 году рассказали в своих мемуарах участники той войны. Капитан Генерального штаба граф А. А. Игнатьев тогда служил как раз в штабе Куропаткина. Вот его воспоминания:

«На плечах этих бородачей еще мелькали погоны всех цветов радуги, все они несли никому уже не нужные винтовки, но это уже были не солдаты. Офицерства не видно, оно где-то плетется, стараясь не быть замеченным. Оно бес- сильно привести в какой бы то ни было порядок этот стихийный поток, рвущийся на север подальше от кошмара пыльных мукденских полей <...> незаметно для себя я с каждым днем все больше убеждался в том, что продолжать нелепую войну преступно.

— Куда идешь, служивый? — спросил я, идя на вокзал, у бородача с винтовкой, на штык которой были насажены два каравай хлеба. Он остановился, но, не сходя с железнодорожного пути, спокойно и рассудительно ответил:

— Домой иду, ваше благородие! В Тамбовскую губернию! Так что полк наш совсем разбили, я вот и решил, что пора кончать»⁷⁸.

Военный врач и выдающийся русский писатель В. В. Вересаев находился на службе в одном из фронтовых госпиталей. Его описание еще более удручающее:

«Все томились одним неотвязным, жадно ждавшим ответа вопросом: когда же, наконец, домой? Но сверху было все то же равнодушное молчание. В солдатах кипело глухое, злобное раздражение, им хотелось сделать что-нибудь такое, чтобы заставить, наконец, поскорее везти их домой. Они грозили “забастовкой”. Но какая забастовка могла быть там, где люди все равно ничего не делали? Она могла выразиться только в одном, — в избиении офицеров. И этим пахло в воздухе. А тут еще пошли слухи, что правительство боится везти домой возмущенную неудачами и непорядками армию, что решено всю ее оставить здесь. Солдаты злобеще посмеивались и говорили:

— Держат тут, боятся, — домой приедем, бунт устроим. Сколько ни держи, а домой, все одно, придем, свое дело сделаем. <...>

Сотрудники московской конной полиции.
Фотография 1900-х

Армия на глазах трещала и разваливалась. Собственно говоря, никакой армии уже не было, — было огромное скопище озлобленных людей, не хотевших признавать над собою никакой власти. <...>

В будни кое-как еще можно было ездить по дорогам, в праздники, когда солдаты были пьяны, это было почти невыносимо. Верховой офицер обгоняет кучку солдат, вслед ему несутся ругательства.

— Ишь, едет! Давайте, братцы, ссодим его!.. Всех вас, мерзавцев, перестреляем, дай срок! Покуражились над нами, будет!

Однажды я встретил на дороге шедшую под конвоем большую толпу обезоруженных солдат. Все были пьяны и грозны, осыпали ругательствами встречаемых офицеров. Конвойные, видимо, вполне разделяли настроение своих пленников и нисколько им не препятствовали»⁷⁹.

И это с такими войсками Куропаткин собирался продолжать войну «до победного конца»? Тем временем японцы, у которых, по мнению генерала, было «все совсем плохо», в июле заняли остров Сахалин. Но, похоже, что и многие другие высшие сановники на своих постах ориентировались не лучше, чем Куропаткин.

Революционная агитация ширилась и находила все больший отклик у людей. Летом 1905 года антиправительственные выступления происходили среди рабочих, крестьян, военнослужащих армии и флота. Во время стачки ткачей в Иваново-Вознесенске забастовщиками впервые был создан революционный орган власти. Чуть позже такие органы станут называть Советами рабочих депутатов. Забастовка в городе Лодзь закончилась тем, что рабочие взяли за оружие. На Черноморском флоте произошло восстание матросов на

броненосце «Князь Потёмкин-Таврический». А всего за летние месяцы в вооруженных силах случилось около 40 выступлений против власти⁸⁰.

В Москве ситуация тоже становилась все сложнее. Агитаторы подпольных партий активно работали среди рабочих, студентов, служащих, солдат гарнизона. Охранное отделение проводило ликвидации наиболее деятельных агитационных групп революционеров.

Примером может служить операция по обезвреживанию группы коммунистов-анархистов, проведенная МОО в июле 1905 года⁸¹. Эта группа занималась распространением листовок и брошюр экстремистского содержания, которые контрабандой привозились из-за границы, а также нелегально печатались в Москве. По агентурным данным и путем наружного наблюдения полицейские установили 11 участников этой организации. Возглавлял ее потомственный почетный гражданин Владимир Федоров-Забрежнев. Ему помогали домашние учительницы Софья Иванова и Капитолина Соколова.

В ночь на 16 июля у всех 11 подозреваемых были произведены обыски. При появлении полицейских Федоров-Забрежнев выхватил из кармана револьвер и направил его на жандармского ротмистра Л. Ф. Крушинского. Но полицейские надзиратели Кондратьев и Каганов тут же схватили злоумышленника. Он все же сумел выстрелить, но промахнулся, и был обезоружен.

По результатам обысков были арестованы восемь человек. У них обнаружили нелегальную литературу, печать группы, гектограф. Трое подозреваемых были оставлены на свободе «по безрезультатности обысков». И в 1905 году, и позже полицейские действовали в соответствии с законом. Людей, заподозренных в революционной деятельности, никогда не арестовывали, не получив реальных улик их экстремистских действий. Хотя некоторые полицейские и сетовали на это, но закон исполняли. За этим строго следили судебные власти. Представить себе такое в послереволюционные времена трудно.

По двум адресам, на дачах Федорова-Забрежнева и Соколовой, где происходили собрания группы, оставили засады. 17 июля там были задержаны крестьянин Василий Чугурин и дочь потомственного почетного гражданина Софья Владимирова. У обоих изъяли прокламации и брошюры. Выяснилось, что человек, называвший себя Чугуриным, проживает нелегально под чужим именем. Но полицейским стало известно, что это крестьянин Василий Громов.

Среди арестованных обнаружился еще один нелегал. Он предъявил документы на имя сына титулярного советника Ивана Добролюбова. Но быстро установили, кто он такой — мещанин Василий Коновалов, привлекавшийся в 1903 году Нижегородским губернским жандармским управлением к следствию по обвинению в революционной деятельности.

При проверке связей арестованных был объявлен в циркулярный (то есть повсеместный) розыск Сергей Якорев, недавно прибывший из-за границы. Его арестовали в Перми. При нем был чемодан с заграничной анархистской литературой. Правда, Якорев из-под ареста сумел сбежать. Но деятельность экстремистской группы была пресечена.

Несмотря на отдельные успехи, политическая полиция проигрывала борьбу с революционерами и в России в целом, и в Москве в частности. Московское охранное отделение стало жаловаться, что ему не хватает тайных агентов и сотрудников наружного наблюдения. Один из рапортов гласит: «Усиливающееся с осени прошлого года и прогрессирующее революционное, общественное и рабочее движение в столице вызвали <...> необходимость <...> в увеличении числа <...> наблюдательных и секретных агентов». Кроме того, требовалось «привлечь к деятельности Охранного Отделения <...> интеллигентных и вследствие этого дорого оплачиваемых сотрудников»⁸².

Московской охранке ежегодно ассигновали на ведение розысков 112 тысяч рублей. Казалось бы, это по тем временам очень большая сумма, но на деле же этого было недостаточно. Уже к 1 января 1905 года перерасход составил более 11 тысяч рублей, а к 1 июня увеличился еще на 5 тысяч. Московский градоначальник граф П. П. Шувалов 11 июня ходатайствовал перед Департаментом полиции и Министерством финансов о дополнительных ассигнованиях⁸³. А 28 июня его застрелил эсер-террорист, а охранное отделение со всей своей агентурой не смогло этого предотвратить.

По всей Российской империи, от Финляндии до Армении, экстремистские партии начали подготовку массовых вооруженных выступлений. Савинков в своих воспоминаниях сообщает, что Центральный комитет ПСР провел в Женеве совещание и принял решение «учредить особую организацию в целях боевой подготовки масс». Возглавил ее эсер Петр Рутенберг. «Он должен был приготовить квартиры для складов оружия в Петербурге, изыскать возмож-

ность приобретения оружия в России, получить от армян, членов партии «Дашнакцутюн» транспорт бомб, нам ими уступленный, наконец, выяснить возможность экспроприации в арсеналах. Предполагалось, впоследствии, когда окрепнет организация в Петербурге, расширить деятельность ее на всю Россию. Дальнейшим шагом в этом направлении была экспедиция корабля «Джон Крафтон».

Член финской Партии активного сопротивления журналист Жонни Цилиакус сообщил центральному комитету, что через него поступило на русскую революцию пожертвование от американских миллионеров в размере миллион франков, причем американцы ставят условием, чтобы деньги эти, во-первых, пошли на вооружение народа и, во-вторых, были распределены между всеми революционными партиями без различия программ»⁸⁴.

То есть из-за границы пришла значительная сумма денег для того, чтобы вооружить в Российской империи всех, кто готов выступить с этим оружием против существующей власти. При этом были озвучены подозрения, что средства эти ассигнованы не американскими бизнесменами, а японским правительством. Но революционеры предпочли данной версии не поверить.

Далее события развивались так. В Англии на имя норвежского купца приобрели корабль «Джон Крафтон», наняли шведскую команду моряков, загрузили судно «под завязку» оружием и взрывчаткой. Доставить все это предполагалось в несколько мест на побережье Прибалтики и Финляндии. Но пароход сел на мель в Ботническом заливе. Опасаясь ареста, команда взорвала судно вместе с грузом. Небольшую часть этого оружия спрятали на ближайшем острове. Но там его обнаружила пограничная стража. Возник большой скандал внутри революционного движения. Савинков по этому поводу пишет, что сам он не участвовал ни в этой операции, ни в подготовке массовых выступлений вообще, «если не считать», по его словам, «присутствия на нескольких совещаниях» и «покупки в Антверпене транспорта револьверов, предназначенных для России»⁸⁵. Всего-навсего. Можно сказать, что он тут ни при чем. Зато предельно ясно написал, что именно революционеры «предназначали» для России.

В Москве тоже шла подготовка к массовым вооруженным выступлениям. Экстремистские партии тайно формировали из рабочих и студентов отряды боевиков и стремились вооружить их. Для этого использовали и легальные

пути. Например, полиция обратила внимание, что резко возросло количество продаж в магазинах огнестрельного оружия. 27 августа 1905 года МОО разослало по всем полицейским участкам города циркуляр, предписывающий участковым приставам взять под контроль деятельность оружейных магазинов. Владельцы обязывались представить заверенные своей подписью сведения о «наличных остатках» оружия, о его поступлении и о продаже за каждый месяц текущего года, начиная с 1 января⁸⁶.

Революционеры все настойчивее пытались проникать в расположения воинских частей, вести разговоры с военнослужащими, распространять среди них свою литературу. Это касалось и тех частей, которые считались наиболее надежными «опорами престола». В случае вооруженного восстания такие части могли стать ударной силой в операциях по его подавлению.

Охранное отделение сообщало: «По полученным агентурным сведениям, группа пропагандистов Московского комитета Российской социал-демократической рабочей партии, приобретя связи в Донском казачьем полку и в 1 Гренадерской артиллерийской бригаде <...> намеривались провести в широких размерах пропаганду среди нижних чинов упомянутых войсковых частей»⁸⁷.

По приказу командира 1-го Донского казачьего полка 24 июля в расположении части были задержаны двое агитаторов. У них обнаружили значительное количество революционных воззваний, обращенных к военнослужащим. Задержанных передали в охранное отделение. Там решили провести срочную ликвидацию группы. Полицейские установили имена 20 участников этой организации. У них провели обыски. Правда, один из подозреваемых не был обнаружен. Зато в другой обыскиваемой квартире задержали неизвестного человека, у которого изъяли заряженный браунинг и несколько прокламаций. Тут сотрудники охранного отделения совершили явный промах. Они отправили задержанного в полицейский участок под конвоем дворников. По дороге тот сбежал от них.

В результате обысков изъяли подпольную литературу, оружие и боеприпасы: «револьвер “Бульдог”, три револьвера “Браунинг”, пять коробок патронов к ним». Тут надо заметить, что на самом деле эти браунинги были не револьверами, а пистолетами. Но в то время даже в официальных документах эти виды оружия не различали. До середины XIX века в российской армии и полиции

Велосипедный отряд московской полиции. Фотография 1900-х

использовали однозарядные пистолеты. Затем им на смену пришли многозарядные револьверы. В начале XX века в России стал распространяться новый вид короткоствольного огнестрельного оружия — многозарядные полуавтоматические пистолеты. По привычке их продолжали называть револьверами, хотя они револьверами совсем и не являлись.

Охранное отделение арестовало семерых участников социал-демократической агитаторской группы, у которых были найдены улики их противозаконной деятельности. Остальных 12 человек оставили на свободе. Ни малейших нарушений законности в отношении подозреваемых допущено не было. Когда члены этой партии придут к власти, они будут действовать совсем иначе. Интересен состав этой подпольной группы. Среди ее участников представители разных социальных слоев и национальностей Российской империи. Из 20 человек — пятнадцать мужчин и пять женщин. По социальной принад-

лежности больше всего было мещан — 7 человек; дворян, сыновей чиновников и офицеров — 5 человек; а кроме того — крестьяне, сыновья купцов, сын священника, потомственный почетный гражданин. По национальности — 1 поляк, 2 армянина, 7 евреев, 10 русских (хотя в это число включили двух уроженцев Витебской губернии, вероятно, белорусов). По роду занятий — 4 студента и 1 бывший студент Московского университета, 1 студент Берлинского университета, 1 аптекарский помощник; женщины — учительница, зубной врач, фельдшерица, акушерка. Остальные определенных легальных занятий не имели.

Казалось бы, черносотенцы правильно определили своих врагов — «жиды», «инородцы», студенты, интеллигенты. Но их принципиальной ошибкой, ведущей к преступлениям, было объявление врагами всех евреев и людей других национальностей, всех студентов, всех интеллигентов.

Удивительно, что среди революционеров оказалось довольно много людей из семей высокопоставленных чиновников, купцов, священников. Тех, кто, казалось бы, должен был поддерживать существующий строй. Ведь он обеспечивал им социальное благополучие и достаток. Например, в списке арестованных участников данной агитаторской группы вторым по важности значится потомственный дворянин, сын статского советника (то есть гражданского генерала) Николай Владиславович Рыковский. Его отец Владислав Рудольфович Рыковский до 1900 года возглавлял Московскую сыскную полицию. Узнав о принадлежности сына к революционному движению, он оставил службу в МВД и уехал служить на Кавказ. А сын, как видим, свою антиправительственную деятельность не прекратил.

К этому времени во многих местностях империи, в том числе в Москве, было введено в действие Положение об усиленной охране. Согласно ему, дела революционеров, совершивших или готовивших преступления с применением оружия, рассматривались не гражданскими, а военными судами, «для ускорения производства». Такие суды часто выносили смертные приговоры. Окончательно приговоры утверждались соответствующими генерал-губернаторами или командующими войсками военных округов. Но осужденные могли подавать кассационные жалобы в Главный военный суд. И, как правило, им в этом не отказывали. Поступал так и московский генерал-губернатор Козлов. Благо-

даря кассационной жалобе Петру Куликовскому (убийце градоначальника Шувалова) смертный приговор заменили бессрочной каторгой.

Из-за этого 2 сентября 1905 года товарищ министра внутренних дел, «заведывающий полицией» Трепов и «заведывающий политической частью» Департамента полиции П. И. Рачковский специальным письмом напомнили новому московскому генерал-губернатору П. П. Дурново, что он имеет право «не давать хода поданным жалобам в тех случаях, когда интересы общественной безопасности вызывают необходимость немедленного исполнения над подсудимым наказания»⁸⁸.

Полиция против уголовных преступников

В это время московская полиция вела борьбу не только с политической, но и с уголовной преступностью. В том числе полицейские успешно боролись с профессиональными воровскими шайками. Вот пример ликвидации летом 1905 года такой преступной организации.

Недавно назначенный новый руководитель Московской сыскной полиции Александр Иванович Войлошников лично проводил розыски по важнейшим делам. Одним из первых таких дел стал для него разгром шайки профессиональных высококвалифицированных воров-взломщиков, которые весьма добычливо промышляли не только в Москве, но и в других городах империи, а также связанных с ними скупщиков краденного. Это дело показывает широкий спектр оперативных методов, использовавшихся сотрудниками МСП.

В ночь на 1 мая 1905 года злодеи взломали потолок здания, располагавшегося почти в центре города — на Варварке. Проникнув в помещение склада Соколовской мануфактуры, они вскрыли несгораемый шкаф. По заявлению владельца мануфактуры Асафа Баранова, из хранилища было похищено драгоценностей на сумму 22 тысяч рублей и ценных бумаг на сумму около 48 тысяч. По тем временам это очень значительные деньги. Несгораемый шкаф, где хранились ценности, оказался довольно крепким, и взломщики изрядно повозились, вскрывая его. Они даже изломали часть своих инструментов. Сразу после вскрытия сейфа злодеев спугнули, и они покидали место преступления в большой спешке. При этом воры бросили поломанные инструменты, маску и накидку из черной материи, электрический фонарь и финский нож. Но обна-

ружить преступников по горячим следам не удалось. Позже выяснилось, что вскоре после кражи они на время покинули Москву. Лишь в июле московским сыщикам удалось напасть на их след.

Тайная агентура МСП сообщила, что в таких роскошных ресторанах, как «Эрмитаж», «Эльдорадо», «Яр», «Омон», «Гурзуф» появился подозрительный завсегдатай. Он вел разгульный образ жизни, соря деньгами направо и налево. В рестораны этот тип являлся всегда с компанией, в которой мелькали одни и те же люди. Приезжали они на роскошном собственном выезде из трех экипажей с отличными лошадьми. Обязательно заказывали музыкальный хор и отчаянно кутили. Расплачивались кутилы щедро и постоянно разменивали крупные банкноты в 500 и 100 рублей.

Заинтересовавший сыщиков человек носил фуражку лейб-гвардии Уланского полка, кольца с крупными бриллиантами, трость с золотыми вензелями, осыпанными алмазами. Одна эта трость стоила несколько сотен рублей. За подозрительным человеком установили секретное наблюдение. Выяснили, что живет он на даче в Петровском парке, определенных занятий не имеет, кроме ресторанов, часто посещает кокоток, с прислугой держит себя надменно, но раздает большие суммы «на чай». Находясь в хорошем настроении, он дал 100 рублей садовнику, сажавшему на даче цветы. По документам он числился как херсонский мещанин Андрей Крылов. Но сыщики быстро установили, что это уроженец Варшавы Альфред Радзиковский, вор-рецидивист, лишенный по суду всех прав, профессиональный взломщик по кличке Профессор.

Кроме него, на той же даче проживали братья Яков и Исер Чижик, оба известные воры, а последний еще и подозревался в покушении на убийство. С ними жили женщины — певица ресторана «Омон» Фредерика Чижик, «кочующая певица» из Варшавы Луиза Венцель и крестьянка Марфа Сорвина. В качестве прислуги на даче находилась крестьянка Юзефа Райвитис. Ее муж, вор и убийца, отбывал срок на каторге.

По агентурным данным, полученным сыщиками, именно шайка Радзиковского совершила кражу у Баранова. Розыск возглавил сам Войлошников. Он сформировал для этого розыскную группу, в которую включил исполняющего дела делопроизводителя МСП губернского секретаря В. С. Стефанова, его

Московская полиция. Фотография начала XX в.

помощника коллежского регистратора П. А. Кельбедина и полицейского надзирателя МСП «неимеющего чина» казака Елоева.

В ночь на 13 июля сыщики внезапно задержали всех, живших на даче с Радзиковским, а также находившегося там известного вора Самуила Якубовича. На даче был произведен обыск, но никаких улик, доказывающих участие задержанных в краже со склада Соколовской мануфактуры, найдено не было. Все были отправлены в камеры при Управлении МСП, а на даче оставлена засада. На второй день в нее попал вор-рецидивист Захар Анисимов, он же — Блохин. Ему было 50 лет, и он носил кличку «Дедушка». У Анисимова обнаружили 3 тысячи рублей. Видимо, он принес их для компании Радзиковского.

Войлошников заметил, что Радзиковский в камере ведет себя беспокойно. Задержанный постоянно требовал бумагу для написания прошений. От сыщика не ускользнуло, что часть бумаги Радзиковский утаил. Начальник МСП сделал вывод, что вор опасается за плохо припрятанные похищенные им вещи и хочет послать кому-то письмо. Александр Иванович решил помочь ему в этом.

Радзиковского перевели из Управления МСП в Яузский полицейский дом (изолятор временного содержания). Там надзор за арестантами был слабее.

Но смотрителя полицейского дома предупредили о необходимости скрытно и тщательно следить за Радзиковским, и о том, что ему надо посодействовать в попытках связаться с соучастниками на воле. В первый же день задержанный договорился с арестантом Мартыновым из другой камеры и передал тому письмо. От полицейских это не укрылось. Затем Мартынов подкупил служителя полицейского дома Иванова, чтобы тот доставил письмо по указанному адресу. Иванов записку и деньги передал начальнику МСП.

Письмо предназначалось владельцу трех часовых магазинов и известному сыщикам скупщику краденного Семену Душенкову. Радзиковский просил спрятать в самое безопасное место переданные тому на хранение вещи. Душенкова задержали. При обыске у него обнаружили часть похищенных драгоценностей. Баранов эти вещи опознал. Поскольку кража была чрезвычайно крупной, то и наказание за соучастие в ней грозило тяжелое. Пользуясь этим, Войлошников быстро «сломал» Душенкова. Тот согласился оказать содействие сыщикам. На допросе арестованный скупщик рассказал следующее. 1 мая Радзиковский пригласил его в меблированные комнаты, где по подложному документу снимал номер. Там уже находились воры-взломщики Яков Чижик, Александр Вербин и Петр Растоскуев. Они предложили Душенкову, как специалисту по драгоценным камням, оценить украденные ими ювелирные изделия, разломать крупные вещи и разделить все между ними поровну. Добыча была столь большой, что воры не обращали внимания на мелкие бриллиантики, которые при разломе вещей отлетали в стороны, «как брызги». Душенков сразу заметил среди украденного редкий розовый бриллиант чистой воды и сумел незаметно его стащить. После раздела добычи Радзиковский отдал свою часть Душенкову на хранение, и тот ушел.

Войлошников решил использовать Душенкова для «агентурной игры». Он предложил скупщику написать Радзиковскому ответное письмо. В письме говорилось, что вещи спрятаны хорошо, спрашивалось, чем еще можно помочь арестованному взломщику, и сообщалось, что полицейский служитель, передавший письмо, надежно подкуплен.

Радзиковский «клюнул» на это. В следующем письме он просил найти двух лжесвидетелей за плату по 100 рублей каждому. Они должны были подтвер-

дить у судебного следователя, что Радзиковский в их присутствии выиграл в карты у какого-то купца несколько десятков тысяч рублей. Еще он просил связаться с полицейским писарем 1-го участка Мясницкой части Константином Виноградовым. За 300 рублей писарь должен был задним числом вписать в регистрационную книгу, что Радзиковский в ночь на 1 мая находился в этом участке под арестом за пьянство.

Душенков под диктовку сыщиков ответил, что у него нет наличных денег. Тогда Радзиковский сообщил, что деньги можно взять у «Бабушки». Такова была кличка сожительницы арестованного Анисимова. Полицейские установили, что это — мещанка Федосья Сахарова. Она жила в Бутырском районе и владела пакетной мастерской. «Бабушка» и была избрана шайкой в качестве «кассира». Ей передали 17 тысяч рублей, а она и ее сын Михаил спрятали деньги на складе мастерской в кипе бумаги весом около 8 пудов (примерно 130 кг). 9 тысяч рублей она уже успела выдать членам шайки или истратить на свои нужды. Остальные деньги сыщики нашли. Сахарову с сыном арестовали.

Оказалось, что Радзиковский при дележе добычи «надул» своих поделников. Во время вскрытия шкафа и поспешного бегства с места преступления он успел прикарманить больше 30 тысяч, а остальным членам шайки объявил, что похищено лишь 17 тысяч. Уверенный, что теперь ему удастся «вывернуться», Радзиковский мечтал, выйдя на свободу, совершить кражу на 100 тысяч рублей и уехать с одной из любовниц в Америку.

Альфред Радзиковский был чем-то похож на появившийся позже литературный персонаж — на Остапа Бендера. Он также изображал из себя того, кем не являлся. Не служа нигде, носил форменную фуражку. Гонялся за «золотым тельцом» и мечтал уехать в Новый Свет. Только, в отличие от Остапа, Альфред мечтал не о миллионе «на тарелочке с голубой каемочкой», а всего-то о 100 тысячах рублей. Он не стремился, чтобы его методы отъема денег были хотя бы «сравнительно честными», и совсем не чтит Уголовный кодекс. Да и «охвостье» Радзиковского было куда страшней и отвратительней, чем у Бендера.

Также из переписки сыщикам удалось выяснить, что инструменты взломщиком закопаны в Петровском парке у соломенной сторожки. Сыщики обнаружили схрон. Инструменты эти были специально изготовлены для взлома сейфов, они оказались заграничного производства и такого высокого качества,

какого в МСП до тех пор не видели. В ходе розыска установили, что их для шайки доставил мещанин Тимофей Соколов. После ареста он сразу сознался.

На даче, где жили члены шайки, сыщики провели повторный обыск, тщательно обследовав стены, фундамент и другие части дома. При этом были обнаружены подложные паспорта, залоговые квитанции, накладная на багаж, отправленный из Варшавы, и даже адреса других преступников.

Затем полицейские установили и задержали Вербина, которого Душенков назвал среди членов шайки и непосредственных участников кражи на складе Соколовской мануфактуры. Оказалось, что под этим именем скрывался профессиональный громила крестьянин Покровского уезда Александр Федин. Он происходил из известной преступной семьи. Его отец и два брата отбывали каторгу за ограбление церквей и убийство. Федин жил на даче в селе Пушкино с любовницей — певицей ресторана «Гурзуф» крестьянкой Анной Мухиной. Когда Войлошников доказал Федину, что Радзиковский обманул его и других подельников, тайно присвоив себе почти половину добычи, громила обозлился на бывшего главаря и начал давать признательные показания. Он подробно рассказал об обстоятельствах совершения кражи, в частности, о том, что в черных маске и накидке был сам Радзиковский. Еще Федин показал, что членами шайки и соучастниками того преступления были уже арестованный Анисимов и не упоминавшийся пока в деле Даниил Шорин. Сыщики уже знали его как преступника. Ранее он был артельщиком и совершил растрату. Теперь они выяснили, что он снабжал членов шайки подложными паспортами и занимался обналичиванием ценных бумаг. Большую часть бумаг, похищенных у Баранова, он обналичил в Петербурге, в меняльной лавке Каменева на Невском проспекте. По фотографии его опознали сотрудники этой лавки.

Теперь члены шайки начали наперебой давать показания, выгораживая себя и «закладывая» остальных. Оказалось, что часть похищенных драгоценностей у них купил содержатель часового магазина на Садовой улице Иван Николаев. Ранее он не был известен сыщикам как скупщик краденного. Вещи эти у Николаева нашли.

Выяснилось, что эта шайка совершила кражи со взломом не только в Москве, но еще в Варшаве, Вильно, Самаре, и собиралась выехать в Нижний Новгород и Казань. Судебный следователь 3-го участка Самары сообщил, что

члены этой шайки подозреваются в ограблении в марте 1905 года часового магазина с убийством двух человек из семьи владельца магазина.

В составе шайки оказались колоритные личности. Многие из них были поклонниками эстрадного пения и певиц. Радзиковский, отправляясь «на дело», надевал черные маску и накидку, будто собирался сниматься в кино-фильме. Анисимов поражал окружающих своей религиозностью. Перед каждым совершением преступления он заказывал молебны в Иверской часовне, а после успешной кражи он ставил к иконам рублевые свечи. Даже в камере при Управлении МСП Анисимов простаивал на молитве по несколько часов. А после соучастия в убийстве он, наверное, постился?

Все материалы дознания, арестованные злодеи и доказательства их вины были переданы судебным властям. Судебный следователь 1-го участка города Москвы начал по этому делу предварительное следствие. Сумевших скрыться из Москвы Шорина и Растоскуева объявили в циркулярный (то есть всероссийский) розыск. Банда была разгромлена.

Московский градоначальник генерал-майор Г. П. фон Медем в приказе по градоначальству и московской полиции объявил Войлошникову благодарность, а также ходатайствовал о представлении его, Стефанова, Кельбедина

Яузский полицейский дом на Садово-Черногразской улице. Фотография начала XX в.

и Елоева к денежным наградам. Но, похоже, что сыщики так и не получили эти награды. Пока представление ходило между генерал-губернатором, Департаментом полиции и Министерством внутренних дел в Москве начались страшные события.

Помощники полиции

Весь 1905 год московская полиция вела изнурительную борьбу с нарушителями общественного порядка, защищая безопасность населения. Но сил для этого явно не хватало. Градоначальник граф П. П. Шувалов рапортовал 12 июня: «Настоящее тревожное время требует от чинов полиции неустанной, непрерывной, а иногда почти непосильной службы. В продолжение текущего полугода особенно чувствовался крайний недостаток в составе нижних чинов полиции и замечалось чрезмерное переутомление их, так как они обязаны были часто безсменно и с крайним напряжением нести службу»⁸⁹.

Необходимо было найти какие-то резервы для пополнения сил правопорядка. Первым из таких резервов стали городские дворники и ночные сторожа. Большинство из этих людей состояли на службе в домах и на предприятиях частных владельцев, меньшая часть служила в государственных учреждениях, но все они считались как бы внештатными низшими служащими полиции⁹⁰.

При поступлении на службу дворники и сторожа проходили специальную регистрацию в полиции и проверку на благонадежность. И только прошедшие эту процедуру допускались на соответствующие рабочие места. Полиция вела картотеку работников этих категорий, где фиксировалось прохождение ими службы. За примерное выполнение служебных обязанностей им следовали денежные награды от обер-полицмейстера, а теперь — от градоначальника. За нарушения установленных городскими властями правил дворники и сторожа получали взыскания (штрафы или кратковременные аресты), а то и могли быть уволены со службы.

Деятельность этих лиц определялась официальным документом — Инструкцией для домовых дворников и ночных сторожей, изданной московским генерал-губернатором 14 октября 1881 года.

Обязанности дворников тогда были намного обширней, чем сейчас. Они не только поддерживали чистоту на закрепленной за ними территории. Дворники

сlediли за соблюдением паспортного режима. Инструкция указывает: «Дворник обязан знать в лицо всех жильцов, живущих в доме. <...> Он обязан наблюдать, чтобы никто из жильцов не укрывал у себя незаявленных полиции людей, и тотчас доводить до сведения местного участкового пристава о каждом укрывающемся или ночующем в доме лице, не принадлежащем к числу домовых жильцов»⁹¹.

Дворники оказывали первую помощь людям, пострадавшим от несчастных случаев и преступлений, не допускали появления во дворе подозрительных людей, пресекали преступные покушения, содействовали в задержании и доставлении преступников в полицейские участки. Для таких случаев у каждого дворника был свисток, которым он призывал на помощь полицейских и дворников соседних домов. А еще дворники по требованию полиции сообщали сведения об образе жизни и поведении жильцов, участвовали в обысках жилищ подозреваемых.

Теперь же дворников и сторожей стали постоянно использовать для усиления полицейских постов и патрулей.

Следующим резервом полиции стали члены так называемой добровольной охраны. Это формирование напоминало современные добровольные народные дружины. Оно состояло из горожан, изъявивших желание безвозмездно содействовать охране общественного порядка. Их добропорядочность проверялась полицией по данным картотек уголовного и политического учета. Обычно добровольную охрану собирали для помощи полиции во время грандиозных массовых мероприятий — приездов в Москву августейших особ, празднования важных государственных юбилеев. Теперь же эта помощь требовалась постоянно.

Дворники и члены добровольной охраны не имели оружия и не проходили специальной подготовки. В условиях, когда противостоять приходилось многочисленным, организованным, а часто и вооруженным противникам, это значительно снижало эффективность их помощи. Но многие из них защищали общественный порядок не только добросовестно, но и самоотверженно. Граф Шувалов указывал: «...Никакого особого вознаграждения за эту необычную службу, нередко весьма тяжелую, эти лица не получают, а между тем поощрение их представляется необходимым»⁹². Он ходатайствовал перед МВД о раз-

решении «вне установленных правил» награждать особенно отличившихся помощников полиции серебряными медалями «За усердие».

Генерал Трепов не просто удовлетворил это ходатайство. Он посчитал нужным изменить наградные правила. С этого времени «дворников, ночных сторожей и лиц, участвующих в добровольной охране» следовало представлять к награждению «за особые заслуги». Предписывалось «подробно излагать в чем таковыя заключались». Никакие сроки выслуги лет для таких награждений не требовались. Кроме того, людей, состоящих в должностях старших дворников не менее пяти лет, разрешалось «представлять награждению медалями не только за выдающиеся отличия, но и за постоянно оказываемые полиции услуги в деле розыска и полицейского наблюдения»⁹³. Так же, как и для нижних чинов полиции, представления к награждению должны были делаться один раз в год — 1 сентября. А вручение медалей происходило 1 января следующего года. 1 сентября 1905 года градоначальник представил к награждению серебряными нагрудными медалями на Станиславских лентах 78 старших дворников и 8 ночных сторожей⁹⁴.

Для помощи полиции, правда, только в самых чрезвычайных ситуациях, могла использоваться и московская пожарная охрана — у пожарных было полно дел и по своей основной службе.

Городские власти решили усилить противопожарную службу. В то время в Москве она состояла из 17 пожарных команд городских частей, учебной команды (она называлась Рядской), канцелярии бранд-майора и мастерских пожарного депо. В приказе по Московской пожарной команде от 21 августа 1905 года объявлялись «временныя изменения штата» этой команды, утвержденные градоначальником. Численность пожарных определялась в 980 человек, в том числе один бранд-майор и 20 брандмейстеров (из них один заведующий хозяйством и 1 делопроизводитель при бранд-майоре).

Иногда пожарным приходилось участвовать в весьма необычных операциях по охране общественного порядка и безопасности. Например, 18 августа того года в 11 часов вечера поступило сообщение о том, что из цирка Саламонского сбежали три льва. Для «загонки» хищников были вызваны пожарные Тверской и Сретенской команд. «Благодаря отважно-молодецкой работе и неустрашимости пожарных звери были водворены на свое место»⁹⁵. При этом

Граф Павел Павлович Шувалов, московский градоначальник в апреле — июне 1905 г.
Фотография начала XX в.

отличился служитель Тверской команды Федор Губанов. На него бросился один из хищников, но Губанов показал, что пожарный храбр не менее льва, а с нужным инструментом в руках и не менее силен. Ударом лома он «сшиб» зверя, а потом загнал в клетку. Губанов и еще один отличившийся пожарный получили денежные награды по 3 рубля. Остальным участникам операции выдали по чарке водки⁸⁶.

С 5 мая в Москве вновь стали назначаться «усиленные наряды» от полиции, жандармерии и войск Московского гарнизона. Эти «весьма частые и многочисленные» наряды несли дежурства в различных местах города для предот-

вращения и пресечения массовых беспорядков⁸⁷.

И тут у градоначальника и генерал-губернатора возникла еще одна проблема. Людей, находящихся в таких нарядах, требовалось обеспечить питанием и желательно усиленным. Еще в январе и феврале на «пищевое довольствие» офицеров и нижних чинов были израсходованы значительные суммы. Теперь траты вновь стали расти. Делалось это за счет денег, ассигнованных по другим статьям и нужно было как-то расход возместить.

Генерал-губернатор Козлов просил министра внутренних дел об ассигновании на это 10 тысяч рублей, но дело не двигалось. Тогда генерал напомнил, что прежде в распоряжение генерал-губернаторов выделялось 12 тысяч рублей в год на экстраординарные нужды и представительство. Он просил отпустить ему эту сумму для оплаты питания людей в «усиленных нарядах». Тогда ему

ответили, что ассигнования на экстраординарные расходы отменены императором, но все же выделили деньги на пищевое довольствие⁹⁸.

В распоряжении градоначальника находилась одна конная часть — Московский жандармский дивизион. Но теперь для надежного поддержания порядка в крупном городе в экстремальных условиях этого не хватало. Командование МВО по просьбам градоначальника выделяло подразделения армейских кавалеристов в помощь полиции. Но полицейское начальство считало необходимым получить в свое полное распоряжение еще одну конную воинскую часть. Особенно важно это было для губернской полиции, которой постоянно требовались конные силы для патрулирования лесной пригородной местности в целях пресечения рабочих сходок, на которых численность присутствовавших людей достигала иногда нескольких сотен человек⁹⁹.

Узнав, что некоторые мобилизованные второочередные казачьи полки предназначаются специально для поддержания порядка внутри империи, московское полицейское начальство запросило для себя один из таких полков. Штаб полка и три казачьих сотни из его состава должны были располагаться в Москве, и еще по одной сотне — в Коломне и в Серпухове¹⁰⁰. 11 июля генерал-губернатору сообщили, что Главный штаб сделал соответствующие распоряжения. А 21 июля в Москву прибыли подразделения 34-го Донского казачьего полка.

Требовалось срочно разместить в городе около 500 казаков и столько же лошадей. Генерал-губернатор Козлов считал, что их лучше всего дислоцировать в шести пунктах по одной полусотне для быстрого «содействия полиции при подавлении беспорядков»¹⁰¹. Александр Александрович предполагал, что владельцы и руководители крупных предприятий предоставят подходящие помещения. Это обеспечило бы при необходимости данным предприятиям надежную защиту. Но хорошее помещение предоставила лишь Даниловская мануфактура. Там разместили одну конную полусотню. Остальным казакам предоставили подвальный этаж в Александровских казармах. Командир полка рапортовал в штаб МВО, что помещение это просторное, но сырое. Он высказал мнение, что продолжительное время там жить нельзя и «это может влиять на здоровье» людей. Лошадей поставили во дворе казарм под открытым небом. Там же сложили фураж. В сырую погоду это было бы недопустимо¹⁰².

Командование военного округа временно перевело казаков в казармы 5-го Киевского и 6-го Таврического гренадерских полков, солдаты которых были выведены из города на лагерные сборы.

Еще одной проблемой стало враждебное отношение казаков к горожанам и такое же отношение местного населения к казакам. Солдаты частей Московского гарнизона, прослужив несколько лет, привыкали к городской культуре, здешнему быту и образу жизни. Они знакомились с местными жителями, заводили с ними какие-то отношения. Даже революционеры старались вести агитацию в этих частях, разговаривать с военнослужащими, снабжать их своей литературой. Казаки же у себя в станицах не жаловали «иногородних» и в мирное время. А теперь они были озлоблены тем, что их задерживают на службе, оторвали от семей и хозяйств, тем, что война проиграна, и тем, что теперь порядку в стране угрожают какие-то неведомые им революционеры. Кто эти революционеры, выступающие против царя? Конечно же, образованные горожане, люди в пенсне, в студенческих фуражках и рабочих картузах, «стриженные девки». Их культура и образ жизни станичникам были чужды и непонятны. И теперь горожане стали восприниматься ими как враги. Казаки второочередных полков, назначенных для поддержания «внутреннего порядка в империи», ехали в города вовсе не для того, чтобы защищать местных жителей от революционеров. Они считали города и горожан источником опасности и собирались бороться с ними. Горожане ответили тем же.

Первые же столкновения этих двух разных культур укрепили казаков в их миропонимании. Вице-губернатор Джунковский сообщал, что 7 августа разезд 34-го Донского полка был обстрелян возле Москвы, на 10-м километре Владимирского шоссе. Погиб казак Сухоруков. Удалось арестовать двух подозреваемых в этом нападении, у которых нашли револьверы.

В тот же день в Москве обнародовали манифест об учреждении Государственной думы. Эта так называемая булыгинская дума, по имени министра внутренних дел, имела не законодательные, а лишь законосовещательные права. Избирать своих представителей в нее разрешалось лишь меньшей части общества, его «благородным» и имущим слоям. По словам Джунковского, «общество сочло себя обездоленным и неудовлетворенным, найдя

права, вообще предоставляемые Государственной Думе, крайне обуженными и признавая круг лиц, имевших право на политические выборы, урезанным».

23 августа был подписан мирный договор с Японией. Внешняя война закончилась, а внутренняя еще только разгоралась. Казаки хотели домой, а должны были нести опротивевшую службу.

Очевидец тех событий, будущий лауреат Нобелевской премии, русский писатель И. А. Бунин писал: «Теперь по всему городу — толки о Думе, о бунтах и пожарах. <...> В городском саду играет оркестр стражников. <...> Казаков прислали целую сотню. <...> И третьего дня на Торговой улице один из них, пьяный, подошел к открытому окну общественной библиотеки и, расстегивая штаны, предложил барышне-библиотекарше купить “арифметику”. Старик извозчик, стоявший подле, стал стыдить его, а казак выхватил шашку, рассек ему плечо и с матерной бранью кинулся по улице за летящими куда попало, ошалевшими от страха прохожими и проезжими...»¹⁰³

Разгон демонстрации в Москве в октябре 1905 г.

Избиения казаками горожан не было редкостью в это время¹⁰⁴. И далеко не все такие случаи фиксировались полицией. Например, 24 сентября жалобу о нападении на него казака на Малой Бронной улице подал доктор Е. И. Доброзраков. При разбирательстве по этому поводу выяснилось, что на этой улице были избиты многие люди, но простолюдины, в отличие от доктора, никуда не обращались.

Один из москвичей рассказал, что поздно вечером на безлюдной уже улице встретил двух конных казаков. Они схватили его за руки и пустили коней вскачь. Чтобы не упасть, человек вынужден был быстро бежать между ними. Когда жертва была на последнем издыхании, ее просто бросили.

Иногда нападения казаков приводили к нанесению пострадавшим тяжелых травм. Такое случалось даже с иностранцами, находившимися в Москве. 2 августа казак шашкой повредил руку германскому подданному по имени Луи Френкель. В результате у потерпевшего был ампутирован большой палец на левой руке. 24 сентября был ранен казаком черноморский подданный студент Московского университета Яков Станоевич.

По закону дознания по делам о нападениях казаков на московских обывателей проводило военное начальство. Гражданским властям оно всегда давало одинаковые ответы: «Обнаружить виновных не представляется возможным». Зато москвичи хорошо знали, казаки каких именно сотен из казачьих полков отличаются особенной brutality, например, 4-й сотни 1-го Донского полка.

Взаимное озлобление продолжало нарастать. Рассчитывать на скорое успокоение ситуации не приходилось.

Глава II

ЖАРКАЯ ОСЕНЬ

«Царь испугался, издал манифест...»

Осень началась с усиления стачечного движения. Руководящие органы революционных партий надеялись, что удастся превратить отдельные забастовки в общие, а затем и во всеобщие. Экстремисты считали, что, втянув в забастовки подавляющую часть рабочих, удастся подтолкнуть их и к более активным антиправительственным выступлениям.

Застрельщиками выступили рабочие столичных городов — Петербурга и Москвы, а также самый революционный из профсоюзов — Всероссийский железнодорожный союз. Теперь лидерство перешло к Москве. С 22 сентября полиция и войска снова посменно несли постоянные дежурства в «особых нарядах» на улицах города. Например, 25 сентября в особый наряд заступили 3 полицмейстера, начальник полицейского резерва, 3 пристава, 16 помощников приставов, 51 околоточный надзиратель, 510 городских, 23 роты пехоты, 5 1/2 сотен казаков, 5 эскадронов драгун, 1 1/2 эскадрона жандармов¹⁰⁵. Общая инструкция предписывала полицейским: «Не допускать ни под каким предлогом никаких сборищ и всякое сборище немедленно окружать нарядом и отводить в ближайший двор. Если среди сборища будут лица, несущие флаги, то таковых арестовывать во что бы то ни стало и факт несения флага запротokolить»¹⁰⁶.

Один из отрядов этого наряда располагался во дворе дома Чижова на Страстной площади. Командовал отрядом пристав капитан Ф. Л. Эклон. Ему были подчинены 2 помощника пристава, 6 околоточных надзирателей, 60 городских и 1 эскадрон драгун¹⁰⁷. Федор Леонтьевич был не только одним из лучших офицеров московской полиции, но и знаменитым путешественником,

сподвижником Н. М. Пржевальского¹⁰⁸. Кроме множества государственных наград, он имел и награду от научного сообщества — медаль Русского географического общества. Когда-то в дальних путешествиях Эклону приходилось участвовать в боестолкновениях с разбойниками и с враждебными племенами. А теперь ему пришлось повторять правила применения оружия «при народных беспорядках и волнениях». Звучали они так: «Определение времени, когда войско должно приступить к действию оружием, зависит от усмотрения гражданского начальства. Оно дает старшему начальнику отряда указание по этому предмету не иначе, как исчерпав все зависящие от него средства к усмирению неповинующихся»¹⁰⁹.

Гражданским начальством в данном случае был он — участковый пристав полиции. А стрелять пришлось бы по своему народу в давно ставшем родным городе. Но в те дни стрельбы еще удавалось избегать.

5 октября император вдруг решил запоздало издать манифест «О восстановлении мира между Россией и Японией». Видимо, это был просто повод для обращения к народу. Манифест, в частности, гласил: «В неисповедимых путях Господних Отечеству Нашему ниспосланы были тяжелые испытания и бедствия кровопролитной войны <...> Возвещая любезным подданным Нашим о восстановлении мира, Мы уверены, что они соединят молитвы свои с Нашими и с непоколебимою верою в помощь Всевышняго призовут благословение Божие на предстоящее Нам, совместно с избранными от населения людьми, обширные труды, направленные к совершенствованию внутреннего благоустройства России»¹¹⁰. Как теперь известно, до восстановления мира в нашей стране было очень далеко. А «любезных подданных» императора ждало еще множество тяжелых испытаний и кровопролитных бедствий.

В октябре забастовка превратилась-таки во всеобщую и стала всероссийской. Она охватила промышленность, транспорт, учебные заведения, банковско-финансовые учреждения, торговлю, сферу обслуживания, прессу и т. д.

Очевидец и участник тех событий большевик Н. Норов в своих воспоминаниях рисует такую картину. Группы забастовщиков прибывали на еще работающие предприятия и заставляли их закрываться. Рабочих этих предприятий они «снимали» с работ и уводили с собой. «У Страстного [монастыря. — *Примеч. А. Ш.*], на Тверской ходили толпы рабочих и студентов. Многие были

с палками; кому удалось — с револьвером, какой-то разгневанный дворник носил с собою топор. В университете начались митинги. Вся рабочая Москва <...> заполнила аудитории и коридоры. Началась первая всеобщая забастовка. Остановлен московский железнодорожный узел, а за ним вся Россия»¹¹¹.

В. Ф. Джунковский пишет: «К 10 октября в Москве забастовка была уже в полном разгаре, она не коснулась только служащих в правительственных учреждениях, а также и учреждениях Попечительства о народной трезвости». Это звучит как сарказм, хотя Владимир Федорович не вкладывал такого смысла в данную фразу. Он хотел похвастаться, так как по совместительству возглавлял и это попечительство.

Простых москвичей в это время больше всего заботило вовсе не положение на крупных промышленных предприятиях. Людям было необходимо ежедневно брать где-то еду, воду, медикаменты. А забастовщики угрозами и насилием добивались закрытия всех учреждений, где это можно было получить. Стачка поставила Москву на грань гуманитарной катастрофы. И только действия полиции не давали эту грань перейти.

Градоначальник фон Медем рассылал одну за другой телеграммы в полицейские участки. Он предписал взять с торговцев съестными припасами подписки о том, что они не прекратят торговлю, предупредить, что нарушение подписки повлечет аресты и штрафы. «Предложить всем содержателям аптек немедленно открыть аптеки и снять, вывешенные ими объявления о закрытии. Полиции установить наблюдение за недопущением в аптеки забастовщиков». «В случае забастовки служащих у водоразборных будок немедленно заменить их ночными сторожами»¹¹².

Телеграмма приставам от 17 октября гласила: «Наблюдай, чтобы все решительно торговые заведения были бы открыты, кто не откроется о том донести, принять меры против хулиганов, шляющихся толпами по улицам и наводящих панический страх на малодушных граждан. В случае надобности действовать силой и оружием»¹¹³. Так кто защищал жизненно важные, насущные интересы простых жителей Москвы — революционные забастовщики или «кровавая» полиция?

Джунковский рассказывает, что 14 октября «Рабочее правление», руководившее стачечным движением в городе, объявило о начале забастовки в боль-

Похороны члена РСДРП Н. Э. Баумана 20 октября 1905 г.,
превратившиеся в политическую демонстрацию

ницах и на водопроводе. Городские инженеры тоже бастовали. Без них, по мнению Городской управы, возобновить работу водопровода было невозможно. Страшно представить, что могло произойти в городе с миллионным населением, которое лишили бы питьевой воды и медицинской помощи.

В тот же день было собрано чрезвычайное заседание Городской думы. «Главный врач Морозовской детской больницы Н. Н. Алексеев изобразил тот ужас, в каком находилась больница вследствие отсутствия воды». Но забастовщикам не было дела до больных детей. «Гласный А. И. Гучков сказал: забастовка водопроводных служащих и фармацевтов — это грязное пятно в освободительном движении. От бездействия водопровода будет страдать, главным образом, бед-

ный люд <...> В действиях забастовщиков А. И. Гучков усматривал проявление коллективного психоза, охватившего русское общество».

Дума отправила делегацию в здание университета, где проходил митинг бастовавших рабочих. Депутаты просили возобновить работу водопровода, но их освистали и вручили им резолюцию митинга с требованием о передаче Думой всей полноты власти Революционному комитету.

После этого Джунковский принял водопроводную сеть в свое ведение. Он немедленно отправил войска для охраны Мытищенского и Рублевского водоемов и водопроводных линий, по которым вода должна была поступать в город. Но нужны были специалисты, которые смогли бы запустить в действие хотя бы одну насосную станцию.

На заводе фирмы братьев Бромлей оказался один инженер, работавший ранее на водопроводной станции. Остальных инженеров, машинистов и слесарей Джунковский нашел на электрической станции Кремлевского дворцового ведомства и в саперных частях. Вечером 15 октября техник Дворцового ведомства капитан Ф. Е. Колонтаев, военные инженеры капитан В. Э. Керков, капитан Д. В. Стерлигов, штабс-капитан Невережский и инженер бромлеевского завода, имя которого Джунковский не указал, запустили в действие Рублевскую станцию и Воробьевский напорный резервуар. На следующий день в город поступало $\frac{3}{4}$ обычного объема воды.

Городская дума выделила 1000 рублей для награждения участников этой операции по спасению жителей Москвы. Николай II «собственноручным рескриптом от 18 сего октября Высочайше повелеть соизволил объявить всем чинам полиции империи свою горячую благодарность за их беззаветно-верную службу при чрезвычайно тяжелых условиях»¹¹⁴.

В это время опять активизировались черносотенцы, отвлекая на себя силы полиции. Градоначальник издал по этому поводу специальное постановление. Раньше обращения градоначальника к народу публиковались в московских газетах, но теперь газеты бастовали. Обращение отпечатали в полицейской типографии в виде прокламаций и расклеили по городу. Вот о чем в нем говорилось:

«Лихие люди во что бы то ни стало желают породить смуту и вызвать междоусобицу в Москве, для чего посредством разбрасываемых повсюду

печатных воззваний “Русские люди!” под знаменем “За веру, Царя и Отечество” призывают честный народ к насильственным действиям против крамольников.

Только злейший враг земли Русской может взывать к таким преступным действиям.

Предупреждаю, что с настоящими крамольниками — сам слажу, но расправы, да еще под таким кошунственным знаменем, не допущу и по силе <...> законов Российской империи, без малейшего упущения времени, приму все нужные действительнейшие и удобнейшие по моему усмотрению меры для прекращения беспорядков, вразумления заблуждающихся и усмирения ослушных»¹¹⁵.

17 октября 1905 года пристав Эклон в очередной раз заступил в особый наряд «в дом Чигова на Страстной площади к Управлению Московско-Брестской железной дороги». В этот день впервые в состав нарядов включили пулеметные команды. В распоряжении Эклона находились 1 помощник пристава, 2 околоточных надзирателя, 20 городских, 4 роты пехоты, $\frac{1}{2}$ сотни казаков, и 2 пулемета¹¹⁶. А всего в наряде находились 9 приставов, 11 помощников приставов, 32 околоточных надзирателя, 290 городских, 26 рот пехоты, 6 сотен казаков, 2 $\frac{1}{2}$ эскадрона драгун, 1 эскадрон и 1 взвод жандармов, 14 пулеметов¹¹⁷. В московском воздухе запахло большой кровью.

Этот день мог стать одним из важнейших в истории России. Но не стал. В этот день император издал Манифест о даровании подданным неотъемлемых гражданских прав и политических свобод, а также об учреждении в России законодательного парламента (Государственной думы). В соответствии с этим Манифестом подданные империи становились гражданами. Но многие москвичи в тот день о своем превращении так и не узнали, а когда узнали, то не оценили.

Джунковский вспоминает: «17 октября к вечеру совсем неожиданно пришла весть о манифесте, а на другой день, 18-го, прислали в Москву и сам манифест. “1. Даровать населению незыблемые основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов. 2. <...> привлечь теперь же к участию в Думе <...> те классы населения, которые ныне совсем лишены избирательных прав. <...> 3. Устано-

Председатель Комитета министров
С. Ю. Витте, 1905

вить как незыблемое правило, чтобы никакой закон не мог воспринять силу без одобрения Государственной Думы <...> и чтобы выборным от народа обеспечена была возможность действительного участия в надзоре за закономерностью действия поставленных от нас властей". 18 октября Москва приняла праздничный вид, забастовка в городских предприятиях закончилась, железные дороги стали функционировать <...> но одновременно с сим и оппозиционные и революционные кружки не дремали и старались везде внести беспорядок».

Тут вице-губернатор несколько приукрасил ситуацию: забастовку прекратили далеко не все московские предприятия, а некоторые из тех заводов и фабрик, что начали работать, вскоре вновь остановились.

Император Николай II писал Д. Ф. Трепову: «Да, России даруется конституция. Немного нас было, которые боролись против нее. Но поддержки в этой борьбе ниоткуда не пришло, всякий день от нас отворачивалось все большее количество людей, и в конце концов случилось неизбежное»¹¹⁸. Инициатором издания манифеста стал председатель Комитета министров С. Ю. Витте. Его поддержала значительная часть правящей элиты.

Манифест от 17 октября стал первым конституционным актом и обозначил начало перехода России от самодержавия к конституционной форме правления. Да, конечно, это не была еще конституционная монархия по типу британской, где монарх царствует, но не управляет. Но ведь и там конституционный режим был оформлен не сразу: британская конституция состоит из целого

ряда документов, которые принимались в течение довольно длительного периода времени. И в России теперь необходимо было сохранять и укреплять зачатки правления по закону, а не по произволу носителей власти. Проблемой оказалось то, что значительная часть населения, возможно, даже большинство, не видела ценности в конституционном правлении, гражданских правах и политических свободах. Они вполне были согласны на произвол властямущих, если считали, что те будут действовать на их благо.

Левые и правые экстремисты с двух сторон поставили своей целью уничтожить возможность мирной трансформации России в конституционное, правовое и социально ориентированное государство. И те и другие испугались. Черносотенцы испугались, что будет разрушен привычный им мир, в котором царь-батюшка защищает своих неразумных чад от невзгод, а лидеры революционеров испугались, что исчезнет возможность полностью захватить политическую власть.

И те и другие испугались сильно.

Страх всегда рождает жестокость. Большой страх рождает большую жестокость. Чем же занялись люди, только что ставшие гражданами России? Организацией массовых беспорядков, бесчинствами на улицах. «Группы граждан» устраивали побоища между собой и нападали на окружающих. После провозглашения Манифеста от 17 октября в Москве неделю лилась кровь. И устраивали кровопролития не полицейские и не войска, а революционеры и черносотенцы.

Британская газета «Таймс» по поводу этого манифеста написала: «Народ победил, царь капитулировал, самодержавие выжило»¹¹⁹. Но так казалось лишь в первый день. Последующие события в России вывернули всю эту фразу наизнанку. Вскоре выяснилось, что в результате действий экстремистов народ проиграл, царь забрал свою капитуляцию назад, а самодержавие оказалось обречено погибнуть и утащило за собой всю страну в ад Гражданской войны.

Если бы Николай II в 1905–1907 годах или несколько позже передал власть Государственной думе и ответственному перед парламентом правительству, если бы он стал конституционным монархом, то неизвестно, что бы это принесло России. Уж хуже, чем случившаяся вскоре Гражданская война и распад державы, все равно ничего быть не могло.

Но власть — это один из самых сильных наркотиков. Далеко не каждый человек может от такого наркотика отказаться. Николай II хотел сохранить власть в своих руках. Революционеры хотели заполучить ее себе. Лев Троцкий, в последующем один из самых кровавых деятелей революции, писал по поводу Манифеста, не давшего революционерам власти: «И вот конституция дана. <...> Все дано и не дано ничего. <...> Пролетариат знает, чего хочет, и знает, чего не хочет. Он не хочет ни полицейского хулигана Трепова, ни “либерального” маклера Витте — ни волчьей пасти, ни лисьего хвоста. Он не желает нагайки, завернутой в конституцию»¹²⁰.

Лидеры революции точно знали, что они хотят полной власти. Для них благополучие народа — это только лозунг в борьбе за власть. Рабочие и студенты — это пехота, кровью которой можно добыть власть. Предложенный

Чтение царского Манифеста от 17 октября 1905 г.

правительством гражданский мир — признак слабости правящего режима. Признак того, что наступил момент, когда власть можно захватить.

Революционеры призывали к борьбе за свободу? Да. Манифест расширял политическую свободу населения в России? Да. Он давал власть революционерам? Нет. Он был нужен революционерам? Нет. Они ответили на издание Манифеста усилением борьбы, начали готовить вооруженное восстание.

Тогда в народе получило хождение остроумное и злое стихотворение «Красное знамя» Павла Арского, напечатанное в газете «Правда» (1905): «Царь испугался, издал манифест: мертвым свобода! Живых под арест!» Оно верно лишь отчасти. Тут нужно продолжение. Там бы объяснялось, что арест полагался не всем, кто вел политическую борьбу, а лишь тем, кто в этой борьбе брался за оружие. А большинство мертвых появлялось именно в результате того, что революционеры взялись за оружие.

Дерево свободы

На Западе тоже были революции. И один из западных революционеров, американец Томас Джефферсон, сказал: «Чтобы дерево свободы не засохло, его нужно поливать кровью тиранов и патриотов!» Наше отечественное дерево свободы выглядело, как только что проклюнувшийся росток. Но революционеры и черносотенцы тут же кинулись его поливать. Одни хотели, чтобы оно разрослось, другие — чтобы поскорее сгнило. Поэтому и те и другие поливали обильно. Поливали кровью. И своей, и вражеской, и кровью случайно подвернувшихся мирных граждан. Главное — чтобы побольше.

Революционеры оказались гораздо более организованными. Они уже создали боевые дружины, вооруженные огнестрельным оружием и даже получившие некоторую подготовку к совместным действиям в столкновениях с противником. У революционеров были хорошо организованные санитарные отряды из врачей, студентов-медиков и курсисток, прошедших начальное медицинское обучение. Они организовали и снабдили медикаментами три перевязочных пункта — в зданиях Московского университета, Высших женских курсов и Губернской земской управы¹²¹. Санитарные отряды уносили и увозили на конных экипажах раненых с мест боестолкновений. В перевязочных пунктах пострадавшим оказывали квалифицированную медицинскую

помощь. Полиция часто не успевала зарегистрировать таких раненых, и они оставались для властей неизвестны.

У черносотенцев ничего подобного не существовало. Действовали они большими группами, но эти группы были плохо организованы. Они выглядели как толпы хулиганов-погромщиков. Вооружались черносотенцы по ходу дела, используя подручные средства — камни, палки, обрезки чугунных труб и т. д. Когда начались столкновения с революционными демонстрантами, лидеры московских черносотенцев предпринимали попытки создания четко организованных отрядов, имеющих огнестрельное оружие. Но успехов в этом не достигли. Черносотенцы компенсировали это крайней агрессивностью.

Провозглашая лозунги охраны порядка, черносотенцы на самом деле действовали как банды преступников, постоянно нарушая законы. Полиции они не помогали, хотя пытались привлекать полицейских на свою сторону. Но при этом они считали, что не черносотенцы должны выполнять указания полицейских, а полицейские должны действовать как черносотенцы и заодно с ними.

Генерал-губернатор Дурново, похоже, в тайне симпатизировал черносотенцам. Он не высказывался против них. А какие-либо действия против националистов предпринимал лишь, будучи вынужденным обстоятельствами. А вот его ближайшие помощники, градоначальник барон фон Медем и фактически исполняющий обязанности губернатора Джунковский, черносотенцам отнюдь не сочувствовали и старались пресекать их преступные и экстремистские выходы.

К сожалению, и полиция, и войска, находившиеся в особых нарядах, мало что сделали для сохранения общественного порядка и безопасности в городе. В сущности, особые наряды оказались бесполезны. Правоохранители просто были дезориентированы и не знали, что они должны делать и что им предпринимать. Действуют ли после провозглашения Манифеста 17 октября прежние законы о борьбе с крамольниками? Действует ли все еще в Москве Положение о чрезвычайной охране? В силе ли инструкции о пресечении любых демонстраций и митингов? Можно ли применять силу и оружие в случае неповиновения демонстрантов? Кто в результате окажется виноват? Никто из полицейских не знал ответов на эти вопросы. Они не знали, как теперь правильно поступать. И в результате не делали почти ничего.

Полицейские вмешивались в происходящие события лишь, когда дело уже доходило до кровопролития. Но такое вмешательство было слишком запоздалым. Жители расценивали такое поведение полиции как попустительство или даже поощрение действий насильников и преступников. Старшие полицейские начальники никак не инструктировали и не направляли деятельность своих подчиненных. Они сами были деморализованы и бездействовали, предоставив находящимся на улицах младшим чинам выпутываться самостоятельно.

Градоначальник барон фон Медем 18 октября разослал циркуляр полицмейстерам и приставам: «Внушить всем околоточным и городовым, чтобы они в случае патриотических манифестаций не оказывали сопротивления и наоборот содействовали бы охранению порядка»¹²². А как поступать с антиправительственными демонстрациями и митингами, если они носят мирный характер? Раньше следовало их немедленно пресекать. Но ведь теперь император объявил свободу слова, шествий и собраний. А как быть, если «патриотические манифестанты» нарушают порядок и устраивают бесчинства? «Не оказывать сопротивления» или «наоборот, содействовать охранению порядка»? И куда при этом девать пулеметы?

Генерал-губернатор Дурново вообще никаких указаний и инструкций не давал, устранившись от руководства. Он лишь наблюдал, что происходит «во вверенной ему столице и ея губернии». Военное командование ожидало разъяснений от гражданских властей.

Полицейские и военнотружущие в особых нарядах были предоставлены сами себе. Каждый на своем месте решал на собственную ответственность, как ему поступать в той или иной ситуации. Полицейские в своих рапортах, чтобы не было путаницы, нашли способ различать акции левых и правых экстремистов. Шествия революционеров называли демонстрациями, а их участников — демонстрантами. А шествия черносотенцев окрестили манифестациями, соответственно, их участников — манифестантами. И те и другие нарушали порядок, совершали преступления и несли угрозу мирным жителям. Первыми начали кровопролитие в Москве после издания Манифеста от 17 октября 1905 года революционеры.

Согласно полицейским рапортам, в течение недели после объявления Манифеста события развивались следующим образом¹²³.

18 октября на Театральной площади около 12 часов дня собрался митинг учащейся молодежи численностью в несколько тысяч человек. Произносились антиправительственные речи, и производился сбор денег на поддержку бастующих рабочих. Затем было высказано предложение, пойти к местам заключения правонарушителей и выпустить политических арестантов. Но решили сначала пойти к дому генерал-губернатора и предъявить требование об их освобождении.

Толпа двинулась по Тверской улице. По пути срывали вывешенные национальные флаги, оставляя на древках лишь одни красные полосы. У дома генерал-губернатора демонстранты остановились и отправили к Дурново делегацию.

Генерал-губернатор принял делегатов и ответил им, что уже дал распоряжение освободить из Центральной пересыльной тюрьмы (Бутырки) более 150 человек, арестованных за нарушения обязательных постановлений о собраниях.

Толпа на Театральной площади после оглашения Манифеста 17 октября 1905 г.

Толпа двинулась к Пересыльной тюрьме, но вскоре разделилась. Мимо демонстрантов проехала полицейская карета для перевозки арестантов. Она двигалась к Большому Гнезниковскому переулку. Там располагалось здание Управления градоначальства. Карета должна была забрать оттуда нескольких арестованных уголовников.

Часть демонстрантов, в основном студенты и курсистки, погналась за этой каретой. Кучер успел въехать во двор Управления. Находившийся на посту дневальный, пожарный служитель Иван Дегтерев, увидев толпу, запер ворота. В дневального выстрелили из толпы. Он укрылся во дворе. Демонстранты сорвали вывеску и разбили оконные стекла по фасаду здания. Затем около 50 человек пролезли во двор и стали бить стекла там. К ним вышел наряд городских, вооруженных револьверами. Дебоширы отступили в переулок, но оттуда начали стрелять по полицейским. Городовые тоже открыли огонь из револьверов. Толпа разбежалась. В ходе перестрелки были ранены городовые полицейского резерва Федор Полухин (тяжелое ранение в грудь навывлет) и Михаил Прусаков (легкое ранение). Из толпы демонстрантов была убита женщина и ранен мужчина. Раненого демонстранты увели с собой, и его личность осталась неизвестна. Тело женщины доставили в Арбатский полицейский дом. Установили, что это Блюда Шалыт, по происхождению — витебская мещанка, по профессии — повивальная бабка.

Пока шло столкновение возле дома Градоначальства, основная группа демонстрантов двигалась по Тверской, Малой Дмитровке и Долгоруковской улице к Пересыльной тюрьме. Когда шествие добралось туда, освобождение арестованных уже шло к завершению. Их восторженно встречали на выходе из тюрьмы. Постепенно здесь собралось до 10 тысяч митингующих.

Когда освобождение закончилось, толпа направилась по Лесной улице к Триумфальным воротам. Там неожиданно встретилась «патриотическая манифестация» с портретами императора и национальными флагами. Демонстранты произвели в нее несколько выстрелов. Был легко ранен неизвестный рабочий. Манифестанты разбежались. А демонстранты прошли на Театральную площадь, помитинговали там и разошлись.

Джунковский описывает тот день следующим образом. «Появились процессии по улицам, одни — с портретом Государя, другие — с красными флагами,

между ними происходили стычки; одни пели гимн, другие — революционные песни. Те и другие бесчинствовали, учиняли насилия над прохожими, которые не снимали шапок. Полиция, не имея директив, смотрела и не принимала никаких мер, разнузданность толпы наводила панику на мирного обывателя. Толпы с красными флагами украсили ими подъезд дома генерал-губернатора, который до того растерялся, что выходил на балкон своего генерал-губернаторского дома совсем невпопад. Когда я приехал к Дурново и, увидав на его подъезде красные флаги, сказал ему: “Прикажите убрать красные флаги, ведь это неудобно, толпы смеются”, он мне сказал: “Ничего, не надо раздражать, ночью дворники уберут”».

В 3 часа дня на Дровяной площади собрался митинг рабочих машиностроительного завода братьев Бромлей. Ораторы призвали толпу идти на Мытную улицу к Хамовническому заводу Лепешкина, чтобы остановить там работу. Толпа пошла, но у завода встретила взвод драгун Сумского полка. Не оказывая сопротивления, демонстранты рассеялись. А затем собрались вновь в Варваринском переулке около полицейского управления 1-го участка Серпуховской части. Толпа была возбуждена. Слышались требования разгромить участок.

Туда прибыла полусотня казаков. Офицер предупредил рабочих, что, если они не разойдутся, то против них применят оружие. В ответ полетели камни. Казаки открыли огонь. Толпа разбежалась. Но последствия оказались трагичными. Случайно была застрелена крестьянка Вера Казакова, 39 лет, стоявшая у окна своей квартиры. Ранения получил 35-летний рабочий Тимофей Евтюхин и двухлетний мальчик Николай Бубнов.

На этом кровопролитие не закончилось. В это же время одна из проходивших в городе черносотенных манифестаций подошла к Техническому училищу, «оплоту революционной заразы», по мнению черносотенцев. Манифестанты были вооружены обрезками водопроводных труб. К ним обратился хорошо известный полиции революционный агитатор ветеринарный врач Николай Бауман с речью антиправительственного содержания. Один из манифестантов, Николай Михалин, ударом трубы по голове убил агитатора.

Стычки между манифестантами и демонстрантами происходили и в других местах города.

Около 7 часов вечера толпа демонстрантов подошла к Московской губернской тюрьме («Таганке»). Там тоже шло освобождение арестованных. Забрав освобожденных, демонстранты ушли в университет, где провели митинг.

Наконец, этот длинный день подошел к концу. В 12 часов ночи демонстранты с красными флагами и революционными песнями прошли по Тверской улице и Тверскому бульвару к Никитским воротам и разошлись.

Итоги «первого дня свободы» в Москве: 3 человека убиты, 11 человек ранены. Погибли революционеры Блюма Шалыт и Николай Бауман, а также мирная жительница Вера Казакова. Среди раненых — 2 городских, 4 демонстранта, 1 манифестант, 4 случайных участника этих событий, в том числе двухлетний мальчик.

На следующий день, 19 октября, по воспоминаниям Джунковского, произошло следующее. «Дурново принимал депутацию <...> в составе Д. И. Шаховского, П. Н. Милюкова и адвоката Гольдовского, которые, обратившись к генерал-губернатору словом “товарищ”, просили о разрешении торжественных похорон убитого революционера Баумана. <...> Генерал-губернатор, хотя и был очень шокирован обращением к нему депутата словом “товарищ”, на что и отвечал: “Какой я вам товарищ?”, тем не менее обещал сообщить градоначальнику, чтоб никаких препятствий следованию процессии не было. <...> Вообще после Манифеста 17 октября толпа как будто разнуздалась <...> русское общество не знало границ и удержу стремлениям, оно шло по пути анархии и само вызывало эксцессы, подстрекаемое революционными группами, для которых это было выгодно».

Около 1 часа дня на Пресне толпа рабочих численностью до 1 тысячи человек подошла к фабрике Товарищества Прохоровской Трехгорной мануфактуры. Демонстранты требовали остановить работы на фабрике. Охрана мануфактуры вызвала полицейский наряд из 1-го участка Пресненской части. В это время толпа забросала камнями окна прядильного корпуса. Начальник прибывшего наряда младший помощник пристава В. В. Пажель вместе с полицейскими и фабричной охраной попытался оттеснить демонстрантов. Но в ответ полетели камни и раздались револьверные выстрелы. Пажель был контужен пулей в левую руку, городской Сергей Дроздов ранен камнем в голову, пожарный служитель мануфактуры Василий Тришин ранен пулей в левую ногу. Отстреливаясь, правоохранители отступили. Как выяснилось, выстрелами

полицейские тяжело ранили одного из демонстрантов — запасного нижнего чина из крестьян Михаила Егорова. Позже он скончался от раны.

Фабрика была остановлена, ее рабочие присоединились к демонстрантам и отправились с ними в местность, называемую «Пресненское гулянье». По пути демонстранты остановили работы на фабрике Товарищества Александра Щербакова и на лесопильном заводе Биге.

В Бутырском районе около двухсот рабочих, а также студентов Инженерного училища, обходили фабрики и заводы, требуя прекратить работы на 3 дня «по случаю манифеста». Почти все фабрики района были остановлены. Толпа выросла до 500 человек и прошла на Бутырскую улицу. Там демонстранты остановили паровой трамвай. Заставили машиниста выпустить из локомотива пары и тем самым заблокировали движение общественного транспорта на этой линии. А затем толпа разошлась.

В 4-м часу дня около часовни Иверской Божией Матери произошло столкновение демонстрантов и манифестантов. Демонстрантов сопровождал санитарный отряд. Неизвестный студент произвел в манифестантов 6 выстрелов из револьвера и ранил одного мужчину. Манифестанты разбежались. Раненого забрал санитарный отряд.

В начале 5-го часа 1 тысяча демонстрантов с красными флагами и пением революционных песен подошла к табачной фабрике Бостанжогло на Старой Басманной улице. Они требовали прекратить работы. Администрация фабрики вынуждена была выполнить требование.

Но тут демонстранты столкнулись с неожиданным сопротивлением. На дворе фабрики собралось множество так называемых ящичников, мелких торговцев вразнос. Они торопились получить товар, чтобы успеть распродать его этим же вечером. Им объявили, что фабрика закрывается по требованию демонстрантов и выдачи товара не будет. Тогда ящичники выбежали из двора и напали на демонстрантов. Произошла массовая драка, в которой сильно пострадали двое демонстрантов. Победа досталась ящичникам. Их противники отступили, а сами они отправились получать товар.

В то же время на Мясницкой улице около почтамта толпа рабочих и учащейся молодежи, вооруженная палками, начала угрожать взводу драгун 3-го Сумского полка. Кавалеристы легко и быстро рассеяли толпу хулиганов.

Казалось, что день прошел сравнительно мирно. Но не тут-то было. Самые кровавые события случились уже поздно вечером. В 11-м часу на Тверской улице, возле любимой москвичами кофейни Филиппова, собралось около 500 демонстрантов с красными флагами. И тут с Охотного ряда на Тверскую свернула манифестация с национальными флагами.

Манифестанты надвигались, а демонстранты не уступали дорогу. Назревало побоище. Посмотреть на это собралась большая толпа зевак и прохожих.

Среди демонстрантов оказалась организованная вооруженная дружина из студентов. Дружинники выстроились в две шеренги, как на учениях, и дали два залпа из револьверов. Манифестанты бросились бежать.

Демонстрация 18 октября 1905 г. Ее участники требовали освободить заключенных

Стреляли студенты плохо. Хотя палили они по команде шеренгами и залпами, но не туда. Многие пули ушли в толпу зрителей. Среди них были убитые и раненые. Раненые были и среди манифестантов.

На месте, у кофейни Филиппова, скончались два человека: прапорщик запаса 121-го пехотного Пензенского полка Александр Портанский и неизвестный рабочий. Позже от ран умерли еще трое: сотник 10-го Оренбургского полка Петр Иванов, крестьяне Сергей Холуев и Василий Кузнецов. В толпе зрителей получил ранение прусский подданный Владимир Герстенберг. Другие раненые в медицинские учреждения не обращались.

Итог дня: 6 убитых, 4 зарегистрированных раненых.

20 октября был день похорон Баумана. Тело находилось в Техническом училище. Туда с утра стали собираться учащиеся вузов, представители интеллигентских профессиональных союзов, рабочие, по сообщениям полицейских, в основном железнодорожники и типографщики, то есть лидеры стачечного движения. Постепенно образовалась толпа до 15 тысяч человек.

В 12 часов дня состоялся вынос тела. Грандиозная процессия двинулась прямо через весь город к Ваганьковскому кладбищу. Шествие происходило очень организованно, никаких нарушений порядка не наблюдалось.

Сразу за гробом шла боевая дружина из студентов и рабочих. За ней — санитарный отряд из студентов и курсисток. Потом группа флагоносцев со знаменами и транспарантами. Далее — студенты с венками от организаций и частных лиц. Завершали процессию остальные присутствовавшие. Порядок обеспечивали студенты, одетые в специальные хорошо заметные костюмы. Почти все участники церемонии имели в петлицах и на головных уборах красные ленты. Ни полиция, ни черносотенцы движению не препятствовали.

По дороге численность колонны выросла до 30 тысяч человек. На кладбище добрались лишь к 9 часам вечера. Там состоялся митинг. Ораторы призывали к мести, а вовсе не к примирению, чтобы избежать новых жертв. С кладбища толпа разошлась. На этом все могло бы и закончиться. Но, нет!

Около тысячи студентов и курсисток направились к университету. Уже на Моховой их встретила очень агрессивная толпа черносотенцев. Выкрикивая угрозы, националисты двинулись на студентов. Студенты-дружинники вышли

вперед, построились двумя группами и дали два залпа по черносотенцам. Вероятно, стреляли поверх голов, так как пострадавших не было.

Зато пули попали в стекла здания Манежа. Там в это время находилась сотня казаков в особом наряде по охранению порядка. Казаки восприняли это как обстрел здания и нападение на них. Выскочив из здания, казаки открыли огонь по студентам и прохожим. Были убиты на месте или смертельно ранены 11 человек. Из них 8 демонстрантов (5 студентов, 2 рабочих, 1 гимназист) и 3 случайных прохожих. Ранения получили еще 60 человек. Всех пострадавших санитарный отряд унес на перевязочный пункт в университете.

Кроме того, в этот день из разных районов города в больницы поступили 6 человек раненых (1 полицейский и 5 мирных жителей). На городского 2-го участка Пречистенской части Семена Косматова напали неизвестные люди, жестоко избив его. А из мирных жителей трое получили ранения на Толкучем рынке, где черносотенцы наводили свой «новый порядок».

Этот день стал самым кровавым — 11 убитых и 66 раненых.

В тот день генерал-губернатор Дурново подписал обращение к москвичам. «Объявление Высочайшего Манифеста 17 Октября вызвало совершенно естественную радость жителей Москвы, которые в течение 3 дней выражали одушевляющие их чувства устройствами процессий и иными манифестациями, в некоторых случаях, к сожалению, омрачившихся столкновениями между лицами различных убеждений, доходившими до кровопролития. Такого рода события, поселяя в жителях столицы волнение, несомненно, нарушают мирное течение жизни обывателей, при котором только и возможно пользование дарованною всем свободою; поэтому обращаюсь ко всем благомыслящим жителям и, вполне уверенный, что народ, получивший желанную свободу, постарается оправдать оказанное ему доверие, прошу с сегодняшнего дня прекратить процессии и сборища на улицах, возвратиться к обычным занятиям и дружным поддержанием порядка способствовать правительственным органам скорее провести в жизнь те новые начала Государственного устройства, которые указаны в Высочайшем Манифесте от 17 сего Октября»¹²⁴.

Это звучит как издевательство. На улицах города льется кровь, а старший из местных начальников говорит о «естественной радости» и «одушевляющих чувствах горожан». Кроме издания обращения, он ровным счетом ничего не

предпринял для наведения порядка. Зато генерал-губернатор просит население «поддерживать порядок» и «способствовать правительственным органам». Дурново «вполне уверен», что народ «оправдает оказанное ему доверие». А вот сам он доверия не оправдал, и даже не пытался этого сделать. Поэтому кровопролитие продолжилось.

Большевики, участвовавшие в тех событиях, так вспоминали о подготовке революционеров к вооруженной борьбе.

Н. Норов: «Спешно готовились к обороне и нападению. Организовались дружины. Не осталось ни одного высшего учебного заведения, где бы не было боевого отряда. Производились сборы на покупку оружия. Выставленная у входа на митинг шапка заполнялась в несколько минут. Снимали с себя золотые вещи, обручальные кольца»¹²⁵.

М. Васильев (Южин): «Во время Октябрьской забастовки Московским Комитетом [большевиков. — А. Ш.] было собрано несколько десятков тысяч рублей. Значительную часть употребили на приобретение оружия»¹²⁶.

И. Коган: «В то время было издано запрещение продавать оружие без разрешения, но владельцы московских оружейных магазинов обходили это запрещение и отпускали оружие со своих квартир»¹²⁷.

И тогда, и сегодня редкий террористический акт экстремистам удастся совершить без содействия в его подготовке со стороны продажных людей, в том числе из силовых ведомств.

20 октября Департамент полиции разослал в регионы циркуляр, в котором говорилось: «До принятия новых законов <...> прежние законы должны действовать, со стороны же властей должны быть приняты все возможные меры к применению их в духе манифеста 17 октября»¹²⁸. Но те законы отрицали свободы слова, собраний и союзов, а манифест провозглашал гражданские свободы и неприкосновенность личности незыблемыми. Значит, «делайте то же самое, но по-другому»?

21 октября по улицам города в разных районах ходили манифестанты и демонстранты. Толпы бастующих рабочих собирались у еще работающих предприятий, останавливали работу там.

Джунковский рассказал, чем тогда занимались органы городского самоуправления. «В это время в городской думе шли большие дебаты на политиче-

ские темы, манифест не успокоил гласных, а казалось, раздражил их, и речи чисто революционного характера полились ручьями. Дума перестала работать на пользу города, а взяла на себя роль управлять Россией и вмешиваться в дела правительства. 21 октября состоялось заседание думы, посвященное событию, происшедшему накануне у Манежа: столкновению казаков с толпой возвращавшихся с похорон Баумана...» Дума потребовала от административных властей немедленно вывести казаков из города.

Городскую думу поддержала Губернская земская управа. В тот же день управа направила генерал-губернатору письмо следующего содержания:

«Вчера, 20 октября, в 11-м часу вечера на Моховой улице между манежем и университетом произошло столкновение, в результате которого оказалось несколько человек убитых и более 50 раненых. Среди последних находится служащая в Московской губернской земской управе Мария Сергеевна Эрлексова, которая получила 6 огнестрельных ран. Из показаний очевидцев можно предположить, что в этом массовом убийстве принимали участие стоявшие у манежа казацкие части.

Поведение казаков на улицах Москвы в течение всего последнего времени вызывает такое всеобщее раздражение и ненависть населения, что одно появление казаков способно каждую минуту вызвать столкновение с кровавым исходом. Поэтому Московская губернская земская управа вполне присоединяется к пожеланиям Городской Думы и настоятельно просит Ваше Высокопревосходительство для водворения мира на улицах Москвы вывести казаков по крайней мере из наиболее заселенных, центральных частей города...»¹²⁹

Кроме того члены управы считали, что наружная полиция действует не эффективно. Причину они видели в том, что полицейские начальники оказались «неспособными применить к новому порядку вещей, созданному манифестом 17 октября». Поэтому предлагали подчинить полицию органам местного самоуправления.

А еще управа требовала, чтобы инцидент, произошедший на Моховой улице, был гласно расследован судебными органами «при участии представителей земского и городского самоуправления». Генерал-губернатор ответил Городской думе и управе отказом по всем пунктам.

В городе продолжались бесчинства. В 3 часа 30 минут возле Дорогомиловской заставы на остановке вагонов конно-железной дороги трое неизвестных мужчин и одна женщина с красными лентами в петлицах начали выкрикивать антиправительственные призывы. По сообщению полицейских, сбежалась толпа простолюдинов и напала на них. Один мужчина и женщина успели скрыться. Двух других мужчин схватили и избили. Один из них скончался, другого в бессознательном состоянии доставили в 1-ю городскую больницу.

В 7 часов вечера у Инженерного училища собралась толпа манифестантов. Студенты произвели в толпу около 20 выстрелов. Толпа разбежалась, оставив трех раненых. Это были крестьянин Родион Чураков (ранен в левое бедро), крестьянин Кирилл Генералов (ранен в ногу), личный почетный гражданин Гавриил Никольский (ранен в руку навывлет). Генералов и Никольский оказались несовершеннолетними, первому было 16 лет, второму — 20 лет (совершеннолетие в дореволюционной России наступало в 21 год). Позже выяснилось, что в толпе был еще и четвертый раненый.

В 10-м часу у дома генерал-губернатора возник митинг манифестантов. Проезжавший мимо на извозчике неизвестный студент выстрелил в воздух. За ним погналась толпа. В Козьмодемьянском переулке из окон второго этажа дома Лианозова по толпе было произведено пять выстрелов. Один манифестант получил ранение. Толпа стала бить камнями окна в этом доме. Но тут прибыл наряд полиции, и толпа разошлась.

Между 11 и 12 часами ночи на Театральной площади проходил другой митинг манифестантов. Один оратор сменял другого. Вдруг появился какой-то еврей, который начал говорить речь антиправительственного характера. На него бросилась толпа. Он выхватил револьвер и трижды выстрелил, его схватили и избили. Наряд полиции отнял пострадавшего у толпы, когда тот был уже в бессознательном состоянии. Его доставили в приемный покой Тверского полицейского дома. Установили, что это дантист Элья Иоффе. На следующий день он скончался.

День прошел относительно спокойно — двое убитых и семь раненых.

К этому времени градоначальник барон фон Медем уже понял, что в ближайшее время он не дожидется никаких указаний ни от Департамента полиции, ни от генерал-губернатора. Медем решился-таки взять всю ответственность на

Барон Георгий Петрович фон Медем,
московский градоначальник в июле —
январе 1905 г. Фотография 1900-х

себя. В течение 21 и 22 октября он разослал целый ряд инструктивных циркуляров «полицмейстерам, участковым приставам и классным чинам полиции». Вот самые выразительные из них¹⁴⁰.

«Принять все зависящие от вас меры к недопущению по улицам шествий разных не дозволенных процессий, хотя бы с выражением патриотических чувств. <...> Оградить всех от насилий в силу закона, в особенности не допускать скопищ близъ студенческих общежитий в ограждение молодежи».

«Строжайше предписываю иметь неослабное наблюдение за всеми жилищами мирных еврейских граждан в ограждение как их личностей, так и имущества от насилий и погрома. Безотлагательно внушить городовым, сторожам и дворникам блюсти за этим, а в случаях проявления каких-либо насилий со стороны хулиганов, немедленно прибегать к содействию ближайших войсковых частей для принятия решительных мер оружием <...> Успокоительным и скорым средством предупреждений беспорядка может служить выезд ближайшей пожарной команды».

«Требую, чтобы все рестораны торговали и не смели бы закрывать по требованию хулиганов, которых изловить и разогнать».

Инструкции, данные полицейским, были довольно четкими. Любые шествия пресекать. Жилища мирных граждан охранять. В случае насилий «принимать решительные меры оружием». При необходимости поддержки вызывать войска или пожарных. Хулиганов изловить или разогнать.

Еще градоначальник издал объявление для жителей, в котором предостерегал их от участия в каких-либо шествиях¹³¹.

Правда, понадобилось некоторое время, чтобы полицейские преодолели деморализацию и начали неуклонно выполнять данные инструкции. А население убедилось бы в этом. Полицейские в эти дни задерживали нарушителей десятками.

Утром 22 октября проходил крестный ход в Кремль. По дороге «какой-то господин позволил себе противоправительственные возгласы». Он был избит, а потом доставлен на перевязочный пункт в университет.

В Замоскворечье, в Охотном ряду и в Зарядье начали собираться «рабочие и простолюдины» с портретами царя, национальными флагами и черносотенными транспарантами. К 12 часам дня эти сборища двинулись на Красную площадь. Оттуда, разделившись на группы, манифестанты пошли по разным направлениям. Когда одна из групп шла по Каменному мосту, с ней поравнялась пролетка с двумя студентами. От них потребовали снять фуражки. Они достали револьверы и стали стрелять, убив крестьянина Алексея Жадаева. Один из студентов сумел скрыться. Другого схватили, сильно избили и сбросили с моста в реку. На другой день полицейские выловили его тело и установили, что это был студент Технического училища Николай Лопатин.

В 4 часа дня неизвестный мужчина у трактира Розанова на Большой Дорогомиловской улице выстрелил в воздух. Он был избит и скончался.

Около 7 часов вечера толпа манифестантов направилась к Пересыльной тюрьме, чтобы потребовать освободить арестованного Михалина (убийцу Баумана). Недалеко от Селезневской улицы эти манифестанты остановили вагон электрического трамвая. Они потребовали, чтобы все находящиеся в вагоне сняли шапки. Два пассажира, студент и чернорабочий, отказались. Оба достали револьверы и сделали 8 выстрелов, убив одного манифестанта и ранив другого в руку. Затем стрелявшие были избиты. Студент скончался, а рабочего увезли на извозчике неизвестные люди.

В 10 часов в толпу манифестантов, проходившую по Кузнецкому мосту, сделали несколько выстрелов из окон дома Захарьина. Манифестанты забросали окна дома камнями, а затем разгромили несколько магазинов.

В результате за день убиты пять человек, ранены четверо, кроме неизвестных людей. Среди пострадавших был один случайный прохожий.

23-го числа по всему городу расклеили объявление градоначальника о прекращении всяких процессий. Не все обыватели согласились с этим. В центре города шествий уже не было. Но на окраинах они еще происходили.

Большое количество манифестантов собралось в Марьиной роще. Отслужив молебен, они двинулись по Бахметьевской улице в город. Дошли до ворот Инженерного училища. Там между манифестантами и студентами произошел конфликт.

Подростки из толпы манифестантов стали забрасывать студентов камнями. Те открыли огонь, причем не только из револьверов, но и из ружей. Несколько манифестантов были убиты или ранены. Толпа бросилась бежать. Студенты некоторое время преследовали черносотенцев, продолжая стрелять, и ранили еще нескольких человек.

В это время на место беспорядков прибыли эскадрон жандармов и полусотня казаков. Студенты укрылись в здании училища. Манифестанты вернулись, желая отомстить. Но правоохранители заставили их разойтись. Всего в этом инциденте погибли четыре черносотенца (один рабочий и три крестьянина) и были ранены еще 15 манифестантов. В числе раненых оказались несовершеннолетние. Например, крестьяне Григорий Косагов (16 лет), Егор Чагин (20 лет), Василий Костюгин (20 лет) и неизвестная 13-летняя девочка.

В этот же день пострадал и один мирный житель. Хулиганы напали и травмировали врача Василия Крамера.

24 октября на Ваганьковском кладбище состоялись похороны людей, убитых 20 числа возле Манежа: студентов университета Соколова и Захарова, студента Инженерного училища Северианова, воспитанника 1-й Московской гимназии Алексеева, рабочих Лаврентьева и Никифорова. В похоронах участвовало до 500 человек учащейся молодежи. Они несли венки и транспарант с надписью «Жертвы произвола».

Других массовых шествий не было. Большинство бастовавших фабрик и заводов приступили к работе. Рабочие больше не бродили по улицам. Инженерное и Техническое училища были закрыты до 15 января 1906 года, другие

вузы тоже готовились к закрытию. Индгородные студенты начали разъезжаться из Москвы по домам.

В течение этого дня убитых и раненых в городе не было. Неделя кровавого полива дерева свободы левыми и правыми экстремистами закончилась.

За это время пострадал с угрозой для жизни лишь один полицейский. Городовой 2-го разряда Федор Полухин был ранен в грудь при нападении демонстрантов на дом градоначальства. Больше чем через месяц, 23 ноября, в приказе по столичной полиции градоначальник написал об этом. «Полученные Полухиным раны теперь зажили, но состояние здоровья его не вполне восстановилось. Отличая городского Полухина, за ревностную службу, повышаю его в 1 разряд по окладу содержания, разрешаю ему для поправления здоровья в деревне на родине двухмесячный, с сохранением содержания, отпуск, а на дорогу ему предписываю выдать в пособие 10 рублей из остаточных сумм»¹³².

Возможно, Федору Полухину повезло. В эти два месяца в Москве разыгрались еще более кровавые события, в которых погибли многие правоохранители.

Оливковая ветвь

Провозгласив подданных империи гражданами, высшая власть решила предложить оппозиционерам «оливковую ветвь примирения». 21 октября Николай II издал указ об амнистии политическим заключенным. Там говорилось: «Манифестом, данным 17-го октября 1905 года, Мы возложили на обязанность Правительства выполнение непреклонной Нашей воли даровать населению незыблемые основы гражданской свободы. В соответствии с сим государственным событием Мы признали за благо прежде всего облегчить участь лиц, впавших до воследования сего Манифеста в преступные дела государственные».

Революционеров, «совершивших до 17 октября 1905 года преступные деяния без насилия, а также принимавших участие в стачках», освобождали «от преследования суда, наказания и прочих последствий». Им «даровалось» полное помилование.

Тем, кто был осужден по другим статьям (за тяжкие преступления), наполовину сокращался срок заключения, бессрочная каторга заменялась каторгой на

15 лет. Приговоренным к смертной казни и тем, кто подлежал этому за свои преступления, но еще не был приговорен, такое наказание тоже заменялось 15-летней каторгой.

Сосланным на поселение разрешалось после отбытия четырех лет ссылки выбирать себе место жительства. Но в течение следующих трех лет они еще не могли селиться в столицах и столичных губерниях.

Те, на кого до 17 октября 1905 года были наложены административные наказания, освобождались «от дальнейшего отбытия сих взысканий»¹³³.

22 октября товарищ министра внутренних дел Д. Ф. Трепов предписал генерал-губернатору П. П. Дурново на основании данного указа освободить от преследования лиц, подвергнутых за политические преступления по решениям местных властей административному аресту, представленных к административной высылке или поставленных под гласный полицейский надзор¹³⁴.

Но оказалось, что московский градоначальник еще 18 числа, после опубликования в городе Манифеста, разослал участковым приставам и смотрителям полицейских домов указания освободить всех людей, арестованных на основании обязательных постановлений местного начальства¹³⁵. И в тот же день указания были исполнены.

Среди нескольких десятков освобожденных были не только «политические», но и другие нарушители порядка. Больше всего насчитывалось тех, кого ранее арестовали за нарушения правил извозного промысла, за ношение или хранение оружия без соответствующего разрешения, за нарушение правил о прописке видов на жительство, за буйство, за нарушение запрета уличных сборищ.

В основном это были молодые люди в возрасте 18–27 лет. Но встречались нарушители и старше. Самому старшему было 55 лет. Большая часть из них — проживающие в Москве крестьяне, остальные — мещане, цеховые, сыновья чиновников, студент, питомец воспитательного дома, четверо государственных служащих — телеграфистов.

Попал в число амнистированных нарушителей и выросший к тому времени «чеховский» крестьянин Ванька Жуков. Об освобождении 27-летнего Ивана Жукова из-под стражи 18 октября 1905 года градоначальнику рапортовал смотритель Суцевского полицейского дома Лебедев¹³⁶. Со времени создания рас-

Сушевский полицейский дом на Селезневской улице. Фотография 1900-х

сказа о 9-летнем Ваньке, писавшем письмо «на деревню дедушке», прошло уже 18 лет. Не исключено, что Иван стал революционером или черносотенцем. Хорошо, хоть не все несчастные дети вырастают такими. Хорошо, что не все убивают беззащитных и невиновных людей ради высоких или низких целей.

Опубликование Манифеста и амнистирование арестованных навели многих полицейских и жителей на мысль, что Положение о государственной охране больше не действует и обязательные постановления местных властей не имеют силы. Потребовалось разъяснение центральных властей. 27 октября товарищ министра внутренних дел Трепов шифрованной телеграммой известил московского генерал-губернатора: «...Положение охране не отменено но подлежит применению большою осмотрительностью»¹³⁷.

Дурново в свою очередь предписал градоначальнику фон Медему: «При применении ныне действующих обязательных постановлений, изданных на основании Положения об охране, привлекать лиц виновных в нарушении таких к судебной ответственности и только в случаях крайней необходимости применять <...> административные взыскания»¹³⁸.

Однако полиция была вынуждена использовать административные средства против тех, кто нарушал законный порядок, но без тяжелых последствий, влекущих судебную ответственность. Нарушители же расценивали это как произвол.

4 ноября пристав 1-го стана Московского уезда в своем не очень грамотно написанном рапорте уездному исправнику сообщил следующее. «Извозчики как легковые так и ломовые при взыскании с них штрафов и при требовании отбытия ареста наложенных по приказам Московского Градоначальника [изданным. — А. III.] до 17 октября категорически [так в документе. — А. III.] отказываются а в последнем случае высказывают оказать общее сопротивление полагая [так в документе. — А. III.] что штрафы за силою Высочайшего Манифеста подлежат сложению, а арест отмене, все разъяснения им не могли повлиять на них»¹³⁹.

18 ноября пристав 2-го участка Мещанской части рапортует градоначальнику: «Принимал все меры к скорому приведению в исполнение приказов по Столичной полиции, относительно взыскания штрафа с извозчиков с заменю ареста, но в виду категорического их отказа платить штраф или садиться под арест, мотивируя тем, что они по манифесту должны быть освобождены, от наложенного на них административного взыскания, при настоятельных же мерах принимаемых со стороны Околоточных Надзирателей к исполнению приказа, извозчики не только являются [правильно: не являются. — А. III.] исполнителями приказа полиции но все меры принимают к возмущению и возбуждению друг друга к нанесению оскорбления действием и словами Околоточному Надзирателю»¹⁴⁰. Далее выясняется, что такие оскорбления околоточному надзирателю Куликовскому были нанесены извозчиками «при полном сопротивлении их в исполнении приказа». Дело это полиция передала мировому судье для привлечения виновных к ответственности по суду.

Департамент полиции 23 ноября вновь проинструктировал полицейских, что «исключительные законы продолжают сохранять свою силу, но подвергнутые административным взысканиям до 17 октября подлежат освобождению от сих взысканий, чем исключительные законы [то есть Положение о государственной охране. — А. III.] не отменяются»¹⁴¹. Но извозчики по-прежнему были уверены, что Императорский манифест освободил их от наказаний за нарушение правил дорожного движения и других правил об извозе, не только совершенных до 17 октября 1905 года, но и случившихся после этой даты.

Так же считали и евреи, проживавшие в Москве, но не имеющие при этом по закону права жительства в столице. Полицейские выселяли их из города. Подобным образом в 1892 году пострадал и замечательный российский художник Исаак Левитан, долгое время не имевший официального документа «классного художника». Такой документ дал бы ему право легально жить в Москве. Художник, чувствуя себя оскорбленным, уехал в провинцию, а потом за границу. В Москву Левитан вернулся только в 1898 году, уже получив звание академика живописи.

Но теперь евреи были уверены, что насильно выселять их нельзя, так как Манифест «даровал» всем россиянам неприкосновенность личности. Как бы не так! Департамент полиции 24 ноября 1905 года разъяснил, что «все существующие законоположения относительно евреев, как не отмененные означенным Манифестом, подлежат точному исполнению и неприкосновенность личности может быть осуществляема в пределах, установленных законом»¹⁴².

Освобождение заключенных происходило в Москве не только в полицейских домах, но и в тюрьмах. Об этом написал Джунковский: «Когда был получен акт об амнистии, то я сейчас же сделал распоряжение по тюремной инспекции о немедленном ее применении по тюрьмам. Политические в то время содержались в Бутырской и Таганской тюрьмах. В Бутырской тюрьме никаких недоразумений не было. Начальником тюрьмы был генерал-майор Мецнер, честнейший и благороднейший человек, его все уважали и любили, и у него все прошло гладко. В Таганской же тюрьме, где начальник тюрьмы был не на должной высоте, произошло осложнение. Толпа в несколько тысяч осадила тюрьму и требовала, чтоб их пустили для проверки применения амнистии. <...> Пройдя в контору тюрьмы, я застал там полный хаос, посредине стоял бородач

огромного роста в папахе, с красным флагом в руке, около него еще трое из публики. На мое требование, обращенное к делегатам, снять шапки и поставить в угол красный флаг, они тотчас повиновались и держали себя с тактом. <...> Освобождены 60–70 человек, политических осталось в тюрьме всего 11 человек».

Вечером того же дня Джунковский вернулся в эту тюрьму. Он вспоминает такой эпизод. «Проходя мимо камер, я вдруг, к моему удивлению, увидел в одной из них накрытый стол с яствами. Я вошел, вижу: на столе, накрытом скатертью, канделябры со свечами, масса закусок, фруктов и т. д. Начальник тюрьмы был очень сконфужен, когда я в недоумении спросил его, что это значит. В это время подошел студент и сказал мне, что их 11 политических, к которым не применена амнистия, и что они просили начальника тюрьмы разрешить им отпраздновать товарищей, которых освободили. <...> Я дал им разрешение, взяв слово, что в 12 часов ночи они все будут уже в своих камерах. Уезжая из тюрьмы и проходя мимо уголовных, я был ими остановлен. Они раз-

Московская губернская уголовная тюрьма. Фотография начала XX в.

разились претензиями: “Как это, нас, верноподданных, не освобождают, — говорили они, — эти же шли против царя и их освободили”. Они просили моего ходатайства за них. Я их успокоил как мог и уехал».

Джунковский не договаривает, но его присутствие в Московской губернской тюрьме не избавило от ошибок при освобождении заключенных. Градоначальник фон Медем рапортовал генерал-губернатору, что оттуда ошибочно выпустили трех опасных революционеров, не подлежащих освобождению. Первой из них была Зинаида Коноплянникова, занимавшаяся изготовлением и хранением взрывчатых снарядов. Вторым был Афроил Виленский, еще в 1902 году бежавший из Восточной Сибири, куда был сослан за революционную деятельность. Он проживал в Москве нелегально и был арестован. Третий человек был арестован при ликвидации подпольной группы. Документы его оказались фальшивыми, а личность установить не удалось¹⁴³.

Большинству из освобожденных амнистия принесла мало пользы. В течение следующей недели 165 человек из них были вновь задержаны полицией и еще 40 человек были арестованы за участие в массовых беспорядках, сопротивление полиции и другие преступления¹⁴⁴. «Оливковая ветвь примирения», предложенная властью оппозиционерам, не была принята.

В октябре 1905 года министр внутренних дел А. Г. Булыгин ушел в отставку. На этом посту его сменил Петр Николаевич Дурново, однофамилец московского генерал-губернатора Петра Павловича Дурново.

В начале ноября Петр Павлович Дурново информировал нового управляющего МВД: «Считаю долгом сообщить Вам, что с 24 Октября по настоящее число никаких серьезных уличных беспорядков в Москве не происходило и столичная жизнь течет нормально. Тем не менее все меры к своевременному предупреждению нарушений спокойствия в городе приняты и со стороны полиции за этим имеется неослабое наблюдение»¹⁴⁵.

Генерал-губернатор сильно приукрасил действительность. В Москве в это время не происходило многотысячных шествий и массовых побоищ, но уличных беспорядков было хоть отбавляй, и об установлении спокойствия приходилось только мечтать.

В здании университета находилась боевая дружина из студентов и рабочих. 28 октября градоначальник через ректора университета передал им ультима-

тум. Дружинникам предлагалось добровольно покинуть здание. Иначе полиция и войска предприняли бы штурм. В ночь на 29 октября требования ультиматума были дружиной выполнены. Полицейские документы помогают представить моральное состояние дружинников. В стенах аудитории, где они располагались, имелось около 100 следов от пуль. Стреляли по бутылкам и по иконе Божией Матери. Кроме того, был взломан шкаф, из которого пропали ценные книги¹⁴⁶.

Город был наводнен оружием, в том числе огнестрельным, находившимся на руках у населения. В то время охотничьи ружья, револьверы и пистолеты можно было легально приобретать в оружейных магазинах. Для этого нужно было оформить в полиции разрешение, дававшее право купить и хранить дома оружие. Неблагонадежным людям такие разрешения не выдавали, а магазинам было запрещено продавать оружие тем, у кого разрешение отсутствовало.

Существовало лишь одно исключение. Строевые офицеры, находящиеся на службе, могли приобретать оружие в магазинах без всяких разрешений. Такое казалось логичным. Если уж государство доверило человеку боевое оружие большой мощности, то ему можно доверить и менее мощное оружие. Зачем же тут разводить лишнюю бюрократию? Но это оказалось лазейкой для получения оружия теми, кто разрешения на это не имел. Боевики запугивали владельцев магазинов или соблазняли их большими деньгами, и те продавали им ружья и револьверы. Продажа каждой единицы оружия должна была регистрироваться в магазине в специальной книге. При этом указывалось, что и кому продано, на основании каких документов это сделано. Но владельцы многих магазинов не записывали в книги свои «темные» продажи.

Полицейские по документам установили, что в октябре резко вырос ввоз огнестрельного оружия в город. По закону это делалось через Московскую главную складочную таможню. Но потом значительная часть поступившего оружия просто где-то «растворялась». Одновременная проверка полицейскими 17 оружейных магазинов выявила там множество нарушений в оформлении отчетности. Количество оружия, проданного без предъявления разрешений, многократно увеличилось. Владельцы магазинов уверяли, что это оружие куплено офицерами.

Градоначальник ходатайствовал перед вышестоящими инстанциями об изменении правил приобретения оружия офицерами. Предлагалось, чтобы они при покупках предъявляли соответствующие удостоверения от командования своих частей. А еще генерал-майор фон Медем с 28 октября приостановил пропуск оружия через таможенную¹⁴⁷. Теперь оно могло поступать в Москву только нелегально.

Продолжал развиваться конфликт по поводу расстрела казаками демонстрантов у Манежа. Исполняющий должность городского головы Д. Д. Дувакин отправил телеграмму премьер-министру графу Витте. «Московская городская дума в чрезвычайном собрании созванном 21 октября по поводу волнений происходящих в городе между прочим постановила ходатайствовать перед Вашим Сиятельством о немедленном удалении из города казачьих войск решительно не способных к несению полицейской службы <...> после зверского поступка казаков стрелявших в толпу в ночь на 21 октября оставление казаков в городе представляет явную опасность, так как раздражение толпы может вызвать жестокое столкновение на улицах города»¹⁴⁸.

Витте просил московского генерал-губернатора дать свое заключение по этому вопросу. П. П. Дурново ответил: «Состав Московской полиции и гарнизона крайне недостаточен для поддержания должного порядка, о сем я всеподданнейше доносил государю Императору; удаление какой либо части казаков мыслимо лишь при условии замены их равным количеством регулярной кавалерии. Стрельба в ночь на 21 октября о которой производится подробное разследование военными и судебными властями могла бы иметь место и в том случае если бы вместо казаков были драгуны. Надобности в удалении казаков не вижу тем более что от многих жителей и учреждений получаю ходатайства об охране их имущества казаками и об усилении состава последних»¹⁴⁹.

Действительно, не все общественные организации Москвы выступали за удаление казаков из города. Против этого высказался, например, Московский биржевой комитет. Эта организация представляла интересы владельцев крупнейших торговых фирм. Ее участники входили в число богатейших людей не только Москвы, но и всей Российской империи. Один из современников назвал комитет «самой влиятельной представительской организацией торговли и промышленности» в стране¹⁵⁰.

Члены Биржевого комитета писали генерал-губернатору: «В Москве сосредоточены в отдельных местах значительные ценности, хранящиеся в кредитных учреждениях, <...> находятся имеющие большую стоимость промышленные заведения, что <...> требует надлежащей охраны»¹⁵¹. К мнению комитета прислушивались и правительственные круги и значительная часть общественности. Казаки остались на службе в Москве.

А по поводу расстрела демонстрантов товарищ министра внутренних дел Д. Ф. Трепов 23 октября 1905 года отправил зашифрованную телеграмму генерал-губернатору П. П. Дурново. «Вновь прошу проявить всю полноту власти для прекращения беспорядков насилий погромов дабы во что бы то ни стало обеспечить личную и имущественную опасность [опечатка в тексте расшифровки телеграммы, должно быть: «безопасность». — А. Ш.] обывателей, при этом считаю необходимым обратить внимание Вашего Превосходительства что *результаты достигаются своевременным принятием надлежащих предупредительных мер, а не одним лишь кровопролитием которое всегда является неизбежным когда эти меры приняты не были*»¹⁵² [курсив мой. — А. Ш.]. Это еще раз доказывает безосновательность утверждений о кровожадности Трепова.

Но от генерал-губернатора Дурново проку было мало. Он предпочитал ничего не предпринимать и выполнял лишь прямые приказания центральной власти. Не случайно в это время представители московской общественности часто обращались по телеграфу с прошениями по срочным делам прямо к премьер-министру. Практически все эти дела были в компетенции генерал-губернатора. Но возникало ощущение, что таковой в Москве отсутствует.

Поскольку в Москве продолжались беспорядки, а генерал-губернатор пребывал в растерянности и бездействии, управляющий МВД П. Н. Дурново 29 октября телеграфировал ему: «Имея в виду что процессии или манифестации с флагами красного или черного цвета с надписями противоправного и революционного содержания служат поводом к столкновениям и беспорядкам предлагаю Вашему Превосходительству [их] впредь не допускать»¹⁵³.

Из-за бездействия властей жители не чувствовали себя защищенными государственными силовыми структурами. И поэтому хотели защищать себя сами. Органы городского самоуправления, общественные организации и даже част-

ные лица обращались в МВД с просьбами о разрешении создавать «отряды самообороны для охраны населения». 2 ноября московскому генерал-губернатору сообщил об этом заведующий Политической частью министерства П. И. Рачковский¹⁵⁴.

Примером проекта создания «частной охраны» в Москве может служить предложение, отправленное Московскому городскому голове Н. И. Гучкову домовладельцем Матфеем [так в документе. — А. Ш.] Зайцевым-Поповым, старообрядцем и черносотенцем¹⁵⁵. Копии предложения он послал генерал-губернатору и другим официальным лицам. Домовладелец был ограблен почти в центре города, на Воздвиженке. Полиция не обеспечила ему безопасность. Вот у него и возник план создать негосударственную организацию для охраны общественного порядка.

Зайцев-Попов предлагал освободить домовладельцев от расходов на содержание ночных сторожей. К этому времени сторожа находились в постоянном распоряжении полиции для усиления ей нарядов. Как писал Зайцев-Попов, домовладельцы видели сторожей «только каждое первое число, при получении жалованья по 30 по 45 рублей в месяц каждый», да еще «с праздничными и чаевыми». Вместо этого он планировал собрать с домовладельцев взносы на организацию охраны. На эти деньги предполагалось провести два мероприятия. Во-первых, удвоить количество дворников. Имея в каждом домовладении двух дворников, можно было организовать их посменное непрерывное дежурство у ворот дома для предотвращения преступлений. Во-вторых, нужно было создать «артель десятских» численностью в 2 тысячи человек. Десятские должны были патрулировать улицы в своем районе, проверять дежурство дворников, конвоировать задержанных нарушителей в ближайшую полицейскую часть. Организовать и возглавить «артель десятских» брался Николай Измайлов, бывший староста коммерческой биржевой артели.

В проекте ничего не говорилось о вооружении десятских и дворников. Но это с необходимостью предполагалось. Ведь не могли же невооруженные люди задерживать вооруженных преступников. Зайцев-Попов предлагал «исполнить это в течение 7 дней». В короткое время найти несколько тысяч человек, готовых за сравнительно небольшую плату нести охрану порядка и безопасности в бурлящей Москве, было просто невозможно. Либо автор

проекта был фантазером, либо он собирался привлечь в «частную охрану» членов «черных сотен» из простонародья.

Свой план он предлагал принять на собрании участников общественной организации (комиссии) московских домовладельцев. Но не получил поддержки. Теперь он заодно с предложением, сделал донос городским начальникам на «непатриотический» национальный состав правления (бюро) этой организации. Кроме председателя Тарасова, в состав бюро входили люди с неблагонадежными фамилиями Семенович, Шильбах и Умеруко-Заполи-Запольский.

3 ноября управляющий МВД П. Н. Дурново отправил Московскому генерал-губернатору телеграмму по поводу всех проектов создания негосударственных формирований по охране порядка. «Вследствие возникших некоторых городах предложений сформировать кроме невооруженных ночных и уличных сторожей для охраны порядка городских милиций не подчиненных начальникам местной полиции предлагаю устройство подобных милиций охранных дружин и других организаций отнюдь не допускать в случае предоставления ваше распоряжение городскими управлениями средств на временное усиление существующих полиций разрешаю вам своею властью усиливать состав полицейских команд донося о сделанных распоряжениях министерству»¹⁵⁶.

Это было верное решение. Неподконтрольные полиции вооруженные формирования использовались бы революционерами, черносотенцами и уголовниками для легализации своих отрядов и банд. Такое случилось немного позже, весной 1917 года. Тогда рабочим уже новая, демократическая власть разрешила создавать заводскую милицию для охраны предприятий и защиты общественного порядка в заводских поселках. Вскоре на основе этой милиции возникла Красная гвардия, фактически — негосударственная армия. Отряды красногвардейцев имели военную организационную структуру и тяжелое вооружение, ненужное для выполнения полицейских функций. Сохранилось множество фотографий красногвардейцев, где они гордо демонстрируют свое оружие. И это не только винтовки и револьверы, но и ручные гранаты, пулеметы, артиллерийские орудия, минометы, бронев автомобили. Осенью того же года Красная гвардия стала главным орудием поли-

Бастующие в Москве устроили крушение железнодорожного состава. 1905

тического переворота и захвата власти большевиками. В 1905 году такого не произошло.

Центральные власти были недовольны бездеятельностью старших московских администраторов. Генерал-губернатор П. П. Дурново оказался некомпетентным и безынициативным. Градоначальник фон Медем находился в конфликте с ним и часто «умывал руки», отстраняясь от решения важнейших проблем. Московский губернатор Кристи забросил служебные дела и открыто собирался уходить в отставку, губернией фактически управлял вице-губернатор Джунковский.

В Петербурге задумались о необходимости сменить московское руководство или каким-то образом «перетасовать» его. Джунковский сообщает, что 28 октября он получил шифрованную депешу от Витте: «Его Величество выразил желание назначить Вас московским градоначальником, но поручил ранее узнать о Вашей готовности принять этот пост», Джунковский отказался: он

рассчитывал вскоре занять место губернатора, а должность московского градоначальника в это время была уж очень беспокойной. Об этом предложении Джунковский сообщил лишь своим ближайшим начальникам — губернатору Кристи и генерал-губернатору Дурново. И просил не ставить в известность градоначальника фон Медема, чтобы не расстраивать его.

2 ноября вице-губернатору позвонил фон Медем и просил принять его. Как пишет Джунковский: «Генерал-губернатор П. П. Дурново взболтнул, и это поставило барона Медема в очень глупое положение. “Значит, меня не хотят оставлять на этом посту”, — сказал мне Медем. <...> Он совсем растерялся и спрашивал моего совета. Я ему посоветовал поехать в Петербург к министру внутренних дел (П. Н. Дурново) и объясниться, но он моему совету не последовал и оставался на посту градоначальника до конца года».

В результате этой акции московское руководство было еще более деморализовано.

Полицейские дома

Полицейские дома считались наименее важными из правоохранительных учреждений. Поэтому они и до начала первой российской революции отнюдь не процветали. Когда-то эти учреждения являлись административными и хозяйственными центрами полицейских частей Москвы. Но после упразднения частей и замены их полицейскими участками, они стали вспомогательными учреждениями, которым придавалось мало значения. Тем не менее они выполняли ряд необходимых функций. Например, здесь находились приемные покои, где оказывали неотложную медицинскую помощь людям, пострадавшим от несчастных случаев, жертвам преступных посягательств и задержанным нарушителям порядка, если это было нужно. Еще полицейские дома служили в качестве изоляторов временного содержания. Там располагались камеры для задержанных и некоторых категорий арестованных полицией людей.

Содержанию «под стражей» в полицейских домах подлежали лица, задержанные участковой, сыскной и политической полицией по подозрению в нарушении законов. Эти лица находились здесь «впредь до выяснения обстоятельств дела», то есть до тех пор пока в отношении их проводилось полицейское

дознание. Когда накапливалось достаточно оснований для возбуждения судебного расследования, то дела передавались судебным властям. Задержанные становились подследственными арестантами и должны были переводиться в тюрьмы, подведомственные не МВД, а Министерству юстиции. Но обычной стала практика, когда такие арестанты, особенно проходившие по делам о не очень значительных нарушениях, оставались в полицейских домах до вынесения приговоров, хотя теперь они числились не «за полицией», а за участковыми мировыми судьями, съездом мировых судей, судебными следователями, прокурорским надзором или даже за губернским жандармским управлением.

Еще в полицейские дома помещали людей, приговоренных судом к краткосрочному аресту или арестованных в административном порядке (без судебного решения) за нарушение обязательных постановлений местной государственной власти. Срок такого ареста мог быть от суток до трех месяцев.

До начала революции большую часть административно арестованных составляли ямщики, нарушившие правила извозного промысла (например, правила уличного движения). Затем количество «клиентов» полицейских домов стало быстро расти за счет арестованных за нарушения правил о хранении и ношении оружия и взрывчатых веществ, «за подстрекательства» к забастовкам и незаконным сборищам, за проживание в Москве без разрешения властей и оформления соответствующих документов.

Численность административно арестованных резко выросла после введения в действие Положения об усиленной, а затем — и о чрезвычайной охране. Частичная амнистия и временное снижение количества накладываемых административных наказаний после провозглашения Манифеста от 17 октября 1905 года не изменили ситуации, так как революционеры не приняли предложенного правительством перемирия.

В полицейские дома доставлялись также задержанные или подобранные полицией пьяные до их вытрезвления. Часто им тоже требовалось оказание медицинской помощи.

В Пресненском полицейском доме имелось «долговое отделение», где содержались неоплатные должники.

Всего полицейских домов насчитывалось в Москве шестнадцать. Они располагались в зданиях, доставшихся от прежних полицейских частей. Помеще-

ния эти были старые, ветхие, плохо приспособленные для содержания заключенных. Денег на содержание, ремонт, оборудование полицейских домов выделяли по минимуму. Внимания этим третьестепенным учреждениям полицейское начальство до начала революционных событий уделяло мало.

Из-за ветхости полицейским домам постоянно требовался ремонт. В любой год два-три дома находились на ремонте и не могли принимать арестантов. В Тверском полицейском доме, самом ветхом, с 24 сентября 1904 года арестантские помещения вообще закрыли. Их уже бесполезно было ремонтировать. Во время проверки состояния арестантских помещений в июне 1905 года были временно закрыты на ремонт камеры Пятницкого, Якиманского и Рогожского домов. В июне 1906 года не принимали арестантов Сретенский дом и одиночные камеры Мясницкого дома, в мае 1907 года — Хамовнический дом, в октябре 1907 года — Басманный дом (данных по Мясницкому дому за этот период нет).

Планировка и вместимость арестных помещений были очень разными. Удобнее всего было, если камеры помещались в одном здании. Так было легче обеспечивать «окарауливание», надзор за заключенными, раздачу пищи и кипятка. Но зачастую камеры находились в разных зданиях, значительно отстоящих друг от друга.

Туалетов в камерах не было. Служители должны были выводить арестантов в общий туалет. Некоторые полицейские дома оборудовали общими ватерклозетами. Но при выходе ватерклозета из строя, ситуация становилась плачевной. В других домах были нужники с выгребными ямами. Иногда нужники располагались в отдалении от арестантских помещений. Вывод туда заключенных отвлекал служителей от исполнения других обязанностей. При этом увеличивалась опасность совершения заключенными побегов.

Вот как описывает ситуацию смотритель Сушевского полицейского дома Лебедев в рапорте, поданном градоначальнику 1 марта 1905 года «Все арестантские помещения находятся в трех разных местах двора <...> ветхость, плохия приспособления, недостаток постов, команды [то есть численности служителей. — А. III.] — все это способствует к совершению побегов, о чем мною подана 20 февраля <...> подробная опись нужных работ по усмотрению Полицмейстера II отделения и на утверждение Вашего Превосходительства,

<...> но в такой короткий период времени я добиться всего не мог, кроме прибавки 32 штук фонарей для дворового освещения, починки в камерах решеток, ретирадного люка там же, который и до сих пор представляет возможность к побегу...»¹⁵⁷.

Ретирадное, то есть отхожее, место в этом полицейском доме выглядело так. В одной из комнат в стене была пробита дыра «для ссовывания лопатой экскрементов в яму находящуюся за стеной во дворе, закрытую деревянным ящиком с дверью, запирающуюся снаружи висячим замком, откуда постоянно распространяется вонь во все камеры, через дыру холод...»¹⁵⁸.

Общая вместимость арестантских помещений 15 полицейских домов (не считая Тверского дома) составляла 616 человек¹⁵⁹. Она рассчитывалась, исходя из нормы в 1 кубическую сажень (ок. 9,7 м³) объема помещения на человека. При этом полицейские дома обладали разной вместимостью.

Самым большим был Мясницкий дом. Там можно было разместить около сотни арестантов. При этом доме находилось этапное отделение. Сюда из всех остальных полицейских домов собирали арестантов, подлежащих высылке из Москвы по этапу к местам отбытия наказаний.

Пятницкий, Якиманский, Сушевский дома были рассчитаны на содержание 60–70 человек. Большинство остальных домов вмещали от 30 до 50 заключенных. Маленькими считались арестные помещения таких домов, как Басманный (24 человека), Рогожский (22 человека), Городской (22 человека). Еще меньше заключенных могли принять камеры Пречистенского дома¹⁶⁰.

Предписывалось содержать заключенных разных категорий отдельно друг от друга. Так же отдельно помещали мужчин и женщин. Политических или «секретных» заключенных, числящихся за Московским охранным отделением или губернским жандармским управлением, требовалось размещать только в одиночных камерах. Поэтому большинство полицейских домов имели несколько общих камер различной вместимости и несколько камер для одиночного заключения. В некоторых полицейских домах одна из камер была очень большого размера, и в ней помещалось около половины от общего числа заключенных, которых мог вместить дом. Как правило, эта камера имела № 1.

Отсутствие типовой планировки приводило к появлению различных вариантов размещения заключенных в московских полицейских домах. Например,

Мясницкий полицейский дом. Малый Трехсвятительский переулок. Фотография 1900-х

в Сушевском доме насчитывалось десять камер: три общие мужские на 31, 14 и 9 человек, одна женская на 5 человек и шесть одиночек. Это означало, что заключенных женщин невозможно было разделить по категориям, кроме политических арестанток.

В Мясницком доме было шесть мужских камер общей вместимостью 70 человек, одна женская камера на 10 человек, 12 одиночек. Правда, одиночные камеры этого дома по своему размеру позволяли размещать там по 2 человека.

В Лефортовском доме имелось пять камер на 33 человека: одна для пьяных мужчин на 12 человек, одна для пьяных женщин на три человека, три камеры для арестантов на 18 человек. Одиночек не было. Значит, содержать здесь политических заключенных было нельзя.

В Сретенском доме устроили восемь одиночек, две камеры для пьяных на 7 мужчин и 5 женщин, две камеры для всех остальных заключенных, на 16 мужчин и 12 женщин. Тут вместе находились задержанные и арестованные, административные и уголовные.

В Якиманском доме оборудовали три места для политических, 26 мест для уголовников, 43 места для извозчиков и пьяных.

Особое место занимал Пречистенский полицейский дом. Похоже, что в нем имелись только одиночные камеры. В 1905 году там содержались исключительно политические заключенные. На 18 июня того года их насчитывалось 7 мужчин и одна женщина¹⁶¹. Среди них — потомственный почетный гражданин Владимир Михайлович Зензинов (Зинзинов), числящийся за охранным отделением с 15 июня. Позже он стал участником Декабрьского вооруженного восстания в Москве и написал об этом воспоминания.

Когда количество арестованных за революционную деятельность мужчин и женщин резко выросло, Пречистенский полицейский дом стал играть роль женской политической тюрьмы. На 16 октября 1907 года там находились 20 арестованных женщин. Они подали полицейскому начальству коллективную просьбу заменить одиночные деревянные нары железными кроватями. Три арестантки выразили еще и индивидуальные просьбы. Заключенная Фагнер, содержащаяся вместе со своим грудным ребенком, жаловалась на сырость и просила перевести их из камеры в приемный покой полицейского дома. Заключенная Арманд просила об ускорении рассмотрения ее дела. А заключенная Целикова, уже получившая приговор, хотела, чтобы ее скорее отправили на высылку¹⁶².

До осени 1905 года, хотя уже шла первая российская революция, московские полицейские дома стояли полупустые. Число содержащихся под стражей в них людей было значительно меньше того количества, которое дома могли вместить. Например, на 18 июня 1905 года в Якиманском доме на 72 места было всего 24 заключенных, в Арбатском доме на 37 мест — 25 человек, в Сретенском на 48 мест — тоже 25 человек, в Басманном на 24 места — 10 человек, а в Лефортовском на 33 места — всего 3 человека¹⁶³.

Заключенные бесплатно получали питание по тюремным нормам, кипяток, постельные принадлежности, мыло, пользование баней, медицинскую помощь в приемных покоях полицейских домов. Московская городская дума в виде благотворительности оплачивала для заключенных зубо-врачебную помощь, а также одежду и носильное белье для нуждающихся в этом.

Заключенные имели право на прогулки и свидания с родственниками. С разрешения смотрителя они получали из дома вещи, книги, писчие принадлежности. Состоятельные арестанты могли за свой счет заказывать продукты из магазинов и даже обеды из трактиров или ресторанов. Выходит, что свой срок ареста можно было провести вполне комфортно.

В качестве примера можно привести дело сына коллежского асессора Александра Богословского, студента Демидовского юридического лицея. В 1905 году он был задержан Московским губернским жандармским управлением и признан «вредным для общественного порядка и спокойствия». На основании Положения об усиленной охране, градоначальник фон Медем в административном порядке приговорил студента к аресту на три месяца за нарушение обязательного постановления об ограничении пользования оружием и взрывчатыми веществами¹⁶⁴. Богословский отбывал свой срок в Басманном полицейском доме. За это время он получил девять свиданий с родственниками. Ему разрешили иметь в камере часы и пользоваться перепиской. Студенту передали восемь книг, правда, их авторы сегодня совершенно не известны почти никому. Исключением является только книга Карла Каутского, одного из тогдашних лидеров германских социал-демократов. На содержание Александра Богословского за три месяца было израсходовано 34 рубля 14 копеек, в том числе — 5 рублей 60 копеек казенных денег. На собственные деньги заключенного для него приобретались зубные щетки, зубной порошок, туалетное мыло, одеколон, нитки и иголки, бумага, календарь, спички, табак, папиросные гильзы, чай, сахар, молоко, хлеб белый, черный и ситный, сосиски, колбаса, ветчина, грудинка, сыр, сливочное масло, сардины, огурцы, яблоки, лимон, семечки, какие-то «капчушки» и «розанчики». Дважды он заказывал обед из ресторана. При таких условиях не очень-то трудно было переносить тяготы и лишения заключения в «одноместном номере».

Почти такой же образ жизни под арестом могли себе позволить и представители низших слоев общества. Одновременно с Богословским в том же Басманном полицейском доме отбывал срок заключения в 3 месяца крестьянин Степан Потапов. Его арестовали «за агитацию среди мастеровых Московско-Курской железной дороги за продолжение забастовки». У Потапова не было

книг и свиданий с родственниками. Но на его содержание израсходовали немногим меньше денег — 23 рубля 59 копеек¹⁶⁵.

Штат каждого полицейского дома включал в себя одного чиновника (смотрителя, то есть заведующего), одного полицейского надзирателя (помощника смотрителя), от 16 до 23 полицейских служителей (в Мясницком доме — 27 служителей). На деле же полицейские надзиратели были лишь в четырех домах, а значит, в большинстве полицейских домов смотритель являлся единственным начальником, отвечающим за все, что там происходило.

Должность смотрителя полицейского дома была одной из самых низкооплачиваемых чиновничьих должностей московской полиции: он получал по 650 рублей в год и ему предоставлялась казенная квартира. По штатам от 29 декабря 1905 года денежное содержание участкового письмоводителя было в полтора раза выше (900 рублей), а младшего помощника пристава — в два раза выше (от 1260 до 1380 рублей).

Из всех штатных сотрудников полиции самое низкое жалованье было именно у служителей полицейских домов. По штатам 1881–1895 годов они получали по 150 рублей, а по штатам 1905 года — 200 рублей в год. Также им было положено казенное жилье — нанимать квартиру при таком жалованье было бы просто невозможно. Понятно, что в полицейских домах служили лишь те люди, которые не имели шансов найти другое место. И только денежная нужда заставляла их держаться за свое служебное место.

В беспокойном 1905 году смотритель Суцевского дома губернский секретарь Л. Т. Лебедев писал в рапорте градоначальнику: «Не признаете ли возможным отменить приказание о моей отставке от службы, так как я имею семью, кроме себя 6 человек, совершенно не имею никаких средств, кроме долгов, существуя исключительно на получаемое жалованье, даже выехать из дома без посторонней помощи не могу»¹⁶⁶.

А служба в полицейских домах была довольно беспокойной и включала в себя выполнение множества разнообразных обязанностей. Вот как выглядел «расход наличной команды в 23 человека» в Суцевском полицейском доме: один кучер арестантской кареты, один санитарный служитель скорой помощи, один служитель в приемном покое, один разносчик срочных официальных телеграмм по пяти полицейским участкам, двое вестовых в конторе полицей-

ского дома, один кашевар, один тюремщик (он раздавал заключенным пищу и кипяток, топил печи и следил за освещением камер), шесть постовых (на три поста), девять конвоиров.

Самой обременительной обязанностью было конвоирование заключенных для доставления их по требованиям судебных и полицейских учреждений. По существовавшим тогда правилам каждого уголовного арестанта должны были сопровождать два конвоира. Но соблюдать это было совершенно невозможно. В день служителям Суцевского дома приходилось доставлять от 20 до 75 человек. В судебных учреждениях арестантов, а с ними и конвоиров, могли задержать на неопределенный срок, иногда на весь день. Поэтому полицейские служители по два-три человека конвоировали целые группы заключенных.

В те дни, когда требовалось доставлять особенно большое количество арестантов, в конвой назначались вестовые, кашевар, тюремщик, служитель приемного покоя. Их собственные обязанности в эти дни не выполнялись. Случа-

лось, что некому было приготовить для заключенных пищу, принести воды, напилить дров и затопить печи. В таких случаях смотритель просил кого-нибудь из арестованных извозчиков сделать это. Принуждать заключенных к работам было запрещено.

По мнению смотрителя Лебедева, именно из-за недостаточной численности служительской команды и «увеличивался внутренний беспорядок». Смотритель считал, что для обеспечения порядка и предотвращения побегов заключенных необходимо увеличить команду еще на 11 человек. Нужно было добавить одного тюрем-

Басманный полицейский дом.
Фотография 1900-х

щика, одного доставщика телеграмм, одного уборщика (он же должен был при-
считываться за «арестованными» извозчичьими лошадьми и конюшней), восемь
постовых (для организации четырех новых постов).

Градоначальник Е. Н. Волков в принципе был согласен с доводами смотри-
теля Сущевского полицейского дома. Еще обер-полицмейстер Д. Ф. Трепов
в конце XIX века писал о необходимости увеличить численность служителей
полицейских домов в Москве хотя бы на 100 человек. Но официально этот
вопрос так и не был решен, а теперь численность арестантов значительно
выросла и все продолжала расти.

Градоначальник предложил Лебедеву соединить должности санитарного
служителя скорой помощи и служителя приемного покоя, упразднить один из
постов и заменить кучера арестантской кареты пожарным. Таким образом уве-
личилось бы число конвоиров. Однако проблемы это не решить не могло.
На рапорте смотрителя Волков написал: «Если штат служителей этого дома
слаб то надо усилить его за счет других»¹⁶⁷. Это была лишь отписка, которая
говорила о некомпетентности градоначальника в полицейских вопросах и о его
нежелании заниматься такой проблемой. В других полицейских домах ситуа-
ция была столь же сложной, а штаты еще меньше. Например, в Хамовническом
доме было лишь 16 служителей, то есть на треть меньше, чем в Сущевском.

К тому же служители московских полицейских домов были практически
безоружны. По штату каждый служитель должен был иметь револьвер
и шашку, но из-за недостатка средств оружием их не обеспечили. А покупать
его за свой счет они просто не могли. Во всех полицейских домах Москвы слу-
жители и полицейские надзиратели не имели ни одного револьвера. В некото-
рых полицейских домах служителям выдали бутафорские шашки, изготовлен-
ные не из клинковой стали, а из мягкого железа. Такие шашки стоили дешево,
но, как написано в документах, были «никуда не годные»¹⁶⁸. В семи полицей-
ских домах (Пятницком, Хамовническом, Пресненском, Сущевском, Яузском,
Лефортовском, Рогожском) не было ни одной даже бутафорской шашки,
а в остальных — только железные. Например, в Басманном полицейском доме
все оружие 18 человек команды состояло из 11 бутафорских шашек¹⁶⁹.

Один из полицмейстеров был потрясен, когда при проверке полицейских
домов обнаружил стоявшего на посту служителя, вооруженного древним

кремневым мушкетом. Как выяснилось, к этому мушкету давно уже не было ни одного патрона. Так что стрелять из него было невозможно.

Из-за большой загруженности служителей разнообразными обязанностями надзор за заключенными был слабым. Побег, случившийся то из одного, то из другого полицейского дома, никого не удивляли. Арестанты не разбегались полностью только потому, что большинство из них рассчитывало скоро выйти на свободу.

Во время революции в полицейских домах стало быстро увеличиваться количество заключенных, в том числе и политических преступников. Для пресечения побегов и массовых беспорядков, в тех домах, где содержались политические арестанты, установили посты от Московского жандармского дивизиона. Это была самая подготовленная и хорошо вооруженная часть внутренних войск в Москве. Бойцам дивизиона поручили и конвоирование политических заключенных.

Черносотенцы и их враги

22 октября на имя председателя Совета министров графа С. Ю. Витте из Москвы пришла телеграмма от священника Петрова: «Здесь известный Крушеван с подобными ему совещаются, организуют погром евреев, помечают дома, грозят всех перерезать, необходимо сейчас же принять меры. Торопитесь».

Витте сообщил об этом московскому генерал-губернатору и предупредил: «Если меры не будут приняты, если прольется от рук этих продажных палачей хоть одна капля еврейской крови и вообще избиваемых, это будет преступление Вашей власти, кровь избитых теперь падет на Вас. Боже избави. Граф Витте»¹⁷⁰.

П. А. Крушеван — известный журналист и один из лидеров черносотенного движения. Деятельность его проходила в основном в Бессарабии и в Петербурге. Он спровоцировал кровавый Кишиневский погром 1903 года, участвовал в создании главной черносотенной организации — Союза русского народа (СНР) в столице империи и его бессарабского отделения. И вот теперь он приехал в Москву.

Генерал-губернатор П. П. Дурново черносотенцам сочувствовал, но приказ премьер-министра не выполнять не мог. Он перепоручил дело градоначаль-

нику фон Медему. Полиция установила, что телеграмма Петрова соответствовала действительности. 23 октября Крушеван был вызван к градоначальнику для дачи объяснений. Черносотенец заявил, что в Москву прибыл по личным делам и на следующий день уедет в Петербург. Медем предупредил, что Крушеван «в случае чего либо подозрительного будет немедленно арестован», и установил за ним строгий полицейский надзор¹⁷¹.

Дурново 23 октября ответил Витте такой телеграммой. «Кажется паника евреев неосновательна. В городе стоят везде усиленные наряды полиции и войск. Было несколько манифестаций благонамеренных людей ходящих с портретом Государя, с национальными флагами и пением Боже Царя Храни. Революционеры, в числе которых много евреев, два дня исчезли, пение Морсельезы [так в документе. — А. Ш.] более не слышно и красных флагов не видно. Всякое нарушение порядка кем бы не было произведено будет мною строго преследуемо всеми законными мерами и пркращаемо [так в документе. — А. Ш.] в случае необходимости даже войсками»¹⁷².

В это время группы черносотенцев в Москве вели постоянную охоту на учащихся высших и средних учебных заведений. Националисты устраивали засады на тех улицах, по которым студенты, курсистки, гимназисты и гимназистки шли на учебу и возвращались домой.

Совещание родителей учащихся Лазаревского института восточных языков обратилось к генерал-губернатору с ходатайством «принять решительные меры против той части населения, которая под видом правительственных манифестаций, предается избиению учащихся без различия их пола и возраста»¹⁷³. Ответа не последовало.

22 октября на имя С. Ю. Витте из Москвы была послана телеграмма, следующего содержания: «Родители учеников 3 Московской гимназии в многочисленном совещании, собранном педагогическим советом пришли к единогласному заключению о совершенной невозможности допустить своих детей до продолжения учебных занятий впредь до полного прекращения тревожного положения в городе, угрожающего их детям опасностию жизни. Событие последних дней убеждают в появлении в городе организованной разбойничьей банды черной сотни, занимающейся систематической травлей учащихся, их избиениями и иными буйствами при <...> попустительстве со стороны полиции»¹⁷⁴.

Учебные заведения одно за другим закрывались по решениям педагогических советов. Среди документов, говорящих об этом, одним из самых впечатляющих является телеграмма от Совета преподавателей Московского училища живописи, ваяния и зодчества, направленная 24 октября в Петербург для Витте. В телеграмме выражен протест против черносотенного террора.

Данную телеграмму подписали директор училища князь А. Е. Львов, инспектор В. Е. Гиацинтов и 24 преподавателя, каждый из которых является выдающимся представителем Серебряного века российской культуры. Список таких имен мог бы стать, образно говоря, антологией отечественного реалистического изобразительного искусства начала XX века. Музеи мирового уровня считают за честь иметь у себя произведения любого из этих людей. А произведения всех художников, подписавших телеграмму, есть, пожалуй, только в Третьяковской галерее и в Русском музее.

Среди «подписантов» были Валентин Серов, Аполлинарий Васнецов, Константин Коровин, Абрам Архипов, Сергей Иванов, Николай Касаткин, Леонид Пастернак (отец будущего Нобелевского лауреата писателя Бориса Пастернака) и др. Многие из них имели «иностранческие и иноверческие» корни. Значит, по мнению черносотенцев, они были врагами России.

Серов к тому времени, кроме шедевров «Девушка, освещенная солнцем» и «Девочка с персиками», успел написать портрет Николая II, признанный современниками лучшим портретом этого императора, а также и портреты нескольких членов императорской фамилии. Но и он был вынужден просить защитить его самого, коллег и учеников от нападений националистов.

Объектом для охоты черносотенцев стали, в том числе и учащиеся духовных учебных заведений. 24 октября в Сергиевом Посаде произошла массовая драка. С одной стороны, в ней участвовали студенты духовной академии, семинаристы и гимназисты. С другой, по словам полицейского рапорта, «обыватели», фактически — черносотенцы.

Это столкновение не было случайным. На такую мысль наводит то, что в этот же день и в это же время массовая драка учащихся с «простолюдинами» возникла и в Дмитрове. Для пресечения беспорядков в оба города было командировано по полусотне казаков¹⁷⁵.

В защиту мирного населения Москвы от нападений черносотенцев решили включиться даже революционные партии. 26 октября в Художественном театре среди публики распространили эсеровскую прокламацию. Вот ее текст: «В виду диких насилий и зверств, которым подвергается мирное население Москвы со стороны казаков и черных сотен при подстрекательстве полиции и преступном бездействии Думы — Московский комитет партии Социалистов-революционеров извещает граждан столицы, что для охраны их безопасности Комитет постановил принять решительные меры. Нападения или хотя бы попытки к ним со стороны черных сотен будут встречать вооруженный отпор со стороны боевых дружин партии. Из уважения к свободе граждан мирные патриотические шествия и манифестации не должны встречать никакого противодействия. Но если они будут сопровождаться избиениями или оскорбительными требованиями по адресу публики, то в этих случаях наши боевые дружины приложат все усилия к тому, чтобы оказать черносотенцам самый решительный отпор. Поэтому Комитет просит население во избежание лишних жертв не присоединяться из любопытства к толпам черных сотен»¹⁷⁶.

Черносотенцы объявляли врагами даже весьма заслуженных людей, имеющих высокие государственные чины.

В Москве тогда жил отставной генерал-майор Альфонс Леонович Шанявский. Это был очень уважаемый в обществе человек. Он родился в 1837 году в Седлецкой губернии. Учился в кадетских корпусах в Туле и Орле, в Константиновском военном училище и Академии Генерального штаба в Петербурге. В 1861 году, закончив обучение, Шанявский получил приглашение от генерал-губернатора Восточной Сибири Н. Н. Муравьева-Амурского и отправился служить на дальних окраинах Российской империи. Главным делом жизни Муравьева-Амурского и его помощников, в том числе Шанявского, стало присоединение к России Амурского края и освоение Сибири. Там, в Сибири, Альфонс Леонович женился на дочери золотопромышленника Лидии Алексеевне Родственной. Вместе с другими золотопромышленниками Шанявский проводил геологические разведки и обнаружил в бассейне реки Зея богатое месторождение золота. Благодаря этому супруги Шанявские стали весьма состоятельными людьми. Свои доходы они использовали для развития образования в Сибири. Альфонс Леонович финансировал преобразование Благовещенской

Московский городской народный университет им. А. Л. Шанявского.

Фотография начала XX в.

прогимназии в гимназию и создание в Забайкалье сельскохозяйственной школы. Он считал, что причина многих бед в России в том, что народ темен и необразован, и старался, как мог, это исправить. Выйдя в отставку, Шанявский жил в Петербурге, затем в Москве. В столице империи он вместе с женой организовал первые в России женские врачебные курсы, а затем и Женский медицинский институт. В Москве Альфонс Леонович решил создать первый российский народный университет. По его задумке, получение высшего образования в таком вузе должно было стать доступным любому человеку, независимо от социального происхождения, материального положения, национальности, вероисповедания, пола, возраста и даже исходного образовательного уровня. Для тех, кто не имел необходимых для начала обучения в вузе базовых знаний, при университете создавалось подготовительное отделение. На содержание университета Шанявский предназначил доходы от одного из своих московских домов на Арбате. 15 сентября 1905 года он предложил этот дом в дар Московской городской думе при условии создания ею народного университета¹⁷⁷.

27 октября И. Я. Волков, главноуправляющий домами Шанявского, написал заявление градоначальнику. Волков сообщал: «...Толпой темных людей пред- назначены к погрому между прочим и дома моего доверителя А. Л. Шаняв- ского, находящиеся на Новинском бульваре и по Арбату, за пожертвование последнего дома на Народный университет <...> доверитель мой <...> тяжело болен и врачами строжайше рекомендовано не сообщать ему никаких непри- ятных известий...»¹⁷⁸ Градоначальник предписал участковому приставу обеспе- чить охрану имущества Шанявского. 7 ноября Альфонс Леонович скончался, а 1 октября 1908 года начались занятия в Московском городском народном университете имени А. Л. Шанявского. Там преподавали полторы сотни заме- чательных российских ученых и деятелей культуры, например, естествоиспы- татель Климент Тимирязев, физик Петр Лебедев, химик Николай Зелинский, геохимик Владимир Вернадский, минералог Александр Ферсман, историк Михаил Гернет, археолог Юрий Готье, поэт Валерий Брюсов. В университете

Дом А. Л. Шанявского на Арбате. Фотография начала XX в.

одновременно получали образование почти 4 тысячи студентов. Там учился поэт Сергей Есенин и будущие выдающиеся ученые — биолог, ставший академиком АН СССР Владимир Энгельгардт, физиолог, в последующем преподававший в МГУ, Иосиф Кан¹⁷⁹. Всех их черносотенцы считали врагами России, а вузы — рассадником революционной заразы. Националистам почти удалось добиться того, чтобы работа системы образования в Москве остановилась полностью.

2 ноября 1905 года градоначальник вынужден был издать приказ по московской полиции об организации охраны учащихся от нападений черносотенцев. «В видах ограждения учащейся молодежи от всяких случайностей во время следования в учебные заведения и обратно, предписываю г.г. приставам выставлять от 7 до 10 часов утра и от 2 до 4 часов дня, в будние дни, вблизи учебных заведений и по главным путям следования учащихся посты, каждый из двух городских или ночных сторожей. <...> Независимо от сего внушить домовым дворникам, чтобы в указанные часы они были на улице у владений, при которых служат и зорко наблюдали бы за недопущением приставания к учащейся молодежи нищих и неблагонамеренных людей, следя за благополучным прохождением учащихся мимо владений»¹⁸⁰. А ведь у полицейских в это время и без того было полно забот по борьбе с беспорядками и с уголовной преступностью.

После принятых мер черносотенцы оставили-таки на время гимназистов и гимназисток в покое. Но активность свою они не ослабили. 5 ноября из МВД Московскому генерал-губернатору сообщили, что в министерстве получены сведения о подготовке в Москве большого собрания черносотенцев с последующим погромом в двух районах — в Зарядье и на Бронных улицах¹⁸¹. Зарядье было тогда «самым еврейским» районом города, можно сказать — «еврейской слободкой» или «еврейским чайна-тауном» (китай-городом) Москвы. А район Большой и Малой Бронных улиц в шутку называли «Латинским кварталом», по аналогии с университетским кварталом в Париже. Здесь, между Тверской улицей и Спиридоновкой, проживало, снимая недорогие комнаты, множество московских студентов. Это было ближайшее к университету место за пределами Бульварного кольца. Внутри этого кольца жилье стоило значительно дороже. Студенческими считались даже все дешевые кабачки в районе Брон-

ных улиц и Тверского бульвара. А здешняя церковь Иоанна Богослова была патрональным храмом «студенческой слободы».

Так что черносотенцы четко обозначили своих основных врагов. В Москве черносотенцев часто называли «охотнорядцами». На улице Охотный Ряд располагались многочисленные мясные лавки. Забрызганные кровью работники этих лавок и олицетворяли собой все московское националистическое движение. Они были его ударным отрядом. Кстати, Охотный Ряд расположен как раз посередине между Зарядьем и Бронными улицами. Значит, куда бы националисты не двинулись, они везде находили врагов.

Эти погромы полиции удалось предотвратить.

В Подмосковье тоже развивалось черносотенное движение, хотя не столь активно и масштабно. Например, 24 октября генерал-губернатору сообщили, что в подмосковном поселке Обираловка (ныне — город Железнодорожный) чиновник Межевой канцелярии Сергей Кологривов от имени Союза русских людей создает организованную вооруженную черную сотню на базе поселковой добровольной пожарной команды¹⁸². Эту попытку полицейские также пресекли.

В подмосковной сельской местности студенты и инородцы тогда попадались редко. Националистам пришлось искать для охоты других «ведьм». Но они с этой задачей справились. Врагами народа объявили сельских интеллигентов — земских учителей, врачей, агрономов. Джунковский сообщает: «В районе Московской губернии, вслед за опубликованием манифеста 17 октября, под влиянием черносотенной агитации стали замечаться случаи нападения крестьян и рабочих на земские учреждения и на земских служащих». Кто же были эти люди, активисты националистического движения? Что двигало ими, толкало на кровавые действия? Председатель Совета министров России С. Ю. Витте писал, что националисты-черносотенцы своими действиями преследуют в «громадном большинстве случаев цели эгоистические, самые низкие, желудочные и карманные». По его словам, «это типы лабазников и убийц из-за угла»¹⁸³.

Для примера можно рассмотреть личность «патриота» Михалина, убившего революционера Николая Баумана. Проводя дознание по этому делу, полицейские собрали сведения о черносотенце Николае Федотове Миха-

Владимир Федорович Джунковский,
московский генерал-губернатор в 1905–1908 гг.
Фотография 1900-х

дине¹⁸⁴. Это яркий и показательный персонаж. Выяснилось, что Михалин по происхождению крестьянин Тамбовской губернии, что он женат, но уже 12 лет живет не с женой, а с сожительницей. «Детей не имеет. Имущества у него ни какого нет [так в документе. — А. Ш.]». Работал он на фабрике Шановых в должности «хожалого по спальням рабочих», то есть был патрульным надсмотрщиком в рабочем общежитии. В пьяном виде Михалин совершил кражу самовара из частного дома. За это мировой судья приговорил его к четырем месяцам заключения в тюрьме. Осужденный обжаловал приговор, но Московский мировой съезд решение судьи утвердил. Отсидеть этот срок Михалин не успел, так как исполнение приговора отложили до рассмотрения в Московском окружном суде дела об убийстве Баумана. Полицейские поинтересовались и тем, как Михалин в свое время отбывал срочную службу в армии. Оказалось, что ее он проходил в элитном лейб-гвардии Семеновском полку, но затем был переведен в обычный армейский 30-й пехотный Полтавский полк. Причину перевода не установили. Сам Михалин утверждал, что это произошло из-за болезни. Но такое объяснение вызывает сомнения: если солдат по состоянию здоровья не мог полноценно нести строевую службу, то его, скорее всего, назначили бы на нестроевую должность в том же полку, например, служителем в обозную команду, лазарет, полковую церковь, хозяйственную роту. Могли его перевести в какую-нибудь нестроевую часть. Михалина же направили в другой строевой полк, где здоровья для службы требовалось не

меньше. Обычно переводы из гвардейских частей в армейские применялись за совершение неблагоприятных поступков.

18 октября 1905 года, в день совершения убийства, Михалин вечером сам пришел в полицию. Вероятно, он понял, что его все равно разыщут полицейские. Черносотенец был уверен, что достоин снисхождения. Ведь он «бил жидов и спасал Россию». В годы первой российской революции 1905–1907 годов не только черносотенцы, но даже и обычные уголовники высказывали такую точку зрения. Они считали, что осуждать должны не тех людей, кто совершил преступления, а «социально чуждых» и «политически неблагонадежных». А ведь они-то «свои», «верноподданные», «патриоты». Им все можно.

Суд проявил к Михалину снисхождение, но все равно 13 марта 1907 года приговорил его к заключению в арестантские роты на полтора года. Тогда черносотенец подал на Высочайшее имя прошение о помиловании: «Припадаю к стопам Вашего Императорского Величества и всеподданнейше прошу о помиловании, я не мог выдержать дерзких речей Баумана о священной особе Вашего Императорского Величества и приказал ему замолчать, он же в ответ хотел было застрелить меня из револьвера, обороняясь я его случайно убил»¹⁸⁵. Михалин «случайно» пришел к Техническому училищу в толпе таких же националистов. И «случайно» нес с собой обрезок трубы. Тогдашний Московский генерал-губернатор генерал-лейтенант С. К. Гершельман прошение это поддержал «в виду исключительности обстоятельств — в совершенного им, несомненно, без заранее обдуманного намерения, преступления и вызванного патриотическими чувствами»¹⁸⁶. То есть, по мнению генерала, нарушать закон и убивать людей «из патриотических чувств» все-таки допустимо. 16 сентября 1907 года император помиловал патриотичного убийцу. «Своим» все можно.

Гершельман принял участие и в дальнейшей судьбе Михалина. Он ходатайствовал об устройстве помилованного убийцы на государственную службу в Костромской губернии, подальше от Первопрестольной. Московский генерал-губернатор писал костромскому губернатору А. П. Веретенникову о Михалине: «Принимая во внимание, что проживание его в Москве может быть для него не безопасно так как сторонники той партии к которой принадлежал еврей Бауман могут покуситься на жизнь Михалина <...> прошу Вас оказать ему теперь Ваше содействие...»¹⁸⁷ Характерно, что в этом письме слово «еврей»

вписано чернилами в уже отпечатанный машинописный текст. Видимо, для Гершельмана это было решающее обстоятельство.

Михалина назначили с 17 ноября 1907 года городовым 1-й полицейской части города Костромы. Очень удачная идея — пополнять полицию преступниками. Михалин «все время вел крайне нетрезвый образ жизни и держал себя с младшими чинами полиции вызывающе»¹⁸⁸. В 20-х числах января 1908 года у него начался глубокий запой. 20 января около часу дня помощник пристава Муравьев обнаружил Михалина на посту у казначейства «в совершенно пьяном виде». 23 января старший городской Кудрявцев нашел Михалина на посту «в пьяном виде спящим на лестнице Губернского казначейства». 29 января в 12 часов дня, сменившись с поста Михалин «явился в часть с рапортом в пьяном виде». Затем Михалин, «будучи в нетрезвом виде на посту, задержал без всякой причины, ехавшего на извозчике на вокзал, приличного господина, которого доставил в полицейское управление». 2 февраля Михалина уволили с должности. Власти и тут не бросили своего «верного слугу». Его назначили полицейским агентом по розыскам. Но вскоре уволили окончательно.

Дальнейшая судьба черносотенца Михалина неизвестна. Но у человека с таким образом жизни было два пути: либо попасть в тюрьму, либо совсем спиться и опуститься на дно общества, к таким же подонкам.

Ноябрьское обострение

В ноябре в Российской империи вновь начался рост стачечного движения, крестьянских выступлений и волнений в войсках. 2 ноября управляющий МВД П. Н. Дурново отправил московскому генерал-губернатору П. П. Дурново тревожную телеграмму следующего содержания. «Примите все наиболее решительные меры к охране водопроводов, электричества и газа. А равно железнодорожных станций; войскам следует действовать твердо и решительно. Митинги должны быть разрешаемы с особым разбором или вовсе не разрешаемы; всякие сборища, шествия и манифестации не допустимы, зачинщиков явных беспорядков подвергать личному задержанию; в Петербурге началась общая забастовка»¹⁸⁹. Через три дня он вновь прислал такую же телеграмму. Текстуально она почти совпадала с первой и имела лишь небольшие измене-

ния¹⁹⁰. Зачем это было сделано, непонятно. То ли глава МВД хотел лишний раз подстегнуть бездеятельного главного московского начальника, чтобы тот усилил бдительность и активность, то ли в министерстве стояла такая суматоха, что никто не помнил, какие сообщения на места уже отправляли.

Генерал-губернатор отреагировал еще на первую телеграмму. Он всегда внимательно относился к указаниям сверху. Московский Дурново связался с командующим войсками МВО генералом от инфантерии Н. Н. Малаховым. В тот же день генерал-квартирмейстер штаба округа (по-современному говоря, начальник Оперативного отдела) генерал-майор С. М. Шейдеман представил документ, озаглавленный «Распределение войск Московского гарнизона на случай вызова всего гарнизона»¹⁹¹. Войска и так уже несколько месяцев несли вместе с полицией «усиленные особые наряды» на случай массовых беспорядков. В некоторые дни они выставляли в наряд более 20 рот пехоты и 10–15 конных эскадронов и сотен. Особенно были перегружены службой казачьи части. В октябре командир 6-й сотни 1-го Донского казачьего полка есаул Николай Ханженков 2-й и хорунжий той же сотни Владимир Павлов подали командиру полка рапорт о чрезмерном утомлении постоянными нарядами людей и лошадей подразделения¹⁹². Полковой адъютант сотник Александр Ханженков подтвердил изложенные в рапорте сведения.

Что же такое экстраординарное предполагалось, что могло потребовать вызова всего гарнизона сразу? Вероятно, вооруженное восстание в городе.

Вообще в 1905 и 1906 годах сменявшие друг друга московские генерал-губернаторы постоянно жаловались центральным властям на недостаточную численность гарнизона в городе и просили подкреплений. Это удивляет, так как численно гарнизон выглядел более, чем внушительно. Его основу составляли полки Гренадерского корпуса и 1-й кавалерийской дивизии. Это были элитные армейские соединения, которые по престижности уступали только гвардии. Эти полки комплектовались лучшими солдатами и считались наиболее боеспособными частями армии. Во время Русско-японской войны их не отправили на фронт, а берегли. Воевать поехали запасники, а элитные кадровые части лишь пополнили запасниками до численности штатов военного времени. В то время штатная численность 4-батальонных гренадерских и пехотных полков составляла в мирное время почти 2 тысячи человек, в воен-

ное — больше 4 тысяч. А штатная численность 6-эскадронных кавалерийских полков или 6-сотенных казачьих полков насчитывала около 900 человек¹⁹³.

К ноябрю 1905 года в Москве находилось большинство частей Гренадерского корпуса, вся 1-я кавалерийская дивизия целиком, а также много других воинских частей и учреждений. Всего здесь дислоцировались 9 пехотных полков (1-й лейб-гренадерский Екатеринославский, 2-й гренадерский Ростовский, 3-й гренадерский Перновский, 4-й гренадерский Несвижский, 5-й гренадерский Киевский, 6-й гренадерский Таврический, 7-й гренадерский Самогитский, 12-й гренадерский Астраханский, 221-й пехотный Троицко-Сергиевский); 4 конных полка (1-й лейб-драгунский Московский, 2-й драгунский Санкт-Петербургский, 3-й драгунский Сумской, 1-й Донской казачий); присланные для усиления охраны общественного порядка сотни из состава 29-го, 30-го, 32-го, 34-го Донских казачьих полков; 1-я гренадерская артиллерийская бригада, 1-й конно-артиллерийский дивизион, гренадерский саперный батальон, 3-й резервный артиллерийский парк, штабы МВО, Гренадерского корпуса, 1-й, 2-й и 3-й гренадерских дивизий, 1-й кавалерийской дивизии, XVII армейского корпуса, 6-й саперной бригады, два военных училища — Александровское и Московское (каждое в строевом отношении — это батальон юнкеров)¹⁹⁴.

Силы внутренних войск в городе составляли Московский жандармский дивизион, Московская местная бригада, Московская конвойная команда, Московская военная тюрьма¹⁹⁵.

В Подмоскovie дислоцировался еще целый ряд воинских частей МВО разных родов оружия. При острой необходимости командование округа могло перебросить полки, батальоны и батареи из соседних губерний — Смоленской, Тверской, Ярославской, Владимирской (что позже и делалось).

Стоит ли имея такие силы тут говорить о недостаточности войск? Большую их часть составляли лучшие армейские полки, и с их помощью можно было добиться очень многого. Не только пресечь выступление плохо вооруженных и почти необученных повстанцев, но и победить регулярную армию какого-нибудь государства средней величины.

Согласно шейдемановскому «распределению войск», девять пехотных полков, расположенных в Москве, выделяли по восемь рот каждый, всего —

Жандармские офицеры. 1910-е

72 роты. Сравнительно новым тогда видом вооружения были пулеметы. По «Расписанию» задействовались три пулеметных команды по восемь пулеметов в каждой (от Ростовского, Киевского и Самогитского полков). Формирование пулеметных команд началось недавно. Поэтому, возможно, что в других полках их еще не было. Артиллерия по плану Шейдемана выставляла девять батарей. Но в плане не указано, в каком составе должны действовать выставляемые батареи. По штату в каждой батарее было восемь орудий, но позже, когда восстание все же случилось, то батареи выставлялись в 4-орудийном составе. Конные части, находящиеся в Москве, планировалось задействовать в полном составе.

Выделенные для планируемой операции войска составляли пять отрядов. Трем из этих отрядов ставились задачи по обороне важных объектов, каждому в определенном районе города:

— 1-й район располагался к западу от Кремля. Его ограничивали река Москва от Крымского моста до Александровского сада, Тверская улица и соот-

ветствующая часть Садового кольца. Войсками здесь начальствовал генерал-майор М. Н. Фриш;

— 2-й район был севернее Кремля. Границами являлись улицы Тверская, Никольская, Мясницкая и часть Садового кольца. Начальник — генерал-майор А. Ф. Крузенштерн;

— 3-й район, восточный, имел границы по рекам Москва и Яуза, улицам Земляной вал, Садовая-Черногрозская и Мясницкая. Начальник — полковник В. П. Голосов, командир 7-го гренадерского Самогитского полка.

Отряды эти были распределены по объектам небольшими частями. Их активная мобильная деятельность, видимо, не предполагалась.

Два мобильных отряда как бы прикрывали Кремль с двух сторон, с третьей стороны его прикрывала река. Один из них располагался у Манежа (начальник — генерал-майор Н. И. Говоров), второй — на Красной площади (начальник — полковник И. И. Сулин, командир 34-го Донского казачьего полка). В состав последнего отряда входила только казачья конница.

При таком расположении войск неприкрытым оставался весь юг Москвы, начиная от Замоскворечья и Заяузья, а также и обширные окраины за пределами Садового кольца, в том числе и Пресня, которая станет главной базой восстания. Это давало боевикам, в случае начала ими активных действий, значительную фору по времени. Они успевали захватить и укрепить нужные им опорные пункты. Мобильным отрядам войск пришлось бы от Кремля преодолевать значительные расстояния по московским улицам, довольно узким и извилистым в центре. Повстанцы могли перегородить улицы, препятствуя движению войск, и совершать неожиданные нападения из боковых переулков. При одновременном выступлении боевиков в разных местах пришлось бы перебрасывать войска от Кремля на одну окраину, а затем через весь город — на другую. К тому же большей части задействованных войск ставились только оборонительные задачи. А при восстании в городе такое неизбежно ведет к поражению. Об этом писал в своих работах даже лидер большевиков В. И. Ульянов (Ленин).

Словом, военное командование довольно смутно себе представляло, что оно будет делать в случае вооруженного восстания горожан. Видимо, столь же смутные представления были и у глав гражданской администрации, раз они

согласились с таким планом действий. Когда восстание действительно начнется, от этого плана придется сразу же отказаться.

У полиции же и такого плана не было. Предполагалось в случае восстания действовать по обстоятельствам, исходя из дислокации полицейских сил, используемых при несении особых нарядов. В целом дислокация совпадала с «Распределением войск» у военных. Но были и отличия. Во-первых, полицейское начальство делило Москву на четыре района. Во-вторых, центром сосредоточения сил был не Кремль, а здание Управления градоначальства в Малом Гнездниковском переулке. В-третьих, полицейские собирались прикрывать весь город, включая окраины. 1-й район шел широкой полосой с севера на юг, захватывая и центр Москвы. 2-й район занимал западную часть Первопрестольной, 3-й район — восточную часть города. 4-й район был самым маленьким по площади. Он ограничивался бульварами между Никитскими воротами и Трубной площадью. Здесь полицейские располагались тремя отрядами, вероятно, предназначенными для мобильных действий. Защите подлежали вокзалы, дома Управлений генерал-губернатора и градоначальника, таможня, почтамт, телефонная станция, электростанция, газовый завод, вальцовая мельница, водокачка, городские бойни и т. д.¹⁹⁶

В Москве продолжало действовать обязательное постановление генерал-губернатора о запрещении носить оружие. Звучало оно так. «Воспрещается ношение при себе огнестрельного оружия, кинжалов, кистеней, кастетов, тростей с потайными кинжалами или свинцовыми рукоятками, ломов, ножей и других колющих или режущих орудий, не вызываемое потребностями ремесла или занятий, а равно и рогаток с резиною, для метания, и других предметов, приспособленных для нанесения ударов или причинения вреда и разрушения»¹⁹⁷. Также было запрещено изготовление таких предметов, незаконное приобретение и хранение огнестрельного оружия и взрывчатых веществ. По Положению об усиленной охране за невыполнение обязательных постановлений нарушители могли подвергаться в административном порядке аресту до 3 месяцев или штрафу до 300 рублей. В ноябре 1905 года такие нарушения в Москве стали массовыми. И указанные наказания нарушителей не останавливали. В начале месяца взыскания накладывались сравнительно мягко, но затем быстро ужесточились до возможного предела. Например, 6 ноября

в приказе градоначальника говорилось, что «за хранение револьверов без надлежащего на то разрешения» арестовано четыре человека на сроки от 3 до 7 суток¹⁹⁸. А 23 ноября мещанин Сергей Гейнце и цеховой портновского цеха Владимир Витальцев-Спиридонов за тоже самое подвергнуты аресту — первый на 3 месяца, а второй на 2 месяца. 29 ноября содержатель оружейной мастерской мещанин Петр Власов «за продажу оружия без установленного на то разрешения, подвергается <...> денежному штрафу в размере 300 рублей»¹⁹⁹.

В городе быстро ширилось стачечное движение. Забастовки, как и раньше, не были стихийными и не вызывались местными условиями. Они организовывались централизованно революционными партиями и в Петербурге, и в Москве, и в других местах. Москва в первой половине ноября отставала от Петербурга по размаху стачек, но затем вышла на лидирующие позиции в революционном движении.

Агрессивность действий организаторов забастовок значительно усилилась. Рабочих, не хотевших участвовать в стачках, насильно снимали с работ, используя избиения и угрозы жизни. Если полицейские наряды препятствовали проникновению активистов на еще работающие предприятия, то против полиции тоже применяли насилие. Заведующий Московскими обозными мастерскими интендантского ведомства описал возникновение забастовки на этом казенном оборонном предприятии. Орфография и пунктуация, использованные генералом, имеют некоторые особенности, которые сохранены при цитировании. Он был особенно скуп на запятые: «24 ноября 1905 года мастеровые прийдя в 7 часов утра в мастерские на работу вышли на заводской двор где и устроили митинг. В это время однако в некоторых отделениях мастерской еще производились работы, а потому забастовавшие рабочие видя это потребовали под угрозой разгромить завод, чтобы работы <...> были прекращены, что заводская администрация и вынуждена была сделать и для наблюдения за исполнением их насильственного требования выбрали комиссию из 4-х столовых. <...> Работавшие еще мастеровые слышали, что по заводу идут особые контролеры от забастовавшей толпы из боязни. Чтобы их после не убили оставили работу <...> некоторые моляры, которые не успели этого сделать, как на пример Андрей Поляков спрятались <...> но его вытолкали и под угрозой что убьют заставили уйти <...> побоями заставили уйти с своего поста рабочего

Сергея Карякина которому поручено было охранять двор на случай поджога. <...> Проходя по двору, эта комиссия работавших тут мастеровых, которые разбирали под навесом доски, путем угроз сняла с работ и силою увела в толпу забастовщиков»²⁰⁰.

Пристав 1-го участка Якиманской части рапортовал градоначальнику о том, как полицейские пытались предотвратить начало забастовки на одном из предприятий района. «Сего числа в 1-м часу дня к колбасной фабрике Григорьева по Средне-Кадашевскому переулку явилась толпа рабочих около 300 человек с целью прекратить работы на фабрике, где рабочих 120 человек». На защиту фабрики прибыл наряд полиции во главе с самим приставом и полуэскадрон Сумского драгунского полка. «Не смотря на неоднократную мою просьбу разойтись, толпа не обращала никакого внимания, шумела, кричала и ругалась, так как в таковой было $\frac{2}{3}$ пьяных».

Когда забастовщики попытались ворваться на фабрику, полиция преградила им путь. Толпа напала на полицейских. Как пишет пристав, городовому Щербакову были «нанесены удары по лицу», городовому Бирюкову разорвали шинель, городовому Панюшкину сломали шашку, разорвали портупею и «нанесли ушиб на руке». Тогда пристав обратился к командиру полуэскадрона, и драгуны в конном строю разогнали толпу. Но работа на фабрике все же была остановлена по распоряжению владельца, который боялся, что разогнанные рабочие поломают оборудование»²⁰¹.

Иногда полицейским удавалось предотвратить остановку забастовщиками работ на том или ином предприятии. Об этом говорится в приказах градоначальника о поощрении отличившихся сотрудников. Из приказа на 11 ноября 1905 года: «Околоточный надзиратель 2 участка Хамовнической части Синельников своими энергичными распоряжениями рассеял толпу забастовщиков, собравшихся у одной мастерской по Еремеевскому проезду и отказался от предложенной ему содержательницею заведения за оказанное содействие, денежной благодарности. <...> Объявляю Синельникову за усердную, бескорыстную службу мою благодарность»²⁰².

Из приказа на 17 ноября: городской 1-го участка Мясницкой части Прошин «задержал главного забастовщика, пришедшего с толпой к одной мастерской с целью снять рабочих». Городовой получил денежную награду в три рубля»²⁰³.

20 ноября градоначальник фон Медем издал обязательное постановление о запрещении принуждать рабочих к забастовке. «Воспрещается 20 ноября градоначальнику принуждать кого бы то ни было к прекращению работ и обычных занятий и к участию в забастовке, а также препятствовать угрозами или силою продолжению работ и снимать служащих или рабочих в общественных учреждениях, торговых и промышленных предприятиях, на фабриках и заводах»²⁰⁴.

Из приказа на 29 ноября: «За подстрекательство рабочих торгового заведения к забастовке» задержано 7 человек, «за снятие рабочих слесарных и паяльных мастерских с работ с угрозами» задержаны 5 человек. Каждый из них был подвергнут аресту на 1 месяц²⁰⁵. Однако на общее положение дел постановление это мало повлияло.

Раздача еды бастующим рабочим. Фотография 1905

Чтобы полицейские и военные не могли быстро получать информацию о происходящих беспорядках и своевременно предпринимать ответные действия, революционеры начали применять новый вид борьбы. Он заключался в выведении из строя телефонного и телеграфного оборудования, а также препятствование другим видам связи. В ответ на это 10 ноября участковым приставам пришло предписание от градоначальника немедленно поставить ко всем телефонным шкафам и колодцам посты городских. При нехватке людей следовало снять другие, менее важные посты. За каждого «пойманного покусителя» была обещана награда в 10 рублей²⁰⁶.

Приемы ведения «телефонной войны» с каждым днем становились все изощренней. С 19 ноября доступ к телефонному оборудованию стал возможен только по ежедневно менявшемуся паролю. Для сохранения секретности количество людей, знавших пароль, было сведено к минимуму. В каждом полицейском участке, как говорится, «пароль знали только двое». Это были пристав и дежурный по управлению участка²⁰⁷. При необходимости обслуживания оборудования, монтер, посланный телефонной компанией, являлся в соответствующий полицейский участок. Там он предъявлял документы и называл пароль дежурному. Дежурный проверял достоверность полученной информации. Если все было нормально, то телефонисту давали сопровождающего из числа надежных служащих участка. Сопровождающий и монтер шли к нужному шкафу. Там сопровождающий сообщал постовому о том, что телефонисту разрешен доступ к оборудованию. Монтер производил ремонт или обслуживание техники под надзором сопровождающего. А постовой обеспечивал им внешнюю охрану. Характерно, что первым паролем 19 ноября было выбрано слово «пулемет». Другие слова начальству московской полиции в это время на ум не приходили.

Экстремисты перенесли свою активность на телефонные и телеграфные линии, стремясь повредить опоры или провода. 27 ноября градоначальник разослал полицейским следующие указания. «В последнее время замечаются умышленные повреждения правительственных телеграфных проводов, путем набрасывания злоумышленниками на провода проволоки и других предметов. Предписываю Участковым Приставам принять энергичные меры к охранению телеграфных проводов от повреждений и привлекать злоумышленников

к ответственности. Не позволять являющимся для исправления проводов залезать на телеграфные столбы, если не предъявят удостоверений от Управления московских городских телеграфов или Управления московского почтово-телеграфного округа <...> выданных не ранее 23 сего ноября. Во всех случаях таких повреждений, виновных задерживать, протоколы направлять к Судебному Следователю и мне доносить»²⁰⁸.

В целом полиции удалось обеспечить охрану линий связи. За это полицейские получали поощрения. Например, в приказе градоначальника на 2 декабря 1905 года говорилось, что городской 3-го разряда из 1-го участка Пресненской части Калинин «не допустил, не смотря на угрозы, собравшуюся за Пресненской заставой толпу, испортить телефонный столб». Калинин получил в награду 5 рублей и был переведен во 2-й разряд по окладу содержания²⁰⁹. В том же приказе сообщалось, что задержан нарушитель «за принуждение с угрозами рабочего телефонного общества прекратить работы». Он подвергнут аресту на три месяца.

Можно сказать, что полицейские выигрывали у экстремистов «телефонную войну». А вот в войне со стачками правоохранители терпели поражение. Забастовка в городе постепенно становилась всеобщей. По мнению Джунковского, одной из причин этого была нераспорядительность московских начальников: «Когда в Петербурге революционная волна благодаря умелым тактическим действиям управлявшего тогда министерством внутренних дел П. Н. Дурново при содействии графа Витте постепенно входила в берега, в Москве эта волна все разрасталась, находя благоприятную почву как в содействии власти — генерал-губернатора П. П. Дурново и связанного по рукам в своей деятельности московского градоначальника барона Медема, так и в поддержке революционных стремлений со стороны значительного числа интеллигенции и общественных групп, которые в своих противоправных выступлениях не знали границ».

С каждым днем полицейская служба в Москве становилась все напряженной и опасней. Смута нарастала и силы полиции были отвлечены на борьбу с ней. Пользуясь этим, город наводнили уголовные преступники и подозрительные маргинальные элементы, стремившиеся «ловить рыбку в мутной воде». Еще в октябре градоначальник фон Медем в одном из своих приказов

отметил, что «на улицах столицы появилось большое количество нищих». Он обязал полицейских «принять по сему предмету надлежащие меры»²¹⁰. В ноябре город накрыла волна квартирных краж и грабежей. В это время главным делом для полиции была борьба с революционным движением и подготовка к пресечению возможного вооруженного восстания. Но и борьбу с уголовной преступностью ослаблять было нельзя. Градоначальник предписал «как чинам общей, так и Сыскной полиции принять меры против этого зла»²¹¹.

Ежедневно полицейские вступали в борьбу с революционными экстремистами, черносотенными погромщиками, грабителями и ворами, вооруженными дебоширами и хулиганами. Рискуя своей жизнью и здоровьем, московские правоохранители защищали горожан от преступных посягательств. В эти дни в приказах градоначальника помещались целые списки отличившихся служащих. Медем объявлял им благодарности, назначал денежные награды, переводил в более высокие разряды по окладу содержания. За каждым из поощренных стояли добросовестность, храбрость и самоотверженность, проявленные полицейскими при несении службы на улицах бурлящего города. Вот некоторые из таких случаев, отмеченных в приказах за ноябрь и начало декабря 1905 года²¹².

Пристав 2-го участка Суцевской части капитан А. П. Ростковский руководил пресечением уличных беспорядков у фабрики «Дукс» в Ямской слободке. При этом в него стреляли из револьвера, в результате чего он был контужен в правое ухо. Но ему удалось добиться прекращения нарушений порядка, да еще спасти «от насилий толпы» одного из арестованных нарушителей.

Городовые 1-го участка Суцевской части Савинов и Березин с ночным сторожем Серовым рассеяли многочисленную толпу хулиганов и задержали нескольких из них.

Околоточный надзиратель 2-го участка Сретенской части Кутовой задержал неизвестного, угрожавшего окружающим револьвером.

Городовой 1-го участка Арбатской части Иванюк задержал человека, подозреваемого в нанесении ножевого ранения одному из зрителей в Художественном театре. При задержании злодей вновь выхватил нож и оказал сопротивление полицейскому. Во время борьбы Иванюк был ранен ножом в лопатку, но противника обезоружил и доставил в участок.

Ночной сторож 1-го участка Хамовнической части Челноков задержал дебошира, вооруженного железным прутотом, хотя и получил при этом «разсеченную рану на голове».

За задержание в разных районах города подозреваемых в кражах получили поощрения городовые Петрицкий, Клыков, Никифоров, ночные сторожа Машков, Харибин, Гусев, дворники Слепов, Леонов, Стобровский, Якуничкин, Жуков.

За задержание людей, стрелявших из револьверов, поощрены городской Кубышев, служитель Филатов, ночные сторожа Фролов и Ларухин, дворники Тарасов и Травкин.

Младший помощник пристава 3-го участка Мещанской части штабс-капитан Е. М. Набоков с околоточными надзирателями Борзенковым и Колчевым проводили проверку подозрительной квартиры. В это время там находились 11 человек воров-рецидивистов. Все они были задержаны полицейскими.

Городовой 1-го участка Якиманской части Демидов, находясь в наряде, увидел человека, выстрелившего в двух женщин и затем попытавшегося скрыться. Демидов догнал его и задержал.

Городовой 1-го участка Хамовнической части Головин задержал на месте преступления грабителя. А ночной сторож 1-го участка Сretenской части Кузнецов задержал двух людей, переносивших похищенные вещи.

Пристав 2-го участка Мещанской части ротмистр Ю. Д. Воронец и несколько подчиненных ему околоточных надзирателей и городских были поощрены за предотвращение погромов домов и торговых заведений в своем участке. Пристав лично задержал подстрекателя, который с револьвером в руках шел впереди толпы погромщиков.

Кроме этих случаев были еще десятки пресеченных преступлений и множество задержанных злодеев, которые использовали для своих целей оружие и различные ухищрения. Например, 14 ноября в приказе градоначальника было и такое объявление: «Злонамеренные лица <...> для поддержания смуты прибегли, между прочим, к маскированию в формы Околоточных Надзирателей и городских, что порождает за собой не только злоупотребление полицейскими правами и обязанностями, но и вводит в смущение обывателей <...> предлагаю всем чинам полиции зорко следить за этими непрошенными

гостями, за поимку коих назначаю премию в сто рублей за каждого»²¹³. При разоблачении таких самозванцев рекомендовалось обращать внимание на их «излишние» молодость и интеллигентность. Дело в том, что на должности околоточных надзирателей и городских принимали людей, достигших 25-летнего возраста. А студенты-революционеры, как правило, были моложе. Другой настораживающей приметой могла стать новенькая форма, что называется «с иголочки».

Полицейские защищали горожан не только от преступных посягательств, но и от угроз жизни и здоровью, возникающих в результате несчастных случаев и различных аварий. В приказе по полиции от 17 ноября сообщается, что городской 2-го участка Тверской части Снытко вовремя заметил и потушил только-только начинавшийся пожар в здании Московского университета. А городской 1-го участка Хамовнической части Сенин сделал то же самое в одном из жилых домов²¹⁴.

А 11 ноября император наградил городского 1-й Якиманской части Михаила Маслова серебряной медалью с надписью «За спасение погибавших» для ношения на шее на Владимирской ленте²¹⁵. Такая награда вручалась не просто за спасение людей, а «за подвиги человеколюбия, с опасностью собственной жизни совершенные». К сожалению, подробности подвига Маслова по сохранившимся документам установить не удалось. Но от этого значимость того, что делали в тех тяжелейших условиях он и его соратники, не становится меньше.

Высшая власть наконец-то обратила внимание на трудности несения службы в постоянных «экстренных нарядах». Император повелел выплачивать всем чинам Санкт-Петербургской полиции и Санкт-Петербургского жандармского дивизиона дополнительное денежное содержание за каждые сутки, проведенные в таких нарядах. Задним числом эти выплаты вводились, начиная с 13 октября 1905 года. «Суточные деньги» составляли для городских и рядовых по 15 копеек, для унтер-офицеров по 30 копеек, для околоточных надзирателей по 50 копеек, для обер-офицеров по 1 рублю 50 копеек, для штаб-офицеров по 2 рубля, для генералов по 3 рубля²¹⁶. Позже такие выплаты распространили на войска, «вызываемые для восстановления порядка». Так же задним числом им стали платить «суточные», считая с 1 ноября. Кроме того

для организации горячего питания в «экстренных нарядах» нижние чины армии начали получать в сутки на человека $\frac{1}{4}$ фунта (ок. 115 грамм) мяса, 16 золотников (ок. 70 грамм) крупы, 0,78 золотника (ок. 3,5 грамм) чая и 2,34 золотника (ок. 10 грамм) сахара²¹⁷. 2 ноября московский градоначальник ходатайствовал о введении выплаты «суточных денег» для московской полиции и Московского жандармского дивизиона, считая еще с 22 сентября 1905 года. Это ходатайство было удовлетворено²¹⁸.

Центральные власти в Петербурге продолжали тасовать колоду старших московских начальников. 5 ноября губернатор, действительный статский советник Г. И. Кристи был назначен «к присутствованию в Правительственном Сенате» с производством в тайные советники и пожалованием в егермейстеры Высочайшего двора, а полковник Джунковский стал «исправляющим должность Московского губернатора»²¹⁹.

Канцелярия московского градоначальника в Малом Гнездниковском переулке.
Фотография начала XX в.

В Москве к концу ноября из пяти полицейских генералов на постах оставались только двое. При этом градоначальник генерал-майор Г. П. фон Медем был совершенно деморализован и тем, что происходило в городе, а также третируванием со стороны генерал-губернатора и недоверием высших инстанций. Он чувствовал себя больным и почти не выходил из дома.

Помощник градоначальника генерал-майор И. Н. Руднев находился в отпуске и искал себе новое место службы. Должности полицмейстеров 2-го и 3-го отделений города были вакантны.

Единственный оставшийся полицмейстер генерал-майор барон А. Р. Будберг исполнял должность помощника градоначальника и во время болезни Медема фактически руководил московской полицией. Обязанности полицмейстеров в отделениях исполняли участковые приставы подполковники С. Н. Ермолов (Городской участок, 1-е отделение), П. Г. Арешев (2-й участок Пречистенской части, 2-е отделение) и К. Д. Трутнев (3-й участок Лефортовской части, 3-е отделение)²²⁰.

20 ноября генерал-губернатор Дурново оставил Москву и отправился в Петербург. Джунковский рассказывает об этом его маневре Дурново: «Хотя об его уходе держались упорные слухи и в высших сферах знали об его отрицательной деятельности, но он этим слухам не верил и, уезжая, говорил мне, что вернется через несколько дней, как только ему удастся достигнуть расширения своих прав. Оказалось, что приехав в Петербург, он на другой день поехал представляться Государю. Его величество с ним очень милостиво разговаривал, расспрашивая о Москве, а когда он от Государя вернулся домой, то нашел записку об увольнении его от должности, подписанную два дня назад. Так Москва его больше и не видела...»

Император, сняв с должности сановника, практически развалившего государственное управление в Москве, постарался сделать эту отставку почетной. Дурново сохранил звания члена Государственного совета и генерал-адъютанта. Так как он потерял генерал-губернаторское жалованье в 36 тысяч рублей в год, Николай II повелел выплачивать ему ежегодную пенсию по 10 тысяч рублей²²¹. Для очень богатого Дурново такие деньги большого значения не имели, но это был знак «монаршьего благоволения».

Москва же на время осталась без старшего начальника.

Московский адмирал

24 ноября 1905 года император подписал приказ о назначении московским генерал-губернатором вице-адмирала Федора Васильевича Дубасова. Биография этого человека очень интересна и заслуживает отдельного рассмотрения. Он был отличным моряком и флотоводцем, героем войны, хорошим военноморским администратором и кораблестроителем. Но, как же этот адмирал «доплыл» до Москвы?

Ф. В. Дубасов родился в 1845 году. Его путь на флот был определен еще в детстве. В 1857 году он поступил в Морской кадетский корпус. Во время учебы кадет Дубасов совершил три плавания «по Финскому заливу и в крейсерстве у Курляндских берегов». В 1863 году его выпустили из корпуса в чине гардемарина и направили служить на эскадру судов Тихого океана. В то время это было самое активно действующее соединение российского военноморского флота, состоявшее из легких быстроходных кораблей — корветов и клиперов. После поражения в Восточной (Крымской) войне 1853–1856 годов Россия лишилась своего Черноморского флота, а флот на Балтике был фактически «заперт» в этом море, которое моряки называли «Маркизовой лужей». (Название это произошло от титула морского министра первой половины XIX века маркиза Траверсе, который считал, что Россия исключительно сухопутная, а не морская держава.) И вот теперь эскадра Тихого океана доказывала обратное, бороздя водные пространства от еще российской Аляски до Австралии, и от Китая до Америки. На этой эскадре служил морской офицер и писатель К. М. Станюкович. Он рассказывал, что там молодым гардемаринам, готовившимся к получению офицерского чина, могли предложить написать доклад, например, на тему «Как, имея в своем распоряжении два корвета и три клипера, захватить бухту Сан-Франциско и разгромить на рейде значительно превосходящую силами неприятельскую эскадру»²²².

Но для начала гардемарину Дубасову пришлось больше 8 месяцев ехать сухим путем с берегов Балтики через Сибирь на Дальний Восток. Когда он прибыл в Николаевск-на-Амуре, эскадра была где-то в океане. И молодой моряк пока поступил служить на винтовую канонерскую лодку «Морж»

Сибирской флотилии. 5 месяцев он плавал на ней, охраняя российские берега, в Татарском проливе и Охотском море.

Наконец появилась возможность попасть на эскадру. В Китайское море на встречу с ней отправлялась шхуна «Сахалин». На это судно и назначили Дубасова. 29 марта 1865 года, через полтора года после получения направления, гардемарин добрался до эскадры Тихого океана. Вскоре его произвели в чин мичмана. Дубасов служил на корветах «Варяг», «Богатырь» и на клипере «Изумруд». На эскадре практиковались неожиданные переводы младших офицеров с одного корабля на другой прямо в ходе плавания. Так их готовили к ситуациям, когда в военное время срочная замена может оказаться необходимой. Однажды, находясь в японском порту Хакодате, Дубасов заболел, был оставлен там на излечение и прожил в Японии два с половиной месяца.

По собственному желанию он добился продления своей службы на эскадре еще на один год. Вернулся в Кронштадт на корвете «Варяг» в начале лета 1867 года и сразу же был награжден орденом св. Станислава 3-й степени.

Через год Федор Васильевич поступил учиться на Академический курс морских наук. В 1870 году закончил учебу уже в чине лейтенанта. А затем блестящий молодой офицер попал в круг людей, окружающих императора. Его зачислили в Гвардейский экипаж, члены которого несли службу на императорских яхтах. Дубасов ходил по Финскому заливу и Балтийскому морю на яхтах «Забава» и «Держава».

В 1874 году гвардейского лейтенанта командировали в английский город Гуль (Халл) для надзора за строительством яхты наследника-цесаревича «Славянка». Затем он плавал на этой яхте в должности старшего офицера корабля.

В 1876 году Дубасов был назначен в состав отряда Гвардейского экипажа, отправившегося в Кишинев. Назревала война России против Османской империи за освобождение балканских народов от турецкого ига. Во время войны отряд должен был взаимодействовать с сухопутной армией на Дунае и его притоках. Федору Васильевичу поручили вооружение и снабжение шести паровых минных катеров. Тогда это был совершенно новый тип военных судов. Дубасов объехал порты Черноморского флота для того, чтобы найти все необходимое для оснащения катеров наилучшим образом. Затем его назначили начальником отряда из двух катеров и командиром катера «Ксения».

12 апреля 1877 года началась война. В тот же день Дубасов повел свои катера на Дунай. Прибыл на место назначения (станцию Барбош) 15 апреля. На следующий день получил первое боевое задание — поставить минные заграждения в устье реки Серет, с чем успешно справился.

18 апреля на катере «Джигит» он с матросами захватил турецкий каик с оружием и патронами. Через три дня с двумя катерами и отрядом добровольцев совершил ночную вылазку на неприятельский берег для повреждения телеграфных линий.

28 апреля с двумя катерами и минерами Дубасов ставил минные заграждения у города Браилов. Русские батареи потопили там турецкий броненосный корвет «Лутфи Джелиль». Оба катера на виду у турецкой эскадры подошли к затонувшему кораблю и сняли с него кормовой флаг, а также подобрали раненого турецкого матроса.

Вскоре российским паровым судам срочно потребовался уголь. Разведка доложила, что уголь поблизости есть. Находится он на турецком складе в деревне Гечет. Было принято решение организовать рейд на эту деревню. Для рейда выделили пароход «Взрыв» с баржей на буксире и три паровых катера. Командовал судами лейтенант Дубасов.

На судах разместили 200 десантников во главе с полковником А. П. Струковым. (Этот офицер за время войны получит наибольшее количество наград в российской армии. Он часто руководил операциями специального назначения.) 1 мая отряд неожиданно для противника совершил бросок до деревни, без сопротивления захватил склад и успел погрузить на баржу 120 тонн угля. А затем суда Дубасова ускользнули от преследовавшей их турецкой эскадры.

Командуя катерами, Федор Васильевич и далее проводил постановки мин, рекогносцировки, ночные атаки на турецкую эскадру. Иногда приходилось прибегать к военной хитрости. 11–12 мая два его катера «прикрывали движение отряда капитана 1-го ранга Рогуля от наступления вдвое сильнеешего неприятеля». В распоряжении Дубасова не было мин. Однако он приказал под огнем турецкой эскадры сделать промеры реки и «демонстративную постановку 2 линий минных заграждений, после чего, прорвавшись через линию турецких судов, ушел в Браилов»²²³.

В ночь на 14 мая у крепости Мачин отряд Дубасова из четырех катеров атаковал три турецких корабля. Катер «Царевна», которым командовал сам Федор Васильевич, и катер «Ксения» шестовыми минами взорвали турецкий башенный броненосный монитор «Сейфи». Это была одна из самых смелых и успешных атак российских моряков на Дунае.

Вскоре Федора Васильевича назначили командиром канонерской лодки «Великий князь Николай» и начальником отдельного отряда, в который вошли канонерка и два катера. 10 июня отряд предпринял демонстративное ночное нападение на крепость Мачин. Канонерка и катера вели перестрелку с турецкими батареями, отвлекая их, пока наши войска переправлялись через реку. В июле отряд, взаимодействуя с сухопутными войсками, начал наступление вверх по реке Дунай. Суда содействовали со стороны реки взятию крепости Черноводы, делали промеры реки, ведя перестрелки, определяли расположение турецких батарей.

9 июля отряд атаковал артиллерийским огнем турецкий военный лагерь у селения Буджах под Силистрией, и заставил противника бежать с позиций. Против отряда был выдвинут турецкий казематированный монитор. После точных попаданий снарядов в него, монитор загорелся. Российские моряки пытались добить поврежденный корабль, но из Силистрии к врагам прибыли подкрепления. По берегу подошла батарея, а по реке — два парохода. Они прикрыли монитор стрельбой, что позволило ему отступить. Затем российские войска долго и трудно осаждали Силистрию. Отряд участвовал в боевых действиях у этой крепости. Под огнем батарей и стрелков моряки выставляли минные заграждения, вели рекогносцировки, ночами пускали брандеры на турецкие корабли. 21 октября отряд уничтожил турецкую переправу возле крепости. 5 декабря Дубасов участвовал в сухопутной операции вместе со «всеми наличными офицерами отряда» и добровольцами. Они провели разведку боем и выпустили по турецким береговым укреплениям 6 пироксилиновых боевых ракет.

В течение зимы российские войска одержали решающие победы и 15 февраля 1878 года война завершилась подписанием выгодного для Российской империи и союзных с ней балканских стран мирного договора. Но моряки еще продолжали нести службу на Дунае. Отряд Дубасова теперь снимал минные

**Московский генерал-губернатор
Федор Васильевич Дубасов**

заграждения на реке. Лишь в июле того же года Федор Васильевич сдал командование и вернулся в Петербург.

Во время войны Дубасов проявил выдающуюся храбрость и умение командовать в бою. За свои подвиги он получил самые почетнейшие боевые награды: орден св. Георгия 4-й степени «за взрыв турецкого монитора», золотую саблю «за устройство минных заграждений», орден св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом «за подвод брандеров на турецкие военные суда и мост, строившийся у Силистрии», чин капитан-лейтенанта «за отличие в делах против турок». Пра-

вители союзных России государств тоже вручили Федору Васильевичу боевые награды: румынские Железный крест за войну 1877–1878 гг. и медаль «За храбрость», черногорскую Золотую медаль 1877–1878 гг. за храбрость, мекленбург-шверинский Крест за военные отличия.

Обычно большое количество наград получали офицеры, близкие к высокопоставленным военачальникам, особенно адъютанты генералов из придворных кругов. Им было достаточно побывать в бою с противником для получения ордена или почетного оружия.

Среди военных даже ходили ироничные стихи:

«— За что у Вас Владимир с бантом?

— Я был при штабе адъютантом!»

Но Дубасов не был адъютантом. В течение всей войны он командовал боевыми судами. Каждая его награда получена не просто за участие в военных действиях, а за настоящие подвиги.

После войны Дубасов несколько месяцев находился на службе в Добровольном флоте. Это была судоходная компания (акционерное общество), которая выполняла заказы государственных ведомств империи. В военное время корабли этой компании становились вспомогательными судами военно-морского флота. В Доброфлоте служило много морских офицеров, которым сохранялись их чины и сроки выслуги. В 1878 году суда компании вывозили войска бывшей действующей армии с Балкан обратно в Россию. Федор Васильевич командовал кораблем Доброфлота «Россия» и совершил на нем переход с Балтики вокруг Европы в Черное море.

26 ноября 1878 года Дубасов был пожалован званием флигель-адъютанта. В 1879–1880 годах он, как признанный специалист по минной войне на море, начальствовал над отрядом миноносок Гвардейского экипажа. А с мая по август 1882 года руководил Практическим отрядом миноносок Балтийского флота. Федор Васильевич водил свои миноноски «по Финскому заливу, Монзунду и финским шхерам». Был награжден орденом св. Станислава 2-й степени.

В 1879 году он впервые для себя участвовал в военно-юридическом мероприятии, исполняя обязанности обвинителя на следствии и суде по делу о крушении яхты «Ливадия». В этом же году он женился на Александре Сергеевне Сипягиной, дочери штабс-капитана. В дальнейшем она родила ему пятерых детей — Ирину (1881 год), Дарью (1888 год), Олега (1889 год), Дмитрия (1892 год) и Татьяну (1895 год).

В 1882–1883 годах Дубасов находился в отставке «по домашним обстоятельствам». Затем вернулся на военно-морской флот, и ему весь этот период засчитали в срок действительной службы. Далее Федор Васильевич командовал различными кораблями — фрегатами (крейсерами) «Африка» (1883–1885), «Светлана» (1888–1889), «Владимир Мономах» (1889–1891), броненосцем «Петр Великий» (1891), плавучей батареей «Не тронь меня» (1891–1892). «За долговременное командование судами 1-го и 2-го ранга» с 1891 года Дубасов начал получать ежегодное добавочное денежное вознаграждение.

В основном эти корабли ходили по Финскому заливу и Балтийскому морю. Но под командованием Дубасова «Владимир Мономах» совершил дальнее плавание по трем океанам. Сперва, этот корабль, обогнув всю Европу, пришел в Средиземное море, демонстрируя здесь военно-морское присутствие России.

Затем «Владимир Мономах» вместе с крейсером «Память Азова» получил особое задание. В греческом порту Пирей они приняли на борт наследника российского престола цесаревича Николая и его родственника — греческого принца Георга. Через Суэцкий канал корабли вошли в Индийский океан, пересекли его и добрались до Сингапура. Затем уже по Тихому океану двинулись в Батавию (Джакарту), а оттуда в Японию. Там, в городе Кобэ, на цесаревича было совершено покушение. После чего морское путешествие августейших пассажиров было срочно завершено во Владивостоке. Закончилось плавание и для Дубасова, который получил новое назначение.

В те годы его использовали во всех возможных сферах управления флотом — в командной, военно-административной, военно-юридической, военно-дипломатической, кораблестроительной. Он был членом Комиссии по выработке положений о минных классах, отрядах и командах (1884), членом Военно-морского суда Кронштадтского порта (1886), флаг-капитаном (то есть начальником штаба) Практической эскадры Балтийского моря, членом Комиссии для рассмотрения проекта положения об управлении морскими командами на берегу (1888–1889), морским агентом (атташе) в Германии (1892–1895), членом Комиссии по организации береговой обороны государства (1896).

В 1885 году Дубасов стал капитаном 2-го ранга, в 1887-м — капитаном 1-го ранга, в 1893-м — контр-адмиралом, был награжден орденами св. Анны 2-й степени, св. Владимира 3-й степени, св. Станислава 1-й степени, несколькими медалями и иностранными орденами. Затем Федор Васильевич покинул Балтийское море и вновь оказался на Дальнем Востоке. В 1896–1897 годах он был младшим флагманом эскадры Тихого океана, а в 1897–1899 годах — командующим этой эскадрой. Он неоднократно выходил в плавания по Тихому океану, теперь уже не на легких корветах и клиперах, а на больших броненосных крейсерах «Память Азова», «Владимир Мономах», «Россия».

Российская империя тогда расширяла свое присутствие в Тихом океане, но не имела там ни одного незамерзающего порта. Поэтому было принято решение создать свою военно-морскую базу южнее Владивостока, в более теплых морях. Для этого выбрали Ляодунский полуостров в Китае. В 1898 году эскадра Тихого океана под командованием Дубасова обеспечила занятие полуострова российскими войсками и начало строительства там порта и укреплений.

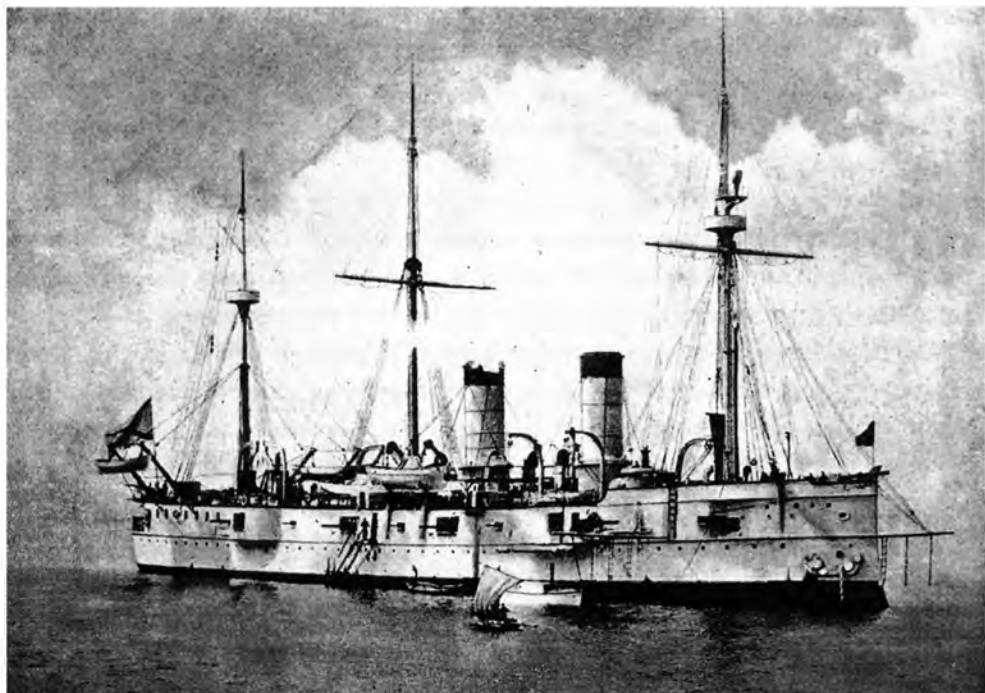
За время командования эскадрой Федор Васильевич получил Высочайшую благодарность, орден св. Анны 1-й степени, чин вице-адмирала (1899).

В 1899 году его вернули на Балтику в должности старшего флагмана 1-й флотской дивизии, включавшей в себя самые мощные броненосные корабли империи — ее главную военно-морскую силу на то время. А в 1901 году Дубасова назначили председателем Морского технического комитета. Он стал кораблестроителем и больше в море не выходил. Теперь вице-адмирал отвечал за перевооружение российского военного флота кораблями нового поколения. В его ведении находились крупные судостроительные предприятия — Балтийский завод, Невский завод, Новое адмиралтейство, Опытный бассейн при Санкт-Петербургском порту и др. Федор Васильевич получил целый ряд «монарших благоволений» за руководство закладкой, постройкой и спуском на воду кораблей. Например, эскадренных броненосцев «Император Александр III», «Князь Суворов», «Слава», крейсеров «Олег», «Алмаз», «Жемчуг», императорской яхты «Александрия».

Дубасову пожаловали ордена св. Владимира 2-й степени, Белого Орла, аренду на шесть лет по 2 тысячи рублей в год, звание генерал-адъютанта. Правда, рука у него оказалась не легкая. Многие из построенных при нем на Балтике кораблей очень скоро бесполезно погибли в Русско-японской войне. Погибли и корабли Тихоокеанской эскадры, над которой он ранее начальствовал. Был утрачен и занятый когда-то под его руководством Ляодунский полуостров с городами Порт-Артур и Дальний. Российский флот был катастрофически ослаблен. Видимо, для вице-адмирала это послужило особенно сильным ударом. В Цусимском сражении были потоплены и «Алексадр III», и «Суворов», и «Владимир Мономах», которым когда-то командовал Дубасов.

В 1905 году Дубасов был назначен постоянным членом Совета государственной обороны. Вскоре он отказался от должности председателя Морского технического комитета. Русско-японская война закончилась поражением, и уже шла первая российская революция.

Осенью 1905 года в нескольких губерниях Российской империи развернулись массовые крестьянские беспорядки. Крестьяне грабили и сжигали помещичьи усадьбы, вырубали принадлежавшие помещикам леса. Один из совре-

Крейсер «Владимир Мономах». Фотография конца XIX в.

менников тех событий пишет: «При большинстве погромов человеческих жертв не было, но вандализм крестьян проявлялся в полной мере. Скот избивался, обстановка дома ломалась, остатки дожигались. Трудно сказать, что являлось причиной такого исступленного буйства. Разбуженный ли долгой революционной пропагандой инстинкт зверя, ненависть к помещичьим хозяйствам, страстное ли желание скорей выкурить помещиков, чтобы получить их землю? Вероятно, все в совокупности. <...> Помещики покинут свои насиженные гнезда, где жизнь после погрома станет невозможной, и расстанутся со своей землей, которую, кроме крестьян ближайшего села, конечно, никто не купит, а последние, являясь единственными покупателями, смогут приобрести ее за бесценок»²²⁴.

Для подавления беспорядков Николай II направил на места своих генерал-адъютантов с очень широкими полномочиями. Фактически они должны были представлять там императора и действовать от его имени. Им были подчинены войска и гражданская администрация, находящиеся в зоне их деятельности.

Дубасову достались Черниговская, Курская, Орловская и Полтавская губернии. Он начал с тех губерний, где беспорядков было больше, и успел побывать лишь в первых двух. В отличие от морских и боевых походов Федора Васильевича, эта экспедиция украсила лишь его послужной список, но отнюдь не репутацию вице-адмирала в глазах большей части общества. Вероятно, ему лучше было бы оставаться моряком, а не становиться карателем. Но император посчитал иначе.

2 ноября 1905 года Дубасов с несколькими сопровождающими его лицами выехал из Петербурга и через два дня прибыл в Чернигов. Молодой чиновник А. А. Татищев, выполнявший при вице-адмирале обязанности секретаря, оставил описание происходивших тогда событий. «Выезжая из Петербурга, Дубасов обдумывал план действий, который он нам и сообщил в вагоне. По его мнению, единственным способом прекращения беспорядков являлось радикальное подавление их в самом начале. Войск в Черниговской губернии было, судя по сведениям военного министра, около 5000, то есть число, достаточное для энергичных операций. Поэтому он надеялся уловить ход революционной волны и, ударив ей в голову, уничтожить мятежные банды и, доказав крестьянству силу правительства, прекратить мятеж. Он ехал на войну и не был склонен к полумерам»²²⁵.

Позже революционеры и в своих подпольных печатных изданиях, и в книгах, вышедших уже после победы революции, будут упрекать Дубасова в жестокости методов подавления крестьянского движения и называть вице-адмирала палачом. Например, в предисловии к воспоминаниям Татищева написали о расправах, «которые учинялись в деревнях — в виде, например, пятичасового стояния крестьян в снегу на коленях, широко применяемой порки и дубасовского плана: для примера снести с лица земли несколько деревень...»²²⁶. Но все это настолько преувеличено, что доходит до уровня фальсификации. Нет никаких документальных подтверждений этих обвинений. В тех

же воспоминаниях Татищева как раз и говорится, что ничего такого на деле не происходило.

К моменту приезда Дубасова в Черниговскую губернию крестьянское движение там шло на спад. Жестокие карательные акции уже были проведены местной администрацией под руководством губернатора А. А. Хвостова, вице-губернатора Н. М. Родионова и начальника губенского жандармского управления полковника Н. П. Рудова. Вскоре все трое получают за это повышения: первый станет сенатором, второй — губернатором, третий — генерал-майором.

Дубасов являлся сторонником авторитарной власти. Но он считал, что новый порядок управления, введенный Манифестом 17 октября, нужно соблюдать. Федор Васильевич был «против порока и говорил Хвостову, что выборщиков в Государственную думу нельзя сечь, правда, прибавляя, что их можно исхлестать нагайками или застрелить, если казаки застигнут их во время погрома или грабежа»²²⁷.

В то время крестьянские общины имели право приговаривать к высылке в Сибирь своих «порочных членов». Дубасов воспользовался данным положением. Объезжая с военным отрядом уезды, где ранее прошли погромы барских усадеб, он требовал от крестьянских сходов составлять списки зачинщиков и приговоры о высылке этих людей.

Татищев рассказывает о том, как вице-адмирал говорил с крестьянами. «Он только указал на возмутительность поведения крестьян и закончил своей знаменитой тирадой: “Но боже вас упаси еще раз подняться и пальцем тронуть помещиков! Теперь я возвестил вам царскую милость. Тогда приду возвестить царский гнев. Я приду с войсками и уничтожу вас. Снесу дома ваши, камня на камне не оставлю здесь. Я расправлюсь с вами, мятежники, истреблю вас и донесу государю, что вывел заразу из его земли”. Вид Дубасова был необычайно грозен и величественен. Высокого роста, в белой папахе, он грошил [в своей речи. — А. III.] крестьян, и даже как мороз пробирал по коже и делалось страшно от его прямо свирепого в эту минуту голоса»²²⁸.

Угроз оказывалось достаточно. Все сходы выдавали царскому генерал-адъютанту своих смутьянов. Правда, Татищев отмечает, что в списках оказывались и невинные в погромах люди, если другие крестьяне таким образом сводили с ними свои счеты. В этих деталях Дубасов не хотел разбираться, но

вычеркивал из списков всех несовершеннолетних. Остальных арестовывали и под конвоем отправляли в тюрьму, где они дожидались этапа в Сибирь.

Описание такой акции производит удручающее впечатление. «Солдаты оторвали осужденных от их жен и семей и отвели в сторону. Плач и вопли жен раздавались кругом. Женщины бросались на колени, хватали Дубасова за полы платья, за сапоги, старались удержать его, протягивали детей, оторванных от груди, — адмирал должен был остаться непреклонным. Лес рубят — щепки летят. <...> В это время священник выступил вперед и возгласил: “А теперь, ребята, за здоровье обожаемого нашего государя, ура, ура, ура! Генерал-адъютанту Федору Васильевичу Дубасову — ура!” И троекратное “ура” толпы мужиков слилось с отчаянными воплями и плачем женщин, тщетно старавшимся удержать представителей власти, обрекших на суровую кару их, быть может, ни в чем не повинных мужей»²²⁹.

Грабители и поджигатели должны были получить по заслугам. Но ведь можно было передавать арестованных судебным властям и отправлять людей в ссылку после следствия и судебного разбирательства.

Дубасов не проливал крови. Тут надо отдать ему должное. По сравнению с некоторыми другими начальниками карательных отрядов, он действовал весьма мягко. Дубасов, правда, нарушал закон. Вернее, поступал по русской пословице: «Закон, как дышло. Куда повернешь, туда и вышло». По букве закона, крестьянские общины должны были добровольно решать вопрос о высылке. А Федор Васильевич принуждал их к этому угрозами. Он, вообще, считал, что быстрота достижения цели важнее, чем соблюдение формальностей и закона, и чем справедливость по отношению к отдельным «маленьким людям». И это еще скажется, когда он станет правителем Москвы. Подбирать себе ближайших помощников Дубасов будет из людей с такими же взглядами. «Лес рубят — щепки летят». И в ту эпоху, и в последующие, наша страна переживает из-за применения этого принципа множество бедствий.

Закончив наведение порядка на Черниговщине, Федор Васильевич 18 ноября прибыл в Курскую губернию. Ситуация здесь оказалась еще сложнее. «Революционное и аграрное движение приняло размеры гораздо более значительные <...> а администрация стояла ниже в смысле умения и энергии»²³⁰. То есть волну погромов подавить еще не успели.

«Адмирал предписал во всех отдельных случаях действовать решительнее. Войскам, застающим погром, велено открывать огонь по громящей толпе без предварительного тоекратного предупреждения; в погромщиков стрелять в том случае, если они немедленно не подчинятся распоряжениям отряда; вообще действовать энергичнее, меньше заботясь об ответственности за превышение власти и, по возможности, не оставлять безнаказанным ни одного случая бесчинства или неповиновения власти.

Кроме того, был задуман один план, который должен был нанести тяжелый удар смуте <...> если предупреждение погромов является непосильным административным вследствие недостатка войск, то устрашение мятежного населения суровой экзекуцией, произведенной хотя бы в одной местности, не может не оказать отрезвляющего влияния на умы.

План сводился к следующему. Если население произведет где-либо погром, то туда выступит отряд войск с артиллерией и обстреляет мятежное селение; сперва удалит жителей, затем выпустит несколько снарядов и зажжет два-три строения из числа изб или даже, быть может, только из надворных строений. Таким образом, весь план покоился исключительно на внушении населению страха перед силой власти, а не на причинении существенных убытков. Замысел этот настолько понравился Дубасову, что он решил привести его в исполнение непременно и возможно скорее, чтобы произведенное экзекуцией впечатление быстрее бы распространилось и возможно ранее было бы достигнуто ожидаемое успокоение. Поэтому он даже решил вызвать погром. Слыша от всех, что население во многих местностях открыто заявляет, что немедленно по уходе войск из их пределов оно начнет разгромы, Дубасов предполагал нарочно удалить из какого-нибудь пункта войска и ожидать развития событий. Выбор места для этой провокации должен обуславливаться тремя условиями: наличностью революционно настроенного населения, отсутствием крупных усадеб, которые явились бы слишком крупной ценностью чтобы быть отданными в жертву погрому, наконец, удобствами для быстрого передвижения войск и орудий. После долгих обсуждений выбор остановился на местности около села Касинова, на границе Курского и Обоянского уездов»²³¹.

Планирование провокации, конечно, вице-адмирала не красит. В начале XX века скандалы, связанные с провокаторством, очень сильно скомпроме-

А. П. Шестаков и Ф. В. Дубасов (справа),
отличившиеся во время
Русско-турецкой войны 1877–1878 гг.
Фотография конца XIX в.

тировали учреждения, боровшиеся против революционеров в России. А использование провокаций принесло государству, пожалуй, больше вреда, чем пользы. Например, убийство великого князя Сергея Александровича было организовано провокатором Е. Ф. Азефом, который был тайным агентом Департамента полиции и руководил Боевой организацией эсеров.

Привести свой план в исполнение Дубасов не успел. 20 ноября он получил телеграмму от премьер-министра С. Ю. Витте о предстоящем назначении на пост Московского генерал-губернатора. Федор Васильевич отменил проведение операции, сдал дела назначенному на его место генерал-адъютанту А. И. Пантелееву и 22 ноября отбыл из Курска.

Неожиданно для себя, Дубасов приобрел славу специалиста по пресечению народных волнений и массовых беспорядков. Поэтому император и решил поставить его на пост правителя Москвы и Московской губернии. Новое назначение отнюдь не обрадовало вице-адмирала. Федор Васильевич совсем не был знаком с гражданским управлением и хотел отказаться от такой должности. Но императорское повеление было выражено в столь определенной форме, что приходилось только повиноваться. Так он и оказался там, где станет главным руководителем подавления вооруженного восстания.

Боевые дружины

Экстремистские партии всегда вели вооруженную борьбу против правительства. Они имели в своем составе так называемые боевые организации. Эти организации осуществляли террористические акты против представителей власти и «экспроприации» материальных ценностей, необходимых для подпольной партийной работы и содержания партийных деятелей. Полиция квалифицировала такие действия как убийства и покушения на них, грабежи и разбои.

С началом революции у экстремистов появляется еще одна задача — подготовка вооруженных восстаний. Решалась она двумя путями. Во-первых, создавались отряды боевиков — «боевые дружины». Во-вторых, велась агитационная работа среди военнослужащих с целью привлечения их на свою сторону.

Если в деле ведения индивидуального террора лидировала партия эсеров, то в подготовке массовых вооруженных выступлений всех опередили большевики.

Политическая полиция (жандармские управления и охранные отделения) вела работу по противодействию терроризму. Надо сказать, что работа эта далеко не всегда шла успешно. В Москве за первую половину 1905 года эсеры-террористы успели убить и бывшего генерал-губернатора, и градоначальника. А переход революционеров к непосредственной подготовке восстания и формирование в городе многочисленных отрядов боевиков охранка, похоже, вообще проглядела. Хотя она и зафиксировала массовое нелегальное приобретение оружия неизвестными людьми, но в ответ ограничилась профилактическими мерами по контролю за торговлей оружием. Никаких действий по выявлению и решительному разгрому боевых дружин предпринято не было.

В апреле 1905 года в Лондоне состоялся III съезд РСДРП, где присутствовали делегаты и от большевиков, и от меньшевиков. Главную роль на съезде играл В. И. Ульянов (Ленин). Среди прочего, съезд принял решение о необходимости восстания и о подготовке вооруженных выступлений по всей России. В Москву для этого направили ряд опытных партийных работников-подпольщиков. Начальником боевых дружин социал-демократической партии в городе с середины лета того же года стал один из таких присланных подпольщиков,

Борис Абрамович Бреслав (подпольная кличка — Захар). Ему еще не было 23 лет, но он уже с 1899 года участвовал в революционном движении, а с 1903 года был большевиком. Бреслав успел поработать в Петербурге, Одессе, Николаеве, Екатеринославе.

Московский комитет РСДРП (большевики) и Московская группа РСДРП (меньшевики) решили объединить свои усилия и создавать общие боевые дружины. Для этого сформировали единый управляющий орган — Федеративный совет. До этого партийные отряды были малочисленны и предназначались для охраны партийных мероприятий — митингов, демонстраций, собраний. Теперь их нужно было подготовить для ведения открытых боевых действий против полиции и регулярных войск. Требовалось тщательно отобрать надежных людей, привлечь их в отряды, организовать, вооружить, обучить военному делу и тактике уличных боев.

Боевая дружина РСДРП(б), 1905–1907

К середине осени боевые дружины социал-демократической партии насчитывали 200–250 человек, в основном из числа рабочих. В октябре начался массовый приток в отряды студентов. Из них даже стали создавать отдельные дружины. Самой крупной оказалась дружина студентов-кавказцев численностью в 150 человек, которую возглавил некто Али. Кроме студенческих и рабочих отрядов была также сформирована дружина из членов союза фармацевтов; в ней состояло 30–35 человек²³².

Некоторые дружины формировались на предприятиях с ведома и при помощи владельцев и директоров. В этом революционерам, как ни странно, посдействовали черносотенцы. Националисты угрожали разрушить те предприятия, которые считали «гнездами революционной заразы». Владельцы предприятий под нажимом своих рабочих создавали «полулегальные» отряды рабочей самообороны и даже приобретали для них оружие. Революционерам удалось взять ряд таких отрядов под свой полный контроль и превратить их в партийные боевые дружины. Так появились социал-демократические дружины на фабрике Мамонтова на Пресне и в типографии Сытина в Замоскворечье.

Были предприниматели, которые сознательно сотрудничали с революционерами. Например, Н. П. Шмит. Ему исполнилось 22 год, он учился в Московском университете. К тому времени Николай Павлович (вместе с младшими братьями и сестрами) унаследовал от отца мебельную фабрику, магазин и даже звание поставщика Императорского двора. Но он увлекся революционными идеями, водил знакомство с Николаем Бауманом и, видимо, вступил в РСДРП. Шмит принял на работу на свою фабрику нескольких подпольщиков, которые создали из рабочих дружину. Он вооружил дружинников браунингами и маузерами, разрешил тайно изготавливать на фабрике бомбы, передал большевикам значительную сумму денег. Он даже сам проходил обучение вместе с боевиками.

Социал-демократические дружины были хорошо организованы. Они делились на группы (взводы), а те, в свою очередь, на десятки и «пятки». Каждое такое подразделение имело постоянного командира и могло действовать самостоятельно или в составе более крупных отрядов. Дружинники проходили регулярное обучение. При этом каждого из них учили, в том числе и руково-

дить боевыми действиями своего подразделения. Это делалось на случай, если понадобится заменить выбывшего из строя командира.

Осенью в Москве свои дружины начали создавать не только подпольные политические партии, но и настроенные революционно крупные профсоюзы — Всероссийский железнодорожный союз и Союз типографских рабочих и приказчиков. В таких дружинах были боевики из разных экстремистских партий, а также и беспартийные.

Социал-демократам удалось договориться с эсерами и профсоюзными лидерами о создании совместных районных штабов по руководству боевыми дружинами. Каждому штабу подчинялось несколько дружин данного района. В состав Федеративного совета вошли представители партии эсеров, и этот орган стал называться Федеративным комитетом²³³.

Боевики организовали в городе несколько своих баз, которые действовали совершенно свободно, почти не конспирируясь. А охранное отделение ничего не предпринимало по этому поводу. Базы располагались в зданиях ряда учебных заведений — Императорского технического училища, Комиссаровского училища, Московского реального училища Фидлера, Высших женских курсов Герье. Там находились районные штабы и центры подготовки боевиков. Например, в Техническом училище помещался штаб боевых дружин Лефортовского района, а в подвале был оборудован тир, где боевики из разных дружин учились стрелять. Занятия по стрелковой подготовке шли также в гимнастическом зале училища И. И. Фидлера, в Тюфелевой роще и в Сокольниках²³⁴.

Примером организации боевой дружины может служить социал-демократическая дружина Миусского трамвайного парка. О ней рассказал в своих воспоминаниях руководитель дружины М. П. Виноградов.

Дружина насчитывала 48 человек и делилась на три группы по 16 человек. О ее существовании знали все сотрудники парка. Для обучения боевики использовали пустое здание склада прямо во дворе своего предприятия. Виноградов сообщает, что они «упражнялись» ежедневно по несколько часов. Видимо, в рабочее время. Кроме того, боевики брали трамвай с надписью «Служебный», грузились в него с оружием и отправлялись через город в Сокольники. Там у них «в глухом месте рощи» было стрельбище, загороженное поленницами дров. Командир миусских боевиков рассказывает: «Вагон

ставили на запасный путь, а сами направлялись к нашему стрельбищу, ступая, как волки, в след друг другу, чтобы на снегу оставался только один след. По окончании стрельбы, места, куда ложились пули, закрывались грязью и снегом. Дружинники по старому следу гуськом возвращались к вагону, который увозил нас обратно»²³⁵.

Как же политической полиции было выследить вооруженный отряд революционеров численностью в полсотни человек, если боевики каждый день собирались в здании склада посреди города, ездили по городу на служебном трамвае, ходили «след в след» и устраивали стрельбы, спрятавшись за кучей дров? А ведь таких отрядов в городе было множество. И ни один из них до начала восстания не выявили и не ликвидировали. Должно быть, они все ходили «как волки, гуськом». Губернатор Джунковский указывал: «Начальником охранного отделения был в то время ротмистр Петерсон — очень нераспорядительный и не соответствовавший занимаемой им должности офицер».

К началу декабря дружины московских социал-демократов насчитывали до 500 человек, дружины эсеров — около 250–300 человек, дружины железнодорожников — около 500 человек, дружины типографистов — около 400 человек. Кроме того, была отдельная дружина польских революционеров, отряды анархистов и разных «вольных стрелков». Общая численность организованных боевиков в Москве составляла немногим менее 2 тысяч человек²³⁶.

Самым слабым местом боевых дружин оказалось их вооружение. Оно было недостаточным, вернее — не соответствующим поставленным задачам. Выяснилось это уже во время восстания. А причиной этого стало отсутствие опыта ведения уличных боев против регулярных войск.

Ранее революционеры приобрели значительные навыки по организации терактов. За время революции они получили и некоторый опыт столкновений с черносотенцами. Революционные партии постарались вооружить своих боевиков. Но руководствовались прежним опытом, неподходящим к новым условиям. Наиболее удобным считалось короткоствольное огнестрельное оружие — револьверы и пистолеты. Такое оружие легко было спрятать в одежде. Его и закупали экстремисты в первую очередь. Тогда использовалась тактика, в соответствии с которой боевики выстраивались для стрельбы шеренгами поперек улиц. Но она оказалась совершенно неэффективной против хорошо

вооруженного противника. Перестрелка с казаками у Манежа после похорон Баумана закончилась для дружинников полным поражением.

Подавляющее большинство дружинников вооружили револьверами и пистолетами. Это было очень большой ошибкой. Короткоствольное оружие предназначено прежде всего для личной самообороны, а не для ведения огневого боя на значительных дистанциях. Конечно, особенностью боя в городской черте является то, что он ведется на меньших расстояниях, чем на открытой местности. Но все равно расстояния эти оказались значительно больше, чем позволяли возможности короткоствольного оружия. У нагана, лучшего из револьверов, имевшихся у боевиков, дальность прицельной стрельбы составляла 50 метров. Его поражающая способность рассчитывалась для таких же расстояний. С таким оружием просто невозможно вести бой на дистанциях в 100–200 метров и больше. Для сравнения — дальность прицельной стрельбы трехлинейной винтовки Мосина, которой были вооружены армейские части, составляла 2200 метров, а пулемета «максим» — 3000 метров.

Из всего короткоствольного оружия значительной дальнобойностью обладал только мощный пистолет маузер. Кроме того, его деревянную кобуру можно было пристегивать к рукояти и использовать в качестве приклада. Это облегчало прицеливание. В полицейских документах такой маузер иногда называли «пистолет-ружье». Только маузеры и оказались более или менее эффективными в уличных боях против войск.

Еще у боевиков были охотничьи ружья-дробовики. Они дальнобойнее револьверов, но и это оружие не предназначено для боев. У дробовиков низкая скорострельность. На больших расстояниях — не достаточно высокая точность попадания. Многие ружья были старые и малопригодные для использования.

Действительно, эффективным оружием были винтовки. Но у боевиков их оказалось сравнительно мало — всего несколько десятков. Полностью вооружена винтовками была лишь одна дружина миусских трамвайщиков. «Против винтовок нужна винтовка», — Виноградов пишет, что он сделал такой вывод после перестрелки у Манежа. Для вооружения данной дружины руководители подготовки восстания выделили тысячу рублей. На эти деньги были куплены 40 винтовок винчестер (видимо, речь тут идет о карабинах). Командир дру-

жины сообщает, что винтовки были короткие, и их можно было скрытно носить, пряча под пальто. Еще для Виноградова и его помощника Щепетильникова приобрели два пистолета маузер.

На патроны денег уже не осталось. Тогда дружинники трамвайного парка обратились за помощью к инженерам своего предприятия. Те собрали вскладчину 100 рублей. Этого оказалось достаточно, чтобы купить столько патронов, что хватило и для обучения членов дружины, и для очень активного участия в боях во время восстания.

К сожалению, ничего не известно о том, где и каким образом дружинники купили винчестеры. Эти винтовки не состояли на вооружении армии или полиции и считались нарезным охотничьим оружием. Судя по рассказу Виноградова, их можно было приобретать целыми партиями и по сравнительно невысокой цене. А ведь только Николай Шмит передал большевикам через Максима Горького 20 тысяч рублей для вооружения боевиков. Получается, что на эти деньги можно было приобрести 800 винтовок. Если такое действительно было возможно, то Московский комитет РСДРП(б) совершил тяжелую ошибку, не сделав этого. Но, вероятно, шанс заполучить партию винчестеров оказался уникальным. А то ход событий мог быть намного более неблагоприятным для властей. Сегодня мы можем точно сказать — хорошо, что этого не произошло. Иначе восстание было бы еще более кровавым.

Неясным остается вопрос о том, были ли у дружинников пулеметы. Есть некоторые очень краткие и сомнительные упоминания о том, что боевики во время восстания применяли пулеметы против войск и полиции. Одно сообщение помещено в газете «Новое время» от 13 декабря 1905 года. Там говорится, что боевики из дружины печатников, оборонявшие здание типографии Сытина, были вооружены «револьверами, бомбами и особого рода скорострелами, называемыми ими пулеметами...»²³⁷. Сообщение это весьма не ясно. Что это было за оружие? Пулеметы или нет? Сколько такого оружия было у дружинников? Куда оно делось после разгрома дружины? Больше похоже, что речь идет о каком-то другом оружии, иронично называемом пулеметами. Это могли быть скорострельные винтовки или даже маузеры с прикладами («пистолеты-ружья»). Они, действительно, более скорострельные, чем револьверы или охотничьи дробовики. К тому же достоверность газетных публикаций, не

Николай Павлович Шмидт, член РСДРП и участник восстания 1905 г., спонсировал закупку оружия для боевых организаций РСДРП

являющихся официальными сообщениями, не высока.

Второе упоминание можно найти в воспоминаниях В. Ф. Джунковского. Он пишет, что 11 декабря войска подвергли обстрелам ряд домов, из которых восставшие вели по ним огонь. В том числе был и «дом Барыкина, откуда революционеры стреляли из английского пулемета». Добросовестность Джунковского не вызывает сомнений. Но опять нет никаких разъяснений. Где боевики взяли этот пулемет? Откуда известно, что он английский? Куда он делся после боя?

Оба упоминания слишком краткие. Авторы их не были ни участниками, ни очевидцами боев за типографию Сытина и дом Барыкина. Они получили эту информацию от кого-то другого. Возможно, из третьих или четвертых уст. Это как игра в «глухие телефончики». Ни в сохранившихся официальных полицейских документах, ни в воспоминаниях самих участников восстания мне не удалось найти ни одного упоминания о наличии пулеметов у дружинников. Так что однозначного ответа на такой вопрос пока нет.

Самым разрушительным оружием, которым располагали боевики, были бомбы. Так называли любые разрывные снаряды. Их тайно изготавливали кустарным способом из подручных материалов в различных мастерских. Взрывчатыми веществами служили динамит, меленит, гризутин, пироксилин, нитроглицерин, порох. Часть взрывчатки была фабричного производства, контрабандой привезенная из-за границы. Другая часть изготавливалась в кон-

спиративных лабораториях, созданных революционерами. Самодельная взрывчатка часто оказывалась низкого качества. Наиболее мощной, удобной при использовании, безопасной при хранении и изготовлении боеприпасов взрывчаткой, которой располагали московские революционеры, был контрабандный динамит трех сортов. Это так называемый старый динамит, изготовленный в 1903–1904 годах на заводе *Sioutne* в Финляндии, а также кизельгур-динамит и экстра-динамит, выпущенные в 1905 году на фабрике Нобеля под Стокгольмом.

Кустарные бомбы имели самые разные виды и размеры. Во время восстания крупные взрывные снаряды дружинники устанавливали в виде фугасов на путях возможного передвижения противника. Фугасы маскировали, закапывая в землю, в кучи мусора, в обломки кирпичей и т. д. Не обнаружилось сведений о том, каким образом боевики приводили фугасы в действие. Вероятнее всего, использовали скрытно протянутый к снаряду бикфордов шнур или взрыватели нажимного действия.

Фугасы дружинники применяли редко. Значительно чаще они употребляли «метательные бомбы». По-современному говоря, это были ручные гранаты. В воспоминаниях боевиков и в полицейских документах упоминаются такие типы гранат, как «македонки» и «шимозы». Главным их отличием друг от друга являлись основные поражающие факторы. Хорошо заметным внешним отличием были деревянные рукояти «шимоз». Самодельные «македонки» уже давно были, можно сказать, «классическим» оружием всякого рода повстанцев, партизан, террористов. Эти гранаты изготавливали и применяли боевики в разных странах мира. Конструкция «македонок» была предельно простой. Бомба имела металлический корпус (в полицейских документах он назывался оболочкой). Чаще всего использовались чугунные корпуса, но могли быть и из любого другого металла. Форма тоже могла быть разной. Это зависело от того, что имелось под руками у изготовителей снаряда. Например, жестяные коробки из-под конфет или печенья.

Внутри оболочки помещалось взрывчатое вещество, и вставлялся взрыватель. Взрывчатка могла быть любой. Взрыватель обычно был огневого действия (какой-нибудь фитиль, например, обрезок бикфордова шнура, при его наличии) или ударного действия (например, капсюль с гремучей ртутью).

В качестве самодельного ударного взрывателя можно было использовать гильзу или кусочек тонкой медной трубки, заполненные гремучей ртутью. Основным поражающим фактором «македонок» служила ударная волна, возникающая при взрыве.

Шимозы являлись для того времени новинкой, так сказать, «последним писком моды». Московские боевики сумели получить для себя только что появившееся оружие. Первоначальное значение слова «шимоза» — это взрывчатое вещество, использовавшееся японцами во время Русско-японской войны. Наши военные называли так артиллерийские наряды с данным веществом. По сравнению с российскими боеприпасами, особенностью японских снарядов было то, что они при взрыве давали большое количество мелких осколков, которые превращали в решето все, что оказывалось в зоне поражения. Это наносило противнику большие потери и деморализовало тех его бойцов, кто оставался в живых. Во время героической обороны Порт-Артура российскими войсками в городе было налажено кустарное производство оружия и боеприпасов. В частности, лейтенант флота Подгурский придумал конструкцию ручных гранат осколочного действия, которые тоже стали называть «шимозами». И вот теперь московские боевики научились делать такое оружие. Видимо, о «шимозах» им рассказал кто-то из демобилизованных «порт-артурцев».

Кустарная технология производства «шимоз» была несложной. Брали чугунную водопроводную трубу подходящего диаметра. Разрезали ее на куски цилиндрической формы, которые становились корпусами для гранат. Один конец цилиндра закрывали, припаивая к нему металлический поддон. Корпус заполняли взрывчаткой и поражающими элементами — мелкими гайками, болтами, волчьей дробью, обрезками металла. Помещали взрыватель, такой же, как у македонки. Второй конец цилиндра закрывали, вставляя в него деревянную рукоять. С ее помощью было удобно удерживать и метать гранату. Главным поражающим фактором «шимозы» становились кусочки металла, разлетающиеся при взрыве.

Из-за кустарной сборки, плохого качества взрывчатки и ненадежных взрывателей бомбы, применявшиеся дружинниками во время восстания в Москве, часто не срабатывали. Об этом полно упоминаний в полицейских рапортах.

Создается впечатление, что примерно половина гранат, использованных боевиками, не взорвалась. Это спасло жизни многим правоохранителям.

У московских дружинников было много и холодного оружия, в основном изготовленного в фабричных и заводских мастерских. В документах упоминаются ножи, кинжалы, пики, совершенно бесполезные самодельные сабли, кистени, кастеты. Все это могло пригодиться только при бандитских налетах, а не во время боя с войсками. Во время восстания до рукопашных схваток не доходило. Военные и полицейские расстреливали боевиков на расстоянии, не давая им приближаться.

В полицейских рапортах иногда говорится об обнаружении при обысках у боевиков и подозрительных лиц таинственного оружия, называемого «монтекристо» или «Монте-Кристо». Вероятнее всего, это были мелкокалиберные духовые (пневматические) ружья. Некоторые читатели могут помнить их по школьным кружкам «Меткий стрелок» и по тирам в парках культуры и отдыха. Полицейские относились к такому оружию скептически. В некоторых рапортах его называют детским. Его даже не всегда изымали при обнаружении. Для применения в бою оно не годилось. Револьверы, холодное оружие,

Образцы вооружения боевых дружин большевиков и эсеров в 1905 г.

духовые и старые изношенные охотничьи ружья во время восстания оказались не более эффективными, чем «традиционное оружие пролетариата» — булжжик.

Действительно, серьезное сопротивление войскам смогли оказать только те дружины, где имелось достаточно винтовок, хороших дальнобойных ружей, мощных пистолетов маузер. А таких дружин было мало. С другим оружием противостоять военным, использующим лучшие в мире винтовки Мосина и пулеметы «максим», было невозможно. А артиллерийским орудиям боевики вообще ничего не могли противопоставить.

Большое количество бесполезного оружия у боевиков говорит о двух вещах. Во-первых, боевики не имели ясного представления о том, что их ждет во время ведения уличных боев. Во-вторых, у дружинников не хватало действительно эффективного оружия. И то, и другое свидетельствует о слабой подготовке восстания.

Среди руководителей этой подготовки и среди дружинников было очень мало людей, имевших военный, тем более боевой опыт. В Пресненском районе, где находилось больше всего дружинников, начальником всех боевых сил стал большевик З. Я. Литвин (кличка — Седой). Он пишет в своих воспоминаниях: «Единственным человеком с военным прошлым (унтер-офицер инженерных войск) был я»²³⁸.

Один из командиров дружины мастерских Казанской железной дороги А. И. Горчилин носил кличку Гренадер. Возможно, он служил ранее в элитном полку. Горчилин упоминает, что в дружине состояли несколько бывших матросов²³⁹. Но опыт моряков вряд ли мог пригодиться в уличных боях. А других военных в отряде, видимо, не было.

В числе командиров дружинников не нашлось ни одного бывшего офицера. Те люди, что готовили восстание, не обратили на такой факт своего внимания. Это стало их значительным упущением.

Среди отставных и запасных офицеров и унтер-офицеров после поражения в Русско-японской войне и Кровавого воскресенья, наверняка, можно было найти людей, крайне негативно относящихся к правящей власти. Если бы их удалось привлечь к подготовке дружин и к командованию ими, то ситуация могла бы кардинально измениться. Опытные командиры не повели бы дру-

жинников, вооруженных револьверами и кинжалами, против винтовок и пулеметов. Возможно, что тогда восстание в Москве вообще бы не состоялось, по крайней мере, в 1905 году. Как это и произошло в Петербурге.

Накануне восстания

В начале декабря в Москве происходили события, которые привели к началу вооруженного восстания, послужили детонатором для него. Главными действующими лицами стали члены Московского комитета большевиков и Военной организации при нем. А с другой стороны, большую роль сыграли и высшие представители гражданских и военных властей в Первопрестольной.

Руководителем военной организации Московского комитета РСДРП(б) еще с лета 1903 года был А. Н. Васильев. Первой задачей «военки» было создание в частях гарнизона ячеек своей партии из числа солдат. Через эти ячейки большевики собирались вести революционную пропаганду и агитацию среди военнослужащих соответствующих частей. В перспективе предполагалось, что во время вооруженного восстания народа ячейки поведут за собой распропагандированных солдат и добьются перехода своих полков на сторону восставших. Такие ячейки были организованы почти во всех частях Московского гарнизона. По крайней мере, во всех пехотных полках. Подрывная пропаганда там велась активно. И это, и общая ситуация в стране способствовали разложению дисциплины в войсках. Большевистские организаторы оценивали перспективы по привлечению солдат на свою сторону весьма оптимистично. Это ясно видно даже по их мемуарам, написанным уже в советское время. Вот примеры таких оптимистических воспоминаний.

И. Коган: «Агитация начала захватывать московские воинские части уже в октябре. <...> С начала ноября нижних чинов и офицеров можно было видеть на <...> митингах, проходивших в университете и в других учебных заведениях. Особенно сильные размеры приняло волнение в московских воинских частях в конце ноября. По вечерам в ряде казарм происходили митинги. Началось с заявлений саперов, Троицко-Сергиевского резервного полка. 2 декабря в Ростовском гренадерском полку вспыхнуло восстание <...> Артиллеристы были тогда также ненадежны, и пушки стояли на Ходынском <...> поле под охраной пехотного караула»²⁴⁰.

М. Васильев (Южин): «Вечером того же дня [2 декабря. — А. III.] <...> меня вызвали для переговоров с <...> солдатами Саперного полка [точнее, батальона. — А. III.]. Они заявили, что их полк хочет поступить также, как Ростовский. Под их охраной один из арсеналов, который они могут передать нам»²⁴¹.

3. Литвин (Седой): «В Московском комитете получили известие, что в Ростовском полку брожение. Долгожданное присоединение армии к рабочему классу начинается. Меня командируют туда. <...> Ораторов буквально осаждают вопросами о земле, о царе, о попах, о церкви, о евреях, о рабочей партии. Сыны народа жадно слушают свободную речь. <...> По лицам видно напряженное усилие понять эту речь. Последний устой царизма дал трещину. В армии развал начался»²⁴².

На самом деле большевистские организаторы сильно преувеличивали степень готовности солдат к революционным выступлениям. То, что произошло в Ростовском полку, считать восстанием нельзя. Было лишь открытое неповиновение солдат своим начальникам. До вооруженной борьбы дело не дошло.

В Спасских казармах солдатами Ростовского полка были арестованы несколько офицеров, остальные бежали из расположения части. Полк заперся в казармах. Управление перешло к выборному солдатскому комитету из 20 человек. Этот полк являлся очень серьезной силой, так как при нем была пулеметная команда. Васильев (Южин) даже ошибочно указывает: «В Ростовском полку 8 пулеметов из 13-ти, имевшихся в то время в Москве». Большевики надеялись получить эти пулеметы, а также и винтовки из арсеналов, в свое распоряжение. Тогда, по их расчетам, во время восстания в городе у боевиков оказалось бы больше пулеметов, чем у правительственных сил. Мы уже знаем, что у Московского гарнизона было не 13, а 24 пулемета. То есть почти вдвое больше, чем считали большевики. Но самое главное не это, а то, что боевики ни пулеметов, ни винтовок не получили ни от одного полка.

Агитаторы из радикальных оппозиционных партий слишком сильно хотели, чтобы войска перешли на сторону революционеров. И поэтому те, кто готовил восстание в Москве, приняли желаемое за действительное.

Солдаты, конечно, были крайне недовольны и своим полковым начальством, и вышестоящими властями. Они с интересом слушали агитаторов, «по тихому» саботировали выполнение приказов командиров. Но выступать с ору-

жием в руках против государства пока еще не собирались. Даже открытое неповиновение случилось только в одном Ростовском полку. Другие части его не поддержали. Да и «ростовцы» не решились на какие-либо революционные действия.

Власти тоже не предприняли против этого полка никаких решительных мер. Прежнего генерал-губернатора уже сняли, новый еще не прибыл, градоначальник, как всегда, болел. Чем занималось военное командование, неизвестно. Видимо, согласованиями в инстанциях.

4 декабря солдатские волнения затихли сами собой. Васильев (Южин) сообщает: «Осужденный на бездействие Ростовский полк <...> через 3 дня разложился. Солдаты стали расходиться, часть из них “покаялась”, другие скрылись. Начались аресты и разоружение». Градоначальник Медем телеграфировал министру внутренних дел: «В Ростовском полку порядок восстановлен. Нижние чины сами указывают начальству зачинщиков и содействуют их задержанию»²⁴³. Приказом командующего войсками МВО суду предали 37 нижних чинов этого полка²⁴⁴.

Наконец-то началась долгожданная демобилизация запасников и солдат, успевших выслужить за время войны установленные сроки. Как отмечает «товарищ Южин», «вспыхнувшие через несколько дней забастовка и восстание вызвали среди солдат, рвавшихся домой, скорее вражду, чем сочувствие»²⁴⁵.

Во время восстания ни в одной из частей Московского гарнизона солдаты не поддержали революционеров. Больше того, все полки приняли участие в подавлении беспорядков. Местные московские власти сильно не доверяли солдатам здешних частей и больше надеялись на войска, присланные из других округов. Но, не смотря на это, никаких инцидентов в Московском гарнизоне больше не случилось.

С начала ноября в Москве и в Московской губернии для руководства рабочим движением, включая забастовки и восстание, начали формироваться районные советы рабочих депутатов. Выборы в советы были запрещены властями и проходили нелегально. Вот объявление, написанное по этому поводу исполняющим дела губернатора Джунковским. Оно распространялось на предприятиях в виде листовок. «До сведения моего дошло, что на некоторых заводах начинаются выборы в СОВЕТ РАБОЧИХ ДЕПУТАТОВ. Считаю долгом преду-

Первый номер «Известий Московского
совета рабочих депутатов», созданного
8 (21) ноября 1905 г.

предить рабочих, что ВЫБОРЫ ЭТИ НЕЗАКОННЫ и ПРОИЗВОДИМЫ БЫТЬ НЕ ДОЛЖНЫ; члены совета подлежат обвинению по 126 ст. уголовного уложения, так как совет рабочих депутатов признан революционным сообществом». Далее сообщалось, что за принадлежность к такому сообществу полагается до 8 лет каторги. А если у сообщества был склад оружия или взрывчатки — то грозит бессрочная каторга²⁴⁶.

Эти меры не помогли. 22 ноября в помещении театра Гирша состоялось первое заседание Московского совета рабочих депутатов (МСРД). В совет вошли 204 депутата от 134 фабрик и заводов. Депутаты считали, что представляют около 100 тысяч рабочих. На этом заседании выбрали исполнительный комитет для управления работой МСРД. Комитет составили по 2 представителя от каждого района и от каждой социалистической партии. Фактически произошло так, что Федеративный комитет социал-демократов и эсеров целиком вошел в состав исполкома МСРД и взял руководство в свои руки²⁴⁷. МСРД действовал до 15 декабря. За это время прошло 5 заседаний. Из-за арестов на последнем заседании присутствовало только 90 человек, то есть меньше половины состава²⁴⁸.

3 декабря в Москве возник и совет солдатских депутатов. Но он просуществовал всего несколько дней и так ничего не совершил.

**Извѣстія Московскаго Совѣта
рабочихъ депутатовъ. 1896**

№ 1. 7 декабря 1905 года. № 1.

Московский Совет Рабочих Депутатов, Комитет и Группа Российской Социально-Демократической Рабочей Партии и Комитет Партии Социалистов-Революционеров **ПОСТАНОВИЛИ** объявить в Москве со среды, 7 декабря, с 12 час. дня всеобщую политическую стачку и стремиться первыми ее возвести на вооруженное восстание.

[illegible]

В начале декабря Федеративный комитет и МСРД упорно вели дело к обострению обстановки в городе. 4-го числа Московский совет присоединился к «Финансовому манифесту» Петербургского совета рабочих депутатов. Манифест призывал отказаться от любых платежей государству, требовать выплаты жалованья и зарплаты только золотой и серебряной монетой, забрать вклады из Государственного банка и сберегательных касс, требуя уплаты всей суммы золотом. Такие меры были рассчитаны на подрыв финансовой системы государства²⁴⁹.

В этот же день в доме реального училища Фидлера заседал Московский комитет большевиков. Председательствовал Я. Ф. Дубровинский (Иннокентий). Решался вопрос об объявлении в Москве всеобщей стачки, которая должна была перерасти в вооруженное восстание. Стачка служила для мобилизации активности рабочих, втягивания их в революционную борьбу. Первым выступал организатор Железнодорожного района М. Н. Лядов (Мандельштам), который решительно заявил о полной готовности к выступлению. Его поддерживали организаторы других районов. Комитет принял решение о начале «стачки-восстания». Но теперь надо было убедить в этом остальных членов партии.

5 декабря в том же здании собралась общемосковская конференция большевиков. Вел заседание В. Л. Шанцер (Марат). Некоторые делегаты выражали сомнения в том, что имеющихся сил достаточно для успешного восстания. Эти сомнения должен был развеять руководитель Военной организации большевиков А. Н. Васильев. Очевидец описывает его выступление так: «Выходит военный организатор. Он бледен и заметно волнуется. Он говорит, что московские солдаты, что даже казаки, даже офицеры стрелять в народ не станут. Войска волнуются. Войска готовы перейти на сторону народа, но у них отобраны винтовки»²⁵⁰. Сообщение Васильева не соответствовало действительности, но решило исход обсуждения. Конференция приняла резолюцию о немедленном начале стачки, которая должна перерасти в вооруженное восстание. Как мы знаем, восстание это было обречено на поражение. Оно оказалось безнадежным, бесполезным и беспощадным.

Алексей Николаевич Васильев проживет сравнительно благополучную жизнь, хотя большой карьеры и не сделает (а, может быть, именно поэтому — благополучную). В 1905 году ему было 25 лет (по другим данным — 28 лет).

Скончается он, когда ему будет за 60 лет. Самый значительный пост, который он занимал после победы революции — должность советского полпреда (то есть посла) в Монголии. Вот интересно, что он думал о своей роли в разжигании Декабрьского восстания и в судьбе его жертв?

После принятия резолюции выступила «товарищ Землячка» (она же — Розалия Самойловна Залкинд, будущий кровавый большевистский палач Крыма). Вот ее речь перед участниками той конференции: «Здесь прозвучал похоронный гимн. Своим голосованием вы обрекли себя на заклятие <...> но вопрос решен. Те, которые против, те умрут вместе с вами, товарищи! Вперед в районы!»²⁵¹

Сразу после окончания конференции МК РСДРП(б) сформировал Исполнительную комиссию для командования стачкой и восстанием. В комиссию вошли три члена Московского комитета — В. Л. Шанцер (Марат), М. И. Васильев (Южин), М. Н. Мандельштам (Лядов). В разговорах комиссию называли «тройкой», а Марата — «московским диктатором» (он входил также в состав Федеративного совета и исполнительного комитета МСРД). На случай выбытия кого-либо из «тройки», выбрали двух кандидатов в ее состав. Ими стали В. М. Савков (Тимофей) и З. Н. Доссер (Леший). Всех членов МК, не вошедших в Исполнительную комиссию, распределили по районам для руководства восстанием «на местах»²⁵².

6 декабря МСРД поддержал резолюцию большевиков и принял воззвание «Ко всем рабочим, солдатам и гражданам» о начале в среду 7 декабря в 12 часов дня общей забастовки, которая должна перерасти в вооруженное восстание. Воззвание вышло от имени Московского совета рабочих депутатов, Московского комитета, Московской группы и Московской окружной организации РСДРП, Московского комитета партии социалистов-революционеров. На следующий день подобное воззвание принял и Всероссийский железнодорожный союз.

Многие депутаты сомневались, что восстание имеет шанс на успех. Инициаторы убеждали их, используя два тезиса. Во-первых, они заявляли, что забастовка и последующее восстание получают поддержку десятков тысяч рабочих в Москве, подмосковных городах, Петербурге, а затем и в других регионах Российской империи. Во-вторых, говорилось, что войсковые части разложены

революционной пропагандой и не будут стрелять в восставших. Достаточных оснований считать, что так и произойдет, не было. Рабочие и солдаты выражали сильное недовольство. Но это не значило, что они готовы к вооруженному восстанию против государства. На деле ни один из этих тезисов не подтвердился. Ячейки революционных партий на заводах и в воинских частях переоценили степень своего влияния на остальных рабочих и солдат. Пламенных призывов было недостаточно. По-настоящему опереться можно было только на хорошо организованные группы единомышленников, то есть на партийные организации и боевые дружины. Таким образом, восстание только в докладах инициаторов выглядело вполне подготовленным. На деле все было совсем не так. Восстание было обречено, а кровопролитие — бессмысленно. Его инициаторы занимались самообманом или обманом других людей. Впрочем, само представление о том, что мир можно улучшить с помощью кровопролития, является большим обманом или самообманом.

Знали ли власти о том, что на Москву надвигается целая буря кровопролития? Должны были знать! Признаки этого были очевидны, и их становилось все больше. Например, московская полиция от агентуры и путем наружного наблюдения получила сведения о революционной деятельности выпускника Казанского ветеринарного института Николая Соловьева. Его решили задержать, а на квартире, которую он снимал, провести обыск. Операцию осуществили 2 декабря. В квартире полицейские застали мещанку Марию Варазину, жившую тут же под видом прислуги, и неизвестного мужчину. Он предъявил паспорт, оказавшийся фальшивым. При обыске в квартире нашли динамит, бездымный порох, гремучую ртуть, кислоты, медные трубки и олово, необходимые для изготовления взрывателей, схемы разрывных снарядов. Полицейские предположили, что в квартире занимались сборкой таких снарядов. Самого Соловьева взяли на улице по указанию агентов наружного наблюдения²⁵³.

3 декабря в 4 часа утра в Рыбниковом переулке на территории 2-го участка Сретенской части началось настоящее сражение. Полицейский наряд в составе околоточных надзирателей Кутового, Чернова и городского Пожарского обнаружил толпу каких-то людей. Из толпы в полицейских начали стрелять. Кутовой получил смертельное ранение четырьмя пулями в живот, Чернов был

Члены Московского комитета РСДРП — организаторы вооруженного восстания в Москве в 1905 г.: В. Л. Шанцер, Р. С. Землячка, И. Ф. Дубровинский

ранен пулей в ногу. На выстрелы стали собираться городовые, дворники и ночные сторожа, находившиеся на постах поблизости. Толпа бросилась в разные стороны. Полицейские начали преследовать злодеев. Правоохранителям помогали встретившиеся легковые извозчики. У Тургеневской читальни городовые Степан Федосов (3-й участок Мещанской части), Алексей Монахов и Иван Родин (1-й участок Рогожской части) задержали двух человек, вооруженных браунингом и револьвером «бульдог». Злодеи оказались дворянином Бергом и крестьянином Климовым. Городовые Иван Дормодехин (1-й участок Рогожской части) и Василий Бельков (3-й участок Мещанской части) на углу Фроловского и Юшковского переулков настигли крестьянина Савосина. У него изъяли 8 маузеров, 400 патронов и устав боевой дружины. Городовой Терентий Козлов (1-й участок Рогожской части), дворники Петр Крысанов и Тимофей Захаров (1-й участок Мясницкой части) задержали студента Сахарова, отобрав у него маузер и патроны. Долше и труднее всего преследовали крестьянина Понуровского. Убегая, он застрелил из маузера городского Жданова. Но убийцу упорно преследовал сторож Василий Захаров (1-й участок Мясницкой части), легковые извозчики Иван Лихачев и Николай Ветров. Затем к ним присоеди-

нился городской Кузьма Перфильев (2-й участок Мясницкой части). Злодея взяли в Малом Златоустинском переулке.

Всего в результате погони правоохранители задержали 7 человек, изъяли 12 стволов огнестрельного оружия, 529 патронов, складной нож, железный набалдашник для палки и устав боевой дружины²⁵⁴. Вот список задержанных, позволяющий представить состав революционных дружин: 1) Сахаров Пантелеймон, сын надворного советника, 24 лет; 2) Савосин Василий, крестьянин, 20 лет; 3) Берг Василий, дворянин, 23 лет; 4) Климов Михаил, крестьянин, 19 лет; 5) Чириков Илья, купеческий сын, 21 года; 6) Корольков Степан, крестьянин; 7) Понуровский Федор, крестьянин²⁵⁵. В документе не указан возраст двух последних дружинников. Для полноты картины надо сказать, что в дружинах встречались подростки 15–17 лет.

Позже за проявленную храбрость и умелые действия городовые Пожарский, Федосов, Монахов, Дормодехин, Бельков, Перфильев, дворники Крысанов и Захаров были представлены к серебряным нагрудным медалям «За усердие» на Станиславской ленте. Сторожа Захарова, извозчиков Ветрова и Лихачева, «как выказавших в сем деле выдающуюся неустрашимость и особенно отличившихся», представили к таким же медалям на Аннинской ленте. А городовые Родин и Козлов уже имели медали «За безпорочную службу в полиции». Поэтому их представили к более высоким наградам — серебряным нагрудным медалям «За усердие» на Александровской ленте²⁵⁶.

Количество угрожающих событий в Москве становилось все больше. Между обнаружением мастерской по сборке бомб и кровавой перестрелкой с дружинниками прошло всего несколько часов. Административно-полицейское начальство знало, что в городе находятся отряды боевиков, готовых в любую минуту пустить в дело оружие, в квартирах обывателей изготавливаются взрывные снаряды, но никаких решительных и масштабных действий начальники не приняли. Московские власти, похоже, тоже занимались самообманом и обманом, утверждая, что в городе все нормально и ничего особо страшного не происходит.

4 декабря в 10 часов 30 минут утра поездом Николаевской железной дороги в Первопрестольную прибыл новый генерал-губернатор Ф. В. Дубасов. В тот же день он вступил в должность²⁵⁷. По этому поводу был организован торже-

ственный прием, на котором присутствовали 16 иностранных консулов, аккредитованных в Москве, старшие должностные лица гражданских ведомств, представители местных общественных организаций. Было там и много полицейских чинов. Правда, не явился, сказавшись больным, градоначальник барон Г. П. фон Медем. Зато прибыли исполняющий дела помощника градоначальника барон А. Р. Будберг, трое частных приставов, исполнявших обязанности полицеймейстеров, начальник полицейского резерва полковник В. Н. Золотарев, начальник охранного отделения ротмистр А. Г. Петерсон, начальник сыскальной полиции А. И. Войлошников, который через несколько дней будет расстрелян боевиками.

Новый московский правитель тоже ничего не сделал для предотвращения вооруженного восстания в городе или хотя бы для подготовки к отражению возможных атак боевиков. Правда, времени у него уже было очень мало. Но в оставшиеся дни он не сделал ничего и даже не попытался сделать что-нибудь в этом направлении.

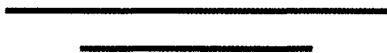
Шли последние мирные дни в Москве. Чем занималось московское начальство накануне начала восстания экстремистов? Очень важным делом — подготовкой и проведением празднования тезоименитства императора, которое отмечалось 6 декабря. В приказе градоначальника по этому поводу говорилось следующее. «6 сего декабря в Высочайший день Тезоименитства Его Императорского Величества Государя Императора НИКОЛАЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА, после молебствия в Успенском соборе при пении многолетия, будет произведена салютационная пальба 101 холостым выстрелом из орудий, находящихся на Тайницкой башне. Жителям столицы предоставляется в этот день украсить дома флагами, а в 7 часов вечера зажечь иллюминацию»²⁵⁸.

Губернатор Джунковский сообщает, что, несмотря на тревожное настроение, празднование проходило как обычно. «В Успенском соборе было торжественное богослужение <...> на Красной площади при огромном стечении народа было устроено всенародное моление за царя и Родину, причем порядок был образцовый. Никому и в голову не приходило, что на другой день Москва будет объята восстанием. В театрах везде шли праздничные спектакли, пели гимны, и только в императорском Большом театре вместо tradi-

ционной в этот день оперы “Жизнь за царя” была поставлена опера “Евгений Онегин”. На следующий день, то есть 7 декабря, начались волнения».

Конечно, представители власти не знали, что стачка и последующее восстание начнутся именно в этот день. Но то, что экстремисты активно готовят восстание в городе, они должны были понимать. Полицейские фиксировали один за другим признаки такой подготовки. А начальству, по словам Джунковского, «и в голову не приходило», что восстание вот-вот произойдет. Это просто полная общая некомпетентность старших должностных лиц.

Вот так и отпраздновали царские именины. Одни испекли взрывоопасный каравай, другие заварили кровавую кашу. Выстрелы праздничного салюта в честь императора стали предзнаменованием залпов вооруженного восстания.

Глава III

КРОВАВЫЙ ДЕКАБРЬ

Стачка

7 декабря 1905 года в Москве по призыву МСРД началась общая забастовка. Первыми забастовали типографии, затем — крупные заводы и фабрики, железные дороги Московского узла, кроме Николаевской, соединявшей Москву с Петербургом. Потом к стачке стали присоединяться учебные заведения, конторы, магазины.

В типографии Сытина отпечатали большим тиражом первый номер газеты «Известия Совета рабочих депутатов». Для этого забастовщики арестовали всех представителей администрации типографии и заперли их до окончания печати и вывоза всего тиража. В этом номере было помещено воззвание МСРД «Ко всем рабочим, солдатам и гражданам», призывавшее к стачке и восстанию. Призыв этот распространили по городу.

Сохранились воспоминания о событиях в Москве с 7 по 31 декабря 1905 года, которые оставил некий И. Ржанов. Сам себя он называет «старый москвич», «очевидец и наблюдатель». Судя по этому тексту, Ржанов придерживался черносотенных взглядов, но в развернувшейся борьбе не участвовал, был именно наблюдателем. Этим воспоминания и интересны. Можно увидеть картину происходившего не глазами участников борьбы с той или другой стороны, а глазами обычного жителя города, оказавшегося в зоне боевых действий.

7 декабря Ржанов записал. «В той местности, где мне пришлось находиться, казенное реальное училище, на Кудринской Садовой, с полудня первое забастовало и, покинув школьную науку <...> “реальные молодцы” ворвались в здание соседней 4 женской гимназии, напугали учениц и прекратили их учение. <...> Таким образом, в этот день учебные заведения позакрывались без

И. Е. Репин. Манифестация 17 октября 1905 года. 1907

всякого противодействия властей. <...> Мелкие частные учебные заведения оставались незакрытыми...»²⁵⁹

К вечеру забастовала Центральная электрическая станция. Остановилось движение трамваев и конки. Однако руководители стачки учли предыдущий опыт общегородских забастовок и разрешили работу водопровода и некоторых хлебопекарен. Но при этом должен был выпекаться только черный хлеб. Именно такой хлеб в основном употребляли семьи рабочих и бедняков, а богачи-эксплуататоры должны были остаться без белого хлеба. Работал и газовый завод, производивший газ для освещения. Все остальные предприятия и учреждения забастовщики закрывали силой.

Большевик И. Коган вспоминает. «На улицах появились рабочие демонстрации с красными знаменами, натываясь на отряды казаков или драгун — медленно расходятся»²⁶⁰.

Губернатор Джунковский рассказывает: «На улицах царило большое оживление, всюду, казалось, было спокойно, магазины то закрывались, то опять

открывались, в зависимости от появления демонстрантов, требовавших их закрытия...»

Противостоять беспорядкам и надвигавшемуся восстанию должна была московская полиция. Но она оказалась плохо подготовленной к выполнению таких задач. Во-первых, она не была полностью укомплектована кадрами служащих. Особенно это касалось командного звена. По сообщению градоначальника фон Медема, из четырех подчиненных ему старших полицейских чинов налицо был только один полицмейстер (барон А. Р. Будберг), из 126 участковых приставов и их помощников — 96 человек. В низших звеньях тоже был некомплект: из 288 околоточных надзирателей в строю находились 264 человека, из 150 городских полицейского резерва — 74²⁶¹.

Во-вторых, что еще хуже, полиция была очень плохо вооружена. По штату полагалось, чтобы каждый полицейский имел револьвер и шашку. Бесполезность шашки при несении полицейской службы к этому времени была уже очевидна. Ее почти никогда не использовали. Более того, она мешала полицейским при преследовании преступников и при их задержании. Многие полицейские начальники предлагали заменить шашки короткими тесаками или кинжалами, похожими на кавказские. Но кому-то в высших эшелонах власти показалось, что полицейский в форме, но без шашки, выглядит несолидно. И этот вопрос так и не был решен в Российской империи. Револьверы (или пистолеты) были необходимы полицейским при несении обычной службы. Но для подавления массового вооруженного восстания этого оружия было недостаточно. Классные чины полиции приобретали оружие за свой счет. Нижние чины должны были получать оружие за счет городского бюджета Москвы. Но из-за недостатка средств вооружить их полностью даже револьверами и шашками не удавалось. Поставые городские в полицейских участках города имели один револьвер на трех человек. Его передавали друг другу при заступлении на пост. Служители в полицейских домах вообще не имели оружия. Некоторые околоточные надзиратели вынуждены были покупать револьверы сами. Шашки тоже иногда приходилось покупать самим надзирателям и городским. Ради снижения затрат оружие и за свой, и за бюджетный счет покупалось самое дешевое и поэтому далеко не самое лучшее. Это были старые револьверы смит-вессон, списанные из армейских частей. Шашки зачастую

покупали не стальные, а железные, их совершенно невозможно было использовать, так как они сразу же тупились. Такие бутафорские шашки в разговорах называли «селедками», и фактически полицейские носили их исключительно для соблюдения формы обмундирования.

Проверка, проведенная в марте 1906 года, когда московскую полицию уже перевели на новые штаты и довооружили, показала удручающую картину. Более половины из числа нижних чинов полиции не имели револьверов, у каждого четвертого не было шашки. Из имеющихся револьверов 7,5 % были неисправны. На каждую годную шашку приходилось 3–4 непригодных. Это значит, что из каждых десяти полицейских только четверо имели исправные револьверы, у 1–2 человек были хорошие шашки, еще у 5–6 человек — железные «селедки».

Большое количество неисправных револьверов говорит о недопустимо халатном отношении некоторых полицейских к уходу за оружием. Главная ответственность здесь лежит на начальниках полицейских участков. Приставы и их помощники должны были обучать сбережению оружия своих подчиненных и контролировать их. Основные виды неисправностей, выявленных проверкой, — это «большие раковины от ржавчины», сломанные спусковые скобы, неисправные курки. Халатность некоторых участковых начальников подтверждается тем, что почти все неисправные револьверы находились в одних и тех же полицейских участках. В Городском участке их было 38 штук (а исправны всего 7 штук), во 2-м Якиманском неисправных — 15 штук (28 исправных), во 2-м Басманном — 15 штук (9 исправных), во 2-м Хамовническом — 9 штук, в 1-м Мещанском — 9 штук, в 1-м Мясницком — 7 штук. Зато в 27 полицейских участках неисправных револьверов не было вообще²⁶².

Получается, что в начале декабря 1905 года московская полиция была вооружена значительно слабее отрядов боевиков. Ведь в этих отрядах огнестрельное оружие было у каждого. Там были винтовки, маузеры, бомбы, а у полицейских ничего этого не было. Как писал градоначальник фон Медем: «Из числа 1865 городских вооруженных револьверами была лишь третья часть. <...> Во время беспорядков удалось вооружить до 50 городских конфискованным оружием, еще не зданным на оружейный склад — револьверами

разного типа и калибра»²⁶³. Вооруженных боевиков в Москве насчитывалось почти вдвое больше, чем вооруженных полицейских.

Генерал-губернатор Дубасов вместе с Джунковским и фон Медемом отправился к командующему войсками МВО генералу Малахову. Там произошло совещание, на котором решили усилить охранные меры в городе. Вместо режима «усиленной охраны», уже действовавшего в Москве и Московской губернии, вводился режим «чрезвычайной охраны», предполагавший «принятие исключительных мер для безотлагательного восстановления нарушенного порядка».

Неожиданно для гражданского начальства выяснилось, что твердо полагаться на войска Московского гарнизона, да и всего военного округа, нельзя. Всего месяц назад военное командование обещало в подобной ситуации вывести на московские улицы 72 роты и 9 батарей. Но волнения в Ростовском полку совершенно обескуражили Малахова и других генералов. Теперь они считали, что большинство подчиненных им солдат ненадежно. Недопустимо раздать солдатам оружие и отправить их на улицы. Лучше держать их в казармах под надзором, а оружие — в арсеналах под караулом.

Особенно не доверяли генералы пехотным полкам. Генерал-квартирмейстер штаба округа генерал-майор С. М. Шейдеман доложил, что рассчитывать можно лишь на 37 рот. Причем численность рот он определил в 50 штыков (то есть в 50 бойцов)²⁶⁴. Значит, в среднем каждый из 9 пехотных полков Московского гарнизона мог выставить 200–210 надежных бойцов. Это меньше численности одной роты по штатам военного времени. Перебросить в Москву воинские части из других городов и губерний командование МВО не соглашалось. Видимо, оно считало, что надежных элементов там так же мало и они нужны для охраны порядка в местах своей дислокации. Московский военный округ оказался «колоссом на глиняных ногах». Из имеющихся в распоряжении 37 рот «малочисленного состава» командование предполагало использовать 10 рот для охраны своих казарм, 13 рот для занятия вокзалов и других важнейших объектов и 14 рот «для активных действий». Выходит, для нанесения ударов по боевикам можно было использовать всего 700 бойцов. Это численность полутора батальонов мирного времени и меньше, чем один батальон военного времени.

Подобное положение, по мнению военного командования, было и в артиллерии. Использовать можно было лишь 4 батареи «половинного состава», по 4 орудия в каждой. Только конные части, особенно казахи, казались генералам более надежными.

Узнав, что пехоты в его распоряжении почти нет, генерал-губернатор Дубасов решил просить прислать еще два полка из столицы империи. В тот же день он отправил телеграмму командующему войсками Гвардии и Санкт-Петербургского военного округа великому князю Николаю Николаевичу: «Для подавления движения убедительно прошу немедленной присылке бригады пехоты из Петербурга, без чего признаю положение очень серьезным»²⁶⁵.

Надо сказать, что генералы, как и руководители боевиков из революционных партий, сильно преувеличивали готовность солдат Московского гарнизона к антиправительственным выступлениям. Солдаты не хотели «воевать с народом», саботировали приказы командиров, но после волнений в Ростовском полку не было больше ни вооруженного сопротивления, ни даже открытого неповиновения начальству.

Странно, что на этом совещании армейских и «эмвэдэшных» генералов никому в голову не пришла очень простая мысль. В городе находилось много надежных, но безоружных полицейских. А также целые полки ненадежных солдат, винтовки которых заперты в арсеналах. Почему же не было принято решение о немедленном вооружении винтовками полицейских? Это сразу бы удвоило силы правоохранителей.

Правда, у градоначальника имелся еще один козырь. Можно сказать, даже козырной туз. Это был Московский жандармский дивизион — воинская часть, полностью укомплектованная, отлично обученная, абсолютно надежная, незатронутая революционной пропагандой. Четыре сотни бойцов, вооруженных трехлинейными винтовками Мосина, наганами и пашками, подготовленных к ведению боевых действий в городе. В отличие от армейских полков, командиры МЖД могли вывести в бой не одного солдата из двадцати, а каждого бойца. Для охраны казарм в дивизионе часто оставляли нестроевую и обозную команды. А все строевые чины участвовали в борьбе с экстремистами.

Осенью 1905 года МЖД активно привлекался для подавления массовых беспорядков и погромов. В этой борьбе уже погиб один и были ранены несколько

Демонстранты на баррикадах в Тишинском переулке. 1905

военнослужащих дивизиона. Солдаты старшего призыва, отслужившие установленные сроки, не стали увольняться в запас до тех пор, пока новобранцы 1905 года не окончат курс первоначального военного обучения. В результате численность МЖД оказалась несколько больше штатной. Но начальство было этому радо. Казна взяла на себя содержание сверхкомплектных солдат, освободив от этого городской бюджет. Позже решено было еще усилить дивизион. В 1906 году расформировали Шлиссельбургскую жандармскую команду, а всех ее нижних чинов отправили дослуживать оставшиеся сроки в МЖД²⁶⁶.

В соответствии с Положением о чрезвычайной охране полиция начала массовые административные аресты «лиц, злоумышляющих против общественного порядка и безопасности». Как сообщает Джунковский, «арестован был весь состав рабочих депутатов, но его тотчас заменил другой состав. Были арестованы также члены Бюро Железнодорожного союза». А большевик Коган вспоминает, что схватили не всех депутатов. Но революционное движение

в Москве все-таки было обезглавлено. Из 8 членов Федерального совета в руки правоохранителей попали 6 человек. Двум эсерам удалось скрыться. Среди попавшихся был несостоявшийся «московский диктатор» Шанцер (Марат). Арестованных отправили в тюрьму. После восстания их выслали за границу. Шанцер скончался там в 1911 году²⁶⁷.

В результате этих арестов централизованное руководство стачкой и боевыми дружинами было утрачено. Районные штабы и командиры отдельных дружин теперь действовали самостоятельно, не имея почти никаких сведений о деятельности других отрядов.

Первые столкновения

8 декабря число бастующих достигло 100 тысяч человек. Как пишет Джунковский: «Одна биржа устояла и не примкнула к забастовке». Но надо иметь в виду и все ранее перечисленные исключения. Особенно Николаевскую железную дорогу. По ней правительство могло перебросить в Москву войска для подавления волнений, поэтому забастовщикам было важно остановить движение по ней, а властям — не допустить этого. Генерал-губернатор Дубасов отправил телеграмму военному министру с просьбой командировать в Москву железнодорожную воинскую часть. Военные железнодорожники должны были обеспечить бесперебойную работу этой транспортной артерии даже в случае забастовки рабочих на ней.

В тот же день пришел ответ на его вчерашнюю телеграмму, посланную командующему войсками Гвардии и Санкт-Петербургского округа. Начальник штаба округа генерал-лейтенант А. В. Брилевич от имени великого князя Николая Николаевича сообщил: «Петербурге свободных войск для посылки Москву нет»²⁶⁸. В столице империи опасались, что беспорядки могут начаться и там. Помогать Первопрестольной ни штаб войск Гвардии, ни Военное министерство не собирались. Нужно было полагаться только на собственные силы.

Джунковский описывает ситуацию следующим образом. «Начатая забастовка очень скоро утратила мирный характер <...> Произошли первые столкновения забастовщиков с войсками и полицией <...> Демонстранты уже начали кое-где прибегать к насилиям и пускать в ход оружие. В некоторых

частях города были попытки устроить манифестации, полиция и драгуны рассеивали манифестантов. Были случаи самосудов с той и другой стороны».

В этот день революционеры попытались восстановить централизованное руководство стачкой и восстанием. Для этого в саду театра «Аквариум» начался многочисленный митинг. По сведениям Джунковского там собралось более 10 тысяч забастовщиков. В собрании участвовали руководители местных организаций подпольных партий и боевики. Для их арестов к «Аквариуму» были посланы отряды пехоты, казаков, драгунов и полиции. Руководить объединенными силами правоохранителей поручили полковнику П. Н. Симанскому, командиру 2-го гренадерского Ростовского полка.

Участники митинга успели принять постановление арестовать генерал-губернатора. Но тут им сообщили, что сад окружен. Все бросились к выходу. Тут их задерживали и обыскивали солдаты, отбирая оружие. Полицейские арестовывали наиболее опасных революционеров. Операция была организована крайне плохо. Правоохранители разных «родов оружия» слабо взаимодействовали между собой. Полное окружение не было обеспечено. Это был уже второй «прокол» Симанского после восстания в его полку. С одной из сторон сад отделялся стеной от тихого переуллка. Охранение там не было выставлено. Революционеры быстро установили это, хотя и не сразу поверили, что это не засада, а халатность их противников. Перебравшись через стену, место митинга покинули присутствовавшие там руководители и боевики. Одна из дружин засела в ближайшем доме, приготовившись к отражению неминуемого, по мнению боевиков, нападения войск и полиции. Но их просто никто не заметил. Просидев в доме до следующего утра, они беспрепятственно ушли.

Джунковский пишет: «Арестовано было не более 100 человек. <...> Наутро в саду “Аквариум” было найдено несколько сот револьверов, кинжалов и ножей, брошенных участниками митинга. <...> Это столкновение обошлось без всяких жертв». Революционеры в своих воспоминаниях говорят, что многие рабочие были безжалостно избиты солдатами. Раз избили не всех, значит, досталось тем, кто сопротивлялся. Это не удивительно. В одном месте оказалось большое количество вооруженных и возбужденных людей. Они представляли две враждующих стороны и взаимно опасались друг друга. Страх всегда рождает агрессивность. Агрессивность — дочь страха. Обращает на себя вни-

мание, что многие рабочие в то время носили с собой оружие. И это были не боевики, те свое оружие не бросили. Но пока обходилось без его применения.

На следующий день, 9 декабря, в городе уже шли перестрелки. Вот, что пишут об этом очевидцы тех событий.

«Наблюдатель» Ржанов: «В городе началось волнение и слышалась у Тверских ворот стрельба <...> Магазины стали закрываться, но некоторые торговали»²⁶⁹.

Большевик Коган: «Вся Тверская запружена огромной толпой со знаменами. Около 9 часов утра и вечером около 7 перестрелки у Страстного монастыря. На Страстную площадь выдвинуты конная артиллерия и драгуны»²⁷⁰.

Губернатор Джунковский: «В течение всего 9 числа, первого дня восстания, в разных местах города происходили стычки демонстрантов и революционеров с войсками. Местами начались отдельные нападения на городских и одиноких военных. Много демонстрантов было арестовано, среди них курсистки и студенты, некоторые с револьверами. У женщин находили револьверы за чулками. Первые выстрелы со стороны войск. <...> раздались на Страстной площади по толпе, избившей городского и сделавшей несколько выстрелов по проезжавшим драгунам, причем 2 драгуна, раненые, свалились с лошадей».

Основные события развернулись ночью. Они стали детонатором для начала восстания. Это был так называемый штурм дома Фидлера.

По словам Джунковского, вечером полиция получила сведения, что в здании реального училища Фидлера в Лобковском переулке собрались несколько боевых дружин и санитарный отряд революционеров. На рассвете они должны были захватить Николаевский вокзал, Государственный банк и Городскую думу.

К училищу направили войска — три роты 7-го гренадерского Самогитского полка, кавалерию из 3-го драгунского Сумского полка, два орудия конной артиллерии. Туда же прибыли полицейские. Формально командовал операцией полковник В. П. Голосов, командир Самогитского полка. Но реально старшим офицером у дома Фидлера оказался командир 3-го эскадрона Сумского полка ротмистр А. Ф. Рахманинов. Он и руководил действиями войск при штурме.

Подробные описания этих событий оставили московский губернатор полковник В. Ф. Джунковский и участник восстания В. М. Зензинов²⁷¹. Оба назы-

Восставшие на баррикадах на Арбате в декабре 1905 г.

вают точные цифры, касающиеся времени того или иного события, численности участников и пострадавших, количества оружия. Только вот цифры эти у них не совпадают. Не совпадает даже последовательность эпизодов штурма. Не совпадают называемые ими цифры и со скупыми данными официальных документов. Видимо, Джунковского слегка подвела память, а у Зензинова разыгралось воображение. Оба писали свои мемуары через много лет. Но других источников, рассказывающих о подробностях штурма, взять негде.

Зензинов сообщает, что дом окружили в 9 часов вечера. На первом этаже располагался большой вестибюль. Туда сразу же вошли полицейские, жандармы и пехотный офицер. Лестница на второй этаж была завалена опрокинутыми партами. За баррикадой находились вооруженные дружинники.

Вот, что рассказывает Зензинов о переговорах правоохранителей с боевиками. «Офицер предложил забаррикадировавшимся сдаться. Один из начальников дружины <...> спрашивал стоявших за ним, желают ли они сдаться — и каждый раз получал единодушный ответ: “Будем бороться до последней капли крови! Лучше умереть всем вместе!” Особенно горячились дружинники

из Кавказской дружины. Офицер предложил уйти всем женщинам. <...> Но дружинники им это отсоветовали. “Все равно вас на улице растерзают!”

— Вы должны уйти, — говорил офицер двум юным гимназисткам.

— Нет, нам и здесь хорошо, — отвечали они, смеясь.

— Мы вас всех перестреляем, лучше уходите, — шутил офицер.

— Да ведь мы в санитарном отряде — кто же будет раненых перевязывать?

— Ничего, у нас есть свой Красный Крест, — убеждал офицер. Городовые и драгуны смеялись».

Похоже, что никто еще всерьез не хотел ни убивать, ни умирать. Никто не верил в возможность этого. Зензинов пишет: «Думали, что повторится то же самое, что вчера было в “Аквариуме” — в конце концов, всех отпустят».

В 10:30 прибыли орудия. После этого окруженным дали четверть часа на раздумье. «Все встали по местам. Внизу — маузеры и винтовки, выше — браунинги и револьверы. Санитарный отряд расположился в четвертом этаже. Было страшно тихо. Но настроение у всех было приподнятое. Все были возбуждены, но молчали».

Через 10 минут раздался холостой залп из орудий. «В четвертом этаже поднялась страшная суматоха. Две сестры милосердия упали в обморок, некоторым санитарам сделалось дурно — их отпаивали водой».

Затем по окнам были сделаны семь залпов боевыми снарядами. «Окна со звоном вылетали. Все старались укрыться от снарядов — упали на пол, залезли под парты и ползком выбирались в коридор. Многие крестились. Дружинники стали стрелять как попало <...> бросили пять бомб — из них разорвались только три. Одной из них был убит тот самый офицер, который вел переговоры и шутил с курсистками. Трое дружинников были ранены, один убит».

Фидлер пытался убедить дружинников прекратить стрельбу и сдаться. «Дружинники ему ответили: “Иван Иванович, не смущайте публику — уходите, а то мы вас застрелим”. Фидлер вышел на улицу и стал умолять войска не стрелять. Околоточный подошел к нему и со словами “мне от вас нужно справочку маленькую получить” — выстрелил ему в ногу. Фидлер упал, его увезли...»

Здесь Зензинов, вероятно, фантазирует. Оглушенные артиллерийской стрельбой дружинники вряд ли могли из дома слышать, что говорил полицей-

ский, приблизившийся к Фидлеру вплотную. Кстати, Зензинов также утверждает, что боевики подслушали телефонный разговор кого-то из осаждающих с охранным отделением. Было сказано, что, несмотря на переговоры, всех дружинников перерубят. Это тоже фантазия. Как окруженные в доме люди могли подслушать такой разговор? Его что, вели из того же самого дома? Кто мог такое сказать? Старший из кавалеристов Рахманинов? Так Зензинов дальше сам говорит, что тот был против расправы. Да и сообщать такое по телефону никто бы не стал. А безоружного Фидлера проще было арестовать. Чем стрелять ему в ногу.

Далее, по рассказу Зензинова, обстрел возобновился. «Опять загрохотали пушки и затрещали пулеметы. Шрапнель рвалась в комнатах. В доме был ад. Обстрел продолжался до часу ночи». По документам пулеметов там не было. Вряд ли артиллеристы стреляли залпами. Вряд ли по дому стреляли шрапнелью. Если бы пушки активно обстреливали дом в течение трех часов с небольшого расстояния, то от дома и людей в нем мало что осталось бы.

Наконец, боевики послали двух парламентаров с сообщением, что они решили сдаться. Пальба прекратилась. Командир отряда (то есть ротмистр Рахманинов) дал слово, что стрелять больше не будут, а всех сдавшихся отведут в Бутырку. Больше ста человек дружинников, переломав свое оружие ударами о железные перила, вышли из дома к осаждавшим. Около 30 человек из железнодорожной дружины сумели сбежать «через забор».

Зензинов рисует ужасную картину. «Часть сдавшихся была зарублена уланами. Приказ отдал корнет Соколовский, и если бы не остановивший бойню Рахманинов, то едва ли кто-нибудь уцелел. Тем не менее многие фидлеровцы получили увечия, а около 20 человек были зарублены». Надо сказать, что уланы не участвовали в бою за дом Фидлера. В Москве вообще в это время не было никаких уланов. Тогда один уланский полк стоял в Новом Петергофе под Петербургом (лейб-гвардии Уланский Ее Величества), второй — в Варшаве (лейб-гвардии Уланский Его Величества). И это все.

Рассказ об этой зверской расправе над фидлеровцами часто всплывает в воспоминаниях революционеров. Особенно в воспоминаниях тех, кто сам не участвовал в этих событиях. При этом масштабы «кровавой бойни» растут, как снежный ком. Вот, например, отрывок из мемуаров большевика И. Когана:

«Сдались после обещания, что их никто не тронет. Оружие должны были оставить внутри училища. Драгуны атаковали, рубили 10 минут»²⁷². Если бы кавалерийский эскадрон или хотя бы взвод «рубил 10 минут», то он «в капусту» изрубил бы всю толпу обезоруженных дружинников. Эту страшилку революционеры, видимо, передавали «из уст в уста», чтобы разжечь свой боевой пыл. Откуда же она взялась? Можно высказать такую версию. В документах говорится, что двое боевиков из дома Фидлера были убиты при попытке бежать, не сдав оружия²⁷³. Как именно они были убиты, не уточняется. Возможно, их зарубили драгуны. Значит, то, что говорит Зензинов, надо «делить на десять». Это касается всех подробностей из его рассказа.

По данным Джунковского, войска окружили дом Фидлера около 10 часов вечера. Оцепили окружающую местность. В 12 часов ночи подвезли и установили орудия. Тогда из дома вышел директор училища и владелец дома И. И. Фидлер, известный в Москве своими либеральными взглядами. Ему передали требование к боевикам сдать оружие, и был дан один час на размышление.

«За 5 минут до назначенного срока из окон раздались выстрелы, пехота ответила залпом; брошенными из окон бомбами один офицер был убит, другой тяжело ранен. Тогда по дому Фидлера было выпущено из орудий 4 боевых снаряда. Перепуганные участники митинга <...> стали убегать <...> через соседние дворы, куда они спускались по веревочным лестницам. Квартиранты соседнего дома задержали трех из них и передали полиции. Другие выбросили белый платок в знак сдачи. Но как только войска вошли в здание, они были встречены одиночными выстрелами. Тогда из орудий выпущено было еще несколько снарядов. Осажденные сдались <...> оказалось убитыми 5 и ранеными 15 революционеров, среди них и директор Фидлер. Все арестованные, около 120 человек, были отправлены в Бутырскую тюрьму. <...> Это была все больше зеленая молодежь».

В одном из официальных документов указано, что в доме Фидлера арестовано было 113 человек (позже 7 человек из них освободили, так как им было по 15–16 лет), ранены 13 человек, убиты двое. Согласно другому документу, арестованных было 106 человек (уже не считая отпущенных малолеток), убитых — трое (видимо, умер один из раненых), ранено — «около 15 человек»²⁷⁴.

Потери военных: убит один прапорщик и ранены двое нижних чинов. А по сообщению московского генерал-губернатора, среди правоохранителей погиб один офицер и были ранены пять нижних чинов²⁷⁵. Видимо, здесь посчитаны и полицейские, и военные.

Этот погибший прапорщик и стал первой жертвой кровавого Декабрьского вооруженного восстания 1905 года в Москве. Его звали Александр Родионович Цырков. Он не являлся кадровым офицером: в то время чин прапорщика присваивался только офицерам запаса, призванным в войска во время войны. Это люди мирных профессий, имеющие полное среднее или высшее образование и сдавшие экзамен на право получения офицерского звания. Александр Цырков был крестьянским сыном из деревни Архангельской в Тверской губернии. И, видимо, талантливым человеком, раз сумел получить хорошее образование. Вот такие «угнетатели народа» и погибали от рук революционеров. Александра похоронили в Москве на военном кладбище. Но 20 декабря из деревни приехал его отец Родион Андреевич Цырков. Он просил и получил разрешение перевезти тело сына на родину. Еще он подал генерал-губернатору прошение «о вспомоществовании». Джунковский от имени генерал-губернатора переслал прошение Тверскому губернатору²⁷⁶.

Почти все революционеры в своих мемуарах, вспоминая штурм дома Фидлера, пишут: «Они первые начали! У них не выдержали нервы! Они применили оружие и спровоцировали бойню!» Как будто не было уже принято решение о начале восстания. Как будто не были созданы вооруженные дружины. Как будто на многотысячных митингах не призывали насильственно захватить власть в городе.

В ночь на 10 декабря в разных районах города началось строительство баррикад. На Тверской улице произошло еще одно вооруженное столкновение. Джунковский описывает его так. «Боевая дружина, сняв провода электрического трамвая, устроила проволочное ограждение, чтобы казаки и драгунские патрули не могли свободно проезжать. Тут же были устроены баррикады из бочек, сорванных с домов вывесок, телеграфных столбов и т. д. При разгроме этих баррикад ночью было немало раненых. Большинство увезено было дружинниками на извозчиках, одного извозчика, отказавшегося везти раненых, дружинники избили и завладели его лошадью».

Двое неизвестных молодых людей, проезжая на лихаче по Гнездниковскому переулку, бросили две бомбы в здание охранного отделения. Была разрушена часть фасада, погиб околоточный надзиратель, тяжелое ранение получил сторож.

Наступал новый день. Вооруженная борьба разгоралась.

«Веселая кровавая игра»

10 декабря весь город покрылся баррикадами. Один из очевидцев так описывает их: «Трамвайные вагоны, телеграфные столбы, хозяйственный скarb, доски, бревна, дрова, снежные обледенелые горы, залитые водой»²⁷⁷.

Эти сооружения, построенные из всякого хлама, конечно же, не могли защитить от огня винтовок или пулеметов, а тем более — от артиллерии. Укрываться за ними было совершенно бесполезно и опасно. Баррикады предназначались для того, чтобы затруднить перемещение по городу военных патрулей и отрядов. Боевики же укрывались за углами ближайших домов, в квартирах и на чердаках соседних зданий и оттуда стреляли в полицейских и солдат, а потом убегали.

Исполнительный комитет МСРД распространил по Москве прокламации, в которых объявил о начале вооруженного восстания в 6 часов вечера этого дня. Но столкновения революционеров с правоохранительными силами уже шли.

Москвич Ржанов сообщает: «Тоже волнения. На улицах толпы “дружинников” и праздных людей. <...> Слышалась стрельба».

Эсер Зензинов: «Строили баррикады с энтузиазмом, весело. Работали дружно и с восторгом — рабочие, господин в бобровой шубе, барышня, студент, гимназист, мальчик. <...> На короткое время все чувствовали какую-то взаимную близость, чуть ли не братство — и потом все снова расходились по своим делам. <...> Баррикады строил обыватель. Это было так весело! Разрушать и строить! Разрушать и строить! В постройке, казалось, было даже какое-то соревнование — как будто люди старались построить у своих домов баррикады, которые должны были быть лучше соседних. <...> Интересно было поведение публики: несмотря на стрельбу и раненых, толпы народа весь день собираются на тротуарах, на углах и за углами улиц и везде, где было какое-

Баррикада в Оружейном переулке, близ Тверской улицы

либо подобие прикрытия. <...> Все смотрели на происходящее как на какой-то народный праздник. Как будто по всем улицам города летал какой-то веселый, шаловливый, задорный дух бунта. Вот, между прочим, почему в эти и особенно в позднейшие дни пострадали на московских улицах главным образом совершенно случайные люди: выбегавшие на угол посмотреть кухарки и горничные и вообще любопытные. Можно было отметить странную особенность этих дней — даже тогда, когда кровь уже пролилась — это какое-то детское задорное веселье, разлитое в воздухе: казалось, население ведет с властями какую-то веселую кровавую игру»²⁷⁸.

Как часто в разных странах, в разные времена веселые инфантильные люди затевали и затевают кровавые игры. Удобно делать это на каком-нибудь Майдане, на Манежной или Болотной площади. А в результате всегда страдают и гибнут мирные люди, в том числе старики, женщины, дети. И уже не веселые, а объятые страхом и ненавистью инфантилы обвиняют в этом почему-то не себя, а окружающих.

К боевым дружинам присоединились еще около 4 тысяч человек, в основном из числа рабочих-забастовщиков. Но они были плохо вооружены. Чтобы добыть оружие, боевики разоружали одиночных военных и полицейских, при этом иногда избивая или даже убивая их. Захватывали оружейные магазины и полицейские участки. Мы уже знаем, что оружия там находилось очень мало. На хорошо охраняемые военные арсеналы дружинники нападать опасались. Поэтому в достатке у них было только самодельное холодное оружие и бомбы. Видимо, этими пиками и кинжалами собирались вооружать те десятки тысяч рабочих, на которых рассчитывали руководители восстания.

Теперь в Москве 3,5 тысячам полицейских и жандармов противостояли 6 тысяч повстанцев. При этом большая часть полицейских не имела огнестрельного и даже холодного оружия, не считая бесполезных железных «селедок». Можно ли рассчитывать на солдат Московского гарнизона, местные начальники не понимали. В помощи извне, от центральной власти, им было отказано. Как говорится, «положение хуже губернаторского».

Настроение у дружинников было приподнятое. Командир дружины Московско-Казанской железной дороги А. И. Горчилин (Гренадер) вспоминал: «Народ прибывал на помощь дружине. Когда мы переходили из дома в дом, на лестницах встречали нас рабочие, хозяева квартир верхних этажей. Советовали, как лучше пройти на чердак и на крышу, показывали дорогу, провожали, шли на активную помощь — строить баррикады. Сеть переулков и улиц, занятых нами и забаррикадированных, увеличивалась. <...> Резали, быстро пилили ближайший от угла телеграфный столб, срезанный, он висел на проволоке — рвали проволоку с него, спешили, тащили его на другую сторону улицы. Случалось, драгуны, не видя проволоки поперек улицы, с разбегу насккивали на нее, путались. Этого только и надо было спрятавшейся дружине. Убитые и раненые солдаты обычно уносились своими»²⁷⁹.

В описании Гренадера первые боевые действия дружины выглядят, как игра «в войнушку». «Скоро стало известно, что на Краснопрудной едет по направлению к вокзалу отряд казаков. Выбежали на линию через пути в мозжухинскую калитку, расположились беспорядочно в переулке. Казаки на другом конце переулка остановились. Я и бывшие со мной дружинники сразу с колена открыли стрельбу из маузеров по казакам. Казаки смешались, повернули лоша-

дей и скрылись за углом переулка. Рабочие закричали “Ура-а-а!” Многие побежали вперед, к Краснопрудной. Сейчас же там, припадая к земле, на ходу стреляя и с колена и лежа, появилась цепь уже пеших казаков. И рабочие, и дружинники жались к домам, скрываясь в ворота, двери и за углы домов. Пули свистели по переулку, щелкали о мостовую». Весело и захватывает дух. Если не думать о крови и смерти, своей и чужой.

Вскоре стало хуже и страшнее. В дело пошло тяжелое вооружение. Большевик Коган вспоминает: «Первый пушечный выстрел в 2 ½ часа дня от Страстной площади по Тверской к Триумфальным воротам. Картечью по толпе на Тверской. Из пулемета с колокольни Страстного монастыря»²⁸⁰.

Джунковский сообщает следующее. «Число баррикад, несмотря на то, что некоторые из них разбирались чинами полиции, войсками и пожарными, все возрастало и возрастало. <...> На Страстной площади стояли орудия и пулеметы, из этих орудий разбивали баррикады. <...> Так как из некоторых домов дружинниками производились выстрелы в проходящие войска, то было отдано распоряжение обстреливать эти дома. В 3 ½ часа удалось сбить баррикады у старых Триумфальных ворот, и войска очистили всю Тверскую улицу. <...> К 11 часам все стихло».

Кстати, баррикады разбивали явно не картечью. Тут Коган приврал, чтобы действия властей выглядели более «кровавыми». Мы уже видели, что воспоминаниям революционеров это было свойственно.

В этот день вице-адмирал Дубасов переехал из генерал-губернаторского дома в Кремль. Ночь прошла спокойно. Лишь отсутствие освещения говорило, что город находится в чрезвычайной ситуации.

С утра 11 декабря боевые действия возобновились. Армейские подразделения, находившиеся в распоряжении московского генерал-губернатора для охраны порядка, были сосредоточены в центре города. Их распределили на два отряда²⁸¹. Один из них расположился на Театральной площади. В его состав вошли 7 рот, 3 эскадрона, 3 ½ сотни, 4 пулемета, 8 орудий пешей артиллерии. Командовал им полковник П. Н. Симанский. Второй отряд был размещен около Манежа и включал в себя 6 ½ рот, 4 эскадрона, 4 пулемета, 4 орудия пешей и 4 орудия конной артиллерии. Командовать им должен был генерал-майор С. Е. Дебеш, но в реальности руководил полковник А. А. Зуров, коман-

дир 6-го гренадерского Таврического полка. В Кремле находился резерв в составе 3 рот с 4 пулеметами.

Использовались воинские отряды крайне неэффективно. При получении сообщений от полиции о каких-либо действиях бунтовщиков, командиры отрядов высылали к местам происшествий «экспедиции» из состава своих войск. Кроме того, некоторые армейские подразделения в это время несли охрану и оборону вокзалов и других городских объектов.

Полиция была задействована еще хуже. Большинство обычных полицейских постов были сняты, так как городовые на них подвергались нападениям боевиков, а обеспечить поддержание порядка в одиночку все равно не могли. Важнейшие посты охраняли сразу по несколько полицейских с револьверами в руках, а зачастую — совместно с солдатами, вооруженными винтовками. Невооруженные полицейские предпочитали не показываться на улицах. Начальство рекомендовало им надевать не служебную форму, а гражданскую одежду.

Совершенно бездарно использовали жандармский дивизион — главную ударную силу Московского градоначальства. Вместо того чтобы применить дивизион как кулак для разгрома мятежников, его распылили небольшими группами. Бойцы дивизиона обеспечивали безопасность генерал-губернатора, градоначальника, начальника губернского жандармского управления, доставляли важнейшие сообщения, несли охрану зданий окружного суда, жандармского управления, губернского казначейства, казенных винных складов, главной таможни и ее отделений, мест заключения политических преступников, конвоировали арестантов, сопровождали перевозку денежных сумм, вели конное патрулирование.

Вообще, и в предыдущие, и в последующие дни московские военные и полицейские действовали малоактивно, можно сказать, оборонительно. Они лишь охраняли некоторые объекты да отбивали нападения.

Хорошо еще, что у боевиков было недостаточно оружия и отсутствовало единое руководство. Пока одни дружины вели бои в центральных районах, другие, захватив власть на окраинах, бездействовали.

Было очевидно, что боевики не выдерживают активного боя с войсками. Значит, военным командирам нужно было использовать хотя бы имеющиеся немно-

Восставшие поднимают красный флаг на доме московского генерал-губернатора. Иллюстрация из американского журнала «Life». 1905

гочисленные надежные войска для решительного наступления на революционные дружины. Следовало стремиться окружать и уничтожать дружины боевиков одну за другой.

В Москве находился целый взвод армейских генералов. Похоже, что ни один из них не руководил действиями отрядов войск. Командиры рот, эскадронов, сотен, в редких случаях — более крупных отрядов, действовали самостоятельно и поодиночке. Общее руководство не осуществляли ни командующий войсками округа генерал от инфан-

терии Н. Н. Малахов, ни начальник штаба округа генерал-лейтенант барон Е. А. Рауш фон Траубенберг, ни окружной генерал-квартирмейстер генерал-майор С. М. Шейдеман. Где находились и чем занимались командиры корпусов, дивизий, бригад и их штабы? Даже командиры многих полков Московского гарнизона не приняли никакого участия в подавлении восстания.

Через два дня, 13 декабря, Совет министров на своем заседании признал, что «распространение смуты и малая успешность борьбы с нею в значительной степени зависит от того, что войска действуют недостаточно решительно»²⁸².

Административно-полицейское начальство также не проявило решительности и инициативности. Генерал-губернатор вице-адмирал Ф. В. Дубасов, его фактический заместитель губернатор полковник В. Ф. Джунковский, градоначальник генерал-майор барон Г. П. фон Медем, полицмейстер генерал-майор барон А. Р. Будберг как будто ждали, что кто-то явится в Москву и спасет город

от бунтовщиков. В первые дни восстания их деятельность мало чем отличалась от того, что делалось в мирное время. В своих приказах по полиции они в основном фиксировали происходящие события.

Нужно было немедленно вооружать безоружных полицейских, формировать из них ударные роты и батальоны, придавать им армейскую артиллерию и пулеметы, вести активное наступление на повстанцев. Вместо этого инициативу предоставили боевикам.

Московские генералы и адмирал действовали так же некомпетентно и безуспешно, как их коллеги на полях Русско-японской войны. Потери все росли, бойцы проявляли самоотверженность, а решительных успехов не было. Вышшие командиры сваливали вину друг на друга да просили подкреплений.

Боевики 11 декабря попытались перейти в наступление. В результате произошло два значительных боестолкновения.

В районе улицы Каретный Ряд дружинники организовали засаду, в которую попала группа солдат МЖД, конвоировавшая арестантов. Жандармы оказались в окружении, но дали отпор. На помощь им прибыл другой отряд дивизиона. Не выдержав боя, дружинники разомкнули кольцо окружения. Бойцы МЖД вывели из-под огня и своих товарищей, и арестантов.

Джунковский пишет: «В этот день произошло большое столкновение в Каретном Ряду. Жандармы дивизиона <...> были посланы разобрать баррикады у театра “Эрмитаж”, но их там окружили дружинники, потребовавшие, чтобы они им сдались. Жандармы ответили револьверными выстрелами. Произошло целое сражение, жандармы одержали верх, открыв сильный огонь, жертв было много».

Большевик Коган рассказывает по-другому: «На Каретно-Садовой конные жандармы, расстреливавшие толпу, были обращены с большими потерями в бегство. Здесь действовала дружина союза фармацевтов»²⁸³.

На самом деле победу не одержал никто. Дружинники не освободили арестантов, не уничтожили и не разоружили конвой, потеряли многих людей. Жандармы не разгромили противника и тоже понесли серьезные потери.

Были убиты или умерли от ран младшие рядовые дивизиона Алексей Никулин, Михаил Евсеев, Константин Петров, Алексей Захаров. Ранения получили младший унтер-офицер Дмитрий Балашов, старшие рядовые Федот Бормотов

и Осип Баранчиков, младшие рядовые Федор Мальцев и Павел Терехин. Солдатам было от 20 до 23 лет, все были призваны на службу из деревень Новгородской, Ярославской, Вологодской, Пермской, Рязанской губерний, всех дома ждали семьи.

Другой бой шел у Николаевского вокзала. Боевики попытались захватить его, сосредоточили тут значительные силы и начали атаку с двух сторон. Охрану вокзала возглавлял полковник В. П. Голосов, командир 7-го гренадерского Самогитского полка. Он умело организовал оборону. Дружинники были отбиты с большими для них потерями.

Больше мятежники нигде открыто атаковать войска не решались. Боевая организация Московского комитета большевиков опубликовала в № 5 «Известий Московского Совета рабочих депутатов» инструкцию. Называлась она «Советы восставшим рабочим». Вот некоторые пункты из нее.

«1. Главное правило — не действуйте толпой. Действуйте небольшими отрядами человека в три-четыре, не больше. Пусть только этих отрядов будет возможно больше и пусть каждый из них выучится быстро нападать и быстро исчезать. <...>

2. <...> Не занимайте укрепленных мест. Войско их всегда сумеет взять или просто разрушит артиллерией. Пусть нашими крепостями будут проходные дворы и все места, из которых легко стрелять и легко уйти. <...>

7. Казаков не жалейте. На них много народной крови, они всегдашние враги рабочих. <...>

8. На драгун и патрули делайте нападения и уничтожайте.

9. В борьбе с полицией поступайте так. Всех высших чинов до пристава включительно при всяком удобном случае убивайте. Околоточных обезоруживайте и арестовывайте, тех же, которые известны своей жестокостью и подлостью, тоже убивайте. <...>

10. Дворникам запрещайте запираť ворота. Это очень важно. Следите за ними, и если кто не слушает, то в первый раз побейте, а во второй — убейте. <...>

Мы начнем с окраин, будем захватывать одну часть за другой. В захваченной части мы сейчас же установим свое, выборное управление, введем свои порядки, восьмичасовой рабочий день, подоходный налог и т. д. Мы докажем,

что при нашем управлении общественная жизнь потечет правильнее, жизнь, свобода и права каждого будут ограждаться более чем теперь»²⁸⁴.

Революционеры доказали только то, что их слова — это пустые лозунги и ничем другим быть не могут в принципе. Во время Декабрьского восстания 1905 года в захваченных районах города они не ввели 8-часовой рабочий день, так как предприятия не работали. Не успели они и собрать подоходный налог. Но жизнь людей в этих районах точно не была защищена. А уж когда революционеры придут к власти, то жизнь, свобода и права многих людей окажутся в большой опасности.

А что касается жестокости, то большевистская инструкция говорит сама за себя: «не жалейте, уничтожайте, при всяком удобном случае убивайте, арестовывайте, побейте, а затем убейте». Она значительно более жестокая и подлая, чем инструкции и практические действия тогдашних правоохранителей.

Скорее всего, многие дружинники ничего не знали об этой инструкции. Во время боев им было не до чтения, да и доставить им литературу было непростой задачей. Образ действий боевикам подсказывала практика. Большевик Коган пишет: «Под прикрытием толпы дружинники производили одно за другим нападения на войска. Стрельба повсюду, пушки перевозили с одной площади на другую. Толпа рассеивалась, затем собиралась вновь. Разрушенные баррикады выстраивали вновь»²⁸⁵. Разве не подло использовать для прикрытия толпу мирных жителей, зная, что из-за этого по ней откроют стрельбу и среди зевак будет много жертв?

Губернатор Джунковский подтверждает слова революционера: «Вновь загрохотали орудийные выстрелы, главным образом по баррикадам, с целью их разрушить; трещали ружейные залпы и одиночные выстрелы. Драгуны и казаки, без отдыха находясь в седле, на морозе, конечно, были озлоблены. То и дело раздавалась стрельба по толпе, где бы она ни собиралась, при малейшем подозрении, что среди нее находятся дружинники. Последние же совершали партизанские нападения и разбегались, желая этими вылазками утомить войска. Революционеры распускали слухи, что это все только начало, что генеральный бой будет тогда, когда из Орехова-Зуева прибудет 30 тысяч вооруженных рабочих, а от латышей прибудет артиллерия; они рассчитывали и что войска московского гарнизона в решительную минуту перейдут на сторону

мятежников, но войска <...> остались верны правительству, перенося тяжелые условия с редким самообладанием. <...> Одновременно в разных местах города войска обстреливали ряд домов, из окон которых стреляли по войскам: дом Обидиной на Петровке, меблированные комнаты “Централь” на Дмитровке, трактир “Волна” в Каретном ряду, дом Шугаева, из которого полурота Киевского полка была буквально засыпана пулями, дом Бурыкина...»

Это все происходило в центре города. На окраинах же никаких войск не было. В тех районах, где были сильные дружины боевиков, почти безоружная полиция не смогла оказать им сопротивление. Многие полицейские участки были захвачены мятежниками. Они объявили об установлении в этих районах своей власти.

Наиболее прочные позиции у революционеров были на Пресне, в Миуссах, в районе мастерских Казанской железной дороги. Покрылись баррикадами Рогожский район и Замоскворечье. В Симонове боевики разоружили всех полицейских, и те просто разошлись по домам.

Не только на окраинах, но и кое-где в пределах Садового кольца установилась власть повстанцев. Например, в Кудрине. Живший там Ржанов пишет:

Садово-Кудринская улица: жилой дом и баррикады после обстрела артиллерией. 1905

«Полицейская стража, на которую начались покушения с револьверами, с городских улиц снята. Столица становилась без наружной полицейской охраны <...> с вечера толпами сбродных людей началось <...> разбивание только что зажженных фонарей, спиливание <...> телеграфных столбов и таскивание с бульвара скамей <...> на баррикады <...> Проволокой опутывали баррикады и таскали со дворов, что только можно. <...> Слышны ружейные выстрелы к Тверским воротам, на Садовой. Ворота домов, по приказу “временного” правительства, отворялись на случай бегства “дружинников”...”²⁸⁶

Генерал-губернатор Дубасов отправил телеграмму премьер-министру Витте, копии — военному министру и министру внутренних дел: «Положение становится очень серьезным, кольцо баррикад охватывает город все теснее; войск для противодействия становится явно недостаточно. Совершенно необходимо прислать из Петербурга хоть временно бригаду пехоты»²⁸⁷. Но ответа в этот день не пришло.

Боевики, встретив войска, скрывались во дворах, вели огонь из домов, перебирались из дома в дом, уходили от преследования. Поэтому Дубасов издал для домовладельцев специальное постановление. Вот его содержание:

«Наружные ворота домов следует держать закрытыми, исполнение сего, а равно поддержание порядка во дворах и домах возлагается на домовладельцев или заведующих домами, которые, вместе с тем, обязаны за их ответственностью принимать меры к тому, чтобы из окон, дверей, ворот и с крыш принадлежащих им, или вверенных их управлению домов, не производилось стрельбы, а равно бросания взрывчатых веществ. Виновные в нарушении изложенных постановлений <...> будут подвергаться в административном порядке заключению в тюрьме или крепости на 3 месяца, или аресту на тот же срок, или денежному штрафу до 3 тысяч рублей...”²⁸⁸

Полиция должна была довести это объявление до сведения населения и обеспечить его выполнение. Теперь домовладельцы и дворники должны были подвергнуться репрессиям в любом случае: либо со стороны мятежников, либо со стороны властей.

Еще генерал-губернатор «признал нужным закрыть с сего числа действие Московской телефонной сети для всех частных абонентов»²⁸⁹. Был составлен список абонентов, не подлежащих отключению, в который вошли только воен-

ные части и учреждения, органы и должностные лица государственной власти, иностранные консулы в Москве. Делалось это для того, чтобы лишить революционеров возможности с помощью телефонной связи быстро получать информацию о передвижениях войск и координировать свои действия. Любой телефон, даже у благонамеренных граждан, мог использоваться боевиками под угрозой насилия.

В 11 часов вечера подавляющее большинство номеров телефонной сети в Москве было отключено. В следующие дни канцелярия генерал-губернатора будет завалена прошениями разных лиц и организаций включить их телефоны в порядке исключения. Оказалось, что для кого-то идет война, а у кого-то — бизнес. Например, управляющий Московским отделением Санкт-Петербургского телеграфного агентства писал: «Прекращение телефонного сообщения в Москве лишило возможности <...> Агентство обслуживать биржу и прочие учреждения по сообщению курсовых котировок, а также сносятся с Петербургской биржей и Правлением Агентства»²⁹⁰. И генерал-губернатор вынужден был пойти на уступки некоторым просителям.

Боевики на отключение от связи ответили активизацией «телефонной войны». Они валили оставшиеся телефонные и телеграфные столбы, ломали и сжигали телефонные шкафы. Им удалось вывести из строя значительную часть сети связи.

К 12 часам ночи 11 декабря стрельба в городе стихла. Прошел еще один кровавый день. Но полного успокоения не наступило. Как пишет Джунковский, «ночью были нападения на участки Бутырский, второй Рогожский и Хамовнический».

Жизнь на линии фронта

Утром 12 декабря в Москве было сравнительно спокойно. Джунковский отмечает: «В центре царил тишина. <...> Относительное спокойствие в центре позволило торговцам на некоторое время открыть свои магазины и лавки». Воспользовавшись этой тишиной, мирные жители начали выходить из домов, и Ржанов сообщает: «Утром ходьба по тротуарам свободна, но езды по улицам нет от баррикад. На них смотреть многие ходят и дивятся, что творится в Москве»²⁹¹.

В городе оказалось множество раненых и убитых, в том числе лежавших на улицах. Нужно было убрать мертвых и помочь живым. Джунковский: «Весь день по городу сновали кареты, полицейские и больничные, собиравшие раненых и трупы, больницы все переполнились».

Генерал-губернатор Дубасов вдруг очнулся и разразился целой серией постановлений и указаний для своих подчиненных — градоначальника, бренд-майора, участковых приставов и т. д. Началась хоть какая-то активность.

Самым важным было предписание, направленное градоначальнику²⁹². Во-первых, Дубасов наконец-то велел вооружить полицейских винтовками (он пишет — «ружьями») и «надлежащим количеством» патронов. Получать оружие следовало из армейских артиллерийских складов и из арсенала в Кремле. Полицейским выдавали винтовки Бердана, которые когда-то состояли на вооружении в армии, но к тому времени уже давно были заменены «трехлинейками» Мосина. Получение винтовок растянулось, по крайней мере, до 15–16 декабря²⁹³.

Во-вторых, было предписано набрать в полицию дополнительно тысячу городских. На это было получено согласие министра внутренних дел. Набрать такое количество новых людей, надежных и годных к службе в полиции, да еще в короткий срок и в мирное время было весьма непросто. А в той ситуации, что сложилась в Москве, это стало невозможно. Понимая это, Дубасов распорядился «воспользоваться главным образом личным составом ночных сторожей, которые в большинстве представляют собою людей вполне подготовленных к исполнению обязанностей городских».

Градоначальник Медем переводил в городские не только согласившихся на это сторожей, но и пожарных и полицейских служителей. Принимал на службу и желающих из числа «обывателей». Но к 15 декабря набрал лишь 480 человек²⁹⁴. Полностью новые вакансии заполнили уже после подавления восстания. Среди поспешно принятых новобранцев оказалось много совершенно не пригодных для полицейской службы людей. В ближайшие год-два их пришлось массами увольнять со службы.

В-третьих, генерал-губернатор приказал «в виду убыли состава ночных сторожей» довести их численность «до существующего ныне количества и при возможности, даже увеличить таковой на 2000 человек». Но это приказание

так и осталось невыполненным. Такого количества желающих занять подобные должности просто не было.

По городу расклеили объявление генерал-губернатора о новых охранительных мерах²⁹⁵. Там говорилось, что после 6 часов вечера все находящиеся на улицах люди будут подвергаться обыску, а в случае обнаружения оружия при отсутствии разрешения на его ношение — задерживаться.

Далее говорилось, что «не только собирающиеся на улицах толпы, но и незначительные кучки, всегда являются прикрытием для мятежников, стреляющих в полицию и войска». Поэтому против всякой образовавшейся на улице группы людей более трех человек полиции и войскам предписывалось использовать оружие.

Еще сообщалось, что мятежники сформировали санитарные отряды для помощи своим раненым. Отряды эти маскировались под организации Красного Креста, носили соответствующие отличительные повязки и флаги, но не имели официальных удостоверений. Такие отряды подлежали задержанию и «законному преследованию», а если они будут «действовать оружием», то предписывалось их обстреливать. Медицинская помощь раненым мятежникам должна была оказываться «наравне со всеми лицами, нуждающимися в этом, учреждениями, находящимися в ведение законных властей».

За повреждение телеграфных и телефонных столбов злодеям грозило заключение в арестантские отделения или каторжные работы, а «в некоторых-же важнейших случаях» — смертная казнь. При невозможности задерживать таких преступников полицейские и военные должны были «прекращать всякие покушения на телеграф выстрелами».

Другим генерал-губернаторским постановлением в Москве вводился комендантский час²⁹⁶. С 9 часов вечера до 7 часов утра запрещалось выходить на улицу всем, кроме должностных лиц, исполняющих свои служебные обязанности. Чтобы избежать обстрела бунтовщиками военных и полицейских патрулей, запрещалось после наступления темноты открывать форточки или окна, обращенные на улицы. Стекла таких окон должны были завешиваться.

Все эти меры были абсолютно правильными. Только вводить их надо было в первый день восстания. А вооружить полицейских следовало еще раньше, до

его начала. Ведь все административно-полицейское начальство знало, что полиция почти безоружна. А опыт октябрьских и ноябрьских событий показывал, что это мешает ей действовать достаточно эффективно при возникновении массовых беспорядков. О чем же начальники думали?

Теперь силы правоохранителей начали увеличиваться. К тому же из Петербурга пришло первое известие о предоставлении помощи московским властям. Начальник Главного управления Генштаба генерал-лейтенант Ф. Ф. Палицын телеграммой сообщил: «Сделано распоряжение повернуть Москву три роты 3-го железнодорожного батальона возвращающегося Дальнего Востока...»²⁹⁷ Это означало, что транспортное сообщение со столицей империи не будет прервано.

Еще в предшествующие дни в полицейские участки стали собираться «благонамеренные обыватели», которые предлагали свою помощь. Эти люди хотели защитить от мятежа свои семьи, свои дома, свой город, свою страну. Генерал-губернатор велел формировать из них при полицейских участках «добровольные дружины» или «милицию»²⁹⁸. Приставам предписывалось составлять списки милиционеров, проверять их благонадежность, назначать из их числа командиров. Добровольные дружины должны были действовать под руководством чинов полиции и ни в коем случае не самостоятельно.

Первоначально предполагалось использовать их только для разборки баррикад и не давать милиционерам оружия. Но вскоре ситуация подтолкнула к тому, что Дубасов разрешил «снабдить всех участников дружин револьверами или резиновыми палками для самообороны и для оказания помощи чинам полиции», а также выдать свидетельства на право ношения этого оружия²⁹⁹.

Были предложения для усиления милиции включить в ее состав отряды черносотенцев. Джунковский указывает, что об этом велись переговоры с Союзом русских людей. Лидеры черносотенцев надеялись получить в свое распоряжение легальные вооруженные формирования. Но они отказались поставить свои отряды под контроль офицеров полиции. Черносотенцы хотели не защищать законность и порядок, а безнаказанно творить бесчинства и насилия. Переговоры сорвались. По словам Джунковского, из черносотенцев в милицию вступило лишь «очень небольшое количество добровольцев». Не хотели

эти «патриоты» служить родине. Впрочем, так поступают все насильники, громко заявляющие о своем патриотизме.

С полудня 12 декабря артиллерийская и ружейная стрельба в городе возобновилась. Войска попытались продвинуться от центра к окраинам, но натолкнулись на сопротивление боевых дружин.

В Лефортовской части на фабрике Гужона разъезд из кавалеристов 2-го драгунского Санкт-Петербургского полка попал в засаду. На помощь патрульным старался пробиться эскадрон этого полка, но не смог преодолеть баррикады из вагонов. Боевиков заставила отступить подошедшая рота Самогитского полка³⁰⁰.

На Пресне полусотня казаков с одним артиллерийским орудием оказалась окруженной дружинниками. Посланная на помощь рота была остановлена частым огнем боевиков. Чтобы выручить казаков пришлось направить отряд в составе 2 рот, 1 эскадрона и 2 орудий. Пушечным огнем расчистили путь для выхода полусотни из революционного района³⁰¹.

Восставшие на баррикаде на Долгоруковской улице в 1905 г.

В ходе этого боя дружинникам удалось захватить артиллерийское орудие, которое казаки вывозили с Пресни. Но боевики не смогли ни использовать его против врагов, ни увезти с собой, ни даже привести его в негодность. Подоспевшие солдаты отбили пушку. Это в очередной раз показывает слабую боевую подготовку повстанцев.

На Пятницкой улице революционеры засели в типографии Сытина и отбивали все атаки правоохранителей. Джунковский говорит: «Осада кончилась пожаром, истребившим всю типографию».

Боевая дружина мастерских Московско-Казанской железной дороги получила пополнение людьми со станций этой дороги, из Перовских мастерских и с Люберецкого вагоноремонтного завода. Численность дружинников достигала двухсот человек, но у них было мало оружия — около 60 револьверов и 10 ружей³⁰².

Один из руководителей дружины эсер Ухтомский сформировал специальный поезд. По утрам он с машинистом Акулининым привозил боевиков в Москву. А по вечерам вывозил их на ближайшие станции, чтобы они могли спокойно отдохнуть.

Накануне, 11 декабря, революционеры остановили на станции Перово поезд с ранеными и больными военными, возвращавшимися с Дальнего Востока, и провели для них митинг. У солдат оказалось 30 винтовок с патронами, которые они передали дружинникам. У офицеров были отобраны револьверы. С винтовками боеспособность дружины повысилась.

Вместе с другими дружинами железнодорожники попытались вновь захватить Николаевский вокзал. Один из отрядов боевиков занял здание лавки вблизи вокзала и оттуда обстреливал солдат. Но артиллерийским огнем лавка была разрушена. Понеся большие потери убитыми и ранеными, боевики опять отступили.

Из-за потерь некоторые дружины уже не могли действовать самостоятельно и присоединялись к более многочисленным формированиям. Командир дружины железнодорожников Горчилин (Гренадер) пишет: «После неудачной атаки Николаевского вокзала дружинники постепенно собрались на линии к своему поезду. Со стороны Сокольнического моста по линии шагали к нам вооруженные люди — это были дружинники с фабрик Сокольнического рай-

она. Во главе их был энергичный молодой рабочий Ястребов (я знал его по устройству массовок в лесу в Сокольниках). Со своей дружиной из нескольких десятков человек Ястребов влился в нашу дружину <...> Едва мы разошлись по району и по баррикадам, как снова загрохотали орудия от Николаевского вокзала. Снаряды ложились в центре нашей базы — в мастерских и по линии. Достаточно было дружинникам или местным жителям собраться кучкой, как снаряд падал поблизости. Очевидно, кто-то хорошо указывал, куда стрелять из орудий. С крыш и чердаков высоких домов мы скоро увидели, где сидят наблюдатели, корректирующие стрельбу из пушек, — это была каланча Николаевского вокзала»³⁰³.

Лучшие стрелки дружины с винтовками забрались на чердак вагонных мастерских и оттуда начали охоту за наблюдателями. «Первые же два наблюдателя были сняты с каланчи меткими выстрелами <...> Появились другие, более осторожные. По ним стреляли, долго прицеливаясь. Их постигла та же участь: они падали подстреленные. Часами ждали, караулили новых наблюдателей»³⁰⁴. Жестокость рождала страх, страх рождал жестокость. Кровапролитие вело к новому кровапролитию.

В центре города пожарные команды, полицейские, добровольные дружины и местные жители разбирали баррикады. Весь горючий материал из баррикад сжигали на кострах, чтобы бунтовщики не использовали его для строительства новых заграждений. Домовладельцы и дворники пытались утащить в свои дворы то, что ранее оттуда забрали боевики для строительства баррикад.

После 4 часов дня начинало темнеть. Декабрьские дни самые короткие в году. Освещения в Москве почти не было. Электрическая станция не работала. Большинство газовых фонарей свалили. Те, что остались, никто не зажигал. В некоторых местах поставили прожекторы. Патрули и посты проверяли всех показывающихся на улицах. Проход по Тверской вблизи от дома генерал-губернатора вообще запретили. С наступлением комендантского часа жизнь в городе замирала. Было темно и очень холодно.

Утро 13 декабря выдалось тихим. Перестрелок нигде не было. В этот и в последующие дни происходил массовый уход жителей из города. Рабочие, крестьяне, ямщики толпами покидали Москву. Ржанов вспоминает: «Много шло рабочих с сумками и поклажей за плечами к заставам и, дальше, по дерев-

ням. <...> У бедняков-пешеходов заметна неприязнь к имеющим свои экипажи и лошадей»³⁰⁵.

Джунковский говорит, что те, кто оставался в Москве, «уже несколько привыкли» к военным действиям. Вряд ли это так. Но жители начали постепенно приспосабливаться к фронтовой жизни. Об этом лучше всего рассказывают записи Ржанова. Больше всего он боялся не канонады и перестрелок, а того, что прекратится выпечка и продажа хотя бы черного хлеба, или, что отключат водопровод.

Многие булочные были закрыты, а у работавших выстраивались длинные «хвосты». «Булочная Чуева, на Кудринской площади, заперта, из боязни “дружинников”. Черный хлеб продавался в булочной Емельянова, рядом с Пресненским частным домом. Впускали в булочную по очереди из вереницы покупателей». В один из дней в этой булочной засели мятежники и начали стрелять в войска. «После двух залпов солдат мятежники сдались, а булочная запылала...»

Ржанов, как и другие жители, радуется, когда удастся найти какую-нибудь еду. Он записывает: «В этот день можно было достать провизию. <...> В булочной, на Кудринской площади, появился в продаже белый хлеб, которого не допускали в продажу “сердобольные” к бедноте “дружинники”».

«Старый москвич» сетует на растущую дороговизну, на отсутствие газет, из которых можно получить хоть какую-то информацию о происходящем, на то, что городская инфраструктура плохо функционирует. Он с неодобрением отмечает: «В одной лавке, в Кудрине, продавался хлеб по 5 копеек фунт. <...> Мясо поднялось до 20 копеек и дороже за фунт. <...> У газетчиков нет в продаже Московских газет, кроме Петербургского “Нового Времени”, продающегося по 15 копеек за номер. <...> Конка не ходит — забастовали служащие <...> извозчиков мало. <...> Городские Сберегательные кассы государственного банка закрыты». Вот что, помимо боевых действий, волновало обычных людей. В этом контексте забавно звучит замечание Ржанова, что «браунинги с 17 рублей дошли до 45 рублей за штуку». Его возмущает рост цен на пистолеты в два с половиной раза.

Тут обращают на себя внимание два момента. Во-первых, во время восстания в Москве все еще можно было купить оружие. Лишь 15 декабря замещав-

ший градоначальника генерал-майор Будберг предписал участковым приставам обеспечить сдачу владельцами оружейных магазинов всего оставшегося у них оружия и патронов³⁰⁶. Не поздновато ли? Во-вторых, до начала восстания покупка новейшего пистолета была по средствам любому не бедствующему москвичу.

Большая часть московских домов в то время не была подключена к водопроводу. По трубам вода доходила до водоразборных будок и городских фонтанов. От будок воду доставляли водовозы в бочках, поставленных на колеса. В большие бочки запрягали лошадей, малые — развозили вручную. Подъехав к дому, водовоз звал жильцов, и они покупали нужное им количество ведер воды. Так же развозили и дрова для отопления.

Но во время восстания водовозы и возчики дров предпочитали не показываться на улицах. Ржанов пишет, что с 7 часов утра горожане с ведрами тянулись к водоразборным будкам. Там люди стояли длинной вереницей, переминаясь с ноги на ногу от холода. У будок собирались жители разных возрастов, профессий, социальных слоев, одетые каждый на свой манер. За водой приходили даже дамы в шляпках. Это в декабрьские-то холода!

О тогдашней жизни оппозиционной литературной богемы, «демократической художественной интеллигенции», вспоминал писатель И. А. Бунин. Идейным предводителем этой группы был Максим Горький. В те дни этот «буревестник революции» вовсе не реял «гордо и свободно», а скорее «прятался в утесах», призвав на охрану «горных орлов». Бунин рассказывает: «Тогда чуть не все видные московские и петербургские поэты вдруг оказались страстными революционерами, — при большом, кстати сказать, содействии Горького и его газеты “Борьба”, в которой участвовал сам Ленин. Это было во время первого большевистского восстания, Горький крепко сидел в своей квартире на Воздвиженке, никогда не выходя из нее ни на шаг, день и ночь держал вокруг себя стражу из вооруженных с ног до головы студентов-грузин, всех уверяя, будто на него готовится покушение со стороны правых, но вместе с тем день и ночь принимал у себя огромное количество гостей — приятелей, поклонников, “товарищей” и сотрудников этой “Борьбы”». Среди этих «товарищей» Бунин называет поэтов Валерия Брюсова, «еще летом произносившего монархические речи», и Максимилиана Волошина³⁰⁷.

Про революционеров, членов «всяческих социалистических партий», Бунин говорит: «Сатана Каиновой злобы, кровожадности и самого дикого самоуправства дохнул на Россию именно в те дни, когда были провозглашены братство, равенство и свобода <...> день и ночь живем в оргии смерти. И все во имя “светлого будущего”, которое будто бы должно родиться именно из этого дьявольского мрака. И образовался на земле уже целый легион специалистов, подрядчиков по устройению человеческого благополучия»³⁰⁸.

13 декабря генерал-губернатор Дубасов получил телеграмму от и. д. начальника Главного штаба генерал-майора А. А. Поливанова³⁰⁹: «12 декабря отправлен из Варшавского округа Ладожский пехотный полк, из Петербурга прислать ничего нельзя». После долгих телефонных переговоров с Петербургом, Дубасов позвонил в Царское Село императору. После этого в Москву был отправлен лейб-гвардейский Семеновский полк»³¹⁰.

Один из корпусов Прохоровской Трехгорной мануфактуры, где располагался штаб Декабрьского восстания. Фотография 1905

Во второй половине дня в Москве войска и боевики вновь «вышли на работу». Ржанов пишет: «Артиллерией бомбардировались: Полтавские бани и номера “Ялта”, при чем пострадала и аптека <...> слышны были пушечные выстрелы у Триумфальных ворот: разрушались баррикады по Ермолаевской Садовой, около водочного завода Шустова»³¹¹.

Джунковский сообщает: «К вечеру началась ожесточенная канонада у Прохоровской мануфактуры». С наступлением ночи все «разошлись по домам».

14 декабря войска в Москве провели операцию по деблокированию Бутырской тюрьмы, ранее окруженной революционерами. Дружинники перегородили пути к ней баррикадами и разрушили все линии связи. Но в этом районе располагались казармы Московской конвойной команды. Бойцы команды взяли под охрану тюрьму и больницу. Начальник тюрьмы полковник П. Б. Мецнер организовал оборону. Попытки боевиков атаковать Бутырку были отбиты.

Чтобы связаться с тюрьмой, Джунковский хотел отправить туда кого-нибудь из чиновников, но никто не отважился идти. Даже вице-губернатор сначала согласился, но потом сказался больным. Добровольно вызвался помощник тюремного инспектора коллежский асессор К. В. Козлов. Он прошел через три баррикады. Благодаря его находчивости, боевики пропустили смельчака.

Мецнер сообщил через Козлова, что в тюрьме кончается продовольствие для охраны и арестантов, а также патроны у бойцов. Генерал-губернатор приказал деблокировать тюрьму и отправить туда обоз с едой и боеприпасами под прикрытием двух рот 6-го гренадерского Таврического полка. Баррикады были разбиты артиллерией, и осаду Бутырки сняли.

В центральных районах, по словам Джунковского, «стало значительно спокойнее». Он сообщает: «Открылись лавки, торгующие съестными припасами, на улицах стали появляться любопытные. <...> Отсутствие газет особенно остро дало себя чувствовать, так что когда в этот день появились петербургские газеты, то они раскупались нарасхват, а на Николаевском вокзале произошло даже столкновение между газетчиками. <...> Доставка крестьянами в столицу продуктов и припасов почти остановилась, так как на окраинах нападали оборванцы и отнимали припасы».

На «линии фронта» все было без особых перемен.

Как Пресня стала красной

Район Пресни был главной опорой революционеров. Здесь находились самые многочисленные боевые дружины.

Крупнейшим предприятием тут являлась огромная фабрика Товарищества Прохоровской Трехгорной мануфактуры. В фабричном поселке при ней проживало более 4 тысяч рабочих, не считая членов их семей. Порядок на фабрике поддерживала фабрично-заводская полиция — 1 надзиратель и 6 городских. А в Пресненском районе располагались три полицейских участка и полицейский дом.

Для руководства восстанием на Пресне был создан «боевой комитет» из 5 человек. Большевик З. Я. Литвин (Седой) перечисляет его участников по кличкам: «От МК большевиков — товарищ Леший, от меньшевиков — Захар, от эсеров — Мартынов, поведение которого было столь отвратительно, что его заменили эсеры Ильиным, от районного совета — Дмитриев (эсер), командующий боевыми силами — Седой...» В своих воспоминаниях Седой старается дистанцироваться от остальных членов комитета и называет их «четверкой». Помощником Седого в командовании боевиками стал эсер Медведь (М. И. Соколов). Обращает внимание то, что только Лешего и Медведя Седой называет товарищами. С некоторыми членами комитета «командующий боевыми силами», похоже, вообще не разговаривал.

Чем было так отвратительно поведение эсера В. Я. Зоммерфельда (Мартынова), Литвин не сообщает. Видимо, революционеры и так это знали, а другим Седой этого объяснять не хотел. «Понимающему довольно», остальным — не нужно. Зато известно, что Зоммерфельд руководил постройкой баррикад и делал это успешно. Большевик Коган вспоминает, что на Пресне «не было угла и перекрестка, где не возникло бы баррикады».

Общая численность пресненских боевиков составляла 350–400 человек, но у них было не больше 250 стволов огнестрельного оружия. На Прохоровской фабрике организовали производство бомб, успели изготовить около 400 штук.

Самой большой была эсеровская дружина Прохоровки. Но ее вооружение составляли револьверы «бульдог», довольно слабое оружие. Возможно, эти

револьверы были именно из того «транспорта», что закупил за границей знаменитый террорист-эсер Савинков.

Еще на Пресне находились две не столь многочисленные, но хорошо вооруженные социал-демократические дружины с фабрик Шмита и Мамонтова. Во время восстания к «боевым силам» присоединились еще 700–800 рабочих. Но оружия для них не было. Разоружение местной полиции мало что дало боевикам. Поэтому повстанцев разделили на три смены. Каждая смена поочередно «несла дежурство». Остальные — отдыхали. Оружие при этом переходило от одной смены к другой³¹².

Кровопролитие на Пресне началось 9 декабря. У Горбатого моста боевики напали на городских, убили двоих и ранили троих из них.

11 декабря дружинники без боя заняли 1-й и 3-й полицейские участки и разоружили полицейских. Один участковый пристав убежал. Другой вышел навстречу боевикам. К нему отнеслись уважительно, позволили взять нужные вещи из его квартиры при участке и уйти.

2-й участок находился в том же помещении, где и Пресненский полицейский дом. Штурмовать это здание боевики не решились, так как там располагалась полусотня казаков с одним артиллерийским орудием. Сюда собрались и полицейские 1-го и 3-го участков. Всего тут оказалось около полутора сотен чинов полиции. Но у них было всего семь револьверов. Что делать дальше никто не знал. Как написал в своих воспоминаниях помощник смотрителя полицейского дома губернский секретарь Н. И. Бардин: «Занимаемся, кто, чем захочет — некоторые пьют водку, другие играют в карты. Все переодеты в штатское платье, а наш уважаемый доктор, прицепив себе на руку красный крест, забился в самый темный угол»³¹³.

Казаки собирались навести порядок и двинулись вглубь Пресни, но были встречены сильным огнем, потеряли пять человек ранеными. Пришлось вернуться в полицейский дом. Офицер, командовавший полусотней, приказал развернуть орудие и в отместку обстрелять здание, где, по его мнению, были боевики. Здание это оказалось церковной богадельней, в результате обстрела погибли четыре богаделки.

12 декабря офицер решил покинуть Пресню, пока еще есть возможность. Безоружных полицейских он оставил. При выходе из опасного района полусотня попала в засаду, но ее выручили присланные на подмогу войска.

В Пресненском полицейском доме еще работал телеграф. Полицейские, находящиеся там, отправили градоначальнику телеграмму с просьбой прислать роту солдат. Им ответили, что «имея гарнизон более 150 человек, можно продержаться и без солдат». То, что полицейские почти безоружны, градоначальник и его помощники в расчет не брали. Помощник смотрителя полицейского дома Бардин рассказывает: «По направлению Сущева и Тверской от нас были слышны частые орудийные выстрелы и ружейные залпы. Кто в кого стреляет, нам было неизвестно. Носились слухи, что город во власти революционеров, некоторые полки перешли на их сторону, и теперь идет правильная битва с теми, кто остался верен Правительству»³¹⁴.

По дому со стороны церкви Покрова вели стрельбу из револьверов. Но безрезультатно, так как дальность револьверного выстрела невелика. Во избежание случайных потерь полицейские командиры сняли постовых у дома, велели потушить огни и занавесить окна с внешней стороны здания. Осажденные укрылись в задних комнатах. Они решили поискать какое-нибудь вооружение на складе. «Откопали три мушкета времен Екатерины, и два тесака еще более древних лет». Использовать все это было уже нельзя. Зато обнаружили значительный запас водки. «Воодушевились сильно и решено было крепости <...> не сдавать, а, вместо ружей, употребить для защиты трехполенные дрова».

Бардин замечает, что храбрость осажденных полицейских «осталась на деле недоказанной», так как боевики не предприняли штурм Пресненского полицейского дома. «Революционеры, решив вероятно, что мы не желаем вступать с ними в борьбу, перестали на нас обращать свое внимание, так как молчание наше на их выстрелы было очень загадочно для незнающих с какими средствами мы сидим в части».

Тем временем вся Пресня оказалась в руках мятежников. Боевой комитет учредил органы временной революционной власти. Комендатура должна была поддерживать порядок, пресекать пьянство, воровство и грабежи и арестовывать «подозрительных для революции лиц». Продовольственный комитет заведовал фабричной столовой и снабжал питанием дружинников. Финансовый комитет распределял денежные средства и оказывал помощь забастовщикам³¹⁵.

За три века до этого, в Смутное время, Москва уже переживала подобную ситуацию двоевластия. Тогда в Кремле сидел царь Василий Шуйский,

а в Тушине — царь Дмитрий (он же — Лжедмитрий II). У каждого были свои войска, своя Боярская дума, свой патриарх. Обе власти смертельно ненавидели друг друга. А больше всего страдали от этой ненависти мирные жители.

Седой требовал активных наступательных действий, считая, что нельзя останавливаться на границах Пресненского района. «Четверка» проявляла осторожность, ставила задачу охранять революционную власть на Пресне и не идти никуда дальше. Пока в городе шли бои между мятежниками и правительственными силами, «Пресненская республика» фактически находилась почти в мирном состоянии.

Людям, находящимся в Пресненском полицейском доме, наконец-то пришло указание от начальства получить винтовки и патроны. Ночью некоторые из них выехали на пожарных повозках, съездили за оружием и благополучно вернулись. Их никто не остановил. Оказалось, что осада с дома снята, а в Москве соблюдается «ночное перемирие».

Днем на Пресне сохранялась полная тишина, только со стороны Тверской слышалась стрельба. Полицейские выходили из дома, чтобы раздобыть еду. После получения оружия у них царил большой душевный подъем. Бардин рассказывает: «Ружья привезены и сейчас же розданы на руки, патронов выдали без счета, и нельзя представить той радости, которой был охвачен наш гарнизон. Никогда и ни в какие торжественные дни мне не приходилось наблюдать такого подъема духа и все только потому, что людям была дана возможность защищаться и если надо — умереть с оружием в руках. <...> Ранним утром открыли стрельбу по баррикадам и, видя, что результат получается неважным, хотели перейти в наступление, не зная сил противника, но благоразумие одержало верх, и наступление отменили»³¹⁶.

Если бы в самом начале восстания полицейские всех частей города были объединены в такие отряды, вооружены винтовками, подкреплены артиллерией и пулеметами и имели четкое централизованное руководство, то мятеж уже был бы подавлен. А так обе стороны осторожничали, выжидали, придерживались в основном оборонительной тактики. «Не смеют, что ли, командиры чужие изорвать мундиры...»

Что же в это время делала революционная власть на Пресне? Известно что. Чем занимаются революционеры, чтобы получить власть? Убийствами пред-

ставителей действующей власти. Чем занимаются революционеры, получив власть? Убийствами противников своей власти.

И до, и после революции ее приверженцы очень много и страстно говорили о жестокости «кровавой царской власти». Они жестко осуждали военно-окружные суды, называя их бесчеловечными. Но, едва получив власть на несколько дней в одном городском районе, революционеры тут же ввели там «скорострельный» суд — революционный трибунал. По словам Седого, «четверка» приговорила к смерти живших на Пресне начальника Московской сыскальной полиции А. И. Войлошникова и околоточного надзирателя В. А. Сахарова. Революционный трибунал «переплюнул» по бесчеловечности военно-окружные суды. Никакие судебные процедуры в нем, конечно же, не соблюдались. Не было адвокатской защиты, предварительного следствия, гласности, возможности обжаловать приговор. Подсудимых даже не доставляли на заседания трибунала, не заслушивали, не ставили в известность о судебном процессе. Им только сообщали об уже вынесенном приговоре и тут же убивали. Так что не революционерам можно было упрекать за жестокость императорскую власть.

Казни полицейских взял на себя 24-летний эсер Владимир Мазурин (Володя). Это добровольный революционный палач являлся выходцем из купеческой семьи и бывшим студентом Московского университета. В 1904 году его арестовали за революционную деятельность и приговорили к семи годам заключения. А в октябре 1905 года выпустили по амнистии. Во время восстания, собрав группу соратников из таких же «пламенных революционеров», он занялся приведением в исполнение приговоров трибунала в Пресненском районе.

Именно там, на Пресне, проживал с семьей Войлошников. С начала восстания он не выходил из дома, чтобы сохранить безопасность для себя и своей семьи. Но МСП не прекращала работу. Время от времени ее сотрудники, рискуя собой, приходили к начальнику по делам службы. Вот и 14 декабря писец МСП Овлаховский побывал у Войлошникова, чтобы тот подписал неотложные бумаги.

Вечером того же дня, примерно в 8 часов, дом окружили около 50 боевиков. Затем в дверь с парадной лестницы начали настойчиво звонить. Служанка, не

открывая двери, сказала, что хозяина нет дома. На это звонившие заявили, что он точно находится дома, так как его видели в окне. Женщина побежала к двери с черной лестницы. Она хотела выбраться из дома и поднять тревогу. Но и на черной лестнице находились вооруженные люди. Звонки продолжались. Александр Иванович сам отворил дверь. В квартиру зашли трое дружинников. Один был в студенческой форме, двое — в гражданской одежде. Все трое держали оружие: двое имели револьверы, третий — ружье. Они объявили, что Войлошников должен пойти с ними. Начальник МСП сказал, что, если они собрались убить его, то пусть сделают это в квартире. Но пришедшие ответили, что судьба Войлошникова пока не решена. Просьбы и слезы Ольги Павловны и детей не тронули боевиков. Александр Иванович простился с семьей, и дружинники, забрав его с собой, ушли. В 11 часов ночи вновь пришли трое вооруженных боевиков: двое прежних и один новый. Они сказали жене Войлошникова, что он жив и его будущее зависит от него самого. Затем они обшарили дом, забрав все бумаги из письменного стола, 4 тысячи рублей и два фотоаппарата.

Последствия восстания на Пресне

Утром 15 декабря служанка, выйдя из дома и пройдя по переулку, недалеко обнаружила тело убитого Александра Ивановича. Боевики застрелили его сразу же после того, как увели из дома. При уходе он имел при себе золотые часы и серебряный портсигар (те самые, полученные за отличную службу), а также некоторую сумму денег. Ничего из этого на теле обнаружено не было. Видимо, обобрав труп, дружинники через некоторое время решили ограбить еще и вдову с детьми.

Революционеры на Пресне осуществляли и бессудные убийства. Был задушен начальник пожарной охраны Прохоровской мануфактуры Юшин, расстреляны околоточный надзиратель Яковинский и несколько городских.

Разгром боевиков

15 декабря из Петербурга в Москву по Николаевской железной дороге добрался отряд гвардейских войск, направленный на подавление восстания. Он состоял из лейб-гвардии Семеновского полка (16 рот), батареи конной артиллерии и полуэскадрона лейб-гвардии Конногренадерского полка для охранения орудий. Начальствовал отрядом командир лейб-гвардии Семеновского полка флигель-адъютант полковник Мин.

На следующий день из Митавы прибыли восемь рот 16-го пехотного Ладожского полка во главе с командиром полковником П. И. Мельниковым.

Мин с ходу начал операции по разгрому боевых дружин и уничтожению их опорных пунктов. Семеновцы штурмом взяли Казанский вокзал, занятый ранее боевиками. Разгромленные железнодорожные дружины отступили из города по Казанской железной дороге.

Студенческие дружины превратили в оборонительный рубеж Малую Бронную улицу. Они заняли угловые дома на пересечении Садовой, Малой Бронной и Владимиро-Долгоруковской и вели оттуда огонь. А всю Малую Бронную перекрыли баррикадами. 16 декабря семеновцы и ладожцы начали наступление на этот район. Артиллерия расчищала путь и расстреливала огневые позиции боевиков. Пехота занимала и «зачищала» территорию. Вскоре сопротивление революционеров и здесь было подавлено.

Отряд Мина двинулся в Миуссы. Баррикады были расстреляны из пушек. Мятежники укрылись в Миусском трамвайном парке, превращенном ими

в свою крепость. Перед входом в него боевики поставили трамвайный вагон, который снаружи и внутри обложили толстыми стальными плитами. Этот передовой «форт» перекрывал огнем основные подходы к парку. Еще в нескольких местах устроили укрепленные огневые точки поменьше. Дружина Миусского парка была небольшой по численности (48 человек), но наиболее хорошо организованной, подготовленной и вооруженной винтовками. К ней присоединилась дружина с фабрики Габай (35 человек, вооруженных наганами) и еще несколько добровольцев. Общая численность отряда составила 90 человек³¹⁷.

Соседние дома мешали правоохранителям подкатить орудия на позиции, удобные для прямого выстрела по парку. Стрелять с Миусской площади они опасались, чтобы не разрушить окружающие здания. Перестрелка с боевиками не давала существенных результатов. «Трамвайный форт» выдерживал даже пулеметный обстрел. Штурмовать же укрепления под винтовочным огнем, означало неминуемо понести большие потери.

Чтобы не задерживаться, Мин приказал накрыть артиллерийским огнем парк вместе со всеми прилегающими строениями. Стойкость дружинников была сломлена разрывами пушечных снарядов. «Миусская крепость» пала.

В эти дни другие силы правоохранителей очищали от боевиков остальные районы города. Серьезное сопротивление они встретили лишь в двух местах. У Никольских ворот польская дружина долго отстреливалась от казаков, но была разбита. В Замоскворечье рабочие упорно прикрывали огнем баррикады на Шаболовке. 16 числа и эти районы перешли в руки правительственных сил.

Только на Пресне было тихо. Никаких боестолкновений там не происходило, а власть находилась в руках революционеров. Седой нервничал, снова требовал активных наступательных действий, но «четверка» была против. По словам «командующего боевыми силами», она «как бы стушеввалась, не ответила на жгучий вопрос, что дальше делать восставшим осажденной Пресни»³¹⁸. Седой старался убедить Лешего, что надо «драться или распускать дружины». Но решение так и не было принято.

16 декабря 1905 года генерал-губернатор Дубасов издал постановление, которое довели до сведения полицейских и всех обывателей:

«Безумная борьба мятежников с призванными для подавления возстания войсками и полицией, все еще продолжается. Но в настоящее время бунтов-

щики, потерпев тяжелые поражения при действиях массами и не осмеливаясь скопиться иначе как на дальних городских окраинах не занятых войсками, обратились к другой тактике: они наводнили центр города малыми отрядами или кучками, стреляющими в полицию и войска из засад и из-за углов и быстро скрывающимися через переулки, открытые ворота домов и другие проходы, с тем, чтобы в таких-же условиях, делать новые нападения, в других местностях. <...>

Против такого предательского образа действий, имеющего явною целью затянуть борьбу и повсеместно держать население столицы в тревоге и напряжении, — мною сделаны следующие распоряжения:

Известные районы города подвергнуты тесному обложению войсками, и путем обысков будут очищены от присутствия в них мятежников. Для этого, всякий сделанный в полицию или войска выстрел, будет сопровождаться немедленным оцеплением войсковыми частями того места, откуда выстрел произведен и виновные, путем обыска, будут обнаруживаемы. Весьма возможно, что в таких случаях стрелявшие мятежники будут искать спасения в закрытых частях дворов, в подвалах, надворных постройках и даже в квартирах мирных жителей, угрозами заставляя последних оказывать им укрывательство. Предупреждаю и требую поэтому, чтобы, независимо от запираания ворот домов (каковое уже установлено обязательным постановлением от 12 сего Декабря), во дворах этих домов непременно заперты были подвальные, чедачные и другие помещения, в которых могут укрываться мятежники; а также чтобы домохозяева, квартиронаниматели и вообще все обыватели города, при необходимости произвести обыск в их помещениях, оказывали чинам полиции на которых это будет возложено, полное содействие. <...>

Со вчерашнего дня, с прибытием в Москву отряда войск Петербургского гарнизона, явилась возможность значительно расширить операции по подавлению мятежа, а потому сего 16 числа заняты, по моему приказанию, войсками все городские станции железных дорог и приступлено к возстановлению на них движения.

Объявляю. Что относительно очищения города от этих очагов, мною даны приказания, которые будут немедленно приводиться в исполнение»³¹⁹.

Помощники генерал-губернатора тоже раздавали указания подчиненным. Генерал-майор барон А. Р. Будберг 15 декабря разослал частным приставам две телеграммы. В одной говорилось: «Внушить городовым и сторожам не трогать патронов даром. Их надо беречь, стараясь, чтобы каждый выстрел приносил действительный урон мятежникам». Другая предписывала: «Установить обходы патрулями из городских, в числе не менее 6 человек. В случае появления публики группой более 4 человек троекратно предлагать разойтись, в случае неисполнения приказа употреблять в дело оружие»³²⁰. Градоначальник Г. П. фон Медем от себя добавил: «Всех подходящих к телефонным шкафам расстреливать»³²¹.

16 декабря Будберг инструктировал участковых приставов: «Обратите внимание на то, чтобы чины участка не ходили бы поодиночке и наблюдали бы особую осторожность при выходе своем из квартир и возвращении домой»³²². На всех крупных перекрестках стояли пикеты полицейских и военных, которые проверяли прохожих, задерживали подозрительных, открывали огонь по оказывающим неповиновение. Улицы патрулировались конными и пешими отрядами. По всему городу проводились оцепления, обыски, аресты или уничтожение оставшихся боевиков.

16 числа МК РСДРП объявил о роспуске социал-демократических дружин³²³. Такое же решение приняли командиры выбитых из города дружинников-железнодорожников. Оружие надлежало спрятать, а самим боевикам тайно возвращаться по домам или скрываться.

На Пресне революционеры не имели почти никакой информации о том, что происходит в городе. Седой решил использовать в качестве разведчиков подростков — учеников Прохоровского училища. Они вызывали меньше подозрений у патрулей, и их не задерживали. Седой пишет: «Дети революции, вы были оком восставших. Вы сообщали, что Пресню обкладывают железным кольцом штыков и казаков. <...> Нужно было видеть эти горячие лица разведчиков, их стремление растолковать виденное и заставить поверить их докладу товарища начальника».

Полковник Мин разделил свои войска на два отряда. В один вошли 6 рот Семеновского полка, 2 орудия и 2 пулемета. Под командованием полковника этого же полка Н. К. Римана они двинулись по железной дороге от Москвы до

Коломны. Отряд должен был очистить станции от революционеров и восстановить контроль правительственных сил над железной дорогой. Сам Мин с 9 ротами Семеновского полка, 7 ½ ротами Ладожского полка и 2 орудиями собирался наступать на Пресню.

Разведчики революционеров говорили Седому, что остался только один выход с Пресни — по льду Москвы-реки. Но этим выходом так и не воспользовались. «Командующий боевыми силами» Пресни вспоминает: «Ночь на субботу [17 декабря. — А. Ш.] была тревожной. Все с оружием были на посту. Кухня все запасы раздала на руки. Рабочие чувствовали развязку, и дружины готовились встретить ее. Все знали, что это будет последняя ночь. Мы окружены».

Перед началом операции семеновцы продвинулись до Пресненского полицейского дома. Помощник смотрителя дома Бардин сообщает: «Вечером прибыл отряд Семеновского полка, и хотя нам самим было тесно, но все-таки раз-

Солдаты на Пресне возле фабрики Шмидта, разрушенной во время восстания 1905 г.

местили всех как следует. В квартире пристава командир отряда полковник Мин собрал совет, на совете решено было начать поход в 4 часа утра»³²⁴.

В полицейский дом привезли арестованного Н. П. Шмита, революционера и владельца фабрики. «Шмит представлялся нам совсем другим, чем он оказался на самом деле. Глядя на его беспомощную, опустившуюся фигуру, не верилось, что это тот самый человек, который бросил полную довольства жизнь, вооружил своих рабочих и стал во главе революционного движения. Но раньше, чем начать обстрел фабрики, полковник Мин прибыл в полицейский дом для переговоров со Шмитом. Войдя в камеру арестованного, полковник Мин предложил Шмиту, во избежание лишних жертв и разгрома фабрики, написать к оставшимся на фабрике руководителям записку с предложением не сопротивляться и выдать все находящиеся на фабрике оружие. Растерявшись от всех приключений, которые были с ним в эту ночь, Шмит <...> уверяя полковника Мина, что у них на фабрике оружия нет, а если и находится, то без его ведома, и никаких руководителей он не знает, все-таки согласился писать. Дав ему сроку 10 минут, полковник Мин приказал записку доставить ему и вышел из камеры. А Шмит принялся писать. <...> Записка отослана Мину, и одновременно с этим открыта стрельба по фабрике и, как мне кажется, начали даже без ведома полковника Мина, а потом останавливаться было не к чему».

Фабрика Шмита была полностью разрушена артиллерийским огнем. Войска продвигались дальше к Прохоровской фабрике. Главным опорным пунктом боевиков там было каменное здание казармы для холостых рабочих. Артиллерия в ходе продолжительного обстрела превратила его в груды обломков. Уже в 9:30 утра Седой отдал приказ дружинникам прятать оружие и уходить с Пресни. Но обстрел фабрики и фабричного поселка продолжался весь день.

Как только основная опасность, исходящая от мятежников, была устранена, тут же стало происходить мщение за пережитый ранее страх. Страх и мщение всегда рождают ненужную жестокость. Вот слова помощника смотрителя полицейского дома Бардина. «Начался расстрел с каланчи всех, кто ни показывался на глаза, для удовольствия, ради спорта, оправдываясь тем, что стреляют по революционерам. Полковник Мин, при начале военных операций, на просьбу одного из приставов пощадить мирных жителей и не расстреливать их квартир, ответил, что мирных жителей он не признает. <...> Такая охота про-

должалась целый день, с наступлением темноты прекратилась и на другой день не возобновлялась. Трупы убитых <...> были положены в часовню. Куда были доставлены только что убитые фельдфебель и ефрейтор Семеновского полка; там же находился ранее убитый где-то в Грузинах, уволенный в запас офицер, и труп расстрелянного начальника сыскной полиции Войлошникова, его пришлось перенести в часовню из дома Купчинской, который был разбит гранатами и сгорел»³²⁵.

Джунковский рассказывает о «весьма прискорбном случае», произошедшем на Пресне 17 декабря с участием приват-доцента доктора В. В. Воробьева и пристава 2-го участка Тверской части ротмистра Ермолова. Доктора в тот день несколько раз вызывали для оказания помощи раненым. Несмотря на большую опасность, он не отказывал. Чтобы его не застрелили, Воробьев передвигался по улицам, поднимая вверх руки. Наконец, доктор вернулся домой. Едва он успел войти к себе, как на парадной послышался звонок. И к нему вошел полицейский офицер с шестью солдатами. Это был ротмистр Ермолов, который обратился к доктору с вопросом:

«— У вас Красный крест?

— Нет, — ответил доктор.

— Вы сочувствуете революционерам?

— Я не сочувствую им, но моя обязанность как врача подавать помощь всем, кто в ней нуждается.

— У вас есть оружие?

— У меня есть револьвер, но я имею разрешение градоначальника.

При этом доктор повернулся, пристав же Ермолов вдруг вынул револьвер и выстрелил Воробьеву в затылок. Случай ужасающий, объяснить его можно только страшным мозговым и физическим переутомлением Ермолова, который буквально не знал отдыха ни днем, ни ночью с самого начала восстания». Но ведь в таком же положении находились в то время и все остальные полицейские.

Ермолова судили и приговорили к заключению на четыре года, лишению дворянства, чинов, орденов и к ежемесячной выплате вдове доктора Воробьева по 75 рублей, а дочери до совершеннолетия по 50 рублей. Но император вскоре помиловал бывшего пристава.

В ночь на 18 декабря неожиданно возникла тревога возле полицейского дома Пресненской части. Помощник смотрителя Бардин рассказывает так. «Против заднего двора части находилось большое владение, занятое общежитием студентов. Как только к нам доставлены были ружья, так по этому общежитию была пущена не одна сотня пуль, и живущим там пришлось искать более безопасное место, но наш гарнизон все-таки, хотя и редко, но продолжал стрелять по этому дому; так случилось и в эту ночь, но вслед за нашими выстрелами раздалась ответные и тоже ружейные. <...> Происходит, что-то невероятное — тогда как полковник Мин, подавив совершенно восстание, находится на фабрике Прохорова, революционеры в большом количестве, хорошо вооруженные, сделали нападение на часть. Хотели было пустить в дело пулемет. Но к счастью прибывший из общежития офицер вывел нас из заблуждений. <...> Оказалось, что две роты солдат заняли дом общежития <...> и тоже думали, что на них произведено нападение со стороны революционеров»³²⁶.

Этой же ночью несколько рабочих Прохоровской мануфактуры пришли к полковнику Мину. Они просили не стрелять по жилым зданиям фабричного поселка, чтобы дать возможность женщинам и детям выйти из зоны боевых действий. В ответ рабочие обещали, что никакого сопротивления войскам оказываться на фабрике и в поселке не будет. Мин согласился. Обстрел был остановлен. Утром войска вошли на фабрику.

Правоохранители выяснили, что на Прохоровской фабрике боевиков больше нет. Но часть дружинников собралась на сахарном заводе в 1,5–2 верстах (ок. 1,6–2,1 км) от фабрики. 19 декабря на рассвете солдаты окружили завод. Находившиеся там люди не оказали сопротивления и сдались. Весь этот и следующий день на Пресне шли поиски оружия, обыски, проверки рабочих на причастность к боевым дружинам. Были арестованы девять и убиты трое боевиков. 21 числа операция там завершилась.

В эти же дни отряд полковника Римана продвигался от станции к станции по Казанской железной дороге. Сопротивления он не встречал, но арестовывал попавшихся боевиков и тех, кого Риман подозревал в содействии им. Как пишет Джунковский: «Жестокость его приемов не вполне оправдывалась положением дела». Риман расстреливал арестованных по своему произволу, без

проведения суда. Расстрелы были в Перово, затем — в Люберцах. Там среди расстрелянных оказался А. В. Ухтомский. В советское время в его честь будет названа одна из железнодорожных станций. В Коломне Риман расстрелял двух руководителей боевиков, а заодно без суда убил начальника станции, его помощника и 22 рабочих. Всего, по словам Джунковского, Риман «расстрелял, причем нескольких собственноручно, 63 человека <...> что, конечно не было нужно».

Экспедиция Римана закончилась 20 декабря. Джунковский считал, что она оставила «какой-то неприятный осадок, какую-то черную страницу на общем фоне усмирения мятежа». Но генерал-губернатор Дубасов оценил эту операцию очень высоко и хвалил Римана. В докладе императору от 22 декабря Дубасов написал о Римане, что тот «при исполнении поручения по очистке <...> железной дороги от мятежников <...> обнаружил столь верное понимание обстоятельств и такое умение и находчивость и такую непреклонность воли перед которою не могли устоять никакие затруднения»³²⁷.

И правитель России, и правитель Москвы к зверствам и нарушениям закона со стороны представителей правительственных сил отнеслись весьма снисходительно. Несмотря на то, что зверства эти совершались уже после разгрома мятежников и не были необходимы. Правители испугались, и поэтому стали поступать жестоко. Расстреливать уже арестованных, безоружных и несопротивляющихся людей, это все равно, что убивать пленных. Это и незаконно, подло. В христианстве злодейство из мести считается тяжким грехом. Арестованных нужно было передать в суд. Тем более, что в Москве действовал режим чрезвычайной охраны. Мятежников судили бы не гражданским, а военным судом. При этом были бы соблюдены все судебные-процессуальные процедуры, собраны и рассмотрены доказательства вины. Невинные люди могли бы оправдаться. А виновных военные суды в то время исправно приговаривали к смертной казни.

Генерал-губернатор ходатайствовал о том, чтобы император отметил Мина и Римана «не в пример прочим выдающеюся наградою», а также о награждении других офицеров-семеновцев «по представлению командира полка»³²⁸.

С 12 декабря приказы по московской полиции стали очень краткими. Раньше ежедневные приказы градоначальника были многостраничными. С этого времени они уместались в несколько строк. Там говорилось лишь о назначении в наряд 4 полицейских: 1 чиновника и 1 околоточного надзирателя в распоряжение генерал-губернатора, 1 чиновника к градоначальнику и 1 писца в канцелярию³²⁹. То есть обычное управление и делопроизводство в полиции практически прекратилось. Начиная с 15 декабря, они стали восстанавливаться. В этот день вновь стали производиться зачисления на службу в полицию и переводы с одной должности на другую³³⁰.

На следующий день в приказе возобновились распоряжения о наложении на жителей города административных взысканий за нарушения обязательных постановлений. Например, за ношение ножа, за хранение револьвера, за принуждение к закрытию торгового заведения, «за подстрекательство, с угрозами, рабочих»³³¹. Тогда же появились сообщения о новых награждениях полицейских. Пристав 2-го участка Яузской части подполковник В. В. Романкевич и штатный фельдшер московской полиции коллежский регистратор А. А. Фейденгольц получили ордена св. Владимира 4-й степени, а заведующий Московским центральным полицейским покоем для душевнобольных надворный советник А. Н. Бернштейн получил очередной чин коллежского советника. Но награды эти были не за участие в борьбе с мятежниками, а за долгосрочную службу.

17–18 декабря целый ряд служащих полиции и пожарной охраны были поощрены за отличие в охране общественного порядка. Так старший помощник пристава 1-го участка Суцевской части поручик А. Г. Кулинский и особо отличившиеся под его командованием городовые Дубынин и Граценко «разсеяли толпу забастовщиков» на Садовой улице. «Заведывающий» 3-м участком Мещанской части штабс-капитан В. А. Ощевский-Круглик задержал подстрекателя, «возбуждавшего толпу против полиции», и сумел успокоить толпу, «благодаря своим тактичным действиям и распорядительности». Околоточные надзиратели Грушецкий и Целебров с ночным сторожем Агаповым ночью под выстрелами распутали и унесли проволоку, а затем разобрали баррикаду. Помощник брандмейстера Арбатской части Сафонов, пожарные служители Хвесюк и Киотов «оказали особое усердие при тушении пожара»³³².

Убитые во время восстания 1905 г. в Москве

До 25 декабря вся московская полиция оставалась на улицах и продолжала нести службу будто бы в боевых условиях. И только с 26 числа вновь стали назначаться посменные полицейские наряды, как было до восстания³³³.

Московский градоначальник фон Медем высоко оценил деятельность полиции во время борьбы с мятежом. Он составил целый список отличившихся старших офицеров. В это число входили исполняющий обязанности полицеймейстера 1-го отделения полковник С. Н. Ермолов, участковые приставы А. А. Юрьев, В. К. Штанков, В. Г. Керстич 1-й, Е. И. Эрн, М. П. Анучин, С. Ф. Бояновский, А. А. Заремба, Ю. Д. Воронец, В. Л. Малишевский, помощники приставов Ч. С. Заневский, А. И. Гринцевич, Е. В. Поляков, Алексеев, Л. И. Переспелов, Пастель, В. М. Богословский³³⁴.

Конец восстания

Помощник смотрителя Пресненского полицейского дома Бардин, оценивая произошедшее с ним и его товарищами во время восстания, написал следующее. «На наше счастье у наших противников или не было опытного руководителя и сколько-нибудь энергичных людей, чем можно объяснить, что наша часть уцелела, или же у нас в сильнейшей степени увеличивали опасность нашего положения, рассчитывая, что против нас стоят тысячи, а на самом деле была, может сотня, да и то плохо организованная. Предположение это в некоторой степени подтверждается по действиям отряда полковника Мина, который с ничтожными потерями со своей стороны подавил восстание»³³⁵. Эта оценка верна и для ситуации не только на Пресне, но и во всей Москве в декабре 1905 года.

15 декабря в Первопрестольную прибыл Семеновский полк, 16 декабря — Ладожский, и уже 17 декабря боевики были разгромлены, а их дружины — распущены.

Для быстрого разгрома мятежников хватило всего двух полков (24 рот), одной батареи и одного решительного старшего командира (полковника Мина). А ведь в самом начале восстания в распоряжении местного начальства было не менее 27 свободных рот, 4 батареи, а еще пулеметные команды, несколько конных полков и жандармский дивизион. Значит, можно было сразу же подавить восстание такими силами.

В ответ на доклад Дубасова, император 17 декабря прислал из Царского Села телеграмму: «С особым удовольствием выражаю Вам и Вашим подчиненным Мою сердечную благодарность за беззаветно верную службу. Радуюсь что Мои славные Семеновцы показали себя и теперь молодцами. Надеюсь скоро получить от Вас донесение о повсеместном истреблении крамольников. Николай»³³⁶.

Великому князю Николаю Николаевичу, командующему войсками Гвардии, Дубасов писал: «На Лейб-гвардии Семеновский полк возложены были самые трудные и самые ответственные задачи по подавлению Московского мятежа <...> благодаря доблестным успехам и самоотверженным действиям полка задачи эти были выполнены с блестящим успехом»³³⁷.

На книге «старого москвича» И. Ржанова написано чернилами от руки, вероятно самим автором, следующее: «Сохраним друзья, русские люди, благодарное воспоминание о доблестных Семеновцах в усмирении Московского мятежа в декабре 1905 года».

Но что же до и после 15 декабря, дня прибытия семеновцев в Москву, делали многочисленные полки Московского гарнизона? Чем занимались их командиры? Этим вопросом заинтересовался и генерал-губернатор Дубасов. Командующий войсками МВО генерал Малахов 29 декабря прислал ему в ответ меморандум³³⁸. Там сделана попытка доказать ложность «слухов об отсутствии полковых командиров» в действовавших против боевиков войсках. Но документ этот скорее подтверждает бездеятельность и некомпетентность не только командиров частей и соединений Московского гарнизона, но и штаба МВО. Это была неудачная попытка оправдаться.

Согласно меморандуму, самым деятельным войсковым начальником оказался командир 2-го гренадерского Ростовского полка П. Н. Симанский. Ему и его полку нужно было оправдаться за беспорядки, произошедшие 2–4 декабря, так сказать «искупить кровью». 7 декабря Симанский командовал отрядом войск во время обыска в театре «Аквариум». Как мы уже знаем, операция эта фактически закончилась провалом. С 10 декабря полковник «находился во главе отряда» на Театральной площади. Именно, находился — в боестолкновениях он не участвовал. Отряд активных наступательных действий не вел, лишь охранял центр города и реагировал на нападения боевиков. Затем Симанский со своими солдатами «неоднократно предпринимал экспедиции для разрушения баррикад на Сухаревской площади и у Красных ворот». Баррикады эти вскоре после разрушения восстанавливались бунтовщиками. Не так уж много сделал Симанский со своим полком за время борьбы с восставшими. Но другие полковники сделали еще меньше.

Командир 6-го гренадерского Таврического полка А. А. Зуров с 10 декабря находился во главе отряда в городском Манеже. А до 10 декабря? 14 декабря полковник командовал «занятием и очищением от баррикад» Миусской площади. И это — все.

Командир 7-го гренадерского Самогитского полка В. П. Голосов «находился все время на вокзале Николаевской железной дороги, руководя ее обороной».

Это было важное дело. Но для целого полка и его командира маловато. Далее он «руководил операциями по овладению казенных [железных. — А. III.] дорог и охраной всех вокзалов Московского железнодорожного узла». Но к тому времени дружины боевиков-железнодорожников были разбиты семеновцами. Так что солдатам Самогитского полка в этих «операциях» воевать не пришлось. Вот, если бы Голосов со своими грендерами освободил железные дороги раньше, а Зуров с Таврическим полком разогнал бы мятежников в центре города на Бронных улицах и в Миуссах, тогда, наверное, даже не пришлось бы вызывать в Москву семеновцев и ладожцев.

Командир 5-го грендерского Киевского полка В. И. Чекмарев «руководил 18 декабря отрядом, направленным для осмотра Даниловской мануфактуры и предпринимал ряд экспедиций по указаниям местной полиции».

Командир 12-го грендерского Астраханского полка А. М. Ребиндер «предпринимал экспедиции для разрушения баррикад». Так этим же занимались пожарные команды, добровольные дружины, участковая полиция с местными обывателями. Рационально ли так использовать «целого» командира полка с его подчиненными?

Командир 221-го пехотного Троицко-Сергиевского полка «находясь все время в казармах полка, неоднократно распоряжался непосредственно расчисткой баррикад и поддержанием порядка на Немецкой улице». Если он из казарм не выходил, то, видимо, расчисткой баррикад занимался все-таки «посредственно». И почему он одной улицей ограничился, а не навел порядок во всем районе или по всей восточной части Москвы?

Командир 3-го драгунского Сумского полка «неоднократно объезжал высланные от него эскадроны». Боевыми действиями не руководил и в них не участвовал. Но этот полковник хотя бы «объезжал эскадроны».

Чем занимались все эти дни командиры остальных грендерских, драгунских, казачьих полков, даже штаб округа ответить не смог. Удивительно, что командующим войсками МВО Малаховым (вернее, служащими его штаба) в меморандуме названы по фамилиям командиры упомянутых грендерских частей, но не командиры Троицко-Сергиевского и Сумского полков Э. В. Сила-Новицкий и И. Д. Нилов. Не смогли вспомнить? Или настолько халатно выполняли свои обязанности, что не потрудились должным образом офор-

мить официальный документ, отправляемый одному из высших чиновников империи?

Зато надо отметить заслуги в подавлении восстания некоторых офицеров Московского гарнизона. Генерал-губернатор Дубасов 31 декабря писал военному министру, что нельзя «не обратить особенного внимания на оказавших выдающуюся храбрость, умелую распорядительность, находчивость и твердость» офицеров — есаула 1-го Донского казачьего полка Э. Г. Герасимова и ротмистра 3-го драгунского Сумского полка А. Ф. Рахманинова. Они уже были представлены своим военным начальством к наградам. Но генерал-губернатор счел нужным просить министра в дополнение к этому присвоить Герасимову чин войскового старшины, а Рахманинову — чин подполковника³³⁹.

Жизнь в Москве начала постепенно возвращаться в мирное русло. Еще 16 декабря генерал Будберг от имени градоначальника предписал участковым приставам: «Принять все меры, чтобы магазины и лавки открылись и производили торговлю. В случае надобности охраняйте их»³⁴⁰. В этот день в 3 часа пополудни заработала электростанция. Как пишет Джунковский, «все квартиры осветились электричеством». Началось восстановление движения поездов по бастовавшим ранее железным дорогам.

«Старый москвич» Ржанов отмечает 18 декабря: «Появились возчики с дровами. <...> Выехали и водовозы с бочками на лошадях. Церковная служба идет. <...> Появились газеты». Продолжался исход жителей с Пресни. «С 7 часов вечера виднелось сильное зарево в сторону Пресненского пруда...»³⁴¹

21 декабря генерал-губернатор издал обязательное постановление: «Все хлебопекарни, булочные и лавки должны быть открыты для торговли с раннего утра до 9 часов вечера, по субботам и предпраздничным дням до 10 часов вечера, в воскресенья и праздники — с раннего утра до 9 часов утра и с 12 часов до 4 часа дня»³⁴².

22 декабря генерал-губернатор поставил население в известность о том, что комендантский час теперь будет длиться не с 9 часов вечера до 7 часов утра, а станет действовать лишь с 12 часов ночи. А еще Дубасов разрешил «театральные зрелища, любительские спектакли и музыкально-драматические вечера, но с условием, чтобы все эти представления оканчивались не позднее 11 часов

вечера»³⁴³. Со следующего дня стали действовать телефоны всех абонентов городской и междугородней телефонной сети³⁴⁴.

Город готовился встречать большие праздники — Рождество 25 декабря и Богоявление (Крещение) 6 января. Правда, генерал-губернатор предупредил церковные власти, что в Кремль, даже во время церковных служб в кремлевских соборах, свободного доступа для народа не будет. Поэтому Дубасов предложил провести праздничные архиерейские службы вне Кремля в храме Христа Спасителя³⁴⁵.

В докладе императору от 22 декабря Дубасов обрисовывает ситуацию следующим образом (курсив мой. — А. III.):

«Операциями последних дней силы мятежников сломлены и рассеяны. Руководители и главари их обратились в бегство; многие из них задержаны и таким образом организованный мятеж представляется сейчас разбитым. Но, отступая, мятежники — с одной стороны — постарались и успели быстро удалить за пределы досягаемости избранных главарей, с другой — они оставили на театре действия, хотя и рассеянных, но самых непримиримых и озлобленных бойцов, которые, заранее обрекая себя на жертву преступной борьбы, видимо решили продолжать ее, хотя бы и одиночными силами, до последней крайности. Эти бойцы укрываются еще в некоторых кварталах города, предательски стреляя по войскам и полиции и поэтому полное успокоение пока не наступило. Я твердо решил достигнуть этого успокоения до праздников, для чего сегодня и завтра, путем одновременного оцепления некоторых кварталов войсками и обыска их полицией, будут изъяты из города последние остатки рассеянных шаек мятежников. Всеми ранее принятыми и этими последними мерами, я надеюсь достигнуть возможности дать населению Москвы провести спокойно Великие праздники Рождества Христова. Но, оценивая общие результаты безпримерной, прискорбной борьбы, совершавшейся в эти тяжелые дни, я не могу признать мятежное движение совершенно подавленным. Главные руководители его, почувствовав близость поражения, рассеялись и бежали, унося нити заговора и намерение продолжать свое преступное дело. Часть таких беглецов скрылись в тайниках, окружающих Москву, и эта часть может снова выступить, если почему либо почувствует себя сильною.

Чтобы считать дело конченным, надо очистить эти тайники, для чего понадобится целый ряд отдельных экспедиций, которых я и намерен предпринять в ближайшем будущем, как *только цели обозначатся*. Надо также принять общую меру преследования и задержания всех бежавших из Москвы в другие отдаленные местности. Надо надеяться, что такие лица будут обнаружены умелым розыском и опросом задержанных мятежников»³⁴⁶.

Дубасов уже рад, но еще опасается. И, похоже, он растерян. Не знает, что же ему делать дальше. Всесильный правитель «Москвы и ея губернии» говорит о каких-то «пределах досягаемости», которые он не может преодолеть. Видит какие-то «тайники, окружающие Москву». Готовит (или только говорит, что готовит) «целый ряд экспедиций» против главарей мятежа, которые опять могут набрать силу. Против этих, по его же словам, сбежавших и спрятавшихся революционеров-одиночек он собирается послать войска.

Страшилки про бунтовщиков, которые вот-вот могут начать новое восстание, Дубасов в своих докладах повторяет неоднократно. Делает он это с вполне

Последствия восстания в Москве на Вальной улице

определенной целью. Генерал-губернатор хочет задержать у себя лейб-гвардии Семеновский и Ладожский полки как можно дольше. Стремится он к этому столь отчаянно, будто эти полки — его единственный шанс на спасение. Очевидно, что воинским частям Московского гарнизона, да и всего МВО, Дубасов совершенно не доверяет.

Между тем раз мятеж был подавлен, то командированные для этого полки нужно возвращать на места постоянной дислокации. Об этом уже ходатайствовали их прежние «хозяева», то есть командующий войсками Гвардии великий князь Николай Николаевич и временный курляндский военный генерал-губернатор генерал-лейтенант В. А. Бекман.

Дубасов вновь использует уже упоминавшуюся записку генерал-квартирмейстера МВО Шейдемана, где фигурируют совершенно необоснованные данные о количестве бойцов в частях Московского гарнизона. Вице-адмирал пишет императору: «Ослабление Московского гарнизона отозванием Семеновского полка было бы мерою нежелательною <...> в интересах полного и окончательного подавления мятежа, я не могу не возвратиться к моей усерднейшей просьбе — или оставить полк на праздники и долее на необходимое время, или — теперь же заменить его другим полком в таком же составе»³⁴⁷.

Вновь считая, что в 9 полках Московского гарнизона было только 27 рот (кроме 10 рот, охранявших казармы) и только по 50 штыков в каждой, Дубасов утверждает: «До прихода Семеновского и Ладожского полков гарнизон располагал для активных действий лишь 1350 штыками и этою силою можно было удерживать только положение, занятое в центре города, оставляя все станции железных дорог и все окраины города открытыми. Эти станции и эти окраины были заняты благодаря прибытию новых 1200 штыков».

В документе первоначально была напечатана цифра 1900, а потом исправлена чернилами на 1200. Вице-адмирал и роты прибывших полков также считал по 50 штыков. На самом деле численность рот была значительно выше. Например, в одном из рапортов ротных командиров говорится о действиях роты 1-го лейб-гренадерского Екатеринославского полка, насчитывавшей 70 человек (68 нижних чинов и 2 офицера)³⁴⁸. А в 8 ротах Ладожского полка состояло 697 человек нижних чинов, то есть в среднем по 85 человек на роту³⁴⁹. Таким образом, цифры, называемые Дубасовым, надо увеличивать как мини-

мум в полтора раза. При этом генерал-губернатор молчит о том, что у него в распоряжении были еще пять конных полков и несколько отдельных казачьих сотен, а также саперные, железнодорожные, артиллерийские, жандармские, конвойные воинские части. И генерал-губернатор, и командование МВО старательно «прибедняются», чтобы снять с себя ответственность за свои неэффективные действия во время восстания.

А теперь, после подавления бунта, Дубасов пытается убедить высшие власти, что командированные полки нужны ему для предотвращения нового восстания. «С отозванием семеновцев численность гарнизона снова упадет <...> и это не может не поощрить преступных замыслов и намерений уцелевших мятежников. Кроме этого, совершенно бедственным для Москвы наследием потухающего мятежа является наводнение города голодающими бродягами, составляющими ужасные остатки отступившей мятежнической армии. При крайней малочисленности полиции и совершенной неудовлетворительности ее организации, охранение обывателей от насилий этих бродяг, впредь до их выселения из города, только и возможно при усиленных нарядах войск. Численность которых необходимо сохранить без всякого ослабления».

Аргументы Дубасова неубедительны. Революционеры после разгрома были деморализованы и усилить свой нажим на правительство пока не могли. Держать в Первопрестольной гвардейский полк для борьбы с «голодающими бродягами» — явный «перебор». Полицейских вооружили винтовками, штатную численность полиции только что увеличили на 1 тысячу человек. Куда же более? Полтысячи новых городских градоначальник уже набрал на службу. Совершенствование организации полиции было в компетенции самого генерал-губернатора и даже являлось одной из его главных задач. А усиленные наряды войска и полиция в Москве успешно несли почти весь 1905 год и без прикомандированных полков. Просто Дубасов боялся выпустить из рук эту военную силу.

Долго тягаться с командующим войсками Гвардии великим князем Николаем Николаевичем московский генерал-губернатор не мог. 30 декабря отряд гвардейских войск, находившийся в командировке в Москве, отбыл назад в Петербург. А вот Ладожский полк Дубасов удержал у себя. 31 декабря он «поставил на место» курляндского генерал-губернатора Бекмана, просившего

вернуть полк: «Относительно возвращения Ладожского полка в Митаву не имею никаких приказаний. Считаю нужным иметь его в Москве»³⁵⁰. Ладожцы оставались тут до 18 февраля 1906 года³⁵¹.

Полиция и войска проводили совместные операции с целью обнаружения возможных притонов революционеров. Проводили их и в Москве, и в пригородной местности. Но значительных результатов они не дали.

Больше всего подозрений у правоохранителей вызывали учебные заведения. Например, 23 декабря отряд полицейских под началом местного пристава и его помощника, при поддержке роты 1-го лейб-гренадерского Екатеринославского полка, эскадрона 2-го драгунского Санкт-Петербургского полка и двух орудий конной артиллерии, провел «зачистку» поселка Петровской академии возле станции Петровско-Разумовская Николаевской железной дороги. Поселок был оцеплен, а здания подвергнуты обыску. В студенческих общежитиях и жилых домах сотрудников академии были обнаружены револьверы, охотничьи ружья (в основном негодные), несколько «монтекристо». Самую важную находку сделали в отхожем месте общежития. Это были пять картузов артиллерийского пороха, который можно было использовать как начинку для бомб. «Монтекристо» и ружья, владельцы которых имели соответствующие разрешения, вернули. Нелегальное оружие и боеприпасы конфисковали. Их хозяев установить не удалось. Сопротивления властям никто не оказал, поэтому войска оружие не применяли³⁵².

В тот же день проводилась «зачистка» Императорского технического училища в Москве. В ней участвовали полицейские и солдаты 2-го гренадерского Ростовского полка. Все прошло точно так же, как в предыдущем случае. В библиотеке училища отыскивали ружье, револьверы, патроны, детали для сборки бомб, нелегальную литературу и 87 рублей, почему-то в мелкой медной монете. Задержанных и тут не было³⁵³.

К празднику Рождества, 25 декабря, зачистки закончились. Полиция и войска возобновили несение особых нарядов, которые были прекращены еще 9 декабря в связи с началом восстания.

Можно считать, что теперь Москва вернулась к мирной жизни. Напряженность еще сохранялась, но быстро снижалась.

27 декабря генерал-губернатор предоставил градоначальнику право выдавать практикующим врачам и акушеркам разрешения на свободный проход и проезд по улицам в течение всей ночи для оказания помощи больным «во всякое время». Полиции поручалось содействовать в ночное время доставлению в родильные приюты рожениц и новорожденных младенцев, вызову врачей для оказания немедленной медицинской помощи обывателям, получению необходимых лекарств из аптек³⁵⁴.

На новогодний праздник генерал-губернатор сделал москвичам подарок в своем сообщении. «Имея в виду, что благочестивая Москва издревле привыкла начинать наступающий Новый год молитвою, для чего во всех церквях столицы совершаются в полночь установленные молебствия и что при настоящих обстоятельствах всякий православный христианин более, чем когда-либо будет стремиться встретить Новый год в молитвенном единении со своими близкими в приходском храме, я признал возможным ради удовлетворения этой духовной потребности жителей, разрешить в ночь на 1 января 1906 года беспрепятственное движение по улицам до 2-х часов ночи, о чем и объявляю во всеобщее сведение»³⁵⁵.

В ответ на сделанные генерал-губернатором по телеграфу поздравления, император Николай II и его мать, вдовствующая императрица Мария Федоровна, 1 января прислали в Москву телеграммы. Император писал: «Передайте Первопрестольной Москве, что Я вместе с ней с глубокой душевной скорбью переживал тяжелые дни подавления вооруженного мятежа на улицах столицы. Сердечно благодарю жителей и Вас за новогодние пожелания и молитвы. Николай». Послание от Марии Федоровны гласило: «Искренне благодарю за выраженные мне Вашей телеграмме благопожелания. Да хранит и благословит Господь миром Первопрестольную столицу на Новый Год. Мария»³⁵⁶.

1 января 1906 года в наряде находились 4 полицейских пристава, 25 околоточных надзирателей, 265 городских, 17 рот пехоты, 5 эскадронов драгунов, 1 сотня казаков и ½ эскадрона жандармов. А уже 3 января численность наряда была намного меньше — 1 пристав, 6 околоточных, 75 городских, 7 рот, 5 драгунских эскадронов, 1 жандармский эскадрон³⁵⁷. Это свидетельствовало о том, что ситуация в городе постепенно нормализовалась.

Отчеты и планы

Рапорты московских начальников и воинских командиров, написанные в декабре 1905 года, полны упоминаний о полной несогласованности действий полиции и войск, о некомпетентности и нераспорядительности их руководителей. Военные обвиняют в этом полицейских, полицейские — военных. И те, и другие делают это достаточно жестко. Все пытаются оправдаться и свалить вину за неудачи на кого-нибудь другого.

Генерал-губернатор Ф. В. Дубасов адресует упреки в некомпетентности обеим сторонам. Он просит императора снять с занимаемых постов и командующего МВО Малахова, и градоначальника Медема. Правда, делает это Федор Васильевич в очень мягкой форме. Дубасов даже ходатайствует об одновременном повышении Медема в чине. Выглядит это так:

«С самого же вступления моего в обязанность, я признал Градоначальника Барона Медема неспособным справляться с возложенными на него обязанностями, — не смотря на его усердие и доброе желание. Но по исключительности возникших обстоятельств, я не признавал удобным возбуждать вопрос о его замене. Ныне почитаю себя обязанным доложить, что опыт только что пережитых событий, указывающий на необходимость безотлагательного и полного переустройства и обновления полиции, обязывает меня просить поставить во главе ее лице [Дубасов в документах неоднократно использует именно такую форму этого слова. — А. Ш.] правоспособное исполнить эту задачу. <...>

Барон Медем, по своему характеру и способностям не созданный для обязанностей, которых он призван исполнять, оказался еще более затрудненным когда с возникновением революционного движения, положение градоначальника сделалось столь сложным, ответственным и трудным. Но долг обязывает меня засвидетельствовать перед Вашим Императорским Величеством, что Барон Медем, в тяжелые минувшие дни, неутомимо полагал все старания и все умение, чтобы, силами вверенной ему полиции, побороть преступное возстание, подавая в этом пример своим подчиненным. Я поэтому осмеливаюсь усердно ходатайствовать перед Вашим Императорским Величеством о награждении барона Медема чином генерал-лейтенанта, с отчислением от должности градоначальника»³⁵⁸.

Не вполне понятно, за что должен быть награжден фон Медем. За его старания и добрые намерения при полной безуспешности действий и неспособности справиться со своими обязанностями? Да и стараний особых заметно не было. Полиция была почти безоружна и дезорганизована перед восстанием и долгое время во время него. Разве не градоначальник за это отвечает? Большую часть распоряжений от имени градоначальника вообще отдавал полицеймейстер Будберг, фактически замещавший Медема.

Наверное, Дубасов просто хотел сохранить хорошие отношения с увольняемым сотрудником. Кстати, Медем, вероятно, и так был рад расстаться наконец-то с кошмарной для него полицейской службой в Москве и вернуться в Отдельный корпус жандармов, где он успешно прослужил почти всю свою жизнь и сделал хорошую карьеру.

Вот как оценивает Дубасова и его деятельность на генерал-губернаторском месте Джунковский:

Лейб-гвардии Семеновский полк. Фотография начала XX в.

«Надо отдать справедливость, назначение Федора Васильевича Дубасова нельзя не признать удачным для такого времени, которое мы все тогда пережили. Это был человек с железной волей, это был честный, благородный солдат, но не был администратором, дела он не знал, но у него был здравый смысл и он умел различать честное от нечестного. В душе он был добрым человеком и гуманным, но вспыльчивость его не знала границ, он в эти минуты забывал все и бывал очень неприятен, так как переходил должные границы. Часто эта вспыльчивость бывала от недовольства самим собой, когда ему что-нибудь докладывали, и он не мог схватить сути дела. Тогда он начинал сердиться, и тут ему противоречить нельзя было, так как он выходил из себя. Такими поступками он наводил панику на подчиненных, которые робели, а робости он также не переносил. Благодаря этому случались недоразумения, и он обрушивался иногда совсем несправедливо на кого-нибудь из своих подчиненных. Но это всегда бывало поправимо, так как ему стоило только потом спокойно и прямо доложить, что он не прав, и логически ему это доказать, он сейчас же менял тон и призывал того на кого он напрасно кричал, и просил у него извинения, сознаваясь в своей неправоте.

Ко мне лично Дубасов все время относился с исключительным доверием и во время вооруженного восстания, когда ему времени не было заниматься текущими делами по генерал-губернаторскому управлению, передал эти дела мне на разрешение, дав мне полномочие подписывать бумаги за него, что даже не совсем законно но оправдывалось обстоятельствами.

Во время вооруженного восстания он ни минуты не терялся, сохраняя полное присутствие духа. Его упрекали в излишней жестокости при подавлении восстания, но положение было такое трудное, что вряд ли подобное обвинение можно считать справедливым, а кроме того, ведь надо принять в соображение, что исполнителями его распоряжений были люди, люди разные, понимавшие его тоже по-разному, и, конечно, ошибки, излишества не могли не быть.

<...> Подавив восстание, Дубасов считал, что достоинство власти требует не мстить, а разобрать виновность каждого наиболее доступным, беспристрастным образом на основании общих законов; благодаря этому ни одного смертного приговора вынесено не было».

Принять оценку личности Дубасова, сделанную Джунковским, можно. А согласиться с утверждением, что его назначение на должность генерал-губернатора было удачным, никак нельзя. Это место было точно не для Дубасова. Ведь согласование действий войск и полиции во время подавления восстания являлось задачей именно генерал-губернатора. Контроль за деятельностью полицейских начальников, например, по вооружению полиции, тоже его дело. Да и руководство действиями войск при отсутствии военного командования он должен был взять на себя как старший по должности и по званию. Ничего этого сделано не было.

Полковник Мин с его семеновцами подавил восстание, действуя совершенно самостоятельно. Они сделали бы это при любом генерал-губернаторе и даже при его полном отсутствии. А вот Дубасов без Мина эту задачу бы так и не решил.

Передача права подписывать документы за себя другому лицу не только незаконна, но и не понятна. У генерал-губернатора не хватало времени подписывать все бумаги? А как с этим справлялись другие генерал-губернаторы? Например, великий князь Сергей Александрович, который одновременно еще был и командующим войсками округа. А у Джунковского хватало времени на документы и по делам губернатора, и по делам генерал-губернатора? Может, тогда лучше было назначить его генерал-губернатором?

Кстати, можно посмотреть, на какие дела у Дубасова хватало времени. Как он пишет, в указе о назначении московским генерал-губернатором «опущено <...> звание мое Генерал-Адъютанта». Федор Васильевич затеял переписку с МВД и Министерством юстиции, прося «сделать надлежащее распоряжение об исправлении»³⁵⁹. На это время нашлось. С Главным управлением военно-учебных заведений он переписывался по делу «о зачислении в пажи-кандидаты двух сыновей генерал-адъютанта Дубасова, с допущением старшего из них к приему в 7-й общий или младший специальный класс Пажеского Его Величества корпуса»³⁶⁰.

17 декабря 1905 года московский генерал-губернатор докладывает императору о необходимости решить вопрос об отставном генерал-майоре П. В. Аверьянове. Этот генерал за свою прежнюю службу получал пенсию и имел право носить военный мундир. Аверьянов служил по вольному найму

в органах городского самоуправления Москвы и, по словам Дубасова, возглавил забастовочное движение сотрудников этих органов. Генерал-губернатор считал, что это «глубоко оскорбляет и вызывает негодование всех военно-служащих»³⁶¹. Он просил лишить Аверьянова пенсии и права ношения генеральского мундира. В тот же день император дал на это согласие. А 19 декабря Аверьянов был арестован «в порядке охраны»³⁶².

С Министерством императорского двора Дубасов вел переписку о лишении придворного звания членов семьи Шмит, к которой принадлежал революционер Николай Шмит. Еще в 1851 году почетный гражданин Александр Шмит получил звание «придворный мебельных дел мастер» и право иметь на вывеске его мастерской изображение государственного герба. В 1894 году звание придворного поставщика Высочайшего двора унаследовал его сын Павел. Теперь же генерал-губернатор ходатайствовал о том, чтобы этого звания были лишены унаследовавшие его от Павла сыновья и дочери — Николай, Елизавета, Екатерина и Алексей³⁶³. К этому времени их фабрика была разрушена артиллерийским огнем, Николай арестован, а семья разорена. Так что вывеску со званием и гербом все равно было некуда повесить.

У генерал-губернатора находилось время на частные вопросы, касающиеся отдельных людей. Значит, не так уж он был загружен работой. Но ему приходилось решать и более важные проблемы, в которых Дубасов проявил себя не особенно компетентным.

В докладе императору от 28 декабря 1905 года он ходатайствует «о безотлагательном усилении Московского гарнизона». Он сообщает: «Положение не сделалось явно опасным лишь благодаря тому, что в мятежническом движении не приняла участия вся масса фабричного населения, которое так настойчиво старались поднять главари движения и что, если бы эта масса одновременно направилась на город со всех окрестностей Москвы, то, напором ее могло быть сломлено сопротивление несоразмерно малочисленного гарнизона». Генерал-губернатор считал, что «необходимо по крайней мере удвоить настоящий состав Московского гарнизона». Он просил «о назначении в Москву теперь же, другого армейского корпуса, в добавок к корпусу гренадерскому, из числа корпусов прибывающих с Дальнего Востока»³⁶⁴.

Предложение Дубасова явно невыполнимо. И оно не свидетельствует о его компетентности. Во-первых, в мирное время он предлагает довести гарнизон Москвы до состава целой армии, включающей в себя два пехотных корпуса, кавалерийскую дивизию, несколько казачьих полков и много других частей. А ведь в Российской империи было еще много городов с фабричным населением. В каждом из них нужно было по гарнизонной армии разместить? Во-вторых, беспомощность полутора десятков крупных воинских частей Московского гарнизона во время Декабрьского вооруженного восстания 1905 года в Москве и уверенные действия всего двух прибывших полков говорят о том, что важнейшим фактором была не численность войск, а их готовность выполнять поставленные задачи. Даже если бы Московский гарнизон был втрое меньше или втрое больше, это не изменило бы ситуацию. Заниматься нужно было повышением боеготовности войск, а не увеличением их численности. В-третьих, генерал-губернатор совершенно не представлял состояния войск, возвращающихся с Русско-японской войны. Об этом рассказывает участник той войны военный врач и знаменитый писатель В. В. Вересаев:

«Настроение солдат становилось все грознее. Вспыхнул бунт во Владивостоке, матросы сожгли и разграбили город. Ждали бунта в Харбине <...> солдаты держались все более вызывающе, они задирали офицеров, намеренно шли на столкновения. В праздники, когда все были пьяны, чувствовалось, что довольно одной искры, — и пойдет всеобщая, бессмысленная резня. Ощущение было жуткое. <...>

Всякая спайка исчезла, все преграды рушились. Стояла полная анархия. <...> Все, что долго и прочно накапливалось в солдатской душе, вырвалось наружу и медленным, мутно-темным, угрожающим вихрем начинало кружиться над армией. Поражающее неравенство в положении офицерства и солдат, голодавшие дома семьи, бывшие в глаза неурядицы войны, разрушенное обаяние русского оружия, шедшие из России вести о грозных народных движениях, — все это наполняло солдатские души смутною, хаотическою злобою, жаждою мести кому-то, желанием что-то бить, что-то разрушать, желанием всю жизнь взместить в одном воющем, грозном, пьяно-вольном урагане.

Викентий Викентьевич Вересаев,
военный врач во время Русско-японской
войны 1904–1905 гг.

<...> Мы выехали из Куачендзы на Харбин. Ехало много офицеров и врачей, также отправляющихся в Россию. Подвыпившие солдаты входили в купе, садились, не спрашиваясь, рядом с офицерами, закуривали. Наутро мы приехали в Харбин. Здесь настроение солдат было еще более безначальное, чем на позициях. Они с грозно-выжидающим видом подходили к офицерам, стараясь вызвать их на столкновение. Чести никто не отдавал; если же кто и отдавал, то вызывающе посмеиваясь, — левою рукою. Рассказывали, что чуть не ежедневно находят на

улицах подстреленных офицеров. Солдат подходил к офицеру, протягивал ему руку: “Здравствуй! Теперь свобода!” Офицер в ответ руки не протягивал и получал удар кулаком в лицо.

Вспыхивали страшные драмы. Во Владивостоке артиллерийский капитан Новицкий встретился на улице с солдатом: два георгия на груди, руки в бока, в зубах папироска. Новицкий остановил солдата и сделал ему замечание, что тот не отдал чести. Солдат, ни слова не говоря, с размаху ударил его кулаком в ухо. Новицкий, по обычной офицерской традиции, выхватил шашку и раскроил обидчику голову. Это увидели солдаты, помещавшиеся в Чуркинских казармах. Они выбежали из казарм и погнались за Новицким. Новицкий вбежал в офицерское собрание и заперся, солдаты стали ломиться. В собрании было еще несколько офицеров. Новицкий застрелился. Ворвавшиеся солдаты жестоко избили остальных офицеров. Били поленьями и каблуками,

преимущественно по голове. Два офицера через несколько дней умерли в госпитале»³⁶⁵.

Ох, не понимал вице-адмирал Дубасов, о чем он просит императора! А если бы его ходатайство удовлетворили и разместили в Москве такие войска?

Московский генерал-губернатор направил императору еще целый ряд невыполнимых и даже нелепых просьб. В докладе от 28 декабря он писал, что дела по гражданскому управлению Москвой и Московской губернией слишком многочисленны и разнообразны. По мнению Дубасова, «генерал-губернатор едва ли с полным успехом может преодалевать [так в документе. — А. Ш.] все затруднения, возникающие в этой области». Поэтому он предлагал назначить подчиненное генерал-губернатору лицо «вполне компетентное и правоспособное объединять многообразные отрасли этого управления». Фактически, Дубасов хотел, чтобы учредили должность «младшего генерал-губернатора», а «старшего генерал-губернатора» освободили бы от всего текущего гражданского управления.

Он и так имел в подчинении московского градоначальника, который руководил гражданским управлением в городе, и московского губернатора, который осуществлял гражданскую власть в губернии. По плану Дубасова, теперь над ними должен стоять еще один чиновник, объединяющий управление этими административными единицами. Но, собственно говоря, это и должен был делать генерал-губернатор.

Кандидатом на должность «младшего генерал-губернатора» Дубасов, естественно, назвал Джунковского, который и так фактически замещал его во всем, что не касалось общения с центральными властями. Вице-адмирал дал ему очень высокую оценку. «Я не мог не отметить в лице исполняющего должность Московского Губернатора Флигель-Адъютанта Джунковского, — человека прекрасно одаренного и проникнутого чувством самоотверженной преданности долгу. В наступившие — и ныне благодаря Бога миновавшие — прискорбные дни мятежнического возстания, я находил в Флигель-Адъютанте Джунковском помощника всегда верно оценивающего обстоятельства и всегда хорошо осведомленного об обстановке с которою приходилось иметь дело. Благодаря этому, я во всех случаях мог опереться на него с полным доверием, и его участие в деле, всегда служило для меня верным залогом успеха»³⁶⁶. Дубасов хода-

тайствовал и о призыве Джунковского в генерал-майоры «не в пример прочим», то есть в исключительном порядке.

Еще Дубасов считал нужным подчинить генерал-губернатору командующего войсками МВО. При этом генерал-губернатор должен был быть освобожден от «заботы по строевому управлению <...> войсками». Эти обязанности полностью оставались на долю командующего.

Когда-то великий князь Сергей Александрович совмещал должности генерал-губернатора и командующего войсками округа, да еще выполнял некоторые функции, переданные позже градоначальнику и губернатору. Теперь Федор Васильевич Дубасов собирался быть «главноначальствующим в Москве и ее губернии», имея в подчинении и командующего войсками, и чиновника, исполняющего обязанности генерал-губернатора. Что же тогда оставалось бы прерогативами «главноначальствующего»? Только доклады императору? Все это свидетельствует о некомпетентности Дубасова, о том, что он сам это осознавал и поэтому стремился переложить дела на более квалифицированных администраторов.

Предложения по созданию в Москве армии из двух корпусов и по учреждению должности «младшего генерал-губернатора» не встретили понимания в Петербурге. А вот предложения Дубасова о замене градоначальника фон Медема и командующего войсками округа Малахова были услышаны.

Еще одно предложение Дубасова было хорошим, но не верным. Он считал, что арестованных мятежников нужно судить не военным судом, а гражданским с участием представителей, избираемых обществом. Конечно, после подавления восстания было необходимо немедленно прекратить бессудные расправы. Всех арестованных мятежников нужно было передать под юрисдикцию профессиональных окружных военных судов. Во время действия режима усиленной охраны или режима чрезвычайной охраны, эти суды должны были рассматривать дела злоумышленников, совершивших преступления с использованием оружия или готовивших такие преступления. В таких судах, в отличие от судов гражданских, не предусматривалось участие присяжных, представляющих общество. Но зато соблюдались все необходимые юридические процедуры, обеспечивающие обоснованность приговоров. Дубасов же хотел, чтобы общество было уверено в справедливости судебных

решений. А для этого дела мятежников должны были рассматриваться гражданским судом с участием выборных общественных представителей. Мысль была хорошей. Но Федор Васильевич не учел, что в той ситуации общество было расколото. Различные его части взаимно не доверяли друг другу и не доверяли государству. В такой ситуации деятельность гражданских судов была крайне не эффективной. Процессы затягивались, приговоры не были адекватны злодеяниям. Поэтому в условиях сохранения режима чрезвычайной охраны передача дел мятежников в военные суды была бы и законной. И целесообразной.

Джунковский сообщает о Дубасове следующее: «Как только восстание было подавлено, он сейчас же написал Государю, прося судить всех виновных обыкновенным судом, и настоял на этом исключительно благодаря своей твердости, так как управлявший тогда Министерством внутренних дел П. Н. Дурново высказывался за военный суд <...> благодаря этому ни одного смертного приговора вынесено не было».

Жертвы восстания и помощь пострадавшим

Еще во время восстания, при каждом затишье боевых действий, московские власти предпринимали попытки оказывать помощь пострадавшим, убирать тела погибших, вести подсчет общего количества жертв.

13 декабря градоначальник фон Медем предписал приставам сообщить «общее количество убитых и раненых околоточных, городских, сторожей, частных лиц»³⁶⁷. Но тогда это указание выполнить не успели, да и подводить итоги еще было рано. Основные потери были впереди. Через четыре дня было принято решение в случае гибели служащих полиции выделять «на первые расходы по погребению» по 25 рублей³⁶⁸.

В своей недатированной «Памятной записке» Медем назвал число погибших и пострадавших полицейских. Кроме расстрелянного боевиками начальника МСП Войлошникова, градоначальник указывает, что «из помощников приставов ранено 2, из околоточных надзирателей убито 3, ранено 5, из городских убито 10, ранено 17³⁶⁹. Но на самом деле жертв среди служащих полиции было больше.

20 декабря градоначальник предписал немедленно «доставить сведения хотя бы приблизительно о числе убитых и раненых с 9 сего декабря»³⁷⁰. Приблизительные сведения приставы представили в тот же день. Но точный подсчет затянулся до конца февраля 1906 года. Сведения собирали по полицейским участкам, воинским частям, больницам и лечебницам, медицинским пунктам, кабинетам частных врачей, кладбищам, церквям, где отпевали погибших.

Разнообразных данных было много, но они не всегда отличались точностью и достоверностью, иногда противоречили друг другу. Постепенно появлялись новые дополнения к ним.

В конце концов, окончательными были официально признаны следующие цифры. Во время Декабрьского вооруженного восстания в Москве убито 445 человек и ранено 819 человек, всего — 1264 пострадавших³⁷¹.

Среди убитых: воинских чинов — 12 человек, полицейских — 24 человека, дворников и сторожей — 16 человек; всего — 52 правоохранителя. Мятежников погибло 95 человек, в том числе 2 женщины. Мирных жителей было убито 298: мужчин — 223, женщин — 48, мальчиков — 21, девочек — 6. Таким образом, две трети погибших — это люди, не имевшие отношения к восстанию и его подавлению.

Ранено: воинских чинов — 65 человек, полицейских — 41 человек, дворников и сторожей — 22 человека; всего — 128 правоохранителей. Мятежников — 47 человек. На самом деле во время боевых действий раненых обычно бывает значительно больше, чем погибших. В данном случае медицинским отрядам повстанцев, видимо, удалось вывезти большую часть своих раненых и оказать им помощь тайно. Среди жителей раненых было 644 человек: мужчин — 497, женщин — 103, мальчиков — 36, девочек — 8. В любой войне, особенно в войне гражданской, в первую очередь страдают мирные люди, в том числе — женщины и дети.

Но многие сотни погибших и пострадавших людей — это статистика. Значительно трагичней воспринимается гибель или страдания конкретного человека, которого можно увидеть или представить, к которому можно ощутить сочувствие. Поэтому приведу здесь некоторые строчки из полицейских рапортов со списками убитых и раненых.

«Погребенных в дни беспорядков на кладбище Алексеевского монастыря:

1. Кузнецова Екатерина Михайловна крестьянка Ростовского уезда 67 лет;
2. Медведев Владимир Павлов крестьянин Перемышльского уезда, 31 года;
3. Никифоров Николай Семенов неклассный художник. 41 года»³⁷².

«В Сорокосветской церкви отпет умерший 11 декабря 1905 г[ода] от поранений пулей московский цеховой медного цеха Илия Николаев Быков 70 лет»³⁷³.

Из документа, озаглавленного «Алфавитный список раненых, умерших от ран и убитых во время мятежа в Москве»: «Андреев Петр Григорьев крестьянин 10 лет. 11 декабря сего года убит. <...> Антонов Николай Васильев мещанин 12 лет. 16 декабря сего года ранен. <...> Агапов Андрей крестьянин 14 лет. 11 декабря ранен. <...> Алексеева Екатерина мещанка 78 лет. 13 декабря убита...»³⁷⁴ И так далее, до последней буквы.

«Сведения о больных, раненых за декабрь 1905 г[ода]., которым оказана помощь в лечебнице доктора С. Ф. Майкова <...> 10 декабря: 1) Адлер — оторвана рука; 2) Румянцев — раздроблена плечевая кость; 3) Спасский — рана в бок сквозная <...> 11 декабря: 8) Андрей Агеев 14 лет мальчик в лавке — пулевая сквозная рана мягкой части предплечья; 9) Николай Ермолаев 70 лет рабочий Брянской железной дороги — ранен в плечевую часть руки»³⁷⁵.

«12 декабря умер от ран в лечебнице Постникова французский гражданин Андрей Рауль, 17 лет, холост»³⁷⁶.

«Список убитых и умерших от ран с 10 по 31 декабря»³⁷⁷: «В 1 участке Рогожской части. <...> 3) Арсений Иванов Савельев, крестьянин, 10 лет, проживал при родителях <...> В 1 участке Якиманской части. <...> 1) Кулагин Кирилл Васильев, 9 лет, крестьянин, при родителях, 11 декабря. <...> В 1 участке Среденской части. <...> 5) Михайлова Екатерина, мещанка, 15 лет, портниха, 13 декабря. <...> Во 2 участке Пятницкой части. <...> 2) Петр Григорьев Андреев. Крестьянин, 10 лет, при родителях, 11 декабря. <...> В 1 участке Мещанской части. <...> 4) Бакланов Иван Никифоров, крестьянин, 17 лет, торговый служитель; 5) Иванов Владимир Егоров, мещанин, 14 лет, без занятий. <...> В 3 участке Тверской части. <...> 1) Дмитрий Яковлев Павлов, 14 лет. Из крестьян, сапожник, 11 декабря...»

Восставшие на Лесной улице в Москве.
Среди них присутствует врач (слева)

Из списка раненных, доставленных в Екатерининскую больницу с 10 по 31 декабря: «Петр Филиппов Фомин, из крестьян, 13 лет, нищий. <...> Василий Иванов Коровин, крестьянин, 9 лет, ученик городского училища»

Из списка умерших в факультетской хирургической клинике 10–31 декабря: «1) Дочь типографиста Вера Грачева, 12 лет, 11 декабря — 14 декабря [даты доставления в клинику и смерти. — А. Ш.]».

Среди военных самые большие потери были в Московском жандармском дивизионе. До прибытия гвардейского отряда из Петербурга это была единственная абсолютно надежная воинская часть. Поэтому дивизион использовали для выполнения самых ответственных функций. Он же дал боевикам первый решительный бой. В дивизионе погибло двое солдат, еще двое умерли от ран. Ранения получили пять человек. Из них двое признаны не годными к продолжению службы, а остальные вернулись в строй³⁷⁸.

В лейб-гвардии Семеновском полку среди нижних чинов было двое убитых и восемь легкораненных. Кроме того, подпоручики фон Ден и Н. К. фон Эссен получили ранения, которые, впрочем, оказались незначительными, и офицеры не покинули строй. Поэтому в число пострадавших их не включили.

Двое убитых, один тяжелораненый и один легкораненый были в 3-м гренадерском Перновском полку. Такое же количество жертв оказалось и в 7-м гренадерском Самогитском полку. Погибшие и раненые были в полках 12-м гренадерском Астраханском, 1-м Донском казачьем, 3-м драгунском Сумском, в 1-й гренадерской артиллерийской бригаде. Только раненые — в полках 2-м гренадерском Ростовском, 4-м гренадерском Несвижском, 6-м гренадерском Таврическом, 1-м лейб-драгунском Московском, во 2-й конно-артиллерийской батарее, в 5-м резервном саперном батальоне, в 6-м инженерном парке.

В том числе среди офицеров был убит прапорщик А. Р. Цырков (Самогитский полк), тяжело ранен прапорщик Николаев (Астраханский полк), легко ранены штабс-капитан В. В. Кипарский (1-я гренадерская артиллерийская бригада) и хорунжий В. Г. Нефедов (1-й Донской казачий полк)³⁷⁹.

Во время Декабрьского восстания 1905 года в Москве погибали и офицеры, не входившие в состав действовавших частей, а находившиеся в городе по своим делам. Например, 10 декабря в Камергерском переулке трое неизвестных расстреляли из револьверов офицера в армейской шинели. В тот же день в лечебницу Жирмунского доставили офицера Склифософского с огнестрельными ранениями живота, предплечья и голени. Возможно, это был тот же офицер. В лечебнице ему сделали перевязку и отправили для оказания более серьезной помощи в факультетскую хирургическую клинику. Там он скончался 11 декабря³⁸⁰.

После боев в городе нужно было собрать с улиц убитых и раненых, помочь пострадавшим и семьям погибших. Государственные учреждения в дни восстания не успевали делать это. Поэтому в дело вмешивались органы городского самоуправления и общественные организации.

Медицинский союз (профессиональная общественная организация медиков) еще в начале восстания создал более 40 «летучих отрядов» для оказания первой помощи раненым и перевозки их в лечебные учреждения. Базы «летучих отрядов» находились в зданиях некоторых московских учебных заведений. Приемные покои для раненых располагались в больницах 1-й и 2-й Городских, Голицынской, Медведниковской, Павловской, Яузской, Басманной, Сокольнической, Староекатерининской, Новоекатерининской, святого Владимира,

факультетской хирургической клинике, а также в лечебницах Жирмунского, Руднева, доктора Александрова, Михайловой, Барановича, Трудового братства³⁸¹. Перевязочные пункты были организованы в городской амбулатории. В некоторых лечебницах и медпунктах.

Работники «летучих отрядов» Медицинского союза, баз и пунктов оказания помощи раненым имели удостоверения «за печатью Центрального Комитета при Бюро Медицинского союза» и использовали знаки Красного Креста, как общеизвестный медицинский символ. Но официально в состав организаций Российского общества Красного Креста (РОКК) они не входили.

Многие военные и полицейские считали эти не официальные учреждения медицинскими отрядами бунтовщиков, соответственно, к ним относились и даже обстреливали медиков! Тогда Медицинский союз обратился за поддержкой в органы городского самоуправления. 14 декабря московский городской голова Н. И. Гучков написал доклад генерал-губернатору с просьбой о том, «чтобы персонал этих отрядов санитарных пунктов не подвергался обстреливанию со стороны войск». Голова обещал, что все лица, входящие в состав этой санитарной организации, получат удостоверения от Городского управления и не будут иметь оружия³⁸².

Дубасов ответил так: «Признать какая-либо права за нелегальными организациями я не могу <...> будет подвергаться законному преследованию всякое лицо, присваивающее себе самовольно наружные знаки отличия, которыми может пользоваться лишь тот, кто посвятил себя служению благотворительности в учреждениях Российского Общества Красного Креста». Но генерал-губернатор разрешил создать «отряды медицинской помощи» под контролем Городского управления, снабдив их «особыми знаками отличающимися от знака Российского общества Красного Креста»³⁸³.

21 декабря всем полицейским было предписано оказывать содействие медицинским отрядам Московского городского управления, имеющим соответствующие удостоверения³⁸⁴.

А вот сама организация РОКК занялась вопросом помощи пострадавшим во время восстания только после прекращения боевых действий. Причем начали не с непосредственной помощи пострадавшим, а с решения организационно-бюрократических вопросов. В заседании 19 декабря Московское мест-

ное управление РОКК учредило комиссию для этого. В нее вошли генерал-лейтенант Н. Ф. Иванов-Луцевич, действительные статские советники Рафальский и С. Д. Войт, врач Московского комендантского управления коллежский советник В. Н. Штурм и казначей Лямин. 21 декабря эта комиссия обратилась к генерал-губернатору с целью «испросить указаний Ваших, какие виды помощи признаются наиболее желательными и необходимыми»³⁸⁵. К этому времени большинству раненых уже никакая помощь не требовалась. Они либо получили ее от других медиков, либо так и не дождались.

Комиссия РОКК занялась организацией своих «летучих отрядов», сбором пожертвований и созданием «лечебницы Красного Креста для приходящих больных» (видимо, имелись в виду раненые?)³⁸⁶. Лечебницу создавали в доме Е. П. Масловой по Полуектовскому переулку. Дом этот его хозяйкой был «пожертвован во временное пользование» специально для этой цели.

Во время восстания многие жители Москвы из-за пожаров и обстрелов лишились своего жилья, имущества, средств к существованию. Им, а также раненым и семьям погибших, требовалась материальная помощь.

19 декабря генерал-губернатор Дубасов по этому поводу отправил императору в Царское Село шифрованную телеграмму. «Для общественного настроения данной минуты было бы в высшей степени желательно показать столичному населению, что Правительство, суровою рукою карающее преступников, полно отеческой заботы о невинно пострадавших. Осмеливаюсь поэтому усердно просить Ваше Императорское Величество повелеть мне объявить обывателям Москвы, что правительство придет теперь-же на помощь пострадавшим и облегчит их тяжелое положение в форме и размере, какие благоугодно будет указать Вашему Императорскому Величеству. Число жертв приводится в известность, для первой-же безотлагательной помощи перевести в мое распоряжение хотя-бы сто тысяч рублей. Генерал-адъютант Дубасов»³⁸⁷. На следующий день премьер-министр Витте ответил, что такие деньги выделены.

В Москве был создан Комитет по организации помощи пострадавшим при усмирении мятежа. Возглавил его епископ Дмитровский преосвященный Трифон. В комитет вошли губернатор, градоначальник, вице-губернатор, начальник штаба МВО, губернский и уездный предводители дворянства, городской

голова и др. Для непосредственной работы комитет выделил из своего состава комиссию под управлением В. Ф. Джунковского.

Московский городской голова Н. И. Гучков издал от имени органов городского самоуправления воззвание. В нем говорилось следующее. «Во имя христовой любви и милосердия, во имя любви к родине Московская Городская Дума призывает всех поднявших оружие сложить его, всех примкнувших к стачке прекратить ее и тем вернуть населению города отнятые у него условия мирной и трудовой жизни. <...> Велика нужда в Москве: помощь бедствующим нужна быстрая, деятельная, щедрая. В мире и братском единении встретим наступающий праздник Рождества Христова и все, посильно сократив наши личные расходы, придем на помощь всем пострадавшим»³⁸⁸.

В местных газетах комиссия опубликовала объявление, в котором «невинно пострадавшие, а также все лица о них знающие» приглашались подавать заявления губернатору. Одновременно начался сбор добровольных пожертвований в пользу пострадавших от восстания и распределение помощи. Первый большой взнос сделал 22 декабря 1905 года губернский предводитель дворянства князь П. Н. Трубецкой: от имени всего московского дворянства он ассигновал из средств своей организации 20 тысяч рублей. Московский биржевой комитет выделил 50 тысяч рублей. Великая княгиня Елизавета Федоровна пожертвовала 5 тысяч рублей. Позже управляющий ее конторой гофмейстер А. П. Корнилов перевел еще 10 тысяч рублей. Митрополит Московский и Коломенский Владимир сделал взнос в 500 рублей. Семья Самариных несколько раз делала крупные пожертвования, так, А. Д. Самарин с женой и детьми передал 9,5 тысяч рублей.

Некоторые благотворители делали взносы анонимно или подписывались только именами. Было множество случаев, когда небогатые люди передавали совсем небольшие суммы. Но они делали это, искренне сочувствуя пострадавшим, и часто отдавали все, что могли, до последней копейки. Такие пожертвования особенно трогательны.

Мария Александровна Барженцкая 28 декабря прислала генерал-губернатору письмо. Она писала: «Простите за беспокойство, но кроме Вас я не знаю к кому обратиться». Женщина просила передать пожертвованные ею 24 рубля солдатам и городовым, раненым мятежниками. В тот же день от имени гене-

рал-губернатора управляющий его канцелярией передал ей «глубокую признательность»³⁸⁹.

Служащие станции Тучково Московско-Брестской железной дороги и жители окрестных деревень собрали 40 рублей «для раздачи семействам защитников спокойствия столицы, павших в борьбе с крамольниками»³⁹⁰. И подобные письма приходили даже от жителей деревень из дальних губерний России.

А в Москве жители шли в комиссию целой чередой, принося свои последние деньги. Прислуга Николаевского женского училища (всего 22 человека) собрала для раненых «9 рублей 22 копейки, 2 фунта сахару и $\frac{5}{8}$ фунта чаю». В этой группе была, например, Мария Диброва, передавшая 49 копеек³⁹¹. Это, явно, все, что у нее было. Иначе она пожертвовала бы 50 копеек.

Некий Корзин сдал в комиссию 7 рублей и 7 копеек. Этот человек даже копейки себе не оставил. 9 рублей принесли для пострадавших «дети Таня, Митя и Дима». Именно так, без фамилий, они назвались и были записаны в документах комиссии³⁹².

Черносотенцы тоже поучаствовали в сборе средств для помощи пострадавшим. Руководитель Союза русского народа, самой крупной черносотенной

Последствия восстания 1905 г. в Москве. Кудринская улица

организации, А. И. Дубровин прислал московскому генерал-губернатору телеграмму следующего содержания. «Совет Союза Русского Народа, исполняя единодушное желание 50 000 человек Союза в Петербурге переводит на имя Вашего Высокопревосходительства 500 рублей с почтительной просьбой не отказать передать эти деньги нижним чинам войск Московского Гарнизона страдавшим при исполнении долга перед родиной и Государством при подавлении крамолы»³⁹³. Именно так почему-то и написано: родина — с маленькой буквы, а государство — с большой буквы.

Согласно этой телеграмме, получается, что члены союза выделили по 1 копейке. А ведь среди них было много весьма обеспеченных людей — помещиков, лавочников, домовладельцев. Куда там детям Тане, Мите и Диме, или прислуге Марии Дибровой.

Все деньги, полученные от правительства и пожертвованные благотворителями, тут же распределялись среди пострадавших. Например, в списках получателей под №№ 801–804 значатся семьи погибших бойцов Московского жандармского дивизиона. Семья Алексея Никулина проживала в деревне Кыжья Соликамского уезда Пермской губернии, а семья Константина Петрова — в деревне Зманова Борисоглебского уезда Ярославской губернии. В этих семьях были малолетние дети, и поэтому они получили по 300 рублей. А семья Михаила Евсеева из деревни Ибской Яренского уезда Вологодской губернии и семья Алексея Захарова из деревни Речки того же уезда получили по 250 рублей.

А под № 807 записана О. П. Войлошникова, вдова начальника сыскной полиции. Ей выдали 1500 рублей. Для нее и трех детей, ограбленных боевиками и не имеющих никаких средств к существованию, это было очень нужной помощью³⁹⁴.

Глава IV

НОВЫЕ ВРЕМЕНА

Новый год наступил

«К 1 января Москва приукрасилась, и только кое-где разрушенные или поврежденные снарядами, с зияющими ранами, дома напоминали о том, что пришлось пережить обывателям в течение последнего месяца минувшего года. На самый день Нового года меня пригласил к себе генерал-губернатор и передал мне высочайше пожалованный мне орден святого Владимира 3-й степени», — вспоминает В. Ф. Джунковский.

Владимира Федоровича не произвели в чин генерал-майора, о чем ходатайствовал Дубасов. Объяснялось это тем, что еще не прошло и года, как ему присвоили чин полковника, а по тогдашним правилам нужно было прослужить в этом чине не менее трех лет. Но он воспринял это спокойно. «А так как Дубасов, мужество и политическая честность которого единственно спасли положение, не получил никакой награды, то мне было бы более чем неловко, если бы меня так выделили. Думаю, что Федор Васильевич Дубасов был обойден исключительно благодаря интриге Дурново, управлявшего тогда министерством внутренних дел, к которому Дубасов всегда относился весьма отрицательно, не уважал его и игнорировал. Кроме того, погашение восстания в Москве Дурново хотел приписать себе, хотя был тут ровно ни при чем. В результате и было, что Дурново 1 января произведен был в действительные тайные советники, был утвержден в должности министра, а дочь его назначили фрейлиной <...> и только 17 января <...> Дубасов был назначен членом Государственного Совета с оставлением в должности генерал-губернатора».

На самом деле положение спасли не «мужество и честность Дубасова» и не руководство Дурново, а решительные действия полковника Мина и подчинен-

ных ему войск. Награду Дубасов получил, хоть и с запозданием. Кстати, и ждать-то ему пришлось недолго. Да и сыновей его-таки зачислили в пажи-кандидаты Высочайшего двора.

Что в словах Джунковского верно, так это то, что тогда высшие чины МВД (а возможно, и других ведомств тоже) жестко боролись друг против друга. Их интриги иногда принимали не только аморальный, но и незаконный характер. И это явно не укрепляло Российскую империю в начале XX века.

Внутренняя борьба и незакония проявлялись и на более низких уровнях власти. Вскоре это приведет к грандиозному скандалу в московском градоначальстве.

21 января 1906 года в городе отменили комендантский час. По улицам теперь можно было беспрепятственно передвигаться в течение всей ночи. Ресторанам разрешалось работать до 1 часа ночи.

В Первопрестольной после подавления Декабрьского вооруженного восстания шел период отставок и награждений. В первую очередь это относилось к московской полиции. Отставляли и награждали по ходатайствам генерал-губернатора Дубасова. Причем многие из этих награждений выглядят совершенно необоснованными.

В отставку отправляли тех, кто должен был, но не предотвратил и не пресек возникновение восстания. Награждали тех, кто служил безупречно или смело проявил себя в экстремальной ситуации. Зачастую отставляли и награждали одних и тех же людей.

Первым был «отчислен от должности» градоначальник барон фон Медем. При этом его произвели в генерал-лейтенанты. Одним указом его наказали за некомпетентность и наградили за старание.

7 февраля отправили в отставку помощника градоначальника генерал-майора Руднева, недавно награжденного высоким орденом св. Владимира 3-й степени³⁹⁵. Это была единственная отставка, которая вызвала в московском обществе сожаления. Джунковский отзывался о Рудневе так: «Это был очень достойный, образованный человек, много вынесший на своих плечах, благородный, хотя и не без некоторых слабостей. <...> Он оставил в сердцах всех знавших его чувство глубокого уважения». Исполняющим обязанности помощника градоначальника стал генерал-майор Будберг.

Ушел с поста начальник Московского охранного отделения ротмистр Петерсон. Непонятно за какие заслуги он получил орден св. Владимира 4-й степени. Временно замещать эту должность поручили помощнику начальника МОО ротмистру П. А. Фуллону. Перед уходом Петерсон успел отличиться в глазах генерал-губернатора. Департамент полиции разослал циркуляр о том, что существует «возможность возникновения повсеместных беспорядков в период времени с 8 по 10 января <...> в связи с годовщиной известных событий, происходивших в Санкт-Петербурге»³⁹⁶. Для предотвращения этого предписывалось принять целый ряд мер: 1) заранее выяснить и арестовать зачинщиков волнений на фабриках и заводах; 2) обезопасить от нападений революционеров объекты железных дорог; 3) не допустить митингов и демонстраций, пресекать недозволенные публичные собрания; 4) войска держать наготове в казармах и отправлять по городу военные патрули; 5) разделить город на районы, назначить в районах начальников для руководства всеми силами правопорядка; 6) распределить полицейские силы, проинструктировать их о действиях в случаях беспорядков, проверить исправность оружия; 7) просить обывателей не подчиняться требованиям мятежников и содействовать властям.

В Москве революционеры в результате поражения восстания понесли серьезные потери, были в значительной степени деморализованы. Народные массы в тот момент не готовы были их поддерживать. Сил для организации новых массовых выступлений экстремистам не хватило. Заслугу в этом приписали политической полиции. 9 января 1906 года Дубасов сообщил министру внутренних дел о том, что счел необходимым выдать начальнику МОО 1 тысячу рублей «В поощрение особых заслуг»³⁹⁷.

В московской полиции и в других ведомствах началась настоящая гонка за наградами. Начальники различных учреждений бросились представлять своих людей к награждениям «за подавление беспорядков». Видимо, они считали, что чем больше будет награжденных сотрудников в их ведомстве, тем лучше будет выглядеть деятельность его руководителя. А недостатки, ошибки и упущения станут незаметны. И тогда самим начальникам достанутся значительные награды.

Генерал-губернатор Дубасов на радостях, что острая опасность миновала, охотно поддерживал эти ходатайства и отправлял их в Петербург. По количе-

ству служащих, представленных к наградам, было похоже, что московская полиция выиграла какую-нибудь «маленькую победоносную войну». Например, Русско-японскую.

При этом в большинстве представлений содержались ходатайства о награждении «вне правил», то есть с нарушением существовавших законоположений о наградах.

Не соблюдались установленные «межнаградные сроки». Так называли сроки, прошедшие со времени получения предыдущей награды. Для большинства наград они составляли три года.

Другое нарушение правил — это представление к награждению «через орден», а то и «через два ордена». В Российской империи награждение орденами должно было происходить в строго установленной последовательности. Награждение «через орден», то есть вручение более высокой награды, минуя еще не полученную более низкую награду, было редкостью. Награждение «через два ордена» — это вообще исключительное происшествие. А еще каждая награда должна была соответствовать определенному уровню чинов и должностей награжденного. Теперь же московские начальники ходатайствовали о нарушении всех этих правил. Награждения «вне правил» и «не в пример прочим» допускались лишь в случае особо выдающихся заслуг награждаемого.

Московские полицейские «прошляпили» подготовку революционе-

Городовой.

Фотография начала XX в.

ров к восстанию. А подавили мятеж солдаты и офицеры Семеновского и Ладожского полков. Откуда же тогда взялись «особо выдающиеся заслуги» в массовых количествах?

Это понимали и центральные власти в Петербурге, которые стали ограничивать запросы московских начальников. Но те упорно настаивали на своем, отправляли все новые ходатайства, отыскивали все новые заслуги.

Генерал-губернатор Дубасов представил к награждению орденами или повышением в чинах не менее 15 участковых приставов и 13 помощников приставов. Почти всех — «вне правил». Причем «списки Дубасова» заметно отличались от того перечня проявивших «особую распорядительность и мужество», который представил градоначальник Медем.

Например, из числа людей, исполнявших должности полицмейстеров, градоначальник выделил полковника С. Н. Ермолова. А генерал-губернатор представил к повышению в чине подполковника М. Н. Носкова. Медем отметил всего 9 приставов и 7 помощников приставов. Но из них в «список Дубасова» не попали приставы Анучин, Бояновский, Малишевский, помощники приставов А. Гринцевич, Поляков, Пастель³⁹⁸.

В чем же заключались «особо выдающиеся заслуги» чиновников, представляемых генерал-губернатором к наградам «вне правил»?

Вот примеры. «Младший Помощник Пристава 1 участка Мещанской части Штабс-Капитан Фоглер с самага открытия революционных действий мятежников проявлял энергичную деятельность, принимая на себя самые ответственные поручения, и неоднократно подвергался опасности быть убитым; 10 декабря под выстрелами революционеров вместе с Околоточным Надзирателем Тюриным высмотрел расположение баррикад на Малой Сухаревской площади и указал место для пулемета; 11 декабря после обстреливания мятежников орудийным огнем, собрав добровольцев из публики, первый приступил к разборке баррикад, подвергаясь обстреливанию со стороны мятежников»³⁹⁹.

«Пристав 2 участка Тверской части Коллежский Ассесор [так в документе. — А. III.] Юрьев, находясь всегда во главе нарядов полиции в центральной местности во время вооруженного восстания, проявлял во всех случаях при прекращении беспорядков как неусыпную энергию, так и распорядительность и мужество, не щадя своей жизни и кроме того неоднократно доставлял

Охранному отделению весьма полезные сведения о политическом движении»⁴⁰⁰. У пристава Юрьева в документах значились судимость и строгий выговор «со внесением в послужной список»⁴⁰¹. По правилам, таких людей нужно было в качестве награды сначала представить к снятию взысканий. Московское начальство ходатайствовало об одновременном «испрошении Приставу Юрьеву прощения» и награждении его орденом св. Владимира 4-й степени.

Не только участковая полиция, но и другие полицейские учреждения претендовали на свою долю наград. К орденам св. Станислава 3-й степени были представлены смотритель Сушевского полицейского дома коллежский секретарь Лев Лебедев, телеграфист Московского полицейского телеграфа губернский секретарь Григорий Перевезенцев, полицейский надзиратель фабрично-заводской полиции губернский секретарь Иван Матвеев, к производству в чин коллежского регистратора — письмоводитель 2-го участка Пресненском части Федор Целебров.

Канцелярия градоначальства выдвинула на награждение орденами и чинами сразу семь человек (всех — «вне правил»): делопроизводителя коллежского асессора С. И. Кедрова, помощников делопроизводителя титулярного советника Фивейского, коллежского регистратора С. А. Орлова, коллежского регистратора Н. М. Медведкова, казначея и бухгалтера губернского секретаря А. А. Филаретова, писцов крестьянина Алексея Земского и мещанина Федора Иванова. Чем же так отличились канцелярские работники?

Вот слова градоначальника: «В течение всего 1905 г[ода] инспекторский отдел моей канцелярии во главе с Делопроизводителем Коллежским Ассесором Кедровым несло и продолжает нести кроме обычной своей сложной работы ежедневно и по ночам тяжелый труд по составлению и разсылке секретных полицейских нарядов, которые самими чинами отделения тут же и печатаются на мимеографе <...> несмотря на опасность для жизни при ходьбе на службу по улицам, где не раз попадали под случайные выстрелы и революционеров и преследовавших их войск, являлись для срочной работы на службу, а на ночь для сей цели оставались по очереди в Канцелярии, которая все смутное время находилась в опасных условиях»⁴⁰².

А бухгалтер Филаретов отличился следующим образом. «10 и 11 декабря принимал деятельное участие при разсеянии толпы революционеров и один

раз непосредственно руководя солдатами, удачно предупредил постройку баррикады на Тверском бульваре. <...> Во время же обстреляния двора и дома Градоначальника с крыши и соседнего дома энергичными и расторопными распоряжениями помогал <...> восстановить порядок»⁴⁰³.

Что же касается управляющего канцелярией действительного статского советника К. Я. Реймерса, то градоначальник Медем просил о выделении тому денежного пособия в 500 рублей. Градоначальник пишет, что работа канцелярии была очень затруднена. Здание, где помещались канцелярия и квартира управляющего, находилось напротив охранного отделения, которое дважды революционеры забрасывали бомбами (18 октября и 9 декабря). «Многие служащие не могли нести службу <...> прося разрешения уходить засветло со службы. Управляющему приходилось самому исполнять экстренную работу»⁴⁰⁴. Это не совсем согласуется с ходатайствами о награждении служащих, где говорится, что они работали и по ночам. Свою семью Реймерс отправил в Петербург к матери. Но 24 декабря мать скончалась⁴⁰⁵.

Был среди отмеченных начальством и помощник начальника московского полицейского телеграфа статский советник Н. Н. Николаев. Вот описание его заслуг. «Благодаря Николаеву и его самоотверженной деятельности Полицейский Телеграф не только не принимал участия в забастовках, в которых в особенности приняло участие Почтово-Телеграфное ведомство, но принял на себя всю тяжесть сношения по телеграфу, работал исправно, исполнял точно и быстро распоряжения Градоначальника, его Помощника, охранного отделения, чинов Московской полиции, Полковника Мина и всех начальствующих лиц Военного Ведомства, принимавших участие в водворении порядка, усмирении революционеров и мятежников, и был единственным учреждением, поддерживавшим сношения указанных лиц, так как участки были разобщены, а телефон бездействовал. Независимо от этого Николаев, нещадя себя лично, во все дни смуты, не смотря на все заграждения, баррикады и всевозможные препятствия и живя на Пресне, которая была блокирована войсками со всех сторон, ни одного дня и часа не пропустил, чтобы не явиться на службу, а 17 декабря, когда Пресня громила и разрушалась огнем артиллерии и всюду горела, он оставил семью и детей на произвол судьбы, отправился на службу; всю дорогу он принужден был идти с поднятыми кверху руками, разстегну-

тым пальто, подвергаться несколько раз обыску, при чем обратно на Пресню уже совершенно пройти не мог»⁴⁰⁶.

Градоначальник представил Николаева к награждению орденом св. Владимира 3-й степени. Но для получения такой высокой награды нужно было иметь чин не ниже действительного статского советника и должность не ниже 5-го класса. А Николаев до этого уровня «не дотягивал». МВД отказало. Но при этом сообщило, что возможно награждение «подарком с вензелевым изображением Высочайшего Имени, в случае наличности соответствующих сумм в распоряжении управления Московского генерал-губернатора»⁴⁰⁷.

Кстати, московский почт-директор не согласился с низкой оценкой деятельности своего ведомства во время беспорядков. Он тоже подал представление о награждении экзекутора московского почтамта коллежского советника Федора Розена орденом св. Владимира 4-й степени. О деятельности экзекутора говорилось: «Проявил особое старание к исполнению тяжелых и ответственных обязанностей, оставаясь все время верным в исполнении служебного

Канцелярия московского сыскаго отделения

долга и принятой присяги, не взирая на угрозы и подстрекательства, равно много способствуя к восстановлению нарушенного порядка, почему вполне и заслуживает поощрения наградой, согласно приказа Управляющего Министерством Внутренних Дел по ведомству почт и телеграфов...»⁴⁰⁸

В очереди за наградами не обошлось без «толкания локтями». Новый начальник охранного отделения подполковник Е. К. Климович подал градоначальнику рапорт о «выдающихся заслугах» своих подчиненных. «С началом в Москве 7 декабря 1905 года всеобщей политической забастовки штатные чины и служащие канцелярии Московского охранного отделения должны были приступить к обычным во время всяких беспорядков вечерним занятиям, оканчивая таковые в 3–4 часа утра. В ночь с 9-го на 10-е декабря в помещении Отделения были подброшены 2 бомбы, взрывом разрушило всю угловую часть Отделения, в том числе кабинеты помощника начальника и делопроизводителя. Причинены тяжкие поражения 2 служащим — полицейскому надзирателю Буканову и служителю Карпову. 10 декабря на улицах Москвы были открыты военные действия по усмирению возстания, причем большая часть города находилась во власти мятежников. Начались массовые обыски и аресты, вызванная этим огромная канцелярская работа. С официальным закрытием Канцелярии московского градоначальника и Управления сыскальной полиции, Охранное отделение явилось почти единственным казенным учреждением, непрерывавшим своей деятельности. Служащие отделения были вынуждены работать по несколько дней подряд в полуразрушенном холодном помещении, с выбитыми окнами. Приходилось спать на связках архивных дел, прикрываясь собственной одеждой». На этом основании Климович ходатайствовал о предоставлении всех (!) выделенных для Московского градоначальства наград «исключительно для служащих Охранного отделения»⁴⁰⁹.

Судя по этим рапортам и ходатайствам, московские полицейские в декабре 1905 года просто выполняли свои повседневные служебные обязанности. Только делали это во время идущего вооруженного восстания. В условиях повышенной трудности. Они подвергались опасности, как и все находящиеся тогда в Москве люди. Начальники полицейских учреждений постарались выдать это за «особо выдающиеся заслуги», за героизм.

Главными героями того времени стали люди, не состоявшие на полицейской службе, но сделавшие очень много для восстановления безопасности в городе. При этом они постоянно рисковали своей жизнью. Москва была наводнена взрывчаткой. А специальной противовзрывной службы в составе полиции не существовало. Потребовались эксперты «по разрывным снарядам, химическим материалам и лабораториям для их изготовления». Для офицеров различных подразделений полиции были организованы курсы по ознакомлению с взрывчатыми снарядами. Но во всех сложных случаях требовалась помощь экспертов.

Таковыми экспертами стали техник Московского дворцового управления подполковник Федор Егорович Колонтаев и обер-фейерверкер московского артиллерийского склада титулярный советник Николай Трофимович Тисленко. Они выезжали на места обнаружения бомб, химических мастерских, складов взрывчатки, принадлежавших террористам. Разряжали снаряды, уничтожали взрывоопасные вещества, давали экспертные заключения во время следственных действий и судебных процессов над революционерами.

Тисленко привлекли к этому делу еще 4 февраля 1905 года при производстве осмотра места убийства великого князя Сергея Александровича. 17 сентября Николай Трофимович проводил осмотр лаборатории, снарядов и уничтожение взрывоопасных материалов, обнаруженных у террористки Зинаиды Конопляниковой. За время восстания он разрядил около 30 снарядов, изъятых у мятежников. Затем по требованию военных властей разминировал фабрику Товарищества Прохоровской мануфактуры, где дружинники установили множество фугасов. За это Тисленко представили к чину коллежского асессора⁴¹⁰.

Еще долгие годы после первой революции в Москве находили спрятанные боевиками бомбы. Каждый раз, разряжая эти взрывснаряды, эксперты рисковали жизнью. Например, 19 августа 1910 года были обнаружены две бомбы с фитильными и ударными взрывателями. Один снаряд был в жестяной оболочке, начиненный гремучим студнем и пироксилиновой шашкой. Его мощность определили в 1003 лошадиные силы. Другой снаряд — в железной оболочке, с пикриновой кислотой и пироксилиновой шашкой, мощностью в 2285 лошадиных сил. Обезвреживали эти снаряды подполковник Колонтаев и ротмистр Темников из Московского охранного отделения. Снаряды сильно

заржавели, и это было очень опасно, так как они могли взорваться в любой момент.

Через две недели, 3 сентября того же года, случайно обнаружили бомбу в здании Московского университета. Она находилась в подвале под амфитеатром юридической аудитории № 7. Проведя обыск, полицейские нашли там же еще одну бомбу. Вновь вызвали Колонтаева и Темникова. У одной из бомб чугунная гайка, закреплявшая взрыватель с бикфордовым шнуром и капсюлем с гремучей ртутью, сильно заржавела. Ее никак не удавалось открутить. Колонтаев держал снаряд клещами, зажав между колен. Темников ключом пытался отвинтить гайку. Та раздробилась, ключ сорвался и ударил «на полсантиметра выше капсюля»⁴¹¹.

29 октября 1911 года во дворе дома № 9 по Большой Полянке в куче песка нашли шарообразную металлическую бомбу. К тому времени Тисленко на должности обер-фейерверкера Московского артиллерийского склада сменил коллежский секретарь Порфирьев. Его и вызвали на разминирование вместе с ротмистром Темниковым. Порфирьев предупредил, что трубка взрывателя сильно помята и вывернуть ее будет крайне рискованно. Тогда Темников, взяв бомбу в свой портфель, отвез ее в Анненгофскую рощу. Там, в безлюдном месте, ее обложили пироксилиновыми шашками и уничтожили взрывом. Темникова за это представили к ордену св. Владимира 4-й степени⁴¹².

Полицейских, состоящих на младших должностях, тоже представили к наградам за подавление восстания. Правда, тут награждений «вне правил» почти не было. Отчетливо заметно, что, чем выше был уровень должностей, тем больше был процент отмеченных полицейских. Из имевшихся в наличии участковых приставов представили к награждению большую часть, из помощников приставов — многих. А вот дальше процент служащих, представляемых к наградам, сразу заметно снижается.

К орденам св. Станислава 3-й степени представили 6 околоточных надзирателей, уже имевших классные чины; к присвоению чина коллежского регистратора представили двоих; к шейным серебряным медалям «За усердие» на Станиславской ленте — 19 надзирателей.

Из городских награду «вне правил», золотую нагрудную медаль «За усердие» на Станиславской ленте, должен был получить только один человек —

Медаль «За безпорочную службу в полиции»,
которой награждались нижние полицейские чины

«запасный рядовой из крестьян» Семен Еремеев, служивший во 2-м участке Тверской части. Нагрудные серебряные медали на Станиславской или Александровской лентах полагались еще 37 городовым, 4 полицейским служителям, младшему унтер-офицеру МЖД Ивану Гусеву и двум ночным сторожам — крестьянам Ивану Комарову и Емельяну Хохлову⁴¹³.

Обыватели, содействовавшие правоохранителям в борьбе с экстремистами, получили от генерал-губернатора денежные награды по 25 рублей. Но тут произошла одна накладка. Среди награжденных был крестьянин Егорьевского уезда Сергей Иванович Расторгуев, владелец предприятия по извозному промыслу и очень состоятельный человек. Во время подавления восстания он проявил «особую энергию, как в деле организации рабочей силы для противодействия мятежникам, так и при разборке баррикад»⁴¹⁴. От предложенной награды в 25 рублей Расторгуев отказался в пользу пострадавших от мятежа. И тогда его представили к награждению медалью.

Первое коллективное награждение московских полицейских, отличившихся во время подавления Декабрьского вооруженного восстания, произошло 28 марта 1906 года. Император «Всемиловитейше соизволил пожаловать» следующие награды.

Орден св. Владимира 4-й степени — участковому приставу коллежскому асессору Анатолию Юрьеву. Ордена св. Анны 2-й степени — участковому приставу надворному советнику Михаилу Богдазевичу и делопроизводителю канцелярии коллежскому асессору Сергею Кедрову. Ордена св. Анны 3-й степени — старшему помощнику участкового пристава надворному советнику Всеволоду Глущенко, бухгалтеру канцелярии губернскому секретарю Александру Филаретову, помощнику делопроизводителя канцелярии коллежскому регистратору Сергею Орлову.

Ордена св. Станислава 3-й степени — старшим помощникам участковых приставов коллежскому асессору Александру Севенарду и губернскому секретарю Павлу Михнову; младшим помощникам участковых приставов губернскому секретарю Владимиру Райскому и коллежскому регистратору Валерию Богословскому; помощникам делопроизводителя канцелярии титулярному советнику Владимиру Фивейскому и коллежскому регистратору Николаю Медведкову; смотрителю Сушевского полицейского дома коллежскому секретарю Льву Лебедеву (уже в отставке), телеграфисту высшего оклада Московского полицейского телеграфа губернскому секретарю Григорию Перевезенцеву, полицейскому надзирателю фабрично-заводской полиции губернскому секретарю Ивану Матвееву; околоточным надзирателям в чине губернского секретаря Константину Симонову, Адаму Ставоржинскому и Михаилу Бернштейну; околоточным надзирателям в чине коллежского регистратора Митрофану Рождественскому, Александру Попову и Николаю Солодянкину.

В чин коллежского регистратора были произведены письмоводитель участкового управления Федор Целебров, околоточные надзиратели Петр Пенский и Алексей Павлов.

Серебряной шейной медалью «За усердие» на Владимирской ленте наградили городского запасного фельдфебеля Николая Молчанова. Такой же медалью на Станиславской ленте — 19 околоточных надзирателей, не имеющих классных чинов, и писца канцелярии крестьянина Алексея Земского.

Золотой нагрудной медалью «За усердие» на Станиславской ленте — городского запасного рядового Семена Еремеева, серебряной нагрудной медалью на Александровской ленте — 11 городских, такой же медалью на Станиславской ленте — писца канцелярии мещанина Федора Иванова, 26 городских, 4 полицейских служителей, 2 ночных сторожей и крестьянина деревни Васина Лалетовской волости Егорьевского уезда Рязанской губернии Сергея Расторгуева⁴¹⁵.

Позже был еще ряд награждений за эти же события. Так, 19 апреля того же года ордена св. Станислава 2-й степени получили пристав подполковник Владимир Керстич и старший помощник пристава капитан Чеслав-Антон Заневский, орден св. Станислава 3-й степени — младший помощник пристава Николай Попов, ордена св. Владимира 4-й степени — младшие помощники приставов Николай Алексеевич Алексеев и Леонид Фоглер⁴¹⁶.

Но вручение нижним чинам московской полиции медалей за подавление восстания слишком затянулось. Наверно, по иронии судьбы. Посылка с медалями «Всемилодивейше пожалованными» 28 марта 1906 года пропала на Санкт-Петербургском почтамте. Вероятно, она была похищена. Ведь медали тогда еще изготавливались из настоящих драгоценных металлов.

Поиски велись долго и безуспешно. Прошел почти год, а награжденные не получили своих наград. 16 февраля 1907 года Департамент полиции сообщил уже новому московскому генерал-губернатору: «В случае утраты медалей, таковые будут истребованы из капицула орденов»⁴¹⁷.

Новые войска и новый командующий

Хотя в Москву и не отправили какой-нибудь из маньчжурских корпусов, как об этом просил генерал-губернатор Дубасов, но численность сил, охраняющих правопорядок, тут все же выросла. Военное ведомство решило увеличить «количество войск, находящихся в командировке для предупреждения и пресечения беспорядков».

В Москве и Подмоскowie основные военные силы составляли Гренадерский и XIII армейский корпуса, а также Московская местная бригада.

В город переместили воинские части МВО, которые ранее дислоцировались в других местах. Это 9-й гренадерский Сибирский полк, 10-й гренадерский

Малороссийский полк, 4-й пехотный Копорский полк, 9-й пехотный Ингерманландский полк, 3-й и 5-й резервные саперные батальоны.

В конце зимы и в начале весны 1906 года революционные партии считали, что у них пока не хватает сил для нового вооруженного восстания, а народные массы не готовы восстание поддержать. Но экстремисты заявляли, что их боевые дружины вполне в состоянии проводить атаки и диверсии для вывода из строя железных дорог⁴¹⁸. Поэтому в Москве новые войска использовались в основном для охраны железнодорожных объектов. В Подмосковье для охраны железных дорог создали целую группировку войск. В нее вошли 138-й пехотный Болховский полк, 139-й пехотный Моршанский полк, 1-й и 34-й Донские казачьи полки, 6-я отдельная Донская казачья сотня, 3-й железнодорожный батальон, 2-я резервная артиллерийская бригада, мортирный полк, артиллерийский парк. Солдат этих частей рассредоточили небольшими подразделениями вдоль железнодорожных линий. Например, на станции Люберцы располагалась охотничья команда (то есть отряд спецназа) 138-го пехотного Болховского полка. А в селе Мытищи — полусотня 34-го Донского казачьего полка⁴¹⁹.

Был разработан и план действий на случай возникновения забастовки железнодорожников, которая могла бы парализовать перевозки. В этом случае общее управление железными дорогами московского узла немедленно переходило к начальнику военных сообщений штаба МВО генерал-майору К. Д. Гапановичу, штаб которого располагался на Николаевском вокзале. Его заместителем и начальником Каланчевского узла (то есть узла Николаевской, Ярославской и Московско-Казанской железных дорог) стал заведующий передвижением войск по железнодорожным и водным путям Московско-Архангельского района полковник Генерального штаба М. И. Пестржецкий со штабом на вокзале Московско-Казанской железной дороги. В других местах руководили офицеры, заведующие передвижениями войск, и военные коменданты станций. В их распоряжении имелись отряды войск, и они при необходимости могли даже вызывать для поддержки артиллерию и пулеметы. Для этого на Николаевском вокзале дежурили 4 орудийных расчета 1-й гренадерской артиллерийской бригады и 2 пулеметных расчета 2-го гренадерского Ростовского полка⁴²⁰.

С наступлением теплого времени года в Москву на срок летних войсковых сборов перебросили из Твери эскадрон юнкеров Тверского кавалерийского юнкерского училища и конно-артиллерийский дивизион (в составе двух батарей и управления дивизиона). Они прибыли 26 и 27 апреля. Эскадрон разместился в полевом лагере возле города, а дивизион — в казармах 1-й гренадерской артиллерийской бригады⁴²¹.

Их прибытие совпало по времени с открытием деятельности Государственной думы. Возможно, это перемещение было специально приурочено к этой дате. Начальство опасалось возникновения в Москве революционных эксцессов в эти дни.

Чтобы сосредоточить в Москве и Подмоскowie фактически целую армию, командование МВО передислоцировало сюда значительное количество войск из других губерний. В результате там воинских сил стало не хватать. В случае возникновения массовых беспорядков, губернаторы вынуждены были обращаться в Москву за помощью. Например, 29 июля костромской губернатор А. А. Ватаци просил по телеграфу: «В виду крайне опасного положения села Середы Нерехтского уезда и невозможности ослабить другия пункты прошу безотлагательно выслать станцию Середя сотню казаков или драгун»⁴²².

С 18 января 1906 года над войсками МВО начальствовал новый командующий. Это был генерал-лейтенант Сергей Константинович Гершельман. Губернатор Джунковский характеризовал его так: «Очень честный, скромный, отлично знающий военное дело и глубоко ему преданный человек; недостатками его были упрямство и сухость». Революционеры и либеральная пресса называли Гершельмана «черносотенцем». Действительно, он был не только врагом революционеров, но и антисемитом. Генерал сочувствовал черносотенному движению и не скрывал этого. Сергей Константинович принадлежал к тому же достаточно узкому и очень привилегированному кругу людей, что и другие уже упоминавшиеся выпускники Пажеского корпуса — Д. Ф. Трепов, А. А. Козлов, П. П. Дурново. Выше них по социальному статусу были только великие князья, родственники императора. Такие люди с самого рождения жили с «золотой ложкой во рту», а, вернее, с «золотыми генеральскими эполетами под подушкой». Карьера им была обеспечена. Повышения в должности,

Золотая медаль «За усердие»

новые чины и почетнейшие награды сыпались на них, как из «рога изобилия». И это независимо от наличия или отсутствия реальных заслуг.

Из всех Московских генерал-губернаторов начала XX века исключением, пожалуй, был только Ф. В. Дубасов. Он учился не в Пажеском, а в Морском кадетском корпусе. Долго «тянул лямку» тяжелой морской службы. В военное время реально совершил несколько ярких подвигов.

Впрочем, принадлежность к высшему кругу общества не означает отсутствие выдающихся способностей. Гершельман, например, блестяще учился в самых лучших военно-учебных заведениях России. Вероятно, он и сам смог бы сделать хорошую военную карьеру. Но ряд обстоятельств в его службе все-таки показывает, что продвигали и награждали его не за способности, а за принадлежность к высшему свету, к «своим людям» при императорском дворе.

Родился С. К. Гершельман в 1854 году в семье дворян Петербургской губернии. По вероисповеданию являлся православным. Двух лет от роду был зачислен в пажи к Императорскому двору, затем «определен» в Пажеский корпус.

Учился там отлично. За время учебы получил звание камер-пажа и должность фельдфебеля своей роты учащихся корпуса. Это значит, что он был лучшим учеником данного набора. Окончил корпус он по 1-му разряду (то есть с отличием). При выпуске из учебного заведения в 1872 году его имя было занесено на мраморную доску в здании Пажеского корпуса.

Выпустился Гершельман в чине гвардейского прапорщика. Служил сначала в лейб-гвардии Конногренадерском полку, затем в гвардейской конно-артиллерийской бригаде. В 1875 году был прикомандирован к штабу войск гвардии и Петербургского военного округа. За этот год дважды повышен в чине.

В 1876 году сдал экзамен и был зачислен в Николаевскую академию Генерального штаба. Вскоре стал штабс-капитаном гвардии.

В апреле 1877 года началась Русско-турецкая война. Гершельман по собственному желанию отчисляется из академии для участия в войне. Его назначают ординарцем к командующему 2-й гвардейской пехотной дивизией генерал-адъютанту графу П. А. Шувалову. Штаб этой дивизии прибыл к месту боевых действий только осенью.

В октябре Гершельман находился в составе отряда под командованием румынского князя Карла. Отряд осаждал Плевну. Но в боях молодой офицер участия не принимал. В ноябре Сергей Константинович перешел в Западный отряд генерал-адъютанта И. В. Гурко. Этот отряд преодолел Балканский хребет и двинулся вглубь вражеской территории. Гершельман участвовал в боях при Горном Дубняке, Ташкисене и Филиппополе. И трижды был награжден почетнейшими орденами «с мечами и бантами» — орденом св. Станислава 3-й степени, св. Анны 3-й степени и св. Владимира 4-й степени. Редко кто из самых боевых офицеров получил три такие награды за всю войну. Гершельману они достались в течение менее чем трех месяцев. Первым из этих орденов он был награжден на второй день службы в отряде. Можно было бы сказать, что это храбрейший и очень умелый боец. Но только, если бы тогда не было широко распространенной практики награждать адъютантов и ординарцев из аристократических кругов при первой же возможности, просто за присутствие на поле боя.

Гершельман был дважды ранен. В первый раз — «в оконечность мягких частей 3 фаланги левого мизинца, в чем имеется свидетельство перевязочного

пункта». Во второй раз — «контужен в левую наружную сторону груди с образованием обширного кровяного подтека»⁴²³. Иными словами, он получил царапину на кончике мизинца и большой синяк на груди. При этом оставил поле боя и поехал лечить палец на перевязочный пункт.

На картинах художника В. В. Верещагина, участвовавшего в той войне, мы видим лазареты, переполненные, можно сказать — заваленные, солдатами с серьезными ранами. А молодой офицер не постеснялся отвлекать медиков, чтобы ему перевязали царапину, да еще и обязательно составили письменное свидетельство о таком ранении. Что-то такое поведение больше подходит не храброму бойцу, а честолюбивому бессовестному карьеристу. Вот за такие ранения в ту войну Гершельман и получил два из трех его орденов.

Сергей Константинович участвовал и во вступлении российских войск в городок Сан-Стефано возле Стамбула, столицы турецкой Османской империи. Эта операция завершила войну.

После войны Гершельман вернулся в академию, увешанный орденами. В 1881 году он ее окончил тоже по 1-му разряду. «За отличные успехи в науках» был награжден годовым окладом жалованья. Получил чин гвардейского капитана, но вскоре был «переименован» в чин подполковника Генерального штаба.

Далее Сергей Константинович служил в штабе Харьковского военного округа, затем — в штабе XV армейского корпуса. Но для дальнейшего продвижения по службе требовалось иметь стаж командования батальоном не менее года. И Гершельман на год прикомандировывается к 8-му пехотному Эстляндскому полку «для командования батальоном». Конечно же, получает за это командование очередной орден — св. Станислава 2-й степени.

В это время Сергей Константинович удачно женился. Его супруга Александра Васильевна была дочерью камергера императорского двора действительного статского советника Познанского. Со временем в их семье родилось 4 сына и дочь.

В 1884 году Гершельман становится полковником, в 1886 году — начальником штаба 23-й пехотной дивизии. Получает ордена св. Анны 2-й степени и св. Владимира 3-й степени, германский орден Красного Орла 2-й степени.

Но теперь для получения генеральского чина нужен был стаж командования полком. В 1895 году Гершельман возглавил 93-й пехотный Иркутский полк. Через 3 года его производят в генерал-майоры и назначают на должность начальника штаба II армейского корпуса. В 1903 году его опять повышают. Теперь он начальник штаба Сибирского военного округа. Сверху продолжают сыпаться награды — орден св. Станислава 1-й степени, офицерский крест французского ордена Почетного легиона, прусский орден Короны 2-го класса со звездой, а еще медали, почетные знаки.

В феврале 1904 года разразилась Русско-японская война. Гершельман отправился на нее в должности командующего 9-й пехотной дивизией. В Маньчжурю дивизия вступила в июне, но непосредственное участие в боевых действиях Гершельман принял только в феврале следующего года. В сражении под Мукденом он «начальствовал войсками на позиции у Мадяпу, где с 20 по 22 февраля 1905 года отбил несколько атак противника». Сражение это было проиграно, и японцы Мукден захватили. Других успехов в эту войну у Гершельмана не было. Зато он получил 4 очень высоких награды — чин генерал-лейтенанта «за отличия по службе», золотое оружие с надписью «За храбрость», орден св. Анны 1-й степени с мечами, орден св. Георгия 4-й степени. Такие награды, как золотое оружие и орден св. Георгия, должны были вручаться только за выдающиеся подвиги на поле боя. Гершельман же был награжден «за отличие в разновременных делах с японцами», то есть не за конкретные яркие подвиги, а за нахождение в зоне боевых действий.

В той «войне без побед» вообще было очень много награждений высших чинов. И воспринималось это скептически даже в военных кругах.

После войны Гершельман временно командовал X армейским корпусом, а 17 января 1906 года получил назначение на должность командующего войсками Московского военного округа.

Новые штаты общей полиции

29 декабря 1905 года были Высочайше утверждены новые штаты московской общей или наружной полиции⁴²⁴. Полиция эта отвечала за поддержание общественного порядка в городе и включала в себя участковые управления, полицейскую стражу (околоточных надзирателей и городских), полицейский

резерв, служительскую команду. Революционные события заставили значительно усилить ее количественный состав.

Еще во время Декабрьского вооруженного восстания было принято решение набрать дополнительно тысячу городских. До конца 1905 года эти городские содержались на остатки средств бюджета МВД по другим статьям расходов⁴²⁵. Теперь их включили в новое штатное расписание с соответствующим финансированием. Надо сказать, что экстренное комплектование в очень короткие сроки дополнительного штата городских в декабре 1905 года ни к чему хорошему не привело. Большинство из «скоропостижно» набранных людей были совсем не годны к полицейской службе.

Еще одно увеличение штатной численности московской полиции было связано с ростом территории, находившейся в ее ведение. Здешние власти давно уже поднимали вопрос о необходимости передать юрисдикцию над пригородными местностями от полиции уездной к полиции городской. Теперь такое решение было принято.

Сельская полиция в уездах была значительно малочисленней городской. Это объяснялось сравнительно меньшей плотностью населения в сельской местности. В Московском уезде по закону от 15 мая 1903 года полагалось 16 должностей полицейских урядников (по-современному говоря, участковых оперуполномоченных) и 68 должностей стражников (рядовых полицейских). Это на 522 населенных пункта. Губернатор вынужден был за счет других уездов губернии увеличить в Московском уезде число урядников до 35 человек и стражников до 100 человек⁴²⁶. Но и этого было крайне недостаточно.

В Московском уезде, кроме постоянного коренного населения, на жительство устраивалось огромное количество людей, прибывших для честных или преступных заработков в Москве. Селились они в пригородах. Поэтому численность населения в сельской местности Московского уезда была очень значительной, и к тому же она неравномерно распределялась. Так, в 5-м стане уезда проживало 6 тысяч человек, в 1-м стане — 7,5 тысяч человек. Зато в 8-м стане — уже 18,5 тысяч человек, во 2-м стане — более 40 тысяч человек, а в 7-м стане — 44 тысячи человек⁴²⁷. Понятно, что при таких условиях уездная полиция не могла обеспечить сколько-нибудь действенный контроль над приезжим населением в пригородных районах вокруг Москвы.

В передаче пригородов под надзор городских властей были заинтересованы не только наружная полиция, но и специальные полицейские подразделения — Московская сыскная полиция и Московское охранное отделение. Уголовные и политические преступники, совершая свои противозаконные деяния в городе, затем укрывались в пригородной местности, где полицейского контроля почти не было.

В 1898 и 1904 годах губернские власти даже выдвигали проекты о создании особой пригородной полиции. Она должна была подчиняться губернатору, но иметь штаты значительно превосходящие по численности сельскую полицию. Но проекты эти не были одобрены центральными властями, даже несмотря на то, что бывший московский губернатор А. Г. Булыгин некоторое время занимал пост министра внутренних дел.

И вот сейчас было принято решение о передаче пригородов в административно-полицейское ведение властей города Москвы с 1 мая 1906 года. В соответствии с этим предусматривалось создание на территории этой «новой Москвы» 6 полицейских участков — Мариинского, Алексеевского, Богородицкого, Ново-Андроньеского, Симоновского, Бутырского⁴²⁸. Теперь Москва в административном отношении делилась на 4 полицмейстерских отделения и 48 полицейских участков (ранее было 3 отделения и 42 участка). Поэтому в новом штатном расписании появилась еще одна должность полицмейстера.

В каждый участок, как и прежде, назначались пристав, старший помощник пристава, младший помощник пристава, письмоводитель, помощник письмоводителя. Всего 240 человек (было 209 человек). В полицейской страже теперь числилось 480 околоточных надзирателей и 3406 городских. Всего 3886 человек (было 2224 человека).

Значительно усилили полицейский резерв. У начальника резерва вместо двух помощников стало четыре (два старших и два младших). Упразднили должность фельдфебеля резерва. Число околоточных надзирателей увеличили с 5 до 24 человек, а городских — со 150 до 240 человек.

Служительская команда по-прежнему включала в себя 16 смотрителей полицейских домов и 16 околоточных надзирателей (помощников смотрителей). Число служителей выросло с 402 до 416 человек (добавили по две должности служителей в новых пригородных участках и в 3-м Пресненском участке,

3-й участок Пресненской части
в Москве. Фотография начала XX в.

где это забыли сделать при учреждении участка в 1902 году). Большим упущением было то, что не увеличили количество служителей в полицейских домах. При резком росте числа содержащихся там арестантов, это создало тяжелейшую ситуацию.

Прежней осталась численность фабричной полиции — 14 полицейских надзирателей и 80 городских, всего — 94 человека.

По штату от 29 декабря 1905 года численность наружной полиции достигла 4941 человека (вместо 3123 человек по старым штатам). Произошло значительное усиление наружной полиции, ее численность выросла на 60 %.

24 февраля 1906 года в Москве была организована, так сказать, «банковская полиция». Дело в том, что представители банков и банкирских контор коллективно обратились к генерал-губернатору с просьбой выделить из состава полиции людей, которые постоянно несли бы службу по охране кредитных учреждений. Охрана должна была осуществляться по возможности скрытно. Предполагалось, что полицейские будут находиться на службе «в партикулярном платье» и вооруженные револьверами. Банки брали на себя расходы на жалованье, квартиры, обмундирование и вооружение этой охраны.

Дубасов согласился и с 24 февраля в банковскую полицию откомандировали из полицейского резерва 3 околоточных надзирателей и 68 городских, а из каждого полицейского участка — от 1 до 3 городских⁴²⁹.

Позже численность банковских полицейских выросла до 4 околоточных надзирателей и 240 городских. Они числились в участках, но от службы там были оторваны. Поэтому в феврале 1908 года их перевели в сверхкомплектные городские, а освободившиеся штатные места заполнили новыми людьми⁴³⁰.

Со второй половины февраля 1906 года московские власти начали ходатайствовать о создании в Первопрестольной подразделений конной полиции. Такие подразделения, немногочисленные, но очень мобильные, должны были играть роль сил немедленного реагирования в случаях возникновения беспорядков.

Пройдя множество правительственных инстанций, 26 апреля того же года этот проект был утвержден императором. Московская конно-полицейская стража (МКПС) была учреждена в составе трех отделений, каждое из которых по штату состояло из 50 конных городских, одного вахмистра-каптенармуса, 10 нестроевых конюхов, 51 лошади. Возглавлялось отделение полицейским офицером, имевшим опыт кавалерийской службы. Общее руководство МКПС осуществлял исполняющий дела начальника полицейского резерва подполковник А. Л. Комендантов⁴³¹.

Также в 1906 году получили значительное усиление Московская сыскная полиция и Московское охранное отделение.

Околоточные надзиратели, городовые и полицейские служители теперь были вооружены винтовками Бердана. Правда, большая часть полицейских по-прежнему не имела ни револьверов, ни годных к употреблению шашек. В Москве денег на это оружие так и не нашлось. По рапорту градоначальника, к концу января револьверами были вооружены 1299 городских. Не имели револьверов 1876 городских⁴³², хотя им полагались револьверы смит-вессон. Циркуляром Главного штаба от 23 июля 1899 года стоимость одного револьвера была определена в 13 рублей. Генерал-губернатор Дубасов ходатайствовал о выделении для этого 24 388 рублей из казны⁴³³. Но, судя по документам, во второй половине марта для нижних чинов полиции все еще не хватало 1666 револьверов. В наличии имелись 1356 исправных револьверов и 111 неисправных. Еще было 597 стальных шашек и 2116 железных «селедок»⁴³⁴.

По новому штату несколько улучшилось материальное положение заслуженных городских и полицейских служителей. Те из них, кто безукоризненно прослужил в Московской городской полиции более 5 лет, стали получать «прибавочный оклад» в размере 25% полагавшегося им жалованья⁴³⁵.

Серьезной проблемой были плохие жилищные условия городских. Для экономии средств многих из них поселили в полицейских будках, оставшихся от

прежних времен. Будки представляли собой небольшие отапливаемые домики. Раньше там размещались посты городской стражи. Но большинство таких строений для жизни, особенно с семьей, были неудобны. А во время восстания выяснилось, что это и небезопасно.

Генерал-губернатор Дубасов докладывал министру внутренних дел: «В период революционного движения в Декабре месяце прошлого года некоторые городовые Московской полиции, в виду угрожавшей им и семействам их опасности были переведены из занимаемого ими помещения в другое...»⁴³⁶

Но теперь требовалось оплатить этот временный наем помещений, расходы по их переустройству и отоплению. Нужно было также решить, возвращать ли городских и их семьи в будки. Городовые уже давно заявляли о тесноте и антисанитарных условиях в будках. А сейчас против размещения полицейских там выступили полицмейстеры и приставы.

13 февраля 1906 года полицмейстер 2-го отделения города Москвы посетил некоторые будки. Он рапортовал, что из 18 осмотренных им строений — 6 сгорели, 5 требуют ремонта, в одном нет отхожего места и помойной ямы, еще 2 «малопоместительны и темны», и только 4 удовлетворительны в санитарном отношении⁴³⁷.

Полицейстер 3-го отделения написал в рапорте следующее. «Некоторые из осмотренных будок при капитальном ремонте могут служить квартирою для городских, а некоторые по тесноте и ветхости совершенно должны быть закрыты для жилья. Считаю обязанностью сказать свое мнение, что в настоящее время размещение городских по будкам неудобно, так как городовые чрез это разбросаны довольно далеко от участка, таким образом при необходимости действовать быстро и массой в распоряжении участкового Пристава не имеется никогда в достаточной мере городских. <...> Дни беспорядков доказали и то, что городовые живущие по будкам были отрезаны от участков, не могли являться на службу, не могли иметь при себе оружие, в виду отобрания анархистами, даже из боязни за свое имущество и жизнь многие городовые должны были выехать из будок <...> сам опыт последних дней указывает, чтобы использовать городских надо держать их при казарменном расположении, по возможности ближе к участкам...»⁴³⁸

В большинстве участков так и поступили, разместив городских в казармах с оружием и боеприпасами. У зданий, где поместили городских, были выставлены посты «для предупреждения нечаянного нападения».

Пристав 1-го участка Тверской части сообщал: «Оружие и часть патронов хранятся на руках городских, которые расположены казарменным порядком в двух владениях: в первом при участке на Знаменке 46 человек, во втором в 200 саженях [ок. 427 м. — Ред.] от участка, в Лебяжьем переулке 26 человек. Хранение оружия при участке нахожу более опасным, так как участок представляет собою пункт цели злоумышленников почему потребует усиленной охраны, а в случае нападения на таковой, городские, явившиеся для защиты, окажутся без оружия»⁴³⁹.

Но казарменное расселение было не очень-то удобно для семейных полицейских. Лучше всего вопрос жилья для городских решили в 1-м участке Рогожской части. Там сняли восемь квартир в одном из доходных домов. В зависимости от количества комнат, в квартирах расселили от шести до восьми городских, всего — 57 человек. В каждой квартире назначили одного из городских старшим, отвечающим за поддержание порядка⁴⁴⁰.

Новый градоначальник прибыл

Решение об «отчислении» Медема с должности московского градоначальника было принято императором еще 30 декабря 1905 года. Но документально его оформили через несколько дней.

Рекомендовать кандидата на этот пост должен был генерал-губернатор. Ведь градоначальник являлся одним из его ближайших сотрудников. Ф. В. Дубасов выбрал кандидатуру полковника Анатолия Анатольевича Рейнбота, который в то время был исправляющим обязанности казанского губернатора.

Неизвестно, были ли Дубасов и Рейнбот знакомы. Неизвестно, кто указал генерал-губернатору на этого офицера, и почему Федор Васильевич остановился на этом варианте. Из слов самого Дубасова следует, что он испытывал некоторые сомнения. Вице-адмирал писал императору по поводу выбора человека, способного в очень сложных условиях руководить московской полицией, так: «Я затрудняюсь указать с уверенностью такое лицо [здесь и далее

Анатолий Анатольевич Рейнбот,
московский градоначальник в 1906–1907 гг.

это слово передано в документе в такой форме. — А. Ш.], но выбор мой пал на Казанского губернатора полковника Рейнбота, репутация которого дает основание надеяться что он справится с делом. Осмеливаясь усердно просить Ваше Императорское Величество о безотлагательном назначении полковника Рейнбота московским градоначальником [сохранена грамматика документа. — А. Ш.]»⁴⁴¹.

Репутация у Рейнбота была двойственная, можно сказать — «подмоченная». С одной стороны, он считался очень эффективным админи-

стратором, способным добиваться поставленной цели любыми средствами. С другой стороны, этот офицер проявил себя не лучшим образом в выборе таких средств. Он не считал обязательным для служащих административных и полицейских органов соблюдение законности. «Раз мы служим государству, то нам все можно! Мы же родину защищаем!» — примерно так формулировалось его кредо. Точно так же Рейнбот относился к соблюдению моральных и нравственных норм: если они мешают достижению цели, их надо отбросить. По-современному говоря, Анатолий Анатольевич был типичным «оборотнем в погонах».

С прежних мест службы за ним тянулся шлейф служебных злоупотреблений. До Казани Рейнбот служил в Финляндии. И там против него было возбуждено уголовное дело. Императорский гофгерихт (суд) города Або в течение года безуспешно пытался получить от Рейнбота показания по этому делу.

Поскольку обвинение предъявил адвокат-фискал (по фамилии Сунель), то, значит, речь шла о финансовых злоупотреблениях, о коррупции⁴⁴².

Рейнбот не только сам нарушал закон «в интересах дела», он поощрял и даже подталкивал к этому своих подчиненных. За короткое время руководства Рейнбота и после этого Казанская губерния занимала одно из лидирующих мест в империи по количеству преступлений, совершенных полицейскими. Зато полковник считался активным и успешным борцом против революционной крамолы. Наверное, это и определило выбор, сделанный Дубасовым.

Понятно, что такой человек, как Рейнбот, мог эффективно руководить московской полицией только при постоянном и дотошном контроле со стороны вышестоящих властей. При жестком пресечении любых его попыток отступить от соблюдения законности. Но именно этого Дубасов как раз и не мог обеспечить. Его помощники действовали в условиях полной бесконтрольности. Решающими факторами в такой ситуации становились их законопослушность, морально-нравственная стойкость, честность. У Джунковского они были, у Рейнбота — нет.

При Рейнботе административно-полицейское управление в Москве оказалось в руках банды коррумпированных «оборотней». Их преступления были для общества и отдельных людей не менее опасны, чем деяния обычных уголовников и революционных террористов. В результате разразился один из крупнейших политических скандалов в Российской империи начала XX века. Он получил название «рейнботовщина».

Карьерный путь А. А. Рейнбота был довольно обычным для людей высшего круга империи в конце XIX — начале XX века⁴⁴³.

Рейнбот родился в 1868 году в потомственной дворянской православной семье военных. Анатолий Анатольевич получил очень хорошее военное образование: окончил Александровский кадетский корпус, Михайловское артиллерийское училище (по 1-му разряду), два младших класса Николаевской академии Генерального штаба (тоже по 1-му разряду).

Службу он начал в 17-летнем возрасте юнкером рядового звания Михайловского училища. Через несколько месяцев получил звание унтер-офицера. Еще через два года стал портупей-юнкером. В 1888 году выпустился из училища подпоручиком и был назначен в 37-ю артиллерийскую бригаду. Служил

там в должности делопроизводителя батарейной канцелярии. В 1890 году стал поручиком и решил перейти на службу в гвардию.

В 1891 году Рейнбот был сначала прикомандирован «для испытания по службе», а потом переведен в лейб-гвардии 2-ю артиллерийскую бригаду. Назначен на такую же должность делопроизводителя батареи и «переименован» в гвардейские подпоручики (гвардия имела старшинство в один чин по сравнению с армейскими частями).

В том же году молодого офицера вновь переводят, теперь — в 5-ю гвардейскую батарею 2-й резервной артиллерийской бригады. Там он служил преподавателем в батарейной учебной команде и младшим офицером взвода.

В 1893 году гвардеец «выдержал экзамен» и поступил в Николаевскую академию Генерального штаба — главное военно-учебное заведение империи. Оттуда выпускались самые образованные офицеры российских войск. За время учебы он получил очередной чин и в 1895 году с отличием закончил курс двух классов академии.

Вернувшись в свою часть, успешно продолжил службу. Последовательно занимал должности командира взвода, командира полубатареи, заведующего батарейным хозяйством. Стал штабс-капитаном гвардии, получил ордена св. Станислава 3-й степени и св. Анны 3-й степени, две медали (в память царствования Александра III и в память коронавания Николая II). Одновременно со службой в бригаде Анатолий Анатольевич преподавал тактику в Санкт-Петербургском юнкерском училище.

В 1899 году Рейнбот вновь поступил в Николаевскую академию для прохождения дополнительного (старшего) курса и получил чин гвардейского капитана. Но дальше что-то произошло. По какой-то причине курс этот он не закончил и был отчислен обратно в часть.

В резервной артиллерийской бригаде его назначили сначала старшим офицером (то есть заместителем командира) батареи. Потом опять что-то случилось, и его понизили до командира полубатареи. Затем он решил круто изменить свою карьерную стезю.

С 1901 года Рейнбот переходит с военной службы на административную. Его направляют в Финляндию, в распоряжение Нюландского губернатора. Через полтора года он становится ландсекретарем Нюландской губернии, вре-

менно исполняет должность губернатора. Его «переименовывают» из гвардейских капитанов в подполковники, затем производят в полковники, награждают орденом св. Анны 2-й степени «за выдающиеся отличия», минуя более низкий орден св. Станислава 2-й степени. Карьера опять пошла вверх.

В 1905 году Рейнбота назначают штаб-офицером для особых поручений при генерал-губернаторе Финляндии. Но уже через два с небольшим месяца он становится исправляющим должность Казанского губернатора. Возможно, его срочно убрали из Финляндии, чтобы избежать преследования со стороны тамошнего суда по начатому против него уголовному делу. Финляндия тогда имела автономию и свою, отдельную от общеимперской, судебную систему.

И вот на рубеже 1905 и 1906 годов генерал-губернатор Дубасов рекомендовал Рейнбота на должность московского градоначальника. При этом Дубасов писал: «Принимая во внимание его семейное положение и исключительность условий в которых поставлено ныне исполняющее эту обязанность лице со стороны постоянно угрожающей его жизни опасности, а также необходимость обеспечения семьи Полковника Рейнбота достаточною пенсией, — я осмеливаюсь ходатайствовать перед Вашим Императорским Величеством о производстве его, одновременно с новым назначением, — в Генерал-Майоры»⁴⁴⁴. Похоже, генерал-губернатор хотел «раздать всем сестрам по серьгам» — и чин генерал-лейтенанта не справившемуся с обязанностями градоначальника Медему, и чин генерал-майора авансом еще ничего не сделавшему на этом посту Рейнботу.

Это ходатайство было удовлетворено. 6 января 1906 года Рейнбот, против которого не было закрыто уголовное дело, стал генерал-майором. В тот же день он отправил Дубасову телеграмму: «Благоволите, Ваше Высокопревосходительство, принять мою глубочайшую благодарность за Ваше высокое ходатайство и столь лестное ко мне доверие, к оправданию которого приложу все силы»⁴⁴⁵. Доверие это Анатолий Анатольевич не оправдал самым позорным образом.

Рейнбот сообщил, что до 14 января он прибыть не сможет. А ведь приближалась опасная дата — годовщина Кровавого воскресенья. Тогда генерал-губернатор поручил исполнять обязанности градоначальника уже отстраненному фон Медему⁴⁴⁶.

Кстати, слова Дубасова показывают, что он из каких-то источников был осведомлен о жизни Рейнбота, в том числе о его семейном положении. Тогда Анатолий Анатольевич был женат на дочери потомственного почетного гражданина Марии Александровне Дехтеринской⁴⁴⁷. Она происходила из богатого купеческого рода и принесла мужу значительное приданое, а затем и родительское наследство. В 1895 году она родила Рейнботу сына Анатолия, в 1897 году — второго сына Георгия. Но ее муж слишком любил «красивую жизнь» и все деньги успел промотать. В Финляндии он получал солидное жалованье — 12 тысяч марок в год. Ему этого не хватало, и семья находилась «в стесненных материальных обстоятельствах». По «генеральским» меркам, конечно. Возможно, этим и было вызвано возникновение судебного дела о коррупции.

Джунковский рассказывает о начале службы Анатолия Анатольевича в Первопрестольной следующее: «Новый градоначальник Рейнбот прибыл в Москву 15 января и тотчас вступил в должность, произведя очень хорошее впечатление на подчиненных своей умной, содержательной речью, с которой он обра-

Генерал А. А. Рейнбот со второй супругой заходит
в здание суда. Фотография 1900-х

тился к ним. На другой же день своего приезда Рейнбот успел уже объехать много полицейских участков и пожарных команд. <...> Рейнбот представлял собой очень умного, энергичного, ловкого администратора, но, к сожалению, это был человек беспринципный, искавший популярности и не стеснявшийся [в средствах. — А. III.] для достижения тех или иных целей, умел показать товар лицом и втереть очки...»

В Москве Рейнбот имел ежегодное жалованье в 14 тысяч рублей и казенную квартиру. Но его и это не устраивало. Как пишет о новом градоначальнике Джунковский, «истратив все состояние своей первой жены, милейшей, достойнейшей женщины из простой купеческой семьи, имея двух сыновей, он с ней развелся, чтобы жениться на богатой вдове». Указом Святейшего Синода 12 июля 1907 года первый брак Рейнбота был расторгнут⁴⁴⁸.

Новая жена Рейнбота была не просто богата, а владела баснословным состоянием. Звали ее Зинаидой (Зиновией) Григорьевной. Фамилия в девичестве — Зими́на. Отец ее был купцом 2-й гильдии. Замужем она была трижды. В первый раз за Сергеем Викуловичем Морозовым, выходцем из знаменитой семьи очень крупных фабрикантов. У Сергея Викуловича ее отбил другой член того же клана, Савва Тимофеевич Морозов, являвшийся одним из богатейших людей России. И ее, и его родственники были против их брака. Отец невесты заявил, что это позор. Но Савва Тимофеевич настоял на своем и женился на разведенке. В этом браке Зинаида Григорьевна родила четверых детей. Второй муж строил ей роскошные дома и покупал загородные усадьбы. Жена стала хозяйкой салона, где бывали известные представители общества — великая княгиня Елизавета Федоровна, аристократы, крупные предприниматели, знаменитости из сферы искусства, например, Шаляпин, Врубель, Чехов, Книппер-Чехова и др.

Со временем отношения Саввы Тимофеевича и Зинаиды Григорьевны охладели. У него начался роман с актрисой Московского художественного театра Марией Андреевой. Савва Тимофеевич открыто демонстрировал свою оппозиционность по отношению к властям и передавал через Андрееву и Максима Горького очень большие деньги большевистской партии. В 1905 году Савва Морозов во французских Каннах при загадочных обстоятельствах покончил жизнь самоубийством. Не исключено, что это было убийство...

Градоначальник Рейнбот стал третьим мужем Зинаиды Григорьевны. Он мог больше не волноваться о материальных проблемах. Супруги приобрели на имя З. Г. Морозовой-Рейнбот подмосковное имение Горки. После победы революции Горки стали загородной резиденцией главы советского правительства и большевистской партии В. И. Ульянова (Ленина).

Полицейские войны

Одной из своих важнейших задач на новом посту А. А. Рейнбот считал формирование «своей команды», подбор подчиненных, близких ему по взглядам. Такие люди должны были беспрекословно выполнять все его указания любыми средствами. Но чтобы расставить своих людей на руководящие должности в московской полиции, нужно было освободить эти места от занимающих их прежних сотрудников. Это привело к тому, что в Московском градоначальстве начались полицейские войны.

Кроме самого градоначальника, важнейшей фигурой в команде был его помощник, непосредственно заведующий полицейскими делами. Обязанности по этой должности давно и достаточно успешно выполнял генерал-майор барон Андреас Эбергард Рейнгольд (Андрей Романович) фон Будберг. Он уже считал это место своим и ждал только официального утверждения.

Собственно говоря, Будберг вполне мог бы занять и пост градоначальника. А Дубасов смог бы смягчать присущие этому генералу раздражительность и грубость. Зато профессионализм и честность Будберга сомнениям не подвергались. Тогда не пришлось бы вызывать из Казани оборотня Рейнбота и авансом присваивать ему генеральский чин за «будущие заслуги». Но Дубасова почему-то не устраивала кандидатура Будберга и градоначальником стал Рейнбот.

Поначалу Анатолий Анатольевич собирался использовать Андрея Романовича в своих целях. Но вскоре от этой затеи отказался и решил Будберга отодвинуть подальше — вернуть на место полицмейстера одного из административных отделений Москвы. Причем делал он это не открыто, а с помощью интриг за спиной у барона. Когда тот узнал об интригах градоначальника, то был взбешен. Произошла схватка Рейнбота против Будберга.

По словам барона, дело развивалось так: «По вступлении в должность градоначальника генерал-майора Рейнбот я обратился к нему с просьбой выяснить мое служебное положение, могу ли я рассчитывать быть утвержденным в должности помощника Московского градоначальника, или он намерен предложить место другому кандидату. На прямой мой вопрос я получил категорический, прямой ответ: “Вы будете моим помощником, другого кандидата у меня нет”»⁴⁴⁹.

Позже Рейнбот на приеме у министра внутренних дел дал отрицательный отзыв о Будберге и провалил его утверждение в должности помощника градоначальника. Возмущенный до крайности Андрей Романович обратился к генерал-губернатору, требуя либо восстановления своей испорченной служебной репутации, либо проведения суда над собой. Он подал следующий рапорт: «Имея за собою 34-летнюю безпорочную службу, перенеся тяжелое революционное время и, быв всегда на посту, я в праве требовать от своего начальства корректного к себе отношения, а не оскорбительного, голословного определения моей служебной негодности. Обращаюсь к Вашему Высокопревосходительству, как представителю высшей власти, с почтительнейшей просьбой явиться справедливым заступником совершенно незаслуженно оскорбленного подчиненного, служебный престиж коего совершенно несправедливо подорван, дав мне соответствующий моему чину выход из невозможного служебного положения, в каковое меня поставил генерал-майор Рейнбот, потому что Министр внутренних дел мою служебную негодность мог определить только по докладу генерал-майора Рейнбот, знающего меня всего 3 месяца, ибо, как мне доподлинно известно, предшествующие мои начальники аттестовали меня достойным. Если же в службе моей есть обстоятельства, порочащая меня, я требую распоряжения о предании меня суду»⁴⁵⁰.

Победу в схватке одержал Рейнбот. Генерал-губернатор поддержал недавно рекомендованного им градоначальника, Будберг отправился снова на должность полицмейстера. Но Дубасов восстановил его репутацию, добившись для барона личной награды от императора — «объявления Высочайшего благоволения». В ходатайстве об этом на имя министра внутренних дел генерал-губернатор написал: «Награду эту я считаю крайне желательной, так как она послу-

жила бы для него нравственным удовлетворением как справедливая оценка его отличных служебных качеств»⁴⁵¹.

Будберг отступил, но с поднятыми знаменами и под звуки оркестра. Кстати, его «передвинули» с должности полицмейстера 1-го отделения, включавшего в себя центральные районы, на место начальника только что образованного 4-го отделения. Подальше от центра города и резиденций высших администраторов, в Замоскворечье.

На должность своего помощника, заведующего полицией, Рейнбот выбрал другого человека. Это оказался полковник В. А. Короткий, командир 2-го батальона лейб-гвардии Гренадерского полка. К этому времени полковник «безвыходно» прослужил в полку более 24 лет и в полицейских делах он был совершенно не компетентен. Вероятно, Рейнбот знал его по службе в гвардии. Причина, по которой Короткий решил оставить гвардейский полк, точно не известна. Неофициально говорили, что это заставила сделать чрезмерная и все растущая тучность, которая начала портить полковой строй. Но, возможно, это был лишь предлог, скрывавший что-то другое. Не пройдет и года, как полковник будет уличен в крупномасштабной коррупции и «отчислен от должности»⁴⁵². Но пока он возглавил наружную полицию в Москве.

Место начальника Московской сыскной полиции оставалось свободным после гибели А. И. Войлошникова во время Декабрьского восстания. Старшим чиновником в сыскной полиции оставался надворный советник Дмитрий Петрович Моисеенко (в некоторых документах — Мойсеенко). С 1894 по 1900 год МСП возглавлял замечательный сыщик Владислав Рудольфович Рыковский. Он сумел навести в своем учреждении полный порядок, не допускал ни малейших нарушений закона сотрудниками. Четко контролируя деятельность подчиненных, Рыковский избавил МСП от коррупции. После его ухода на другое место службы, Моисеенко был в МСП старшим по должности и чину сотрудником, имел почти 10-летний опыт следственной и розыскной работы. Но Рыковский считал, что Дмитрия Петровича нельзя ставить на самостоятельную должность, где контроль за ним будет слабым. У Моисеенко не было понимания необходимости соблюдения законности служащими полицией. Без жесткого контроля он мог быстро превратиться в оборотня-коррупционера.

Тогда начальником МСП стал один из участковых приставов Василий Иванович Лебедев. Он руководил уголовным розыском в Москве до 1905 года и заслужил славу самого выдающегося сыщика империи. Моисеенко и при нем оставался под постоянным контролем. Затем Лебедева забрали в центральный аппарат МВД, где ему предстояло создавать систему органов всероссийского уголовного розыска. Встал вопрос о преемнике. Опять Моисеенко был первым кандидатом на эту должность. И вновь он не получил рекомендации бывшего начальника. Вместо него назначили Войлошникова.

Во время революционных событий в Москве контроль за деятельностью Моисеенко ослабел, и он успел дважды «вляпаться» в коррупционные скандалы. Во-первых, Дмитрий Петрович совершил растрату казенных денег. А когда это выяснилось, вынужден был покрыть ее. Во-вторых, его заподозрили в участии в преступном сообществе по незаконному освобождению от воинской повинности⁴⁵³. Превращение Моисеенко в оборотня произошло при первой же появившейся возможности.

Подбирая кандидатуру на пост начальника МСП, Рейнбот должен был поинтересоваться предыдущей службой Моисеенко. Поэтому градоначальник не мог не знать все вышеперечисленные обстоятельства. И все же он выдвинул Дмитрия Петровича на эту важнейшую должность, дав ему блестящую аттестацию. Видимо, взгляды Рейнбота и Моисеенко полностью совпадали, и эти «государственные мужи» произвели друг на друга отличное впечатление.

Генерал-губернатор Дубасов положился на мнение Рейнбота и написал в Департамент полиции: «В виду такой выдающейся служебной деятельности означенного чиновника, я, с своей стороны, не встречая препятствий к удовлетворению ходатайства градоначальника, покорнейше прошу <...> о назначении надворного советника Моисеенко начальником МСП»⁴⁵⁴. 3 марта 1906 года это назначение состоялось.

Затем Рейнбот решил сменить московского бранд-майора (начальника противопожарной службы). Должность эту занимал подполковник Эдуард Лунд, заслуженный офицер и опытный начальник пожарных. Стаж службы Лунда превышал 32 года, а с учетом льготной выслуги лет в «горячих точках» составлял почти 35 лет. Свою службу Лунд начал в войсках, нес ее на Балканах, на Кавказе, в Закаспийской области. Участвовал в походах. В числе других рос-

сийских офицеров помогал создавать болгарскую армию. В его послужном списке было «черное пятно». В 1889–1890 годах против него велось судебное дело по обвинению в нанесении побоев нижним чинам. Главный военный суд приговорил Лунда к «отставлению от службы». Но по Высочайшему повелению этот приговор заменили на 3 месяца содержания на гауптвахте. Многие люди, знавшие Лунда, называли его очень раздражительным и вспыльчивым. Это большой недостаток для командира.

В 1891 году Лунд перешел на службу в МВД и занялся противопожарным делом. Служил брандмейстером (пожарным офицером) в Варшаве, чиновником для особых поручений при градоначальнике Санкт-Петербурга, 7 лет был бранд-майором в Одессе. В Москву его пригласил в мае 1905 года градоначальник генерал-майор граф П. П. Шувалов, который очень тщательно подбирал на руководящие посты отличных профессионалов в своем деле.

В тяжелые революционные времена в Москве к пожарным не было никаких претензий. Они несли свою службу хорошо. Конфликт между Рейнботом и Лундом возник из-за денег, хотя, наверное, не из-за самой суммы, а из-за разного отношения к решению финансовых вопросов. Дело состояло в следующем. Требовалось срочно отремонтировать арестантские кареты. Это было крайне важно в условиях резкого роста количества арестантов. Использование таких карет предотвращало побег конвоируемых, ускоряло их перемещение, снижало нагрузку на конвойных, повышало гарантии их безопасности от нападений. В мастерских пожарного депо ремонтировали транспортные средства и другую технику пожарных обозов. Поэтому там же чинили и арестантские экипажи. Делали это бесплатно, «хозяйственным способом». При необходимости же крупного и сложного ремонта работы заказывались экипажной фабрике Петрова, а вот за это уже надо было платить. Рейнбот рассчитывал на бесплатный ремонт, а Лунд передал работы фабрике. Счет составил немалую сумму в 3700 рублей. Градоначальник платить не хотел. Он вообще предпочитал, чтобы подчиненные ему начальники, например, участковые приставы, сами решали материальные проблемы своих частей. При необходимости произвести ремонт в участке или приобрести новую мебель и оборудование, приставы должны были использовать свой «административный ресурс», а не просить денег у градоначальника. Этим деньгам он и сам мог найти лучшее, по его

Бранд-майор Эдуард Эдуардович Лунд.
Фотография начала XX в.

мнению, применение. Очевидно, Лунд сильно вспылал по этому поводу, а Рейнбот посчитал, что тот действовал злонамеренно, подрывая авторитет градоначальника. Произошла схватка Рейнбота с Лундом.

Начиная с середины апреля градоначальник несколько раз вызывал бранд-майора к себе или посылал к нему делопроизводителя своей канцелярии с требованием подать в отставку. Бранд-майор отказывался. Рейнбот угрожал

«погубить карьеру» Лунда, грозил ему судебным расследованием его дел по финансовой части или увольнением «в порядке чрезвычайной охраны», то есть признанием его виновным в содействии революционерам. Лунд этого не испугался и потребовал суда над собой.

Тогда Рейнбот начал, по-современному говоря, собирать компромат на бранд-майора. Он сделал выписку о давнем суде над Лундом, нашел двух пожарных офицеров (брандмейстера Пресненской части И. Т. Игнатова и помощника брандмейстера Сретенской части В. М. Марченков), которые подали жалобу на неправильные действия бранд-майора. Суть жалобы была в том, что Лунд прямо на пожаре отстранил Марченкова от должности, посчитав его пьяным. Рейнбот же засвидетельствовал, что сам убедился в трезвости Марченков в тот день.

Градоначальник назначил комиссию для административного расследования финансовых дел противопожарной службы. По его словам, было обнаружено множество злоупотреблений бранд-майора. 21 мая Рейнбот обратился с этими утверждениями к генерал-губернатору Дубасову. Он просил о немедленном отстранении Лунда от должности и о ходатайстве перед министром внутренних дел об увольнении этого офицера с государственной службы. Дубасов потребовал представить ему официальные материалы о злоупотреблениях. Этого градоначальник сделать не смог, ссылаясь на то, что полная ревизия

Б. М. Кустодиев. **Вступление**. 1905 год.
Москва. На плакате изображено
вступление Семеновского полка
в Москву для подавления
Декабрьского
вооруженного восстания

Обложка журнала
«Десятый вал». 1906. № 2

Великий князь
Сергей Александрович

И. П. Каляев бросает бомбу
в карету великого князя
Сергея Александровича в 1905 году.

Худ. В. С. Сварог. 1926.

Почтовая карточка

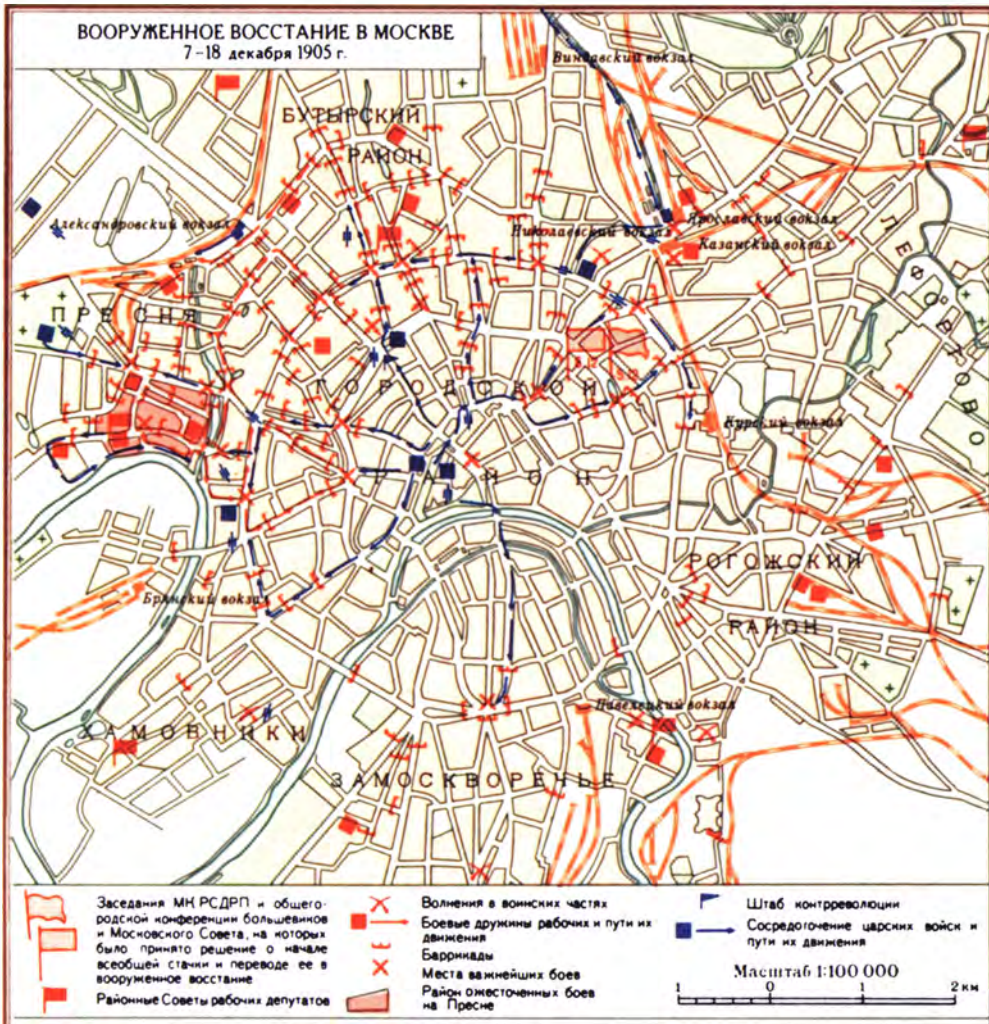
Усыпальница великого князя Сергея Александровича
в Чудовом монастыре. 1909

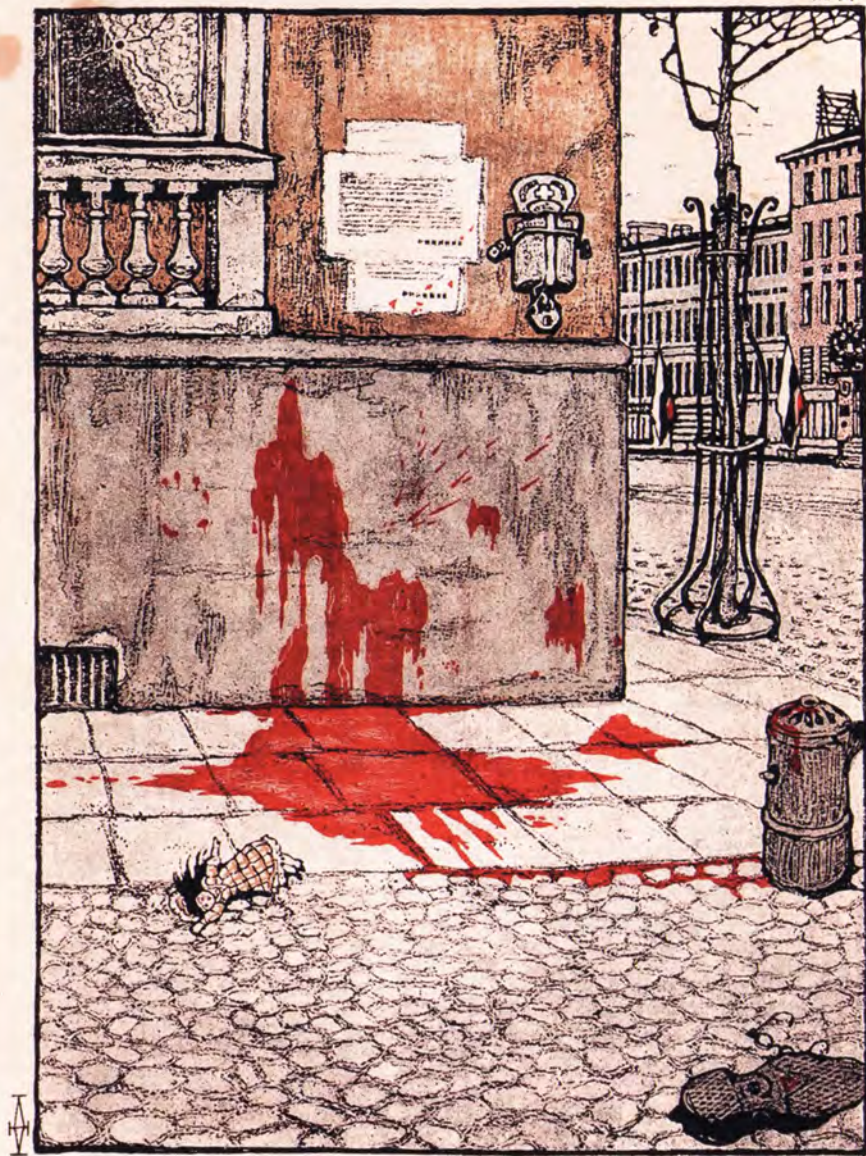
Крест-памятник на месте гибели великого князя
Сергея Александровича. Современная фотография.

Памятник был установлен в 1908 г., автор проекта — художник
В. М. Васнецов. В 1918 г. памятник был снесен, восстановлен в 2017-м

ВООРУЖЕННОЕ ВОССТАНИЕ В МОСКВЕ
7-18 декабря 1905 г.

Карта вооруженного восстания в Москве 7-18 декабря 1905 г.

М. В. Добужинский. Октябрьская идиллия.
Журнал художественной сатиры «Жупел», 1905. № 1

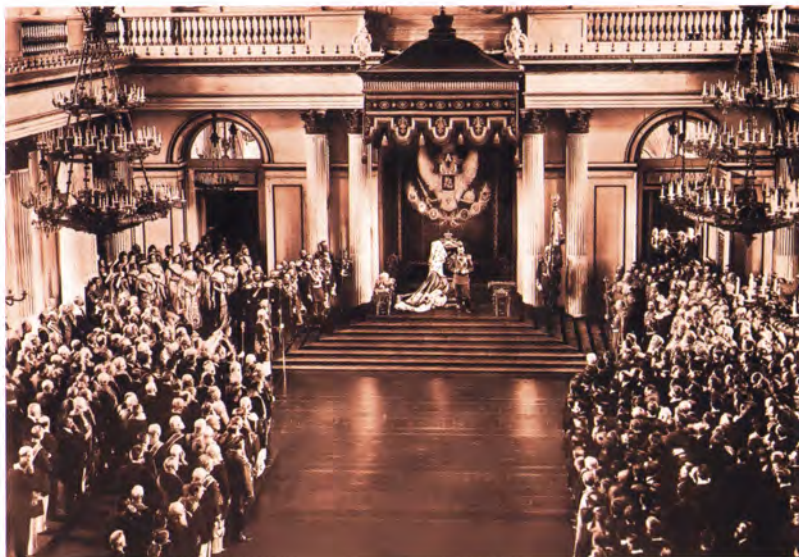
1906

ШУТ

№ 9 а.

Кузнецов. Благодарю вас!.. Я, к сожалению, лишен возможности выражаться так свободно и откровенно, как вы!

Приветственное слово императора Николая II членам Государственного совета и Государственной думы в тронном зале Зимнего дворца 27 апреля (10 мая) 1906 г. 9 (22) июля 1906 г. Государственная дума была распущена императором, просуществовав 72 дня

Президиум I Государственной думы. Слева направо: Г. Н. Шапошников (от Трудовой группы), Д. И. Шаховской, Ф. Ф. Кокошкин, П. Д. Долгоруков, С. А. Муромцев, Г. А. Шершеневич, Н. А. Гредескул, Щ. Понятовский (от автономистов), М. Г. Болквадзе (председатель Бюро печати)

денежных сумм еще не проведена. Генерал-губернатор не стал ничего предпринимать до выяснения дела. Интрига Рейнбота не прошла.

Слухи о конфликте между градоначальником и бренд-майором широко распространились в Москве. У Лунда нашлись влиятельные защитники, в том числе член совета министра внутренних дел генерал-лейтенант Е. В. Богданович. Бренд-майора поддерживали некоторые газеты. Тогда Рейнбот продолжил интриговать. 18 июня, находясь в Петербурге, он сам сделал «подробный словесный доклад» по этому поводу министру внутренних дел. Градоначальник надеялся, что запрос из министерства заставит Дубасова принять какие-то меры против Лунда.

Наконец-то 1 июля Рейнбот нашел-таки способ отправить Лунда в нокаут. В тот день, как писалось в рапорте градоначальника, бренд-майор «без всякого предварительного доклада мне, собственною властью распорядился допустить в Пожарном Депо собрание пожарных служителей, по два выборных от каждой команды, для обсуждения ими нежелательных, в виду тревожного времени, вопросов»⁴⁵⁵. Рейнбот объявил, что действия бренд-майора угрожают общественному порядку и безопасности. Поэтому на основании «Положения о чрезвычайной охране» градоначальник отстранил Лунда от занимаемой им должности. А на его место поставил своего человека — сверхштатного чиновника для особых поручений при градоначальнике коллежского асессора Н. Ф. Гартье.

Правда, Гартье был не пожарным, а полицейским. Предыдущая его должность — полицмейстер в городе Туле. Но Рейнбот заявил, что тот «зарекомендовал себя знатоком пожарного дела, честным и самоотверженным служаккой»⁴⁵⁶. Насколько «честные» люди окружали Рейнбота, мы уже знаем.

Градоначальник вновь просил уже нового генерал-губернатора оказать «возможное Ваше содействие скорейшему увольнению подполковника Лунда от службы». И тот не смог отказать. Чтобы усилить впечатление о вредности деятельности Лунда и показать Гартье в лучшем свете, Рейнбот сообщил: «Обнаруженные же вступившим в заведование пожарной командой Кол. Ас. Гартье беспорядки среди нижних чинов команды, как например: волнение чинов в Пречистенской пожарной команде, прекращенное лишь умелыми и энергичными действиями Гартье, который быстро нашел и арестовал зачинщика <...> несомненно поддерживаются по подстрекательству некоторых чинов близко стоящих к подполковнику Лунду»⁴⁵⁷.

Лунда еще пытался спасти его давний сослуживец и приятель временный генерал-губернатор Юзовского района генерал-майор В. Ф. Бауфал. Он писал московскому генерал-губернатору: «Зная хорошо Лунда, я смею уверить Вас, что это честный, прямой человек и в высшей степени усердный служака. Его служебная погрешность могла быть результатом вспышек пылкой его натуры, но ни как злой воли. Что же касается его политической благонадежности то в этом отношении он более всего подходит под тип “Черносотенца”... Я убежден, что политически он совершенно благонадежен»⁴⁵⁸. Но ничего уже не помогло. Высочайшим приказом от 4 сентября 1906 года Лунд был уволен от службы «по домашним обстоятельствам». Правда, отставка была почетной — с присвоением чина полковника, с мундиром и с пенсией. Лунда унесли с ринга под звуки оркестра, но под свернутыми знаменами. Уже находясь в отставке, он попытался добиться для себя повышенной пенсии. Но для этого требовалась аттестация от непосредственного начальства по последнему месту службы. МВД обратилось к московскому генерал-губернатору, тот — к градоначальнику. А Рейнбот не упустил возможности пнуть поверженного противника. Он сообщил: «Я не признаю Полковника Лунда достойным удовлетворения его ходатайства о назначении ему усиленной пенсии...»⁴⁵⁹

Больше никто из старших чинов Московского градоначальства против Рейнбота не выступал. А со служащими рангом ниже он расправлялся совсем легко, отправляя их в отставку своей властью. Многочисленные увольнения полицейских офицеров среднего звена Рейнбот объяснял очень просто. Он де принял начальство над московской полицией, когда ее служащие находились в деморализованном состоянии. И нужно было навести порядок. Ниже приводится один из его доносов генерал-губернатору Москвы.

«При вступлении моем в должность Московского Градоначальника в январе 1906 года чины Московской полиции найдены мною были с ослабленной служебной энергиею, причиною чего, несомненно, были перенесенные ими перед тем лишения в дни всеобщей политической забастовки в городе Москве и вооруженного в декабре 1905 года возстания.

На первых же порах ослабление службы чинов наружной полиции обнаружилось при прекращении политических и экономических забастовок среди

рабочих, отвыкших, благодаря слабому за ними надзору полиции, от уважения законной власти и ставших хозяевами вредного положения, благодаря развивавшемуся под влиянием агитации революционному среди них настроению, а особенно же ярко обрисовывалось в переполненных политическими арестованными полицейских домах города Москвы, из которых заключенные совершали весьма частые побеги.

На такой недопустимый пробел в полицейской службе мною тогда же было обращено строгое внимание и дабы возстановить внутреннюю и наружную полицейскую службу, издан был целый ряд распоряжений. <...>

Приставы и Смотрители, которые не в состоянии были выдержать строгого режима, вынуждены были оставить должности. <...> Благодаря введению такого режима среди чинов полиции, мало по малу ослабли забастовки среди рабочих, а также можно считать почти прекратившимися побеги политических арестованных и служба возстановилась самая энергичная среди всех чинов вверенной мне полиции, в их разнообразной кипучей деятельности, которую они, несмотря на ежеминутную опасность в настоящее тревожное время, продолжают самоотверженно проявлять, чем обуславливается полное спокойствие жителям первопрестольной столицы»⁴⁶⁰.

Очевидно, что градоначальник был весьма велеречив. Слова из него так и лились рекой, которую он с трудом останавливал. Только вот умной и содержательной его речь не кажется. Из нее вытекает, что размах стачечного движения среди рабочих определялся уровнем строгости дисциплины внутри полиции. Это явно не так. Рейнботу просто нужно было объяснить многочисленные отставки, вот он и «притягивает за уши» аргументы.

Начальником он был, конечно же, энергичным (видимо, это его любимое слово) и ловким. Но было ли это хорошо? В результате деятельности Рейнбота государственная власть в Москве оказалась в руках «оборотней в погонах». Правда, продолжилось это не так долго, как они рассчитывали. Через пару лет Рейнбот, Короткий, Моисеенко, Гартье и еще полтора десятка старших чиновников градоначальства в ходе сенаторской ревизии будут отстранены от должностей. Против них заведут уголовные дела по обвинению в коррупции, беззаконии и произволе. Всесилие и неуязвимость оборотней всегда кажущиеся и недолговечные.

Служба наружной полиции

Служба наружной полиции в 1906 году оставалась очень тяжелой и опасной. Революция продолжалась. Полиции по-прежнему приходилось вести войну на два фронта — против политических экстремистов и против уголовных преступников. И трудно сказать, кто из этих врагов являлся более кровавым и отвратительным. К тому же их часто трудно было отличить друг от друга. Революционеры действовали как разбойники, разбойники называли себя экспроприаторами.

До революции 1905–1907 годов главной нагрузкой для городских было несение постовой службы. За каждым постом закрепляли трех человек, и они несли эту службу в три смены. Городовой заступал на пост на шесть часов. Следующие шесть часов он числился «подчаском». В это время он должен был безотлучно находиться у себя на квартире, при необходимости его могли вызвать в участок для выполнения экстренных служебных обязанностей. Однако случалось такое не часто. Еще шесть часов городской спокойно отдыхал и затем вновь заступал на пост.

Экстренные обязанности были очень разнообразны: 1) охрана общественного порядка при торжественных богослужениях в церквях, на пожарах, на разрешенных общественных собраниях, на народных сборищах у театров, увеселительных заведений и общественных учреждений и т. д.; 2) участие в обысках и арестах преступников; 3) доставление из участка по разным адресам официальных пакетов, денежных сумм, вещей; 4) содействие должностным лицам при исполнении ими служебных поручений; 5) участие в судебных заседаниях в качестве свидетелей; 6) обеспечение безопасности при проездах высокопоставленных особ, при провозке крупных денежных сумм, при следовании важных арестантов, военных транспортов; 7) дежурство в нарядах на случай массовых беспорядков.

Теперь количество городских в Москве увеличилось. Но при этом служебная нагрузка на них значительно возросла. Экстренные вызовы стали постоянными, все время требовалось усиление нарядов, постов и патрулей. Ввели множество новых постов. Добавилось окарауливание арестантов в управлениях участков и в полицейских домах, конвоирование арестантов в судебные учреждения.

Для несения экстренных нарядов градоначальник Рейнбот сформировал роту городских, освободив их от службы в участках. Но сил этой роты, полицейского резерва и конной полиции совершенно не хватало. В результате освободить городских в участках от экстренной службы не удалось, а численность их сократилась. Кстати, градоначальник таким же путем сформировал еще и отряд городских-велосипедистов. Ассигнований на это он от МВД не получил и финансировал снаряжение отряда за счет других статей полицейского бюджета. Например, за счет расходов на жилье и отопление для городских. Фактически, он украл у них эти деньги.

Увеличение количества нарядов привело к тому, что теперь «подчаски» несли постоянную службу в усилении. А экстренные вызовы возложили на городских отдыхающей смены. Как правило, городской 6 часов стоял на посту, 8 часов находился в других нарядах и лишь 4 часа был дома и отдыхал. А затем вновь заступал на пост.

Многие посты сделали двухсменными: 6 часов городской стоял постовым, 6 часов был «подчаском» и отдыхал. И вновь выходил на пост⁴⁶¹.

В городе было неспокойно. Распространялись слухи о том, что революционеры вот-вот начнут новую

Городовой.

Фотография начала XX в.

волну вооруженных выступлений. Эти слухи не лучшим образом воздействовали на городских, которым приходилось нести постовую службу, в том числе и ночью. По этому поводу градоначальнику пришлось разослать полицмейстерам и приставам специальный циркуляр от 2 марта 1906 года:

«В виду распространяемых по городу тревожных слухов по сведениям не имеющих [так в документе. — А. III.] никакого основания предлагаю при всяком удобном случае успокаивать обывателей но в тоже время быть готовыми на случай всегда возможных единичных попыток произвести беспорядок. С этой целью ныне же приступить к обучению городских сомкнутому строю посменно обучая лично или поручая военным помощникам. Внушить нижним чинам твердое выполнение правил об употреблении оружия, необходимость самого тщательного наблюдения и в случае замеченного чего либо подозрительного немедленно извещать через дворников и всеми другими возможными средствами участок но отнюдь не оставляя поста. Указать городovým ближайший частный телефон. <...> Возможно чаще проверять службу особенно ночью. Фабричной полиции быть точно осведомленной о всем происходящем на фабриках и заводах донося о всем сколько нибудь выходящем из обыденного местных [так в документе. — А. III.] приставам. Необходимо помнить и внушить людям долг взаимной выручки и поддержки. При возникновении каких либо беспорядков немедленно прибывать лично или командировать помощников прекращая их решительными мерами. Уполномачиваю [так в документе. — А. III.] полицмейстеров в экстренных случаях вызывать моим именем жандармов но отнюдь не более взвода на отделение и ныне же поверить как налажен в участках сбор по тревоге свободных от наряда городских произведя фактически поверку о всем происходящем при малейшей к тому возможности докладывать мне по телефону или краткой запиской. <...> Градоначальник генерал-майор Рейнбот»⁴⁶².

С одной стороны, больше не существовало опасности новых массовых выступлений боевиков в Москве в ближайшее время. Начальство сочло возможным освободить ночных сторожей от несения полицейской службы при участках. Их вернули к обычным занятиям, как это было до восстания. Винтовки у сторожей изъяли.

С другой стороны, опасность одиночных экстремистских актов была весьма большой. Происходили ночные нападения на полицейские посты. 18 февраля приказом по полиции городовым предписали «с наступлением темноты разстегивать револьверные кобуры, передвигая их на поясах вперед, чтобы было удобно в случае надобности быстро выхватывать револьвер»⁴⁶³.

Срочно набранные в декабре новые городовые и ночные сторожа дали значительное снижение уровня дисциплины и порядка в полиции. Вот несколько таких примеров.

Из приказа по Московскому градоначальству и столичной полиции на 18 февраля 1906 года: «14 сего февраля около 10 часов вечера на Брестской улице был ограблен прохожий тремя неизвестными, которые успели скрыться. Предлагаю Приставу 2-го участка Пресненской части выяснить, где находились ночные сторожа во время вышеуказанного грабежа и виновных в неоказании помощи представить к увольнению.

Что уличные безчинства зачастую остаются безнаказанными, всецело приписываю неисправности службы постовых городовых и ночных сторожей, мало проверяемых Приставами и их Помощниками.

Ныне, когда с ночных сторожей совершенно снята дневная постовая служба, предлагаю гг. приставам предъявлять к ним самые строгия требования, не оставляя без внимания никаких нарушений их обязанностей и возможно чаще поверять постовую службу ночью, дабы вполне обезопасить неприкосновенность и покой обывателей»⁴⁶⁴.

Из рапорта полицмейстера 4-го отделения градоначальнику от 15 августа 1906 года: «Днем городовые несли в общем службу внимательно, за немногими исключениями, когда они занимались праздными разговорами. Курили или не регулировали ломовое движение. Во время-же ночного моего объезда с 3–5 часов утра на 10 сего августа мною обнаружены крупные беспорядки по 2 и 3 участкам Рогожской части.

Не оказались на своих местах 2 участка Рогожской части — 4 городовых, 3 сторожа, 6 дворников. По 3 участку — не оказался на посту 1 городской, спали 3 городовых, 3 сторожа, 6 дворников. Кроме того, в 1 участке Якиманской части один городской отсутствовал и еще один спал. Во 2-м участке Пятницкой части городской, сторож и дворник сидели вместе. Зато в 1 участке

Рогожской части и 2 участке Якиманской части все постовые были на местах»⁴⁶⁵.

Уровень дисциплины среди нижних чинов полиции во многом зависел от того, как несли службу их командиры, не проявляли ли халатности начальники подразделений. Видимо, так произошло во 2-м участке Рогожской части, который упоминается в рапорте на первом месте. В этом подразделении обнаружались и другие недостатки: «Городовые одеты хуже, чем в других участках», «уборка улиц производится весьма плохо»⁴⁶⁶. А вот 1-й участок Рогожской части, где не было нарушений, отличался самым лучшим расселением городских. Все не случайно и все взаимосвязано.

Вместе с тем надо сказать, что среди московских городских и других служащих наружной полиции было много людей с высоким чувством долга. Они выполняли свои служебные обязанности добросовестно, храбро и даже самоотверженно. Вот несколько примеров.

10 августа 1906 года рано утром трое вооруженных револьверами грабителей ворвались в дом Полякова на 2-й Мещанской улице. Служанка Полякова крестьянка Екатерина Прокофьева подняла крик. Это услышал дворник крестьянин Иван Егоров. Он свистками подал сигнал тревоги.

На сигнал прибежали городовые 1-го участка Мещанской части Егор Иванов и Григорий Кулешов. Они вошли в дом. Грабители навели на них револьверы и выпрыгнули в окно. Полицейские начали преследование бандитов.

Вскоре к погоне присоединились городовые Прохор Руденко и Василий Макаров, а также дворники Дмитрий Лосев и Иван Гусляков. Преступники отстреливались. Они легко ранили Лосева и прострелили ему фуражку. Но двое из них были задержаны.

Третий беглец почти сумел оторваться от погони. Он на бегу ранил случайно встретившуюся крестьянку Евдокию Андрееву. А потом увидел запряженную лошадью телегу, в которой находился крестьянин Макар Егоров. Преступник вскочил в телегу, выстрелом ранил Егорова и собирался скрыться.

Но ему не дали это сделать. На звуки стрельбы уже прибыли со всех сторон полицейские и дворники. Злодея схватили городовые 3-го участка Мещанской части Кирьяков и Терихов. Им помогали околоточный надзиратель Франковский, дворники Иван Горшков и Иван Егоров.

Всем участникам задержания банды вручили денежные награды. Особо отличившихся городских перевели в 1-й разряд по содержанию (Иванова из 2-го разряда, а Кулешова из 3-го разряда). Раненым выдали пособия на лечение⁴⁶⁷.

7 сентября того же года банда вооруженных злоумышленников совершила нападение на контору Стекольно-промышленного общества Франка в доме по Большому Кисельному переулку. Скрыться грабителям не позволили прибывшие полицейские из 1-го участка Мясницкой части. Они вступили с бандитами в бой.

Большая часть банды укрылась в подвалах соседнего дома. Там их заблокировали, а затем задержали. Это сделали пристав подполковник Владимир Керстич 1-й, старший помощник пристава коллежский секретарь Василий Костовский, околоточные надзиратели Лемешко и Крылов, городовые Афонасий Глинкин, Петр Андреянов, Григорий Асеев, Никифор Андреев, Степан Мызников, Николай Шишкин, Сергей Скотников, полицейский служитель участка Матвей Терликин.

Некоторые грабители пытались убежать. Их задержали на Трубной площади и у Сретенских ворот городовые Платон Кручинин и Иван Гуркин из 3-го участка Тверской части, Иван Закурдаев из 1-го участка Сретенской части и Иван Лосков из 2-го участка Сретенской части.

В задержании бандитов полицейским помогали швейцар дома Общества Франка Николай Афонин, дворник того же дома Константин Буйко, дворник соседнего дома Василий Архипов, легковой извозчик Ефим Прокофьев, московский мещанин Яков Воробьев, дворник дома церкви Успения Дмитрий Медведев.

Керстичу, Костовскому и Лемешко объявили благодарность. Остальные перечисленные люди получили денежные награды. Городовых Андреянова и Асеева, «проявивших особую сметливость», повысили из 3-го разряда во 2-й разряд⁴⁶⁸.

Вот что случилось 13 июня 1906 года на Хитровке, в самом криминальном районе Москвы. Ночью на посту на Хитровской площади находились городской 1-го разряда отставной фельдфебель Александр Лахмоткин и ночной сторож Гавриил Бунин. Около 3 часов утра они увидели трех мужчин, направ-

лявших к ночлежному дому Кулакова, главной городской «малине». Люди эти показались городовому подозрительными. Они несли какие-то вещи.

Лахмоткин окриком остановил прохожих и при этом заметил их намерение вынуть что-то из карманов. Он тут же навел на них винтовку и приказал не шевелиться. В это время Бунин свистком вызвал с соседнего поста стоявших там городского Станислава Шиманского и дворника Хабибулу Таширова.

Подозрительных людей задержали, обыскали и доставили в полицейский участок. У них нашли «паспорта не вызывающие подозрения», но также 4 чистых паспортных бланка, 2 заряженных револьвера, 20 запасных патронов к ним, складной нож, электрический фонарь, долото, пилку, отмычки, 374 рубля 39 копеек, золотые часы, драгоценные церковные вещи. Доставленных мужчин отправили в арестантские камеры при участке. А Лахмоткин, выйдя из здания участка, задержал еще одного мужчину и двух женщин. Они подошли к окнам камер и пытались переговариваться с арестованными. Оказалось, что все это — члены банды, совершившей ограбление церкви при Покровской мещанской богадельне. Во время ограбления они задушили церковного сторожа. Но, возвращаясь после совершения преступления, бандиты попали в руки бдительного городского и его товарищей.

Александр Лахмоткин служил в Московской полиции с 1883 года. Он «всегда отличался особым усердием к службе, выказывал выдающуюся сметливость и неустрашимость при задержании злонамеренных лиц, получил более 1000 денежных наград»⁴⁶⁹. За быструю ликвидацию банды его представили «вне правил» к званию личного почетного гражданина. Такие полицейские составляли гордость Московского градоначальства.

Катастрофа в полицейских домах

Во время первой российской революции 1905–1907 годов все московские тюрьмы (губернская, пересыльная и военная) были переполнены подследственными арестантами и людьми, приговоренными судами к тюремному заключению. К тому же Москва являлась крупнейшим транспортным узлом, через который отправляли в ссылку и на каторгу осужденных преступников из других регионов. Этим людям тоже приходилось временно размещать в городских местах заключения.

Пересыльная тюрьма в Москве, улица Лесная.

Фотография начала XX в.

В связи с перегруженностью тюрьмы перестали принимать из московских полицейских домов арестантов, подлежащих тюремному содержанию. Если 16 сентября 1905 года таковых насчитывалось в полицейских домах всего 144 человека, то 20 октября там было уже 224 уголовных и 40 политических преступников, а 30 октября — 260 уголовных и 96 политических преступников⁴⁷⁰. А ведь это были еще только «цветочки».

Переполнение полицейских домов арестантами скоро приняло катастрофические масштабы. И продлилась эта катастрофа более двух с половиной лет. Завершилась она только спустя год после окончания революции. Арестантские помещения быстро заполнились, а затем и переполнились заключенными. Волны арестантов просто затопили полицейские дома и начали перехлестывать через край. При этом количество людей, которые по закону должны были содержаться именно в полицейских домах, ни разу не превысило норму в 616 человек. Все излишние арестанты принадлежали к «тюремному разряду»⁴⁷¹. Так, на 19 декабря 1906 года в полицейских домах находилось 1063 заключенных. Из них 640 человек числились «за судебными властями»⁴⁷².

В общих камерах заключенным не хватало места на нарах, матрасов и постельного белья. Те матрасы и белье, что имелись в наличии, были изношены и грязны. Места для прогулок не вмещали большого количества арестантов, поэтому время прогулок сократили. Кипяток давали два раза в день вместо трех. Питание стало плохим.

Московские власти требовали от Главного тюремного управления забрать из полицейских домов всех заключенных «тюремного разряда». В губернской тюрьме администрация «путем перемещения арестантов» освободила 30 мест для уголовников. На эти места тут же перевели 44 человека. Размещая в одиноких камерах по два человека, там же предоставили 15 мест для политических заключенных⁴⁷³. Но это было все, на что оказалось способным тюремное ведомство. А проблему такая мера не решила.

Из Московской пересыльной тюрьмы ответили, что там на 1200 мест уже поместили 1599 человек, и теперь «безусловно не имеется ни одного свободного места». К тому же в ноябре в этой тюрьме обнаружили очаг заражения оспой и ввели карантин. Поэтому никакие перемещения заключенных там не были возможны⁴⁷⁴.

Главное тюремное управление Министерства юстиции согласилось взять на себя расходы по содержанию арестантов «тюремного разряда» в полицейских домах. Но деньги оно переводило с большими задержками и не полностью. Расплачиваться за все приходилось канцелярии московского градоначальника. Например, за первые 5 месяцев 1907 года эти расходы составили почти 19 тысяч рублей, а тюремное ведомство перевело только 5330. Градоначальник обратился к генерал-губернатору с просьбой об ассигновании крупных сумм на покрытие перерасхода и на дальнейшее содержание арестантов. 9 июля его уведомили, что тюремное управление перевело еще 6 тысяч рублей.

Очень помогали обеспечению полицейских домов всем необходимым органы городского самоуправления. Без этой помощи арестанты, наверное, просто бы голодали. Московские городская дума и городская управа неоднократно находили возможности выделить дополнительные деньги, хотя в бюджете города эта статья расходов не была предусмотрена. Так, 28 февраля 1906 года на продовольствие для заключенных ассигновали 6 тысяч рублей, 10 апреля и 9 октября 1907 года — по 2 тысячи рублей. В 1906 году городская

управа приобрела для заключенных на 4 тысячи рублей различных вещей, в основном это были постельные принадлежности и одежда. На зубоврачебную помощь в 1906 году истратили 259 рублей 10 копеек, в 1907 году — 265 рублей 50 копеек.

Все это было слишком тяжелым бременем для городского самоуправления. 2 мая 1908 года Городская дума разрешила управе израсходовать на эти нужды еще 6 тысяч рублей. Но в постановлении было записано: «Дума раз и навсегда отказывается от дальнейшей денежной поддержки по содержанию арестованных в полицейских домах»⁴⁷⁵.

Хуже всего было то, что тюремные больницы тоже переполнились и отказывались принимать больных арестантов из полицейских домов. На 17 августа 1906 года таковых скопилось уже 58 человек. Их помещали в приемные покои полицейских домов, где они занимали койки, предназначенные для людей, пострадавших от несчастных случаев и преступлений.

Больные быстро заполнили места в приемных покоях. Что делать дальше, никто не знал. Теперь люди, даже имеющие заразные заболевания, оставались в общих камерах. При проверках там обнаруживались арестанты с признаками чесотки, возвратного тифа, сифилиса, других венерических заболеваний. При обследовании Хамовнического полицейского дома 16 октября 1907 года выяснилось, что в камере № 1, где содержалось 25 человек, находится в том числе и сумасшедший по фамилии Головин. Сокамерники коллективно просили перевести его куда-нибудь. Но дом был плотно забит заключенными и других мест там не нашлось⁴⁷⁶. В нескольких полицейских домах происходили вспышки острых заразных заболеваний⁴⁷⁷.

В январе 1907 года в Москве распространилась эпидемия возвратного тифа, которая сразу же задела и полицейские дома. Приемные покои уже были переполнены. Тюремные больницы отказывались принимать новых пациентов. Тяжело больных арестантов отправляли в городские больницы. Но это считалось крайней мерой из-за возможности побегов. Обеспечивать охрану большого числа заболевших заключенных, разбросанных по разным больницам, было некому.

Московский градоначальник обратился к генерал-губернатору с просьбой предоставить для размещения больных арестантов из всех полицейских домов

один из барачков Военного ведомства. Но врачи быстро справились с эпидемией, и карантинный барак так и не был организован⁴⁷⁸.

Другой серьезной проблемой стало конвоирование значительно выросшего количества заключенных. Служители полицейских домов имеющимися силами просто не могли справиться с этим. Решили обратиться за помощью к Московской конвойной команде, входившей в состав внутренних войск. Но команда эта была перегружена конвоированием преступников, отправляемых по этапам. Начальник команды 12 декабря 1906 года ответил следующее. «В настоящее время, за громадным расходом людей в конвой, в Судебную палату, Окружной суд и учителями новобранцев служба, еще по препровождению упоминаемых в сей переписке арестантов, вверенной мне командой не может быть исполнена»⁴⁷⁹. Подполковник считал, что нужно передать эту функцию войскам Московского гарнизона, которые в состоянии предоставлять вспомогательный конвой «в неограниченном количестве». Но на это наложил запрет генерал-лейтенант Гершельман, командовавший войсками МВО⁴⁸⁰.

Значительно облегчалось и ускорялось конвоирование заключенных при использовании арестантских карет. Еще в 1902 году по ходатайству тогдашнего обер-полицмейстера Д. Ф. Трепова Государственное казначейство выделило в его распоряжение 14 400 рублей. На эти деньги приобрели 12 новых и 4 старые арестантские повозки, 32 лошади, необходимую сбрую, а также форменную одежду для кучеров. Комплект такой одежды включал в себя халат, шапку и кушак. Кроме того, ежегодно на содержание и ремонт повозок и «конского состава» ассигновали 5600 рублей. Позже эту сумму увеличили до 5760 рублей⁴⁸¹. Из-за быстрого роста цен реальные расходы по этой статье были больше примерно на 1,5 тысячи рублей в год. Отпускаемых денег не хватало.

«Ремонт конского состава» заключался в замене новыми лошадьми тех, которые «выбыли из строя» по болезни или по возрасту. Ежегодно следовало обновлять $\frac{1}{8}$ часть от общего количества лошадей. Но из-за нехватки средств ремонт этот не производился. По приказам московского полицейского начальства новых лошадей просто брали из пожарных частей города, где они и продолжали числиться. Так же получали и часть необходимого фуража.

После подавления вооруженного восстания в Москве количество ежедневно конвоируемых арестантов увеличилось более чем в пять раз. Градо-

чальник Рейнбот начал просить о добавлении еще 14 арестантских карет, чтобы в каждом полицейском доме (кроме Тверского) было по две кареты. В качестве лучшего образца выбрали повозку облегченного типа, рассчитанную на перевозку 6 арестантов.

Однако решение этого вопроса затянулось почти на два года, до осени 1907 года. Рейнбот очень любил деньги, как свои, так и казенные. На все необходимые служебные расходы он запрашивал суммы с большим, иногда — многократным, превышением. Он составил смету, по которой требовались расходы на покупку 70 лошадей (28 — для новых карет, 32 — для старых, 10 — запасных «для смены заболевших и уставших»). Тут вмешался Государственный контроль. Это ведомство следило за обоснованностью расходов казенных средств. Государственный контролер потребовал сокращения предполагаемых расходов, считая, что надлежит приобрести лишь 28 лошадей. Градоначальник утверждал, что сделать затраты меньше невозможно.

Тогда за дело взялся генерал-губернатор. Он сам составил новую смету. По ней надлежало приобрести 28 новых коней и обновить половину прежнего «штата лошадей», а также ежегодно заменять каждую восьмую лошадь в ходе ремонта карет. Генерал-губернатор согласился с необходимостью иметь запасных лошадей для арестантских карет в связи с очень интенсивным использованием этого транспорта. Но он предписал выбирать их из числа тех, которых заменяли при обновлении «конского состава»⁴⁸².

Этот вопрос был решен, а вот проблема с переполнением арестных помещений полицейских домов заключенными становилась все острее. На 4 января 1907 года там находилось 1030 человек. Из них 727 человек относились к «тюремному разряду» и лишь 303 были «своими» арестантами, то есть принадлежали к категории заключенных, подлежащих содержанию в полицейских домах⁴⁸³.

В Петербурге проблему переполнения тюрем решили еще в 1905 году, для чего там создали временную тюрьму, использовав с этой целью здание военноморских казарм.

С идеей создать временную тюрьму в Москве согласились и местные начальники, и министр юстиции И. Г. Щегловитов, и начальник Главного тюремного управления А. М. Максимовский. В начале 1907 года исполняю-

щему дела московского губернатора В. Ф. Джунковскому предложили подыскать казенные или частновладельческие здания, подходящие для этого. Джунковский задачу выполнил. Тюремное ведомство забракowało предложенные казенные дома, но одобрило здание бывшей частной фабрики, располагавшееся на Щипке и принадлежавшее московскому купцу Герасимову. Там можно было разместить до 600 человек заключенных, администрацию и охрану. Владелец согласился сдать дом в аренду на 10 лет по 8 тысяч рублей в год. Но тюремное ведомство подсчитало, что на переоборудование здания потребуется 2 месяца и 40 тысяч рублей, а на содержание временной тюрьмы — 66,5 тысяч рублей ежегодно. Оно уведомило московские власти, что «на оборудование упомянутой тюрьмы нельзя ожидать какого-либо ассигнования за отсутствием всяких средств». В Москве продолжали ждать, что Главное тюремное управление изыщет деньги, но напрасно. Градоначальник Рейнбот констатировал: «Сношения мои с Московским губернатором и тюремной инспекцией <...> не достигают цели»⁴⁸⁴.

20 января 1907 года смотритель Мещанского полицейского дома Н. В. Лыков подал следующий рапорт: «Полагается содержать при вверенном мне Полицейском доме только 32 человека арестованных, в данный момент их содержится 121, камеры переполнены в коих духота невыносимая; арестанты волнуются, кричат, требуют отпереть камеры в коридор, грозя в противном случае выбить окна, двери и вытолкать в коридор излишне посаженных арестантов. Сильно опасаюсь возмущения арестантов, которое с минуты на минуту может вспыхнуть»⁴⁸⁵. Из-за этой ситуации смотритель Лыков пошел на решительный шаг и отказался принимать задержанных из полицейских участков. Смотрители других домов начали поступать так же.

В тот же день пристав капитан К. М. Ганзель из 2-го Мещанского участка доложил следующее. «В настоящее время при Управлении вверенного мне участка задержано 8 человек <...> поместить же их в один из Полицейских домов не представляется возможным за неимением мест, спрашиваю по сему указаний, в виду того, что ночью ожидаются еще арестования»⁴⁸⁶.

То же самое сообщает 22 января пристав ротмистр С. А. Ачкасов из 1-го Мещанского участка: «За отсутствием мест в Полицейских домах при Управлении вверенного мне участка содержится 12 арестованных мужчин»⁴⁸⁷.

**Полицейский дом на 3-й Мещанской
улице. Фотография начала XX в.**

Подобная ситуация вскоре сложилась во всех полицейских участках и она сохранялась долгое время. В письме московского городского головы Н. И. Гучкова градоначальнику от 26 июня 1908 года говорится: «В помещениях при полицейских участках, рассчитанных на временное задержание (не приспособленных для продолжительного содержания) — долгое время содержится 10–15 и более человек. Особенно переполнены 3 Пресненский и 2 Хамовнический участки, где содержится такая масса заключенных, что вследствие духоты и отсутствия кислорода тухнут лампы»⁴⁸⁸.

Доходило до того, что московской полиции приходилось отказываться от задержания преступников из-за невозможности их куда-нибудь поместить. Градоначальник Рейнбот 16 апреля 1907 года докладывал генерал-губернатору: «До сего времени Тюремным ведомством не предпринято реальных мер ни к устранению этой ненормальности, принявшей хронический, острый и все прогрессирующий характер, ни к оборудованию новых мест заключения, что лишает меня возможности нести, в полной мере, ответственность за сохранение порядка и спокойствия во вверенной моему управлению столице, так как возрастание уголовной преступности и данные политического разследования дают указания на существование преступных организаций, внушающих серьезные опасения и требующих немедленного уничтожения, главным и весьма существенным препятствием к чему служит полное отсутствие надлежащих мест заключения»⁴⁸⁹.

Кроме того, градоначальник все время опасался вспышек массовых волнений среди арестантов. В докладе генерал-губернатору от 4 января 1907 года он пишет: «При теперешнем положении вещей совершенно неустранима возможность возникновения в будущем крупных беспорядков, подавление которых может вызвать необходимость принятия даже самых крайних мер, сопряженных с жертвами <...> причиной волнений среди заключенных является исключительно неправильное их размещение»⁴⁹⁰.

Генерал-губернатор по телеграфу обратился прямо к председателю Совета министров и министру внутренних дел П. А. Столыпину: «Опасаясь беспорядков арестованных полицейских домах которые будут потушены оружием. Причина же к этому незаконное размещение теснота и духота от переполнения»⁴⁹¹.

МВД по этому поводу «сделало сношение с министром юстиции»⁴⁹². Оттуда ответили, что 1 февраля 1907 года должен закончиться ремонт в одном из отделений Московской пересыльной тюрьмы. Министр юстиции считал возможным предоставить 100 мест в этом отделении «для вывода арестантов тюремного разряда из арестантских помещений при Московской полиции»⁴⁹³. Но МВД настояло на предоставлении для этой цели 367 мест. Видимо, всех, что были в отделении. Кроме того было принято решение переоборудовать здание мастерских при губернской тюрьме для размещения 200 арестантов. Главному тюремному управлению выделили на это специальный кредит⁴⁹⁴. Было предписано закончить переустройство в мае. Это снизило напряженность. На 4 мая 1907 года в полицейских домах Москвы находились 823 заключенных (769 мужчин и 54 женщины). Из них «за судебными властями» числились 434 мужчины и 14 женщин, «за охранным отделением» — 90 мужчин и 21 женщина, отбывали арест 108 мужчин и 6 женщин, по другим основаниям содержались 137 мужчин и 13 женщин⁴⁹⁵. Но облегчение оказалось временным. Вскоре численность заключенных вновь начала расти. В 1907 году среднее ежедневное количество арестантов в московских полицейских домах составило 1050 человек. Однажды в камере на 24 места скопилось 120 человек⁴⁹⁶.

Отношение полицейского начальства, и местного московского, и центрального петербургского, к трудностям службы в полицейских домах Москвы во время революции было двойственным.

С одной стороны, самоотверженность людей, служащих в этих учреждениях была отмечена. Например, 17 сентября 1907 года московский градоначальник докладывал наверх так. «Служба полицейских служащих, в особенности после введения в Москве чрезвычайной охраны и возникновения всякого рода политических и экономических забастовок и вооруженных грабежей, сделалась крайне тяжелой, ответственной, а иногда и сопряженной с опасностью для жизни. Следствием сего явилось то, что полицейские дома всегда переполнены, иногда более чем в 2 раза против нормы, уголовными и политическими арестованными и полицейским служащим приходится нести свою службу при крайнем напряжении, а иногда безменно. Политические арестованные, как самый беспокойный элемент среди арестантов, всегда отличаются особою склонностью к побегам и изобретательностью всевозможных способов к их осуществлению, при чем для достижения этого они не останавливаются ни перед какими средствами до вооруженного нападения и совершения насилий включительно. Служба при таких условиях требует от полицейских служащих крайне напряженного внимания и особой бдительности»⁴⁹⁷.

Градоначальник в 1907 году представил к награждению «вне правил за особые выдающиеся отличия» лучших сотрудников. К награждению орденом св. Анны 3-й степени был представлен смотритель полицейского дома титулярный советник Виктор Роговицкий, к орденам св. Станислава 3-й степени — смотрители губернский секретарь Евгений Алексеев, титулярный советник Михаил Мурашев, губернский секретарь Роман Остроумов, коллежский регистратор Сергей Кондратьев и околоточный надзиратель (помощник смотрителя) губернский секретарь Василий Семячкин. «Неимеющего чина» смотрителя Петра Радько представили к производству в коллежские регистраторы, а околоточного надзирателя Абрама Леонова — к серебряной шейной медали «За усердие» на Владимирской ленте⁴⁹⁸. 16 служащих были представлены к награждению серебряными нагрудными медалями на Александровских или Станиславских лентах⁴⁹⁹.

С другой стороны, помощник московского градоначальника рапортовал следующее. «Служители полицейских домов в настоящее время представляют из себя не вполне благонадежный элемент, в виду крайне тяжелых условий, в кои они поставлены <...> жалованья получают они лишь 16 руб. 66 коп.

в месяц, из коих 4 руб. вычитают за обмундирование. На такое содержание <...> совершенно невозможно содержать себя. А тем более семью»⁵⁰⁰.

По штату от 29 декабря 1905 года служители полицейских домов в Москве получали 200 рублей жалованья в год и квартиру «натурою». Собственно говоря, ради этой бесплатной квартиры они и шли на такую нелегкую службу.

Желающих поступить на эти места было мало. В таких условиях и речь не могла идти о том, чтобы выбрать из них наиболее подходящих для службы. Брали всех, в том числе и сомнительных кандидатов.

Помощник градоначальника (на то время — полковник Е. К. Климович) предложил увеличить служителям жалованье до 310 рублей в год. Проект отправили в Петербург. Там его отклонило ведомство Государственного контроля, следившее за финансовой дисциплиной. Взамен петербургские чиновники предложили разделить служителей по окладу жалованья на два разряда. Половина из числа 416 московских служителей должна была получать 1-й разряд и 240 рублей годового жалованья. Остальным полагался 2-й разряд и 210 рублей жалованья. Так что прибавка предполагалась незначительная и кардинально положения она не меняла⁵⁰¹. Из-за нехватки денег в московском городском бюджете, откуда выплачивалось жалованье полицейским, и этот урезанный проект не был реализован в рассматриваемый период⁵⁰².

Понятно, что в подобной ситуации поддерживать требуемый порядок в полицейских домах было очень трудно, а то и невозможно. Московское охранное отделение 8 мая 1907 года разослало всем зрителям очень тревожный циркуляр. «За последнее время сделалось обычным явлением именование арестантами при себе оружия, а также нахождение в местах заключения всякого рода орудий для взлома и подкопов и других запрещенных предметов до разрывных снарядов включительно. К устранению указанных явлений <...> Зрителям полицейских домов в точности руководствоваться правилами о порядке содержания в тюрьмах гражданского ведомства политических арестантов и возможно чаще производить самые тщательные обыски, как самих арестантов и занимаемых ими помещений, так — в потребных случаях — и полицейских служителей, за которыми иметь неослабный надзор»⁵⁰³.

Циркуляр, разосланный полицмейстером, описывал положение дел несколько мягче. «Вновь получены положительные сведения, что в Полицей-

ских Домах заключенные политические арестанты имеют широкое письменное общение с лицами, находящимися на свободе, что в Полицейские Дома проникают периодические журналы и газеты <...> свиданиями с арестованными широко пользуются лица, не имеющие на то права <...> предлагаю Вам принять строжайшие меры надзора за Полицейскими Домами, проверяя не менее двух раз в месяц отправление в этих домах службы чинами означенных Домов, при чем проверку производить внезапно в разное время дня и ночи»⁵⁰⁴.

Лишь в 1908 году дела в полицейских домах Москвы начали улучшаться. Это произошло из-за общего снижения количества людей, подвергнувшихся аресту. В тюрьмах начали освобождаться места, на которые переводили из полицейских домов заключенных «тюремного разряда». Например, 10 марта для этого предоставили 62 места, а 30 апреля — сразу 160 мест⁵⁰⁵. К тому же 18 марта 1908 года в Москве была открыта новая тюрьма (женская) на 240 мест. Правда, одновременно закрыли женское отделение в Московской пересыльной тюрьме (на 200 мест)⁵⁰⁶.

Только к концу 1908 года ситуация с арестантами в московских полицейских домах наконец-то нормализовалась.

Глава V

РЕВОЛЮЦИЯ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Московское охранное отделение и революционеры после поражения восстания

В условиях продолжавшейся революции ведущим подразделением московской полиции оказалось охранное отделение. Оно специализировалось на борьбе с революционерами и их организациями.

В 1906 году в отделении произошла удачная замена начальника. Бездеятельного ротмистра А. Г. Петерсона сменил активный и квалифицированный руководитель — подполковник Евгений Константинович Климович. Вот отзыв В. Ф. Джунковского о нем. «Климович представлял из себя выдающегося по уму администратора. Отлично знал секретно-агентурное и розыскное полицейское дело, был честный человек и отличный семьянин, благодаря чему был человеком нравственным. В то же время это был большой ловкач, не без хитрости и себе на уме, карьерист, но не в ущерб делу <...> был головой выше своего начальника генерала Рейнбота. <...> Я лично очень ценил его способности и считал его выдающимся для полицейской службы человеком...»

Климовича, как незаменимого сотрудника, очень ценил и Рейнбот. Со временем повысил его, сделав помощником градоначальника. При этом Климович не вляпался в коррупционный скандал, сохранил свою служебную репутацию. И позже даже занимал некоторое время пост московского градоначальника.

После подавления Декабрьского восстания и для предотвращения новых выступлений революционных партий власти готовы были предоставить Московскому охранному отделению любые материальные и кадровые ресурсы. И Климович умело воспользовался этим для укрепления своего подразделения.

Евгений Константинович Климович.
Фотография начала XX в.

Действовавший к тому времени штат МОО насчитывал 9 классных должностей — начальника отделения, его помощника, делопроизводителя, одного старшего и двух младших чиновников для поручений, двух помощников делопроизводителя, журналиста³⁰⁷. Кроме того, в отделении в то время служили 41 полицейский надзиратель, 84 наблюдательных агента, 5 вольнонаемных писцов³⁰⁸.

Климович в феврале 1906 года пишет градоначальнику и генерал-губернатору следующее. «Ликвидация дел по вооруженному возманию происходившему в городе Москве в декабре месяце

1905 года, и ежедневное поступление в Московское охранный отделение, в значительном количестве, новых, требующих проверки, сведений о лицах, принимавших активное участие в боевых действиях, поглощают [так в документе. — А. Ш.] все силы названного Отделения, обременяя гг. офицеров и чиновников непосильной работой. Между тем, агентура указывает на возобновление деятельности быстро возрождающихся центров местных революционных организаций, стремящихся подготовить к весне текущего года новое вооруженное возмание, а, в настоящее время, активно препятствовать производству выборов в Государственную думу и дезорганизовать Правительство путем террора».

Экстремистские организации в Москве, потерпев сокрушительное поражение в декабре 1905 года, к следующей весне, конечно же, не могли подготовить новое восстание. Но, припугнув своих начальников, Климович рассчитывал добиться нужного для себя результата.

Он ходатайствовал о добавлении в штат отделения двух должностей — одного старшего и одного младшего чиновников для поручений. А пока этот вопрос будет решаться в инстанциях, начальник охранного отделения просил немедленно прикомандировать двух жандармских офицеров. Все было тут же сделано. В распоряжение начальника МОО поступили два ротмистра. Ходатайство об увеличении штата отделения было поддержано вышестоящим московским начальством и отправлено в Петербург.

24 марта 1906 года проект рассмотрел Государственный совет. Но там решили, что усиление МОО требуется лишь как временная мера. Поэтому новых постоянных штатных должностей учреждать не стали. Вместо этого выделили на один год 3800 рублей. Содержание старшего чиновника составило 2000 рублей в год, а младшего — 1800 рублей в год. В случае необходимости разрешалось ходатайствовать о продлении этой меры «и на дальнейший срок». 26 апреля император утвердил это решение. Позже Климович добьется выделения такой суммы и на 1907 год, и на 1908 год⁵⁰⁹.

А еще в феврале 1906 года начальник МОО просил об увеличении ассигнований для найма дополнительно еще 15 наблюдательных агентов. «Ознакомившись с численным составом наблюдательных агентов МОО и находя таковой, в виду все прогрессирующего революционного движения, а также и общественного движения, выражающегося в разнообразных собраниях, союзах и т. д., совершенно недостаточным для ведения правильного наблюдения за революционными организациями, направившими все свои силы для ведения агитации среди войск и подготавливающими новое вооруженное возстание и посильственные случаи бойкотирования предстоящих выборов в Государственную Думу, а также для выяснения массы прибывающих в город Москву нелегальных лиц, учинивших тяжкия преступления в разных местах Империи и приготавлиющихся к совершению террористических актов в городе Москве, я прошу ходатайства Вашего Высокопревосходительства перед Господином Министром Внутренних Дел об увеличении кредита, ассигнованного МОО <...> еще приблизительно на 18.000 рублей <...> ввиду настоящего тревожного времени представилось необходимым, хотя и в ущерб ведения политического розыска, увеличивать число агентов, охраняющих Ея Императорское Величество великую княгиню Елисавету Феодоровну и лиц, стоящих во главе местной администрации»⁵¹⁰.

Отказать в обеспечении охраны сестры императрицы министр внутренних дел не мог. Уже 8 марта Департамент полиции сообщил о выделении требуемых денег⁵¹¹.

Кроме того, из состава московской полиции к охранному отделению были прикомандированы помощник пристава штабс-капитан А. Г. Кулинский и 8 околоточных надзирателей.

В результате поражения вооруженного восстания революционные организации в Москве понесли серьезные потери. Они утратили значительную часть своего прежнего влияния на широкие круги населения. Опора экстремистов в обществе резко сузилась.

Способствовало этому и проведение кампании по выборам в I Государственную думу. Социал-демократы, эсеры и другие революционеры бойкотировали эти выборы и сильно просчитались. Люди, получившие права избирателей, особенно из интеллигентных, образованных слоев общества, отшатнулись от экстремистов и отдали свою поддержку и надежды легальным оппозиционным партиям. По сведениям политической полиции, художественная и интеллектуальная интеллигенция, ранее разделявшая социал-демократические взгляды, теперь симпатизировала конституционно-демократической партии. Оппозиционные правительству представители промышленно-торговых кругов делали ставку на «Союз 17-го октября», а не на вооружение экстремистских дружин, как ранее поступали Николай Шмит и Савва Морозов.

Московский совет рабочих депутатов формально продолжал существовать. Но после арестов ряда его участников он пополнялся не за счет выборных представителей от рабочих, а за счет назначенцев от революционных партий. Поэтому широкие круги московских рабочих больше не считали этот орган своим представительством и не выполняли его решений. Теперь им предоставили право избрать своих депутатов от рабочей курии в Государственную думу.

Охранное отделение сообщало: «Совет не может иметь того авторитетного влияния на рабочую массу, как то было во время Декабрьского мятежа, когда члены совета все были избраны рабочими, почему велениям их беспрекословно подчинялась вся рабочая масса. Современный Совет рабочих депута-

тов нельзя признать за истинный <...> местные революционные организации просто прикрылись этим популярным наименованием, в надежде более авторитетно влиять на рабочие массы для своих целей, что однако им <...> весьма плохо удается...»⁵¹²

Наиболее революционные профсоюзы (железнодорожный, почтово-телеграфный, технический, крестьянский, сельских учителей) потеряли социальную опору. По мнению сотрудников МОО, эти организации «утратили свою жизнеспособность». На первый план вышли профсоюзы легальные, действующие в рамках законности. В железнодорожном союзе остались почти исключительно только бывшие рабочие и служащие, уволенные с работы за участие в забастовках. В МОО считали, что «союз этот сам по себе не может иметь большого значения»⁵¹³.

В начале 1906 года в Москве существовали организации пяти экстремистских революционных партий. Это Российская социал-демократическая партия (большевики и меньшевики), Партия социалистов-революционеров, отколовшаяся от нее Оппозиционная фракция ПСР, группа анархистов-коммунистов, Польская социалистическая партия. Из них только первые три имели хотя бы минимальную поддержку в московском обществе. Но все были очень опасны и готовились к кровопролитным выступлениям.

С 10 по 25 апреля в Стокгольме, в здании Народного дома шведских социал-демократов, проходил IV (Объединительный) съезд РСДРП. В МОО почему-то полагали, что данное мероприятие состоялось в городе Львове⁵¹⁴. На съезде обсуждались причины поражения революционеров в вооруженной борьбе и тактика дальнейших действий в условиях продолжающейся революции. Предполагалось, что произойдет полное объединение фракций большевиков и меньшевиков, но этого так и не случилось.

В Москве сохранялся союз социал-демократов на уровне региональных органов — Московского объединенного комитета (для города) и Московского областного объединенного комитета (для прилегающих местностей). На уровне низовых организаций единства не было. В городе существовали семь большевистских и шесть меньшевистских районных организаций. По данным охранного отделения, большевики были значительно сильнее.

Московские социал-демократы проиграли агитационно-пропагандистскую борьбу за интеллигенцию. Их работа среди солдат тоже давала мало результатов. Своей главной опорой партия считала рабочих, но после 1905 года их большая часть от нее отвернулась. В первую очередь это касалось рабочих квалифицированных.

С февраля 1906 года социал-демократы в Москве приняли решение направить основные усилия на достижение лидерства в легальных профсоюзах. Для этого нужно было уметь защищать интересы рабочих законными методами. Но у революционеров-подпольщиков таких навыков не было. Охранное отделение констатировало, что РСДРП в Москве «по неумению руководить профсоюзной борьбой имела в этом деле мало успеха»⁵¹⁵.

Зато социал-демократы успешно работали среди безработных. Эти маргиналы и стали их главной опорой среди московского населения. РСДРП стремилась создать из них организованную силу. В МОО отмечали: «Дело это идет довольно успешно». Под контролем социал-демократов был создан «Совет безработных»⁵¹⁶.

РСДРП не отказалась и от подготовки нового вооруженного восстания. Для этого при Московском комитете было организовано Военно-техническое бюро. Попавший в руки полицейских Протокол № 1 этого учреждения был датирован 12 марта того года⁵¹⁷. Перед бюро были поставлены задачи формировать и обучать боевые дружины, заготавливать оружие и боеприпасы, разработать план восстания. Но сил и средств у московских социал-демократов оставалось так мало, что реально решать эти задачи в ближайшее время было невозможно. Перспективы нового восстания московские социал-демократы связывали лишь с надеждами на то, что случатся массовые революционные выступления солдат и начнется широкое крестьянское аграрное возмущение.

Эсеры тоже провели свой съезд. Это был их первый общепартийный съезд. Он состоялся в конце 1905 года и в первых числах января 1906 года в Финляндии, в гостинице, принадлежавшей одному из членов финской революционной Партии активного сопротивления. Большинство участников съезда высказались за подготовку к новому восстанию. В резолюции съезда говорилось следующее. «Принимая во внимание, что, по нашему общему убеждению,

Лидер эсеров Виктор Михайлович Чернов.
Фотография начала XX в.

крупный аграрный взрыв, если не полное крестьянское восстание, в целом ряде местностей почти неизбежен, съезд рекомендует всем учреждениям партии быть к весне в боевой готовности и заранее составить целый план практических мероприятий, вроде взрыва железных дорог и мостов, порчи телеграфа, распределить роли в этих предприятиях и т. д., наметить административных лиц, устранение которых может внести дезорганизацию в среду местной организации и т. д.»⁵¹⁸. Но по другим вопросам на съезде ПСР про-

изошел раскол. Против центральных органов партии выступила внутрипартийная оппозиция.

По данным политической полиции, оппозиционные настроения среди эсеров появились задолго до съезда. Оппозиционеры обвиняли руководящие партийные органы в том, что те пополняются не за счет выборов, а путем кооптации, то есть включением в состав комитетов их членами «своих людей». Таким образом демократический принцип построения партии «снизу вверх» нарушался, и партия строилась «сверху вниз». Еще «внутрипартийные демократы» в ПСР требовали расширения самостоятельности низовых организаций.

К «демократической оппозиции» присоединилась «радикальная оппозиция». Ее представители говорили об «импотентности» комитетов, о их неумении пользоваться благоприятно складывающимися обстоятельствами, упрекали «комитетчиков» в «неподготовленности и растерянности», требовали отмены строгой внутрипартийной дисциплины, на подчинении которой настаивали руководящие органы.

На съезде оппозиционеры настаивали на расширении террора, использовании его не только против государственных служащих, но и против богачей и руководителей предприятий. Они хотели также сделать экспроприации одним из главных направлений деятельности своей партии. Причем экспроприровать предлагалось не только деньги из государственных учреждений, но и акционерные и частные капиталы. Большинство делегатов съезда ПСР эти предложения отвергли. Такие экспроприации слишком уж были похожи на обычные грабежи. Делегаты посчитали, что это будет дискредитировать революционную деятельность в глазах широких слоев общества. Оппозиция решения съезда не признала. В результате ПСР раскололась.

В Москве ПСР имела в своем составе Московский областной комитет, боевую организацию при нем, Московский городской комитет и семь районных организаций. Сотрудники МОО писали об этой партии: «Отличительная особенность ее это признание политического террора, как тактического средства борьбы (орган — боевая организация при Областном московском комитете)»⁵¹⁹. С точки зрения политической полиции, это делало эсеров особенно опасными.

ПСР почти не имела никакой опоры среди рабочих. Партия считала нужным вести агитацию среди крестьян. Но, как докладывало охранное отделение, среди московских эсеров не было работников способных эффективно делать это. Предпринимались попытки агитировать солдат и формировать боевые дружины.

Оппозиция в московских организациях ПСР была особенно сильной. Еще в начале осени 1905 года одна из районных организаций эсеров выступила против московского комитета. «Комитетчиков» обвинили в том, что они не прислушиваются к требованиям работников «с мест», медлят с принятием решений, «оторвались» от рабочих, развели в комитете кумовство, кооптируя родственников и друзей⁵²⁰.

После 17 октября 1905 года на эсеровской конференции в здании Московской консерватории оппозиция выразила недоверие комитету, предложила проект нового Организационного устава партии, потребовала переустройства партийной организации на демократических началах, в том числе введения права низовых организаций иметь собственную кассу, самим добывать и рас-

ходовать деньги, заводить свои типографии и выпускать прокламации. Но большинство эсеров поддержало комитет.

Во время вооруженного восстания Московский комитет ПСР проявил некомпетентность. Его представители объявили, что половина войск Московского гарнизона готова примкнуть к революционному выступлению. На деле это не подтвердилось. У комитета не было плана действий, он не координировал действия дружин. Дружины и районные организации вынуждены были действовать самостоятельно.

При подготовке к съезду «комитет узурпировал права Московской организации» и выбрал «своих» делегатов. Узнав решения съезда, московская оппозиция ПСР собрала собственную конференцию и «решила порвать отношения с Московским Комитетом и начать самостоятельную работу»⁵²¹. Новая партия взяла себе название Оппозиционная фракция ПСР.

Доклад МОО об оппозиции ПСР сообщает: «Организация несла жалкое существование до 7 марта 1906 года — дня ограбления коммерческого банка на 875.000 рублей, после чего приобрела огромное значение, так как деньгами привлекла массу в свои ряды и, раздавая денежные пособия другим организациям, приобрела среди них значение»⁵²².

Речь идет об ограблении негосударственного банка Московского общества взаимного кредита. В тот день в здание этого учреждения с главного и с черного входов зашли 15 вооруженных человек. Они разоружили охрану, согнали всех сотрудников и посетителей банка в одно помещение. Заставили директора открыть денежное хранилище и забрали 875 тысяч рублей — по тем временам это была колоссальная сумма. После их ухода в здании обнаружили три оставленные бомбы⁵²³.

И Московская сыскная полиция во главе с Моисеенко, и Московское охранное отделение во главе с Климовичем оказались не в силах отыскать и задержать грабителей, вернуть деньги.

Надо отметить, что эта крупнейшая экспроприация того времени прошла бескровно. Хотя это случайность, а не заслуга террористов. Ведь они собирались использовать бомбы, но взрыватели не сработали. Баснословный успех операции привел к тому, что в Москве сразу же возникло множество «групп экспроприаторов» — партийных, внепартийных и просто криминальных.

Другие революционные организации (кроме анархистов) осудили экспроприацию в негосударственном учреждении. Но позже материальную помощь от Оппозиционной фракции ПСР принимали. В результате престиж этой организации быстро вырос. Охранное отделение отмечало: «В оппозицию перешли от социалистов-революционеров целиком 3 района и масса головорезов из других организаций»⁵²⁴.

Численно Оппозиционная фракция ПСР уступала эсерам и социал-демократам. Но она могла использовать значительно большие материальные ресурсы и развила бурную деятельность. «Деньги расходовались на закупку оружия, приготовление бомб и пропаганду в войсках, причем для приобретения революционной литературы, за большие деньги, пользуются легальными типографиями. <...> Идея центрального правительственного террора в оппозиции пока еще не народилась, но организация может всегда выставить кадр исполнителей метальщиков за хорошие деньги. <...> Дело агитации в войсках оппозицией ведется весьма успешно, благодаря наличности денежных средств и обилию (благодаря деньгам) специальной агитационной литературы. <...> Оппозиция стремится распространить свое влияние на крестьян и создать свой “Крестьянский союз”»⁵²⁵.

Климович сделал вывод, что Оппозиционная фракция ПСР является самой опасной из московских революционных организаций, и выбрал ее главной целью антиреволюционной борьбы здешней политической полиции. Он пишет: «Признавая исключительный вред названной фракции, я направил на обследование ее деятельности значительную часть сил Московского Охранного Отделения». Поэтому о внутреннем положении и деятельности этой партии охранка знала больше, чем обо всех остальных московских революционерах вместе взятых.

Оппозиционная фракция ПСР была построена по принципу децентрализации. Она не имела центральных органов управления. Ее составляли три районных партийных организации (районы Немецкий, Сокольнический, Рогожский). Для ведения многосторонней революционной работы были созданы пять специализированных организаций: рабочая, крестьянская, военная, техническая и боевая. Из них первые три работали соответственно среди рабочих, крестьян и военных. Техническая организация заведовала тремя крупнейшими

подпольными типографиями партии. Боевая состояла из нескольких боевых дружин (для охраны партийных мероприятий и учреждений) и летучих отрядов (для совершения экспроприаций и террористических актов). Ближайшей целью работы всех организаций была подготовка массового революционного восстания в России. Предполагалось, что оно произойдет летом 1906 года. Каждая организация действовала самостоятельно, была полностью автономна, имела в своем распоряжении деньги, склады оружия и взрывчатки, множительную технику. Провал одной из них не должен был отразиться на деятельности остальных.

Летучие отряды, куда собрались наиболее радикальные элементы, вскоре почти отделились от партии и стали самостоятельной силой. Руководили ими самые кровавые из эсеровских террористов. Например, один из руководителей пресненских боевых дружин во время Декабрьского восстания Михаил Соколов (Медведь), организатор бессудных казней полицейских Владимир Мазурин (Володя), его помощник по палаческим делам Евгений Зверев (Зверь).

Полицейские писали о них: «В организации главными деятелями являются энергичные идейные бродяги, причем почти все главари не только нелегальные лица, но и не имеют определенного места жительства, ночуя ежедневно где попало»⁵²⁶. Как правило, они скрывались в пригородах, где надзор полиции был слабым. Особенно легко это было делать летом, во время наплыва дачников из Москвы. Состоявшие из крайних экстремистов и отделившиеся от партии «летучки» были подвержены быстрой деморализации. Чтобы увеличить свои силы, они объединились с «экспроприаторскими группами» анархистов.

Раскол в ПСР затронул ее организации не только в Москве, но и в других регионах страны. Позже группы оппозиционеров объединились в новую партию под названием Союз эсеров-максималистов. Центральных руководящих органов у этой партии не было. Координирующую роль играла Московская организация. А после ее разгрома летом 1906 года, лидирующей стала Петербургская организация.

Отношения между эсерами и максималистами были натянутые. Несмотря на это, руководители эсеровских террористов (Боевой организации ПСР) Азеф

и Савинков предлагали лидеру террористов-максималистов Соколову объединить свои силы. Они считали, что программные расхождения между их партиями для террористов не имеют значения.

Савинков передает свой разговор с Соколовым так:

«— Слушайте, мы беседуем, как частные лица. <...> Скажите, почему мы не можем работать вместе? Что касается меня, то я не вижу препятствий к этому. <...> Мы оба террористы. В интересах террора — соединение боевой организации с вашей. <...>

— Мои не согласятся ни за что. <...> Нет, что сделано, не воротишь. Террор был бы сильнее, работай мы вместе, но теперь это невозможно: вы нам объявили войну.

— Не мы, а партия социалистов-революционеров.

— Все равно, вы — часть партии»⁵²⁷.

Объединение эсеровских и максималистских групп террористов так и не произошло.

Московская группа анархистов-коммунистов после Декабрьского восстания растеряла своих сторонников и была очень малочисленна. По словам подполковника Климовича, это «преступное сообщество <...> стремилось вовлечь безработных рабочих из числа подонков рабочего элемента <...> самый надежный кадр для совершения уголовных преступлений, убийств и грабежей»⁵²⁸. По данным Московского охранного отделения, в эту группу входили также «скрывшиеся из Северо-западного края нелегальные евреи и профессиональные уголовные грабители»⁵²⁹.

Главным направлением деятельности у московских анархистов стало проведение экспроприаций. Самые шумевшие из таких дел — это ограбление конторы лесного склада Фирсанова (2 июня 1906 года) и вооруженное нападение на банкирскую контору «Ваккум Ойль и К°», при котором были задержаны полицией два злоумышленника (19 июля того же года)⁵³⁰.

Агитацию анархисты вели только среди бастующих рабочих, и успеха она не имела. Выходит, что деятельность анархистов свелась к добыванию денег, приняла криминально-коммерческий характер. Понимая свою слабость, экспроприаторы-анархисты решили объединиться с летучими отрядами максималистов. И те согласились на это.

Место теракта, в результате которого погиб В. К. фон Плеве.
Фотография начала XX в. Только за 1905 г. в России было убито
и ранено террористами более 3000 государственных служащих

Пополнившись откровенными бандитами, максималистские «летучки» превратились в разбойничьи шайки. Единственная их связь с революционной деятельностью — это то, что они отдавали часть добычи своей партии. И, видимо, часть эта становилась все меньше. Климович докладывал, что принадлежавшие к «Оппозиционной фракции ПСР» боевики «слились с профессиональными грабителями, которые вооружившиеся на средства оппозиции произвели ряд «экспроприаций», грабя по очереди: раз на организацию, а раз на себя»⁵³¹.

Последняя из революционных организаций в Москве была еще малочисленной анархистов. Это — Польская социалистическая партия. Единственной ее социальной опорой являлись поляки-солдаты из частей Московского гарнизона⁵³².

Ликвидации

Опираясь на получаемые от агентуры сведения о революционных организациях, Московское охранное отделение под руководством подполковника Климовича начало проведение так называемых ликвидаций. По опыту советских времен слово это звучит весьма зловеще, но тогда оно такого значения еще не имело.

При ликвидации производился обыск конспиративных квартир революционеров. Изымалось все, что могло иметь отношение к экстремистской деятельности — оружие, боеприпасы, взрывчатка, оборудование для ее производства, нелегальная литература, материалы для ее печатания, множительная техника, документы подпольных организаций. Все находившиеся на конспиративных квартирах люди задерживались до выяснения обстоятельств. Но аресту подвергали лишь тех, против кого были найдены реальные улики, подтверждающие участие в экстремистской деятельности. Остальных вскоре выпускали. Если улик против арестованного было достаточно для возбуждения следствия или дознания, то его дело передавалось судебным властям или губернскому жандармскому управлению. Когда улик было мало, то применялись административные меры. Чаще всего это была высылка из Москвы в отдаленные местности на 3–5 лет. Вот и вся ликвидация.

Первые свои ликвидации Климович провел еще в феврале. В марте ликвидаторская деятельность активизировалась: были проведены пять операций по девяти адресам⁵³³.

6 марта прошла ликвидация подпольной типографии Московской организации ПСР. Обыскали квартиру в Мясном переулке. Там жил сын коллежского асессора Иван Никольский. Правда, он использовал подложный паспорт, но полицейские быстро установили его настоящее имя. В квартире обнаружили ручной печатный станок, три кассы со шрифтом, набранные тексты революционных прокламаций, уже отпечатанные прокламации. Были арестованы три человека.

18 марта ликвидировали «техническую группу» фракции большевиков Московского комитета РСДРП. Обыски провели по трем адресам. В квартире Агнии Ивановой на Малой Спасской улице нашли ручной типографский ста-

нок, восемь наборных касс, номера нелегальной газеты «Рабочий листок». Арестовано восемь человек. В квартире Полиевкта Барышникова по Лазаревскому переулку находился типографский станок, несколько пудов шрифта, значительное количество бумаги, револьвер, два кинжала. Арестовано четыре человека. В квартире Василия Ларионова по Садовнической улице полицейские изъяли американскую скоропечатную машинку «Бостонка», несколько пудов шрифта, бумагу, маузер с 25 патронами, 2 револьвера смит-вессон с 15 патронами, революционные издания. Арестовано пять человек.

22 марта провели сразу две операции. Во-первых, ликвидировали типографию фракции меньшевиков Московской группы РСДРП. В квартире дочери статского советника Веры Кольберг по 3-й Тверской-Ямской улице нашли конторский пресс для печатания ручным способом, две типографские кассы, несколько пудов шрифта и набранные прокламации. Арестовали четверых человек.

Во-вторых, в тот же день обыскали три нелегальных квартиры «боевой организации» большевиков. В доме Барляева в деревне Выхино хранилось 40 неснаряженных бомб, 2 пуда и 10 фунтов (ок. 21 кг) взрывчатки (меленита фабричного изготовления), два маузера и один наган. В квартире студента Московского университета Александра Чесского по Ленивке была лаборатория по изготовлению взрывчатки, лежала одна неснаряженная бомба и мешок с волчьей дробью. В квартире Якова Генина по Тихвинскому переулку располагалось «паспортное бюро» большевиков. Добычей полицейских здесь стали 15 паспортных бланков, 13 поддельных печатей, штампы с тремя визами для паспортов, штемпельные подушки и штемпельная краска. По этим трем адресам арестовали пять человек.

И, наконец, 25 марта ликвидировали еще одну типографию ПСР. В квартире Александры Дмитриевой по Глазовскому переулку нашли, помимо прочего, печать Московского комитета ПСР и собственноручное письмо каторжанина Егора Сазонова, убившего в 1904 году министра внутренних дел В. К. фон Плеве. Письмо это готовили к печати. Арестовали там двух человек.

В конце марта и в апреле МОО проводило операцию по разгрому пропагандистской группы ПСР, работавшей с солдатами частей Московского гарни-

зона. По мнению политической полиции, операция эта закончилась тем, что эсеровская пропаганда в здешних воинских частях была пресечена.

31 марта полицейские «накрыли» собрание этой группы в доме по Малому Воскресенскому переулку⁵³⁴. Там задержали трех гражданских лиц и четырех нижних чинов гарнизона. Среди задержанных были Владимир Яловицкий (потомственный дворянин, сын поручика), Софья Перлина (аптекарская помощница), неизвестный мужчина (сначала он отказался себя назвать, потом назвался ложным именем, но полиция выяснила, что это конторщик Михаил Муравин), рядовые 6-го гренадерского Таврического полка Иван Деканосов и Семен Бабушкин, рядовые пулеметной роты 36-й пехотной дивизии (прикомандированной к 5-му гренадерскому Киевскому полку) Станислав Скальский и Моисей Ирлихт. У них обнаружили много нелегальной эсеровской литературы, а у Ирлихта зачем-то были четыре патрона к ружью винчестер. Позже выяснилось, что этот солдат снял план казарм с точным описанием, что и где расположено, сделал подсчет пулеметов, винтовок и патронов в казармах. Среди изъятых у задержанных записей нашли адреса Елены Вонлярской (потомственной дворянки), а также и сестер Веры и Лидии Мальгиных (потомственных почетных гражданок). По этим адресам тоже провели обыски.

В доме у Мальгиных хранилось много материалов о революционной деятельности. Среди бумаг отыскивались фамилии еще четырех нижних чинов гарнизона. У Вонлярской обыск оказался безрезультатным. Ее отпустили. Всех остальных 9 человек арестовали. Найденные фамилии солдат сообщили командирам частей для производства обысков.

Интересно, что Иван Деканосов (Деканозов) являлся соучеником по Тифлисской духовной семинарии другого «пламенного революционера» Иосифа Джугашвили (Сталина). Джугашвили в 1899 году был отчислен из 5-го класса этой семинарии «за неявку на экзамены по неизвестной причине». А Деканосов в 1901 году закончил обучение «по 2-му разряду» и до призыва в армию работал учителем в Грузии. А теперь оказался эсеровским агитатором⁵³⁵.

Дознание по делу шло более трех месяцев. Но уже в середине апреля МОО через генерал-губернатора передало командованию Московского военного округа список, содержавший имена 33 военнослужащих частей городского гар-

низона, входящих в число агитаторов данной группы ПСР⁵³⁶. В подавляющем большинстве воинских частей охранное отделение ведения эсеровской пропаганды не обнаружило. По этому поводу должна была «болеть голова» лишь у двух командиров полков, где и служили почти все упомянутые в списке солдаты и унтер-офицеры. По агентурным данным и путем наружного наблюдения полицейские узнали фамилии и места службы большинства из этих агитаторов. Например: «Владимиров, старший унтер-офицер, из писарей 6 Таврического полка. Собирает сведения <...> и получает литературу для распространения». Но у некоторых подозреваемых фамилии установить не удалось, и записи гласят: «Фельдшер, младший унтер-офицер 5 Киевского полка» или «Егор, вольнонаемный музыкант 6 Таврического полка».

13 человек из списка служили в 6-м гренадерском Таврическом полку. Похоже, что там революционной пропагандой занималась вся полковая канцелярия. Кроме Владимирова, агитаторами были писари Микулин, Меркулов и Солдатенков. А также агитировали солдаты из разных рот, в том числе Деканосов из 2-й роты, Бабушкин из 14-й роты, Ширингин из 16-й роты, музыканты Зимовец и «Егор» (настоящее имя — Прокопий Руденко).

В 5-м гренадерском Киевском полку числились 6 человек из списка, а в прикомандированной к полку 36-й пулеметной роте — еще 10 человек. Охранное отделение установило фамилии большинства этих пулеметчиков, а вот имена почти всех агитаторов из полка остались неизвестны. Они обозначены в списке как «унтер-офицер 6 роты того же полка», «унтер-офицер того же полка 13-й роты».

Также в списке упоминались канониры Сова и Пантелков из 1-й батареи артиллерийской бригады и два человека, места службы которых определить не удалось. Это некто Касимовский, предположительно офицер (единственный в списке), и ефрейтор Андрей, предположительно из Самогитского полка.

Командиры частей провели обыски указанных военнослужащих. Были обнаружены брошюры, «рукопись революционного содержания о событиях в Петербурге 9 января 1905 года», «записка подозрительного содержания», «бумажка с адресом», «письмо к барышне» с упоминанием о посещении сходки в университете. Подозрительные бумаги военные передали градоначальнику⁵³⁷.

Проведенным дознанием все арестованные 31 марта участники группы были изобличены. Выявилась еще и прежняя связь Лидии Мальгиной с деятельностью группы РСДРП в городе Ростове Ярославской губернии.

Удивляет мягкость репрессивных мер, предпринятых административным и военным начальством по этому делу. Особенно в сопоставлении с опытом тех времен, когда в нашей стране властвовал однокашник Ивана Деканосова со своими соратниками.

В Москве недавно было подавлено вооруженное восстание. Экстремисты готовил новое выступление. В это время раскрыта группа людей, ведущих подрывную пропаганду в войсках. Что же получили эти люди?

На три года выслались из Москвы в Туруханский край Яловицкий и Перлина. У Лидии Мальгиной было заболевание легких, и ее отправили на такой же срок в южную Астраханскую губернию. В дальнейшем им запрещалось проживать в столицах и столичных губерниях, а Мальгиной — еще и в Ярославской губернии. Остальным арестованным «вменили в наказание предварительное содержание под стражей» и отпустили. Яловицкий 10 июля бежал из Городского полицейского дома и был объявлен в розыск. Солдаты из списка, представленного МОО, понесли только дисциплинарные взыскания. Большинство из них вскоре уволили со службы или перевели в другие части вне Москвы. Эсеровская пропаганда в гарнизоне была прекращена. Где же жестокое подавление революции «кровавым самодержавием», о чем так много и ярко говорили подпольщики, их литературно-журналистские друзья, а потом и советские идеологи?

В ответ на ликвидации, эсеры в марте и апреле 1906 года развернули настоящую охоту на вице-адмирала Дубасова. Занимались этим не местные органы партии, а Центральная боевая организация под руководством Азефа и Савинкова.

Группа прибывших в Москву террористов долго выслеживала генерал-губернатора. Попытки покушений предпринимались шесть раз. По несколько боевиков с бомбами поджидали его в местах наиболее вероятного появления или на улицах, где он должен был проехать. Но охрана генерал-губернатора каждый раз меняла маршруты и места появления.

В начале апреля группа попала под наблюдение филеров МОО. Заметив это, террористы срочно поодиночке покинули Москву и собрались в Гельсинг-

форсе. При этом Рашель Лурье (Катя), отвечавшая за хранение взрывчатки, бросила все свои вещи и динамит в номере московской гостиницы «Боярский двор», где жила. Прислуга гостиницы, не подозревая о террористической деятельности этой постоялицы, отнесла весь багаж в подвал, надеясь, что хозяйка рано или поздно объявится. Через несколько месяцев этот динамит взорвался от близости к калориферу. В тот момент в подвале никого не было, поэтому случайно обошлось без жертв⁵³⁸.

Заменяв некоторых участников группы новыми людьми, боевики вернулись в Москву. 15 апреля на конспиративной квартире террористка Мария Беневская (Генриетта), разряжая бомбу, случайно сломала запальную трубку. Детонатор взорвался у нее в руках. Лишь 21 апреля дворник обнаружил, что квартира пуста и носит следы чрезвычайного происшествия. Прибывшая полиция установила следующее:

«Передняя, кухня и те две комнаты, которые занимали жильцы, залиты кровью. В особенности в этом отношении выдавалась комната <...> служившая, по-видимому, спальней женщины. Эта же комната и находившаяся там мебель носили на себе следы разрушения. <...> Около пробитого отверстия находилась лужа крови, от которой по направлению к печке, что близ этой же двери, шли зигзагами сплошные пятна крови. <...> По всей спальне были усмотрены разбросанные как бы по радиусам и прилипшие к полу, потолку и стенам, а больше всего — к углу у окна, сгустки крови, частицы мышц. Сухожилий и костей. В разных местах этой комнаты нашли: указательный палец левой руки женщины, оторванный, по мнению присутствовавшего при осмотре врача, за несколько дней до 21 апреля; ноготь с пальца руки и крышку от конфетной коробки с приставшими к внутренней стороне ее куском кожи и сухожилиями, небольшой осколок кости и кусочки жести»⁵³⁹.

Кроме прочего в квартире нашли взрывчатку, детали и все необходимое для сборки нескольких бомб, записную книжку с условными записями, фотографию вице-адмирала Дубасова. Полиция выяснила, что Беневская после взрыва в квартире дождалась и предупредила одного из членов группы. Потом самостоятельно добралась до расположенной поблизости лечебницы Шульмана. Там ей оказали первую помощь и перевезли в 1-ю Градскую больницу. Она предъявила фальшивый паспорт и объяснила произошедшее взрывом керо-

Похороны графа С. Н. Коновницына, убитого
во время покушения на московского генерал-губернатора
Ф. В. Дубасова. Фотография начала XX в.

синки. Ей провели операцию и оставили на излечение. Она лишилась всей кисти левой руки, большого и среднего пальцев на правой руке. 21 апреля ее забрал террорист Борис Моисеенко (Опанас) и отвез в Бахрушинскую больницу, где у них был знакомый доктор. Там она предъявила другой фальшивый паспорт. 28 апреля ее арестовали в больнице, а затем задержали и Моисеенко. Позже, осенью того же года, Бенеvскую судили в Московской судебной палате с участием сословных представителей. Приговорили к 10 годам каторжных работ. Против Моисеенко улик не нашли и постановили выслать его в административном порядке. Он женился на Бенеvской и последовал за ней в Восточную Сибирь⁵⁴⁰.

Однако оставшиеся террористы не услышали предупреждения судьбы и продолжили охоту. 20 и 21 апреля теракты вновь сорвались, а вот 23 числа покушение все-таки состоялось. Около часа дня коляска вице-адмирала подъехала к генерал-губернаторскому дому на Тверской площади. В коляске нахо-

дились сам Дубасов, его адъютант корнет граф С. Н. Коновницын и кучер Птицын.

Адъютант допустил ошибку: он не дал команду кучеру свернуть из Чернышевского переулкa во двор, и коляска выкатилась на площадь. А там ее ждал молодой человек в форме лейтенанта флота. В руках у него была жестяная конфетная коробка, перевязанная ленточкой. Он швырнул ее под колеса, и раздался очень мощный взрыв. В окнах домов разлетелись стекла. Коляска была разбита. Находившихся в ней людей выбросило на мостовую. Испуганные лошади понеслись и сбили городского.

Адъютант Коновницын погиб. Дубасов и Птицын получили легкие ранения. Еще от взрыва пострадали часовой у дома генерал-губернатора, дворник и случайный прохожий. Террорист тоже погиб. Это оказался 24-летний Борис Вноровский (Пушкин), бывший студент Московского университета.

Участником той же группы был и его родной брат 26-летний Владимир Вноровский (Лев). В тот день он ждал коляску Дубасова на другом маршруте⁵⁴¹. В своем последнем письме родным Борис Вноровский объяснял побудительные мотивы своего поступка. «Мои дорогие! Я предвижу всю глубину вашего горя, когда вы узнаете о моей судьбе. Для вас тяжело будет и то, что ваш сын сделался убийцей. Верьте, если бы возможно было мне сохранить свою жизнь для вас, я это бы сделал. Сколько раз в юношестве мне приходило в голову лишить себя жизни и всякий раз я отбрасывал эту мысль, зная, какое горе вызвал бы мой поступок. Я оставался в живых и жил для вас. Теперь я живу для вас, для народа, для всего человечества, и теперь я приношу свою жизнь не в жертву расстроенным нервам, а для того, чтобы улучшить, насколько это в моих силах, положение отчизны, чтобы удовлетворить вас не как родных, а как граждан...»⁵⁴²

Теперь мы знаем, что Борис напрасно стал убийцей. Революционная борьба и террор принесли Отчизне, народу, всему человечеству не пользу, а большой вред. Вноровский, его товарищи, другие террористы зря жертвовали своими жизнями, зря убивали других людей. Они стремились к светлым целям, но использовали для их достижения злые средства. И это предопределило страшный результат. Светлые душой люди, став террористами, начали мостить своими добрыми намерениями дорогу в ад. Они погубили не только свои и чужие

жизни, но и свои души. Стали душегубами. Это удел любого, кто выбирает дорогу зла. Она никогда не приводила, и никогда не приведет к добру. Хорошо бы это понять современным террористам.

Боевая организация партии социалистов-революционеров (БО ПСР) решила «сделать хорошую мину при плохой игре». Она объявила покушение 23 апреля своим успехом, издав прокламацию. В том экземпляре, что сохранился в делах московской полиции выпала цифра «2» в типографском наборе. Вот, что получилось.

«3 апреля [правильно 23 апреля. — А. Ш.] в 12 ч. 20 м. по приговору БО ПСР брошена бомба в экипаж московского генерал-губернатора вице-адмирала Дубасова при проезде его на углу Тверской улицы и Чернышевского у самого генерал-губернаторского дома. Приговор БО явился выражением общественного суда над организатором декабрьских кровавых дней в Москве. Покушение, твердо направленное и выполненное смелой рукой, не привело к желаемым результатам вследствие роковой случайности, не раз спасавшей врагов народа, как уже однажды Дубасов спасся, взяв ребенка, на которого не поднялась рука погибшего теперь товарища. Дубасов еще жив, но о неудаче покушения говорить не приходится. Оно удалось потому, что при одной вести о нем вырвался вздох облегчения и радости из тысячи грудей и молва упорно считает генерал-губернатора убитым. Пусть это ликование будет утешением погибшему товарищу, сделавшему все что было в его силах»⁵⁴³.

2 мая охранное отделение «накрыло» типографию, где печаталась эта прокламация и еще прокламация к 1 мая с призывом к забастовке и с требованием 8-часового рабочего дня. Типография располагалась в доме Харитонов по Головину переулку, в квартире, которую снимала пара под именами Леонида и Лидии Степановых. Квартиру обыскали. Обнаружили ручной типографский станок, две кассы со шрифтом, много бумаги, нелегальные издания, набор прокламации «В бой!». Жильцы как раз собирались печатать новые листовки. Во время обыска Лидия Степанова пыталась проглотить листок бумаги с петербургским адресом. Находившихся в квартире Степановых и мещанку Марию Погодину задержали⁵⁴⁴.

Московское охранное отделение тоже решило «сделать хорошую мину при плохой игре». Климович заявил, что неудача покушения на генерал-губерна-

тора, победа отделения, а не случайность, как это было на самом деле. Подполковник составил доклад об этом:

«...От 10 февраля по 19 мая сего года из 26 произведенных отделением важнейших ликвидаций, по полноте добытых улик <...> представилось возможным 16 дел передать Судебному Следователю, 7 — Жандармскому Управлению для производства дознаний, 6 — пришлось направить административным порядком [видимо, следует понимать, что после 26 операций завели дела на 29 человек. — А. Ш.]. В указанный период ликвидировано 8 типографий (7 нелегальных и 1 легальная), печатавших революционные издания, чем и достигнуто в Москве полное прекращение распространения революционных изданий в предмайский период. Уничтожена целиком боевая организация Московского областного комитета ПСР, накануне совершения подготовленного покушения на жизнь адмирала Дубасова, арестованы главари организации, мастерская бомб, метальщик с бомбой; взята мастерская “Военно-технического бюро” (40 бомб и 2 пуда и 10 фунтов мелениту), задержан и изобличен организатор этого дела Евгений Комаров, взята лаборатория в квартире студента Чесскаго и несколько складов оружия и боеприпасов»⁵⁴⁵.

Покушение на генерал-губернатора Дубасова готовили террористы из Центральной боевой организации ПСР. А все проведенные ликвидации касались местных организаций ПСР и РСДРП, значит, они никак на это дело не повлияли. Террористов Бенеvскую и Моисеенко задержали в результате их неосторожности. Но и это покушения не предотвратило. А выйти на всю группу боевиков охранное отделение так и не смогло.

11 мая московская «охранка» потерпела еще одну неудачу. От агентуры были получены сведения о том, что в этот день в лесу Лосиног Острова состоится собрание представителей Оппозиционной фракции ПСР, где будет присутствовать руководитель ограбления банка Московского общества взаимного кредита. В ходе слежки агенты называли его кличкой Птичкин. Позже выяснилось, что это Владимир Мазурин. Для наблюдения за собранием отправили нескольких агентов. Они установили, что в лесу собралось 80–100 человек. Революционеры выставили вооруженные посты. Поэтому большинство агентов остались на опушке леса и не пошли дальше. Но двое из них, Федоров

и Раут, решили рискнуть: они знали пароль для прохода на сходку и сказав его на посту, агенты прошли на собрание.

Но дальше все пошло не так. Агентов заподозрили, схватили и начали допрашивать. Рауту удалось шутками развеять подозрения. Обоих отпустили. Но у Федорова не выдержали нервы, и он попытался торопливо уйти. Агентов опять схватили, заткнули им рты шапками, привязали обоих поясами к деревьям. В таком положении агенты находились до окончания собрания. Затем революционеры разошлись. Остались лишь 7 человек, которые, поговорив между собой, решили расстрелять своих пленников — для палача Мазурина это было совершенно логичное решение. К тому же у Раута забрали золотое кольцо и кошелек с деньгами, убитого в декабре 1905 года начальника сыскальной полиции Войлошникова мазуринцы тоже ограбили. Сделав несколько выстрелов, боевики убежали. Федоров был убит тремя пулями. Раут получил две раны в грудь, но остался жив.

Агенты, находившиеся на опушке, выстрелов не слышали. Но видели бежавших из леса людей. Двоих человек они сумели задержать. Один оказался Емельяном Нефедовым. Другой предъявил фальшивый паспорт на имя Василия Квасова. У «Квасова» нашли еще письмо «со скрытым химическим текстом» и записную книжку. В книжке обнаружили программу тактики ПСР по отношению к Государственной думе и цифровые данные, среди которых была цифра «850 000». Полицейские предположили, что записи имеют отношение к ограблению банка «Московского общества взаимного кредита».

Несмотря на провалы, Климович писал рапорты о заслугах МОО, относящихся к периоду, начиная еще с лета 1905 года. Он представил к награждению орденами всех без исключения штатных и прикомандированных сотрудников отделения, состоящих в классных чинах. А надзиратели и агенты отделения должны были получить денежные награды. Вышестоящие инстанции утвердили награждения, но не для всех.

Наград удостоили четырех сотрудников канцелярии МОО, которые оформляли документацию и успешно организовывали ее использование. Делопроизводитель коллежский секретарь Иван Литвинов, помощник делопроизводителя коллежский секретарь Никита Баранов и журналист коллежский регистратор Николай Суконкин получили ордена св. Станислава 3-й степени.

Прикомандированный чиновник для письма губернский секретарь Дмитрий Попов был произведен в следующий чин коллежского секретаря.

Из оперативников награды получили немногие. За ликвидацию мастерской взрывных снарядов, во время которой революционеры отстреливались и бросили неразорвавшуюся бомбу, наградили орденом св. Владимира 4-й степени прикомандированного к отделению жандармского ротмистра Петра Мартынова. За то же дело полицейский надзиратель МОО казак станицы Ново-Осетинской Григорий Цаллагов получил серебряную шейную медаль на Владимирской ленте, а городской 3-го участка Сущевской части запасный унтер-офицер Евтихий Русских — золотую нагрудную медаль на Анненской ленте⁵⁴⁶.

Позже, за летние ликвидации, наградили старшего чиновника для поручений ротмистра Николая Кломинского орденом св. Анны 3-й степени и прикомандированного помощника пристава штабс-капитана Александра Кулинского — орденом св. Станислава 3-й степени⁵⁴⁷.

Выборы в Государственную думу и смена генерал-губернатора

В 1906 году в Российской империи впервые проходили выборы в Государственную думу. Страна становилась парламентским государством. Правительство связывало с этим большие надежды на улучшение внутренней обстановки. Предполагалось, что общество, получив возможность отстаивать свои интересы законным парламентским путем, не будет поддерживать подпольщиков-экстремистов.

Революционные партии решили бойкотировать выборы и вести агитацию против них. Социал-демократы и эсеры считали, что им удастся сорвать выборы и вновь активизировать борьбу против правительства.

Московская полиция поддерживала порядок на всех мероприятиях, связанных с выборами, и обеспечивала безопасность избирательных комиссий. Это делалось примерно по одной и той же схеме на всех выборах в Государственную думу до конца существования Российской империи.

В городе формировалось 17 особых нарядов «для наблюдения за сохранением порядка и спокойствия во время производства занятий по выборам

Государственная дума I-го созыва. 1906

в Государственную думу»⁵⁴⁸. Каждый наряд возглавлял участковый пристав (изредка — помощник пристава) одного из ближайших полицейских участков. В его распоряжении находились 3–5 помощников пристава и фабричных надзирателей, 6–10 околоточных, несколько десятков городских и от 6 до 16 конных городских. Конница была разделена на две смены. Первая заступала на службу с 8:30 утра, вторая — с 13 часов дня. Всего в такие наряды заступало более тысячи полицейских. Например, 28 января 1907 года на выборах в Государственную думу 2-го созыва порядок охраняли 1103 человека. А 17 октября 1907 года во время избирательной кампании в Государственную думу 3-го созыва охрану обеспечивали 1137 человек⁵⁴⁹.

Особое внимание в московской полиции уделялось выборам по рабочей курии. Для рабочих была установлена сложная многоступенчатая избирательная система. Сначала на предприятиях выбирали «уполномоченных». Надо заметить, что избирать и быть избранными тогда по закону могли только муж-

чины, не могли участвовать в выборах люди ранее судимые, находящиеся под следствием или судом, иностранные подданные. На предприятиях с числом рабочих, имеющих избирательные права, более 50 человек выбирался один уполномоченный. На предприятиях, где таких рабочих было более тысячи человек, выбирался один уполномоченный на каждую полную тысячу избирателей. Рабочие остальных предприятий в выборах не участвовали. Уполномоченным мог стать только рабочий данного предприятия, проработавший там не менее шести месяцев. Всего по Москве набиралось 338 уполномоченных от рабочих промышленных предприятий и еще 26 уполномоченных от железнодорожных рабочих⁵⁵⁰. В установленный день уполномоченные собирались в здании Городской думы. Из своего числа они избирали «выборщиков», и только те уже непосредственно голосовали за тех кандидатов в депутаты Государственной думы, которые должны были защищать интересы рабочих.

Экстремистам не удалось сорвать выборы. Поэтому они расценили свое первоначальное решение о бойкоте Государственной думы как ошибку, лишившую их возможности использовать для своих пропагандистских целей легальную думскую трибуну. Единственным видом нарушений общественного порядка на выборах была раздача и разбрасывание агитаторами социал-демократических и эсеровских прокламаций.

Днем созыва и открытия Государственной думы и Государственного совета было назначено 27 апреля 1905 года. Накануне император преподнес стране сюрприз: 22 апреля были освобождены от должностей премьер-министр граф С. Ю. Витте и министр внутренних дел П. Н. Дурново. Председателем Совета министров стал И. Л. Горемыкин, а МВД возглавил П. А. Столыпин.

На следующий день, 23 апреля, пришлось тезоименитство императрицы Александры Федоровны. Теперь свой сюрприз преподнесли эсеры-террористы: они совершили покушение на московского генерал-губернатора Ф. В. Дубасова.

24 апреля московский градоначальник А. А. Рейнбот объявил своим подчиненным: «Даю знать, что в день созыва Государственной думы 27 сего Апреля предоставляется право обывателям столицы украсить дома свои флагами, устраивать иллюминации и другие мирные увеселения; сборища же, шествия, процессии с произнесениями речей и пением революционных песен, а равно

хождение с красными флагами предписываю <...> не допускать. <...> Кроме того <...> 1 числа будущего Мая месяца предполагается съорганизовать общую забастовку на фабриках и заводах <...> предписываю г.г. участковым приставам принять самые энергичные меры к устранению таковых забастовок»⁵⁵¹.

На первых же своих заседаниях депутаты Государственной думы предложили объявить всеобщую амнистию по политическим делам. Как и после издания Манифеста от 17 октября 1905 года, правительство решило после избрания народом депутатов в Государственную думу вновь предложить обществу «оливковую ветвь мира».

2 мая министр внутренних дел Столыпин запросил мнение московского генерал-губернатора Дубасова о возможности всеобщей политической амнистии или хотя бы частичной амнистии для лиц, не осужденных судом, а высланных в отдаленные местности или находящихся в заключении на основании Положения о чрезвычайной охране. В своей шифрованной телеграмме Столыпин писал: «Желательно иметь в самом непродолжительном времени вполне откровенное заключение возможно ли сохранение порядка и спокойствия случае дарования какой либо милости этом направлении сообразите принятии необходимых мер на всякий случай»⁵⁵².

Недавно переживший покушение вице-адмирал Дубасов ответил министру обширным докладом на данную тему. В нем, среди прочего, утверждалось:

«Дозволение возвратиться в прежние места жительства <...> не может быть дано лицам хотя и непривлеченным к суду, но высланным в порядке Положения об охране, в качестве главарей вооруженного возстания или террористических действий. <...> Не могут быть также амнистированы, или освобождены находящиеся в заключении на основании Положения о чрезвычайной охране лица вышеуказанных категорий. За этими исключениями, признаю возможным, дозволить лицам высланным в порядке Положения об охране за политическую неблагонадежность свободно возвратиться в прежние места жительства. Хотя не сомневаюсь, что мера эта неизбежно вызовет затруднения в деле поддержания порядка и спокойствия.

Еще большею угрозой общественному порядку и спокойствию является, по моему мнению, вопрос о широкой общей амнистии, возбуждаемый Государственную думою. <...> Никакими доводами, никакою логикой, такая мера по

Глава правительства и министр внутренних дел П. А. Столыпин с супругой. 1906

моему убеждению не может быть оправдана. Нет такой справедливости во имя которой возможно бы было оправдывать убийства, грабежи и всякого рода насилия, только потому что они совершены с политическими или так называемыми освободительными целями. <...> Всеобщая амнистия явилась бы поэтому лишь выражением слабости правительственной власти. <...>

Полагаю, что всеобщей амнистии быть не могло, а амнистия частичная может быть распространена на лиц указанных в первой части сего доклада; а также на тех состоящих под следствием и судом политических преступников, степень виновности которых не представляет особо важного значения <...> докладываю, что при сохранении в силе Положения о чрезвычайной охране, порядок и спокойствие я считаю обеспеченными. Но в случае упразднения Положения о чрезвычайной охране, мне неизбежно пришлось бы сложить с себя ответственность за порядок и спокойствие»⁵⁵⁹.

Думаю, что с докладом генерал-губернатора нужно полностью согласиться. За исключением, разве только, его пунктуации. Что касается содержания, тут ни добавить, ни убавить. Кстати, надо отметить, что московская полиция и так

довольно осторожно использовала административные высылки и аресты. Такие меры не применялись по одному лишь подозрению, при отсутствии обоснованной и подкрепленной реальными уликами уверенности в причастности людей к преступной деятельности.

К докладу Дубасов приложил списки административно высланных или отправленных в заключение людей, не подлежащих амнистии. В двух «городских» списках (высланных и арестованных), составленных градоначальником генерал-майором Рейнботом и начальником МОО подполковником Климовичем, было 40 фамилий. В «губернском» списке, представленном губернатором полковником Джунковским, содержалось еще 19 фамилий. В списки попали члены Федеративного совета (включая несостоявшегося «диктатора» Шанцера и его помощника Васильева-Южина), члены Московских комитетов РСДРП и ПСР, боевых организаций этих же партий, летучих отрядов максималистов, участники Декабрьского восстания и террористических актов, наиболее активные агитаторы экстремистских партий, главный организатор союза типографских рабочих Александр Орлов.

Однако одновременно с подготовкой амнистии генерал-губернатор Дубасов направил предписание командующему войсками МВО генерал-лейтенанту Гершельману о приведении частей Московского гарнизона в «полную готовность»⁵⁵⁴.

Революционеры опять не приняли предложенного перемирия. Они успели набраться сил и перешли в наступление. Летом они собирались организовать в Москве всеобщую забастовку, превратить ее в вооруженное восстание, которое должны были бы поддержать солдаты и крестьяне.

Чрезвычайное положение в Первопрестольной не было отменено. Но вице-адмирал Дубасов все равно «сложил с себя ответственность за порядок и спокойствие». 23 мая он выехал в Петербург и просил императора об увольнении от должности генерал-губернатора.

5 июня московским генерал-губернатором был назначен генерал-лейтенант Сергей Константинович Гершельман с оставлением в должности командующего войсками МВО. Через два дня он вступил в должность⁵⁵⁵.

Вероятно, лучшим вариантом стало бы назначение на генерал-губернаторский пост В. Ф. Джунковского. В отличие от него Сергей Константинович

Сергей Константинович Гершельман,
московский генерал-губернатор
в 1906–1909 гг. Фотография начала XX в.

совсем недавно появился в Москве и не знал глубоко здешнюю ситуацию. Еще важнее то, что генерал-лейтенант Гершельман, как и вице-адмирал Дубасов, совсем не имел опыта гражданско-административной службы и вдруг сразу получил очень высокую должность в этой сфере, да к тому же в сложнейшей ситуации. Конечно же, он не мог квалифицированно выполнять возложенные на него обязанности и контролировать своих помощни-

ков градоначальника Рейнбота и губернатора Джунковского.

Владимир Федорович Джунковский служил в Москве еще со времен великого князя Сергея Александровича, приобрел опыт очень успешной работы на постах вице-губернатора и губернатора. Дубасов доверил ему решать вопросы и подписывать бумаги по генерал-губернаторским делам. Правда, только те бумаги, что шли «вниз», а не «вверх».

Назначение Владимира Федоровича на должность московского генерал-губернатора не состоялось. Видимо, кому-то «наверху» показалось, что он слишком быстро движется по карьерной лестнице. Да и чин у него был маловат для такого места. Кресло главного правителя Первопрестольной обычно занимали люди «с густыми эполетами». Сейчас бы сказали — «с большими звездами на погонах». Полковнику Джунковскому пришлось бы начальствовать над генералами Рейнботом и Будбергом, давать указания генералу Гершельману. Но ведь Дубасов полгода назад уже представлял его к производству в генеральский чин и к назначению «младшим генерал-губернатором». Теперь можно было бы достать то представление из-под сукна и пустить в ход. Но этого не сделали.

С другой стороны, в условиях экстремальной ситуации объединение в одних руках военной и гражданской власти в Москве виделось рациональным решением. Ведь прежние генерал-губернаторы Дурново и Дубасов как раз об этом и просили в своих докладах. К тому же это выглядело как возвращение к тому порядку, что существовал при великом князе Сергее Александровиче. Вот так московским генерал-губернатором стал Гершельман, совершенно не подготовленный к данной службе. Некоторое время его деятельность на новой ниве представлялась успешной. Он даже получил орден св. Владимира 2-й степени, бухарский орден Тадж с бриллиантами, прусский орден Короны 1-го класса с мечами. Видимо, в честь его военных заслуг Сергей Константинович был зачислен в списки 33-го пехотного Елецкого полка.

Закончилось его правление в Первопрестольной взрывом крупнейшего политического и коррупционного скандала («рейнботовщиной»). Разлетевшиеся ошметки грязи заляпали не только репутацию Гершельмана, но и престиж всей государственной власти в России.

Попытка «летнего революционного наступления» 1906 года

Летом 1906 года революционеры попытались вновь перейти в наступление. В Москве на этот раз застрельщиками выступили безработные, организованные и руководимые социал-демократами. Начали они с демонстраций и митингов, пытаясь «раскачать» обстановку. Экстремисты надеялись, что им удастся поднять на массовые выступления рабочих, солдат и крестьян.

Власти в ответ предприняли меры по выдворению безработных из города. 3 июня градоначальник издал циркуляр для участковых приставов. «Вызывающее поведение так называемых безработных и вредное влияние их на рабочие силы в столице вынуждают меня дать по сему нижеследующие указания: 1. Полиции вменяется в неперменную обязанность тщательно выяснять по участкам поименный состав проживающих в таковых безработных; 2. Предлагать безработным немедленно отправляться на родину; <...> 3. Упорно отказывающихся от выезда, а равно наблюдаемых в сношениях с рабочими на почве подстрекательства последних к забастовкам и беспорядкам в особых списках представлять мне на распоряжение. Генерал-майор Рейнбот»⁵⁵⁶.

Полицейское начальство всех уровней от Министерства внутренних дел до полицейских участков вновь напоминало своим подчиненным все циркуляры о необходимости применения оружия, изданные в 1905–1906 годах. Циркуляром МВД предписывалось «вменить в неперенную обязанность подведомственным им чинам полиции и стражи принимать при подавлении народных волнений самая решительная мера при первых же проявлениях бунтовщиками активных действий, угрожающих личной безопасности названных чинов»⁵⁵⁷.

Множественно повторялось запрещение стрелять боевыми патронами в воздух. Такая мера только провоцировала участников беспорядков нападать на полицейских и отнимать у них оружие. Перед применением оружия требовалось сделать трехкратное предупреждение об этом, требуя прекратить беспорядки. В случае неповиновения — стрелять на поражение. В случае же вооруженного нападения на полицейских нужно было сразу же, без предупреждения, открывать огонь. При задержаниях нарушителей закона оружие надлежало постоянно держать наготове. Задержанных нужно было сразу же обезоруживать. Многие полицейские по разным мотивам старались воздерживаться от применения оружия. Кто-то боялся взять на душу грех, кто-то опасался превысить свои полномочия и попасть под судебную ответственность.

Командирам рекомендовалось внушить таковым, «что применение в нужных случаях силы оружия, при обдуманной оценке этой меры, отнюдь не может быть вменено им в служебную вину, которая, наоборот, будет усмотрена в уступчивом отношении к нарушителям порядка»⁵⁵⁸. Видимо, полицейское начальство было готово взять на себя ответственность за возможные грехи кровопролития, совершенные их подчиненными. А избежать ответственности за нарушение закона совсем просто. Надо только твердо знать установленные правила и следовать им.

Полицейским сообщалось о случаях правильного и неправильного применения оружия. Вот правильный пример. В 11 часов ночи городовые 2-го участка Лефортовской части Иванов, Кузнецов и Титков проходили патрулем по Емельяновской улице. Навстречу шла толпа молодежи до 100 человек с пением Марсельезы. Иванов потребовал прекратить пение и разойтись. Из толпы раз-

дался крик: «Бей городских!» В Иванова бросили камень, который рассек ему кожу на виске. Городовой выстрелил из винтовки поверх голов. Из толпы выскочил человек, который попытался отнять винтовку у полицейского. Позже выяснилось, что это был крестьянин Егор Сальников, 21 года, не имеющий определенных занятий. Городовой Кузнецов, увидев нападение, застрелил нападавшего. Толпа разбежалась. Расследование этого дела передали судебному следователю. Прокурор Московского окружного суда сообщил: «Кузнецов в качестве обвиняемого к делу не привлечен»⁵⁵⁹.

А вот случай неправильного применения оружия. Городовой 2-го участка Суцевской части Фуфлыгин конвоировал арестанта Малешкова. На улице Лесной арестант бросился бежать. Городовой произвел в него выстрел из винтовки. Но ранил в грудь навывлет проходившего по улице 36-летнего крестьянина Федора Боброва. Раненого отправили в больницу, Малешкова задержали⁵⁶⁰.

Особое внимание уделялось обеспечению безопасности городских, находящихся на постах. В ночное время, с 9 часов вечера до 4 часов утра, постовых соединяли по двое, «в местах же особенно глухих и опасных по трое и более»⁵⁶¹. Им предписывалось находиться не рядом, а на расстоянии 10–20 шагов друг от друга: так их сложнее было атаковать одновременно. А они, в свою очередь, могли при нападении прикрывать напарника.

Находясь на посту, следовало «ружья иметь заряженными, револьверные кабуры растегнутыми [так в документе. — А. III.]»⁵⁶². Рекомендовалось по возможности сделать посты подвижными, чтобы не находиться постоянно на одном месте, еще лучше — заменить посты патрулями. В ночное время приближающихся к полицейским людей следовало заблаговременно останавливать окриком: «Стой! Руки кверху!» Винтовки при этом брались наизготовку. Затем следовало предупреждение, что будут стрелять. Если приближающиеся не останавливались, открывался огонь⁵⁶³.

Местным полицейским начальникам предписывалось тщательно следить за населением, решительно пресекать возникновение беспорядков, неукоснительно соблюдать законность.

7 июля министр внутренних дел Столыпин, готовясь разогнать I Государственную думу, отправил московскому генерал-губернатору зашифрованную

телеграмму: «В воскресенье 9 июля возможно возникновение общих беспорядков. <...> Ожидаю от Вас самого энергичного отпора мятежным попыткам». По этому поводу градоначальник приказал полицмейстерам, начальнику полицейского резерва, участковым приставам повысить бдительность. Они должны были лично и через своих помощников и околоточных надзирателей постоянно проверять несение службы нижними чинами полиции. Для усиления полицейских подразделений надо было, как и в декабре 1905 года, использовать сторожей, вооружив их «свободными» винтовками и револьверами. При необходимости приставам рекомендовалось обращаться к градоначальнику для назначения конных ночных разъездов на территории их участков. Разъезды назначались от Московского жандармского дивизиона. Они патрулировали фабричные районы с 10 часов вечера до 3 часов утра. На каждый маршрут полагалось два разъезда по три всадника⁵⁶⁴.

Генерал-губернатор даже готовился, как во время Декабрьского восстания, отключить телефоны в Москве. Он заготовил соответствующий указ, но не проставил в нем число и подпись, и запросил разрешение на такую меру у министра внутренних дел⁵⁶⁵.

Но в Москве обошлось без эксцессов. Центр революционного движения давно уже переместился в Петербург. У московских радикалов не хватало сил и влияния на общество для организации серьезных революционных выступлений. А здешняя полиция внимательно отслеживала и вовремя ликвидировала опасные приготовления экстремистов.

Во второй половине июля в Петербурге и на Балтийском флоте произошли беспорядки среди военнослужащих: волнения в лейб-гвардии Преображенском полку, восстания в Кронштадте, Свеаборге, на крейсере «Память Азова»...

20 июля московские власти получили из МВД шифротелеграмму следующего содержания: «Кронштадте минувшей ночью произошли беспорядки минной роты, подавленные войсками; ранен адмирал Беклемишев, убиты офицеры Стояновский, Александров, получил семь колотых ран офицер Сриницкий. К утру бунт подавлен. В Свеаборге заканчивается полное подавление мятежа. Повторяю свое требование случае беспорядков действовать решительно, быстро, непреклонно. Министр внутренних дел Столыпин»⁵⁶⁶.

На следующий день директор Департамента полиции М. И. Трусевич сообщил в Московское губернское жандармское управление о том, что Центральный комитет РСДРП разослал всем местным комитетам этой партии директивы о немедленном начале всеобщей политической забастовки. Департамент требовал «немедленного принятия предупредительных мер»⁵⁶⁷.

25 июля в Москве все же возникла чрезвычайная ситуация. Забастовали рабочие Общества электрического освещения. Они обслуживали электростанцию на Раушской набережной. Станция прекратила работу, и городу грозило погружение во тьму.

Специалистом по ликвидации чрезвычайных ситуаций в Первопрестольной был техник Московского дворцового управления подполковник Ф. Е. Колонтаев. Ему подчинялась служба электрического освещения Кремлевских дворцов, обслуживавшая свою сеть электрического снабжения, независимую от городской сети. Колонтаев тут же поехал в Кремль, взял рабочих дежурной смены этой службы и с ними отправился на Раушскую электростанцию. В короткий срок рабочие запустили электростанцию в действие. Вместе с подполковником Колонтаевым победу над тьмой и темными силами одержали старший машинист смены Ефим Иров, машинисты Степан Сергеев и Сергей Кутырев, паропроводчики Константин Бочаров и Егор Кошелев, младший монтер Иван Головченко, кочегары Василий Рудаков и Игнат Вдовин. Все они получили денежные награды. Колонтаев — 150 рублей, Иров — 30 рублей, остальные — по 10 рублей⁵⁶⁸.

Всеобщая забастовка в Москве провалилась. Среди революционных организаций произошел раскол: социал-демократы были за забастовку, а эсеры и лидеры профсоюзов — против. Они считали, что рабочие к этому не готовы, и оказались правы. По данным Джунковского, из 200 тысяч московских рабочих в забастовке участвовали около 20 тысяч человек. Примерно такая же ситуация была по всей стране. Вооруженные выступления были подавлены. Революция начала угасать.

Последней ставкой революционных партий оставался революционный террор. Активизировав подготовку покушений на высокопоставленных сановников и проведение крупных экспроприаций лидеры экстремистов все еще

надеялись раздуть тлеющий костер революции. Теперь в авангарде оказались максималисты и эсеры.

1906 год стал временем наибольшего расширения революционной террористической деятельности. За этот год было совершено 4742 удавшихся и неудавшихся покушения экстремистов на убийства людей, которых они объявили своими врагами. В результате погибли 738 чиновников и офицеров, а 972 были ранены⁵⁶⁹. Но при таких покушениях гибли и рядовые сотрудники полиции и жандармерии, солдаты, случайные люди, оказавшиеся на месте преступления, в том числе и дети. А еще были экспроприации, при которых тоже гибли люди.

12 августа в Петербурге максималисты совершили покушение на главу правительства и министра внутренних дел П. А. Столыпина. В тот день он принимал посетителей у себя на даче на Аптекарском острове. К дому подъехали два экипажа, из которых вышли три человека — двое в жандармской форме и один во фраке. Швейцар не пустил их, объясняя, что посетителей собралось слишком много, и запись на прием прекращена. Человек во фраке набросился на швейцара, а «жандармы» ворвались в дом. Они быстро шли к тому коридору, что вел в кабинет Столыпина. У одного из них в руках был большой портфель.

Им преградили путь агенты охранного отделения Горбатенков и Мерзликин, несшие охрану премьер-министра. Один из агентов схватил террориста с портфелем, другой агент выхватил револьвер. В этот момент террорист бросил или случайно выронил портфель. Произошел очень мощный взрыв. И тут же раздалось два взрыва на улице. Это сдетонировали бомбы, находившиеся еще у двух террористов, ждавших во втором экипаже.

Часть дачи была разрушена, погибли сразу 24 человека, ранения получили около трех десятков человек (позже трое из них скончались от ран). Сам Столыпин оказался невредим, но пострадали его 3-летний сын и 14-летняя дочь — ранения сына были легкими, а дочь ранило тяжело: ей раздробило ноги, и она не могла ходить еще в течение двух лет.

На следующий день, 13 августа, эсеры совершили покушение на командира лейб-гвардии Семеновского полка генерал-майора Г. А. Мина⁵⁷⁰, которого революционеры называли палачом Декабрьского вооруженного восстания в Москве. Надо сказать, что Мин не отличался особенной кровожадностью

Генерал-майор Георгий Александрович Мин, командир лейб-гвардии Семеновского полка, активный участник подавления Декабрьского вооруженного восстания 1905 г. в Москве

и уж точно не был палачом. Он приказывал обстреливать из артиллерийских орудий дома и целые районы, занятые вооруженными боевиками. То есть он вел себя так, как и должен поступать настоящий командир воинской части в бою — берег жизни своих солдат и уничтожал противника. Но он разрешил мирным жителям покидать оцепленную войсками и обстреливаемую Пресню и даже временно прекратил огонь, чтобы они могли выйти из района боевых действий. Он никогда не расстреливал пленных, то есть

уже задержанных и обезоруженных боевиков. С точки зрения современной морали и нравственности упрекнуть его не в чем.

Летом 1906 года Мин с семьей жил на даче в Новом Петергофе, возле Петербурга. 13 августа он с женой и дочерью пришел на железнодорожную станцию. Они уже направлялись к вагону поезда. В это время женщина невысокого роста четырьмя выстрелами в упор из браунинга застрелила генерала. Убийца пыталась убежать. Ее догнала генеральша Екатерина Сергеевна Мин, выбила из руки пистолет и принялась душить. Подбежали несколько человек, которые схватили террористку. Та сказала, что выполнила свой долг, и предупредила, чтобы с ней обращались осторожно, так как у нее есть бомба. Бомбу действительно обнаружили в кармане пальто. Задержанную звали Зинаида Конопляникова. В прошлом она была учительницей, а теперь — участницей Боевой

организации эсеров. Ее уже привлекали к дознанию по обвинению в совершении политических преступлений. Но то дело прекратили по амнистии в октябре 1905 года. Теперь военно-окружной суд приговорил Коноплянникову к смертной казни. 28 августа ее повесили.

Дело о взрыве на Аптекарском острове тоже раскрыли. Полиции помог в этом уголовник⁵⁷¹. Это был сын дьякона Морского кадетского корпуса, профессиональный грабитель Леонид Лавров (Ленька Бешеный). Его любовница Наташа Сухинова являлась участницей группы террористов. Он случайно стал очевидцем того, что у нее в квартире боевики готовили покушение на Столыпина. Узнав о взрыве дачи премьер-министра, Лавров испугался и скрылся. А потом сам пришел в охранное отделение и все рассказал. По предъявленным ему фотографиям революционеров он опознал техника, готовившего бомбы, одного из «жандармов», а также еще одного мужчину и двух девушек, помогавших в подготовке покушения. Вскоре полицейские установили личности и остальных участников теракта. Все они принадлежали к московской организации максималистов, которой руководил Соколов (Медведь). Многих из них арестовали, приговорили к казни или к каторжным работам.

Разгром полицией революционных организаций в Москве

Чтобы предотвратить опасность нового вооруженного восстания в Москве, полицейские с июня по сентябрь 1906 года провели целый ряд ликвидаций. Направлены они были против наиболее опасных революционеров — социал-демократов, эсеров, максималистов и анархистов.

Уже с марта того года агентура МОО начала давать сведения о том, что при Московском объединенном комитете РСДРП для подготовки нового восстания действует Военно-техническое бюро (ВТБ)⁵⁷².

Поражение во время Декабрьского вооруженного восстания показало социал-демократам, что среди причин их неудач были низкая организованность сил повстанцев, отсутствие четких планов действий и координации усилий, недостаток информации о противнике, слабая тактическая и техническая подготовленность боевиков.

Перед ВТБ руководители партии поставили очень важные, но слишком многочисленные задачи: 1) составить общий план действий во время восстания; 2) провести разведку численности и дислокации сил и средств противника; 3) сформировать и вооружить боевые дружины; 4) разбить город на участки и поручить контроль над каждым из них одному из отрядов боевиков; 5) ознакомить командиров дружин и десятков с тактикой уличной борьбы и с топографией района их будущих действий; 6) создать мастерские по изготовлению бомб; 7) обучить боевиков приемам изготовления и использования разрывных снарядов, применению стрелкового оружия и артиллерийских орудий, захватить которые предстояло в первые дни мятежа.

Для выполнения этих задач в составе ВТБ организовали соответствующие специальные отделы. Некоторые из них носили громкие названия, например, «Генеральный штаб» или «Разведочное бюро».

17 апреля охранное отделение арестовало одного из руководителей ВТБ Евгения Комарова. У него изъяли документацию этой организации⁵⁷³. Выяснилось, что для реализации столь обширной программы у московских социал-демократов не хватает ни кадров, ни материальных средств. Активность действий ВТБ была невысокой и непосредственной опасности пока не представляла.

Летом политической полиции стало известно, что Центральный комитет РСДРП, предвидя обострение конфликта между правительством и Государственной думой, дал указание местным органам партии быть готовыми к активным действиям. Предполагалось в кульминационный момент конфликта подтолкнуть рабочих к всеобщей политической забастовке с перспективой перерастания ее в вооруженное восстание.

Московское охранное отделение решило, что пора ликвидировать ВТБ. С 5 по 12 июля у пяти установленных членов бюро были проведены обыски. По разным адресам обнаружены лаборатория для изготовления взрывчатых веществ и мастерская по сборке бомб, семь револьверов, большое количество патронов к ним, снаряженную фитильную бомбу, чугунную оболочку для бомбы, один фунт (ок. 400 г) пороха, стеклянные цилиндры с каким-то составом, типографский шрифт. Интереснее всего оказались изъятые документы. Среди них были два плана города с обозначением мест расположения военных

складов, казарм, штабов, полицейских участков, квартир городских, оружейных магазинов, сберегательных касс, электрических станций и пр.; несколько экземпляров «Устава боевых дружин социал-демократической партии», устав «Союза офицеров русской армии», записки о тактике действий боевых дружин, чертежи к тактике уличного боя, чертежи деталей артиллерийских орудий, оттиск «Разведка и служба связи», «лист с перечислением извозчиков-шпионов и адресами провокаторов» (видимо, имелись в виду тайные агенты МОО). При обысках задержали еще шесть подозрительных лиц. Обнаружили два новых подозрительных адреса, там тоже провели обыски. Из числа разыскиваемых членов ВТБ не смогли задержать двух человек. Всех остальных упомянутых людей арестовали. Конфискованное оружие «обратили на вооружение чинов полиции»⁵⁷⁴.

Вероятно, МОО было осведомлено о том, что 8 июля будет объявлено о роспуске Государственной думы. Накануне этого события провели ряд ликвидаций наиболее активных революционеров.

В ночь на 5 июля произошла ликвидация Московского комитета РСДРП. Арестовано пять человек⁵⁷⁵.

6 июля провели ликвидацию партийных организаторов РСДРП. Вот результаты обысков у некоторых из них. У студента университета Леонида Покровского обнаружили документацию Московского комитета РСДРП и нелегальную литературу. У студента Ивана Федотова — типографский станок, печатный набор, рукописи и переписку Исполнительного комитета Лефортовского района РСДРП. У домашней учительницы Евдокии Владимировой — прокламации, партийную литературу, письмо, в котором автор выражал готовность «бросать апельсины». У дочери подполковника Анны Матиясевич (организатора Бутырского района РСДРП) — нелегальную литературу и прокламации. У проживавшей вместе с ней мещанки Анны Черных — финский нож, чехол (кобуру?) для браунинга, брошюры и прокламации. Всего арестовали 10 человек, объявили в розыск троих. Остальных по отсутствию улик оставили на свободе⁵⁷⁶.

Московские анархисты 8 июля успели провести свой тайный митинг в лесу у станции «Лосиноостровская». При возвращении с митинга некоторых из них арестовали. 10 числа против анархистов охранное отделение тоже приняло ликвидации⁵⁷⁷.

В отношении всех этих организаций московское полицейское начальство сделало вывод, что они не готовы к немедленным масштабным решительным действиям. Опасения внушала только Оппозиционная фракция ПСР. Именно ее деятельность «освещала» большая часть агентуры МОО. Против максималистов и были направлены главные удары.

Для прикрытия своей нелегальной деятельности максималисты организовали и зарегистрировали несколько коммерческих предприятий. Они учредили «1-ю московскую артель булочников», на Тихвинской улице сняли помещение и открыли булочную и кондитерскую. Это было главное явочное место фракции, через которое поддерживалась связь ее различных подразделений. В задних комнатах булочной проходила нелегальная партийная работа по координации экстремистских действий. Частые посещения булочной различными людьми не должны были вызывать подозрений.

«Слесарная мастерская Кузнецова» на Пятницкой улице и «Столярная мастерская Григорьева» в Полуярославском переулке служили для изготовления разрывных снарядов и хранения запасов оружия и взрывчатки. В мастерские было удобно привозить и увозить грузы, не привлекая внимания. «Извозничий выезд за № 13013» (довольно символический номер) с шарабаном и тремя отличными лошадьми использовался при экспроприациях. Для этой же цели был приобретен автомобиль.

Ликвидации, направленные против Оппозиционной фракции ПСР, начались еще 13 июня 1906 года. Поводом для их начала послужило задержание возле Арбатского полицейского дома двоих неизвестных, которые пытались вести переговоры с заключенными. Задержанными оказались максималисты крестьяне Иван Михайлов и Абрам Остапов. У них изъяли письма и записную книжку, где имелось много имен и адресов. Охранное отделение решило провести по этим адресам обыски, задержания, допросы и засады⁵⁷⁸.

В результате было много задержанных. При одном из обысков у подозреваемых Ивана Зайцева и Ивана Молева нашли данные о лаборатории взрывчатых веществ. 16 июня по адресу, где предположительно располагалась лаборатория (Немецкая улица, дом 15, квартира 11), провели ликвидацию. Там по фальшивым документам на имя семейной пары проживали максималисты дворянка Екатерина Никитина и бывший студент Московского университета

Александр Акинфиев. На первый взгляд, это была вполне приличная квартира. Но при обыске полицейским стали попадаться очень занятные вещи. Возле кровати Никитиной в корзинке для рукоделий обнаружилась «снаряженная бомба цилиндрической формы». В ее комоде хранилась взрывчатка. На столе — отпечатанный на машинке приказ по войскам МВО о предании суду нижних чинов Ростовского полка, участвовавших в беспорядках; копия обвинительного акта по этому делу; планы казарм и дома, где помещался Военный совет округа, а также квартиры командующего и начальника штаба МВО. По поводу этих планов позже было проведено отдельное расследование. Выяснилось, что их похитил на службе в 1-й Московской инженерной дистанции «вольнонаемный десятник» крестьянин Семен Строгонов. В столе у Акинфиева нашли рукописное наставление для изготовления разрывных снарядов. У него под подушкой лежал револьвер «бульдог». А в сундучке — два револьвера смит-вессон и 2950 патронов. Самое интересное было в чулане. Там располагалась оборудованная лаборатория, химические реактивы и динамит⁵⁷⁹.

30 июня в Москве началась забастовка булочников. Охранное отделение установило, что центр руководства забастовкой — булочная «1-й московской артели». При этом сама эта булочная для конспирации в забастовке не участвовала. В ее помещении отыскивали «готовую метательную бомбу из куска водопроводной трубки с гильзой для помещения гремучей ртути», «деревянную ложу» для маузера, обойму к нему с 6 патронами, прокламации⁵⁸⁰. После обыска полицейские закрыли булочную. Арестовали 3 человек. В квартире руководительницы булочной Лосевой нашли чертежи разрывных снарядов, несколько экземпляров «Кратких сведений об артиллерийских орудиях» (издания московских боевых дружин ПСР), устав организации московской оппозиции, нелегальную литературу, револьвер наган, патроны, 3 деревянных кобуры к пистолетам маузер⁵⁸¹.

13 июля обыскивали квартиру типографского рабочего Терентия Бардина. Полицейские выяснили, что там без прописки живет максималист студент Петровско-Разумовской академии Александр Троицкий. От жильцов других квартир поступали жалобы, что по ночам у Бардина ведется какая-то работа, туда постоянно ходят подозрительные молодые люди со свертками.

При обыске в комнате Троицкого увидели лежавшее на кровати пальто. В карманах были два браунинга с тремя обоймами, один парабеллум с двумя обоймами, 44 патрона к нему (в том числе один с разрывной пулей), по одному патрону от винтовки и от маузера. Вероятно, Троицкий собирался проводить где-то занятия по стрелковой подготовке. Тут же, на кровати, лежала жестяная трубка длиной около 5,5 вершков и диаметром 3 см, наполненная 10 г гремучей ртути. Трубка эта была заткнута пробкой, через которую проходила тонкая стеклянная трубочка с зажигательной нитью — стонином. Едва пристав, производивший обыск, взял в руки эту трубку, Троицкий быстро выхватил из нее стеклянную трубочку и бросил. Он объяснил, что может произойти взрыв. Эксперты определили, что эта трубка могла послужить запальным устройством для взрывчатого снаряда очень большой мощности. Под кроватью находилась запечатая на замок корзина, в которой хранились материалы для изготовления бомб. В записной книжке Троицкого были чертеж аппарата для

Руководители и чиновники московской полиции. Фотография начала XX в.

получения нитроглицерина, схема метательного ударного взрывного снаряда, эскиз запального приспособления⁵⁸².

В это время Московское охранное отделение вело систематичное уничтожение всех секций Оппозиционной фракции ПСР. С 5 по 11 июля ликвидировали Военную организацию, целями которой являлись «развращение войск преступной агитацией и организация военных бунтов»⁵⁸³. 14–16 июля ликвидировали Рабочую организацию, «имевшую целью воздействие на рабочих г. Москвы». Арестовали 30 человек, «накрыли» склад оружия и мастерскую бомб в квартире Артемьевых⁵⁸⁴.

В ночь с 25 на 26 июля полицейские пришли с обыском к мещанину Александру Соколову, жившему на Большой Татарской улице. Выяснилось, что паспорт у него поддельный, фамилия фальшивая (в действительности это был дворянин Александр Барышников), а в квартире находится мастерская по сборке бомб. Нашли 2 пуда (ок. 33 кг) взрывчатки «гризутин», 3 фунта (ок. 1,2 кг) гремучей ртути, материалы для сборки не менее, чем 80 бомб. В корзине для белья лежали одна пустая оболочка и восемь частично собранных бомб. Под кроватью — одна полностью собранная бомба, но без взрывателя. А в футляре от скрипки — разрывной снаряд, готовый к использованию⁵⁸⁵.

26 числа ликвидировали Крестьянскую организацию, которая «ставила целью работу в среде крестьян для приготовления их к Всероссийскому вооруженному мятежному выступлению». В квартире по Александровской улице арестовали собрание этой секции из 12 человек. В их числе находилась Елизавета Петровна Эфрон, создатель и руководитель Крестьянской организации. Кроме того, она была членом агитационно-пропагандистской комиссии, бюро по внешним связям и Исполнительного комитета Оппозиционной фракции ПСР. Фактически она и возглавляла фракцию, координируя деятельность всех ее секций. Еще она являлась казначеем организации московских максималистов, имела на руках огромные суммы денег, превышающие 100 тысяч рублей, составляла сметы комиссий и бюро. Во время ареста при ней нашли расписки об израсходовании денег до 150 тысяч рублей и множество адресов. Она же была автором воззваний фракции и хранила у себя сотни нелегальных брошюр⁵⁸⁶.

Е. П. Эфрон происходила из семьи потомственных дворян и в девичестве носила фамилию Дурново. Обе ее фамилии звучат необычно и сразу привлекают внимание. И это не напрасно.

Отец ее, Петр Апполонович Дурново, был отставным ротмистром лейб-гвардии Конного полка. Он приходился дальним родственником уже знакомому нам Петру Павловичу Дурново, который в 1905 году стал московским генерал-губернатором. Несколько поколений назад у них был общий предок. Впрочем, никаких связей они не поддерживали⁵⁸⁷. Петр Апполонович женился на дочери богатого купца. Семья купила дом в Москве, в Гагаринском переулке. Елизавета родилась в 1853 году. По иронии судьбы ее воспитателем при крещении стал жандармский полковник Михаил Апполонович Дурново. В молодости Елизавета Петровна была привлекательной девушкой, отличалась умом, успешно училась, хорошо рисовала. Она стала одной из первых московских курсисток, то есть женщин, получавших высшее образование (по-современному говоря — студенток, но тогда такого слова не было). Замуж она вышла за подольского купца 2-й гильдии Якова Эфрона. Родила ему нескольких детей. Они выросли в том же московском доме. Один из ее сыновей Сергей позже, в 1912 году, женится на Марине Цветаевой. Он станет белогвардейцем, затем тайным сотрудником ОГПУ в Париже. В 1937 году вернется в СССР и вскоре будет арестован и расстрелян.

Видимо, в характере Елизаветы Петровны была излишняя экзальтированность, пламенность, фанатичность. Это постепенно превратило ее в суровую «валькирию революции». Родителям приходилось нередко вытаскивать ее из-под ареста, «обивать пороги», ходатайствовать, упрашивать, платить большие залогов за ее освобождение. После смерти родителей она в 1905 году снесла старый деревянный дом и на том же месте построила новый, гораздо больший дом, каменный и 3-этажный. В этом доме проводились партийные сходки, укрывались революционеры, находившиеся на нелегальном положении. Значит, сотрудники МОО были не вполне правы, говоря, что Оппозиционную фракцию ПСР возглавляют бездомные бродяги.

В 1906 году Елизавету Петровну арестовали. Через год арестовали ее старших детей — Анну, Веру и Якова. Анна сумела сбежать. Но тяжелого наказания предводительница московских максималистов почему-то не получила. Веро-

ятно, для этого не хватило улик. Вскоре она с семьей уехала за границу. Через несколько лет Елизавета Петровна сама покончила с жизнью после самоубийства ее самого младшего сына⁵⁸⁸.

А летом 1906 года ликвидации, направленные против московских максималистов, шли очень активно. По адресу, найденному у Елизаветы Эфрон, отыскали склад нелегальной литературы. В квартире Екатерины Ковалевой хранилось около 2 тысяч экземпляров изданий Крестьянской организации.

27 июля в селе Всехсвятском полицейские разгромили одну из подпольных типографий Военной организации Оппозиционной фракции ПСР. Экстремистов застали прямо за печатанием «Манифеста к армии и флоту». Задержали 3 человек. Еще один максималист, купеческий сын Митрофан Крылов, попытался сбежать. Он старался скрыться, но завяз в болоте, его нашли и вытащили только утром следующего дня. Всех нелегальных «печатников» арестовали⁵⁸⁹.

Параллельно с уничтожением Военной, Рабочей и Крестьянской организаций Оппозиционной фракции ПСР проходила ликвидация ее Технической организации. Эта секция заведовала общими «районными типографиями» максималистов, выпускавшими основную массу нелегальных агитационно-пропагандистских изданий данной партии.

Руководила Технической организацией дочь коллежского советника Маргарита Успенская. Для координации деятельности этой организации она сняла две квартиры на Вейской и Екатеринославской улицах. При обыске первой квартиры изъяли 5000 «преступных воззваний». Во второй обнаружили 2200 прокламаций и брошюр, а также 4 ружья, 2 револьвера, около 100 патронов, печать московской оппозиционной организации социалистов-революционеров. Саму Успенскую задержать не удалось. В ее квартире оставили засаду. На следующий день попался пришедший Евгений Богданов⁵⁹⁰.

Главная типография технической организации располагалась в студенческом общежитии Петровско-Разумовского сельскохозяйственного института, «представлявшего, благодаря своему изолированному загородному положению, праву автономии высших учебных заведений и попустительству учебного начальства. Весьма надежный притон для преступных целей». Там обнаружили печатный станок, воззвания и брошюры, браунинг, патроны, метательную бомбу⁵⁹¹.

29 июля обыскали «Столярную мастерскую Григорьева». Там изготавливали рукоятки для «шимоз», наборные кассы для шрифта, детали типографских станков. И самая удивительная находка — «деревянная модель пушки в натуральную величину с детально отработанным затвором для обучения “дружинников” обращению с орудиями при захвате таковых у правительства». Арестованы два человека. Сам хозяин Григорьев и еще два столяра скрылись⁵⁹².

В ночь с 30 на 31 июля полицейские «взяли» главное хранилище боеприпасов Оппозиционной фракции ПСР. Оно было замаскировано под «Мастерскую для починки швейных машин и велосипедов Кузнецова». Мастерскую открыли 12 мая. Но первоначальное помещение оказалось не очень удобным, и в конце июня состоялся переезд на Пятницкую улицу. В мастерской работали максималисты: ее «хозяин» Терентий Кузнецов, фактический руководитель производства боеприпасов, техник Евгений Романович (выпускник Московского технического промышленного училища), токарь Иван Максимов и рабочий Потапов. Помещение имело пять комнат. В одной открыли магазин велосипедных и граммофонных принадлежностей. Во второй поставили токарный станок и два слесарных верстака. В третьей комнате жил Кузнецов, в четвертой — Потапов с сожительницей. Пятая комната была кухней.

Проводя обыск, полицейские установили, что в мастерской полным ходом шло изготовление «шимоз» для вооружения боевиков. На верстаках лежали 10 собранных, но еще без рукояток, бомб, а также много запасных частей для них и кусок водопроводной трубы, из которого нарезали оболочки «шимоз».

Затем обнаружили тайник между полом мастерской и сводом подвала. Оттуда извлекли 9 маузеров, 156 обойм и 1810 патронов к ним, наган и 300 патронов к нему, пакет в котором было 5 коробок по 50 штук револьверных патронов. Далее из тайника достали 4 свертка, упакованных в посылочную и аптекарскую клеенку. В них был динамит, расфасованный по 2–2 1/2 фунта (ок. 0,8–1 кг) в пакеты из «парафинной» бумаги. Общий вес динамита составил 2 пуда и 33 фунта (ок. 47 кг). Найденных материалов хватило бы для изготовления 114–115 штук «шимоз» большой мощности. Арестовано пять человек⁵⁹³.

В ночь на 5 сентября в доме Матрены Паршиной ликвидировали последнюю типографию московских максималистов. Там застали спящими крестьян Николая Хорева, Павла Коновалова, Алексея Харитонova. Под подушкой

у Хорева нашли парабеллум. Саму Паршину задержали в отхожем месте, когда она пыталась выбросить 1700 экземпляров прокламаций. В кухне дома обнаружили замаскированный люк в подпол. Там находились типографские станки, больше 4 пудов (ок. 65,5 кг) типографского шрифта, готовые наборы прокламаций, бумага.

Больше всего усилий от полицейских потребовали ликвидации Боевой организации Оппозиционной фракции ПСР, состоящей из дружин боевиков и летучих отрядов экспроприаторов. При этом дружинники проводили военные учения в Подмоскovie, а экспроприаторы совершили в Москве ряд ограблений с убийствами⁵⁹⁴.

В воскресенье 23 июля около 11 часов утра на станцию Кудиново Нижегородской железной дороги из Москвы приехали около ста молодых людей. Они ушли в лес на расстояние до 2 верст (ок. 2,1 км) от станции и там на поляне устроили учебные стрельбы. Полиция получила об этом показания от случайного свидетеля⁵⁹⁵.

Молодые люди привезенными с собой лопатами вырыли ров в 3 сажени (ок. 6,5 м) длиной и в аршин (ок. 2,1 м) глубиной. Сделали перед ним насыпь и установили пять клеенчатых мишеней. Стрельбу вели с расстояния в 300 шагов «из длинных полуаршинных револьверов» по 10 человек залпами. Руководил хромой человек. Он командовал «огонь», трубач играл сигнал, очередной десяток открывал стрельбу. По команде «отбой» трубач играл другой сигнал, огонь прекращался. Товарищ Хромого проверял мишени. Патроны брали из ящика «в виде гитары» (видимо, из футляра для музыкального инструмента).

Стрельбы продолжались до 5 часов вечера. Потом молодые люди несколькими группами вышли из леса на станцию и уехали в Москву двумя поездами. Одна из групп, увидев возле станции жандарма, бросила связку из 11 лопат. Никто задержан не был.

На следующий день полицейские осмотрели место стрельбы. Нашли две крышки от коробок из-под патронов к пистолетам маузер, две стреляные гильзы к ним же, одну гильзу к браунингу.

Через две недели, 6 августа, по Павелецкой линии Рязанско-Уральской железной дороги на станцию Домодедово и на платформу Герасимово в 4 верстах (ок. 4,3 км) от этой станции тремя утренними поездами с 9 до 12 часов из

Елизавета Петровна Дурново (Эфрон).
Фотография конца XIX в.

Москвы прибыли около 150 молодых людей. Они были в костюмах рабочих и в форме учебных заведений. Некоторые в руках держали свертки. Группами они быстро ушли в лес.

В местности, называемой Рябушкин овраг, приехавшие установили 6 клеенчатых мишеней и устроили стрельбы. Командовал Хромой. На этот раз боевики выставили вокруг цепь охранников с револьверами. Они задержали трех очевидцев — сторожа удельного леса Андрея Наумова, управляющего имением Михаила Сенцова и его кучера Михаила Белякова. После очевидцы показали следующе-

щее. Хромой раздал 27 маузеров с футлярами, а также по четыре патрона на каждого боевика. Стреляли по команде с двух дистанций в 200 и 400 шагов, залпами по 10 человек и поодиночке. У большинства стрелков были еще револьверы «за поясами». Один из дружинников играл на гармонии «похоронный революционный марш» (видимо, «Вы жертвою пали в борьбе роковой...»). Остальные пели. По окончании стрельб Хромой собрал маузеры в мешок. Свидетелей отпустили. Боевики группами ушли на Домодедово и на Герасимово.

Около 5 часов вечера на станции Домодедово жандарм Марков увидел первую партию подозрительных людей численностью в 30 человек. Он успел обыскать часть этой группы. Тут подошел поезд и все они уехали в Москву. Появилась вторая группа в 40 человек. Как заметил Марков, все вооруженные револьверами. У некоторых было по два револьвера. На опушку леса вышла и остановилась третья партия. Марков пошел и сообщил об этом полицейскому уряднику Куликову. Тот по телефону позвонил в Подольск и вызвал под-

могу. Вскоре прибыл помощник уездного исправника Андреев с 10 стражниками. Увидев полицейских, дружинники бросились в лес. Андреев со стражниками начал их преследовать. В лесу по ним открыли стрельбу. За две минуты в полицейских сделали не менее 200 выстрелов. Стреляли, видимо, по ногам. Один стражник был легко ранен навывлет в левое бедро, у другого пули в двух местах пробили шаровары и поцарапали приклад винтовки. Андреев приказал огнем не отвечать и отступил.

В это время на станции Марков с помощью железнодорожных служащих и «некоторых лиц из публики» задержал и обыскал 10 подозрительных людей. У одного из них, 20-летнего Андрея Деметрашвили, обнаружили маузер и две пачки патронов. Четверо из задержанных сумели сбежать.

С платформы Герасимово пришло сообщение, что там тоже собралось около 40 человек боевиков. Андреев с Куликовым, Марковым и пятью стражниками поездом отправились туда. Большая часть дружинников успела убежать. Задержали четверых. Все были типографскими рабочими. У 18-летнего Федора Максимова нашли футляр от маузера. По словам Андреева, этот боевик, пытаясь скрыться от полицейских, сунул под лестницу пистолет, который там и был обнаружен. У 16-летнего Ивана Иванова нашли пулю к браунингу. Под скамейкой отыскивали еще один футляр от маузера и клеенчатую мишень⁵⁹⁶.

Арестованный Андрей Гаврилович Деметрашвили оказался крестьянином селения Карагаджи Горийского уезда и еще одним однокашником по Тифлисской семинарии И. В. Джугашвили (Сталина). Похоже, эта семинария была просто рассадником революционеров. Позже Деметрашвили был завербован Московским охранным отделением в качестве секретного агента. Он «освещал» деятельность московских эсеров, за достигнутые успехи был повышен. В 1912 году этого агента передали в ведение заграничной агентуры и командировали в Париж⁵⁹⁷.

Задержания и обыски боевиков Оппозиционной фракции ПСР проводили несколькими волнами. Они начались еще в июне, а закончились только в сентябре. Среди обнаруженного у них было много интересных документов. Это план Московской пересыльной тюрьмы (Бутырки), письмо с просьбой передать туда револьверы для попытки побега, письмо из Бутырки, план военной

тюрьмы в Лефортово, план военного арсенала в Москве на Сенатской площади с пометками на нем — «винтовок 3-х лин. пехотных 14 000 годных», «винтовки 4,2 лин. пехотн. требующ. исправл. 15 980 без затворов», «гранаты», проект «экспроприации» паспортных бланков из пяти волостных правлений Серпуховского и Тарусского уездов с картой местности и чертежами внутренних помещений этих правлений, план Московского городского полицейского дома, письмо о возможности побега из Якиманского полицейского дома, руководство по возведению земляных укреплений, «Краткие сведения об артиллерийских орудиях», сведения о железных дорогах у станции Фили и около Можайска⁵⁹⁸. Судя по этим бумагам, планы у боевиков были обширные.

Среди арестованных оказались руководитель боевых дружин московских максималистов Василий Стерлигов (он же — Федор Москвин), специалист по тактике прапорщик запаса 23-летний Дмитрий Мусатов (он составил инструкцию для дружинников), специалист по вооружению старший надзиратель отдела ручного оружия московского артиллерийского склада 24-летний Самуил Гордиенко⁵⁹⁹. Все арестованные члены Оппозиционной фракции ПСР были в возрасте от 17 до 37 лет. По социальному происхождению они принадлежали к сословиям крестьян, мещан, почетных граждан и потомственных дворян.

Экспроприаторы из этой фракции действовали совершенно автономно от боевых дружин, да и от партийной организации вообще. Почувствовав, что под ногами у максималистов «горит земля», они пытались скрыться. Даже успели продать лошадей и экипаж. Но все было бесполезно. Полиция арестовала 11 членов летучих отрядов. Из них шесть человек изобличили как участников вооруженных нападений (разбоев). Еще пять человек изобличить в этом не удалось. Им предъявили обвинения в хранении оружия, патронов и нелегальной литературы⁶⁰⁰.

Наиболее опасная экстремистская организация в Москве Оппозиционная фракция ПСР была полностью разгромлена полицией. Большинство экстремистов задержали. Некоторые спешно бежали в другие города, в Финляндию, за границу Российской империи. Были ликвидированы все районные отделы этой фракции, все специализированные секции, боевые дружины

и летучие отряды, уничтожены типографии, склады оружия, боеприпасов, нелегальной литературы, лаборатории и мастерские по производству взрывных снарядов.

Однако искоренить максималистов в Москве полностью не удалось. Весной 1907 года оставшиеся члены Оппозиционной фракции ПСР создали Московскую группу максималистов. В нее вступили и анархисты, уцелевшие после ликвидации их организации в Москве 31 марта того года⁶⁰¹.

Террор: неоправданное палачество и напрасные жертвы

Конечно же, нельзя делить террористов на «плохих» и «хороших». Они все — убийцы, все — преступники. Но обращает на себя внимание разница между тем, как готовили и проводили теракты боевая организация эсеров и «летучки» максималистов.

Эсеры готовили свои покушения долго и тщательно. В течение значительного времени, маскируясь под извозчиков и торговцев-разносчиков, они внимательно отслеживали все перемещения того человека, которого выбрали своей жертвой. Изучали его образ жизни, выбирали такой момент для совершения теракта, когда не должны пострадать случайные люди, особенно женщины и дети.

Один из руководителей Боевой организации ПСР Борис Савинков так рассказывает о своем разговоре с боевиком Борисом Вноровским (кличка — Пушкин) перед покушением на московского генерал-губернатора Дубасова.

«— Слушайте, — сказал я, — а если Дубасов поедет с женой?

— Тогда я не брошу бомбы.

— И значит будете еще много раз его ждать?

— Все равно: я не брошу.

Я не возражал ему: я был с ним согласен»⁶⁰².

Максималисты долгой подготовки никогда не вели. Они собирали людей, брали бомбы помощнее и оружия побольше. И тут же шли «на дело». Во время терактов и экспроприаций они при первой возможности взрывали все подряд и палили во все стороны. Поэтому количество погибших и раненых, в том числе случайных людей и самих террористов, как правило, было очень большим.

Борис Викторович Савинков, один из лидеров партии эсеров, террорист. Фотография начала XX в.

По словам Савинкова, максималист Михаил Соколов (Медведь) сказал ему, что эсеровский способ действий уже отжил свой век. «Теперь нужно действовать партизански, а не сидеть по полгода на козлах»⁶⁰³. Уже осенью того же года настроение Соколова изменилось. Савинков описывает их новый разговор так.

«Он показался мне утомленным. Видимо, напряженная террористическая деятельность не прошла для него даром. В его словах звучали грустные ноты.

— Вы были правы. Одним партизанством немного сделаешь. Нужна крепкая организация, нужен предварительно большой и тяжелый труд. Я убедился в этом. Эх, если бы у нас была ваша дисциплина. <...>

Я хотел ему в ответ сказать, что у нас зато нет инициативы и решимости максималистов...»⁶⁰⁴

И эсеровские, и максималистские террористы во время первой российской революции потерпели поражение. Дело вовсе не в том, что одним не хватило решительности, а другим — организованности. Даже если бы они объединились, получили и то, и другое, все равно терроризм был обречен на поражение.

Среди тех террористов были романтики. Такие как Иван Каляев (Поэт), Борис Вноровский (Пушкин), Дора Бриллиант, Рашель Лурье (Катя). Были и циники: Евно Азеф (Толстый), Владимир Мазурин (Володя), Евгений Зверев (Зверь). Были циничные романтики или романтические циники. Например, Борис Савинков и Михаил Соколов (Медведь). Романтики думали, что служат добру. Они собирались жертвовать ради этого своими жизнями. Циники понимали, что творят зло. Они хотели губить чужие жизни. Но все они без исключения, сознательно или не осознавая того, делали одно общее дело — мостили

Михаил Иванович Соколов
(Медведь) — эсер-максималист,
террорист

дорогу в ад для своего народа и для себя тоже.

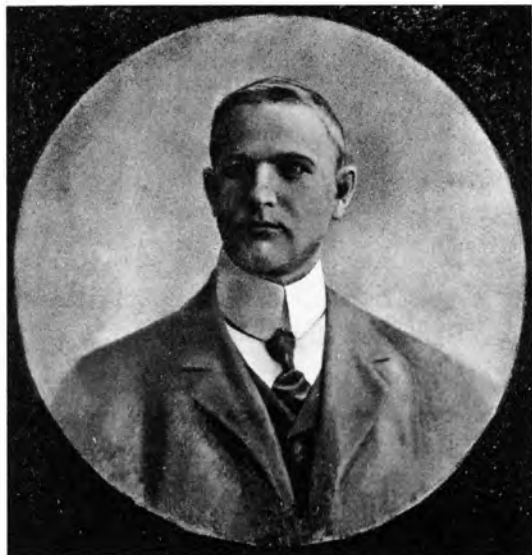
А, вообще-то, всем этим террористам была присуща амбивалентность романтизма и цинизма, жертвенности и палачества. Ненавидя палачей, они сами становились палачами. Террор все подвергал инверсии, выворачивал наизнанку: жертвы превращались в палачей, палачи рано или поздно становились жертвами. И разница между циниками и романтиками от террора была только в том, что первые видели и признавали эту «вывернутость», а вторые старались обманывать себя, что ее нет. Но это только до поры, до времени...

Каковы были ближайшие цели революционного террора? Запугать представителей власти, заставить их пойти на уступки, расширить политическую свободу, улучшить жизнь народа.

Какой была конечная цель? Победа революции, уничтожение старой власти, установление новой революционной власти, благоденствие народа.

Чего же добились террористы в России в начале XX века? Запугали они представителей власти? Да, запугали. Что произошло в результате? Были введены военно-полевые суды, ужесточено наказание, правление стало жестче, репрессии — кровавей.

Все уступки со стороны властей (избирательное право, парламент, политические свободы, провозглашенные Манифестом 17 октября 1905 года, первая амнистия) были сделаны до Декабрьского вооруженного восстания и «большого террора 1906 года». Вторая амнистия произошла в период затишья перед «летним революционным наступлением 1906 года». А террор и восстания при-

водили только к ухудшению ситуации и урезанию политических свобод («ско-рострельные» суды, «третьиюньская политическая система»). «Раздуть» революцию в 1906 и 1907 годах с помощью террора не удалось. Она все равно потухла. Получается, что террор мешал достижению поставленных целей. В условиях поражения революции он приносил не пользу, а вред.

В 1917 году революция в России победила. Революционные циничные романтики и романтические циники пришли к власти. Что это принесло народу? Страшные кровопролития (во время Гражданской войны, большевистского террора, коллективизации крестьянства, депортации народов и т. д.), резкое усиление государственного гнета, ухудшение условий жизни народа. Оказывается, в ситуации победившей революции террор тоже несет народу не пользу, а вред.

Значит, террор не имеет смысла, так как в любых условиях он несет народу только вред. Полезен он может быть лишь некоторым индивидам, которые используют его в своих интересах. А еще суть террора в том, что он бесчеловечен. По отношению к случайным и неслучайным жертвам и к их близким. По отношению к обществу, которое оказывается «под огнем» с двух сторон. По отношению к тем, кто сам идет заниматься террором. Их ведь не зря называли душегубами. Они ведь собственные души погубили. И к тому же напрасно.

Одни из них погибли при терактах или были казнены. Других на долгие годы заперли в каменных мешках тюрем или на каторге. Третьи вынуждены были расстаться с родиной, ради которой они были готовы умирать и убивать. Те из них, кто вернулись туда после победы революции, вскоре погибли от рук своих вчерашних революционных соратников, захвативших власть. Многие покончили жизнь самоубийством или сошли с ума, осознав бессмысленность и бесчеловечность того, что они делали. Даже те, кто спаслись от преследований, не спаслись от самих себя.

Савинков рассказывает о судьбах своих соратников-террористов. Вот лишь некоторые из рассказов, о тех людях, что упомянуты в этой книге.

Дора Бриллиант (по мужу Чиркова) родилась в 1879 или 1880 году в богатой еврейской семье. Окончила гимназию в Херсоне и акушерские курсы при Юрьевском университете. В партии эсеров с 1902 года, в боевой организации

с 1904 года, в 1905 году арестована. После заключения в Петропавловской крепости заболела психическим расстройством и умерла в 27-летнем возрасте⁶⁰⁵.

Рашель Лурье родилась в 1884 году. Окончила гимназию в Ковно. Вступила сначала в еврейскую революционную организацию «Бунд», а в 1904 году — в ПСР. После поражения революции эмигрировала за границу. Застрелилась в Париже в возрасте 24 лет⁶⁰⁶.

Похожее произошло и со многими террористами-романтиками, о которых здесь не упоминалось. Савинков пишет и о других таких же случаях. Да и смерти Каляева и Вноровского очень уж похожи на завуалированные самоубийства. Они и сами в этом признавались в своих прощальных письмах.

Егор Дулебов родился в 1883 году. Он происходил из крестьянской семьи, работал слесарем в железнодорожных мастерских в Уфе. С 1901 года в революционном движении. Видимо, Дулебов отличался выдающимися душевными качествами, так как в очень молодом возрасте добился, по словам Савинкова, большого уважения от всех товарищей. В 1903 году Дулебов застрелил уфимского губернатора Н. М. Богдановича и скрылся. Позже был арестован. Содержался в Петропавловской крепости, где у него обнаружилось психическое расстройство. В 1905 году его перевели из крепости в больницу для душевнобольных. Умер он там в 1908 году 24 лет от роду.

Еще Савинков упоминает о Татьяне Леонтьевой. Он описывает ее как светскую барышню, белокурую, стройную, со светлыми глазами. Говорит, что она обладала «сосредоточенной силой воли», которой отличалась и Дора Бриллиант. Но существовали и заметные отличия. «Леонтьева была моложе, радостнее и светлее. Она участвовала в терроре <...> с радостным сознанием большой светлой жертвы. Она проявляла много ума, находчивости и такта. Каляев сказал о ней: «Эта девушка — настоящее золото». В 1905 году ее арестовали. Выпустили после амнистии по Манифесту от 17 октября. Она уехала за границу. В 1906 году в Швейцарии Леонтьева во время завтрака в кафе застрелила старика-француза, сидевшего за соседним столом. Она приняла его за бывшего министра внутренних дел П. Н. Дурново. У девушки началось психическое расстройство на почве террора. Швейцарский суд отправил ее в тюрьму. Там она окончательно сошла с ума. Савинков говорит: «Я убежден, что если бы ее судьба сложилась иначе, из нее выработалась бы одна из тех редких женщин,

имена которых остаются в истории, как символ активной женственной силы»⁶⁰⁷. «Иначе» — это значит, если бы она не пошла в террор.

Возглавлял боевую организацию эсеров инженер Евно Азеф (Толстый). В конце 1908 года выяснилось, что он был провокатором. В течение 15 лет он служил тайным агентом политической полиции, получая очень высокое жалование и огромные премии за удачно выполненные задания. Азеф «сдавал» охранке целые группы террористов, предотвращая совершение крупных терактов. Его «кураторы» получали за это награды и повышения. А доверившиеся провокатору революционеры шли на казнь и на каторгу. Но Азеф никогда не «сдавал» свою организацию целиком. Он следил за тем, чтобы она не потеряла боеспособность. Ведь это была его «нива», с которой он собирал обильные урожаи. «Сдав» одних террористов, он тут же набирал и готовил новых. Чтобы отвести от себя подозрения и создать себе авторитет в партии эсеров, Толстый время от времени в тайне от своих «кураторов» проводил успешные теракты. Это он вместе с Савинковым был инициатором и руководителем убийства министра внутренних дел Плеве и великого князя Сергея Александровича. После таких провалов руководители политической полиции вылетали в отставку и потом «кусали себе локти» от досады. А у Азефа появлялись новые «кураторы».

Если бы у Азефа не было прикрытия, поддержки и даже помощи со стороны политической полиции, ему никогда бы не удалось организовать многие десятки удачных и неудачных террористических покушений, при этом оставаться на свободе и действовать без каких-либо ограничений.

Авторитет Азефа в экстремистских кругах был непререкаем: его считали «богом террора». Вот слова его помощника, тоже знаменитого террориста, Бориса Савинкова: «Я был связан с Азефом дружбой. Долговременная террористическая работа сблизила нас. Я знал Азефа за человека большой воли, сильного политического ума и крупного организаторского таланта. Я видел его на работе. Я видел его неуклонную последовательность в революционном действии, его глубокую нежность к семье. В моих глазах он был даровитым и опытным революционером и твердым решительным человеком. Это мнение в общих чертах разделялось всеми товарищами, работавшими с ним...»⁶⁰⁸

Но рано или поздно провокатора разоблачили. В конце 1908 — начале 1909 года обвинения против него выдвинул журналист Владимир Бурцев, которого называли «охотником за провокаторами». Сначала руководители ПСР и активисты Боевой организации не хотели верить в провокаторство Азефа. На эсеровском партийном суде Савинков, вспоминая имена знаменитых террористов, говорил: «Есть ли в истории русского освободительного движения <...> и в освободительном движении других стран более блестящее имя, чем имя Азефа?»⁶⁰⁹

Бурцев описывал свой разговор с террористкой из боевой организации Эсфирь (Бэлой) Лапиной.

«Ко мне Белла пришла, очевидно, для того, чтобы еще раз попытаться убедить меня в нелепости моих обвинений Азефа, и, кончая разговор сказала:

— Владимир Львович, мы вам рассказали самые конспиративные сведения об Азефе. Теперь вы знаете все. Дальнейшее обвинение Азефа с вашей стороны только одно упрямство. Неужели вы не понимаете, что вы делаете? Вы знаете, что вам останется делать, когда вы убедитесь. Что Азеф честный человек?

— Знаю. Мне тогда останется одно: пустить себе пулю в лоб <...> И я сделаю это!

— Да, у вас не будет другого выхода! Вы должны будете это сделать!

— Ну, — сказал я ей, — а если я прав? А если Азеф действительно провокатор? А если вы все время работаете с провокатором? А если глава вашей Боевой Организации — действительно провокатор?

— Ну, тогда, — Белла захохотала, — тогда нам всем надо будет перестреляться!»⁶¹⁰

Бурцев сумел доказать свои обвинения. Бэла, потерявшая веру в своего ложного бога, застрелилась. Савинков решил не стреляться, а занять освободившееся место «главного террориста». Он предложил убить Азефа, но так и не сделал этого.

«Бог» террористов оказался оборотнем. Это неудивительно, раз терроризм амбивалентен, двуличен. Кстати, среди экстремистов было много оборотней помельче. Но Азеф по масштабам провокаторства значительно превосшел их всех. Он нанес тяжелые потери и революционному движению и силам правопорядка. В конечном счете вред от провокаторства и для тех, и для других

Евни Азеф — глава Боевой организации эсеров и секретный сотрудник Департамента полиции

оказался значительно больше, чем польза от него.

Провокаторство также амбивалентно, как и терроризм. Они оказались «сиамскими близнецами», подпитывавшими друг друга. Ведь провокаторство это не только использование правоохранителями в своих интересах некоторых экстремистов. Это еще и использование провокаторами в свою пользу «правоохранителей-кураторов».

Террористам-циникам тоже не особо повезло. Медведя, Володю и Зверя казнили в 1906 году. Азеф в 1915 году попал в германскую тюрьму в Моабите, там заболел, был освобожден в конце 1917 года, но вскоре скончался; ему было 47 лет.

Спасти удалось лишь тем, кто, вовремя осознав амбивалентность террора, навсегда ушел из него. Не многим это удалось.

Сам Савинков понимал и инверсивность, «вывернутость» террора, и его бесполезность. Но старался закрыть на это глаза, ведь у него в жизни не оставалось ничего, кроме террора. В 1909 году, уже после поражения первой революции в России, он написал роман с апокалиптическим названием «Конь бледный». Книга эта проникнута глубочайшим разочарованием автора в своей жизни и своем деле, осознанием своей оторванности и от любого из людей, и от общества. Вот, как этот роман заканчивается:

«Я понял: не хочу больше жить. Мне скучны мои слова, мои мысли, мои желания. Мне скучны люди, их жизнь. Между ними и мною — предел. <...> В детстве я видел солнце. Оно слепило меня, жгло лучистым сиянием. В детстве я знал любовь — материнскую ласку. Я невинно любил людей, радостно любил жизнь. Я не люблю теперь никого. Я не хочу и не умею любить. Проклятый мир и опустел для меня в один час: все ложь и суета...

Было желание, я делал свое дело. Я не хочу ничего теперь. Зачем? Для сцены? Для марионеток?

Я вспоминаю: “Кто не любит, тот не познал Бога, потому что Бог есть любовь”. Я не люблю и не знаю Бога...

И еще: “Блаженны не видевшие и уверовавшие”. Во что верить? Кому молиться?.. Я не хочу молитвы рабов. <...> Пусть Христос зажжет словом свет. Мне не нужно тихого света. Пусть любовь спасет мир. Мне не нужно любви. Я один. Я уйду из скучного балагана...”⁶¹¹

Савинков не смог уйти. Ему для этого не хватило любви к людям или к человеку, не хватило Бога в душе. Он не впустил их в свою душу, поэтому вскоре вновь вернулся в террор.

Какой смысл был в убийствах чиновников различного ранга? Никакого. Террористы с 1902 по 1911 год трижды убивали министров внутренних дел Российской империи. На смену погибшим приходили новые сановники. Политика государства при этом не менялась или менялась к худшему.

Убитых губернаторов Н. Богдановича и великого князя Сергея Александровича сменили их преемники. Что принесли эти убийства? Усиление репрессий. Так, нужно ли было это делать? Нет. Зачем же пожертвовали собой Дулебов и Каляев? Напрасно. Экстремистам удалось заставить уйти в отставку вице-адмирала Дубасова. Так, его сменил черносотенец Гершельман. Стало лучше народу? Нет. Для чего тогда погиб Вноровский? Совершенно зря.

Даже убийство императора ничего не меняло к лучшему. Ведь народовольцы убили Александра II, проводившего либеральные реформы. В ответ на это получили правление Александра III, когда реформы сменились антилиберальными контрреформами и репрессиями. К чему это привело? К расширению свободы? Нет, к ее сужению. Стоило ли добиваться этого и совершать такой теракт? Не стоило.

Весь террор был напрасен!

Террор в любых условиях лишен смысла и всегда бесчеловечен. Он не приносит пользы ни в случае его успешности, ни при его безуспешности. Тот, кто не хочет видеть этого — обманывает себя. Изучайте историю, и для вас это станет очевидным.

Савинков сам признает, что террористы «были слепы». В 1923 году им был написан роман «Конь вороной». Там, цитируя стихи Блока и Библию, он делает вывод: «“Товарищ, эй не трус! Пальнем-ка пулей в святую Русь!” Пальнули. И, раненая, бьется Россия. Пальнули не только они, пальнули и мы. Пальнули все, у кого была винтовка в руках. <...> Мы, слепые и ненавидящие друг друга, покорны одному, несказанному, закону. Да, не мы измерим наш грех. Но и не мы измерим нашу малую жертву. <...> “И когда он снял третью печать, я слышал третье животное, говорящее: иди и смотри. Я взглянул, и вот конь вороной, и на нем всадник, имеющий меру в руке своей”»⁶¹².

В конце своей жизни Савинков понял, что террор — путь к Апокалипсису. Но до этого он успел стать и новым «кумиром террористов», и... оборотнем. После Октябрьской революции Савинков боролся против большевистской диктатуры. Участвовал в белогвардейском движении, воевал. Затем эмигрировал за границу. Создал там террористическую организацию Союз защиты родины и свободы, которая базировалась в Польше и вела подпольную борьбу против Советского государства. В 1924 году Савинков тайно перешел советскую границу и был арестован чекистами. И тут же он «раскался» и объявил себя сторонником большевистской власти. Стал писать послания своим недавним соратникам, предлагая им прекратить борьбу против большевиков. Опубликовал статью «Почему я признал Советскую власть?», призывавшую и других белогвардейских эмигрантов сделать это же. Оборотничество очередного «бога подпольной борьбы» сильно деморализовало антибольшевистскую эмиграцию.

В своих письмах из большевистской тюрьмы на Лубянке Савинков сообщал, что увидел в своих тюремщиках «не палачей и уголовных преступников», а «убежденных и честных революционеров, тех, к которым я привык с моих юных лет». Впрочем, он раньше и про Азефа так говорил. Далее Савинков пишет: «Они напоминают мне мою молодость — такого типа были мои товарищи по Боевой Организации»⁶¹³. Это такие же амбивалентные циничные романтики террора, только получившие власть. Они уже начали превращаться в палачей. А позже станут и жертвами. Ведь их деятельность — это подготовка «большого террора» 1930-х годов.

Когда Савинков стал больше не нужен, боги большевистского террора избавились от него. Через несколько месяцев он погиб в тюрьме. Ему было 45 лет.

По официальной версии — он совершил самоубийство, но, скорее всего, был убит чекистами. А вскоре и они окажутся оборотнями и начнут убивать друг друга. И так, пока в 1956 году не выяснится, что оборотнем был сам верховный бог большевистского террора.

Выходит, что все боги террора — оборотни. «Не сотвори себе кумира».

Нужны ли были военно-полевые суды?

По многим городам Российской империи прокатилась волна покушений и убийств экстремистами государственных служащих разных рангов. На заседании Государственной думы премьер-министр П. А. Столыпин заявил революционерам всех мастей: «Не запугаете!» (из выступления в Государственной думе 6 марта 1907 года). Но, на самом деле, что-то в его душе все-таки надломилось. Когда ему говорили, что он изменился, Столыпин отвечал: «Да, это было до бомбы Аптекарского острова, а теперь я стал другим человеком»⁶¹⁴.

На бессмысленную жестокость революционеров власти ответили своей бессмысленной жестокостью. Так бывает всегда: жестокость рождает страх, страх порождает ответную жестокость. Чем больше страха, тем больше жестокости. А террористы сумели напугать правительство очень сильно.

19 августа 1906 года, через неделю после покушения на Аптекарском острове, Совет министров принял указ о введении военно-полевых судов. Император его утвердил.

В положении о военно-полевых судах говорилось:

«На основании статьи 87 Свода Основных Государственных Законов, издания 1906 года: в местностях, объявленных на военном положении или в положении чрезвычайной охраны, Генерал-Губернатором, главноначальствующим или облеченным их властью лицам предоставляется в тех случаях, когда учинение лицом гражданского ведомства преступного деяния является настолько очевидным, что нет надобности в его расследовании, передавать обвиняемого Военно-Полевому Суду, с применением в подлежащих случаях наказания по законам военного времени, для суждения в порядке, установленном нижеследующими правилами:

1) Военно-полевой суд учреждается по требованию генерал-губернаторов <...> начальниками гарнизонов или отрядов <...> в составе председателя и 4 членов из офицеров от войска или флота. <...>

3) Суд немедленно приступает к расбору [так в документе. — А. Ш.] дела и оканчивает рассмотрение онога не далее, как в течение двух суток.

4) Разбирательство дела производится при закрытых дверях. <...>

5) Приговор <...> немедленно вступает в законную силу и безотлагательно, и во всяком случае не позже суток, приводится в исполнение по распоряжению военных начальников, указанных в Ст. 1-й настоящих правил...»⁶¹⁵

Здесь самое главное следующее. Во-первых, судят не профессиональные военные юристы, хорошо знающие законы и процессуальную практику, а строевые офицеры. Они привыкли командовать: «Огонь!», «В атаку!». И нацелены на то, чтобы уничтожать врага, а не разбираться в юридических тонкостях.

Во-вторых, не проводится предварительное расследование и сбор улик, нет адвокатов, у подсудимого отсутствуют шансы доказать свою невиновность. А доказательства его вины вообще не требуются. Достаточно убежденности в этом членов суда.

В-третьих, ошибочный приговор нельзя обжаловать. Нет даже времени убедиться в его несправедливости.

В таких судах все зависело от здравомыслия, гуманности и порядочности офицеров, случайно ставших судьями, и генерал-губернаторов, утверждавших приговор. А ведь террористы постарались их запугать и преуспели в этом. Поэтому приговоры, как правило, были предельно жестокими.

При данных условиях избежать судебных ошибок и осуждения невиновных было невозможно. Однажды был зафиксирован случай, когда осудили на смертную казнь двух молодых людей, которые в момент совершения преступления вообще находились в другом месте. Но защититься в военно-полевом суде от жестокости и несправедливости было невозможно. Вот и все, чего добились террористы своей деятельностью.

Одновременно было принято постановление «Об усилении ответственности за распространение среди войск противоправительственных учений и суждений и о передаче в ведомство военных и военно-морских судов дел по означенным преступным деяниям»⁶¹⁶. Теперь за активную агитацию и пропаганду среди военнослужащих полагалась каторга. А дела агитаторов рассматривались не гражданским, а военным судом. Раньше такое делалось только

в отношении революционеров, ведущих с оружием в руках борьбу против власти. Теперь и агитаторы оказались в том же положении, что и террористы. Революционеры с помощью террора этого и добивались?

Введение военно-полевых судов — это типичная жесткая реакция на перенесенный испуг. Практического смысла в этой мере не было. Она не помогала в борьбе с терроризмом, скорее, наоборот. Конечно, невозможность подавления терроризма с помощью тогдашних гражданских судов была доказана неоднократно. Но действенное средство было и уже применялось. До этого в местностях, объявленных на военном положении или в положении чрезвычайной охраны, экстремистов, готовивших или осуществивших теракты, судили военно-окружные суды. Они состояли из профессиональных военных юристов и соблюдали все необходимые судебные процедуры. Такие суды исправно приговаривали террористов к смертной казни или длительным срокам каторги. Этих мер было вполне достаточно.

Правда, увеличивались сроки проведения судебного рассмотрения. Зинаиду Коноплянникову осудил военно-окружной суд и 28 августа приговор привели в исполнение. Если бы ее судил военно-полевой суд, то казнь состоялась бы на две недели раньше. Вряд ли это реально сделало бы борьбу с терроризмом эффективней. Зато рассмотрение дел в военно-окружных судах позволило бы избежать несправедливых приговоров.

Надо признать, что при затягивании судебного разбирательства, у арестантов появлялись шансы на побег. Например, в мае 1906 года Савинков был арестован в Севастополе при подготовке теракта. Пока шел суд, эсеры успели подготовить и провести его побег с главной гауптвахты Севастопольской крепости⁶¹⁷. Но причиной этого была не беспомощность военно-окружных судов, а халатное несение караульной службы в местах заключения.

Введение же «скорострельных» военно-полевых судов, не обеспечивавших справедливость приговоров, скомпрометировало правительство, оттолкнуло от него значительные круги общества. Это дало оппозиционной прессе реальные поводы для обвинения власти в кровожадности, способствовало усилению эффективности революционной пропаганды.

Наиболее умные представители власти видели вред военно-полевых судов. Тот же Джунковский замечает: «Эти суды не оправдали тех ожиданий, которые

Совет министров на них возлагал, думаю даже, что они принесли больше вреда, чем пользы, так как способствовали произволу, увеличивая кадр недовольных...» Но у большинства властителей ум уже был затуманен дымом от взрывов бомб и выстрелов террористов.

В Москве, благодаря проведенным полицией ликвидациям и разгрому Оппозиционной фракции ПСР (московской организации максималистов), положение было значительно спокойней, чем в Петербурге. Но напряженная борьба правоохранителей и экстремистов продолжалась.

22 августа московский градоначальник разослал полицмейстерам, начальнику полицейского резерва и участковым приставам копии захваченных ранее основных документов революционных боевиков — «Инструкции для начальников дружин по охране митингов» и «Устава районных дружин Центрального комитета партии социалистов-революционеров». Это было сделано для того,

Сыскное бюро в начале XX в.

чтобы ознакомить с тактикой боевиков всех полицейских, вплоть до городских включительно. «Дабы чины полиции могли свободно противодействовать боевым дружинам во время нахождения полиции при разсеянии собраний, митингов и сборищ»⁶¹⁸.

Первый же пункт Устава дружин гласил, что их главная цель — не оборона, а нападение: «1. Дружины организуются для всеобщего выступления; до этого момента они несут охранную службу»⁶¹⁹.

А самое интересное содержалось в седьмом пункте устава: «7. Предателям и изменникам — смерть по приговору Центрального Комитета, а в военное время военно-полевого суда»⁶²⁰.

Документ этот был принят ЦК ПСР *до 19 августа 1906 года*. Значит, революционеры ввели «скорострельные» военно-полевые суды раньше, чем это *предприняло правительство*. На практике они сделали это в *декабре 1905 года*, когда властвовали на Пресне. Только, революционеры, в отличие от правительства, не объявляли о введении таких судов публично.

Полицейское ведомство внимательно отслеживало действия нелегальных организаций и предпринимало предупредительные меры. В Москве это делалось особенно успешно, так как она теперь была на периферии революционной борьбы и все нововведения применялись здесь экстремистами позже. Чем в Петербурге и в других «горячих точках».

Некоторые нововведения выглядели сравнительно мирно. Например, такое: «Местом сбора кружковых руководителей весьма часто служат <...> будки для продажи сельтерской воды, причем некоторые из них даже содержатся на счет организаций. В этих же будках ведется агитация среди солдат, хранятся и распространяются преступные воззвания, назначаются дни митингов и указываются места сборищ»⁶²¹.

Другие сообщения звучали более зловеще. Вот такая зашифрованная телеграмма, пришедшая из МВД 30 августа 1906 года: «Получены сведения что революционеры имеют в виду переодеваясь офицерскую форму произвести ряд покушений на жизнь иностранных консулов дабы вызвать этим вмешательство иностранных держав в русские дела»⁶²².

Но главной целью революционеров в это время стало получение значительных денежных средств для продолжения борьбы. Большинство подпольных

типографий полиция уничтожила. Поток нелегальной агитационно-пропагандистской литературы начал иссякать. Для его возобновления требовались средства. Деньги нужны были на оружие и взрывчатку, на наем явочных квартир, на содержание нелегально живущих революционеров, на организацию забастовок, на материальную поддержку забастовщиков и т. д.

МВД предупредило 29 августа: «Социалисты-революционеры нуждаясь в денежных средствах для продолжения террористических действий и сознавая что грабежи частного имущества все более вызывают озлобление и негодование остановились на решении предпринять ограбление казначейства...»⁶²³

Товарищ министра внутренних дел А. А. Макаров 8 сентября телеграфирует в Москву: «Прошу принять по соглашению <...> зависящие меры к тому, чтобы помещения Банков и Казначейств, а равно и соседние местности подвергались тщательному осмотру и наблюдению...»⁶²⁴ Московская полиция провела необходимые мероприятия.

В Москве считали, что объектом покушений могут стать и почтовые учреждения, через которые тоже проходили большие денежные суммы. На почтамте разместили военную охрану. Московский почт-директор вообще настаивал, чтобы ее численность довели не менее чем до 1 роты⁶²⁵. Городские почтовые отделения оборудовали электрической сигнализацией. С ее помощью можно было дать сигнал в ближайший полицейский участок. Некоторые полицейские посты переместили ближе к отделениям⁶²⁶.

Особые опасения вызывало 16-е городское почтовое отделение. Оно находилось в здании конторы Государственного банка и хорошо охранялось. Но ежедневно из этого отделения на почтамт, а также и в обратном направлении, перевозились почтовые отправления значительной ценности. Перевозка происходила в специальном почтовом экипаже каждый день по разным маршрутам. Полиция 1-го участка Мясницкой части установила тайную охрану экипажа. Она состояла из трех переодетых городских, вооруженных револьверами. Эти полицейские скрытно сопровождали «золотой фургон», следя за тем, чтобы перевозка прошла благополучно⁶²⁷.

29 августа председатель Совета министров П. А. Столыпин телеграммой разослал высшим должностным лицам в регионах Российской империи воззвание об антитерроре. «Участившиеся в последнее время террористические

посягательства на жизнь должностных лиц совершаются в надежде что последние поддавшись чувству страха ослабят свою деятельность в защиту закона и общества от преступных посягательств и по исполнению предначертаний высшей власти. Совет министров уверен что все представители правительственной и общественной власти сознавая вместе с населением всю пагубность и безцельность упомянутых преступлений докажут своею непоколебимостью и решительностью в исполнении служебных обязанностей что никакия угрозы не могут повлиять на преданность их престолу и закону а равно и на готовность исполнить свой долг до конца»⁶²⁸. В том экземпляре документа, который хранится в архивном фонде московского генерал-губернатора, нет мягких знаков. Видимо, в пишущей машинке эта литера была повреждена и не пропечатывалась. Но выглядело это весьма символично. Ни малейшая мягкость по отношению к террористам не допускалась.

Надежно обеспечивая безопасность в городе и выполняя призыв антитеррористического воззвания, московские полицейские продолжали ликвидации экстремистских организаций.

29 августа они задержали революционного палача и организатора ограбления банка Московского общества взаимного кредита, руководителя летучего отряда экспроприаторов Владимира Мазурина. Вместе с ним «взяли» подельника — мещанина Павла Андреева. Их выследили агенты МОО Демидов, Выдрин и Родионов (он изображал извозчика-лихача). Брили экстремистов прямо на улице. В задержании участвовали городовые Санаев, Потапов, Волхонский, Рябко и легкой извозчик Никаноров.

Убегавшего Мазурина преследовал на экипаже Родионов. Преступник забежал в тупик, где можно было пройти, но нельзя проехать. Родионов поехал за ним, но экипаж уперся в препятствие. Это видел извозчик Александр Никаноров. Он знал об особенностях этого тупика и понимал, что преступник может скрыться. Тогда Никаноров по собственному почину подъехал к другому выходу из тупика, дождался Мазурина и схватил его, так, чтобы тот не мог воспользоваться револьвером. Сам Никаноров описывал это следующим образом. «При задержании Мазурин мне откровенно сказал, что он революционер, назвал меня “товарищем”, просил освободить его и предлагал за это, сколько хочу и захочу я, денег. В крайнем случае предлагал мне убить его, или отпу-

стить»⁶²⁹. Собравшиеся прохожие хотели учинить над экспроприатором самосудную расправу. Но подоспели городовые.

Все участники задержания получили денежные награды по 25 рублей. Но Никаноров посчитал, что этого мало. Он написал прошение аж самому генерал-губернатору. Там проситель жаловался: «Борьба была серьезная. У меня оказалась байковая рубашка разорванной. <...> В силу нервного потрясения я не мог работать почти целую неделю; я легкой извозчик знак № 7979, у меня стояла лошадь без дела, а содержать ее нужно. Мало того, мне по ночам ездить не безопасно <...> выдал мне г. градоначальник 25 рублей награды, но по истине говоря, мне убытков много больше»⁶³⁰. И Никаноров выклянчил-таки добавку: генерал-губернатор приказал выдать ему еще 25 рублей⁶³¹.

1 сентября «взяли» Евгения Зверева, по кличке Зверь, с двумя его товарищами. Их задержали полицейские 2-го участка Басманной части — околотовые надзиратели Миронов и Цецко, городовые Мордвинов и Сергеев, а также дворники Закиров и Воробьев. При этом правоохранители «выказали неустрашимость и самоотверженное исполнение долга»⁶³². В награду Миронов и Цецко получили по 50 рублей, Воробьев — 25 рублей, остальные — по 15 рублей.

В конце августа и начале сентября в Москве начались военно-полевые суды. Первым из них был приговорен к казни Мазурин, вторым — Зверев, третьим — 6 человек, участвовавших в вооруженном нападении на контору Франка в Кисельном переулке. Все приговоры привели в исполнение.

Главная революционная экспроприация осени 1906 года произошла в Петербурге. Руководил ею, бежавший из Первопрестольной от преследований московских полицейских, Михаил Соколов (Медведь).

14 октября в Фонарном переулке боевики напали на карету Экспедиции заготовления государственных бумаг, перевозившую деньги (около 600 тысяч рублей) из портовой таможни. Карету охраняли конные жандармы и городовые. Несколько террористов забросали карету бомбами, вступили в перестрелку с конвоем, а затем сделали вид, что убегают. Правоохранители бросились в преследование. В это время вторая группа боевиков устремила к карете, захватила несколько мешков с деньгами и попыталась скрыться.

На звуки выстрелов и взрывов сбегались находившиеся поблизости полицейские, дворники, солдаты гвардейских полков. Рассыпавшихся по окрестно-

стям экспроприаторов преследовали даже добровольцы из прохожих. Было много убитых и раненых из числа правоохранителей, прохожих и самих террористов. Один из них застрелился сам, чтобы не попасть в руки преследователей. Но некоторым из экспроприаторов удалось скрыться, увезя с собой 365 тысяч рублей⁶³³.

Даже в официальных документах полиции и в бумагах самих террористов случившееся в Фонарном переулке называется кровавой экспроприацией. Джунковский замечает: «Это дерзкое ограбление среди дня произвело удручающее впечатление. Оно лишний раз доказало, что военно-полевые суды не устроили и не оправдали ожиданий Совета Министров».

Задержанных участников группы Медведя казнили 17 октября, в день годовщины Манифеста о введении политических свобод и учреждении парламента в России. Самого Соколова поймали в Петербурге немного позже. Он был повешен 2 декабря.

Здание Московского общества взаимного кредита на Биржевой площади в Москве.
Открытка начала XX в.

Забегая немного вперед, отметим, что московская полиция тоже поучаствовала в ликвидации этой летучей группы террористов. Оставшиеся в живых экспроприаторы собрались за границей. В мае 1907 года новый руководитель группы прапорщик запаса Владимир Горлунов (кличка — Володя Московский), а с ним еще один молодой человек и две девушки, прибыли в Москву. Здесь полицейские установили за ними наблюдение.

Горлунов снял уединенную дачу в Петровском парке, на самой границе города и Московского уезда. А еще он подыскал помещение для лошадей и пролетки. Затем приехавшие установили связь с местной группой максималистов и анархистов. Когда на дачу доставили разрывные снаряды, полицейские уже не сомневались, что готовится крупная экспроприация.

В ночь на 21 июня 1907 года «все выясненные члены приезжей группы и лица, проживавшие в Москве и находившиеся с этой группой в сношениях, были подвергнуты обыскам и арестам, задержано 21 лицо...». Из этого числа полицейские передали шесть человек для следствия судебным властям: Владимира Горлунова, бывшего студента Николая Пумпянского, мещанку Людмилу Емельянову, княжну Ксению Мышецкую, крестьянина Ивана Коломийца, неизвестного по имени человека под кличкой Рубец. Горлунов и Рубец при аресте оказали вооруженное сопротивление⁶³⁴. Остальных задержанных в административном порядке выслали «под гласный надзор полиции в разные местности»⁶³⁵.

Новой экспроприации, подобной «делу в Фонарном переулке» не произошло. Оказалось, что правильно организованная оперативная работа полиции по предотвращению и пресечению преступлений значительно лучше защищает общество от террористов, чем военно-полевые суды.

Такие суды просуществовали восемь месяцев, до 20 апреля 1907 года. В тот день указ о них потерял свою юридическую силу, так как не был утвержден Государственной думой 2-го созыва. За время их существования было вынесено 1102 смертных приговора⁶³⁶, однако в исполнение их было приведено только в отношении 683 человек. Значительно больше людей за это же время погибло в результате терактов и экспроприаций.

Глава VI

РЕВОЛЮЦИЯ ОТСТУПАЕТ

Месть проигравших

Осенью 1906 года революция в России явно начала затухать. Экстремистские партии пытались вновь активизировать рабочие, солдатские и крестьянские выступления, используя для этого различные события. Но эти попытки оставались безуспешными.

Первым событием, на которое рассчитывали экстремисты как на повод к разжиганию оппозиционного движения, стала годовщина со дня объявления Манифеста от 17 октября 1905 года. Правительство тоже готовилось к этой дате.

Председатель Совета министров П. А. Столыпин отправил генерал-губернатору С. К. Гершельману соответствующую телеграмму: «Семнадцатого Октября в первую годовщину обнародования Высочайшего Манифеста постановлено по духовному ведомству отслужить торжественные молебны. Следует допустить украшение домов флагами и устройство иллюминации, но мятежные сборища и вообще какие бы то ни было противоправительственные процессии и демонстрации к устройству которых несомненно будут со стороны неблагонадежных лиц попытки, не должны быть ни под каким видом допускаемы. В таких случаях надлежит действовать решительно и подавлять беспорядки при самом их возникновении силою не останавливаясь в нужных случаях предприятием самых суровых мер»⁶³⁷.

Такие же инструкции были даны и градоначальнику А. А. Рейнботу⁶³⁸. В отличие от центральных властей, московский градоначальник совсем не верил в то, что местные революционеры в силах организовать какие-либо масштабные выступления. Максимум, чего он опасался, так это какой-нибудь скандальной провокации с их стороны, которая даст пищу для слухов и прессы.

16 октября 1906 года Рейнбот по телеграфу предупредил подчиненных ему полицейских начальников: «Несколькими злонамеренными людьми, а главное праздными болтунами распространяются среди населения столицы совершенно неосновательные толки о могущих быть завтра 17 октября каких-то уличных беспорядках. Предлагаю принять все меры к успокоению населения и точно руководствоваться моими указаниями. <...> Всю ответственность если обыденный уличный скандал разрастется в более или менее крупный беспорядок возлагаю на местных полицмейстеров и приставов. Уличных беспорядков а тем более каких-либо демонстраций в Москве быть не может»⁶³⁹.

Градоначальник даже отказался от помощи частей Московского гарнизона и не стал вводить особые наряды от войск и полиции на эти дни. Единственной воинской частью, которую он 17 октября задействовал, и то не полностью, был Московский жандармский дивизион⁶⁴⁰. Рейнбот рапортовал Гершельману: «Настроение населения столицы отличное, а силы и дух полиции, в случае каких либо попыток произвести беспорядки, таковы, что я вполне гарантирую спокойствие вверенного моему наблюдению города»⁶⁴¹.

В день годовщины провозглашения в России политических свобод и парламентаризма один из эскадронов МЖД находился в постоянной готовности пресечь любые выступления революционеров. Но этого не потребовалось. Назавтра Московский генерал-губернатор смог телеграфировать в Петербург: «День 17 октября прошел в Москве полным порядке»⁶⁴².

Другим событием, которое собирались использовать в своих интересах революционеры, был осенний призыв в армию в 1906 году. Директор Департамента полиции М. И. Трусевич 26 октября направил в Москву телеграмму: «Виду сведений о решении подпольных организаций <...> содействовать проникновению революционных элементов на военную службу необходимо обратить особое внимание на это обстоятельство в настоящий призыв»⁶⁴³.

Вскоре московские полицейские получили более подробные сведения о том, что намерены делать революционные партии во время призыва. План этот включал в себя 4 пункта⁶⁴⁴: «1) снабжать новобранцев в пути революционной литературой. 2) устно агитировать, агитаторы будут одеты теми же новобранцами. 3) вызывать столкновения между новобранцами и их конвоирами, снабжая последних спиртными напитками. 4) осуществить забастовку, замедлив

перевозки и разстроив продовольствование новобранцев». Но и в этот раз попытки экстремистов не принесли каких-либо заметных результатов.

Поскольку внутренне положение в стране явно стало спокойнее, Военное ведомство решило, что пора начать сокращение количества войск, в первую очередь пехотных частей, откомандированных в распоряжение гражданских властей «для предупреждения и прекращения беспорядков»⁶⁴⁵.

МВД разослало запросы местным руководителям, в том числе московскому генерал-губернатору. Предлагалось дать мотивированное заключение по этому поводу. В результате было принято компромиссное решение о постепенном введении такой меры. В качестве первого шага предлагалось «сведение командированных <...> частей в крупные единицы». Имелось в виду, что надо собрать в места постоянного расположения частей те подразделения, что были размещены в различных пунктах для предотвращения и пресечения революционных выступлений. 2 декабря Столыпин прислал соответствующее предписание Гершельману⁶⁴⁶. Это означало, что непосредственная опасность подобных выступлений миновала.

Поскольку разжечь массовое революционное движение больше не удавалось, экстремистским партиям оставалось действовать небольшими сплоченными группами единомышленников. А так можно было проводить только теракты и экспроприации. Но и революционный террор тоже начал вырождаться. Большинство опытных боевиков были казнены, отправлены в заключение, отошли от этой деятельности или скрылись за границей. Одни из них сходили с ума, другие решали, что им делать дальше — покончить счеты с жизнью или написать роман о террористах с каким-нибудь апокалипсическим названием.

Азеф и Савинков «подали в отставку». Они жили за рубежом. Правда, позже оба вернулись в террор. Но осенью 1906 года главная террористическая сила революции, то есть Боевая организация эсеров, была распущена ЦК ПСР. Сохранившиеся летучие отряды эсеров, максималистов, анархистов пополнялись неопытными новичками и несли большие потери. В их деятельности уже не было не только смысла, но и надежды на победу революции. Теракты носили характер мести победителям со стороны проигравших. Среди оставшихся боевиков распространилось новое понимание своей роли в революционной борьбе. «Террористы-одиночки в свое время первыми начинали борьбу на

аванпостных стычках с врагом — в дни, когда массы еще не были достаточно активны. А теперь, когда массы уже перестали быть активными, такие же одиночки последними покидали поле борьбы, в арьергардных боях прикрывая отступление революционной армии...»⁶⁴⁷ Это очередной самообман. Никакой армии уже не существовало, прикрывать было некого. Террор вел лишь к затягиванию кровопролития.

В Москве 30 октября 1906 года произошло покушение на градоначальника А. А. Рейнбота. Он шел по Тверской улице пешком к церкви Василия Кесарийского. Некий молодой человек бросил в него бомбу. Бомба значительно перелетела через градоначальника, упала и взорвалась, никому не причинив вреда. Террорист выхватил револьвер и успел несколько раз выстрелить, но также безрезультатно. Его схватили полицейские. По словам Джунковского, Рейнбот подошел к задержанному и выстрелил ему в голову, «что, конечно, было лишнее и произвело неприятное впечатление, так как преступника в это время уже держали». Далее Джунковский замечает: «Градоначальник продолжал свой путь <...> показав стойкое хладнокровие». Стрелять в уже безопасного и незащищенного человека, по-моему, не столько хладнокровие, сколько палачество.

6 декабря московский градоначальник получил за это награду. Ко дню тезоименитства императора Рейнбот зачислен в Свиту Его Величества. Покушавшийся на него террорист умер неизвестным. Лишь в феврале 1907 года полицейские установили, что это был 23-летний московский мещанин Гавриил Александров, служивший в развесочном отделении чайной фирмы «В. Перлова сыновья»⁶⁴⁸. Он принадлежал к «Летучему боевому отряду Областного комитета ПСР».

Полицейские задержали нескольких человек по подозрению в принадлежности к тому же отряду или по связям с Александровым. Большинство из них были молодыми людьми 18–19 лет, ранее полиции не известными. Но трое оказались революционерами со стажем, уже зарегистрированными в архивах охранки⁶⁴⁹.

Первым был задержан неизвестный, который не имел постоянного места жительства и проходил в наблюдении Московского охранного отделения под кличкой Пузан. Агентура сообщила, что это начальник «летучки». Среди рево-

Гавриил Александров, совершивший покушение
на А. А. Рейнбота 30 октября 1906 г.

люционером он пользовался кличкой Григорий Петрович. В день покушения на Рейнбота он находился возле места происшествия, а затем вскочил на извозчика и уехал. Личность этого человека установили. Он оказался мещанином местечка Клецк по имени Михаил Рипс. Был членом Главного комитета Белостокской организации ПСР и в 1905 году привлекался к следствию по делу о покушении на жизнь пристава в Белостоке, но по недостатку улик был освобожден.

Во время задержания вместе с ним находился человек, предъявивший подложный паспорт на имя Тюткова. Этого тоже взяли. И не зря. Настоящее его имя было Герман Забусский. Он являлся незаконнорожденным сыном крестьянки, которого усыновил дворянин. Учился в Брянском техническом училище, но в 1905 году его исключили «за беспорядки». Агентура сообщила, что он — член Исполнительного комитета ПСР.

Третий задержанный был совсем интересным субъектом. Звали его Николаем Печковским. Он происходил из дворян, но работал на железной дороге, сначала — машинистом, потом — слесарем. Первый раз его арестовали в 1898 году при ликвидации Московского союза борьбы за освобождение рабочего класса. С тех пор арестовывали еще трижды. Но для вынесения ему серьезного приговора каждый раз не хватало улик. Печковского либо оправдывали, либо отпускали, «вменив в наказание предварительный арест». В октябре 1905 года он попал под амнистию по Манифесту. Печковский состоял членом местной организации эсеров и был одним из руководителей Центрального бюро Всероссийского железнодорожного союза. Даже когда он находился под арестом, в квартире его жены Софьи Печковской проходили собрания членов железнодорожного союза. 10 марта 1906 года полиция арестовала там 20 участников подобного собрания.

И на этот раз осудить даже известных революционеров не удалось. Их выслали в административном порядке под гласный надзор полиции: Рипса — в Туруханский край на четыре года, Забусского — в Тобольскую губернию на два года, Печковского — в Вологодскую губернию на два года.

Также выслали еще двух участников этого летучего отряда: 18-летнего минусинского мещанина Александра Баранова и застигнутого спящим у него в квартире крестьянина Курского уезда Никиту Деева. При обыске в помещении нашли 16 обойм к маузеру с 37 патронами, обойму к браунингу и 50 патронов к нему, две кобуры-приклада от маузера, устав боевой организации, подложный паспорт. Оба до высылки еще «отсидели» по три месяца «за хранение огнестрельных припасов без надлежащего разрешения». В общем, все «легко отделались». Но отряд был ликвидирован.

2 декабря 1906 года в Петербурге состоялось новое покушение на бывшего московского генерал-губернатора Ф. В. Дубасова. Джунковский описал это так. «В 12 часов дня Ф. В. Дубасов вышел из своего дома на прогулку. <...> Три молодых человека <...> сделали ряд выстрелов <...> ни одна пуля не попала. Потом один из них бросил бомбу. Дубасов упал, но тотчас поднялся <...> подошел к покушавшемуся на него, которого уже держали агенты, и стал его расспрашивать. У Дубасова оказалась неопасная рана на левой ноге. <...> Он говорил, что когда смотрел на того юношу, который стрелял в него, то видел такие испуганные глаза, что видно было, что он сам испугался, что стрелял. Дубасов находил, что таких невменяемых юношей нельзя убивать, и писал даже Государю, прося судить юношу общим порядком, но его просьба не была уважена».

Сделанные Джунковским, эти описания поведения во время покушений прекрасно показывают разницу характеров Рейнбота и Дубасова. Нападение на Дубасова доказывает и то, что теракты не имели практических целей, а были лишь бессильной мстостью победителям. Ведь Федор Васильевич больше не занимал важных государственных должностей. Да и кровожадностью он никогда не отличался, даже во время подавления Декабрьского вооруженного восстания 1905 года в Москве.

24 декабря директор Департамента полиции М. И. Трубевиц сообщил в Москву по телеграфу следующее: «Виду усилившейся террористической дея-

тельности революционеров необходимо принять на некоторое время усиленные меры предосторожности против возможных посягательств охранив таких лиц к которым можно <...> ожидать посягательств»⁶⁵⁰.

Полиция и общественно-политические организации

Отношение властных органов и полиции к легальным общественным организациям (политическим партиям, профсоюзам, органам земского и сословного представительства) в 1906–1907 годах было настороженным, а то и враждебным. Даже и Государственную думу правоохранители рассматривали как гнездо революционной агитации. Однако по закону все эти организации имели право на существование.

11 января 1906 года Совет министров «разъяснил» государственным служащим: «Хотя принадлежность к той или иной партии есть дело личного убеждения каждого, но участие в партиях, стремящихся к ниспровержению государственного строя, недопустимо»⁶⁵¹. Позднейшим разъяснением было добавлено, что это касается не только подпольных, но и легальных организаций. «Должностным лицам, как состоящим на государственной службе, так и вольнонаемным, воспрещается всякое участие в политических партиях, обществах и союзах, не только явно революционных, но и таких, которые, хотя и не причисляют себя открыто к революционерам <...> обнаруживают стремление к борьбе с правительством или призывают к таковой борьбе население»⁶⁵². Под это определение попадали даже оппозиционные партии в Думе. Например, Конституционно-демократическая партия (либеральная по характеру и интеллигентская по составу) или Трудовая партия, представлявшая крестьянство. Последняя разделяла программу эсеров, за исключением насильственных методов борьбы: террор и вооруженные восстания она полностью отвергала.

Особое внимание уделялось изолированию от общественной деятельности руководящих работников государственного аппарата: «Стоящие во главе самостоятельных частей управления или отдельных местных учреждений начальствующие лица не могут выступать в качестве руководителей каких бы то ни было политических партий и быть председателями или членами партийных бюро и комитетов»⁶⁵³. Этот циркуляр объявлялся служащим под расписку.

30 сентября 1906 года министр внутренних дел Столыпин предписал начальникам местных государственных органов строго следить за выполнением этих постановлений. Он писал: «Служащие в казенных учреждениях Министерства Внутренних Дел, назначаемые на должности Вами или подчиненными Вам органами власти, а также служащие по вольному найму в земских, городских и сословных учреждениях должны быть за нарушение указанного распоряжения Совета Министров увольняться немедленно со службы»⁶⁵⁴.

Сложнее обстояло дело с теми людьми, кто по закону занимал выборные должности в указанных учреждениях. Уволить их просто так было нельзя. «Возбуждению вопроса об удалении лиц означенной категории должна предшествовать строгая оценка поступивших в Ваше распоряжение данных. Внесение в подлежащее губернское присутствие одних непроверенных указаний на неблагонадежное направление того или другого служащего по выборам может повлечь за собою отказ в Вашем требовании и поставить правительственную власть в несоответственное ее достоинству и полномочиям положение»⁶⁵⁵.

Московский губернатор Джунковский в рапорте генерал-губернатору от 8 июня 1906 года выразил свое глубокое недоверие сотрудникам органов местного управления: «Из лиц, занимающих в Московской губернии должности с правами государственной службы по избранию дворянских и земских собраний и городских дум, а также из врачей состоящих на службе земства и городов, чинов министерства юстиции и финансов, официально к политическим партиям, союзам и обществам противоправительственного характера никто не принадлежит, но по внутреннему настроению несомненно до 80 % таких лиц сочувствуют крайним партиям, не правее кадетской, и может быть, некоторые из них принимают тайное участие в деятельности сих партий»⁶⁵⁶.

Обращает на себя внимание, что В. Ф. Джунковский даже кадетов причислил к крайним партиям, хотя она была совершенно центристской, хотя и оппозиционной. Выходит, что для Владимира Федоровича все оппозиционные партии казались крайними, то есть экстремистскими. Это, конечно же, было неверно. Сотрудничая с либеральными общественно-политическими организациями, представители власти могли бы расколоть и сузить социальную базу оппозиции. Но им такое даже в голову не приходило.

С оппозицией в органах местного управления Джунковскому приходилось мириться. И он это делал, скрепя сердце (или скрипя сердцем). Но если находил достаточный повод, то тут же наносил оппозиционерам удар. В своих мемуарах он вспоминает: «17 ноября в помещении губернской земской управы чинами полиции <...> был произведен обыск, причем в шкапу найдено 8 ружей и 12 штыков. <...> Левые группы земства были возмущены вторжением администрации в помещение управы, но так как обыск был с результатами, то им оставалось только сконфузиться».

Еще подозрительней полиция и администрация относились к профессиональным союзам. Департамент полиции указывал в циркуляре от 10 мая 1906 года: «Начало возникновения означенных союзов было положено еще в 1905 году “Российской социал-демократической рабочей партией”, имевшею целью таким путем использовать, в интересах революционного движения, безпартийные элементы и создать из профессиональных корпораций политически организованную силу. Первое время объединяющим такая корпорация органом являлся “Союз союзов”, формально безпартийный, но имевший явно революционную окраску, и в последнее время при “Центральном Комитете” вышеназванной социал-демократической партии организована особая профсоюзная комиссия для объединения и согласования работы социал-демократов в профессиональных союзах»⁶⁵⁷.

Но с 4 марта 1906 года действовал закон, разрешавший создание легальных профсоюзов с целью защиты интересов работников законными способами. Для регистрации, контроля и, при необходимости, закрытия профсоюзов в Москве был создан специальный орган — Особое при градоначальстве присутствие об обществах.

Департамент полиции предписывал региональным полицейским учреждениям не спускать глаз с профсоюзов: «Обратить самое пристальное и серьезное внимание на личный состав и деятельность профессиональных союзов, допускать их легализацию в порядке закона 4 марта 1906 года лишь при наличии несомненных данных об отсутствии их связей с революционными группами и, при первых попытках со стороны профсоюзных организаций к отступлению от установленных пределов их деятельности, закрывать их в порядке указанного закона, возбуждая при этом против активных членов таких союзов,

в случае достаточности к сему оснований, обвинение в принадлежности их к революционным сообществам»⁶⁵⁸.

В Москве в 1906 году было зарегистрировано 57 профсоюзов, в Московской губернии — еще 6 союзов, а также 33 отделения (филиала) союзов, действующих в Москве.

Поначалу у московских организаторов РСДРП не получалось успешно работать в легальных профсоюзах. Они не умели использовать законные методы борьбы. Но они быстро научились и к лету 1906 года социал-демократы в Москве уже оказывали заметное влияние на направление деятельности многих профессиональных рабочих организаций. Больше всего этому способствовало, по-видимому, то, что законным путем не было достигнуто удовлетворение важнейших требований рабочих. Например, требование о введении 8-часового рабочего дня. Разочаровавшись в легальных способах деятельности, члены профсоюзов начинали склоняться к поддержке действий подпольных партий.

По сведениям полиции, некоторые легальные профсоюзы (такие как Союз печатников и Союз рабочих текстильного производства) прямо превратились в революционные организации⁶⁵⁹. Департамент полиции указывал: «Вследствие особо напряженной деятельности социал-демократов профессиональные союзы принимают уже вполне определенный облик социал-демократических организаций и потому являются весьма опасными для государственного строя»⁶⁶⁰. Это означало, что социал-демократы, потеряв на короткий период после поражения Декабрьского восстания влияние на рабочие массы, сумели быстро его восстановить. А государственная власть, получив шанс привлечь к себе поддержку рабочих, тут же его утратила. Она не сумела или не захотела убедить рабочих, что сможет защищать их интересы.

Как пишет Джунковский, в Москве началось «массовое закрытие <...> профессиональных обществ», чему он был очень рад⁶⁶¹. Благодаря этому, у него в губернии из 33 отделений московских профсоюзов закрытыми оказались 26. Один из губернских профсоюзов он тоже закрыл (профсоюз Мытищенского вагоностроительного завода).

Легальное профсоюзное движение было фактически разгромлено. К концу 1906 года в Московской губернии остались легально действующими второсте-

пенные профсоюзы сферы обслуживания и легкой промышленности. Например, отделение Общества служащих в городских предприятиях, отделение Общества взаимопомощи официантов, отделение Общества работников кондитерного производства, Общество стекляннно-хрустального производства и др.⁶⁶²».

В I Государственной думе большинство принадлежало левоцентристским партиям кадетов и трудовиков. В связи с этим противостояние Думы и правительства обозначилось практически сразу. Летом 1906 года произошло обострение этого противостояния. Главным «камнем преткновения» стал аграрный вопрос, то есть проблема наделения крестьян землей. Оппозиционеры предложили для этого «принудительное отчуждение» помещичьих земель, правительство отказывалось это делать.

По данному поводу руководители МВД просто засыпали московскую полицию шифрованными телеграммами.

7 июня сообщалось: «Некоторые члены Государственной думы от крестьян совместно с всероссийским крестьянским союзом организуют в Петербурге особое совещание куда вызывают делегатов сельских обществ для ознакомления с деятельностью Думы и обсуждения дальнейшего образа действий крестьян. Совещание назначено на 9 июня. Примите спешно меры 1) чтобы назначенные приглашения не получили распространения <...> 2) чтобы выборы делегатов не были допущены 3) если избрание последовало то чтобы делегаты были удержаны от напрасной поездки. Министр внутренних дел Столыпин»⁶⁶³.

Властям очень хотелось распустить оппозиционную Думу, но они опасались, что насильственный разгон народных избранников может вызвать массовые волнения. Экстремистские партии, наоборот, ждали этого. Революционеры надеялись в этот момент развязать всеобщую забастовку, переходящую в вооруженное восстание.

Избежать открытого конфликта между Думой и правительством не удалось. Последнее заявило о недопустимости отчуждения частной земельной собственности (то есть помещичьих земель). В ответ Дума объявила о недоверии правительству и потребовала его немедленной отставки.

8 июля Николай II подписал Манифест о роспуске Думы. Одновременно он отправил в отставку премьер-министра И. Л. Горемыкина. Председателем

Депутаты Государственной думы после подписания
Выборгского воззвания 9 июля 1906 г.

Совета министров стал П. А. Столыпин, сохранивший за собой также пост министра внутренних дел. I Государственная дума проработала меньше двух с половиной месяцев.

После получения известия о роспуске более 180 оппозиционных депутатов Думы собрались 10 июля в Выборге, где приняли обращение к народу, получившее название «Выборгского воззвания». В нем содержался призыв к неподчинению государственным властям, теперь уже бывшие депутаты призывали не давать «ни копейки в казну, ни одного солдата в армию».

Шифровка МВД от 13 июля гласила: «Воззвание 180 бывших членов Государственной думы к народу приглашает к неповиновению и противодействию закону. Распространители этого воззвания подлежат немедленному задержанию и привлечению формальному дознанию. <...> За товарища министра Макаров»⁶⁶⁴.

Другая шифровка из Департамента полиции в тот же день ставила в известность: «В виду имеющих в Департаменте сведений что бывшие члены Думы входившие в состав трудовой и социалистических групп предполагают ныне заняться усиленной противоправительственной агитацией Департамент <...> просит установить наблюдение за означенными лицами и при установлении их преступной деятельности привлекать их неуклонно к законной ответственности соблюдая в этом надлежащую осмотрительность в смысле собирания достаточных улик. Директор Трусевич»⁶⁶⁵.

Массовых волнений по поводу роспуска Думы и принятия депутатами «Выборгского воззвания» не произошло. Из числа подписантов 167 человек были приговорены Петербургской судебной палатой к трем месяцам тюрьмы каждый. Это лишило их избирательных прав на выборах в Думу и на другие общественные должности.

Чтобы поддержать первых российских парламентариев, подвергшихся давлению со стороны правительства, в Россию в сентябре 1906 года приехали парламентские делегации из Британии и Италии. Заехали эти делегации и в Москву. Московский градоначальник Рейнбот 25 сентября сообщил генерал-губернатору Гершельману следующее: «До сведения моего дошло, что в скором времени предполагается прибытие в Москву английской и итальянской депутатий с целью выражения сочувствия и даже открытого честования некоторых бывших членов распушенной Государственной думы из числа подписавшихся под так называемым “Выборгским воззванием” а ныне привлеченных за это к уголовной ответственности»⁶⁶⁶. Градоначальник просил, чтобы генерал-губернатор запретил прибытие делегации в Москву и поставил в известность об этом соответствующие консульства. Гершельман ответил, что запретить приезд делегаций он «не находит возможности». Участники этих делегаций прибывали в город не как официальные, а как частные лица, и с соблюдением всех законных правил. Но при этом он предупредил градоначальника, что «какого-же либо официального честования депутатий допущено не должно быть»⁶⁶⁷.

В феврале 1907 года проходили выборы депутатов Государственной думы 2-го созыва. Для проведения предвыборных собраний нужно было получить разрешение полиции и на них в обязательном порядке должен был присут-

Фракция эсеров в Государственной думе 2-го созыва. 1907

ствовать полицейский чин. Он мог в любой момент собрание закрыть, если посчитал бы, что там нарушается закон, происходят призывы к нарушению общественного порядка и безопасности и др.

В Москве градоначальник Рейнбот объявил запрет на деятельность всех оппозиционных партий. Это коснулось даже законопослушной Партии народной свободы (конституционных демократов). Юридически она не была запрещена и действовала легально, но Рейнботу закон был не писан. Он считал: если партия оппозиционная, значит — революционная; если она революционная, значит не имеет права на легальное существование.

Вот, что градоначальник пишет по этому поводу в официальном документе. Адресат этого послания — А. К. Вельш, пристав 4-го участка Мещанской части:

«Предвыборные собрания, разрешения на которые испрашиваются под видом безпартийных, в сущности являются собраниями чисто “кадетскими”. <...> Так как конституционно-демократическая партия по своему направлению признается нелегальной, то никакие ее проявления в жизнь безусловно не должны быть допускаемы. <...> Какая бы то ни была, в какой бы форме она не велась, пропаганда партии Народной Свободы не допустима, и собрания, где таковая ведется должны немедленно закрываться. <...> Повторяю, что раз в сознании присутствующего чина полиции выяснилось, что, хотя и не произносится явно революционных речей, но собрание «кадетское», то таковое под каким бы то ни было предлогом должно быть закрыто. Хотя бы лишь потому, что оно «кадетское», то есть нелегальное. <...> Серьезность момента заставляет меня малейшее послабление, малейший промах командированных на такие собрания чинов полиции истолковывать, как доказательство непригодности их для службы в Московской столичной полиции, всякия же энергичныя распоряжения, сделанныя чинами полиции во имя пользы дела, встретят с моей стороны всякую поддержку»⁶⁶⁸.

Вот так. И революционные речи не произносятся, и законного повода для закрытия собрания нет. Но оно должно быть закрыто, раз уж «в сознании чина полиции выяснилось, что оно кадетское». И доказательств никаких не надо — закрыть, да и все. Это явный полицейский произвол и нарушение закона. Но, если человек на это не готов, то, по мнению Рейнбота, он не может служить в московской полиции. А, если готов, то «встретит всякую поддержку».

На этих выборах кадеты потеряли почти половину своих депутатских мест. А успеха добились экстремисты — правые и особенно левые. В Думе появились значительные по численности группы черносотенцев, эсеров, социал-демократов (в основном это были меньшевики). В целом II Государственная дума оказалась еще более оппозиционной, чем ее предшественница. Поэтому и отношение полицейских к большинству депутатов, как к крамольникам, сохранилось.

17 февраля МВД прислало такую шифровку: «В некоторых местностях вновь избранным членам Государственной думы устраиваются демонстративные проводы, сопровождаемые шествиями и пением революционных песен, прошу принять меры к недопущению ни в каком случае преступных

демонстраций, действуя в случае надобности силою. За товарища министра Макаров»⁶⁶⁹.

22 февраля пришла еще одна инструкция: «Среди членов новой Государственной Думы принадлежащих крайним левым группам возникло намерение совершать поездки в видах агитации населения и устраивать с этою целью митинги. Необходимо принять меры к не разрешению подобных сборищ <...> и привлечению к ответственности агитаторов хотя бы они были членами Думы. <...> Министр внутренних дел Столыпин»⁶⁷⁰.

А 24 февраля в министерстве обратили внимание на то, что некоторые руководители его учреждений на местах опасаются конфликтов с Государственной думой. По этому поводу сообщалось следующее. «Из поступающих в Министерство Внутренних Дел сведений усматривается, что в периоды предвыборной агитации, а равно и во время первой и нынешней сессий Государственной Думы обнаруживались довольно резко колебания в направлении деятельности некоторых органов местной власти. <...> Насколько перерывы сессий Думы не должны иметь последствием уклонений в сторону произвола, настолько же и созыв этого законодательного учреждения не может сопровождаться ослаблением деятельности органов подчиненного управления. Министр Внутренних Дел П. Столыпин»⁶⁷¹.

Вместе с тем полиции приходилось также защищать представителей некоторых общественно-политических организаций от покушений на них со стороны идеологических противников. 16 апреля 1907 года Департамент полиции указал: «В последнее время стали учащаться случаи террористических посягательств на членов некоторых легализированных политических обществ на почве партийной вражды. <...> В видах предупреждения описанных преступных посягательств надлежит усилить негласное наблюдение со стороны розыскных органов»⁶⁷².

А по поводу оппозиционной прессы, враждебной по отношению к полиции, было сделано такое предписание: «В виду постоянно помещаемых во многих органах периодической печати крайне тенденциозных и нередко безусловно ложных известий о неправильных и незаконных, будто бы, действиях администрации и полиции, Департамент полиции <...> сообщает <...> что подобная газетная известия непременно должны вызывать <...> возбуждение преследований за клевету»⁶⁷³.

II Государственная дума проработала немногим дольше первой. Она была распущена 3 июня 1907 года. В тот же день правительство опубликовало новый избирательный закон, существенно изменивший избирательные правила. Права менять закон без согласия Думы у правительства не было, поэтому данные события получили название Третьиюньского государственного переворота.

В ноябре того же года уже по новому законодательству состоялись выборы в Думу 3-го созыва. Большинство в ней получили проправительственные партии — октябристы и черносотенцы. После этого подозрительность полицейских по отношению к Думе прошла.

Новые ликвидации

В 1907 и в последующие годы московская полиция продолжала успешно ликвидировать террористические группы революционеров, которые теперь занимались в основном экспроприациями.

Революционный террор продолжал деградировать и становился уже совершенно неотличимым от уголовных разбоев. Поэтому зачастую террористов ликвидировало не охранное отделение, а сотрудники сыскной и наружной полиции. Случалось, что Московская сыскная полиция, разгромив разбойничью шайку и ведя расследование ее деятельности, вдруг неожиданно для себя выясняла, что это был летучий отряд какой-нибудь из революционных партий. Чины наружной полиции, «по горячим следам» догнав и «прихлопнув» банду налетчиков, начинали устанавливать личности убитых или арестованных злодеев. И тут оказывалось, что эти преступники — «клиенты» охранного отделения.

Приведем несколько примеров «организованных преступных группировок», ликвидированных московскими полицейскими в те времена. Попробуйте определить, есть ли среди них боевики революционных партий или все это уголовники.

Первый пример. Константин Синцов организовал группу, которая в конце 1906 и в начале 1907 года совершила в Москве разбойные нападения на бухгалтера Инженерного училища Харкевича, на квартиру Дубровина, на квартиру Майковой и т. д. В составе группы был даже иностранец — итальянский под-

данный Парини. Группу ликвидировали, ее участников судили. Синцова, Яковлева и Шишмарева приговорили каждого к 20 годам каторги. Остальные получили заключение в тюрьме или в арестантских отделениях: Больших — на 12 лет, Кафтанюк и Хмелев — на пять лет каждый, Парини — на три года и шесть месяцев, Иванов — на полтора года, Баржецкая — на один год, Белова — на восемь месяцев, Глазунова — на четыре месяца⁶⁷⁴.

Второй пример. В квартиру, где находились сестры-старушки Татьяна и Аграфена Алексеевы, а также их жилища крестьянка Мария Мухина, ворвались три молодых человека, вооруженных револьверами. Двое прошли в спальню сестер, третий — на кухню, где находилась Мухина. Этот злодей схватил ее за горло и потащил в ту же спальню. Там налетчики, наставив на женщин револьверы и угрожая им смертью, велели не кричать, не сходить с места и указать место хранения денег. После ответа, что денег в доме нет, один из грабителей стамеской взломал ящик туалетного зеркального стола

Фотографический кабинет Московской сыскной полиции.

Фотография начала XX в.

и забрал оттуда золотые вещи на сумму в 2300 рублей. Затем молодые люди скрылись. Полицейские установили и задержали главаря шайки крестьянина Николая Гулева и одного из его помощников крестьянина Павла Елисеева. Оба были арестованы и изобличены. Их дело передали в суд⁶⁷⁵.

Третий пример. В квартиру владельца мясной лавки крестьянина Михаила Телегина ворвались пять человек с револьверами. Сам Телегин в это время находился в соседнем помещении, а в квартире были его сестра Мария Аврухина и две его дочери Мария и Надежда. Запершись в комнате, девушки выбили окна и подняли крик. Налетчики бросились вон из квартиры, не успев ничего награть. Прибежавший на крик Телегин в коридоре возле двери схватил и повалил одного из злодеев. Тогда другой член банды выстрелил Телегину в спину и убил его. Налетчики убежали. Но полиция установила личности всех пятерых. Руководил бандой 21-летний крестьянин Павел Кузнецов. Удалось арестовать его и трех подручных — крестьян Ивана Панферова 20 лет, Алексея Козырева 19 лет, Петра Головачева 20 лет. Скрылся от ареста 21-летний мещанин Александр Кузьмин. Потерпевшие опознали троих из числа арестованных. Но полицейские сумели уличить и четвертого члена банды. Скрывшегося Кузьмина объявили в розыск.

Четвертый пример. В больницу доставили из деревни Голяди Селинской волости Клинского уезда Ивана Галкина с поврежденными ногами. Доставившие его односельчане сказали полицейским, что в доме Галкина произошел взрыв. Полицейские прибыли на место происшествия. В доме стоял удушливый запах порохового дыма и кислот. Стекла были выбиты, перегородки разрушены, обои на стенах местами оборваны. В одной из комнат на полу находилась лужа крови и «валялись куски человеческого тела, а также клочья порванной одежды, бывшей на пострадавшем». При обыске дома обнаружен револьвер «бульдог», две коробки с патронами, финский нож. Галкин умер в больнице. В ходе расследования выяснилось, что он в течение нескольких лет проживал в Москве, работал на заводе Акционерного общества «Густав Лист». Вернулся на родину в 1907 году. Своему другу детства Ивану Медкову он предложил ограбить почтовый поезд. Затем Галкин съездил в Москву и, вернувшись, сообщил, что привез «оболочку для бомбы и состав для ее снаряжения». Во время сборки взрывного снаряда Медков находился в доме вместе с Галки-

ным. Но при взрыве он чудом не пострадал. Полицейским Медков заявил, что участвовать в разбое не собирался, «а хотел из любопытства посмотреть как снаряжается бомба». Его судили и признали виновным «в непредупреждении и допущении» преступного деяния. Приговорили к заключению в исправительных арестантских отделениях на полтора года⁶⁷⁶.

Разобрались, кто тут кто? Полицейским самим не легко было это сделать. Участники летучего отряда могли совершать экспроприации не только для партии, но и для себя. В одной группе оказывались члены политических партий и люди, не имеющие к партиям отношения. Уголовник мог помогать революционерам. Революционер мог решить, что пора закончить политическую деятельность, и заняться «грабительским бизнесом».

Дальше я скажу, какие из этих банд полицейские решили считать уголовными, а какие — революционными.

Что касается итальянца Парини, то вопрос о том, отдавать ли его под суд в России, решался на уровне министра внутренних дел. И это был не единственный иностранец, попавший тогда в руки московских полицейских. Например, долгое время им «портил кровь» британский подданный, которого в документах полиции именовали несколько забавно — Джон Генрих Карлович Гибсон, 1874 года рождения, инженер-механик по профессии, революционер по убеждениям, член партии эсеров. Первый раз его арестовали в 1897 году и поместили в Арбатский полицейский дом. Московское губернское жандармское управление вело дознание о его деятельности. Но все закончилось безрезультатно, и Гибсона освободили. В 1907 году полицейские заподозрили его в связях с боевым отрядом областного комитета ПСР. На квартире Гибсона в Москве провели обыск. В виду отсутствия улик инженер был оставлен на свободе.

Позже эта история продолжилась. В 1908 году московская полиция приступила к разгрому областной организации эсеров. Гибсон уехал во Владимирскую губернию, где поступил на службу управляющим фабрики Уткиных. На новом месте он вел пропаганду эсеровских идей среди окрестных крестьян, укрывал у себя беглого каторжника, бывшего боевика ПСР. В следующем году он вернулся в Москву и «вновь вошел в партийную работу <...> приезжающим давал явки к лицам, вошедшим в возрождающуюся в Москве группу партии

социалистов-революционеров». Его выслали в административном порядке на три года «с воспрещением жительства в столицах, столичных и Владимирской губерниях». Но 12 апреля 1910 года Гибсона задержали в Москве на Николаевском вокзале. При обыске ничего преступного обнаружено не было. На допросе он показал, что «начал временами приезжать в Москву с января месяца 1910 года, по своим личным делам». На этот раз градоначальник ходатайствовал перед министром внутренних дел «о безвозвратном удалении Гибсона из пределов Империи». 31 мая того же года британского эсера выдворили за рубеж⁶⁷⁷.

А возвращаясь к перечисленным выше разбойничьим бандам, можно сказать следующее. Две из них были ликвидированы сыскной полицией, одна — наружной полицией, и только одна — охранным отделением. Полицейские решили считать, что шайки Гулева и Галкина — уголовные, а банды Синцова и Кузнецова — революционные.

Оказалось, что банда Синцова является «автономной боевой организацией социалистов-революционеров-максималистов». Но квартиры они грабили не для каких-то конкретных революционных мероприятий, а просто, «чтобы были деньги». Совсем как уголовники.

Когда сыщики МСП ликвидировали банду Кузнецова, то выяснилось, что один из ее участников Козырев, зарегистрирован охранным отделением как революционер под кличкой Анатолий. В засаду, оставленную в квартире скрывшегося Кузьмина, попал еще один зарегистрированный революционер под кличкой Ипполит. Предполагалось награбленные у мясника деньги использовать для материальной поддержки бастующих рабочих.

А Галкин, когда жил в Москве, участвовал в революционном движении, хранил у себя нелегальную литературу. Несколько таких брошюр полицейские нашли и в его деревенском доме. Но поезд он собирался грабить для себя. А его сообщник Медков вообще не имел к «политике» никакого отношения.

Таковыми вот были революционный террор и экспроприации.

Некоторые из террористических групп полиция ликвидировала в ходе немедленного реагирования на их неожиданные нападения. Другие группы уничтожались на основе предварительно добытой полицейскими информации о них. В таких случаях проводились специально подготовленные операции.

В ночь на 27 февраля 1907 года группа из четырех анархистов приблизилась к потерявшему бдительность городовому Именнову, стоявшему на посту на Софийской набережной, в самом центре города. Выхватив револьверы, боевики направили их на полицейского и полностью разоружили его. Затем они бросились бежать, но их заметил находившийся поблизости невооруженный ночной сторож Яков Грошев. Он стал преследовать анархистов, сначала пешком, а потом в экипаже встретившегося извозчика. Те стреляли в Грошева, но он не давал им оторваться от погони и свистком подавал сигналы тревоги. На выстрелы и свистки с ближайших постов бежали городовые и вооруженные сторожа. Городовой Горин преградил преступникам путь. Но почему-то он не применил огнестрельное оружие, а бросился на них с обнаженной шашкой. Его застрелили.

На Васильевской площади у Кремлевской стены боевики разделились. Двое спрятались за кучей снега и начали стрелять в полицейских. Но сугроб — это хорошее укрытие только при игре в снежки: когда по анархистам открыли огонь, они тут же сдались.

Двое других преступников кинулись к зданию Исторического музея и к Александровскому саду. Тут их встретил подбежавший вооруженный сторож Иван Бунин (тезка известного писателя, будущего Нобелевского лауреата). Оба злодея выстрелили в него, но промахнулись. Ответным выстрелом Бунин одного из них ранил и сбил с ног. Тут подбежал сторож Савин, который бросился на раненого и вырвал у него из рук револьвер. А Бунин в это время уже преследовал второго боевика. Сторожа обогнали городовые Ковалев и Каныгин. Анархист выстрелил в Ковалева с очень близкого расстояния, но опять промахнулся — видимо, у него дрожали руки. У Неглинного проезда городовые схватили беглеца и обезоружили его, отобрав два револьвера.

За самоотверженность, проявленную при задержании этой шайки, правоохранителей решили отметить. Высшей наградой, которую тогда могли получить полицейские, не состоящие в классных чинах, был знак отличия ордена св. Анны (в просторечии — Аннинская медаль). К такой награде представили двух городских — запасного ефрейтора 5-го гренадерского Киевского полка Федора Ковалева и отставного взводного унтер-офицера 16-го пехотного Ладожского полка Николая Каныгина. Обычно знак отличия ордена св. Анны

вручали очень заслуженным полицейским, получившим ранее несколько наград. У Ковалева уже была одна награда — медаль «За беспорочную службу в полиции». У Каныгина наград пока не было. Но за проявленный героизм их представили к награждению «вне правил». Трех сторожей — крестьян Якова Грошева, Василия Савина и Ивана Бунина представили с серебряным нагрудным медалем «За усердие» на Станиславских лентах⁶⁷⁸.

30 мая сотрудники Московского охранного отделения арестовали организатора экспроприаторской группы максималистов Леонтия Кретьова. При аресте у него изъяли четыре браунинга. Младший чиновник для поручений МОО губернский секретарь Воеводин выследил всех остальных членов группы и установил когда и где они должны собраться. Ему поручили задержать их во время встречи.

14 июня пять боевиков собрались в Александровском саду. Полицейские уже ждали их. В задержании кроме чинов МОО участвовал наряд полиции во главе с младшим помощником пристава штабс-капитаном Владимиром Юрковским. Но что-то пошло не так. Заметив засаду, максималисты бросились бежать, стреляя на ходу во все стороны. Они убили дворника Коробова и проезжавшую мимо в экипаже гимназистку 5-го класса Птицыну. Один из экстремистов прицелился в Юрковского. Жизнь штабс-капитану спас городской Алексей Иванов. Метким выстрелом он ранил боевика, помешав тому стрелять. Затем он преследовал раненого и вместе с другими полицейскими задержал его. Другой максималист, тоже раненый, дважды стрелял в Воеводина, но промахнулся. Тогда боевик застрелился. Остальные трое экстремистов вырвались на Моховую улицу. Навстречу им попался учащийся Морского кадетского корпуса Владимир Шмаков. Он увидел, что от полицейских убегают отстреливающиеся преступники. В соответствии с формой одежды, кадет имел при себе палаш. С этим оружием Шмаков бросился на боевиков, пытаясь их остановить, но был ранен ими в обе ноги. Уйти максималистам не удалось. Попав в окружение, они сдались полицейским⁶⁷⁹.

Кадета Владимира Шмакова наградили золотой нагрудной медалью «За усердие» на Станиславской ленте. Городового Алексея Иванова градоначальник представил к невиданной для полицейских награде — медали «За храбрость» 4-й степени (другое ее название — Георгиевская медаль).

Медали «За храбрость» были самыми почетными из всех медалей. Они вручались за подвиги на поле боя и носились на Георгиевских лентах. В мирное время их могли получать только пограничники, которые всегда находились на линии противостояния с возможными врагами.

Но теперь внутренние враги государства стали не менее опасными, чем внешние. Градоначальник Рейнбот не просто представил городского к медали «За храбрость», но и просил генерал-губернатора Гершельмана ходатайствовать перед высшими властями о распространении права на награждение такими медалями на нижних чинов полиции, «оказавших при преследовании и задержании вооруженных революционеров-грабителей или в других подобных случаях, выдающуюся храбрость, особую энергию и неустрашимость, так как чины полиции, при настоящих обстоятельствах тревожного времени, при исполнении своих служебных обязанностей, подвергают свою жизнь не меньшей опасности, чем чины пограничной стражи»⁶⁸⁰.

Гершельман почему-то отказал в этом и представил городского Иванова к награждению знаком отличия ордена св. Анны⁶⁸¹. Думается, что в данном случае прав был градоначальник, а не генерал-губернатор. В 1913 году награждение Георгиевскими медалями было все-таки распространено и на полицейских, совершивших на службе боевые подвиги.

26 июня охранное отделение ликвидировало другую группу максималистов, которой руководил безработный Иван Сериков. В МОО получили сведения, что группа готовит экспроприацию в Управлении Московско-Казанской железной дороги. В указанный день туда должны были доставить 150 тысяч рублей от «Биржевой артели фон Мекк». Деньги перевозили на конном экипаже в специальном ящике. Конвой составляли пять вооруженных охранников. Но маршрут доставки был неизвестен боевикам. Поэтому они решили ждать экипаж прямо у здания управления.

Операцию по ликвидации этой группы возглавил помощник начальника МОО ротмистр В. А. Колоколов. В его распоряжении находились старший чиновник для поручений коллежский регистратор Баранов, младший чиновник для поручений губернский секретарь Воеводин, 24 человека филеров и надзирателей. Немалые силы. Еще привлекли наряд из местного полицей-

ского участка — младшего помощника пристава штабс-капитана запаса Четверикова, околоточного надзирателя и нескольких городовых.

В 5 часов утра полицейские прибыли на место и заняли свои позиции. В 6 часов появились экспроприаторы. Их было девять человек. В 7 часов привезли денежный ящик. Грабители сразу же двинулись к зданию управления и оказались на открытом месте. Тогда Колоколов приказал им сдаваться, но они открыли огонь. Завязалась перестрелка. Один максималист был убит на месте, еще трое — тяжело ранены. Остальным удалось укрыться за забором одного из соседних домов.

Четвериков и двое городовых, сильно рискуя, первыми из правоохранителей перелезли забор. За ними двинулись остальные. Двух боевиков задержали в саду. В доме Четвериков нашел Серикова, раненого четырьмя пулями. Тот бросил бомбу, но она не взорвалась. Полицейский задержал бандита и отобрал у него браунинг. Всего задержали шесть грабителей, один погиб, двое сумели сбежать. Позже один из раненых экспроприаторов скончался. У задержанных изъяли револьверы, кинжалы и две бомбы.

Валериана Колоколова, Ивана Баранова, Григория Воеводина и Алексея Четверикова представили к награждению орденами св. Владимира 4-й степени⁶⁸². Правление железной дороги выделило 5 тысяч рублей премии для раздачи участникам ликвидации банды экспроприаторов.

Был представлен к ордену св. Владимира 4-й степени и новый начальник МОО подполковник Михаил Фридрихович фон Котен. Он возглавил отделение с 5 апреля 1907 года, Климович к тому времени получил повышение и стал помощником градоначальника. Поводом для награждения фон Котена послужил такой случай. 6 декабря 1906 года при обыске квартиры подозреваемого Мумрикова обнаружили семь разрывных снарядов. Вызвать экспертов почему-то не получилось. Тогда фон Котен отвез снаряды в здание отделения, там их осмотрели и обезвредили. Четыре бомбы оказались фитильными, а три ударными⁶⁸³. Но фон Котен уже получил по этому поводу чин подполковника «за отличие», так что награждение орденом было повторным. Награждать его за руководство отделением было еще рано, а подготовка названных операций была плохо организована. При ликвидации в Александровском саду погибли и пострадали посторонние люди «из публики». А возле Управления Москов-

Кабинет сыскной полиции. Фотография начала XX в.

ско-Казанской железной дороги двум экспроприаторам удалось скрыться. Хотя никто из правоохранителей при этом не пострадал, но они слишком сильно и неоправданно рисковали во время проведения этих операций. Все это недопустимо.

Надо сказать, что в охранном отделении хорошо научились вести агентурную работу и наружное наблюдение. А вот операции по захвату боевиков проводились не очень-то умело. И фон Котен ничего так и не предпринял. Это еще скажется во время «Лосиноостровской битвы» 1908 года.

В составе МОО явно было необходимо создать небольшую группу спецназа, подготовленную для захвата или уничтожения вооруженных экстремистов, оказывающих активное сопротивление. Никто из полицейских начальников об этом не позаботился.

Завершение революции

Весной и летом 1907 года в России происходили интересные события. И на этот раз они были мирные. Через пространство империи проходил первый в мире трансконтинентальный автомобильный пробег. Маршрут его провели от Пекина до Парижа. Автомобили тогда были еще редкостью не только в провинциальных местностях, но даже в Москве.

Но для полиции эти «большие гонки» стали не столько развлечением, сколько новой заботой. Организатором автопробега Пекин — Париж являлась французская газета «Le Matin». В Департаменте полиции ее считали враждебной России и предупредили московскую полицию: «Редакция газеты <...> занималась во время последней Русско-японской войны тайной разведкой о нас по соглашению с Японским правительством, выдававшим ей субсидию»⁶⁸⁴.

Однако разрешение на проведение пробега через территорию России, в том числе через Москву, было дано. Чтобы избежать присоединения к пробегу «ненужных» лиц, а также для предотвращения каких-либо эксцессов с местными властями в пути, каждый человек, допущенный в число участников автогонок, получил номерное рекомендательное письмо от Департамента полиции. На места разослали официальные уведомления со списками участников: в них указывались марка каждого автомобиля и фамилии членов его экипажа. Интересно даже то, как это было передано на русском языке.

Вот список, присланный в Москву в мае 1907 года: № 1 автомобиль «Де-Дион», экипаж Георгий Кормье, Евгений Лелуве; № 2 автомобиль «Де-Дион», экипаж Виктор Коллиньон, Жан Бизак; № 3 автомобиль «Конталь», экипаж Август Понс, Морелль Фуко; № 4 автомобиль «Спикер», водитель Карл Годар; сопровождают пробег репортеры Жак дю Талли, Леон Жервиль-Реаш⁶⁸⁵. Позже к списку был добавлен итальянский экипаж в составе князя Сципиона Боргезе, механика Гектора Гунццарди, корреспондента миланской газеты Людовика Бардзини⁶⁸⁶.

При этом московским полицейским предписали пресекать возможные попытки шпионажа со стороны участников пробега: «Чтобы автомобилисты, получившие уже от Департамента полиции свидетельства на право пользова-

ния фотографическими аппаратами, не производили никаких разведок и фотографирования в местах, имеющих стратегическое значение»⁶⁸⁷.

Московские полицейские внимательно следили и за другими проявлениями технического прогресса, которые могли попасть в руки злодеев. Например, градоначальник разослал участковым приставам следующий циркуляр: «В целях пресечения злонамеренным лицам возможности использовать для осуществления преступных замыслов успехи современной техники в области воздухоплавания. Предлагаю Вашему Высокоблагородию иметь во вверенном Вам участке сведения о всех лицах. Совершающих полеты и обучающихся таковым, а равно производящих различного рода опыты по постройке и самую постройку тех или иных летательных машин — аэростатов (легче воздуха) и аэропланов (тяжелее воздуха)»⁶⁸⁸.

Для опасений такого рода были основания. В 1907 году за границей эсеровские террористы Азеф и Савинков познакомились с инженером Сергеем Бухало. Он по убеждениям являлся анархистом и сторонником террора. А, кроме того, он имел изобретения в минном и артиллерийском деле. Бухало работал над проектом летательного аппарата. Предполагалось, что этот аппарат превзойдет существовавшие тогда аэропланы по грузоподъемности, высоте полета, маневренности. Эсеры собирались использовать аппарат для совершения террористических актов. Поэтому они выделили для Бухало значительную сумму в 20 тысяч рублей, на которую он организовал мастерскую в Мюнхене. Но из этой затеи ничего не вышло⁶⁸⁹.

Отдельные группы террористов, которые полиция считала бандами, еще устраивали теракты и экспроприации. Но это была уже агония первой российской революции.

Летом 1907 года владельцы имений начали упразднять вооруженную конную и пешую стражу, которую они с разрешения властей наняли для охраны своих имений. Теперь они больше не хотели тратить значительные деньги на это. Значит, опасность для их владений со стороны революционного движения исчезла. Революция закончилась.

А вот у полиции по этому поводу появились проблемы. Полицейские озаботились тем, куда девать высвобождающееся оружие, ведь оно вполне могло попасть в руки экстремистов. Департамент полиции принял решение, что все

это оружие в обязательном порядке должно выкупаться у владельцев имений полицией и храниться при полицейских управлениях⁶⁹⁰.

Лидер большевиков В. И. Ульянов (Ленин) обозначил в качестве как конца революции Третьиюньский государственный переворот, то есть досрочный роспуск правительством II Государственной думы и кардинальное изменение избирательного закона.

Примерно также считали и представители власти. Летом 1907 года они занялись сооружением памятников жертвам революции. «С Высочайшего Его Императорского Величества соизволения, в память бывшего Московского генерал-губернатора и командующего войсками МВО Его Императорского Высочества великого князя Сергея Александровича, на Ходынском поле сооружается храм в честь иконы Божией Матери, именуемой “Отрады или Утешения”, который должен служить памятником всем верным долгу и присяге царским слугам, павшим от руки злодеев революционеров при исполнении долга Царю и Отечеству. В сооружаемом храме на мраморной доске имеют быть начертаны имена всех верных сынов России, павших от руки революционеров»⁶⁹¹.

Всех начальников полицейских учреждений и командиров воинских частей просили сообщить сведения об их бывших подчиненных. Погибших в борьбе с экстремистами, начиная с 4 февраля 1905 года, то есть со дня убийства великого князя Сергея Александровича. Сведения эти следовало передать командиру 1-го Донского казачьего полка, который считался ответственным за их сбор. В канцелярии полка должны были вести и хранить книгу, куда они заносились. После завершения строительства храма книгу надлежало передать туда для хранения.

Безусловно, было правильно поставить храм-памятник полицейским и военным, погибшим при защите общественного порядка и безопасности от нападений боевиков-террористов. И сохранить имена самоотверженных правоохранителей было необходимо. Но вот стоило ли возводить этот храм именно на Ходынке, которая ассоциировалась у населения с кровавыми жертвами по вине местных московских властей во время коронации императора Николая II и императрицы Александры Федоровны. Тем более, что храм посвящался великому князю Сергею Александровичу, который в первую очередь

и был ответственен за соблюдение безопасности во время торжеств. Наверное, такой храм нужно было построить в другом месте. А на Ходынском поле — поставить церковь в память людей, погибших при праздновании коронации.

4 сентября 1907 года в Кремле состоялась закладка памятника на месте убийства террористами великого князя Сергея Александровича. Как вспоминает Джунковский: «Памятник — простой металлический крест древнерусского стиля по рисунку известного художника В. М. Васнецова, на небольшом фундаменте».

Градоначальник Рейнбот представлял к наградам целые списки «победителей революции». 14 июня 1907 года он подал сразу несколько списков на награждения. В первую очередь там были имена людей, приближенных к градоначальнику. «За выдающиеся отличия» был представлен к ордену св. Станислава 2-й степени управляющий канцелярией градоначальника надворный советник Анатолий Быков. «За обыкновенные отличия» (звучит уже забавно) представлен к такой же награде бренд-майор надворный советник Николай Гартье, к ордену св. Станислава 3-й степени — секретарь при градоначальнике коллежский асессор Николай Яковлев, чиновники канцелярии градоначальника: коллежские асессоры младший помощник делопроизводителя Судебного отделения Николай Покровский и старший помощник делопроизводителя Исполнительного отделения Михаил Дещинский.

Вообще награждений было много. Рейнбот любил представлять к награждениям своих подчиненных большими списками. Иногда он «вне правил и норм» включал в списки всех или почти всех служащих каких-либо полицейских учреждений, например, охранного отделения или сыскной полиции. Наверное, так он хотел создать видимость их активной и успешной работы под его руководством.

По общей полиции к орденам св. Анны 3-й степени представили участковых приставов коллежского советника Алексея Рубцова и капитана Ивана Керстича, старшего помощника начальника полицейского резерва капитана Александра Гринцевича; к орденам св. Станислава 3-й степени — пристава ротмистра Владимира Косоротова, старших помощников приставов ротмистра Тихона Власова, капитана Константина Муханова, штабс-капитана Иосифа Шульца, коллежского секретаря Василия Костовского и многих других полицейских.

28 августа был представлен к награждению «вне правил» орденом св. Станислава 2-й степени участковый пристав коллежский ассессор князь Владимир Вадбольский. «Вне правил» представлять могли только за выдающиеся заслуги. Какие же заслуги были у Вадбольского? Оказывается, 27 июля управляющий одним из домов во 2-м участке Пресненской части мещанин Рыбаков вместе с дворниками этого дома задержал неизвестного человека и отправил его в управление участка. При задержанном обнаружили 1500 только что отпечатанных прокламаций. Пристав Вадбольский произвел обыск квартиры, из которой вышел неизвестный, и нашел тайную типографию Московского комитета ПСР. Где же тут выдающиеся заслуги? Скорей уж, надо было награждать управдома Рыбакова, а не пристава. Все объясняет приписка в конце ходатайства градоначальника: «А также, принимая во внимание его заслуги по успешному приведению в исполнение в 1906 году и в начале сего года до 30 приговоров военно-полевых судов...»⁶⁹² А что, могло быть «безуспешное приведение в исполнение»? Выходит, что князь Вадбольский был внештатным палачом Московского градоначальства, и за это Рейнбот представил его к высокой награде.

До революции 1905–1907 годов в России почти никто не хотел заниматься таким «грязным делом». Палачи считались в обществе изгоями, им никто бы не подал руки. Обычно роль палачей предлагали преступникам, приговоренным к длительным срокам заключения. В случае согласия они получали ряд льгот и послаблений в режиме тюремного или каторжного содержания. А теперь вот находились добровольные палачи, да еще титулованные аристократы. А еще более высокопоставленные палачи не стеснялись за это представлять их к почетным наградам. Так пошла ли революция на пользу обществу?

Представления градоначальника должны были утверждаться московским генерал-губернатором, а затем центральными властями. При этом одобрение по разным причинам получали не все кандидатуры. Рейнбот в дополнение к основным спискам подавал также списки «резервных» кандидатов на награждения. Он ходатайствовал, чтобы в случае отклонения какой-либо кандидатуры, ее заменяли бы новой — из резервного списка.

В один из резервных списков попал и полицмейстер 4-го отделения г. Москвы генерал-майор барон Андрей Будберг. Он мог бы претендовать на

генеральский орден св. Станислава 1-й степени, но в списке Будберг был последним, и до него дело на этот раз не дошло⁶⁹³.

Чуть ли не всех московских участковых приставов, состоящих в чинах ротмистра или капитана, градоначальник представил «вне правил и норм» к производству в чин подполковника. Но многим из них отказали. Не получили производства в новый чин капитан Евгений Степанов, ротмистры Владимир Косоротов и Лев Дудин, так как «не имеют еще младшего строевого сверстника, произведенного в первый штаб-офицерский чин по избранию начальства». А капитаны Александр Вельш, Чеслав Заневский, Антон Заремба, Константин Ганзель, Алексей Васильев, Виктор Малишевский и ротмистр Семен Ачкасов не были повышены в чине, так как «со времени получения последних наград, не выслужили установленного межунаградного срока»⁶⁹⁴.

В следующем году Степанов, Дудин, Заремба и Малишевский представили «справки о сверстниках их по службе, произведенных в чин подполковника»⁶⁹⁵. Но получить новый чин успели не все из них.

Дело в том. Что многие из полицейских, представленных к наградам при Рейнботе, пока шло утверждение, успевали попасться на совершении служебных или уголовных преступлений. Таких увольняли со службы, а то и отдавали под суд. И тогда приходилось просить вышестоящие инстанции «оставить ходатайство о награждении без последствий».

Вот примеры. Рапорт помощника градоначальника от 1 декабря 1907 года: «Четвериков, младший помощник пристава 2 участка Мещанской части с сего числа удален мною от занимаемой должности по случаю возбужденного 30 ноября следствия по обвинению его в растрате казенных денег». Далее следует просьба отменить уже сделанное представление от 13 июля о награждении его орденом св. Владимира 4-й степени⁶⁹⁶.

А это обращение помощника градоначальника к генерал-губернатору по делу пристава Степанова: «Так как ныне названный обер-офицер удален от должности Пристава с зачислением в штат полиции и привлечен к уголовной ответственности <...> прошу Ваше Высокопревосходительство ходатайство мое о производстве капитана Степанова в подполковники оставить без последствий»⁶⁹⁷.

Николай Иванович Гучков, московский
городской голова в 1905–1912 гг.

Были отмечены и многие нижние чины полиции. 30 августа 1907 года подали списки на их награждения. По одному из этих списков 12 городских, «оказавших особые отличия», представлялись к Знаку отличия ордена св. Анны⁶⁹⁸. По другому списку 60 человек были представлены «вне правил» к наградам «в виду оказанных ими заслуг». Из них золотую шейную медаль «За усердие» на Александровской ленте должен был получить один городской; золотую нагрудную медаль на Станиславской ленте — один городской; серебряную

нагрудную медаль на Александровской ленте — пять городских, один пожарный служитель и один сторож; такую же медаль на Станиславской ленте — остальные городские, дворники, сторожа и швейцары. Правда, МВД ходатайства о награждении восьми человек из числа дворников не утвердило «за отсутствием особых отличий»⁶⁹⁹. Еще 68 нижних полицейских чинов представлялись к награждению медалями «За усердие» по выслуге лет «безупрочно и безотлучно», а три курьера Московского адресного стола — за то, что «во время бывшего в Москве в 1905 году вооруженного возмущения и нападения на здание в коем помещается Адресный Стол не покидая своего поста, несли усиленную и сопряженную с опасностью для жизни службу»⁷⁰⁰.

10 июля 1907 года Рейнбот представил к награждению даже не подчиненного ему Н. И. Гучкова, который с 29 ноября 1905 года руководил городским самоуправлением в Москве. В представлении говорилось о заслугах московского «мэра» в период борьбы с революцией. «Статский советник Николай Иванович Гучков, вступив в должность Московского городского головы в очень тревожное еще для Москвы время, принял в свое ведение дела город-

ского Управления <...> когда в учреждениях города укоренилось отрицательное направление ко всякому разумному предложению правительственной власти и когда городским служащим удалось сплотиться в неразрешенную организацию не только вредную для интересов городского дела, но и оказывавшую неблагоприятное влияние в отношении поддержания спокойствия в городе вообще. Действуя осторожно и принимая вполне тактичные меры, Гучков <...> сумел своею деятельностью вывести Городское Управление из указанного положения на должный путь, более разумной, деловой работы...»⁷⁰¹

Н. И. Гучков был представлен «вне правил» к чину действительного статского советника. Надо сказать, что Николай Иванович за свою работу в условиях революционного кризиса награду действительно заслужил.

В сентябре начался очередной прием абитуриентов в вузы, теперь уже в мирных условиях. У полиции в связи с этим появилась новая обязанность. Министерство народного просвещения приняло решение, что «лица, желающие поступить в Университеты обязаны представить, наряду с прочими документами, и свидетельства о безукоризненном поведении от местной полиции»⁷⁰². Полицейские получили возможность влиять на состав абитуриентов. Но вряд ли эта мера имела заметное практическое значение.

Одной из последних конвульсий революции в Москве осенью 1907 года стало покушение на генерал-губернатора С. К. Гершельмана. Случилось это 21 ноября около 11 часов утра. Сергей Константинович со своим адъютантом поручиком князем С. А. Оболенским ехал в санях на празднование 200-летнего юбилея Московского военного госпиталя. Они уже повернули в Госпитальный переулок, как здесь некая женщина бросила в них бомбу. Кони были смертельно ранены и страшно бились, их пришлось пристрелить. Сани были сильно повреждены, кучер получил легкие ушибы, генерал-губернатор и его адъютант остались невредимы. Тяжелые ранения получила сама террористка: у нее был разбит правый глаз, поврежден череп, ранена нога. Ее отправили в карете «скорой помощи» в больницу. Гершельман с Оболенским взяли извозчика и доехали до госпиталя. Туда же доставили и кучера.

Революционерка, совершившая покушение, была в сознании, но говорить отказывалась. Она не назвала даже свое имя. Вот ее описание из полицейских

бумаг. «Молодая женщина, лет 25-ти, полуинтеллигентного типа»⁷⁰³. Одетая она была в черный полусак, черную юбку, на голове — серый платок. Одежда похожа на монашескую. При ней нашли носовой платок, портмоне с 5 рублями, ключ от замка, квитанцию о приеме на хранение трех мест багажа на Николаевском вокзале. По квитанции получили две корзины и портплед. Там оказались постельные принадлежности, одежда, предметы обихода, вырезки из газет.

Военно-окружной суд приговорил ее к казни. Приговор привели в исполнение. Савинков сообщает нам, что ее звали Александра Севастьянова. В 1901 году ее уже арестовывали и тогда сослали на 6 лет в Сибирь. Но она вскоре бежала. Вела суровую, «замкнутую от мира», жизнь⁷⁰⁴. Об этом же говорят ее одежда «монашеского типа», полное отсутствие излишеств в вещах. Лучше бы она выбрала путь монастырского служения, чем террор. Работая с такой самоотверженностью в каком-нибудь благотворительном учреждении, она принесла бы людям больше пользы. Помогать детям, старикам, больным — это намного полезней, чем пытаться убивать сановников, пусть даже очень плохих.

Московские полицейские пришли к выводу, что покушение было организовано по приказу ЦК ПСР. Провел его «Летучий боевой отряд Северной области» под руководством латыша Трауберга (кличка — Карл). Как докладывала московская полиция, «деятельность местных преступных организаций совершенно ослаблена», в связи с чем ЦК ПСР решил «поднять настроение организации в Москве»⁷⁰⁵. Для этого и был задействован «Северный отряд» боевиков.

Отряд Карла ликвидировали в Петербурге 20 февраля 1908 года, было арестовано девять человек. У трех из них изъяли бомбы, у одного в квартире хранилась взрывчатка, еще трое, вооруженные револьверами, оказали сопротивление. Семь членов террористической группы, в том числе три женщины, были казнены по приговору суда⁷⁰⁶.

Окончание первой российской революции отнюдь не означало исчезновение раскола в обществе и между обществом и государственной властью. В конце 1907 года, уже после завершения революционных беспорядков, главнокомандующему войсками гвардии и Петербургского военного округа стало

известно об очень показательном явлении. Оказалось, что уволившиеся в запас нижние чины лейб-гвардии Семеновского полка «затруднены до крайности в приискании себе занятий или службы у частных лиц и предприятий, благодаря в высшей степени несправедливому и жестокому бойкоту их, а также встречают иногда подобное же отношение к себе со стороны некоторых правительственных учреждений, что представляется совершенно недопустимым и оскорбительным для все доблестной части, свято исполнившей свой долг»⁷⁰⁷.

Министр внутренних дел, узнав об этом, рекомендовал всем полицейским начальникам солдат-семеновцев, состоящих в запасе, «для предпочтительного замещения соответствующих должностей в подведомственных Вам учреждениях»⁷⁰⁸.

Семеновцев «трудоустроили» и успокоились. А ведь проблема была значительно сложнее и опасней. Всего два года прошло со времени Декабрьского восстания в Москве. А значительная часть общества уже забыла, в какую кровавую гражданскую войну втягивали тогда страну экстремисты-революционеры. И многие люди уже считали врагами не боевиков и террористов, а правоохранителей, предотвративших разрастание этой войны.

Представители же местных и центральных властей были довольны собой, радовались победе над революцией. Они ставили памятники, раздавали ордена и чины, готовили празднества. В следующие годы будут сменять друг друга торжества в честь различных побед и достижений. Вот, к примеру, список учрежденных тогда юбилейных наград, которые сановники с удовольствием вручали друг другу: медали «В память 200-летия Полтавской победы» (1909), «В память 25-летия церковно-приходских школ» (1909), «В память 100-летия Отечественной войны 1812 года» (1912), «В память 300-летия царствования Дома Романовых» (1913), «В память 200-летия морского сражения при Гангуте» (1914), нагрудный знак к 10-летию юбилею обороны Порт-Артура (1914).

А ведь не праздновать надо было тогда властям. Всего через 10 лет революция разгорится снова, разрушит империю, втянет страну в широкомасштабную братоубийственную войну, зальет все вокруг кровью. Был ли шанс такое предотвратить? Наверное, был. Теперь мы уже этого не узнаем. Ведь большая часть из представителей тогдашней власти и не попыталась его использовать, стремясь лишь к подавлению оппозиции.

Спецсредства для полицейских

Именно в те времена у полицейских стали появляться различные специальные средства, используемые при выполнении служебных обязанностей. Это были «предупредительные связки» (наручники)⁷⁰⁹, «защитные панцири» (бронезилеты), резиновые палки. Для разгона демонстраций иногда применялись пожарные водометы. Были и такие средства, которые нынче не употребляются, например, сети для обездвиживания задерживаемых преступников.

Люди старших поколений помнят, как в середине 1980-х годов, во времена горбачевской перестройки, одновременно зазвучали призывы к демократизации, а у патрульных и постовых милиционеров появились резиновые палки. Эти палки так и называли — демократизаторами. И в этой шутке есть довольно большая доля правды. Появление у сил правопорядка спецтехники говорит о демократизации, происходящей в обществе.

Во-первых, это свидетельствует о значительном повышении социальной активности, проявлениями которой в том числе являются многочисленные демонстрации, митинги, массовые беспорядки. Для предотвращения и пресечения беспорядков необходимо использовать полицейские спецсредства.

Во-вторых, применение таких средств повышает гарантии сохранения жизни и здоровья сотрудников правоохранительных органов. В основном — рядовых сотрудников, тех, кто работает «на земле». И то, что забота проявляется не только о высших чинах, это тоже признак демократизации.

В-третьих, применение спецсредств является гуманной мерой по отношению к нарушителям порядка, участникам демонстраций и митингов, задержанным и арестованным людям. Раньше арестантов конвоировали в тяжелых кандалах, травмирующих руки и ноги, причиняющих людям лишние страдания. Теперь кандалы заменили легкими наручниками. Применение спецсредств при разгоне демонстраций заменило собой использование летального оружия.

Например, в Московском жандармском дивизионе появились нагайки, которые не были предусмотрены официальными документами. Их использовали для разгона больших групп людей, нарушающих общественный порядок.

Выглядит не гуманно? Но ведь раньше для этого использовали обнаженные кавалерийские шашки, как против врага во время атаки. Нагайка — средство травмирующее. Но, в отличие от шашки, оно гарантировало от летального исхода.

Позднее в МЖД на основании опыта подавления массовых беспорядков ввели металлические шлемы (каска). Ранее большая часть тяжелых травм, получаемых при этом бойцами дивизиона, была следствием попадания в голову брошенных камней, булжники, как известно — оружие пролетариата, нарушающего общественный порядок и безопасность.

Что же касается повышения безопасности полицейских при задержаниях опасных вооруженных преступников, то тут требовались другие спецсредства. Например, защитные нагрудники. Первые такие опыты были сделаны в 1906 году. Министр внутренних дел «выразил желание, чтобы для защиты нижних чинов полиции при вооруженных столкновениях» использовались «непробиваемые панцири». Этим тут же воспользовался петербургский градоначальник В. Ф. фон дер Лауниц. Он обратился к директору Департамента полиции Э. И. Вуйчу с ходатайством об отпуске из средств департамента денег на покупку защитных нагрудников⁷¹⁰.

Из имевшихся в то время немногочисленных иностранных и отечественных видов бронежилетов, наиболее подходящим был признан защитный панцирь конструкции капитана запаса Авенира Авенировича Чемерзина. Этот панцирь был очень похож на кирасу, использовавшуюся в XVIII–XIX веках в тяжелой кавалерии. Он представлял из себя стальную пластину выгнутой формы, которая надевалась на грудь и крепилась через плечи и спину перекрещивающимися ремнями. Но требования времени изменились. Панцирь, в отличие от кирасы, должен был выдерживать попадание пули, выпущенной из мощного пистолета маузер, а еще лучше — из винтовки. Для достижения «непробиваемости» Чемерзин увеличил толщину, а значит, и вес нагрудника. В результате панцири получились очень тяжелыми: они весили от 15 до 19 фунтов (примерно 6–8 кг)⁷¹¹.

Похоже, что Чемерзин решил использовать удобный момент и серьезно нажиться на своем изобретении за счет полицейского бюджета. Он оценил панцири по 46–47 рублей за штуку. Это было в три раза выше оптимальной

цены. Позже, когда у него появятся конкуренты, Чемерзин будет продавать эти панцири по 15 рублей и считать это достаточно прибыльным. Кроме нагрудников, отставной капитан предлагал панцири «спинные» и «разрезные или офицерские», защищающие сразу и грудь, и спину. Учитывая двойной вес «разрезных» панцирей, офицерам не позавидуешь. А «спинные» панцири, вообще, был смысл использовать только вместе с нагрудными. Это, по-видимому, было невозможно, опять же из-за большого веса. Были также панцири «от ружейной пули 3-х линейной винтовки», совсем неподъемной тяжести.

Еще Чемерзиным предлагались «ручные головные щиты». Облаченный в панцирь полицейский должен был держать такой щит в руке, защищая им голову.

Градоначальник Лауниц просил у Департамента полиции денег на покупку для петербургских полицейских тысячи панцирей по 46 рублей каждый. В департаменте ужаснулись таким расходом, так как специальных сумм на приобретение «бронежилетов» в бюджете не было предусмотрено. Панцири можно было оплатить только из «остаточных сумм», ассигнованных по другим статьям или из «секретных сумм» этого учреждения.

Поэтому градоначальнику выделили только 2300 рублей на покупку 50 нагрудников. Лауниц заключил договор с Чемерзиным. В марте полиция получила панцири. При проверке они «не пробивались револьверными пулями»⁷¹².

Когда Чемерзин потребовал денег, департамент «отомстил» ему за покушение на бюджетные средства. Чиновники отказались платить ему до декабря того года, то есть «до срока когда может выясниться состояние свободных средств для указанной надобности»⁷¹³.

При использовании нагрудников Чемерзина сразу же выяснилось, что они очень неудобны. Кроме большого веса, исключавшего сколько-нибудь длительное ношение панциря, монолитная стальная пластина очень стесняла движения. К тому же панцири, предоставленные Чемерзиным, были слишком тесные. Они рассчитывались на людей среднего роста и телосложения, а чины петербургской полиции отличались большим ростом и плотной комплекцией. Полицейских приходилось «силой втискивать в неподвиж-

ную металлическую оболочку»⁷¹⁴. Подогнать такой панцирь по фигуре было невозможно.

Тогда петербургский полицмейстер полковник В. Ф. Галле и командир полицейской роты капитан К. К. Задарновский решили создать новую конструкцию «бронезилета», избавленную от указанных недостатков. Она должна была соответствовать четырем требованиям: 1) непробиваемость; 2) легковесность; 3) подвижность; 4) общедоступная цена».

Первые опыты полицейских были неудачными. Например, они использовали кожаную основу, на которую крепили «чешуеобразно» небольшие металлические пластины. Но такой доспех в некоторых местах пробивался маузерной пулей. При увеличении толщины пластин «до непробиваемости», вес нагрудника достиг 25 фунтов (около 11,3 кг)⁷¹⁵.

Наконец, конструкция, удовлетворявшая трем из четырех условий, была создана. Не удалось добиться лишь снижения веса. Панцирь Галле-Задарновского состоял из 6 стальных пластин, подвижно соединенных между собой. Пластины были выгнуты в соответствии с формой тела. Нагрудник являлся трехслойным. Сталь подбивалась плотным слоем ваты, который защищал человека от динамического удара. Третий слой состоял из тонкой жести, которая задерживала пулю, если та все-таки пробивала стальную пластину.

Снаружи панцирь обшивался тканью, крепился ремнями через плечи и талию. Вес его был примерно таким же, как и у панциря Чемерзина. Зато новый «бронезилет» был длиннее и шире, он защищал не только грудь, но и живот, пах и частично бока полицейского. К тому же он меньше стеснял движения. Носить панцирь можно было поверх пальто и мундира, или же — под ними.

О производстве панцирей Галле-Задарновского договорились с Санкт-Петербургским столичным попечительством о домах трудолюбия. В 1-м доме трудолюбия ежедневно стали изготавливать 3–4 нагрудника и продавать по 15–20 рублей за штуку. В дополнение к панцирю предлагался щит (по 5 рублей за штуку). Он представлял собой обтянутую холстом овальную стальную пластину размером примерно 35,5 на 51 см. С внутренней стороны щит имел две ручки, через которые продевалась рука. Щит можно

было использовать отдельно от панциря или вместе с ним (для защиты головы).

В журнале «Вестник полиции» написали, что щит был «как у древнерусских дружинников»⁷¹⁶. На самом деле этот щит, конечно, не походил на древнерусские. Но принцип был заимствован именно оттуда. Все эти панцири и щиты напоминали доспехи, использовавшиеся в Средневековье. Новое опять оказалось «хорошо забытым старым».

На том же предприятии еще изготавливались «пацыри-спинки» (по 15 рублей) и стальные пластины для портфелей (по 3 рубля за штуку). Отправляясь для задержания и обыска подозреваемых, офицер полиции клал в одно отделение портфеля нужные бумаги, а в другое — стальную пластину. Теперь такой портфель можно было использовать в качестве щита. На заказ делались большие щиты нужного размера.

Со временем, используя более качественную сталь, сотрудникам 1-го дома трудолюбия удалось снизить вес панцирей до 14 фунтов (около 6,3 кг), а щитов — до 9 фунтов (около 4 кг). Но такие облегченные изделия стоили значительно дороже: нагрудник — 30 рублей, щит — 15 рублей⁷¹⁷.

В 1907 году ассигнований на покупку панцирей для полицейских запросили в Департаменте полиции Самарский губернатор и начальник Одесского охранного отделения. Губернатор хотел купить в 1-м доме трудолюбия пять защитных комплектов по 25 рублей (панцирь за 20 рублей и щит за 5 рублей). 18 июня ему перевели на это 125 рублей⁷¹⁸. Начальник одесской охраны собирался купить четыре чемерзинских панциря. Как он писал, «стоимость панциря с пересылкой из Петербурга — 50 рублей». Департамент деньги ему переводить не стал, а просто купил четыре нагрудника по 15 рублей и отправил их в Одессу⁷¹⁹. Больше в тот год никто по вопросу о покупке «бронешилетов» в Департамент полиции не обращался.

В Москве градоначальник Рейнбот тоже решил приобрести средства защиты для полицейских. 8 марта 1907 года он написал об этом рапорт генерал-губернатору Гершельману. «Из данных, доставленных охранным отделением усматривается, что в настоящее время при производстве обысков весьма вероятны вооруженные сопротивления со стороны обыскиваемых, почему, озабочиваясь охранением безопасности подведомственных мне чинов столич-

ной полиции, я полагал бы желательным снабдить их, по примеру Санкт-Петербургской столичной полиции, панцирями системы Капитана запаса Чемерзина»⁷²⁰.

Рейнбот посчитал, что на 48 полицейских участков требуется по два нагрудника и по два щита, а на охранное отделение — восемь нагрудников и восемь щитов. Требуемый расход градоначальник определил в 13 880 рублей⁷²¹.

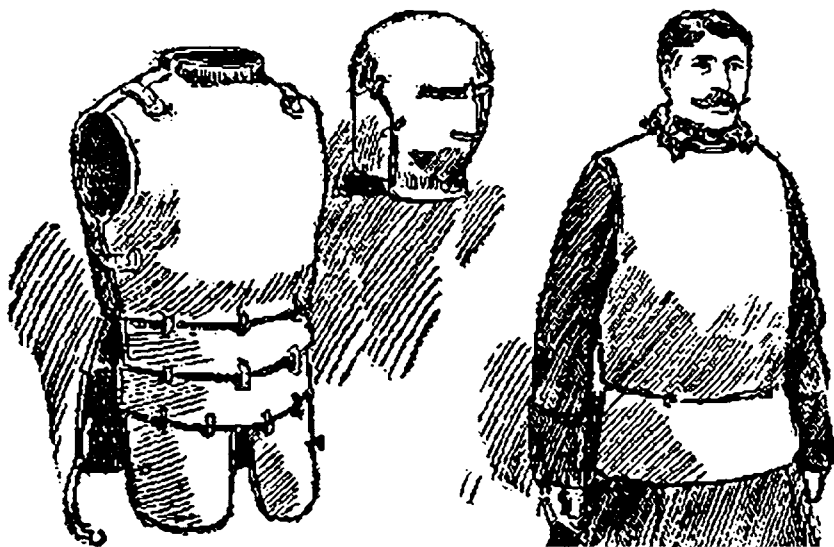
Откуда взялась такая сумма совершенно не понятно. Рейнбот ее в документах никак не обосновывает. Считая стоимость одного чемерзинского панциря в 46 рублей, на 104 штуки потребовалось бы 4784 рубля. При заказе 100 и более штук панцирей, Чемерзин обещал в виде бонуса дать 60 щитов бесплатно. Оставшиеся 44 щита по 5 рублей составили бы 220 рублей. Значит, общая сумма составляла 5004 рубля. Похоже, что Рейнбот, пользуясь некомпетентностью генерал-губернатора Гершельмана, решил в очередной раз переложить бюджетные деньги в свой карман.

Характерно, что градоначальник не просил генерал-губернатора обратиться за деньгами в Департамент полиции — там бы сразу обратили внимание на несовпадение цифр. Поэтому Рейнбот предложил, чтобы Гершельман оплатил все из сумм, выделенных в распоряжение генерал-губернатора. И тот согласился.

Соглашение, заключенное Рейнботом с Чемерзиным, поражает своей бессовестностью. Стоимость «обычного» нагрудника определена в 125 рублей, бесполезного «офицерского» панциря — в 150 рублей⁷²². В Департаменте полиции, наверное, спросили бы, не собирается ли Чемерзин покрывать свои нагрудники золотом. Вероятно, Рейнбот и Чемерзин просто «распилили» украденные государственные деньги.

Интересно, что Гершельман доверился Рейнботу, а вот Чемерзину не доверял. Он заявил, что деньги будут выплачиваться только после поставки панцирей и после «удостоверения в доброкачественности этих предметов и удовлетворении их своему назначению»⁷²³. Генерал-губернатор не понял, кто и в чем именно обманывает его.

Принимать панцири должна была специальная комиссия. Рейнбот назначил в нее исполняющего дела начальника полицейского резерва подполковника А. Л. Комендантова и командира пешей роты городских штабс-капитана

Зарисовка панциря А. А. Чемерзина

И. И. Савченко. Гершельман командировал в комиссию своего представителя — офицера для особых поручений при генерал-губернаторе подполковника Н. Я. Гарденина. По договору, каждый панцирь «испытывался из маузера двумя пулями с 30 шагов»⁷²⁴. Кстати, панцири 1-го дома трудолюбия испытывались выстрелами из маузера с дистанции в 10 шагов.

Первая партия изделий Чемерзина прибыла в Москву и была испытана 16 апреля. Она включала в себя 24 «грудных», четыре «спинных» панциря (их вообще не было в соглашении) и 23 щита. Комиссия добросовестно провела проверку. «Ни один из панцирей пробит не был; пуля пробив шелковую матерью, которой обшит панцирь, при ударе о последний, деформировалась и осколки ее оставались под материей, в месте удара получился небольшой прогиб»⁷²⁵. Это значит, что полицейский в панцире получил бы сильный удар и травму. Как бы то ни было, 3,5 тысячи рублей за эту партию панцирей уплатили⁷²⁶.

13 августа принимали вторую партию (66 панцирей). Члены комиссии не удержались при проверке: они стреляли в панцири с расстояния в 20 шагов,

Панцири и щиты. 1900-е

15 шагов, один шаг и «в упор». Ни один из панцирей не получил сквозных пробоин⁷²⁷. Уплатили 8250 рублей⁷²⁸.

4 сентября 1907 года приняли 6 панцирей, 14 января 1908 года — еще 7 панцирей⁷²⁹. Согласно этим документам, не хватает одного нагрудника, не указано, были ли в числе панцирей «офицерские», доставили ли остальные щиты. Похоже, Рейнбот все в документах запутал.

В 1908 году в Департамент полиции за ассигнованиями на защитные панцири обратились Владимирский и Таврический губернаторы, а также помощник по гражданской части наместника императора на Кавказе⁷³⁰. Владимирский губернатор хотел приобрести 10 панцирей, Таврический губернатор — 127 панцирей и 113 щитов (на 2470 рублей; Рейнбот на меньшее количество изделий истратил в шесть раз больше денег). Помощник наместника спрашивал, можно ли рассчитывать на возмещение хотя бы части расходов на спецсредства. Всем троим просителям отказали «за отсутствием источника на приобретение панцирей и щитов»⁷³¹.

Позже по этому поводу получили отказы Екатеринославский губернатор и Николаевский градоначальник. Лишь в октябре 1912 года за счет «секретной суммы» Департамента полиции был приобретен один панцирь для военного

губернатора Забайкальской области генерал-майора А. И. Кияшко. Никаких дополнительных сведений об этом панцире нет, но указана его цена в 500 рублей⁷³²: тут либо ошибка в документе (что мало вероятно, ее бы исправили), либо это был какой-то чудесный панцирь (защищающий от всех жизненных напастей, включая прямое попадание артиллерийского снаряда).

В Риге по инициативе заведующего сыскной частью И. И. Грегуса (одного из лучших сыщиков империи) для полицейских приобрели «бронезилеты» на средства городского бюджета. От чемерзинских изделий Грегус отказался. Значит, были приобретены панцири Галле-Задарновского⁷³³.

Весной 1913 года Департамент полиции решил собрать отзывы местных начальников об использовании защитных средств, приобретенных на его деньги.

Начальник жандармского управления Одессы дал отрицательный отзыв о возможности использования панцирей. Он сообщил: «Из опросов чинов Отделения, пользовавшихся означенными панцырями, я заключаю, что последние, как имеющие тяжелый вес (18 $\frac{1}{2}$ фунтов), сильно стесняют свободное движение и надевавшие их, после обысков, чувствовали боли во всем теле по несколько дней»⁷³⁴. С августа 1909 года нагрудники в Одессе не использовались вообще. Щитов в тамошнем охранном отделении не было, но начальник считал, что «таковые желательны».

Петербургский градоначальник отзывался о спецсредствах в целом положительно, с некоторой долей критики. «При назначении в наряды для производства обысков и арестов, когда есть основания ожидать сопротивление, чины полиции снабжаются панцырями и щитами. Панцыри капитана Чемерзина имеют очень небольшой размер и сделанные из одного целого куска железа, защищают только грудь, стесняя при этом грудную клетку. Более удобными являются складные панцыри, изготовленные в Доме Трудолюбия <...> они плотнее прилегают к грудной клетке, защищая при этом не только грудь, но и живот. Те и другие панцыри довольно тяжеловесны, чего конечно трудно избежать. Что касается щитов, то они в значительной степени могут предохранить от поранений в голову при вооруженном сопротивлении со стороны преступников».⁷³⁵ Градоначальник считал, что использование защитных средств «весьма желательно».

Из сообщения Самарского губернатора следовало, что там спецсредства ни разу не применяли, да еще и где-то их растеряли. При городском полицейском управлении имелось только два панциря и два щита. Куда делись остальные неизвестно. Полицмейстеру поручили «сделать применение означенных панцырей и щитов» и сообщить о результатах. В сентябре из Самары сообщили: «Панцыри и щиты, по применению их в деле, оказались пригодными, но только лишь тяжеловесны...»⁷³⁶

Насколько активно использовались защитные панцири в Москве неизвестно. Судя по рапортам о ликвидации банд в Александровском саду, возле Управления Московско-Казанской железной дороги и на станции Лосиноостровская, их не использовали. А вот А. Ф. Кошко, ставший с 1908 года начальником Московской сыскной полиции, в своих мемуарах вспоминал об аресте одного из членов семьи преступников Гилевичей.

«Зная, что Гилевичи люди довольно предприимчивые и не останавливаются ни перед чем, я вытребовал из полицейского депо непробиваемый панцирь, в каковой и облачился. В руки я взял портфель со вложенной в него пластинкой из того же, что и панцирь, состава, и, приехав в Скатертный переулок, прикрыл голову портфелем и подошел к дверям, за которыми находился Гилевич». После переговоров преступник решил сдаться без боя. «Ему тотчас же одели наручники и повезли в сыскную полицию»⁷³⁷.

Но зато в декабре 1908 года штурм сотрудниками охранного отделения дачи на станции Лосиноостровская продолжался чуть ли не сутки, а панцири и щиты там так и не использовали. Похоже, что только в Петербурге и в Риге полицейские применяли эти спецсредства. А Кошко перевелся на службу в Москву именно из Петербурга.

«Процесс 83-х»

Через год после завершения первой российской революции в Москве состоялся суд над членами Оппозиционной фракции ПСР. Он проходил с 25 сентября по 18 октября 1908 года.

К суду были привлечены 83 человека. Это были наиболее активные участники организации и те, кого задержали с оружием в руках. Поэтому в прессе

это событие называли «Процессом 83-х». Рассмотрение дела проводила Московская судебная палата.

Обвиняемые содержались в четырех разных местах заключения — в тюрьмах Губернской, пересыльной, женской и в Пречистенском полицейском доме. А поскольку заседания суда должны были проходить в Большом Екатерининском зале здания Судебных установлений в Кремле, то, по логике, пришлось бы ежедневно перевозить через всю Москву десятки арестантов в Кремль и обратно. При этом могли произойти попытки побегов или насильственного освобождения заключенных их соратниками. А также нельзя было исключить возможность проведения политических демонстраций по пути следования.

Поэтому тогдашний московский градоначальник генерал-майор А. А. Адрианов предложил разместить обвиняемых на время суда в Кремле — либо в пустующей части здания Арсенала, либо в казармах 1-го и 2-го батальонов 1-го лейб-гренадерского Екатеринославского полка. Генерал-губернатор Гершельман выбрал здание Арсенала.

Процесс проходил «при закрытых дверях». Из публики должны были допускаться только ближайшие родственники подсудимых. Но все же на заседаниях суда оказались и некоторые представители прессы.

Корреспондент газеты «Русское слово» описал подсудимых так: «Преобладает молодежь (подавляющее большинство до 25 лет), много лиц, не достигших совершеннолетия»⁷³⁸. Среди обвиняемых было несколько женщин. Подсудимых защищали около 30 адвокатов, в том числе самые известные в Москве представители тогдашней адвокатуры.

Членам Оппозиционной фракции ПСР предъявили обвинения в том, «что они:

- вели пропаганду и агитацию среди рабочих Москвы и Московской губернии и крестьянского населения <...> возбуждая их к учинению бунтовщических деяний <...>;

- создали “боевую организацию”, состоящую из специально обученных и вооруженных “боевых дружин” и “летучих отрядов”;

- оборудовали: а) 3 тайных типографии, б) столярную мастерскую для приготовления типографских станков, “касс”, “ручек” к метательным разрывным снарядам, моделей артиллерийских орудий с целью обучения дружинни-

ков стрельбе, в) слесарное заведение, где работали оболочки разрывных снарядов и находился склад оружия, патронов и взрывчатых веществ, г) 3 лаборатории для приготовления взрывчатых веществ и снарядов, д) склад преступных изданий, оружия и патронов, е) несколько конспиративных квартир;

— имели в своем распоряжении достаточное количество различных паспортных бланков и книжек, фальшивых печатей и виз разных должностных лиц и учреждений, для подделки видов на жительство;

— совершали с целью добывания средств для существования и преступной деятельности означенного сообщества вооруженные разбойные нападения на казенные винные лавки и кредитные учреждения, <...> иногда эти нападения сопровождались убийствами должностных и частных лиц, а также подготавливали похищения казенного оружия из Московского военного арсенала, паспортных бланков из волостных правлений. Побег арестованных <...> из Московской пересыльной тюрьмы и проч.»⁷³⁹. Представляете приговор по такому делу в сталинские времена?

Во время процесса адвокаты неоднократно совершенно сознательно шли на нарушение закона, стремясь помочь своим подзащитным. Так, 5 октября помощник присяжного поверенного Залман Малкин пытался тайно передать одному из подсудимых записку «с воли».

А 2 октября случилось скандальное происшествие. В здании судебных установлений имелась комната-столовая, где подсудимые завтракали и обедали. Доступ адвокатам в эту комнату до того дня был свободным. Их входило туда по 8–10 человек одновременно. Один из защитников принес с собой портфель, в котором был спрятан сюртук со значком присяжного поверенного. Он передал портфель под столом подсудимому Петру Тарасову. Тот, улучив удобную минуту, надел сюртук. А затем с портфелем под мышкой прошел мимо конвойных и сбежал. Побег обнаружили только спустя три часа. Когда судебное заседание закончилось⁷⁴⁰. Вскоре зарубежные агенты Департамента полиции сообщили, что Тарасов прибыл в Лондон⁷⁴¹. А московская полиция установила, что его побег организовал помощник присяжного поверенного Борух Ратнер. Градоначальник ходатайствовал о его высылке в одну из северных губерний на 3 года⁷⁴².

Процесс завершился приговором, который сегодня поражает своей мягкостью по отношению к боевикам экстремистской организации.

Серьезные наказания получили 11 человек. К каторжным работам приговорили Стерлигова на 10 лет, Романовича — на четыре года, Акинфиева — на четыре года, Акинфиеву (до замужества Никитину) — на шесть лет, неизвестного человека, «ложно именующего себя инженером-технологом Николаем Павловичем Поповым, 25 лет» — на четыре года. Заключение в крепости подлежали Мусатов — на четыре года, Молев — на два года, Зайцев — на четыре года, Булкин — на два года, Деметрашвили — на два года, Хлебников — на два года⁷⁴³.

Большинство подсудимых получили ссылку на поселение или кратковременное заключение до года в крепости, тюрьме или в арестантских ротах. Не считая сбежавшего Тарасова, еще 20 человек (каждый четвертый подсудимый) вообще избежали наказания: один был признан «действовавшим без разума», а 19 человек оправданы⁷⁴⁴.

Даже через год после революции российское общество оставалось настолько расколотым, что в гражданском суде провести разбирательство без эксцессов и вынести суровый приговор террористам-революционерам оказалось невозможным.

«Лосиноостровская битва»

События эти произошли через полтора года после завершения первой российской революции. Но они напомнили московскому начальству те времена, заставив испугаться, что все может вернуться. Происходят они оттуда, из революции. И раз уж мы о них упомянули, то надо рассказать, что же там произошло.

Название это, конечно же, ироничное. Происшествие было не столько громкое, сколько шумное. Написали о нем корреспонденты всех тогдашних московских газет. В том числе в газете «Русское слово» от 14 декабря 1908 года поместил свой репортаж знаменитый Владимир Гиляровский. Правда, при сопоставлении этой статьи с официальными документами, выясняется, что рассказ Гиляровского не особенно точен. Недостаток достоверной информации журналист восполнял, так сказать, «от себя». Он придумывал красочные

Аркадий Францевич Кошко,
начальник Московской сысской полиции
в 1908–1915 гг.

правдоподобные детали, превращая репортаж в художественный рассказ. Заодно увеличивал объем произведения и свой гонорар.

В конце ноября 1908 года в Московское охранное отделение поступили негласные сведения о том, что в городе сформировалась шайка анархистов-коммунистов. Она готовила ряд экспроприаций, которые полицейские квалифицировали как разбойные нападения.

Возглавлял шайку мещанин Николай Малыгин. По подложным документам он проживал в 1-м Зачатьевском переулке на квартире у крестьянина Ефима Быкова. В той

же квартире без прописки или тоже по фальшивым документам жили еще три человека. Все названные люди были членами преступной организации. Один из них, крестьянин Иван Бабков, по данным агентуры, участвовал в Декабрьском восстании 1905 года. Он едва не попался на станции Люберцы карательной экспедиции полковника Римана, но тогда сумел сбежать⁷⁴⁵.

Вторым притоном шайки стала дача возле станции Лосиноостровская. Там проживали еще два участника группировки — крестьянин Дмитрий Сидоркин и «сын фельдшера» Лавр Ремизов. За последним уже тянулся кровавый след: его разыскивали по обвинению в убийстве настоятеля Екатерининской пустыни в Подольском уезде Московской губернии⁷⁴⁶.

Это убийство случилось 13 сентября 1908 года. Пустынь (монастырь) находилась совсем недалеко от Москвы, но располагалась уединенно, на поляне

среди леса. Накануне вечером в монастырской гостинице остановились трое «прилично одетых молодых людей». Они переночевали там, а утром в 9 часов отправились в монастырь. В это время в храме шла церковная служба, и почти все монахи находились там. Но молодые люди пошли не в церковь, а к келье настоятеля пустыни отца Мартирия. «Келья» — только по названию, на самом деле это был большой многоквартирный дом. Ходили слухи, что настоятель прячет в нем крупные деньги (во время расследования полиция выяснила, что это действительно было так), которые и интересовали анархистов. В доме пришедших грабителей встретил келейник монах Николай. Его схватили, запугали и заперли в отхожем месте. На шум из дальних комнат вышел сам отец Мартирий. Видимо, он так грозно бросился на налетчиков, что у них не выдержали нервы, и они начали стрелять. Настоятель был убит пятью пулями. Испугавшись, что их схватят, убийцы не стали искать деньги, а быстро ушли. Выйдя за ворота монастыря, они бросились бежать в сторону станции Бирюлево.

В это время монахи обнаружили убийство. Они вызвали полицейских стражников и начали поиски преступников. Стражники объехали всю округу. Злодеев застигнуть не удалось. Но видевшие их люди узнали одного из убийц. Лаврушка (Лавр Ремизов) раньше был послушником в монастыре — настоятель выгнал его за пьянство⁷⁴⁷. И вот теперь Лаврушка, бывший послушник, пьяница, грабитель и убийца, стал анархистом, революционером и экспроприатором.

Московское охранное отделение проследило связи анархистов и их приготовления. 12 декабря решили провести ликвидацию анархо-коммунистической разбойничьей банды. По обоим адресам отправились отряды сотрудников отделения для задержания и обыска злоумышленников. В квартире Быкова арестовали всех пятерых, проживавших там анархистов. Сопротивления они не оказали. А вот на лосиноостровской даче все пошло не так.

Дача находилась возле шоссе на расстоянии одной версты (ок. 1,1 км) от станции, в местности называемой Ростокинская земля. Здесь было много небольших дач. Летом их снимали представители среднего класса, отдыхавшие возле леса от городской духоты, пыли и шума. Зимой тут квартировали небогатые жильцы, работавшие в Москве, для которых жилье в городской черте

было слишком дорого. Добраться отсюда в Москву и обратно не составляло труда.

Бревенчатый дачный дом имел два этажа, чердак и террасу. Нижний этаж занимал хозяин дачи — кочегар Московско-Ярославской железной дороги Власов с женой, оба — пожилые люди. Верхний этаж Власов сдал 5 сентября столыару той же дороги Дмитрию Сидоркину с семьей. Семья эта была довольно молодой. Сидоркину исполнилось 29 лет, жена — на несколько лет моложе, одному из сыновей было 4 года, другому — год. Квартира Сидоркиных состояла из двух комнат: передней комнаты с кирпичной печью и задней комнаты-спальни. Из передней комнаты одна лестница вела на первый этаж, вторая — на чердак. Сидоркин, в свою очередь, сдал «угол» в квартире неизвестному человеку (Лавру Ремизову), не регистрируя жильца в полиции. Полицейские установили связь этого жильца с организованной преступной группировкой анархистов из Зачатьевского переулкa. А вот то, что Сидоркин тоже участник этой шайки, они не знали.

Для задержания и обыска подозреваемого на станцию Лосиноостровская прибыл ротмистр охранного отделения Антон Озеровский с тремя агентами. На станции они взяли с собой местного полицейского урядника Григория Поликарпова и двух понятых — старшего полицейского сторожа Дмитрия Денисова и младшего сторожа Ивана Рогова. Когда полицейские подошли к даче, Сидоркин во дворе колот дрова. Его спросили, кто находится у него в квартире. Сидоркин ответил, что это некий мужчина, приехавший к нему вчера. Полицейские велели ему вести их в квартиру и отпереть дверь. Как только они вошли в переднюю комнату, Сидоркин вдруг бросился в спальню и залез под кровать. Полицейские отвлеклись на него. В это время из-за русской печи раздались выстрелы. Старший сторож Денисов получил тяжелое ранение в живот и упал. Сидоркин начал вылезать из-под кровати. Урядник Поликарпов трижды выстрелил в него и ранил в руку. Остальные полицейские стреляли в направлении печи, но она надежно прикрывала террориста. Все, кто был на даче, покинули ее, кроме отстреливающегося боевика и раненого Денисова.

Урядник Поликарпов со станции по телефону сообщил о случившемся представу 2-го стана Московского уезда Ивану Рубцову. Через 25 минут тот прибыл

с отрядом земских стражников (в земской страже Московского уезда тогда служили терские казаки). Следом появилось подкрепление из охранного отделения — корнет Иван Макри с несколькими агентами. Корнет предложил взять дачу штурмом. Вместе с ним добровольцами вызвались пристав Рубцов и старший стражник Синельников. Они вошли в дом, поднялись на второй этаж. Там не было никого кроме тяжело страдающего Денисова. Макри с браунингом в руке стал подниматься по лестнице на чердак. За ним последовали Рубцов и Синельников. Раздался выстрел, корнет был ранен в щеку, он выронил пистолет и опрокинулся назад. Пристав и стражник сделали несколько ответных выстрелов, подхватили Макри и подобрали браунинг. Покинуть дом полицейские не смогли. Оказалось, что преступник простреливает лестницу, ведущую на первый этаж. Они уложили корнета на кровать и стали ждать развития событий.

Полетели тревожные сообщения городскому и губернскому полицейскому начальству, не на шутку переполошив их. На Лосиноостровскую стали собираться подкрепления и старшие командиры. Разворачивалась большая операция, как будто шло сражение с дружиной боевиков-революционеров.

К даче прибыл сам начальник МОО подполковник Михаил фон Котен и его помощник подполковник Иван Пастрюлин с группой сотрудников отделения. Губернатор прислал еще два отряда стражников (каждый по 8–9 человек) из соседних станов уезда — 9-го (Мытищенского) и 4-го (Пушкинского). С ними приехали глава уездной полиции исправник статский советник Георгий Виноградов и еще один становой пристав Иннокентий Языков. Из Москвы по приказу градоначальника зачем-то командировали двух участковых приставов Вилкова и Александра Дружинина.

Наконец-то подошла главная ударная сила — 1-е отделение Московской конно-полицейской стражи — полсотни бойцов во главе с ротмистром Александром Шлеммером. Конно-полицейскую стражу использовали как подразделение немедленного реагирования и как спецназ при экстраординарных ситуациях.

Движение по шоссе было перекрыто. Вокруг дачи на безопасном расстоянии горели костры и стояли казачьи лошади. Стражники грелись у костров. Откуда-то собрались толпы зевак. При возобновлении перестрелки они отбе-

гали подальше. А когда она затихала, то возвращались. Наступала ночь, стоял мороз -17° , дул ветер.

Командование принял подполковник фон Котен. Он приказал проломить пол второго этажа. По приставной лестнице вывели отрезанных полицейских, спустили раненого Макри и уже умершего Денисова. Котен приказал стрелять в преступника через потолок. Но тот прятался за кирпичной трубой печи и метко отвечал на выстрелы. Вскоре были ранены Котен, его помощник Пастрюлин и надзиратель охранного отделения Семенов. Раненых отправляли в Москву по железной дороге. На Ярославском вокзале их встречал сам градоначальник. Количество пострадавших увеличивалось, а результатов не было.

Решили поджечь дачу, но опасались, что огонь перекинется на соседние дома. Тогда вызвали из Москвы пожарную команду, отложив поджог до ее прибытия, но пожарные задерживались.

В 2 часа ночи начальник Московского губернского жандармского управления прислал своего помощника по Московскому и Звенигородскому уездам ротмистра Василия Щегловского. Теперь вокруг дачи собрались представители жандармского управления, охранного отделения, железнодорожной жандармерии, московской участковой полиции, уездной и становой полиции, земской стражи и конно-полицейской стражи. Всего для задержания одного преступника соборось около сотни правоохранителей. Командование перешло к ротмистру Щегловскому. Остальные командиры разъехались на ночлег. У дома остались земские стражники и конные городовые, которым пришлось ночевать по-походному вокруг дачи Власова. Боевые действия прервались.

Утром 1-е отделение конно-полицейской стражи было сменено 2-м. Его командир ротмистр Всеволодов имел приказание от градоначальника немедленно завершить операцию. Слухи о ней уже взбудоражили всю Москву: из города куда-то отправляют одно за другим полицейские подразделения, обратно везут раненых и убитых, а где-то в Подмоскovie идет интенсивная перестрелка.

Как только начало светлеть, в 11-м часу утра, боевые действия возобновились. Стражников и городских разделили на три группы. Их расположили так, чтобы они при стрельбе не находились друг против друга. Затем была отдана команда стрелять залпами. Несколькими залпами полицейские изрешетили

крышу дома. С чердака раздался крик: «Я ранен, умираю!» Террористу предложили сдаться. Он ответил: «Анархисты не сдаются, а умирают!» Добавил несколько ругательств и затих.

В 11 часов, когда стало совсем светло, Щегловский решил идти в дом. С ним пошли становой пристав Языков и жандармский унтер-офицер со станции Лосиноостровская по фамилии Ровный. На первом и втором этаже никого не обнаружили. Дверь на чердак была притворена. Ее открыли багром. Выстрела не последовало. Тогда полицейские поднялись на чердак. За печной трубой в луже крови увидели убитого террориста. Рядом нашли браунинг и много неизрасходованных патронов. Документов при погибшем не было.

В это время прибыла уже никому не нужная пожарная команда, зато во главе с самим бранд-майором. «Лосиноостровская битва» завершилась. Сидоркина арестовали и поместили в больницу. Власова задержали. Судебный следователь 3-го участка Московского уезда начал расследование дела.

Погибший старший полицейский сторож Денисов был 33 лет от роду. У него осталась 30-летняя вдова. Детей они не имели. На родине у Денисова проживали отец и «мачиха» (так в документе). Имущества, кроме «необходимого платья», он не имел. Жалованья получал 30 рублей в месяц. На документе надпись от руки карандашом: «Вдове убитого ст. пол. ст. Денисова Марии Ивановой Денисовой выдано в пособие 200 руб.»⁷⁴⁸.

До конца декабря полицейские задержали еще 12 человек, в т. ч. пять женщин, имевших связи с членами шайки Малыгина. Улик, достаточных для привлечения к суду террористов, не нашли. 5 апреля мещанина Николая Малыгина, крестьян Ефима Быкова, Константина Антипина, Ивана Бабкова, Михаила Чернова выслали под гласный надзор полиции в северные уезды Тобольской губернии на три года (хотя градоначальник и настаивал на высылке в Якутскую область на срок не менее пяти лет). Мещанку Капитолину Веригину выслали в Чердынский уезд Пермской губернии на два года. Остальные 12 человек, в т. ч. четыре женщины, получили только воспрещение на жительство в Москве и Московской губернии⁷⁴⁹.

Но оказалось, что Малыгина разыскивает судебный следователь Тверского окружного суда по обвинению в ограблении, совершенном 25 ноября 1908 года

в имении «Луки» Зубцовского уезда Тверской губернии. 30 октября 1909 года этот суд приговорил Малыгина к 12 годам каторжных работ⁷⁵⁰.

История вышла бесславная. Но полицейское начальство попыталось представить ее как победу. Нашло моменты, которые можно было объявить заслугами. Каждый начальник выдвигал на первый план своих людей. Губернатор — приставов Языкова и Рубцова. Жандармское начальство — ротмистра Щегловского и унтер-офицера Ровного. Градоначальник — ротмистра Всеволодова с его конными городовыми.

Джунковский, к тому времени уже генерал-майор, писал о хорошем выполнении службы земскими стражниками: «Все отряды, несмотря на сильный мороз с ветром, обледенелую после оттепели дорогу и темную ночь, по тревоге весьма быстро прибыли на место назначения, в полном составе и в надлежащем вооружении. <...> Поведение нижних чинов было выше всякой похвалы, за исключением стражников 9-го отряда: Агапова и Алиянова, которые выпили вина, за что были уездным исправником немедленно уволены со службы»⁷⁵¹.

Кабинет полицейского пристава. Фотография начала XX в.

На самом деле многие полицейские показали свою некомпетентность. Особенно это относится к сотрудникам охранного отделения, в первую очередь — к ротмистру Озеровскому, которому первоначально было поручено провести задержание террориста.

В «Лосиноостровской битве» сумела опростоволоситься даже пожарная команда. Похоже, что там не участвовали представители лишь одной полицейской службы — Московской сыскной полиции, занимавшейся преследованием уголовных преступников. И возможно, что именно их там и не хватило. Начальник МСП Кошко в подобной ситуации убедил бандита Гилевича сдаться без боя. Но сотрудникам уголовного розыска законом было запрещено заниматься делами по политическим преступлениям.

Глава VII

НОВЫЕ УГРОЗЫ

Московская сыскная полиция и уголовники

По мере того, как революция угасала, на первый план в деятельности полиции вновь начала выходить борьба с уголовной преступностью, особенно — с наиболее тяжкими преступлениями.

С 1881 года в Москве существовала полицейская служба, которая специализировалась на борьбе с тяжкими преступлениями и профессиональными преступниками. Это была Московская сыскная полиция (МСП). Однако при создании для нее было предусмотрено очень небольшое количество сотрудников. Штат МСП, Высочайше утвержденный 5 мая 1881 года, включал в себя должности начальника, двух сыскных чиновников, 12 полицейских надзирателей, делопроизводителя и его помощника. Служительская команда при МСП состояла из одного унтер-офицера обязательной службы и трех вольнонаемных служителей (сторожей). Кроме того, разрешалось принимать по вольному найму агентов и писцов. Но суммы на расходы по розыску и по канцелярии были определены, так сказать, «в обрез». Поэтому нанять можно было лишь нескольких человек.

Уже в начале 1880-х годов подобная численность сотрудников уголовного сыска была совершенно недостаточна для города с почти миллионным населением. При этом количество жителей Москвы продолжало очень быстро расти. В связи с этим, судя по документам, оперативной работой по раскрытию и пресечению преступлений приходилось заниматься всем без исключения сотрудникам МСП, независимо от того, как назывались занимаемые ими должности.

К началу 1906 года был наконец-то утвержден новый штат МСП, который теперь насчитывал 71 должность. Добавились должности помощника начальника, еще двух сыскных чиновников, еще одного помощника делопроизводи-

теля, журналиста-архивариуса и фельдшера. Число полицейских надзирателей увеличилось до 60. Но и этого оказалось недостаточно и, в конце концов, градоначальник распорядился прикомандировать к МСП на постоянной основе 51 человека из состава общей полиции⁷⁵².

Начальником МСП по представлению А. А. Рейнбота был назначен надворный советник Дмитрий Петрович Моисеенко (Мойсеенко). Он был очевидным претендентом на пост руководителя Московского уголовного розыска. Но это лишь на первый взгляд. Документы о предыдущем карьерном пути Моисеенко производят странное впечатление и вызывают сомнения в том, что он подходил для этой должности. Да и для любой самостоятельной начальствующей должности тоже. Дмитрий Петрович имел высшее юридическое образование, что для полицейских того времени было очень большой редкостью. Службу он начал в 1891 году с должности кандидата в судебные следователи. В 1895 году перешел в МВД и стал чиновником сыскной полиции.

Новый начальник оказался человеком бессовестным и беспринципным. Он вскоре стал одним из самых одиозных «оборотней в погонах» в истории московской полиции. Под его руководством МСП превратилась в преступную организацию, которая вступила в сговор с профессиональными уголовными преступниками, содействовала им и получала за это долю преступной добычи.

Основными подручными Мойсеенко в коррупционных делах стали его давние приятели надзиратели МСП Гавриил Ботнев и Степан Соллогуб. Ботнева, который уже имел классный чин, Моисеенко сделал сыскным чиновником, а для Соллогуба сначала добился присвоения чина, а затем продвинул того на должность помощника делопроизводителя МСП.

Все трое поделщиков были опытными и умелыми сыщиками. Они хорошо вели розыскную работу под контролем прежних начальников МСП, но теперь, почувствовав полную безнаказанность, решили, что соблюдать закон больше нет необходимости. Вместо охоты за преступниками началась безудержная охота за коррупционными доходами. Приятели начали постоянно игнорировать служебные инструкции и законы, а затем дошли до прямого сговора с уголовниками.

На должность помощника начальника МСП Рейнбот назначил старшего помощника пристава 2-го участка Пресненской части надворного советника

Евстафия Дещинского. Этот чиновник должен был стать «оком градоначальника» в сысской полиции.

Новые штаты МСП значительно увеличили количество служебных должностей, к тому же, выросли и оклады денежного содержания сыщиков. Теперь можно было набрать наиболее способных, подходящих для борьбы с уголовщиной сотрудников. Но Моисеенко набирал либо своих приятелей и людей по чьей-нибудь протекции, либо каких-то сомнительных субъектов. Видимо, другие к нему в подчинение не шли.

Сам Дмитрий Петрович позже, уже после разоблачения его преступной деятельности в ходе сенаторской ревизии Московского градоначальства, оправдывался тем, что «для успеха деятельности конечно нужно было приискать соответствующих людей, что тоже представляло не мало затруднений, так как в виду новых условий деятельности чинов СП, сопряженной с сравнительно большой опасностью <...> и сравнительно ничтожной обеспеченности люди неохотно шли на службу в СП, а потому и не было выбора и приходилось принимать тех, кто изъявлял желание, хотя бы для того только, чтобы иметь физическую силу, нужную для задержания преступников»⁷⁵³.

Здесь, конечно же, все ложь для самооправдания. Материальная обеспеченность сотрудников по новым штатам заметно улучшилась. Опасность для правоохранителей в противостоянии с преступниками была и есть всегда, а не только во времена начальствования Моисеенко. В 1906–1907 годах она не была больше, чем в 1905 или в 1908 году. А коррупция в МСП разрослась именно при его руководстве этим ведомством.

После чистки МСП по результатам сенаторской ревизии следующему начальнику А. Ф. Кошко пришлось все начинать практически «с нуля». И он при таких же условиях укомплектовал Московский уголовный сыск отличными профессионалами и честными людьми. Значит, дело не в том, что у Моисеенко «не было выбора», а в том, какой выбор он делал.

Самый показательный случай — это дело Николая Огарева, собутыльника Моисеенко, принятого им на службу в МСП и даже назначенного полицейским надзирателем. У этого Огарева была примечательная родня. Его сестра Мария была замужем за помощником начальника Московского охранного

отделения ротмистром П. А. Фуллоном. А его брат Иван был профессиональным хипесным воров. Хипесники похищали деньги и ценности при помощи проституток, они совместно обирали своих «клиентов», выбирая для этой цели людей очень состоятельных, например, купцов, которые кутили после удачных сделок.

Фуллон устроил свояка Николая Огарева на службу агентом в охранное отделение. Он же познакомил его с новым начальником сыскной полиции Моисеенко. Служба в политической полиции Огареву не понравилась. Видимо, там украсть было нечего. Но и идти на службу, например, городовым, он тоже не хотел. Другое дело — уголовный розыск. Как пишет Моисеенко, «ротмистр Фуллон неоднократно просил меня принять Огарева на службу в СП, мотивируя это опасностью для Огарева оставаться на службе в ОО в виду выдающихся его действий против мятежников в декабре 1905 года. По такой рекомендации <...> я и принял Огарева»⁷⁵⁴. Тут опять все — неправда. Про «выдающиеся действия» Николая Огарева против революционеров ничего не известно. А, если боевики хотели ему отомстить, то переход на другую службу безопасности ему не добавлял. Скорее уж, наоборот, политическая полиция лучше могла защитить от политических преступников.

На службе в МСП агент Огарев сразу проявил недисциплинированность. К тому же он допускал превышение своих служебных полномочий. Например, бесосновательные задержания людей. Причем проводил он эти задержания в пьяном виде. Почему его не выгнали? Огарев успел стать приятелем и собутыльником начальника МСП. Через полгода Моисеенко повысил его и назначил полицейским надзирателем сыскной полиции.

Теперь уже Николай Огарев помогал своему родственнику — брату Ивану, хипесному вору. Братья возглавили шайку хипесников, где Николай обеспечивал «прикрытие» со стороны уголовного сыска. К шайке имел отношение и еще один их свояк, муж другой сестры — Александры — Эдуард Гетлинг.

В числе прочего шайка совершила кражу огромной суммы в 60 тысяч рублей у помещика Тарасова. При расследовании дела судебным следователем вскрылась связь полицейского надзирателя МСП Огарева с ворами. Поскольку, не только в МСП во главе с Моисеенко, но и в Московском градоначальстве во главе с Рейнботом, не было принято «выносить сор из избы», то Николая Ога-

рева не отдали под суд. Его уволили со службы и воспретили жительство в Москве⁷⁵⁵.

В 1906 году по Москве прокатилась большая волна разбоев или экспроприаций. Все силы наружной, политической и сыскной полиции были брошены на ее подавление. Фактически сыщики в это время не занимались борьбой с другими преступлениями. Волна была подавлена. МСП тоже сумела ликвидировать несколько банд.

Вот рапорт об этом, поданный градоначальником Рейнботом генерал-губернатору Гершельману: «С весны текущего года в Москве появился, как особый род революционной деятельности, новый вид преступлений “вооруженные ограбления”, который принял как бы эпидемический характер. Деятельность СП по раскрытию этих грабежей была в высшей степени затруднительна, так как с одной стороны организация грабежей имела чрезвычайно изолированный характер, терроризуя как самих членов организации, так и тех, кто каким либо образом случайно узнавал об этих грабежах, с другой же стороны агентуре СП была совершенно чужда деятельность в этой области розыска, так как профессиональные воры в подобных случаях не участвовали. По этому пришлось приобрести новых сотрудников, сведующих в этой области розыска, и только благодаря этому, а также старанию и самоотверженной деятельности чинов СП, удалось с течением времени раскрыть почти все совершенные в Москве вооруженные ограбления. <...> Чинами СП, между прочим, установлено существование двух больших шаяк, совершивших большую часть вооруженных ограблений как в городе Москве, так и в окрестностях ея. Первая шайка состояла из 17 человек, из них задержано пока 15 человек, которые уличены и сознались в 12 вооруженных ограблениях. Вторая шайка состояла из 22 человек, из них задержано пока 16 человек, которые уличены и сознались в 8 ограблениях, при чем в двух случаях с убийствами, задержаны и изобличены 29 человек, не принадлежавших к вышеупомянутым шайкам. Грабители были вооружены револьверами новейших систем и бомбами; хотя случаев вооруженного сопротивления не было»⁷⁵⁶.

За это в октябре 1906 года Рейнбот представил к наградам многих сотрудников МСП. Самого Моисеенко градоначальник выдвинул на награждение сразу орденом св. Анны 2-й степени, минуя два младших ордена⁷⁵⁷. Такое награжде-

ние не предусматривалось правилами. За «особо выдающиеся заслуги» разрешалось награждать «через орден». Должно быть, у Моисеенко нашлись какие-то сверхчеловеческие заслуги, раз Рейнбот ходатайствовал о награждении его «через два ордена».

Орден св. Станислава 2-й степени должен был получить Дещинский, ордена св. Станислава 3-й степени — сыскные чиновники Василий Стефанов, Гавриил Ботнев, Василий Кайнихин. Двух не имеющих чина надзирателей, Степана и Федора Соллогубов, представили к производству в коллежские регистраторы. Еще для 24 надзирателей «испрашивались» серебряные шейные медали «За усердие» на Владимирских, Аннинских и Станиславских лентах⁷⁵⁸.

Генерал-губернатор Гершельман поправил экстравагантное представление о награждении Моисеенко, снизив испрашиваемую награду до ордена св. Станислава 2-й степени. Министерство внутренних дел не утвердило ходатайства в отношении тех надзирателей, которые состояли на службе с 1906 года, то есть только что были приняты. В результате медали получили лишь девять надзирателей. Медалью на Владимирской ленте был награжден Иван Плетнев; медалями на Аннинских лентах — Федор Гуцин, Петр Краснопольский, Григорий Елоев, Иван Бояр; медалями на Станиславских лентах — Степан Кайнихин, Иван Сухов, Владимир Пахорский, Василий Никифоров⁷⁵⁹.

Уже в 1906 году стало ясно, что МСП прекратила всякую систематическую работу по предотвращению, пресечению и раскрытию тяжких и высококвалифицированных уголовных преступлений. Новые сотрудники, набранные Моисеенко, к этому были и не способны. Не производилось никакого обучения новичков методам сыска (ни традиционным, ни современным — «научно-обоснованным»). Подручные Моисеенко вообще не приступали к розыскам, пока не получали от потерпевших денежную мзду. Также сыщики, в случае обнаружения похищенного имущества, считали своей добычей часть его стоимости. Многие изъятые у преступников, нарушителей порядка или подозреваемых ценности просто присваивались полицейскими. Подозреваемых (часто это были невинные люди) избивали, бездоказательно требуя признания ими вины⁷⁶⁰.

Сотрудники МСП стали вмешиваться в гражданские дела, не попадавшие под юрисдикцию уголовного розыска. За крупные взятки они оказывали жест-

кое давление на одну из сторон дела, используя свое служебное положение. Моисеенко в таких случаях мог добиться даже административной высылки неговорчивых из Москвы⁷⁶¹.

Но главной «статьей доходов» для сыщиков стал стовор с воровскими и разбойными шайками. Собирая с них дань, подручные Моисеенко покрывали преступления.

Борьбу с преступностью продолжал вести лишь летучий отряд МСП. Его сотрудники выслеживали преступников и нарушителей порядка в людных местах. Например, в магазинах, театрах, в транспорте, на народных гуляниях и различных сборищах. Чаще всего они задерживали карманных и поездных воров, хулиганов и дебоширов, беспаспортных бродяг, нищих, нелегальных проституток. Иногда — грабителей и мошенников.

Для прежних, да и последующих, начальников МСП деятельность летучего отряда была лишь дополнительной, вспомогательной линией работы по борьбе с преступностью. Но при Моисеенко она стала единственной. На нее он и ссылался в свое оправдание. В ноябре 1907 года он писал в своих объяснениях градоначальнику: «Задержание преступников постоянно производилось

Заключенные в Бутырской тюрьме. Фотография 1900-х

и производится чинами СП и одним только летучим отрядом СП задержано на улицах Москвы в 1906 году, 1905 и в текущем по 1 ноября 2169 воров»⁷⁶². На самом деле — 2169 человек, считая и нарушителей порядка, которые и составляли большую часть этого числа.

О полном развале уголовного сыска в Москве говорят цифры: в 1907 году в городе произошло 244 грабежа и покушения на грабеж, из них раскрыто восемь. Из 117 вооруженных грабежей раскрыто 34, из 36 поджогов — два, из 4734 краж — 263⁷⁶³.

«Железнодорожная мафия»

Время от времени человеческое общество поражают заразные заболевания, главным симптомом которых является безудержное стремление к очень быстрому и очень значительному обогащению. Сделать это быстро можно лишь за счет узаконенного или незаконного разграбления каких-либо богатств, природных или произведенных другими людьми. Так возникают различные «лихорадки» — золотые, алмазные, пушные, нефтяные, колониальные, приватизационные, экспроприаторские и т. д.

Москву в 1906–1907 годах поразила эпидемия «железнодорожно-грабительской лихорадки». Все большее количество людей втягивалось в расхищение денежных сумм и грузов, перевозимых по железным дорогам Московского транспортного узла. Этих людей в полицейских документах так и называли «хищниками». Вокруг них собирались толпы мелких и крупных скупщиков, притоносодержателей, пособников. «Приплывавшие» к ним в руки большие деньги помогали коррумпировать железнодорожных служащих и сотрудников правоохранительных учреждений. Эпидемия быстро разрасталась.

Все началось еще в конце 1905 года. Из-за забастовок железнодорожников на товарных станциях, находящихся в городской черте Москвы, скопилось огромное количество составов с грузом. Никакой охраны фактически не было, что и привлекло «хищников». В городе шло братоубийственное кровопролитие, а они, пользуясь неразберихой, грабили поезда. Как говорится: «Кому война, а кому — мать родна».

Судебные власти отмечали: «Хищничество развилось до такой степени, что расхищались иногда целые поезда товарных вагонов. Прибыльность

такого занятия наряду с людьми, посторонними железной дороге, увлекла и многих железнодорожных служащих, а необходимость сбыта всей массы наворованного товара вызвала к жизни сложную сеть скупщиков, мелких, более крупных и оптовых. Раз сложившаяся организация и с водворением относительного порядка в железнодорожном обращении не прекратилась. <...> Надзор общей и жандармской полиции и командированной на пути воинской охраны далеко не всегда был помехою кражам, так как многие нижние чины, развращенные доходностью попустительства, оставались безучастными зрителями открытых и тайных хищений, а некоторые выступали даже как участники их»⁷⁶⁴.

Еще одна сложность в борьбе с этой эпидемией состояла в том, что функции по предотвращению, пресечению и раскрытию преступлений на железных дорогах были распределены между множеством государственных ведомств. Порядок и безопасность на железнодорожных станциях и путях должны были обеспечивать жандармско-полицейские управления железных дорог (ЖПУЖД). На дорогах Московского узла таких управлений было несколько: Московское, Московско-Рижское, Московско-Киевское, Московско-Камышинское. Подчинялись они штабу Отдельного корпуса жандармов (ОКЖ). В прилегающих к железнодорожным линиям городских районах те же задания выполняли полицейские участки, то есть наружная или общая полиция; эти учреждения подчинялись градоначальству. Охрану железнодорожных сооружений от посягательств экстремистов несли воинские подразделения, командированные для этой цели военными властями. Охрану грузов осуществляли железнодорожные сторожа и сопровождавшие поезда кондукторские бригады. Некоторые железные дороги Московского узла были казенными, другие — частными. Соответственно и подчинение у них было разное. Координировать их деятельность должно было Министерство путей сообщения (МПС). Раскрытие наиболее крупных или опасных преступлений возлагалось на Московскую сыскную полицию (МСП). А если в деле были замешаны революционеры, то — на Московское охранное отделение (МОО). Следствия по уголовным делам проводили судебные власти, подчиненные Министерству юстиции. А политические дела расследовало Московское губернское жандармское управление (МГЖУ).

«У семи нянек — дитя без глазу». Все эти службы то старательно спихивали решение проблем друг на друга, пытаясь снять с себя ответственность; то, наоборот, вырывали друг у друга проведение дел, чтобы «обогнуть» конкурентов или чтобы не допустить разоблачения коррупции в своих рядах.

Эпидемия железнодорожных хищений быстро разрослась до грандиозных масштабов. Товарищ прокурора Московского окружного суда указывал: «Показателем размера промысла может служить определение одною только Московско-Казанской железной дорогой, наиболее страдающей от этих краж, своих годовых убытков от этого рода преступлений — до двух миллионов»⁷⁶⁵. Общий объем хищений по всем железным дорогам в Москве составил за 1906 год огромную сумму в 10 миллионов рублей.

Главным центром железнодорожных хищений в Москве стала так называемая Николаевская передаточная ветка Московско-Казанской железной дороги. Здесь останавливались товарные составы в ожидании погрузки и разгрузки. По ней можно было перегонять поезда и на Ярославскую железную дорогу. Ветка проходила по территории 2-го и 4-го участков Мещанской части и 1-го участка Лефортовской части. В криминальной зоне оказались товарные станции Казанской дороги — Николаевка, Митьково, Сокольники, Товарная-Главная; и Ярославской дороги — Обменный парк, Москва-Товарная 1-я и Товарная 2-я.

Второй по объему хищений криминальный центр находился возле Москвы на станциях Казанской дороги Сортировочная и Перово. Кроме того, похитители действовали на магистральных линиях железных дорог — Николаевской, Ярославской, Курской и Казанской.

Грузы похищали разными способами. Чаще всего поезда грабили во время их остановки. В таких случаях похищали все, что попадалось без разбору. Вагоны просто вскрывали, пломбы срывали, товары выгружали, увозили или уносили. Вот описание таких операций: «На товарные поезда производились почти ежедневные открытые нападения; нападавшие частью поджидали поезд на месте его обычной остановки, частью выбегали из ближайших домов, а после нападения разбегались по тем же домам. <...> Эти дерзкие грабежи сопровождались стрельбой и бросанием камней <...> в тех кондукторов, которых пытались оказывать нападавшим сопротивление»⁷⁶⁶.

Грабили все подряд. Например, 3 декабря 1906 года разграбили порожний состав из 22 теплушек, приготовленный для новобранцев. Из вагонов похитили чугунные печи, железные трубы и фонари⁷⁶⁷.

Бывало, что имел место сговор воров с железнодорожниками. Тогда грабеж происходил без шума, а тревогу поднимали уже после того, как товар был увезен.

Другой способ — хищение товаров при перегрузке. Роли исполнителей здесь играли крючники (грузчики) и весовщики, «иногда <...> пополняя недостающий вес ничего не стоящими предметами»⁷⁶⁸.

Часто использовались хищения «на выбор» определенного товара. Для этого был необходим сговор «хищников» со служащими железных дорог, имевшими информацию о том, в каком вагоне находится именно нужный груз. Еще требовалось договориться с людьми, осуществлявшими охрану грузов, чтобы иметь время на подготовку и осуществление кражи. Такие хищения могли производиться и во время стоянки и на ходу поезда. Для этого преступники заранее договаривались с некоторыми кондукторскими бригадами. «Хищники» выезжали на станции Ошитково, Раменское или Воскресенск. Там кондуктора сажали их на поезда, идущие к Москве. Во время движения поезда похититель цеплялся крюком с веревкой за крышу нужного вагона, спускался с крыши по веревке, вскрывал двери и выкидывал товар. А его сообщники подбирали и увозили украденное.

Если по сговору с охраной нужно было замаскировать следы вскрытия вагонов, то использовались несколько разных приемов. Во-первых, применяли поддельные щипцы для пломбирования вагонных дверей. Сорвав настоящую пломбу и похитив груз, преступники закрывали вагон и накладывали свою пломбу. Во-вторых, спиливали головку болта, крепившего накладку с пломбой, тогда дверь вагона открывалась без повреждения пломбы. После хищения болт заменяли новым, завинчивая его гайкой изнутри вагона. Потом вор вылезал через оконный люк, который закрывался с помощью подвешенного к нему с внутренней стороны груза. Снаружи такой вагон выглядел нетронутым. В-третьих, использовались специальные болты со съёмной винтовой шляпкой, которую завинчивали снаружи. Требовалось только заранее поставить эти болты в нужных вагонах до их загрузки и опломбирования.

Интересно, что больше всего похищали не потребительские товары, а промышленное сырье и полуфабрикаты — изделия и заготовки из металла (железа, чугуна, меди), хлопок, шерсть, красители (например, индиго). Видимо, это были легко реализуемые и выгодные товары. Сбывали их крупными оптовыми партиями. Промышленность в империи бурно развивалась, а масштабы железнодорожных хищений в Москве были таковы, что объем предлагавшегося краденного сырья мог заинтересовать не только мелких, но и достаточно крупных промышленников.

На втором месте по размерам хищений находились товары для мелкооптовой и розничной торговли — мануфактура, готовая одежда и обувь, предметы домашнего обихода, некоторые продовольственные товары — чай, сахар, шоколад.

С похитителями взаимодействовала целая многоуровневая сеть скупщиков краденного: украденный товар сбывали мелким скупщикам, у которых его приобретали средние скупщики, формировавшие крупные партии однородных товаров для скупщиков-оптовиков. Последние занимались только определенным видом товара, но зато скупали его в очень больших объемах. Они-то затем и перепродавали промышленникам.

Так, оптовики организовали регулярную поставку хлопка на лодзинские текстильные фабрики. Город Лодзь был одним из крупнейших центров текстильной промышленности Российской империи. Краденные хлопок и шерсть на складах скупщиков-оптовиков заново прессовались и переупаковывались. Делалось это в промышленных масштабах с использованием машинного оборудования. Затем хлопок в новой упаковке отправлялся через комиссионеров в Лодзь вагонами и целыми составами.

Дома вблизи Николаевской ветки и товарных станций были скуплены людьми, причастными к железнодорожным хищениям, и превращены в воровские притоны. Тут появилось множество лавочек и кабаков. В лавочках покупали и продавали краденный товар, а в кабаках «хищники» собирались, готовясь к грабёжам. Там же прокучивали добытые деньги.

Средние скупщики селились сами и строили свои склады в поселке в городской черте Москвы недалеко от станции Николаевка, который местные жители называли Котяшкиной деревней, и в пригородном Перове. Крупные оптовики

тоже имели там склады и предприятия, где перевешивали и переупаковывали скупленную добычу. Котяшкина деревня превратилась в неофициальную столицу железнодорожных «хищников».

В сговоре с ворами состояли многие официальные лица. В их числе были железнодорожники, чины жандармской железнодорожной полиции, служащие местных полицейских участков. Но главными «кураторами» этого преступного промысла стали сотрудники Московской сыскной полиции, то есть те, кто должен был раскрывать все эти хищения. Оказалось, что эта сфера деятельности сыщиков может давать крупные доходы. Поэтому Моисеенко назначил ответственными за нее своих доверенных людей — Ботнева и Степана Соллогуба. К этим делам были причастны их подручные — полицейские надзиратели и агенты, а также и некоторые классные чины МСП. Сыщики получали с воров и скупщиков регулярную дань, а также экстраординарные поборы в случае их поимки, обнаружения у них краденного имущества, незаконно хранимого оружия и просто «по мере надобности».

Судебные власти, не подчиненные московской администрации, пытались расследовать железнодорожные хищения. Судебный следователь 28-го участка г. Москвы А. Н. Бухман с 20 марта 1906 по 1 января 1907 года возбудил по этому поводу более 300 уголовных дел. Ни по одному из них расследование сколько-нибудь серьезно не продвинулось из-за саботажа сотрудников МСП.

Товарищ прокурора Московского окружного суда надворный советник М. М. Пузыревский писал об этом: «Необычайное и открытое развитие железнодорожных краж и сбыта, раскинутых по разным районам Москвы, должно было обратить на себя внимание МСП, — той полицейской организации, в которой сосредотачиваются и обобщаются сведения о совершенных в Москве преступлениях. Безразличное отношение СП к столь открытому хищничеству и совершенное отсутствие какой-либо деятельности ее в розысках хотя бы по одному из тех 300 дел о железнодорожных кражах <...> давало судебным властям совершенно определенные указания на попустительство со стороны чинов сыскной полиции. <...> Такое отношение агентов СП к делу выдающейся важности оставалось бы загадочным, если бы некоторые свидетельские показания не осветили хотя отчасти личную заинтересованность агентов в выгодах преступного предприятия, и в особенности — тех самых агентов Соллогуба

и Ботнева, которых усиленно рекомендовал для этого дела начальник СП Д. П. Мойсеенко»⁷⁶⁹.

Сотрудники сыскной полиции старались снять с себя ответственность за растущий размах железнодорожных хищений. Мойсеенко вместо объяснений по конкретным уголовным делам рапортовал градоначальнику Рейнботу о хищениях на железных дорогах «вообще». Он писал: «Я должен сказать несколько слов вообще о железнодорожных кражах. Кражи товаров из вагонов железных дорог обыкновенно совершаются в пути, то есть вне района Москвы, а потому обследовать эти преступления на местах СП совершенно не может, так как если бы Чины СП выезжали по таким делам из Москвы, то в последней совершенно не оставалось бы сыскных агентов. <...> По этому в деле раскрытия железнодорожных краж на местах работает местная жандармская поли-

Женщины-заклученные в тюремной камере. Фотография начала XX в.

ция, а СП в Москве ограничивает свои действия только принятием к сведению сообщений о кражах на линии, приступая к розыску только по получении своих агентурных сведений о скупщиках краденного товара, обнаружив который, ведет уже розыск воров и тех лиц и мест у кого этот товар похищен»⁷⁷⁰.

Начальник сыскальной полиции лжет, что большинство краж совершалось вне Москвы. В основном они происходили на Николаевской ветке и товарных станциях в черте города. Лжет он и о том, что расследование этих дел ведут жандармско-полицейские управления железных дорог. Жандармы в лучшем случае только пресекали застигнутые ими преступления и преследовали похитителей «по горячим следам». Расследований они не проводили. Тем более что притоны похитителей, места скупки краденного, склады скупщиков располагались вне подведомственной этим управлениям территории железнодорожных линий и станций, хотя и поблизости от нее.

Саботаж со стороны московских сыщиков был налицо. Но их поддерживал и прикрывал градоначальник Рейнбот. Он старался переложить ответственность с подчиненных ему полицейских подразделений на железнодорожников и жандармов, за которых он не отвечал. Можно сказать, с одной «больной головы» на другие такие же.

12 декабря 1906 года Рейнбот докладывал генерал-губернатору Гершельману о продолжающихся хищениях из товарных вагонов и нападениях на поезда: «Причем между лицами, непрестанно задерживаемыми с похищенным городовыми <...> фигурируют большею частью те самые служащие дороги, на которых именно лежит обязанность оберегать грузы. За семимесячный период одних только пойманных полицией с поличным было 30 человек, а обходы дают до 60 человек таких, которые занимаются заведомо кражами. 4 сего декабря городовые, высланные переодетыми в места грабежей, близ завода Гужона, снова были свидетелями, как толпа грабителей, на глазах у поездной прислуги, начала растаскивать чугун; служащие дороги отнеслись к этому вполне безучастно и никаких мер не приняли. Несколько грабителей было задержано городовыми с поличным»⁷⁷¹.

По поводу другого ограбления поезда Рейнбот сообщал следующее: «Все происшедшее видел дежурный по станции и все служащие из окна конторы станции “Москва-Товарная”. О постоянно совершающихся кражах грузов из

товарных вагонов на станциях “Николаевка”, “Митьково” и “Сокольники” этой линии уведомил меня также начальник Московского ЖПУ железных дорог Полковник Чернявский и просил об усилении полицейского надзора в местностях, прилегающих к этим станциям в пределах г. Москвы. Из этого уведомления усматривается, что только теперь Московским ЖПУ железных дорог приняты меры к охране товарных поездов...»⁷⁷²

Но что же могли сделать невооруженные железнодорожники против грабителей, если уж полиция бездействовала или имитировала борьбу с преступностью, задерживая нескольких мелких расхитителей и покрывая преступную деятельность остальных. Предложения же вооружить железнодорожных сторожей и кондукторов наталкивались на возражения со стороны полиции. Причем даже жандармское начальство было за такую меру, а московский градоначальник выступал против этого. Единственной более или менее действенной мерой по борьбе с железнодорожным хищничеством стало введение совместных патрулей, в состав которых входили станционные жандармские унтер-офицеры, солдаты войсковой охраны и железнодорожные сторожа.

25 сентября 1906 года состоялось совещание всех начальников жандармских управлений Московского узла «по принятию мер к прекращению дерзких краж и грабежей в районе железных дорог». 2 октября предложения жандармских начальников обсуждались на совещании представителей правлений железных дорог Московского узла. Общего согласия достигли лишь по одному предложению — о необходимости вооружить хотя бы «наиболее благонадежных» железнодорожных служащих, например, заведующих сторожами и старших сторожей на станциях, и по 3–4 кондуктора на каждый поезд.

В конце 1906 года стало известно о предстоящем снятии воинской охраны с полосы железных дорог. По этому поводу в МПС приняли решение о создании «охранной стражи для обслуживания казенных железных дорог Московского узла»⁷⁷³. В начале следующего года к этому решению присоединились и правления частных железных дорог. В соответствии с проектом предполагалось создание общей охранной стражи для 8 железных дорог Московского узла (казенных Северных, Курской, Брестской, Николаевской и частных Казанской, Виндавской, Киево-Воронежской и Рязано-Уральской). Организационно стража представляла бы собой автономную «ответственную артель», ее служа-

щие подчинялись не местным железнодорожным начальникам, а только своим руководителям. В целом организация несла ответственность за сохранность грузов перед правлениями дорог. Это охранное предприятие должно было состоять из двух частей: охранной стражи станций (994 человека) и поездных охранных бригад (678 человек). Набирать стражников предполагалось прямо в воинских частях при увольнении в запас солдат, выслуживших сроки действительной службы⁷⁷⁴. Чтобы достичь компромисса с полицейским начальством предлагалось, чтобы московский градоначальник участвовал в формировании стражи и мог убедиться в благонадежности набираемых туда людей. А стражники должны были проходить обучение при московском полицейском резерве.

Министр путей сообщения генерал-лейтенант Н. К. Шауфус обращался по поводу создания железнодорожной стражи к московскому генерал-губернатору С. К. Гершельману. Договориться не удалось: градоначальник Рейнбот категорически заявил, что «существование в пределах Высочайше вверенной ему столицы Москвы какой бы то ни было неподчиненной ему вооруженной стражи, он допустить не может»⁷⁷⁵. Рейнбот предпочитал, чтобы правления железных дорог выделяли бы в его распоряжение деньги, как это делали руководители московских банков. А он бы предоставлял им полицейских для охраны.

Проект создания общей железнодорожной стражи не был реализован. В дальнейшем на каждой железной дороге решали проблему охраны грузов и ценностей самостоятельно.

Полицейские войны — 2. Удар по «железнодорожной мафии»

С конца 1906 года в Москве вновь разгорелись острые конфликты между служащими правоохранительных органов. Теперь это были не поединки (типа «Рейнбот — Будберг» или «Рейнбот — Лунд»), а битвы «стенка на стенку»: С одной стороны — «Рейнбот, Моисеенко и К°», с другой — правоохранители, боровшиеся против коррупционеров.

Началось все внутри Московской сыскной полиции, когда некоторые сотрудники стали выражать недовольство деятельностью начальника МСП

Моисеенко. Но того надежно прикрывал градоначальник Рейнбот и по докладам Мойсеенко он увольнял оппозиционеров со службы. Так, из-за разногласий с начальником МСП был уволен сыскной чиновник коллежский регистратор Павел Андреевич Кельбедин. Получив отставку, он уехал из Москвы. Вскоре Кельбедин занял пост начальника Киевского сыского отделения.

Другой чиновник сыской полиции коллежский секретарь Василий Степанович Стефанов собрал большой материал по железнодорожным хищениям. Из материалов следовало, что преступные связи тянутся от «хищников» и скупщиков к сотрудникам полиции. Моисеенко отстранил Стефанова от ведения «железнодорожных» дел и передал их Ботневу и Степану Соллогубу. Расследование дел застопорилось. Поручения судебного следователя А. Н. Бухмана стали саботироваться.

Но тут в дело вступили новые силы. В Москву был назначен новый прокурор окружного суда коллежский советник В. Ф. Арнольд. К нему начали поступать жалобы на злоупотребления сотрудников МСП. Прокурор посетил управление сыской полиции и нашел, что там царят беспорядок и хаос. Он обратился к градоначальнику Рейнботу и просил ознакомить его с делопроизводством МСП. Но Рейнбот посчитал это грубым вторжением судебных властей в его сферу деятельности и отказал.

Прорыв произошел в марте 1907 года. Среди воров и скупщиков краденных железнодорожных грузов произошла ссора из-за дележа добычи. Двое из них, комиссионер Злобинский и рабочий Горелов, были так озлоблены «несправедливым» разделом, что 9 марта явились к следователю Бухману. Эти «защитники справедливости» дали показания, разоблачая своих поделщиков. Они раскрыли всю схему скупки и перепродажи похищенных грузов, назвали имена соучастников и адреса складов краденного.

В тот же день Бухман был у Арнольда. Они разработали целую операцию против «железнодорожной мафии». Градоначальство и сыскую полицию в известность об этом не поставили. 10 марта судебные следователи и представители прокурорского надзора, взяв наряды полиции в местных участках, провели обыски сразу по всему списку аدرسов в Москве. В сообщении от имени окружного суда о результатах операции говорилось следующее: «Почти все обыски дали значительные результаты. Были открыты целые склады хлопка;

машина для его прессования. <...> Большинство обвиняемых, уличенные найденным поличным <...> сознались в своем участии по сбыту краденного товара и дали многочисленные указания на лиц, бывших в сношении с ними по этому промыслу»⁷⁷⁶.

Сыщик Стефанов предложил судебным властям свое содействие и предоставил собранные им материалы. Арнольд настоял на том, чтобы Стефанову вновь поручили оперативную работу по железнодорожным хищениям. Моисеенко не смог этому помешать, но он добился, чтобы Ботнев и Степан Соллогуб участвовали во всех проводимых Стефановым действиях.

Стефанов и его помощник полицейский надзиратель Владимир Бишовец, пользуясь поддержкой правлений железных дорог, создали среди железнодорожников целую сеть своих агентов, способствовавших борьбе с хищениями. Среди воров и скупщиков началась паника, многие из них при задержании давали признательные показания.

Материалы расследования быстро разрастались. Его пришлось разделить на части и вести по нескольким направлениям. Первое — расследование деятельности крупных оптовых скупщиков, скупавших и перепродававших краденные грузы в промышленных масштабах. Скупкой металла занимались купцы Полтев и Красавцев; скупкой хлопка — Васильев, Игнатьев, Сабийон и тот же Красавцев; мануфактуру скупал «Торговый дом С. и Р. Членовых». В рамках этого направления рассматривалась и деятельность комиссионеров Закса и Гонского, наладивших регулярные поставки хлопка в Лодзь.

Второе направление — расследование хищений в районе Котяшкиной деревни и станции Николаевка. Здесь совершалась большая часть «железнодорожных» преступлений. Крупнейшим скупщиком тут был Гостев. У него в доме, по показаниям задержанных, часто бывали коррумпированные сотрудники уголовного сыска. Сюда им приносили деньги скупщики помельче.

Наружная полиция тоже собирала здесь свою мзду. Отвечавший за этот район околоточный надзиратель Цыбин даже поселился в Котяшкиной деревне, чтобы иметь постоянный надзор за исправным платежом дани своими подопечными. Следствие отмечало: «Лишь сочувствием многих членов полиции к этого рода промыслу может быть объяснено, что до сих пор деятельность воровской организации продолжается безпрепятственно, и винов-

ники краж обнаруживаются очень редко, как бы в виде исключения»⁷⁷⁷. По этому направлению привлекли к ответственности 6 скупщиков, вели дело еще о 12. Размах хищений значительно снизился.

Третье направление — расследование хищений на станции Сортировочная. Здесь привлекли к ответственности пять человек. Один из них дал признательные показания. Следствие получило «указание на прикосновенность к таким кражам одного из агентов дороги и унтер-офицера Гоголева»⁷⁷⁸.

Четвертое направление — расследование хищений на станции Перово. Привлекли к ответственности трех человек. Начали дело о скупщиках Арсеньеве и Корневе. Но следствие столкнулось с тем, что «свидетели явно опасаются давать определенные показания»⁷⁷⁹. Тут хищениям потворствовали станционные жандармские унтер-офицеры. Старший унтер-офицер станции Толин задерживал похитителей, но протоколов не составлял. Он брал с задержанных взятки и отпускал преступников. Со скупщиков Толин получал часть стоимости товара и даже сам участвовал в кражах. Однажды похитил из вагона мех и подбил им свою зимнюю одежду. Еще следствие отметило «немногочисленные преступные деяния» унтер-офицеров Волосюка и Александра, а также «единичные случаи нарушения служебного долга» унтер-офицерами Лаврухиным и Кормаковым⁷⁸⁰. Жандармское начальство убрало Толина с должности, но заменили его унтер-офицером Гоголевым со станции Сортировочная.

Пятое направление — расследование хищений на станции Товарная 1-я Ярославской железной дороги. Здесь розыск шел вяло. Был привлечен к ответственности лишь один рабочий, совершивший несколько краж.

Шестое направление — расследование ограблений поездов на Николаевской ветке. Следствие установило крупнейшую грабительскую шайку. Ее возглавлял известный полицейским профессиональный грабитель Шевченко. Его помощниками были Полежаев, Мужичков и Селиванов.

Седьмое направление — расследование преступлений шайки Жуковых. Следствие выяснило 18 участников шайки. Возглавлял ее Григорий Жуков. В основное ядро входили трое его сыновей, а также Шестаков, Дубинин и Галягин. Всех их взяли под стражу. Члены этой организованной преступной группировки занимались «выкидкой» грузов из поездов во время их движения.

Выброшенный товар увозили на подводах. Приобретали похищенное купцы Членовы и Зыбин. Участник шайки Сергей Жуков вместе с двумя неустановленными людьми 28 апреля 1907 года совершил убийство путевого сторожа Байкова, который не хотел сотрудничать с бандитами и изобличил главаря Григория Жукова⁷⁸¹.

К ответственности привлекли четырех кондукторов и одного путевого сторожа, содействовавших этой шайке. Оказалось, что «курировал» данную преступную группу лично Степан Соллогуб. Он часто бывал у Жуковых в гостях, его приглашали на крестины. Присутствовал он и при сговоре о продаже крупной партии похищенного товара между Жуковыми и купцом Членовым⁷⁸².

Многие люди, привлеченные к следствию, давали показания о том, что чины общей и сыскной полиции получали взятки от воров и скупщиков. Например, свидетель Епинатьев сообщил, что сыщики Ботнев и Кайнихин в его присутствии встречались в общественном саду в Перово с крупными «железнодорожными» ворами Парышевым, Юдиным и Строгановым. Там полицейские получили от Парышева 200 рублей, а от Строганова — 150 рублей⁷⁸³. Обвиняемый Городецкий, владелец склада краденного хлопка, испугавшись начавшегося расследования, хотел прекратить свою деятельность. Он показал на допросе, что Ботнев убеждал его «не бросать этого дела, без боязни покупать краденное, но непременно срывать тару и перепаковывать шерсть и хлопок»⁷⁸⁴. Обвиняемые называли и других сотрудников МСП, получавших от них деньги. Начальник сыскной полиции Моисеенко почувствовал, что «запахло паленым».

17 июля 1907 года Стефанов в присутствии надзирателя Бишовца и Степана Соллогуба производил допрос обвиняемого Павла Зыбина. Тот признался, что скупал у непосредственных исполнителей хищений добытые ими товары. А затем добавил, что есть много более крупных скупщиков краденного. На предложение назвать их Зыбин ответил, кивнув на Соллогуба: «Вот спросите у Степана Николаевича, он все знает». Соллогуб тут же бросился в кабинет Моисеенко и начальник МСП распорядился прервать допрос. Протокол остался недописанным и позже в таком виде был приобщен к делу судебным следователем⁷⁸⁵. В тот же день Стефанова вызвал к себе градоначальник Рейнбот и пригрозил высылкой из Москвы, если он будет продолжать

«якшаться с прокурорской властью» и давать ее представителям сведения по «железнодорожному делу»⁷⁸⁶.

Следователь Бухман добился отстранения Ботнева и Степана Соллогуба от ведения дел по железнодорожным хищениям. Тогда начальник МСП Моисеенко передал эти дела своему помощнику Е. В. Дещинскому. «Судебный Следователь должен был убедиться, что ни ему, ни агенту Стефанову нельзя рассчитывать на содействие Дещинского и вообще Управления сыскной полиции. <...> Стефанов лично передавал Судебному Следователю, что начальник СП неоднократно приказывал ему не производить ни обысков у заподозренных, ни арестов их, а ограничивать свою деятельность только ответами на письменные запросы Судебного Следователя»⁷⁸⁷.

Но Стефанов, Бишовец, Бухман и Арнольд продолжали разгром «железнодорожной мафии». При этом надо отметить, что они не вели специального расследования должностных преступлений служащих полиции. Исключением было дело, начатое против околоточного надзирателя Цыбина из Котяшкиной деревни. В остальном велось выяснение деятельности «хищников» и скупщиков, а все материалы о коррупции среди полицейских были лишь косвенным результатом расследований фактов хищений.

Моисеенко подавал градоначальнику рапорты, компрометирующие Стефанова. В итоге Рейнбот уволил Стефанова со службы, против него и Бишовца сфабриковали уголовное дело с обвинением в злоупотреблениях по службе.

Бухман вынужден был констатировать, что расследование заглохло. «С этого времени участие СП в розысках по настоящему делу совершенно прекращается <...> ни одно из письменно данных следствием поручений не исполнено. <...> Со времени устранения агента Стефанова от сыскной деятельности, следствие едва продвинулось. Мало того, некоторые из обвиняемых, ранее сознавшихся, теперь из самого факта увольнения этого деятельного агента заключили, что отношение власти к их преступной деятельности вновь переменялось в их пользу, и не только отказываются от своих прежних показаний, но уже возобновляют и свою прерванную деятельность по барышничеству краденными грузами»⁷⁸⁸.

Следователь провел поголовный опрос 200 железнодорожных кондукторов. Из них 190 человек отказались давать показания. «Причину явного уклонения от показаний нужно видеть в боязни неприятных воздействий со стороны

лиц, заинтересованных в том, чтобы истина оставалась скрытой от судебной власти»⁷⁸⁹. И эти опасения не были напрасными. Свидетеля Епинатьева коррумпированные полицейские задержали. Его приговорили к административной высылке из Москвы.

Итак, Стефанов и Бишовец попали под следствие. Арнольд и Бухман оказались в тупике. «Железнодорожная мафия» начала возрождаться. Рейнбот, Моисеенко, Ботнев и Степан Соллогуб остались на своих должностях и продолжили заниматься преступными делами. Их авторитет в глазах окружающих укрепился. Схватка закончилась полной победой коррупционеров.

Но вскоре выяснилось, что это был лишь первый раунд.

«К нам едет ревизор!»

Волны, поднятые скандалом в Московском градоначальстве, скрыть уже было невозможно. Расходясь во все стороны, они дошли и до столичного Санкт-Петербурга. Руководство Департамента полиции и МВД обеспокоилось происходящими в московской полиции беспорядками.

21 сентября 1907 года Рейнбот доложил директору Департамента полиции: «При моем представлении Господину министру ВД в г. Санкт-Петербурге, Его Высокопревосходительство изволили мне указать, что деятельность чинов подведомственной мне Московской сыскной полиции стоит далеко не на должной высоте и что начальник СП, надворный советник Мойсеенко, допускает крупные злоупотребления»⁷⁹⁰. Московский градоначальник заявляет, что не получал об этом сведений ни от Департамента полиции, ни от прокурора Московской судебной палаты действительного статского советника К. К. Александрова-Дольника. (Письменных сообщений от прокурора Московского окружного суда В. Ф. Арнольда ему, видимо, было недостаточно.)

Осенью 1907 года Департамент полиции и МВД направили в Москву одну за другой две ревизии для проверки деятельности МСП. Обе подтвердили наличие множества злоупотреблений в этом учреждении. Однако Рейнбот продолжал прикрывать своего ставленника Моисеенко, а значит, и самого себя тоже. Никто из коррумпированных служащих сыскной полиции не был отстранен от службы.

Однако Моисеенко, успевший ранее уверовать в свою безнаказанность, теперь был здорово напуган. Можно сказать, что он совсем потерял от страха голову. В рапорте градоначальнику от 5 ноября начальник МСП привел свои оправдания по поводу выводов, сделанных ревизорами, но его слова звучат нелепо и наивно. Словно это оправдывается 10-летний ребенок, а не человек давно уже служащий в уголовном розыске, имеющий штаб-офицерский чин и недавно награжденный орденом «за выдающиеся заслуги».

Смысл оправданий Моисеенко состоит в следующем. Во-первых, Стефанов его оклеветал и сам подстроил все нарушения. Во-вторых, ревизоры неправильно провели проверку. Они, по мнению начальника МСП, должны были выявить «проколы» уволенного Стефанова, а не злоупотребления действующих сотрудников сыскной полиции. В-третьих, если какие-то злоупотребления и были, то «это относилось к прежнему времени, когда Начальниками СП были г.г. Лебедев и Войлошников»⁷⁹¹. Иными словами: «На меня наврали злые дядьки. Это другие плохие мальчишки набезобразничали. А когда я пришел, все уже так и было».

Моисеенко жаловался градоначальнику на чиновников ревизионной комиссии. «Они без всякого разбора забрали часть бумаг находившихся на моем письменном столе и в шкафу, а также на столах и в ящиках столов чиновника Ботнева и Делопроизводителя Лелюхина. <...> Произведенное таким образом расследование было весьма односторонне и в нем отчетливо проглядывала тенденция — во что бы то ни стало подтвердить сделанные на меня г. Стефановым доносы, скомпрометировать деятельность СП и оправдать деятельность уволенного ныне Чиновника Стефанова, причем комиссия [так в документе. — А. III.] совершенно не обращала никакого внимания на указания пробелов в деятельности чиновника Стефанова»⁷⁹².

Начальник МСП утверждает, что Стефанов (видимо, еще находясь на службе) тайно брал «без всякой росписки» наряд дел о железнодорожных кражах и «умышленно вырывал» оттуда листы. А затем сообщил номера вырванных им документов ревизорам. Те потребовали представить соответствующие документы. Сотрудники сыскной полиции не смогли этого сделать. Это дало ревизорам повод сообщить о подтасовке служебных документов в МСП⁷⁹³.

Моисеенко поступил подло, «облив грязью» своих предшественников на посту главы МСП. При том, что Войлошников трагически погиб от рук экстремистов, а Лебедев же был величайшим сыщиком Российской империи, создателем системы всероссийского уголовного розыска и инициатором внедрения в России научной криминалистики (тогда ее забавно называли научной полицией). Ну, так чего же ждать от подлеца Моисеенко, если не подлости?

Но начальник МСП еще и допустил грубую ошибку. Пытаясь оправдаться, он обвинил в злоупотреблениях старших чиновников Департамента полиции и МВД. Ведь Лебедев в то время служил в департаменте и с 1908 года возглавил его 8-е делопроизводство, то есть центральный орган уголовного розыска в империи. А проводивший ревизию МСП надворный советник В. А. Дьяченко был чиновником особых поручений при министре внутренних дел. Такие обвинения положения Моисеенко не улучшали, скорее наоборот.

Градоначальник Рейнбот головы не терял. Он даже не пытался использовать рапорт Моисеенко для оправданий. Свою защиту и защиту своих подручных генерал выстраивал умно и хитро. Аргументы использовал совсем другие. Он фактически предлагал вышестоящим инстанциям сделку: вы закрываете глаза на злоупотребления своих верных слуг, а мы здесь гасим скандал и продолжаем вам верно служить.

Были ли злоупотребления в полиции? Да, конечно, были — признает Рейнбот. Ну, так без этого же никак не обойтись на полицейской службе. Но ведь нам-то можно. Мы ведь для вас свои. Мы ведь государство от злодеев защищаем. Все нарушения для пользы дела были. Он, как всегда, на революцию ссылается. Намекает, что это он и его подручные революционное движение в Москве задушили. А для этого руки пришлось испачкать не только в крови, но и в грязи, а то и в чем похуже. Зато эти люди — опора императорского трона. Их беречь надо. И не раздувать скандал из-за каких-то нарушений. А то, что они при этом вымазались по уши, так лучше закрыть на это глаза, да и носы заткнуть.

Рейнбот уведомляет, что получил от Арнольда, в бытность того прокурором окружного суда, письмо «с изложением целого ряда упущений в деятельности чинов СП, из числа которых некоторые носят как бы характер преступлений по службе»⁷⁹⁴. Тут стиль текста говорит сам за себя: упущения, которые

носят как бы характер преступлений. То есть одни и те же деяния можно считать преступлениями, а можно — упущениями. В данном случае, для «своих людей», будем считать это упущениями. Разберемся «как следует», накажем «кого попало», и все опять будет тихо и мирно. И не надо сгущать краски, как это делают некоторые. «Вникая внимательно в существо приведенных г. прокурором против г. Мойсеенко обвинений, я не могу не отметить характера крайнего раздражения, которым проникнуто письмо, придающее большинству фактов совершенно иную окраску в сравнении с тем, как некоторые известные мне из этих фактов представлялись мне при моем непосредственном наблюдении за ходом работы Сыскной полиции»⁷⁹⁵.

Сыщики покрывали преступников и сотрудничали с ними? Ну так это нормально. «...Правильная постановка и развитие сыска вызывает иногда необходимость некоторого компромисса между сыскными агентами и некоторыми преступниками (агентура Сыскной полиции), что, конечно, с точки зрения прокуратуры недопустимо»⁷⁹⁶.

С точки зрения прокуратуры недопустимым являлось нарушение законов служащими полиции. У Рейнбота была другая точка зрения. Не зря же за ним еще со времен службы в Финляндии тянулось незакрытое уголовное дело о коррупции. Но ведь это не помешало ему стать казанским губернатором, а затем — московским градоначальником. Значит, считал он, высшие власти его точку зрения разделяют.

Оказалось, что не всегда так. К этому времени начали «вылезать» наружу многочисленные нарушения в разных подразделениях Московского градоначальства. Терпение высшей власти лопнуло. В январе 1908 года в Москву была направлена сенаторская ревизия, которая должна была проверить, что же там делается во всех учреждениях административного управления Первопрестольной.

Возглавлял ревизию сенатор и тайный советник Н. П. Гарин. Это был не просто один из множества сенаторов, а человек близкий к императорскому престолу. Ранее он состоял делопроизводителем и помощником при генерале Д. Ф. Трепове. А тот исполнял роль главного советника Николая II по внутриполитическим вопросам. Значит, глава ревизионной комиссии являлся доверенным лицом царя. Кроме того, в 1905 году Гарин несколько месяцев воз-

главлял Департамент полиции и хорошо представлял себе полицейскую работу.

Полномочия, предоставленные Гарину, в прессе называли диктаторскими. По его приказам проводились обыски, аресты, допросы. Помощники Гарина «распотрошили» все учреждения Московского градоначальства. Нарушений законности выявили множество. Коррупционеры градом посыпались со своих постов.

Ревизией МСП занимался действительный статский советник Н. В. Хлебников. По результатам проверки были сняты с должностей около 80 % сотрудников этого ведомства, то есть сам Моисеенко, его ближайшие «соратники» и почти все, кого он принял на службу. Против пяти человек возбудили уголовные дела. Это были сам Моисеенко, сыскные чиновники Гавриил Ботнев и Василий Кайнихин, помощник делопроизводителя Степан Соллогуб, полицейский надзиратель Василий Марковкин. Странно, но судебного преследования избежал помощник начальника МСП Евстафий Дещинский. Он был признан психически больным. Когда следствие по делу Моисеенко закончилось, выяснилось, что и этого «оборотня» нельзя отдать под суд по той же причине. Получается, что А. А. Рейнботом руководить московским розыском были поставлены два полусумасшедших человека. А потрясения, которые они испытывали во время ревизии и отстранения от службы, окончательно их доконали. Умел же Анатолий Анатольевич подбирать начальников подразделений!

7 февраля 1908 года император «Всемиловнейше соизволил» назначить новым московским градоначальником военного судью Санкт-Петербургского военно-окружного суда генерал-майора А. А. Адрианова. На следующий день министр внутренних дел П. А. Столыпин сообщил об этом московскому генерал-губернатору С. К. Гершельману. 14 февраля это решение было оформлено приказом по Военному ведомству, а 16 февраля его опубликовали в «Правительственном вестнике»⁷⁹⁷.

МСП временно возглавил чиновник охранного отделения Григорий Васильевич Воеводин, а 8 апреля 1908 года на эту должность был назначен легендарный сыщик Аркадий Францевич Кошко. Его перевели сюда с должности помощника начальника Санкт-Петербургской сыскной полиции. Кошко пришлось фактически создавать МСП заново.

Полицейские войны — 3. Мафия бессмертна?

Министр внутренних дел П. А. Столыпин затребовал себе на рассмотрение дело по обвинению Стефанова и Бишовца в совершении преступлений. После этого, по соглашению МВД и прокурорского надзора, дело было закрыто.

Стефанову предоставили место чиновника канцелярии петербургского градоначальника, а затем откомандировали в распоряжение Московского окружного суда для завершения разгрома «железнодорожной мафии». Он занялся этим делом очень активно. Но тут и «армия тьмы» неожиданно получила подкрепление. К ней присоединились «тяжелая кавалерия» жандармов из Московского охранного отделения и «ополчение» черносотенцев.

По версии, изложенной в документах Московского охранного отделения, дело происходило так. 26 июня 1908 года к помощнику начальника охранного

Молебн перед закладкой Московского городского народного университета имени А. Л. Шанявского. В первом ряду второй слева — Н. И. Гучков, затем В. Ф. Джунковский, А. А. Адрианов. Фотография 1910-х

отделения ротмистру В. А. Колоколову явился некий Василий Орлов. Он отрекомендовался как «Председатель Мариинского отделения Союза Русского Народа, член Всенародного Русского Союза, Учредитель Общества Русских патриотов, Старшина Союза Русских людей».

Так вот. Этот председатель, учредитель, член и старшина сделал заявление, что «Стефанов изыскивает средства к опорочиванию деятельности чинов МОО, в т. ч. начальника Подполковника фон Котен. <...> Стефановым при помощи целого ряда показаний явно порочных лиц, собраны данные о том, что Охранное Отделение поддерживало тесную связь с участниками вооруженных грабежей, а в одном случае сам Начальник отделения Подполковник фон Котен принимал участие, выразившееся в руководстве действиями грабителей»⁷⁹⁸. Орлов сослался на то, что получил сведения от подпоручика Козловского, бывшего адъютанта московского генерал-губернатора.

На следующий день пришел «член-секретарь отдела Союза Русского народа» Николай Бабинок. Он подал два заявления. В первом говорилось, что «Стефановым передан Прокурору Московского окружного суда протокол, в коем изложены сведения об участии начальника Охранного Отделения и некоторых подведомственных агентов в вооруженных грабежах». Во втором Бабинок «изложил сведения, компрометирующие степень политической благонадежности чиновника Стефанова»⁷⁹⁹.

28 июня «по собственному почину» в отделение прибыл подпоручик Евдоким Козловский. Он некоторое время работал вместе со Стефановым по сбору сведений, требуемых для сенаторской ревизии. Козловский подтвердил, что Стефанов собрал и передал прокурору окружного суда следующие сведения: «1) о том, что Начальником отделения Подполковником фон-Котен с провокационной целью были подсланы на митинг при станции Лосиный Остров две девицы с бомбами; <...> 2) что во время <...> ограбления денег фон-Мекковской биржевой артели руководил лично Начальник Отделения; 3) что в бывшей в г. Кашире вооруженной экспроприации принимало участие и Охранное отделение — все подробности этого грабежа заранее были известны Отделению, которое могло его предупредить и не было бы пострадавших; 4) что неудачное покушение на вооруженный грабеж молочной Бландова состоялось из-за того, что Охранным Отделением были розданы негодные револьверы

и что попытка на грабеж была осуществлена без ведома Начальника Отделения; 5) что в хозяйственном отношении чинами Отделения совершаются масса злоупотреблений, в особенности при выдаче наградных, суточных денег»⁸⁰⁰.

Козловский указал двух свидетелей, от которых он получил свои сведения. Это были железнодорожные сторожа Василий Форопонтов и Григорий Давыдов. Ротмистр Колоколов вызвал обоих и опросил их. Но Форопонтов и Давыдов показания Козловского подтвердить не смогли, так как толком ничего не знали об указанных делах. «Они не дали детально подтверждающих сведений, но указали, что Стефанов собирал сведения о деятельности чинов ОО через своих агентов Шапкина, Жданова, Шамина, Пахомова». Оба опрашиваемых просили принять их на службу в отделение. Но Колоколов ответил, что вакансий нет.

Итак, Орлов сослался на Козловского, тот — на двух железнодорожников. Железнодорожники ничего показать не смогли. Оставался еще Бабинок. Но и тут ротмистра ждало разочарование. Бабинок был конторщиком станции Сортировочная, членом-секретарем черносотенной организации и участником железнодорожных хищений. В ходе расследования Стефанов и агент правления Московско-Казанской железной дороги Климов «ухватили за хвост» Бабинка и других черносотенцев-хищников Давыдова и Форопонтова (Бабинок называет его Форофоновым). Испугавшись, «член-секретарь» кинулся за помощью к своему черносотенному руководителю Орлову. А тот понял, что собственных сил для борьбы со Стефановым ему не хватит, и решил привлечь на помощь политическую полицию. Должна же она защищать «верных слуг царя».

Бабинок охотно давал ротмистру Колоколову показания уже и об уголовных преступлениях Стефанова и Климова. Но сам конторщик их свидетелем не являлся. По его словам, ему об этих преступлениях сообщили другие люди. Понятно, что при опросах эти люди от всего «открестились». Неугомонный конторщик отправил жандармам еще два послания. Одно — начальнику охранного отделения, другое — начальнику Коломенского отделения Московского ЖПУЖД. Бабинок озаглавил их «донесения», как будто являлся сотрудником политической полиции. Похоже, он уже так и считал.

В первом донесении говорилось: «Стражник Миронов Сортировочной команды Казанской железной дороги рассказал весовщику оной станции Летунову, что в июне 1908 г. агентом Правления Казанской железной дороги Климовым, который назывался помощником Стефанова совершено убийство в деревне Перово неизвестного человека по подозрению, что у него имеются щипцы железнодорожные для накладывания пломб»⁸⁰¹. Далее Бабинок, якобы со слов Летунова, указывает, что в убийстве участвовали «Моргунов Иван, Рябцев Петр, агент Стефанова, ныне не служит, Яненко Сергей Яковлев, начальник узла Казанской железной дороги, Новоселов смотритель зданий Казанской железной дороги и 6-й неизвестный». Затем оказывается, что Моргунов пригласил Летунова участвовать в облаве на подозреваемого. Они приехали в Перово. Летунов получил револьвер от Климова. Но когда стемнело и все двинулись на облаву, Летунов с ними не пошел, а уехал в Москву. На следующий день поддежурный станции Сортировочная Бобров сказал ему, что в Перово нашли убитого человека. И Летунов решил, что «это должно быть тот, на которого прошлой ночью охотились».

Вопросов после такого донесения возникает уйма. Кто же все-таки рассказал Летунову об убийстве — Миронов или Бобров? Зачем Летунов сначала поехал на облаву, а потом не стал в ней участвовать? Почему облавщики так легко его отпустили, даже не забрав револьвер? Где теперь этот револьвер? Почему Летунов решил, что убили именно того человека и именно названные им люди? Зачем Летунов вместо того, чтобы идти в полицию, рассказывает о преступлении окружающим, рискуя пострадать от рук убийц? Впрочем вся эта изложенная Бабинком белиберда все равно не нашла подтверждений.

Во втором донесении «член-секретарь», ссылаясь на слова Летунова, говорит уже о трех других уголовных преступлениях, совершенных Стефановым с «его людьми». Во-первых, конторщик заявил, что Стефанов убил опять-таки «неизвестного человека», участвуя в облаве вместе с восемью своими агентами. Возможно, речь тут идет об уже упомянутом случае. Но теперь утверждалось, что убийцами руководил лично Стефанов, да и состав участников происшествия несколько изменился. Во-вторых, Стефанов якобы хотел занять пост начальника МСП и поэтому подкупил «одного человека», чтобы тот убил

занимавшего это место Кошко. В-третьих, кровожадный Стефанов, по словам Бабинка, «ограничил одну женщину». Затем Бабинок «поясняет»: «Эта женщина почему то была опасна для Стефанова, поэтому они ее завели в дом Карякина. Сняли с нее драгоценности. Грабили Пахомов, Жданов Андрей, Мачалин, Рябцев Алексей и Данила. Что сделали с ней никто не знает, но женщины той совсем не существует. Яненко заходил в дом, спрашивал Климова. Видел женщину. Участвовал и Моргунов. Тогда Стефанов, дабы никто не проник в тайну, выгнал некоторых агентов, выгнал и офицера Козловского»⁸⁰².

Письменные показания Бабинка настолько путанные и противоречивые, что выстроить из них последовательную картину практически невозможно. Так мог бы излагать дело пьяный человек. Наверное, устные его показания были еще запутанней. Как Бабинок при этом работал конторщиком и служил секретарем черносотенной организации?

Ротмистр Колоколов быстро понял, что все это пустые слова и вменить Стефанову уголовные преступления не удастся. Он не стал тратить время и силы на это. Но тем не менее ротмистр решил подать градоначальнику Адрианову репорт, компрометирующий Стефанова.

Тут интересно вот что. Ни Стефанов, ни прокурор Арнольд не выдвигали никаких обвинений против охранного отделения. Это ведь только черносотенцы заявили такое. И с ними-то все понятно. Им грозила расплата за участие в хищениях. А чего вдруг жандармские офицеры забеспокоились? Почему кинулись заранее оправдываться перед вышестоящим начальством и компрометировать мнимых врагов, если обвинений еще не было? Зачем руководителям охранного отделения понадобилась такая превентивная защита? Возникает мысль: может «рыльце было в пуху»?

Тогда выходит, что черносотенцы умно и точно все рассчитали. Они знали, что Московское охранное отделение занимается провокациями для создания видимости своей успешной работы. Дать такую информацию мог подпоручик Козловский. Ведь неслучайно начальник охранного отделения предоставил градоначальнику свои опровержения именно по тем пяти обвинениям, которые Козловский изложил в своем заявлении в МОО. Черносотенцы просто шантажировали жандармов, прося их помочь устранить Стефанова. И жандармы пошли на это.

Начальник охранного отделения подполковник фон Котен написал доклад со своими объяснениями. Хотя, собственно говоря, ничего он там не объясняет.

По первому пункту (о двух «девицах с бомбами», отправленных на митинг) фон Котен говорит, что девицы эти ранее предлагали свои услуги в качестве тайных сотрудниц, будучи подосланными от организации анархистов-коммунистов. О том, приняли ли их на службу в отделение, он хитро умалчивает, оставляя себе возможность маневра. Умалчивает он и о том, что начальником МОО в то время был еще Климович, который теперь стал помощником градоначальника и «правой рукой» Адрианова, плохо знавшего Москву и здешних людей. Это тоже шантаж и просьба о помощи.

По второму и третьему пунктам (попыток экспроприации денег фон-Мекковской артели и грабежа в Кашире) подполковник говорит, что провокаций там не было и быть не могло. По четвертому пункту (неудавшееся ограбление молочной Бландова) начальник отделения отвечает, что ему вообще ничего о таком событии неизвестно. А по пятому пункту (злоупотребления по финансовой части) заявляет, что тут в отделении все всегда в порядке⁸⁰³.

Иначе говоря, по каждому пункту фон Котен просто отвечает: «Мы этого не делали». Зачем было вообще такой доклад писать? Поставил бы на заявлении Козловского резолюцию: «В отделении все хорошо. Любые обвинения — это клевета».

Ротмистр Колоколов приложил к своему рапорту градоначальнику и доклад фон Котена, и бабинковские «донесения». Но он и сам понимал, что это «пустые бумажки». За исклю-

Шествие сторонников Союза русского народа. Фотография 1910-х

чением намека Климовичу, в них не было ничего полезного для дела. Главными документами стали два прошения на имя градоначальника, полученные Колоколовым от того же конторщика Бабинка и от крестьянина Аносова. Там содержались обвинения по адресу Стефанова в политической неблагонадежности. Причем Колоколов сообщал, что сам провел проверку и пришел к выводу о необходимости доложить обо всем градоначальнику.

Прошение Бабинка столь колоритно, что его стоит привести почти целиком, лишь с небольшими купюрами.

«Чиновник канцелярии Петербургского градоначальника Василий Степанович Стефанов, прикомандированный в распоряжение прокурора Московского окружного суда положительно не дает мне покою и сам не знаю, что ему от меня нужно и его агентам. <...> Заставляет меня силою давать ему сведения о кражах на железной дороге. <...> Я раньше действительно сотрудничал у Стефанова и Климова с 19 марта 1908 года по 15–19 июня, а так как Стефанов не возвратил мне истраченных мною денег и в виду того, что Стефанов окружил себя революционно-воровской шайкой, я оставил сотрудничество у Стефанова, а у Стефанова, чуть ли не каждый день играли революционные песни.

Стефанов не заплатил и другим своим бывшим агентам. Заявил: денег я не отдам, а всех бывших агентов сотру с лица земли. <...> А именно им написан ложный протокол на двух стражников Казанской железной дороги Григория Давыдова и Василия Форофонова, которые сотрудничали у Стефанова.

Железнодорожная сыскная полиция ненавидит всех монархистов, а Стефанов заявил: мною, то есть Стефановым посеяна страшная агитация в Московском отделении Союза русского народа. Агентами Стефанова совершены два злодейских убийства, одно под предводительством Стефанова на станции Люберцы Казанской железной дороги, а другое, как ходят слухи, на станции Перово <...> под предводительством Климова.

Климов изложил кощунственную песнь на служителей церкви Христовой, называя Святейший Правительствующий Синод плутом, а Московского митрополита Владимира вором; «всех монархистов нужно будет передушить» заявил Климов <...> мне, как монархисту совершенно нет нигде спасения от

революционно-воровской железнодорожной сыскной полиции, ищут души моей, боясь, чтобы я их не выдал правительству. <...>

Покорнейше прошу Ваше Превосходительство защитить меня от Стефанова и его агентов. Я не могу служить Стефанову, как врагу царя нашего батюшки и нашей родины. Горе мне. Я погибаю. Стефанов со своими революционерами не дает жить. Спасите меня от Стефанова. Они страшные преступники. Я боюсь ходить даже на службу. Стефанов довел меня до болезни, а лечиться нет никаких средств, так как Стефанов высосал из меня все медные гроши и силы. 27 августа 1908 года Николай Семенов Бабинок»⁸⁰⁴.

Это прошение заметно отличается по форме и по содержанию от предыдущих донесений Бабинка. Он явно писал его при помощи Колоколова.

На основании таких документов московский градоначальник Адрианов решил, что Стефанов и Арнольд развязали войну против верных слуг престола, «копают» под политическую полицию и подрывают устои самодержавия. Он принял сторону охранного отделения.

2 сентября 1908 года Адрианов отправил доклад генерал-губернатору Гершельману. Там говорилось, что Московское охранное отделение получило «агентурные сведения» (то есть заявления Орлова, Козловского и Бабинка) о попытках «опорочения деятельности чинов этого отделения» со стороны Стефанова. «Проведенною <...> совершенно секретною проверкою выяснилось, что чиновник Стефанов действительно собирал сведения о деятельности чинов Охранного Отделения чрез своих агентов — лиц незаслуживающих доверия, ни в нравственном, ни в политическом отношении; что собранный материал чиновником Стефановым изложен в виде протоколов, каковые <...> переданы прокурору Московского окружного суда В. Ф. Арнольду, являющемуся <...> человеком “крайне либерального направления” и относящемуся к чиновнику Стефанову с особым покровительством, хотя последний в политическом отношении является неблагонадежным лицом»⁸⁰⁵.

Получив такое представление, генерал-губернатор добился того, чтобы Стефанова отозвали. Арнольда перевели из Москвы в Варшаву на должность товарища прокурора судебной палаты. В знак протеста он подал в отставку.

Политическая полиция спасла «хищников».

«Бомбические девицы» и другие провокации

В деле со Стефановым руководители московской политической полиции опасались, что их обвинят в провоцировании революционеров на совершение экстремистских действий. Успешно пресекая или раскрывая такие действия можно было создать видимость своей успешной работы.

Но занималось ли в действительности Московское охранное отделение этим? А почему бы и нет? Центральная политическая полиция империи постоянно использовала провокации и часто «вляпывалась» в скандалы, связанные с провокаторами. Под руководством провокатора Евно Азефа боевая организация эсеров совершила множество покушений на высших сановников империи. В том числе боевики убили дядю императора — великого князя Сергея Александровича.

В сентябре 1911 года в Киеве террористом был смертельно ранен премьер-министр и министр внутренних дел Столыпин. Сделал это Дмитрий Богров, член анархистской организации и провокатор политической полиции. Покушение произошло в театре на закрытом, тщательно охраняемом мероприятии. Казалось бы, проникнуть туда подозрительному, непроверенному человеку невозможно. Но Богров получил проходной билет от своего «куратора» — начальника местного охранного отделения. Без помощи политической полиции это покушение не состоялось бы.

Первый департамент Государственного совета, рассмотрев это дело, признал виновными четырех старших офицеров жандармерии и полиции. Но суда над ними не допустил император Николай II. Он приказал дело об организаторах провокации прекратить «без всяких для них последствий»⁸⁰⁶.

Так отчего же не провоцировать и московской политической полиции?

Пресечение попытки ограбления фон-Мекковской артели было подано как блестящая операция Московского охранного отделения. За это старшие чины данного подразделения получили высокие ордена. А правление железной дороги выделило им премию в 5 тысяч рублей.

Но «темные места» в деле есть. Руководители отделения заранее знали точное время и место предстоящей экспроприации, поэтому имели возможность подготовиться. Они сосредоточили в засаде три с лишним десятка жандармов

и полицейских для уничтожения или поимки девятых боевиков (соотношение сил 4:1). Экспроприаторы оказались на открытом месте под прицелом правоохранителей. И при этом боевикам оставили путь отхода, воспользовавшись которым, двое из них скрылись. Через несколько месяцев одного из сбежавших экспроприаторов случайно задержали. Но, по заявлению фон Котена, «изобличить его не удалось». Похоже, что это и был провокатор охранного отделения. Если провокация была, и оружие боевикам предоставили жандармы, то становится понятно, почему их бомбы не сработали во время боестолкновения. Вопрос о том, имела ли здесь место провокация, так и не был расследован.

А вот в деле «бомбических девиц» провокация была точно установлена.

Случилось это летом 1906 года. Тогда МОО руководил Климович. Сотрудникам отделения удалось завербовать двух 18-летних девушек, Александру Богданову и Александру Новикову, и внедрить их в группу революционных экспроприаторов. У Новиковой был брат Константин, который являлся активным боевиком и участвовал в Декабрьском вооруженном восстании. Поэтому экстремисты доверяли девушкам. На квартире у них боевики хранили взрывчатку и нелегальную литературу. Полиция этому не мешала⁸⁰⁷.

Во время сходки революционеров вблизи станции Лосиноостровская, полиция задержала участников. У девушек обнаружили взрывчатку. Всех арестовали. Но Богданову и Новикову через два дня выпустили. Остававшимся на воле боевикам они сказали, что их выпустили из-за отсутствия улик. Среди арестованных был и Константин Новиков. Он сумел передать соратникам письмо, в котором известил о провокаторстве девушек.

Последующие события Александра Новикова описывала так: «После этого письма организация пришла к нам на квартиру в лице “Горбоноса”, “Херувима”, “Трека” и “Черненького”. Пришедшие к нам заявили, что мы открыты, что организация присудила нас к смертной казни, если только мы не исполним то, что они нам скажут; после чего они заявили, что мы должны поставить в охранное отделение “адскую машину”. Мы отвечали, что пронести машину невозможно <...> но пришедшие настаивали на своем и даже угрожали немедленной смертью, после чего мы согласились»⁸⁰⁸.

15 июня 1906 года Богданова и Новикова пришли в здание Московского охранного отделения. Их принял курировавший этих агентс жандармский

ротмистр Козлов. Они потребовали немедленной встречи с начальником отделения Климовичем под предлогом чрезвычайно важного и срочного сообщения, касающегося его лично. Пока Козлов ходил к Климовичу, девушки установили в шкафу бомбу с часовым механизмом. Климовичу они сообщили, что вечером того дня на него будет совершено покушение. По их словам, экстремисты приготовили для этого три бомбы, которые хранятся в слесарной мастерской по Ново-Ярославскому переулку.

Через некоторое время после ухода девушек в комнате, где произошел разговор, раздался хлопок, запахло горящими химикатами и вспыхнул пожар. Погасив огонь, сотрудники обнаружили не сдетонировавшую бомбу. Вместо взрыва произошло возгорание. Иначе пришлось бы строить для охранного отделения новое здание и набирать новый персонал. Перевербованных агентесс попытались задержать, но они успели скрыться. По указанному ими адресу ни слесарной мастерской, ни бомб не нашли. Через пять недель все-таки задержали Богданову, почему-то переодетую в мужской костюм. Еще через день «взяли» и Новикову. Обе дали признательные показания. Улик для их привлечения к суду было достаточно. Но, опасаясь огласки провокаторства, этого не сделали.

Климович писал в Департамент полиции: «Богданова и Новикова заключены мною, в порядке положения об охране, под стражу, но делу официального хода пока не дано <...> направление настоящего дела в судебном порядке может, ввиду двойственной роли, разыгранной Новиковой и Богдановой, дать на суде повод для афиширования деятельности охраны в нежелательном направлении»⁸⁰⁹. В административном порядке обеих перевербованных агентесс выслали в Якутскую область под гласный надзор полиции сроком на 5 лет⁸¹⁰.

Если фон Котен в докладе градоначальнику Адрианову отрицал наличие провокации в этом деле, то он мог солгать и по остальным пунктам своих оправданий. В деле Богдановой и Новиковой он прикрывал не столько себя, сколько Климовича. А Климович к тому времени стал помощником градоначальника. Вполне вероятно, что в качестве ответной любезности он настроил градоначальника против Стефанова.

Опасаясь за свою репутацию, руководящие сотрудники органов государственной безопасности Климович и фон Котен добились отозвания Степа-

нова, спасая заодно и «железнодорожную мафию». Государство, в котором происходят такие вещи, вряд ли может быть сильным.

Не все правоохранители считали, что для пользы государства, а на самом деле — ради собственной карьеры, можно нарушать любые законы. В. Ф. Джунковский в то время был московским губернатором, а позже стал товарищем министра внутренних дел, возглавляющим полицию и Отдельный корпус жандармов. При этом он узнал, что один из депутатов Государственной думы, Роман Малиновский, является не только членом социал-демократической партии, но и провокатором, тайным сотрудником политической полиции. Джунковский посчитал, что такое недопустимо по отношению к высшему законодательному органу империи. Он потребовал, чтобы Малиновский подал в отставку с поста депутата⁸¹¹.

Для Джунковского понятия «честь» и «честность» не были пустыми словами. Но не все его коллеги разделяли подобные убеждения. Это сделало их против-

Высшие чины полиции и Отдельного корпуса жандармов;
В. Ф. Джунковский сидит в среднем ряду в центре. Фотография 1910-х

никами Владимира Федоровича. На него пытались надавить через людей, близких к императорскому престолу. Но его поддерживала великая княгиня Елизавета Федоровна, родная сестра императрицы Александры Федоровны.

Разгром «железнодорожной мафии» завершила обновленная Московская сыскная полиция под руководством А. Ф. Кошко. «Прикрывал» их Джунковский, а помогали правления железных дорог Московского узла. Кошко написал об этом в очерке «Вакханалия железнодорожных краж»⁸¹².

Расхитители на Московско-Казанской железной дороге были уже в значительной степени разгромлены. На первое место по размерам хищений вышла Николаевская железная дорога. С нее и решил начать свои операции Кошко. В правлении дороги он потребовал предоставить его агентам «десяток-другой» должностей во всех службах дороги, но получил отказ.

«Между тем кражи приняли гомерические размеры. Дошло до того, что на Николаевской дороге оказался уворованным целый паровоз. Воры загнали его куда-то в глушь на запасной путь, разобрали по частям, и остались от паровоза “рожки да ножки”», — сообщает Кошко. После этого правление приняло его условия⁸¹³.

Далее начальник МСП рассказывает так. «Вскоре ряд моих гласных агентов был принят на дорогу и начал подвизаться на разных мелких должностях по службам движения, пути, сборов и т. д. Кроме того мною было пристроено на стражу человек 10 агентов тайных, о службе их в полиции знал лишь я, и мои свидания с ними происходили всегда только на конспиративных квартирах. Эти тайные агенты должны были следить за агентами гласными, являясь как бы контролем над контролем».

Никаких провокаций Кошко не допускал. Но эффективность оперативной работы от этого не снижалась, а росла. «К концу 3-го месяца сразу были пойманы, арестованы и преданы суду 50 человек из состава мелких служащих. Дела их были объединены в один процесс, вскоре ставший сенсацией не только Москвы, но, пожалуй, и немалой части России. За ним последовали вскоре аналогичные железнодорожные процессы с обвиняемыми, изловленными на других дорогах. <...> Ряд громких процессов железнодорожных воров нагнал панику, и правопорядок на дорогах стал быстро восстанавливаться».

Странно, что, рассказывая о разгроме «железнодорожной мафии», Кошко не упоминает имен Стефанова, Бишовца, Бухмана, Арнольда. Словно и не было их самоотверженной борьбы против «хищников». Не называет он и никого из своих помощников, сотрудников, агентов. Создается впечатление, что все заслуги в этом деле принадлежат исключительно ему. Соответственно и награда тоже: «Этот блестящий результат был оценен железнодорожными управлениями, каковые просили меня установить постоянный надзор за дорогами и по сметам своим мне провели определенное жалованье. Его я получал до моего перевода в Петербург»⁸¹⁴. Такое отношение к коллегам, конечно же, не украшает знаменитого сыщика.

Сотрудники Московского охранного отделения опасались и Кошко тоже. Они следили за каждым шагом начальника Московского уголовного розыска и тайно прочитывали его почту, как будто он был опасным политическим преступником. И делали они это с разрешения Департамента полиции. Для получения разрешения воспользовались следующим случаем. Два профессора Московского университета обратились к Кошко с просьбой. Они хотели приводить в помещение сыскной полиции группы студентов юридического факультета для ознакомления их с научно-криминалистическими методами, использовавшимися в уголовном розыске (антропометрия, дактилоскопия и т. д.). Начальник МСП получил на это разрешение министра внутренних дел Столыпина. Тот ответил на запрос из Москвы: «Предоставляю это дело на усмотрение Кошко, которому всецело доверяю»⁸¹⁵. Студенты-юристы стали проводить практические занятия в МСП. Аркадий Францевич лично давал им пояснения.

В 1914 году Кошко перевели в Петербург на должность руководителя 8-го делопроизводства (уголовного розыска) Департамента полиции. Товарищ министра внутренних дел Джунковский дал ему для ознакомления дело, которое завели против Кошко в Департаменте полиции. Начиналось это дело с доноса Московского охранного отделения. Аркадий Францевич вспоминает так: «В нем много говорилось о моих каких-то странных беседах со студентами, за которыми я будто бы, весьма порицаю и критикую политический розыск. Словом, целое обвинение в революционной пропаганде. Но что лучше всего, это резолюция на полях, сделанная самим Белецким [тогдашний дирек-

тор Департамента полиции. — А. Ш.]: “Установить за Кошко негласный надзор и подвергнуть перлюстрации его частную корреспонденцию”»⁸¹⁶.

Значит, внутри полиции, и в центральном аппарате в Петербурге, и в Московском градоначальстве, опять велась война. На одной стороне были такие люди, как товарищ министра Джунковский и начальник Московской сыскной полиции Кошко, на другой — директор Департамента полиции Белецкий, начальник Московского охранного отделения фон Котен и другие подобные личности.

Джунковского удалось «свалить», когда он столкнулся с Григорием Распутиным. По приказу товарища министра за «царским возжигателем лампад» было установлено круглосуточное наружное наблюдение, полицейские агенты собрали на него значительное количество компромата. На этом основании в соответствии с законом Джунковский выслал Распутина из столицы на прежнее место жительства в Тобольскую губернию. Императрица Александра Федоровна добилась возвращения «лампадника». Джунковского сняли с должности и выслали в его крымское имение. Не помогла даже поддержка великой княгини Елизаветы Федоровны⁸¹⁷.

Так что среди разрушителей Российской империи были не только революционеры, но и представители государственного аппарата самой империи. Они располагались на разных ступенях иерархии вплоть до самого императорского престола. И среди них было полно коррупционеров, провокаторов, бесовестных карьеристов, мракобесов, сторонников черносотенцев.

Что же дальше?

Сенаторская ревизия продолжала чистку в Москве до 1910 года. Работы оказалось очень много. Коррумпированы были почти все подразделения Московского градоначальства.

Выяснилось, что от произвола и корыстолюбия полицейских начальников из рейнботовской шайки сильно пострадали даже сотрудники государственных учреждений.

Так, в ноябре 1907 года городовые московской полиции подали жалобу генерал-губернатору Гершельману. Это было сделано через головы градоначальства.

чальника и участковых приставов, что являлось грубым нарушением служебной субординации. Но дело в том, что полицейские просили защитить их именно от этих своих командиров.

Городовые узнали, что в Российской империи действует Общество покровительства животным, защищающее «братьев меньших» от жестокого с ними обращения. Защищало это общество и лошадей, находившихся на службе в полицейских учреждениях. Вот городовые и решили, что им тоже нужен такой защитник-покровитель. Они рассказывали, как градоначальник Рейнбот и его подручные присваивают деньги, выделенные городскими органами самоуправления на наем и отопление жилья для нижних чинов полиции и их семей. А также о том, что казнокрадство начальников толкает самих городских на вымогательство и взяточничество.

История эта драматична, даже отчасти трагична. Но в ней есть забавный момент. К тому же он очень ярко демонстрирует ситуацию в тогдашнем российском обществе. Полицейские, недавно победившие революцию, используют в качестве самого страшного ругательства слово «буржуаз» и применяют его к своему градоначальнику. А ведь они не принадлежали ни к революционным, ни к либерально-оппозиционным, ни даже просто к образованным кругам населения.

Документ этот настолько ярок и показателен, что его стоит привести целиком. Некоторые места в рукописном тексте прочитать не удалось. Они обозначены многоточиями. Вот этот текст.

«Ваше Высокопревосходительство мы нижние чины московской полиции городовые. Покорнейше просим Вас быть нашим членом покровительство, ведь на скотину и то являются члены покровительство, а мы наверно хуже животных. У нас нет истеннаго защитника. Это Баржуас а не градоначальник, а так же и господа пристава служат только для сщету. <...> Только вред Государю Императору делают нарочно наваливают <...> на своих подчиненных городовых заставили нераздевавши сутки круглые служить безовсякаго отдыху. <...> Градоначальник снял наверно с себе крест или у него и не было его. <...> Ваше Высокопревосходительство обратите внимание сколько губют благоверные Начальники детей и семей в таких утеснении в квартерах жмут теснота непомерная нечто мыслимо в таких комнатах жить а говорить нельзя власть ихняя хочет служи а то прогоню мало радости втаких глупых разсудках начальники уже и тут воруют у своих

подчиненных Город отпускает 12 руб. на квартиру с дровами а они нанимают по 3 руб. с комнаты на городского <...> все нагоняют в икономие градоначальнику а мы сидим нетопимше квартиры по неволи городо... и дет побиратся везут дрова ломовые стой и скидывай пополону это градоначальник допустил где-же он городской будет брать приставу будут докладывать тоже необращают внимание что хоче... то и делай а нечто мыслимо не водной квартиры нет теплаго отхожаго места для детей веде намостовую одним словом Ваше Высокопревосходительство прикажите выдать на квартиры деньгами кто желает и сколько они скрывают <...> сколько город отпускает нам неизвестно и ограничте нашу службу если пост заним... 3 городских то уже не брали бы с поста и негоняли бы нас, а если им нужно то для этой цели имели другую команду а он сформировал роту городских для наряду а вышло на против обставил кругом своего дому всю роту и охраняют его. <...> Нужна вера в Бога и правда а у него и нет он надеется на штык если Начальники поступают так глупо на кидываются на наживу одним словом воруют у своих подчиненных не топя квартиры стоят одежде в квартире городовые спят а он интересуется икономием а семьи гибнут какой же пример можно взять снаших начальников он получает насодержание большие тыщи а такие штуки проделывают и младшим и подавно вособенности господа приставом Ваше Высокопревосходительство неоткажите нашей просьбы будьте как Суворов мы видим ввас искру любви да храни вас Бог»⁸¹⁸.

Генерал-губернатор Гершельман не стал Суворовым и не защитил подчиненных ему нижних чинов полиции. Он оказывал свое доверие и покровительство коррупционеру Рейнботу и его подручным.

В марте 1909 года генерал-лейтенанта Гершельмана, покровительствовавшего «оборотням», отстранили от должностей московского генерал-губернатора и командующего войсками Московского военного округа. Его срочно убрали из Первопрестольной, подобрав ему место командующего войсками Виленского военного округа⁸¹⁹. Это было явным понижением на карьерной лестнице. Временно исполняющим обязанности генерал-губернатора назначили губернатора Джунковского⁸²⁰.

Довольно развитая к этому времени независимая пресса, в основном оппозиционная, широко публиковала материалы обо всем, что происходило в Москве. Разразился крупнейший политический скандал, не только москов-

ского, но и всероссийского масштаба. Высокопоставленные государственные чиновники, любимцы высшей власти, те, кого называли победителями революции, оказались ворами и взяточниками. Под их прикрытием творились настоящие преступления. Московская сыскная полиция просто превратилась в банду, сотрудничавшую с профессиональными уголовниками.

Скандал этот получил в прессе название «рейнботовщины». Он встал в чреду других скандалов, скомпрометировавших государственную власть. Во многих местах империи тоже требовали проведения там сенаторских ревизий.

Кто одержит победу в этой «полицейской войне» между «оборотнями в погонах» и честными правоохранителями, теперь зависело только от императора. Даже премьер-министр и министр внутренних дел Столыпин не знал, какое решение примет монарх и кого он поддержит. Но Николай II так и не определился, на какой он стороне. Сначала император разрешил проведение сенаторской ревизии в Москве. Затем согласился на отстранение коррупционеров от службы, на следствие и суд над ними. А потом вдруг встал на защиту «оборотней», помиловал их, вернул на службу и даже вознаградил.

Ревизией сенатора Гарина к 19 февраля 1910 года были возбуждены уголовные расследования против 25 старших чиновников Московского градоначальства. Весной 1911 года в особом присутствии Сената состоялось судебное разбирательство дела бывшего московского градоначальника генерал-майора Свиты Его Величества Анатолия Антоевича Рейнбота и его бывшего помощника полковника гвардии Владимира Аполлоновича Короткого. Они обвинялись в превышении власти (в произволе), в корыстных преступлениях (взяточничество и казнокрадство), в подлогах (в фиктивной отчетности). 17 мая обоих признали виновными и приговорили к лишению всех прав, заключению в арестантские роты и взысканию с них значительных денежных сумм.

Через месяц, 18 июня, император Николай II помиловал их. Фактически они не понесли никакого наказания, кроме уже произошедшего ранее отстранения от службы. Им даже сохранили их чины.

Позже Рейнбот вернулся на государственную службу в генеральской должности. Он взял себе новую фамилию — Резвый. Учитывая, что он еще и располагал возможностью распоряжаться огромным состоянием жены, действительно — резвый. «Наш пострел везде поспел».

Полковник В. А. Короткий на скамье подсудимых

После такого демонстративного помилования провинившегося московского градоначальника, многие судебные чиновники сделали вывод, что императору не угодно осуждение «рейнботовской шайки». На последующих судебных рассмотрениях ее члены один за другим стали оправдываться «за недостаточность улик» или «за недоказанность преступления». Это такое проявление деликатности, чтобы не утруждать и не компрометировать монарха вынесением новых помилований «оборотням».

Например, 7 сентября 1912 года Московская судебная палата оправдала бывших сотрудников МСП Ботнева, Кайнихина, Соллогуба и Марковкина. В соответствии с этим решением их восстановили в списках полицейских служащих, а время нахождения под следствием засчитали в срок службы. Им было выплачено все жалование со дня отстранения их по решению ревизионной комиссии от исполнения служебных обязанностей. Правда, вернуться в МСП они не смогли. Ее уже возглавлял Кошко. Он набирал всех сотрудников лично и не принимал никаких ходатайств и рекомендаций от влиятельных людей. Коррупционеров возле себя Кошко не терпел.

Начальники других полицейских учреждений, видимо, тоже не хотели получить таких сотрудников. Да и оппозиционная пресса могла «поднять вой» в случае возвращения на службу изобличенных, но оправданных «оборотней в погонах». Поэтому их быстренько отправили на «заслуженную» пенсию. В то время обычная пенсия полицейских служащих была довольно маленькой. Но старшие полицейские начальники могли ходатайствовать о назначении своим подчиненным «усиленной пенсии» за выдающиеся заслуги. Это звучит как полный абсурд и безумный бред, но градоначальник Адрианов просил о назначении «оборотням» усиленных пенсий. А Департамент полиции, Министерство внутренних дел и Министерство финансов с этим согласились.

Так, Степану Соллогубу в соответствии с его последней должностью и выслугой почти 32 лет на государственной службе полагалась пенсия по 171 рублю 60 копеек в год, но Адрианов добился для него усиленной пенсии в 360 рублей⁸²¹. Гавриил Ботнев, имея лишь 23 года выслуги, должен был получать по 142 рубля 95 копеек, а по ходатайству градоначальника стал получать по 900 рублей⁸²². «Сумасшедшему оборотню» Евстафию Децин-

А. Ф. Кошко (третий слева в первом ряду)
с чинами Санкт-петербургской сыскной полиции

скому вместо обычной пенсии в 285 рублей 90 копеек, определили усиленную пенсию в те же 900 рублей, а после его смерти вдове стали выплачивать по 450 рублей в год⁸²³.

Честным полицейским могли платить куда меньше. Оставалось только завидовать бывшим ворам.

Вот такая история. Вместе со Степаном Соллогубом в МСП служил его брат Федор. Он не стал «оборотнем». Успешно прошел проверку ревизионной комиссии. Преодолеl и куда более строгий отбор, проведенный Кошко. Служил в МСП при новом начальнике. В декабре 1908 года Федор Соллогуб скончался на службе от сердечного приступа. Для его вдовы Натальи Федоровны (в девичестве Бокаревой) не удалось добиться пенсии больше 120 руб. в год⁸²⁴.

Без оправдания в суде и без пенсии остался только один подследственный оборотень — Моисеенко. По закону судебное рассмотрение его дела отложили «впредь до его полного выздоровления». А он все никак не выздоравливал. Потрясение оказалось для него слишком сильным. Моисеенко зря так испугался: император в обиду «своих» преступников не давал. Нужно было только дожидаться его решения.

Оправдание коррупционеров дало им весомый аргумент для того, чтобы обвинять своих разоблачителей в клевете. В 1913 году Рейнбот писал в Министерство внутренних дел, что отстранение московских «оборотней» с высоких постов было необоснованным, «по оговору выгнанного мною со службы в 1907-м году за лихоимство и вымогательство чиновника Сыскной Полиции Стефанова, до сего времени почему-то не преданного суду, но являвшегося главным доносчиком у Сенатора Гарина»⁸²⁵.

Такое странное отношение императора, а с его подачи и нижестоящих государственных инстанций, к «рейнботовской шайке» не было исключительным. Николай II часто объявлял помилования «оборотням в погонах», а затем даже продвигал их по службе.

Почти одновременно с «рейнботовщиной» развивался коррупционный скандал и в столичном Петербурге. Он получил название «лидвалиады». Главными его фигурантами стали предприниматель Эрик Лидваль и товарищ министра внутренних дел Владимир Гурко⁸²⁶. Оба были из «хороших семей». Отец Лидваля владел швейной мастерской и званием «придворный портной

его величества». Старший брат Федор Лидваль — известный петербургский архитектор. А Владимир Гурко был сыном фельдмаршала, прославившегося во время Балканской войны 1877–1878 годов.

1906 год стал засушливым и неурожайным. В нескольких губерниях России начался голод. Для помощи голодающим людям МВД добилось выделения очень значительной суммы денег из государственного бюджета. Планировалось заключить подряды с хлеботорговцами на поставку зерна. Распределением подрядов занимался Владимир Гурко. В России, в том числе в Петербурге, было достаточно крупных хлеботорговых фирм, поставлявших зерно и муку не только на внутренний рынок, но и на экспорт. Но Гурко заключил контракт с Лидвалем, который владел небольшой фирмой по поставке ватерклозетов, несколькими игорными домами и кабаре. Судя по всему, товарищ министра получил за это грандиозную взятку. Позже следствие установило, что Лидваль уплатил некой Сытовой 50 тысяч рублей только за то, чтобы она познакомила его с Гурко. Сытова содержала женский хор, на самом деле — нелегальный бордель, который посещал товарищ министра. После этого Лидваль получил от МВД, согласно контракту, сумму в 2,3 миллиона рублей. Революционерам-экспроприаторам такие суммы даже не снились. Лидваль сумел экспроприировать государственную казну куда круче их, к тому же без стрельбы. Хлеб он не поставил, деньги присвоил и скрылся за границей. Люди продолжали голодать, страдать и умирать. МВД пришлось заключить новые договоры с хлеботорговцами и вновь платить крупные суммы денег.

Следствие по этому делу вел сенатор, тайный советник В. Н. Варварин. Он собрал достаточно материала, чтобы отправить Гурко под суд. Министр внутренних дел Столыпин согласился с этим. Сенат приговорил Гурко к отрешению от государственной службы на три года. Фактически дело замяли. А император и этого коррупционера помиловал.

Российская империя после угасания революции 1905–1907 годов пышно праздновала давно прошедшие победы при Полтаве, Гангуте и Бородине, отмечала 300-летие царствования дома Романовых. А надо было делать выводы из недавних поражений при Ляояне, Шахэ, Мукдене и Цусиме, из событий Ходынки, Кровавого воскресенья, Декабрьского восстания, «рейнботовщины», «лидвалиады» и многих других провалов государственной политики.

Разрушали империю не только революционеры, противники государственной власти, но и коррупционеры, провокаторы, черносотенцы, славословившие ее. А также и сама власть во главе с императором Николаем II, покровительствовавшая этим субъектам. Стоит задуматься вот о чем. Ведь московские городовые, писавшие жалобу на Рейнбота, узнали, что их «буржуаз» помилован царем, а затем назначен в распоряжение военного министра. Что они при этом подумали о правителе, который принимал подобные решения? Будут ли они на стороне царя при следующей попытке революционеров его сбросить? Как мы теперь уже знаем — не будут.

Это значило, что империя обречена. Видя подобные действия власти, все более широкие круги общества отказывали ей в доверии и в поддержке. Кому нужна такая власть? Кто будет ее защищать при столкновении с революционными экстремистами? Коррупционеры, провокаторы и черносотенцы? Так из них получаются плохие защитники. Они готовы бороться только за себя, за свои стремления и вожделения. Через 10 лет после первой российской революции империя развалилась. Потому, что в 1917 году не нашлось почти никого, кто хотел бы ее спасти. Императорскую власть не стали защищать даже старшие чины жандармерии, то есть органов государственной безопасности. 4 марта 1917 года начальник Московского губернского жандармского управления генерал-майор С. В. Савицкий издал приказ своим подчиненным. Генерал писал: «Единою волею народа и российской армии старый государственный строй России низвергнут. Возврата к прошлому нет, не должно и не может быть. <...> Всем воинским чинам вверенного Управления, не подвергнувшимся аресту, оставаться на своих местах, повиноваться новому Правительству и беспрекословно исполнять все, исходящие от него распоряжения»⁸²⁷.

Так что империю развалили не только революционеры.

Разгоравшаяся в России революция вскоре сожрет всех. И тех, кто боролся с ней. И тех, кто ее делал. Затем она начнет пожирать своих детей. И только закончив это, она угаснет. Российские народы заплатят за нее миллионами жизней.

Хотите новую революцию?

ПРИМЕЧАНИЯ

Предисловие

- ¹ Шульгин В. В. «Дни» (1925); Булгаков М. А. «Белая гвардия» (1925–1927).

Глава I. Революция надвигается

- ² Центральный государственный архив Москвы (далее — ЦГАМ). Ф. 16. Оп. 237. Д. 56. Л. 72–74.
- ³ Там же. Л. 6.
- ⁴ Там же. Л. 7 об.
- ⁵ Там же. Л. 3.
- ⁶ Там же. Л. 37–38.
- ⁷ Там же. Л. 9–10.
- ⁸ Там же. Л. 65.
- ⁹ Там же. Л. 17–17 об.
- ¹⁰ Там же. Л. 79, 84.
- ¹¹ Там же. Л. 64–64 об.
- ¹² Там же. Л. 51.
- ¹³ Там же. Ф. 475. Оп. 19. Д. 112. Л. 354–355 об.
- ¹⁴ Там же. Л. 363.
- ¹⁵ Полное собрание законов Российской империи (далее — ПСЗРИ). Собр. 3. Т. 1. № 131.
- ¹⁶ ЦГАМ. Ф. 46. Оп. 2. Д. 271. Л. 18.
- ¹⁷ Там же. Л. 9–10.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Подробнее см.: Шаламов А. Ю. Российский «фараон»: Сыскная полиция Российской империи во 2-й пол. 19 — нач. 20 в. М.: Принципиум, 2013. С. 57.
- ²⁰ ЦГАМ. Ф. 16. Оп. 197. Д. 565. Л. 51.
- ²¹ Там же. Ф. 46. Оп. 2. Д. 271. Л. 5–8.
- ²² ПСЗРИ. Собр. 3. Т. 27. Отд. 2. № 21041.
- ²³ ЦГАМ. Ф. 16. Оп. 197. Д. 565. Л. 51.
- ²⁴ Список лиц, служащих по ведомству МВД в губерниях, областях и градоначальствах. 1902 г., испр. по 1 марта. Ч. 2. СПб., 1902. С. 330.
- ²⁵ В 1918 г. Елизавету Федоровну убили по приказу большевистских властей, таким образом оба супруга погибли от рук экстремистов. Только Сергея Александровича убили революционеры-подпольщики, а Елизавету Федоровну — революционеры, получившие власть.
- ²⁶ ЦГАМ. Ф. 16. Оп. 233. Д. 18. Л. 22–36.
- ²⁷ Там же. Д. 30. Л. 13–20.

- ²⁸ Там же. Д. 18. Л. 1–5.
- ²⁹ Шаламов А. Ю. И санитар, и сторож, и пожарный // Родина. 2001. № 3. С. 61.
- ³⁰ Джунковский В. Ф. Воспоминания. Т. 1–2. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1997.
- ³¹ «Я и не вообразал, что мы можем дожить до подобных безобразий»: 1905 год в дневнике и письмах великого князя Сергея Александровича / публ. Д. М. Софьина // Вестник Пермского университета. 2008. Выпуск 2.
- ³² ЦГАМ. Ф. 16. Оп. 139. Д. 8. Л. 1.
- ³³ Там же. Оп. 233. Д. 30. Л. 13.
- ³⁴ Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф. 58. Оп. 14. Д. 25. Л. 173.
- ³⁵ ЦГАМ. Ф. 475. Оп. 17. Д. 828.
- ³⁶ Там же.
- ³⁷ Там же. Д. 1028. Л. 47.
- ³⁸ Там же. Л. 138, 148 об.
- ³⁹ Там же. Л. 39–39 об., 144–145.
- ⁴⁰ Там же. Д. 1028, 1318; Оп. 19. Д. 95.
- ⁴¹ «Я и не вообразал...»
- ⁴² ЦГАМ. Ф. 475. Оп. 17. Д. 1028. Л. 146.
- ⁴³ Там же. Л. 152 об., 159.
- ⁴⁴ Там же. Л. 153 об., 158.
- ⁴⁵ Там же. Оп. 19. Д. 95. Л. 2 об.
- ⁴⁶ Там же. Оп. 17. Д. 1028. Л. 82.
- ⁴⁷ Там же. Л. 3–8 об.
- ⁴⁸ Там же. Л. 82–83.
- ⁴⁹ «Я и не вообразал...»
- ⁵⁰ ЦГАМ. Ф. 475. Оп. 17. Д. 1028. Л. 148 об.
- ⁵¹ Савинков Б. В. Избранное. Л.: Художественная литература, 1990.
- ⁵² Там же. С. 79.
- ⁵³ Там же. С. 92–93.
- ⁵⁴ ЦГАМ. Ф. 16. Оп. 204. Д. 59. Л. 1–2, 5.
- ⁵⁵ Там же. Л. 59–74.
- ⁵⁶ Там же. Оп. 95. Д. 214. Л. 1.
- ⁵⁷ Там же. Л. 18, 42.
- ⁵⁸ Там же. Оп. 204. Д. 59. Л. 54.
- ⁵⁹ Там же. Л. 55.
- ⁶⁰ Там же. Оп. 233. Д. 43. Л. 61–76.
- ⁶¹ Там же. Л. 62.
- ⁶² Там же. Л. 5.
- ⁶³ Там же. Л. 20, 24 об.
- ⁶⁴ Там же. Д. 34. Л. 14.
- ⁶⁵ Там же. Л. 15.
- ⁶⁶ Там же. Оп. 95. Д. 145. Л. 1.
- ⁶⁷ Там же. Ф. 475. Оп. 19. Д. 114. Л. 156.
- ⁶⁸ Там же. Ф. 16. Оп. 95. Д. 145. Л. 9.

- ⁶⁹ Там же. Д. 127. Л. 1.
⁷⁰ Там же.
⁷¹ Там же. Л. 9 об.
⁷² Там же. Л. 9–10 об.
⁷³ Там же. Ф. 475. Оп. 17. Д. 1318. Л. 26.
⁷⁴ Там же. Ф. 16. Оп. 95. Д. 243. Л. 4–4 об.
⁷⁵ Там же. Оп. 237. Д. 56. Л. 93.
⁷⁶ Там же. Л. 95.
⁷⁷ Там же. Л. 92–92 об.
⁷⁸ *Игнатьев А. А.* Пятьдесят лет в строю. М.: Воениздат, 1988. С. 238, 240.
⁷⁹ *Вересаев В. В.* На Японской войне // Полн. собр. соч. М.: Недра, 1926. Т. 5. С. 235–238.
⁸⁰ *Деренковский Г. М., Тютюкин С. В.* Революция 1905–1907 гг. в России // БСЗ. Т. 21. М.: Сов. энциклопедия, 1975. С. 556.
⁸¹ ЦГАМ. Ф. 16. Оп. 237. Д. 82. Т. 2 Л. 3–10.
⁸² Там же. Оп. 95. Д. 145. Л. 9.
⁸³ Там же. Л. 9 об.
⁸⁴ *Савинков Б. В.* Указ. соч. С. 113–114.
⁸⁵ Там же.
⁸⁶ ЦГАМ. Ф. 475. Оп. 17. Д. 1318. Л. 27.
⁸⁷ Там же. Ф. 16. Оп. 237. Д. 85. Л. 153–154.
⁸⁸ Там же. Оп. 95. Д. 214. Л. 53.
⁸⁹ Там же. Оп. 233. Д. 39. Л. 1.
⁹⁰ *Шаламов А. Ю.* И санитар, и сторож, и пожарный...
⁹¹ ЦГАМ. Ф. 16. Оп. 229. Д. 28. Л. 13–13 об.
⁹² Там же. Оп. 233. Д. 39. Л. 1 об.
⁹³ Там же. Л. 7–7 об.
⁹⁴ Там же. Оп. 204. Д. 165. Л. 21–23 об.
⁹⁵ Там же. Ф. 46. Оп. 14. Д. 40. Л. 3.
⁹⁶ Там же.
⁹⁷ Там же. Ф. 16. Оп. 95. Д. 145. Л. 1, 23.
⁹⁸ Там же. Л. 7, 10.
⁹⁹ Там же. Л. 31.
¹⁰⁰ Там же. Л. 23.
¹⁰¹ Там же. Л. 21.
¹⁰² Там же. Л. 33.
¹⁰³ *Бунин И. А.* Избранная проза. М.: Олимп: АСТ, 1996. С. 107.
¹⁰⁴ ЦГАМ. Ф. 46. Оп. 14. Д. 15.

Глава II. Жаркая осень

- ¹⁰⁵ ЦГАМ. Ф. 475. Оп. 19. Д. 114. Л. 13 об.
¹⁰⁶ Там же. Л. 1.
¹⁰⁷ Там же. Л. 12.

- ¹⁰⁸ Подробнее см.: *Шаламов А. Ю.* «Сильный характер, энергия и решимость...» // *Московский журнал*. 2017. № 10. С. 30–38.
- ¹⁰⁹ ЦГАМ. Ф. 475. Оп. 19. Д. 114. Л. 45.
- ¹¹⁰ Там же. Ф. 46. Оп. 22. Д. 37. Л. 928 об.
- ¹¹¹ *Норов Н.* Пятый год // *Декабрьское восстание в Москве 1905 г.* Сборник. М.: Отдел Печати Московского Совета Рабочих и Крестьянских Депутатов, 1919. С. 16.
- ¹¹² ЦГАМ. Ф. 475. Оп. 19. Д. 114. Л. 48–48 об., 51, 56.
- ¹¹³ Там же. Л. 73.
- ¹¹⁴ Там же. Ф. 46. Оп. 22. Д. 37. Л. 949.
- ¹¹⁵ Там же. Ф. 475. Оп. 19. Д. 114. Л. 66.
- ¹¹⁶ Там же. Л. 64.
- ¹¹⁷ Там же. Л. 65 об.
- ¹¹⁸ *Шацилло К. Ф.* Николай II: реформы или революция // *История Отечества: люди, идеи, решения*. М.: Политиздат, 1991. С. 356.
- ¹¹⁹ *Ферро М.* Николай II. М.: Международные отношения, 1991. С. 111.
- ¹²⁰ Там же.
- ¹²¹ ЦГАМ. Ф. 16. Оп. 237. Д. 85. Л. 98.
- ¹²² Там же. Ф. 475. Оп. 19. Д. 114. Л. 77.
- ¹²³ Там же. Ф. 16. Оп. 237. Д. 85.
- ¹²⁴ Там же. Л. 20.
- ¹²⁵ *Норов Н.* Указ. соч. С. 17.
- ¹²⁶ *Васильев-Южин М.* Декабрьское восстание // *Декабрьское восстание в Москве 1905 г.* Сборник. М.: Отдел Печати Московского Совета Рабочих и Крестьянских Депутатов, 1919. С. 36.
- ¹²⁷ *Коган И.* Декабрьское восстание в Москве в 1905 г. М.: Изд-во Всесоюзного об-ва политкаторжан и сс.-поселенцев, 1925. С. 9.
- ¹²⁸ ЦГАМ. Ф. 475. Оп. 19. Д. 114. Л. 98.
- ¹²⁹ Там же. Ф. 16. Оп. 237. Д. 85. Л. 28.
- ¹³⁰ Там же. Ф. 475. Оп. 19. Д. 114. Л. 87–87 об., 91–92.
- ¹³¹ Там же. Л. 95.
- ¹³² Там же. Ф. 46. Оп. 14. Д. 21. Л. 3.
- ¹³³ Там же. Ф. 16. Оп. 237. Д. 85. Л. 14 об., 24.
- ¹³⁴ Там же. Л. 29.
- ¹³⁵ Там же. Ф. 475. Оп. 19. Д. 114. Л. 76.
- ¹³⁶ Там же. Ф. 46. Оп. 14. Д. 30. Л. 3.
- ¹³⁷ Там же. Ф. 16. Оп. 237. Д. 85. Л. 80.
- ¹³⁸ Там же. Л. 81.
- ¹³⁹ Там же. Ф. 46. Оп. 14. Д. 30. Л. 49.
- ¹⁴⁰ Там же. Л. 51–51 об.
- ¹⁴¹ Там же. Л. 53.
- ¹⁴² Там же. Ф. 16. Оп. 237. Д. 85. Л. 188 об.
- ¹⁴³ Там же. Л. 62.
- ¹⁴⁴ Там же.
- ¹⁴⁵ Там же. Л. 148.

- ¹⁴⁶ Там же. Л. 104.
¹⁴⁷ Там же. Л. 177–177 об.
¹⁴⁸ Там же. Л. 41–41 об.
¹⁴⁹ Там же. Л. 42.
¹⁵⁰ *Бурыйшкин П. А.* Москва купеческая. М.: Высшая школа, 1991. С. 222.
¹⁵¹ ЦГАМ. Ф. 16. Оп. 95. Д. 145. Л. 52–52 об.
¹⁵² Там же. Ф. 16. Оп. 237. Д. 85. Л. 40.
¹⁵³ Там же. Л. 85.
¹⁵⁴ Там же. Л. 113.
¹⁵⁵ Там же. Ф. 16. Оп. 230. Д. 108. Л. 1–2 об.
¹⁵⁶ Там же. Оп. 237. Д. 85. Л. 128–129.
¹⁵⁷ Там же. Ф. 46. Оп. 14. Д. 57. Л. 1–2.
¹⁵⁸ Там же. Л. 1 об.
¹⁵⁹ Там же. Ф. 16. Оп. 96. Д. 565. Л. 105 об.
¹⁶⁰ Там же. Ф. 46. Оп. 14. Д. 27.
¹⁶¹ Там же. Л. 26.
¹⁶² Там же. Оп. 9. Д. 117. Л. 7 об.
¹⁶³ Там же. Оп. 14. Д. 27. Л. 41.
¹⁶⁴ Там же. Ф. 475. Оп. 19. Д. 4. Л. 7–22.
¹⁶⁵ Там же. Л. 32а.
¹⁶⁶ Там же. Ф. 46. Оп. 14. Д. 57. Л. 4 об.
¹⁶⁷ Там же. Л. 3 об.
¹⁶⁸ Там же. Ф. 475. Оп. 19. Д. 4. Л. 29.
¹⁶⁹ Там же. Ф. 46. Оп. 3. Д. 14. Л. 1 об.–2, 4, 58, 78, 95.
¹⁷⁰ Там же. Ф. 16. Оп. 237. Д. 85. Л. 32–32 об.
¹⁷¹ Там же. Л. 33, 35.
¹⁷² Там же. Л. 35.
¹⁷³ Там же. Л. 105.
¹⁷⁴ Там же. Л. 88.
¹⁷⁵ Там же. Л. 56.
¹⁷⁶ Там же. Л. 84.
¹⁷⁷ *Овсяников А. А.* Миусская площадь, 6. М.: Московский рабочий, 1987. С. 9–16.
¹⁷⁸ ЦГАМ. Ф. 46. Оп. 14. Д. 15. Л. 44.
¹⁷⁹ *Овсяников А. А.* Указ. соч. С. 20–28.
¹⁸⁰ ЦГАМ. Ф. 46. Оп. 22. Д. 37. Л. 967.
¹⁸¹ Там же. Ф. 16. Оп. 237. Д. 85. Л. 146.
¹⁸² Там же. Л. 47.
¹⁸³ *Шаццлло К. Ф.* Указ. соч. С. 356–357.
¹⁸⁴ ЦГАМ. Ф. 16. Оп. 237. Д. 85. Л. 2–13 об.
¹⁸⁵ Там же. Л. 7 об.
¹⁸⁶ Там же.
¹⁸⁷ Там же. Л. 9–9 об.
¹⁸⁸ Там же. Л. 13 об.

- ¹⁸⁹ Там же. Л. 126.
- ¹⁹⁰ Там же. Л. 138.
- ¹⁹¹ Там же. Л. 149, 198.
- ¹⁹² Там же. Ф. 46. Оп. 52. Д. 516. Л. 1.
- ¹⁹³ Ульянов И. Э. Регулярная пехота 1855–1918. М.: АСТ-ЛТД, 1998. С. 230–231; Бегунова А. И. Сабли остры, кони быстры... М.: Молодая гвардия, 1992. С. 206.
- ¹⁹⁴ ЦГАМ. Ф. 16. Оп. 139. Д. 174. Т. 1. Л. 19.
- ¹⁹⁵ Там же.
- ¹⁹⁶ Там же. Ф. 46. Оп. 14. Д. 3429. Л. 1–3.
- ¹⁹⁷ Там же. Ф. 475. Оп. 19. Д. 114. Л. 152 об.
- ¹⁹⁸ Там же. Ф. 46. Оп. 22. Д. 37. Л. 984.
- ¹⁹⁹ Там же. Л. 1038 об., 1069.
- ²⁰⁰ Там же. Ф. 475. Оп. 17. Д. 1028. Л. 160–160 об.
- ²⁰¹ Там же. Д. 1318. Л. 48–48 об.
- ²⁰² Там же. Ф. 46. Оп. 22. Д. 37. Л. 1000.
- ²⁰³ Там же. Л. 1020.
- ²⁰⁴ Там же. Оп. 14. Д. 21. Л. 3.
- ²⁰⁵ Там же. Оп. 22. Д. 37. Л. 1069.
- ²⁰⁶ Там же. Ф. 475. Оп. 19. Д. 114. Л. 118.
- ²⁰⁷ Там же. Л. 131.
- ²⁰⁸ Там же. Ф. 46. Оп. 22. Д. 37. Л. 1051.
- ²⁰⁹ Там же. Л. 1067.
- ²¹⁰ Там же. Л. 951 об.
- ²¹¹ Там же. Л. 1018 об.
- ²¹² Там же. Л. 975–1078.
- ²¹³ Там же. Л. 1010.
- ²¹⁴ Там же. Л. 1020.
- ²¹⁵ Там же. Л. 1038.
- ²¹⁶ Там же. Ф. 16. Оп. 204. Д. 241. Л. 1.
- ²¹⁷ Там же. Оп. 95. Д. 145. Л. 124.
- ²¹⁸ Там же. Оп. 204. Д. 241. Л. 1, 4.
- ²¹⁹ Там же. Оп. 233. Д. 41. Л. 4.
- ²²⁰ Там же. Д. 47. Л. 29.
- ²²¹ Там же. Оп. 233. Д. 43. Л. 85, 89 об.
- ²²² Станюкович К. М. Морские рассказы. М.: Худ. лит-ра, 1987. С. 177.
- ²²³ ЦГАМ. Ф. 16. Оп. 233. Д. 47. Л. 111.
- ²²⁴ Татищев А. А. Объезд сатрапа. Записки о карательной экспедиции Дубасова в Черниговской губернии. Смоленск: Зап. областное гос. изд-во, 1936. С. 16.
- ²²⁵ Там же. С. 8–9.
- ²²⁶ Там же. С. 3.
- ²²⁷ Там же. С. 7.
- ²²⁸ Там же. С. 14.
- ²²⁹ Там же. С. 19.

- ²³⁰ Татищев А. А. Указ. соч. С. 30.
- ²³¹ Там же. С. 32–33.
- ²³² Коган И. Указ. соч. С. 10.
- ²³³ Таратута В. К. Декабрь 1905 года в Москве // Великие незабываемые дни. Сборник воспоминаний участников революции 1905–1907 годов. М., 1970. С. 224–236.
- ²³⁴ Коган И. Указ. соч. С. 9.
- ²³⁵ Виноградов М. П. Миусовка // Пролетарская революция. 1930. № 10. С. 86–93.
- ²³⁶ Коган И. С. 10.
- ²³⁷ Новое время. 26 (13) декабря 1905. URL: starosti.ru/archive.php?y=1905&m=12&d=26
- ²³⁸ Литвин З. Я. Пресня в пятом году // Великие незабываемые дни. Сборник воспоминаний участников революции 1905–1907 годов. М., 1970. С. 215–223.
- ²³⁹ Горчилин А. И. 1905 год на Казанке // Московские большевики в огне революционных боев. Воспоминания. М., 1976. С. 327–334.
- ²⁴⁰ Коган И. Указ. соч. С. 7–8.
- ²⁴¹ Васильев-Южин М. Указ. соч. С. 37.
- ²⁴² Литвин-Седой З. Я. Указ. соч.
- ²⁴³ Декабрьское восстание в Москве 1905 г. Сборник. М.: Отдел Печати Московского Совета Рабочих и Крестьянских Депутатов, 1919. С. 187.
- ²⁴⁴ ЦГАМ. Ф. 16. Оп. 237. Д. 158. Т. 1. Л. 15 об.
- ²⁴⁵ Васильев-Южин М. Указ. соч. С. 37.
- ²⁴⁶ ЦГАМ. Ф. 17. Оп. 104. Д. 309. Л. 1.
- ²⁴⁷ Коган И. Указ. соч. С. 12–13.
- ²⁴⁸ Таратута В. К. Указ. соч.
- ²⁴⁹ Коган И. Указ. соч. С. 13.
- ²⁵⁰ Норов Н. Указ. соч. С. 18.
- ²⁵¹ Там же. С. 10.
- ²⁵² Горчилин А. И. Указ. соч.
- ²⁵³ ЦГАМ. Ф. 16. Оп. 237. Д. 101. Л. 57.
- ²⁵⁴ Там же. Оп. 233. Д. 49а. Л. 107.
- ²⁵⁵ Там же. Оп. 237. Д. 101. Л. 59.
- ²⁵⁶ Там же. Оп. 233. Д. 49а. Л. 107 об.
- ²⁵⁷ Там же. Д. 47. Л. 5.
- ²⁵⁸ Там же. Оп. 22. Д. 37. Л. 1082.

Глава III. Кровавый декабрь

- ²⁵⁹ Ржанов И. Декабрьские баррикады Москвы в 1905 г. М.: Типография Имп. Моск. университета, 1909. С. 7.
- ²⁶⁰ Коган И. Указ. соч. С. 16.
- ²⁶¹ Декабрьское вооруженное восстание глазами сотрудников московской полиции / публ. И. В. Говорова // Новейшая история России. 2012. № 2. С. 183.
- ²⁶² ЦГАМ. Ф. 46. Оп. 3. Д. 14. Л. 1–2
- ²⁶³ Декабрьское вооруженное восстание глазами сотрудников московской полиции... С. 183.

- ²⁶⁴ *Сторожев В.* Декабрьское вооруженное восстание // *Декабрьское восстание в Москве 1905 г.* Сборник. М.: Отдел Печати Московского Совета Рабочих и Крестьянских Депутатов, 1919. С. 173.
- ²⁶⁵ Там же. С. 78.
- ²⁶⁶ ГАРФ. Ф. 58. Оп. 6. Д. 27. Л. 175, 180.
- ²⁶⁷ *Коган И.* Указ. соч. С. 17.
- ²⁶⁸ *Сторожев В.* Указ. соч. С. 79.
- ²⁶⁹ *Ржанов И.* Указ. соч. С. 7.
- ²⁷⁰ *Коган И.* Указ. соч. С. 18.
- ²⁷¹ *Зензинов В. М.* Пережитое. N. Y.: Изд-во им. Чехова, 1953.
- ²⁷² *Коган И.* Указ. соч. С. 18.
- ²⁷³ *Сторожев В.* Указ. соч. С. 99.
- ²⁷⁴ Там же. С. 99, 106.
- ²⁷⁵ ЦГАМ. Ф. 475. Оп. 19. Д. 114. Л. 217.
- ²⁷⁶ Там же. Ф. 16. Оп. 233. Д. 49. Л. 43–44.
- ²⁷⁷ *Коган И.* Указ. соч. С. 19.
- ²⁷⁸ *Тютюник С., Христофоров И.* Декабрьская репетиция Октября // *Вокруг света.* 2005. Декабрь.
- ²⁷⁹ *Горчилин А. И.* Указ. соч.
- ²⁸⁰ *Коган И.* Указ. соч. С. 19.
- ²⁸¹ *Сторожев В.* Указ. соч. С. 159.
- ²⁸² ЦГАМ. Ф. 475. Оп. 17. Д. 1241. Л. 3 об.
- ²⁸³ *Коган И.* Указ. соч. С. 21.
- ²⁸⁴ *Тютюник С., Христофоров И.* Указ. соч.
- ²⁸⁵ *Коган И.* Указ. соч. С. 21.
- ²⁸⁶ *Ржанов И.* Указ. соч. С. 7–8.
- ²⁸⁷ *Сторожев В.* Указ. соч. С. 79.
- ²⁸⁸ ЦГАМ. Ф. 475. Оп. 19. Д. 114. Л. 211.
- ²⁸⁹ Там же. Ф. 16. Оп. 139. Д. 174. Т. 1. Л. 2.
- ²⁹⁰ Там же. Л. 3.
- ²⁹¹ *Ржанов И.* Указ. соч. С. 8–9.
- ²⁹² ЦГАМ. Ф. 17. Оп. 104. Д. 42. Л. 1.
- ²⁹³ Там же. Ф. 475. Оп. 19. Д. 114. Л. 221.
- ²⁹⁴ *Говоров И. В.* Указ. соч. С. 184.
- ²⁹⁵ ЦГАМ. Ф. 16. Оп. 139. Д. 174. Т. 2. Л. 13.
- ²⁹⁶ Там же. Ф. 475. Оп. 19. Д. 114. Л. 216.
- ²⁹⁷ *Сторожев В.* Указ. соч. С. 80.
- ²⁹⁸ ЦГАМ. Ф. 475. Оп. 19. Д. 114. Л. 205.
- ²⁹⁹ Там же. Л. 232.
- ³⁰⁰ *Сторожев В.* Указ. соч. С. 160.
- ³⁰¹ Там же. С. 161.
- ³⁰² *Коган И.* Указ. соч. С. 23.
- ³⁰³ *Горчилин А. И.* Указ. соч.
- ³⁰⁴ Там же.

- ³⁰⁵ Ржанов И. Указ. соч. С. 11.
³⁰⁶ ЦГАМ. Ф. 475. Оп. 19. Д. 114. Л. 220.
³⁰⁷ Бунин И. А. Окаянные дни: Дневники, рассказы, воспоминания, стихотворения. Тула: Приокское книжное изд-во, 1992. С. 234–235.
³⁰⁸ Там же. С. 46.
³⁰⁹ После Октябрьской революции А. А. Поливанов будет служить в Красной армии.
³¹⁰ Сторожев В. Указ. соч. С. 80.
³¹¹ Ржанов И. Указ. соч. С. 13.
³¹² Коган И. Указ. соч. С. 29.
³¹³ Говоров И. В. Указ. соч. С. 185.
³¹⁴ Там же С. 186.
³¹⁵ Таратута В. К. Указ. соч.
³¹⁶ Говоров И. В. Указ. соч. С. 186–187.
³¹⁷ Коган И. Указ. соч. С. 23.
³¹⁸ Литвин-Седой З. Я. Указ. соч.
³¹⁹ ЦГАМ. Ф. 16. Оп. 95. Д. 290. Л. 9–9 об.
³²⁰ Там же. Ф. 475. Оп. 19. Д. 114. Л. 222, 224.
³²¹ Там же. Л. 223.
³²² Там же. Л. 231.
³²³ Коган И. Указ. соч. С. 27.
³²⁴ Говоров И. В. Указ. соч. С. 187.
³²⁵ Там же. С. 188.
³²⁶ Говоров И. В. Указ. соч. С. 188–189.
³²⁷ ЦГАМ. Ф. 16. Оп. 233. Д. 49. Л. 49.
³²⁸ Там же.
³²⁹ Там же. Ф. 46. Оп. 22. Д. 37. Л. 1091.
³³⁰ Там же. Л. 1101.
³³¹ Там же. Л. 1102.
³³² Там же. Л. 1104, 1106.
³³³ Там же. Л. 1130.
³³⁴ Говоров И. В. Указ. соч. С. 184.
³³⁵ Там же. С. 186.
³³⁶ ЦГАМ. Ф. 16. Оп. 233. Д. 49. Л. 9.
³³⁷ Там же. Л. 49.
³³⁸ Там же. Оп. 95. Д. 293. Л. 1–1 об.
³³⁹ Там же. Оп. 233. Д. 49. Л. 51.
³⁴⁰ Там же. Ф. 475. Оп. 19. Д. 114. Л. 230.
³⁴¹ Ржанов И. Указ. соч. С. 20
³⁴² ЦГАМ. Ф. 475. Оп. 19. Д. 114. Л. 248.
³⁴³ Там же. Ф. 46. Оп. 22. Д. 37. Л. 1128.
³⁴⁴ Там же.
³⁴⁵ Там же. Ф. 16. Оп. 233. Д. 49. Л. 53.
³⁴⁶ Там же. Оп. 95. Д. 553. Л. 8–8 об.

- 347 Там же. Л. 8 об.
348 Там же. Д. 293. Л. 4.
349 *Сторожев В.* Указ. соч. С. 136.
350 ЦГАМ. Ф. 16. Оп. 233. Д. 49. Л. 53.
351 *Сторожев В.* Указ. соч. С. 136.
352 ЦГАМ. Ф. 16. Оп. 95. Д. 293. Л. 4–5 об.
353 Там же. Л. 6–6 об.
354 Там же. Ф. 46. Оп. 22. Д. 37. Л. 1151.
355 Там же. Л. 1145.
356 Там же. Ф. 16. Оп. 233. Д. 64. Л. 39.
357 Там же. Ф. 475. Оп. 19. Д. 114. Л. 263, 267.
358 Там же. Ф. 16. Оп. 95. Д. 553. Л. 4, 7.
359 Там же. Оп. 233. Д. 47. Л. 43.
360 Там же. Л. 88.
361 Там же. Д. 49. Л. 6.
362 Там же. Л. 9, 13.
363 Там же. Л. 84, 89.
364 Там же. Оп. 95. Д. 553. Л. 12–12 об.
365 *Вересаев В. В.* Указ. соч. С. 236, 241–242.
366 ЦГАМ. Ф. 16. Оп. 95. Д. 553. Л. 14.
367 Там же. Ф. 475. Оп. 19. Д. 114. Л. 213.
368 Там же. Л. 233.
369 *Говоров И. В.* Указ. соч.
370 ЦГАМ. Ф. 475. Оп. 19. Д. 114. Л. 238.
371 Там же. Ф. 16. Оп. 139. Д. 174. Т. 6. Л. 636–637.
372 Там же. Л. 24.
373 Там же. Л. 25.
374 Там же. Л. 640.
375 Там же. Л. 105.
376 Там же. Л. 121.
377 Там же. Л. 216–279.
378 Там же. Л. 610.
379 Там же. Л. 594–596.
380 Там же. Л. 121 об., 367.
381 Там же. Т. 2. Л. 5–5 об.
382 Там же. Л. 2–2 об.
383 Там же. Л. 7–7 об.
384 Там же. Ф. 475. Оп. 19. Д. 114. Л. 247.
385 Там же. Ф. 16. Оп. 139. Д. 174. Т. 2. Л. 18.
386 Там же. Л. 16.
387 Там же. Т. 4. Л. 1.
388 Там же. Л. 12.
389 Там же. Т. 5. Л. 20–21.

- ³⁹⁰ Там же. Л. 40.
³⁹¹ Там же. Л. 19.
³⁹² Там же. Л. 40, 44.
³⁹³ Там же. Л. 1.
³⁹⁴ Там же. Т. 4. Л. 45; Т. 6. Л. 610.

Глава IV. Новые времена

- ³⁹⁵ ЦГАМ. Ф. 46. Оп. 22. Д. 37. Л. 1125.
³⁹⁶ Там же. Оп. 17. Д. 88. Л. 4–4 об.
³⁹⁷ Там же. Ф. 16. Оп. 233. Д. 49. Л. 75.
³⁹⁸ Там же. Д. 49а. Л. 59.
³⁹⁹ Там же. Л. 33.
⁴⁰⁰ Там же. Л. 53.
⁴⁰¹ Там же. Л. 40.
⁴⁰² Там же. Л. 50.
⁴⁰³ Там же. Л. 50 об.
⁴⁰⁴ Там же. Д. 49. Л. 71.
⁴⁰⁵ Там же.
⁴⁰⁶ Там же. Д. 49а. Л. 49–49 об.
⁴⁰⁷ Там же. Л. 35.
⁴⁰⁸ Там же. Л. 30.
⁴⁰⁹ Там же. Ф. 46. Оп. 47. Д. 568. Л. 1–2 об.
⁴¹⁰ Там же. Ф. 16. Оп. 233. Д. 49а. Л. 104–104 об.
⁴¹¹ Там же. Ф. 46. Оп. 14. Д. 3659. Л. 1–1 об.
⁴¹² Там же. Л. 2.
⁴¹³ Там же. Ф. 16. Оп. 233. Д. 49а. Л. 59–65 об.
⁴¹⁴ Там же. Л. 89.
⁴¹⁵ Там же. Л. 86–86 об.
⁴¹⁶ Там же. Л. 59–60.
⁴¹⁷ Там же. Оп. 204. Д. 165. Л. 32.
⁴¹⁸ Там же. Ф. 17. Оп. 84. Д. 1021. Л. 1.
⁴¹⁹ Там же. Ф. 16. Оп. 96. Д. 540. Л. 23.
⁴²⁰ Там же. Ф. 17. Оп. 84. Д. 1021. Л. 1–2.
⁴²¹ Там же. Оп. 82. Д. 29. Л. 3, 7, 8.
⁴²² Там же. Ф. 16. Оп. 96. Д. 540. Л. 4.
⁴²³ Там же. Оп. 233. Д. 66. Л. 256 об.
⁴²⁴ ПСЗРИ. Собр. 3. Т. 25. Отд. 2. № 27165. С. 634–636.
⁴²⁵ ЦГАМ. Ф. 16. Оп. 197. Д. 565. Л. 64.
⁴²⁶ Там же. Л. 32, 36, 37 об.
⁴²⁷ Там же. Л. 63.
⁴²⁸ Там же. Л. 103, 119 об.
⁴²⁹ Там же. Оп. 233. Д. 49. Л. 147–148.

- 430 Там же. Л. 159–164, 181.
- 431 Там же. Ф. 16. Оп. 233. Д. 58. Л. 15; Ф. 46. Оп. 47. Д. 246. Л. 1.
- 432 Там же. Ф. 16. Оп. 197. Д. 565. Л. 74.
- 433 Там же. Ф. 17. Оп. 104. Д. 43. Л. 2 об.–3.
- 434 Там же. Ф. 46. Оп. 3. Д. 14. Л. 1 об.–2, 41 об.–42, 78.
- 435 Там же. Ф. 16. Оп. 197. Д. 565. Л. 67.
- 436 Там же. Ф. 17. Оп. 104. Д. 43. Л. 2.
- 437 Там же. Ф. 46. Оп. 14. Д. 33. Л. 8.
- 438 Там же. Л. 4 об.–5 об.
- 439 Там же. Д. 346. Л. 4.
- 440 Там же. Ф. 475. Оп. 19. Д. 114.
- 441 Там же. Ф. 16. Оп. 95. Д. 553. Л. 4.
- 442 Там же. Оп. 205. Д. 73. Л. 3.
- 443 Там же. Ф. 46. Оп. 42. Д. 106. Л. 1–4 об.
- 444 Там же. Ф. 16. Оп. 95. Д. 553. Л. 7.
- 445 Там же. Оп. 233. Д. 34. Л. 23.
- 446 Там же. Л. 22.
- 447 Там же. Ф. 46. Оп. 42. Д. 106. Л. 9 об.
- 448 Там же. Л. 10.
- 449 Там же. Ф. 16. Оп. 233. Д. 49а. Л. 111.
- 450 Там же. Л. 111 об.
- 451 Там же. Л. 83.
- 452 Там же. Ф. 16. Оп. 233. Д. 67. Л. 1, 3, 5.
- 453 Рейнботовщина. К ревизии сенатора Гарина. М., 1909. С. 27–28.
- 454 ЦГАМ. Ф. 16. Оп. 233. Д. 56. Л. 2.
- 455 Там же. Л. 13.
- 456 Там же. Л. 13 об.
- 457 Там же.
- 458 Там же. Л. 21.
- 459 Там же. Л. 35 об.
- 460 Там же. Д. 71. Л. 19.
- 461 Там же. Оп. 206. Д. 265. Л. 2–5.
- 462 Там же. Ф. 46. Оп. 14. Д. 346. Л. 1–3.
- 463 Там же. Ф. 16. Оп. 237. Д. 126. Т. 1. Л. 32.
- 464 Там же. Л. 34.
- 465 Там же. Ф. 46. Оп. 14. Д. 228. Л. 2–2 об.
- 466 Там же. Л. 13.
- 467 Там же. Ф. 16. Оп. 237. Д. 114. Л. 1–2.
- 468 Там же. Л. 15–17.
- 469 Там же. Оп. 233. Д. 54. Л. 29.
- 470 Там же. Оп. 96. Д. 565. Л. 23.
- 471 Там же. Л. 107 об.
- 472 Там же. Л. 39.

- 473 Там же. Л. 23.
474 Там же. Л. 22.
475 Там же. Л. 105, 108, 112.
476 Там же. Ф. 46. Оп. 9. Д. 117. Л. 7.
477 Там же. Ф. 16. Оп. 96. Д. 565. Л. 111.
478 Там же. Л. 55, 55 об., 57.
479 Там же. Л. 35.
480 Там же. Л. 36.
481 Там же. Л. 81.
482 Там же. Л. 84, 91 об., 97, 100, 104 об.
483 Там же. Л. 37.
484 Там же. Л. 2, 23, 37 об., 58, 59 об., 106.
485 Там же. Л. 49.
486 Там же. Л. 52.
487 Там же. Л. 51.
488 Там же. Л. 111.
489 Там же. Л. 70–70 об.
490 Там же. Л. 37 об.
491 Там же. Л. 46.
492 Там же. Л. 76.
493 Там же. Л. 59 об.
494 Там же. Л. 62.
495 Там же. Л. 72.
496 Там же. Л. 106.
497 Там же. Оп. 233. Д. 71. Л. 112.
498 Там же. Л. 23.
499 Там же. Л. 112.
500 Там же. Оп. 206. Д. 265. Л. 5.
501 Там же. Л. 6, 9, 10.
502 Там же. Л. 13–15 об.
503 Там же. Ф. 475. Оп. 19. Д. 41. Л. 19.
504 Там же. Д. 77. Л. 1–1 об.
505 Там же. Ф. 16. Оп. 96. Д. 565. Л. 108.
506 Там же. Л. 106 об.

Глава V. Революция продолжается

- 507 ЦГАМ. Ф. 16. Оп. 233. Д. 57. Л. 2 об.
508 Там же. Ф. 46. Оп. 47. Д. 568. Л. 10 об., 25.
509 Там же. Ф. 16. Оп. 233. Д. 57. Л. 6, 10, 17, 19.
510 Там же. Д. 59. Л. 1.
511 Там же. Л. 3.
512 Там же. Оп. 237. Д. 82. Т. 1. Л. 22 об.

- 513 Там же. Л. 22.
514 Там же. Л. 21.
515 Там же.
516 Там же. Л. 20.
517 Там же. Л. 11 об.
518 *Савинков Б. В.* Указ. соч. С. 166.
519 ЦГАМ. Ф. 16. Оп. 237. Д. 82. Т. 1. Л. 20 об.
520 Там же. Д. 158. Т. 1. Л. 1 об.
521 Там же. Л. 2.
522 Там же. Ф. 16. Оп. 237. Д. 82. Т. 1. Л. 20 об.
523 Яхно Валерий. Дело на 875 тысяч // Совершенно секретно. URL: // www.sovsekretno.ru; *Кустов М.* Грабеж во имя революции // Столетие. URL: // http://www.stoletie.ru/territoriya_istorii/grabezho_imya_revoljucii.htm.
524 ЦГАМ. Ф. 16. Оп. 237. Д. 82. Т. 1. Л. 21.
525 Там же.
526 Там же. Л. 20 об.
527 *Савинков Б. В.* С. 174–175.
528 ЦГАМ. Ф. 16. Оп. 237. Д. 82. Т. 1. Л. 17.
529 Там же. Л. 22.
530 Там же. Л. 17.
531 Там же. Л. 6.
532 Там же. Л. 22.
533 Там же. Д. 101. Л. 28–29.
534 Там же. Ф. 16. Оп. 96. Д. 455. Л. 1–3.
535 Там же. Л. 8; см.: Петербургский генеалогический портал.
536 Там же. Л. 7–8.
537 Там же. Л. 13.
538 *Савинков Б. В.* Указ. соч. С. 179.
539 Там же. С. 182–183.
540 Там же. С. 184.
541 Там же. С. 185–186.
542 Там же. С. 187.
543 ЦГАМ. Ф. 16. Оп. 237. Д. 101. Л. 3.
544 Там же. Л. 2.
545 Там же. Ф. 46. Оп. 47. Д. 568. Л. 7 об.
546 Там же. Ф. 16. Оп. 233. Д. 49а. Л. 93.
547 Там же. Ф. 46. Оп. 47. Д. 568. Л. 25, 38, 40.
548 Там же. Ф. 475. Оп. 17. Д. 977. Л. 1–6, 41, 45.
549 Там же. Л. 1–1 об., 41.
550 Там же. Д. 828. Л. 2–5 об.
551 Там же. Д. 1241. Л. 21.
552 Там же. Ф. 16. Оп. 95. Д. 544. Л. 1.
553 Там же. Л. 6–6 об.

- 554 Там же. Л. 11.
555 Там же. Оп. 233. Д. 66. Л. 1–2.
556 Там же. Ф. 475. Оп. 17. Д. 1241. Л. 27.
557 Там же. Ф. 16. Оп. 237. Д. 126. Т. 1. Л. 26.
558 Там же.
559 Там же. Оп. 96. Д. 546. Л. 2, 4.
560 Там же. Л. 5.
561 Там же. Ф. 475. Оп. 17. Д. 975. Л. 14.
562 Там же. Ф. 46. Оп. 17. Д. 303. Л. 15.
563 Там же. Ф. 16. Оп. 237. Т. 1. Л. 43–43 об.
564 Там же. Ф. 46. Оп. 17. Д. 303. Л. 15, 18, 33.
565 Там же. Ф. 16. Оп. 139. Д. 174. Т. 1. Л. 145–146.
566 Там же. Оп. 96. Д. 540. Л. 2.
567 Там же. Л. 3.
568 Там же. Оп. 233. Д. 54. Л. 11–13.
569 Жухрай В. Н. Тайны царской охраны: авантюристы и провокаторы. М.: Политиздат, 1991. С. 122.
570 Там же. Л. 126–127.
571 Там же. Л. 108–113.
572 ЦГАМ. Ф. 16. Оп. 237. Д. 82. Т. 1. Л. 11.
573 Там же. Л. 11 об.
574 Там же. Л. 12 об.
575 Там же. Л. 18–19.
576 Там же. Л. 17.
577 Там же. Л. 17 об.
578 Там же. Д. 158. Т. 1. Л. 8.
579 Там же. Л. 15, 15 об.
580 Там же. Л. 17 об.
581 Там же. Д. 82. Т. 1. Л. 7 об.
582 Там же. Д. 158. Т. 1. Л. 30.
583 Там же. Д. 82. Т. 1. Л. 4 об.
584 Там же. Л. 3.
585 Там же. Д. 158. Т. 1. Л. 31.
586 Там же. Л. 143.
587 Жуликова Е. Ф. Е. П. Дурново (Эфрон). История и мифы. М.: Прометей, 2012.
588 Там же.
589 ЦГАМ. Ф. 16. Оп. 237. Д. 82. Т. 1. Л. 4 об.
590 Там же.
591 Там же. Л. 3, 6.
592 Там же. Д. 158. Т. 1. Л. 2 об., 7 об.
593 Там же. Л. 33–33 об.; Д. 82. Т. 1. Л. 6.
594 Там же. Д. 82. Т. 1. Л. 2 об.
595 Там же. Д. 158. Т. 1. Л. 35 об.

- 596 Там же. Л. 36–37 об.
- 597 Агафонов В. К. Парижские тайны царской охраны // ЛитЛайф; Хлыстанов Э. А. Провокаторы до 1917 года // Семейный архив.
- 598 ЦГАМ. Ф. 16. Оп. 237. Д. 158. Т. 1. Л. 38 об.
- 599 Там же. Л. 66–67.
- 600 Там же. Д. 82. Т. 1. Л. 8 об.
- 601 Там же. Д. 158. Т. 2. Л. 26 об.–27.
- 602 Савинков Б. В. Указ. соч. С. 178.
- 603 Там же. Л. 174.
- 604 Там же.
- 605 Там же. С. 163.
- 606 Там же. С. 260.
- 607 Там же. С. 108–109, 120, 122.
- 608 Бурцев В. Л. В погоне за провокаторами. М.: Гл. ред. Молдавской Сов. энциклопедии, 1990. С. 133–134.
- 609 Там же. С. 144.
- 610 Там же. С. 154.
- 611 Савинков Б. В. Указ. соч. С. 373–374.
- 612 Там же. С. 430.
- 613 Давыдов Ю. Савинков Борис Викторович, он же В. Ропшин // Савинков Б. В. Указ. соч. С. 17.
- 614 Зырянов П. Н. П. А. Столыпин // Россия на рубеже веков: исторические портреты. М.: Политиздат, 1991. С. 58.
- 615 ЦГАМ. Ф. 475. Оп. 19. Д. 771. Л. 5–5 об.
- 616 Там же. Л. 6.
- 617 Савинков Б. В. Указ. соч. С. 216–233.
- 618 ЦГАМ. Ф. 16. Оп. 237. Д. 126. Т. 1. Л. 45.
- 619 Там же. Л. 46.
- 620 Там же. Л. 46 об.
- 621 Там же. Ф. 46. Оп. 17. Д. 90. Л. 2.
- 622 Там же. Оп. 96. Д. 540. Л. 9.
- 623 Там же. Л. 7.
- 624 Там же. Л. 14.
- 625 Там же. Оп. 17. Д. 303. Л. 17.
- 626 Там же. Л. 138.
- 627 Там же. Ф. 475. Оп. 17. Д. 503а. Л. 27.
- 628 Там же. Ф. 16. Оп. 96. Д. 419. Л. 41.
- 629 Там же. Оп. 237. Д. 114. Л. 35.
- 630 Там же. Л. 35 об.
- 631 Там же. Л. 41.
- 632 Там же. Л. 21.
- 633 Там же. Д. 158. Т. 2. Л. 24.
- 634 Там же. Оп. 233. Д. 71. Л. 41.
- 635 Там же. Оп. 237. Д. 158. Т. 2. Л. 24–25.

⁶³⁶ Зырянов П. Н. Указ. соч. С. 58–59.

Глава VI. Революция отступает

⁶³⁷ ЦГАМ. Ф. 16. Оп. 237. Д. 85. Л. 210.

⁶³⁸ Там же. Ф. 46. Оп. 17. Д. 303. Л. 97, 99.

⁶³⁹ Там же. Л. 112–112 об.

⁶⁴⁰ Там же. Л. 111.

⁶⁴¹ Там же. Ф. 16. Оп. 237. Д. 85. Л. 212.

⁶⁴² Там же. Л. 215.

⁶⁴³ Там же. Оп. 96. Д. 540. Л. 31.

⁶⁴⁴ Там же. Ф. 475. Оп. 17. Д. 1241. Л. 44.

⁶⁴⁵ Там же. Ф. 16. Оп. 96. Д. 540. Л. 30.

⁶⁴⁶ Там же. Л. 38.

⁶⁴⁷ Николаевский Б. Н. История одного предателя. Террористы и политическая полиция. М.: Высшая школа, 1991. С. 249.

⁶⁴⁸ ЦГАМ. Ф. 16. Оп. 96. Д. 506. Л. 27.

⁶⁴⁹ Там же. Л. 1–24.

⁶⁵⁰ Там же. Д. 540. Л. 40.

⁶⁵¹ Там же. Оп. 233. Д. 69. Л. 6.

⁶⁵² Там же. Л. 7.

⁶⁵³ Там же.

⁶⁵⁴ Там же. Ф. 46. Оп. 17. Д. 90. Л. 4.

⁶⁵⁵ Там же. Л. 4 об.

⁶⁵⁶ Там же. Ф. 16. Оп. 233. Д. 69. Л. 31.

⁶⁵⁷ Там же. Оп. 237. Д. 126. Т. 1. Л. 81.

⁶⁵⁸ Там же. Л. 2.

⁶⁵⁹ Там же.

⁶⁶⁰ Там же. Л. 81.

⁶⁶¹ Там же. Л. 6.

⁶⁶² Там же. Л. 8.

⁶⁶³ Там же. Ф. 17. Оп. 84. Д. 1022. Л. 1.

⁶⁶⁴ Там же. Л. 2.

⁶⁶⁵ Там же. Л. 3.

⁶⁶⁶ Там же. Ф. 46. Оп. 17. Д. 303. Л. 91.

⁶⁶⁷ Там же. Л. 90.

⁶⁶⁸ Там же. Ф. 475. Оп. 19. Д. 41. Л. 1–2.

⁶⁶⁹ Там же. Ф. 17. Оп. 84. Д. 1022. Л. 4.

⁶⁷⁰ Там же. Л. 5.

⁶⁷¹ Там же. Л. 6.

⁶⁷² Там же. Ф. 16. Оп. 237. Д. 126. Т. 1. Л. 75.

⁶⁷³ Там же. Л. 76.

⁶⁷⁴ Там же. Д. 121. Т. 2. Л. 1–26.

- 675 Там же. Д. 144. Л. 43.
676 Там же. Л. 2, 2 об., 14.
677 Там же. Д. 166. Т. 4. Л. 2–10.
678 Там же. Оп. 233. Д. 71. Л. 1–2.
679 Там же. Л. 37, 39, 41 об., 50, 88.
680 Там же. Л. 88 об.
681 Там же. Л. 90 об.
682 Там же. Л. 41, 41 об., 49, 50.
683 Там же. Л. 41 об., 44.
684 Там же. Ф. 475. Оп. 19. Д. 41. Л. 15.
685 Там же. Л. 13.
686 Там же. Л. 14.
687 Там же. Л. 15.
688 Там же. Оп. 17. Д. 977. Л. 140.
689 Савинков Б. Указ. соч. С. 241–248.
690 ЦГАМ. Ф. 16. Оп. 237. Д. 126. Т. 1. Л. 80.
691 Там же. Ф. 17. Оп. 105. Д. 75. Л. 1.
692 Там же. Л. 66.
693 Там же. Л. 10.
694 Там же. Л. 27.
695 Там же. Л. 31.
696 Там же. Л. 53.
697 Там же. Л. 35.
698 Там же. Л. 85.
699 Там же. Л. 69–70, 73.
700 Там же. Л. 80.
701 Там же. Л. 59.
702 Там же. Ф. 475. Оп. 19. Д. 41. Л. 23.
703 Там же. Ф. 16. Оп. 97. Д. 187. Л. 5–5 об.
704 Савинков Б. В. Указ. соч. С. 260.
705 Там же. Ф. 16. Оп. 97. Д. 187. Л. 6.
706 Николаевский Б. Н. Указ. соч. С. 259–260.
707 ЦГАМ. Ф. 16. Оп. 237. Д. 126. Т. 1. Л. 51.
708 Там же.
709 Подробнее о применении «предупредительных связей» в то время см.: Шаламов А. Ю. Российский «фараон»... С. 128–129, 255–256.
710 ГАРФ. Ф. 102. Делопроизводство 1. Оп. 1906 г. Д. 319. Л. 2.
711 Петров Р. Защитные панцыри // Вестник полиции. 1908. № 12. С. 14.
712 ГАРФ. Ф. 102. Д-во 1. Оп. 1906 г. Д. 319. Л. 7–11.
713 Там же. Л. 12 об.
714 Петров Р. Указ. соч. С. 14.
715 Там же.
716 Вестник полиции. 1910. № 25. С. 610.

- ⁷¹⁷ Там же.
- ⁷¹⁸ ГАРФ. Ф. 102. Д-во 1. Оп. 1906 г. Д. 319. Л. 13, 16.
- ⁷¹⁹ Там же. Л. 18, 20.
- ⁷²⁰ ЦГАМ. Ф. 16. Оп. 139. Д. 174. Т. 7. Ч. 3. Л. 1.
- ⁷²¹ Там же.
- ⁷²² Там же. Л. 2.
- ⁷²³ Там же. Л. 3–3 об.
- ⁷²⁴ Там же. Л. 2.
- ⁷²⁵ Там же. Л. 7.
- ⁷²⁶ Там же. Л. 9.
- ⁷²⁷ Там же. Л. 18.
- ⁷²⁸ Там же. Л. 6.
- ⁷²⁹ Там же. Л. 26–27.
- ⁷³⁰ ГАРФ. Ф. 102. Д-во 1. Оп. 1906 г. Д. 319. Л. 23, 25, 27, 29.
- ⁷³¹ Там же. Л. 31.
- ⁷³² Там же. Л. 33.
- ⁷³³ *Петров Р.* Указ. соч. С. 14.
- ⁷³⁴ ГАРФ. Ф. 102. Д-во 1. Оп. 1906 г. Д. 319. Л. 38 об.
- ⁷³⁵ Там же. Л. 40, 40 об.
- ⁷³⁶ Там же. Л. 41, 43.
- ⁷³⁷ *Кошко А. Ф.* Очерки уголовного мира царской России. Т. 1. Розовый бриллиант. М.: Захаров, 2001. С. 135–136.
- ⁷³⁸ ЦГАМ. Ф. 16. Оп. 237. Д. 158. Т. 2. Л. 8.
- ⁷³⁹ Там же. Оп. 237. Д. 158. Т. 1. Л. 67 об.
- ⁷⁴⁰ Там же. Л. 10.
- ⁷⁴¹ Там же. Л. 18.
- ⁷⁴² Там же. Л. 19.
- ⁷⁴³ Там же. Л. 14–15.
- ⁷⁴⁴ Там же. Л. 9.
- ⁷⁴⁵ Там же. Оп. 98. Д. 131. Л. 12, 50.
- ⁷⁴⁶ Там же. Л. 12 об.
- ⁷⁴⁷ Там же. Л. 9.
- ⁷⁴⁸ Там же. Л. 4, 5 об.
- ⁷⁴⁹ Там же. Л. 45, 48, 76.
- ⁷⁵⁰ Там же. Л. 48, 86.
- ⁷⁵¹ Там же. Л. 10, 11 об.

Глава VII. Новые угрозы

- ⁷⁵² Подробнее см.: *Шаламов А. Ю.* Российский «фараон»... С. 84.
- ⁷⁵³ ЦГАМ. Ф. 16. Оп. 98. Д. 63. Л. 5.
- ⁷⁵⁴ Там же. Л. 8.
- ⁷⁵⁵ Там же. Л. 8 об.

- 756 Там же. Оп. 233. Д. 54. Л. 48.
757 Там же. Л. 49.
758 Там же. Л. 49 об.
759 Там же. Л. 57.
760 Шаламов А. Ю. Российский «фараон»... С. 78–80.
761 Там же. С. 77, 78, 81.
762 ЦГАМ. Ф. 16. Оп. 98. Д. 63. Л. 5.
763 Шаламов А. Ю. Российский «фараон»... С. 75.
764 ЦГАМ. Ф. 16. Оп. 96. Д. 595. Л. 24.
765 Там же. Л. 25.
766 Там же. Л. 28, 33.
767 Там же. Л. 20.
768 Там же. Л. 34.
769 Там же. Л. 25, 26.
770 Там же. Оп. 98. Д. 63. Л. 3.
771 Там же. Оп. 96. Д. 595. Л. 19–20.
772 Там же. Л. 20.
773 Там же. Л. 22–22 об.
774 Там же. Л. 36–38.
775 Там же. Л. 40.
776 Там же. Л. 25 об.
777 Там же. Л. 28 об.
778 Там же. Л. 32 об.
779 Там же. Л. 33.
780 Там же. Л. 29–29 об.
781 Там же. Л. 34 об.
782 Там же. Л. 27 об.
783 Там же. Л. 28.
784 Там же.
785 Там же. Л. 26 об.
786 Шаламов А. Ю. Российский «фараон»... С. 82.
787 ЦГАМ. Ф. 16. Оп. 96. Д. 595. Л. 26.
788 Там же. Л. 26 об., 30 об.
789 Там же. Л. 30 об.
790 Там же. Оп. 98. Д. 63. Л. 14.
791 Там же. Л. 5 об.
792 Там же. Л. 2–3.
793 Там же. Л. 4.
794 Там же. Л. 15 об.
795 Там же.
796 Там же. Л. 16–16 об.
797 Там же. Оп. 233. Д. 83. Л. 1–2.
798 Там же. Оп. 237. Д. 126. Т. 1. Л. 218–218 об.

- ⁷⁹⁹ Там же.
- ⁸⁰⁰ Там же. Л. 219.
- ⁸⁰¹ Там же. Л. 223.
- ⁸⁰² Там же. Л. 224.
- ⁸⁰³ Там же. Л. 220.
- ⁸⁰⁴ Там же. Л. 226–227.
- ⁸⁰⁵ Там же. Л. 217.
- ⁸⁰⁶ Жухрай В. Н. Указ. соч. С. 186.
- ⁸⁰⁷ Там же. С. 122–123.
- ⁸⁰⁸ Там же. С. 124–125.
- ⁸⁰⁹ Там же. Л. 125.
- ⁸¹⁰ Там же. С. 126.
- ⁸¹¹ Разгон Л. Э. Непридуманное // Юность. 1988. № 5. С. 32.
- ⁸¹² Воспоминания русского Шерлока Холмса: записки бывшего начальника МСП А. Ф. Кошко // Иллюстрированная Россия. Париж, 1929. № 28.
- ⁸¹³ Там же. С. 10.
- ⁸¹⁴ Там же. С. 12.
- ⁸¹⁵ Там же. № 17. С. 10.
- ⁸¹⁶ Там же. С. 11.
- ⁸¹⁷ Разгон Л. Э. Указ. соч. С. 32.
- ⁸¹⁸ ЦГАМ. Ф. 16. Оп. 206. Д. 265. Л. 1–1 об.
- ⁸¹⁹ Там же. Оп. 233. Д. 66. Л. 50.
- ⁸²⁰ Там же. Л. 64.
- ⁸²¹ ГАРФ. Ф. 102. Дел-во 1. Оп. 1913 г. Д. 546. Л. 2, 15.
- ⁸²² Там же. Оп. 1914 г. Д. 86. Л. 2, 40.
- ⁸²³ Там же. Оп. 1909 г. Д. 183. Л. 4–5.
- ⁸²⁴ Там же. Д. 185. Л. 24.
- ⁸²⁵ Там же. Оп. 1913 г. Д. 596. Л. 14.
- ⁸²⁶ Лурье Л., Хитров А. Лидвалиада // Родина. 2002. № 6. С. 34–36.
- ⁸²⁷ ГАРФ. Ф. 58. Оп. 14. Д. 71а. Л. 32–33 об.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Аверьянов Платон Варламович — 267–268
Аврухина (урожд. Телегина) Мария, обывательница — 432
Агапов Андрей, крестьянин — 275
Агапов, ночной сторож — 252
Агапов, стражник 9-го отряда — 469
Агеев Андрей, обыватель — 275
Адлер, обыватель — 275
Адрианов Александр Александрович — 460, 497, 498, 502–503, 505, 508, 517
Азеф (Толстый) Евно Фишелевич — 176, 352, 359, 395, 399–401, 403, 416, 441, 506
Акинфиев Александр, эсер — 384, 462
Акинфиева (урожд. Никитина), эсэбка — 383–384, 462
Акулинин, машинист — 231
Александр II, российский император — 23, 402
Александр III, российский император — 48, 311, 402
Александра Федоровна, российская императрица — 24, 368, 442, 512
Александров Гавриил, террорист — 417, 418
Александров, морской офицер — 376
Александров, унтер-офицер жандармерии — 490
Александров-Дольник Константин Константинович — 493
Алексеев Евгений Петрович — 339
Алексеев Николай Алексеевич — 296
Алексеев Николай Николаевич — 91
Алексеев, гимназист — 113
Алексеев, помощник пристава — 253
Алексеева Аграфена, владелица квартиры — 431
Алексеева Екатерина — 275
Алексеева Татьяна, владелица квартиры — 431
Алианов, стражник 9-го отряда — 469
Андреев Никифор, городской — 329
Андреев Павел, эсер-максималист — 410
Андреев Петр Григорьевич — 275
Андреев, помощник уездного исправника — 392
Андреева Евдокия, крестьянка — 328
Андреева Мария Федоровна — 314
Андреев Петр, городской — 329
Анисимов (Блохин, Дедушка) Захар, рецидивист — 75, 77–79
Аносов, крестьянин — 504
Антипин Константин, анархист-коммунист — 468
Антонов Николай Васильевич — 275
Анучин Михаил Петрович — 253, 287
Арешев Петр Георгиевич — 162
Арманд Инесса Федоровна — 132
Арнольд Владимир Федорович — 488–489, 492–493, 495, 502, 505, 511
Арсеньев, торговец, скупщик краденного — 490
Арский Павел Александрович — 97
Архипов Абрам Ефимович — 139
Архипов Василий, дворник — 329
Асеев Григорий, городской — 329
Афанасьев, заведующий мастерскими завода «Братья Бромлей» — 36
Афонин Николай, дворник — 329
Ахшарумов, поручик — 9
Ачкасов Семен Алексеевич — 336, 445
Бабинок Николай Семенович — 499–502, 505
Бабков Иван, анархист-коммунист — 463, 468
Бабушкин Семен, рядовой, эсер — 357–358
Байков, путевой сторож — 491
Бакланов Иван Никифорович — 275
Балашов Дмитрий, младший унтер-офицер МЖД — 221
Баранов Александр, максималист — 419
Баранов Асаф Иванович — 73, 73, 76, 78
Баранов Иван, чиновник для поручений МОО — 437, 438
Баранов Никита, помощник делопроизводителя МОО — 365
Баранчиков Осип, старший рядовой МЖД — 222
Бардзини Людовик, репортер — 440

- Бардин Николай Игнатьевич — 238–240, 247–248, 250, 254
- Бардин Терентий, типографский рабочий — 384
- Барженцкая Мария Александровна — 280
- Баржецкая — 431
- Барышников (Соколов) Александр, максималист — 386
- Барышников Полиевкт, эсер — 356
- Бауман Николай Эрнестович — 91, 102–103, 106, 109, 144–146, 179, 182
- Бауфал Владислав Францевич — 322
- Беклемишев Николай Александрович — 376
- Бекман Владимир Александрович — 260, 261
- Белецкий Степан Петрович — 511
- Белова, максималист — 431
- Бельков Василий, городской — 196–197
- Беляков Михаил, кучер — 391
- Беневская (Генриетта) Мария Аркадьевна — 360–361, 364
- Берг Василий, участник беспорядков — 197
- Березин, городской — 158
- Бернштейн Александр Николаевич — 252
- Бернштейн Михаил, околоточный надзиратель — 295
- Бизак Жан, участник автопробега — 440
- Бирюков, городской — 154
- Бишовец Владимир, надзиратель МСП — 489, 492–493
- Бобров Федор, крестьянин — 375
- Бобров, поддежурный станции
- Сортировочная — 501
- Богдазевич Михаил Алогдзиевич — 295
- Богданов Евгений, максималист — 388
- Богданова Александра, агентесса МОО — 507–508
- Богданович Евгений Васильевич — 321
- Богданович Николай Модестович — 398, 402
- Богословский Александр, студент — 133
- Богословский Валерий Михайлович — 253, 295
- Богров Дмитрий Григорьевич — 506
- Больших, максималист — 431
- Боргезе Сципион, князь — 440
- Борзенков, околоточный надзиратель — 159
- Бормотов Федот, старший рядовой МЖД — 221
- Ботнев Гавриил, чиновник МСП — 472, 476, 483–484, 488–489, 491–494, 497, 516–517
- Бочаров Константин, паропроводчик — 377,
- Бояновский Степан Феликсович — 253, 287
- Бояр Иван, надзиратель МСП — 476
- Бреслав (Захар) Борис Абрамович — 178
- Брилевич Александр Васильевич — 207
- Бриллиант (Чиркова) Дора Владимировна — 45, 395, 397
- Брюсов Валерий Яковлевич — 142, 234
- Бубнов Николай, мальчик — 102
- Будберг Андрей Романович, барон — 27, 31–32, 56, 198, 202, 220, 234, 246, 257, 265, 284, 315–317, 372, 444–445, 487
- Буйко Константин, дворник — 329
- Буканов, надзиратель МОО — 291
- Булгаков Михаил Афанасьевич — 5
- Булкин, эсер — 462
- Булгын Александр Григорьевич — 29, 52, 120, 304
- Бунин Гавриил, ночной сторож — 329, 330
- Бунин Иван Алексеевич — 86, 234–235
- Бунин Иван, сторож — 435–436
- Бурцев Владимир Львович — 400
- Бухало Сергей Иванович — 441
- Бухман Александр Николаевич — 483, 488, 492–493, 511
- Быков Анатолий Анатольевич — 443
- Быков Ефим, анархист-коммунист — 463–464, 468
- Быков Илия Николаевич — 275
- Вадбольский Владимир Михайлович, князь — 444**
- Варазина Мария, революционерка — 195
- Варварин Владимир Николаевич — 519
- Василий IV Иванович Шуйский — 239
- Васильев (Южин) Михаил Иванович — 108, 190–191, 194, 371
- Васильев Алексей Иванович — 445
- Васильев Алексей Николаевич — 189, 193
- Васильев, торговец, скупщик краденного — 489
- Васнецов Аполлинарий Михайлович — 139
- Васнецов Виктор Михайлович — 443
- Ватаци Александр Александрович — 298
- Вдовин Игнат, кочегар — 377
- Вельш Александр Карлович — 427, 445

- Венцель Луиза, певица — 74
 Вересаев Викентий Викентьевич — 65, 269, 270
 Веретенников Алексей Порфирьевич — 146
 Верещагин Василий Васильевич — 301
 Веригина Капитолина, анархистка-коммунистка — 468
 Вернадский Владимир Иванович — 142
 Ветров Николай, извозчик — 196–197
 Виленский Афроил, террорист — 120
 Вилков, пристав — 466
 Виноградов Георгий Константинович — 466
 Виноградов Константин, писарь — 77
 Виноградов Михаил Петрович — 180, 182–183
 Витальцев-Спиридонов Владимир, цеховой портновского цеха — 153
 Витте Сергей Юльевич — 94, 96, 122, 126, 137–139, 144, 157, 176, 225, 279, 368
 Владимир (Богоявленский), митрополит — 280
 Владимиров, старший унтер-офицер — 358
 Владимирова Евдокия, учительница, социал-демократ — 382
 Владимирова Софья, член группы коммунистов-анархистов — 67
 Власов Петр, содержатель оружейной мастерской — 153
 Власов Тихон Григорьевич — 443
 Власов, кочегар Московско-Ярославской железной дороги — 465, 468
 Вноровский-Мищенко (Лев) Владимир Устинович — 362
 Вноровский-Мищенко (Пушкин) Борис Устинович — 362, 394, 395, 398, 402
 Воеводин Григорий Васильевич — 436–438, 497
 Войлошников Александр Иванович — 73–76, 78–79, 198, 241–242, 249, 273, 317–318, 365, 494–495
 Войлошникова Ольга Павловна — 282
 Войт Сергей Дмитриевич — 279
 Волков Евгений Николаевич — 32, 43–44, 50, 56–57, 136
 Волков Иван Яковлевич — 142
 Волосюк, унтер-офицер жандармерии — 490
 Волошин Максимилиан Александрович — 234
 Волхонский, городской — 410
 Вонлярская Елена, эсерка — 357
 Воробьев Виктор Владимирович — 249
 Воробьев Яков, мещанин — 329
 Воробьев, дворник — 411
 Воронец Юрий Дмитриевич — 159, 253
 Врубель Михаил Александрович — 314
 Вуич Эммануил Иванович — 451
 Выдрин, агент МОО — 410
 Галкин Иван, налетчик — 432, 434
 Галле Владислав Францевич — 453, 458
 Галгин, член шайки грабителей — 490
 Ганзель Константин Михайлович — 336, 445
 Гапанович Константин Дмитриевич — 297
 Гапон Георгий Аполлонович — 35
 Гарденин Николай Яковлевич — 456
 Гарин Николай Павлович — 496–497, 515, 518
 Гартье Николай Федорович — 321, 323, 443,
 Гейнце Сергей, мещанин — 153
 Генералов Кирилл, крестьянин — 110
 Генин Яков, большевик — 356
 Герасимов Эраст Георгиевич — 257
 Герасимов, купец — 336
 Гернет Михаил Николаевич — 142
 Герстенберг Владимир, прусский поданный — 106
 Гершельман (урожд. Познанская) Александра Васильевна — 301
 Гершельман Сергей Константинович — 146–147, 298–302, 334, 371–373, 414–416, 426, 437, 447, 454–456, 460, 475–476, 485, 487, 497, 512, 514
 Гетлинг (урожд. Огарева) Александра Дмитриевна — 474
 Гетлинг Эдуард Константинович — 474
 Гиацинтов Владимир Егорович — 139
 Гибсон Джон-Генрих Карлович — 433–434
 Гиляровский Владимир Алексеевич — 462
 Глазунова, максималист — 431
 Глинкин Афонасий, городской — 329
 Глуценко Всеволод Ефимович — 295
 Говоров Николай Иванович — 151
 Гоголев, унтер-офицер жандармерии — 490
 Годар Карл, участник автопробега — 440
 Головачев Петр, максималист — 432
 Головин, арестованный — 333

- Головин, городской — 159
Головченко Иван, младший монтер — 377
Голосов Всеволод Петрович — 151, 209, 222, 255–256
Гольдовский Онисим Борисович — 103
Гонский, комиссионер — 489
Горбатенков Афанасий Ларионович — 378
Гордиенко Самуил, максималист — 393
Горелов, рабочий — 488
Горемыкин Иван Логгинович — 368, 424
Горин, городской — 435
Горлунов (Володя Московский) Владимир, максималист — 413
Городецкий, скупщик краденного — 491
Горчилин (Гренадер) Андрей Иванович — 188, 217, 231
Горшков Иван, дворник — 328
Горький Максим (Пешков Алексей Максимович) — 183, 234, 314
Гостев, торговец, скупщик краденного — 489
Готье Юрий Владимирович — 142
Грачева Вера, дочь типографа — 276
Гращенко, городской — 252
Грегус И. И., заведующий сыскной частью — 458
Григорьев, хозяин столярной мастерской — 389
Гринцевич Александр Иванович — 253, 287, 443
Гринцевич Бенедикт Иванович — 36
Громов (Чугурн) Василий, крестьянин, член группы коммунистов-анархистов — 67
Грошев Яков, ночной сторож — 435–436
Грушецкий, околоточный надзиратель — 252
Губанов Федор, служитель Тверской пожарной команды — 83
Гулев Николай, главарь шайки налетчиков — 432, 434
Гунццарди Гектор, участник автопробега — 440
Гуркин Иван, городской — 329
Гурко (Ромейко-Гурко) Владимир Иосифович — 518–520
Гурко Иосиф Владимирович — 300
Гусев Иван, младший унтер-офицер МЖД — 294
Гусев, ночной сторож — 159
Гусляков Иван, дворник — 328
Гучков Александр Иванович — 91–92
Гучков Николай Иванович — 124, 278, 280, 337, 446–447, 498
Гущин Федор, надзиратель МСП — 476
Давыдов Григорий, железнодорожный сторож — 500, 504
Дебеш Сергей Евстафьевич — 218
Деттерев Иван, пожарный служитель — 101
Деев Никита, крестьянин, максималист — 419
Деканосов (Деканозов) Иван, рядовой, эсер — 357, 359
Деметрашвили Андрей Гаврилович — 392, 462
Демидов, агент МОО — 410
Демидов, городской — 159
Ден фон, подпоручик — 276
Денисов Дмитрий, сторож — 465–468
Денисова Мария Ивановна — 468
Дещинский Евстафий Викторович — 473, 476, 492, 497
Дещинский Михаил Викторович — 443
Джугашвили Иосиф Виссарионович, см. *Сталин*
Джунковская Евдокия Федоровна — 55
Джунковский Владимир Федорович — 55–56, 61–62, 85, 90, 92–93, 98, 101, 103, 108, 118–120, 126–127, 144–145, 157, 161–162, 181, 184, 191, 198–199, 201, 204, 206–210, 213–214, 218, 220–221, 223, 226–227, 229, 231, 233, 236, 249–251, 257, 265, 267, 271–273, 280, 283–284, 298, 310, 313–314, 336, 342, 371–372, 377, 406, 412, 417, 419, 421–423, 443, 469, 498, 509, 511–512, 514
Диброва Мария, прислуга Николаевского женского училища — 281–282
Дмитриев, эсер — 237
Дмитриева Александра, эсерка — 356
Дмитрий Павлович, великий князь — 45
Доброзраков Евгений Иванович — 87
Дормодехин Иван, городской — 196–197
Доссер (Леший) Зиновий Николаевич — 194
Дроздов Сергей, городской — 103
Дружинин Александр Александрович — 466
Дубасов Дмитрий Федорович — 168
Дубасов Олег Федорович — 168
Дубасов Федор Васильевич — 56, 163–176, 197, 204, 218, 220, 225, 227, 229, 235, 244, 251, 254–255, 257–261, 264–269, 271, 273, 278–279, 283–285,

- 287, 296, 299, 305–308, 310, 312–313, 315–316, 318, 320–231, 359–364, 368–369, 371–373, 394, 402, 419
- Дубасова (урожд. Сипягина) Александра Сергеевна — 168
- Дубасова Дарья Федоровна — 168
- Дубасова Ирина Федоровна — 168
- Дубасова Татьяна Федоровна — 168
- Дубинин, член шайки грабителей — 491
- Дубровин Александр Иванович — 282
- Дубровинский (Иннокентий) Иосиф Федорович — 193, 196
- Дубынин, городской — 252
- Дувакин Дмитрий Дмитриевич — 122
- Дудин Лев Иванович — 445
- Дулебов Егор Олимпиевич — 398, 402
- Дурново (урожд. Кочубей) Мария Васильевна — 52
- Дурново Михаил Апполонович — 387
- Дурново Петр Апполонович — 387
- Дурново Петр Николаевич — 120, 125, 127 147, 157, 368, 398
- Дурново Петр Павлович — 52–56, 73, 98–100, 102–103, 107–108, 115, 117, 120, 122–123, 126, 127, 137–138, 147–148, 157, 162, 283, 298, 373, 387
- Душенков Семен Дмитриевич — 76–78
- Дьяченко Венедикт Антонович — 495
- Евсеев** Михаил, рядовой МЖД — 221, 282
- Евтюхин Тимофей, рабочий — 102
- Егоров Иван, дворник — 328
- Егоров Макар, крестьянин — 328
- Егоров Михаил, запасной нижний чин — 104
- Елизавета Федоровна, великая княгиня — 45
- Елисеев Павел, один из налетчиков — 432
- Елов Григорий, надзиратель МСП — 75, 80, 476
- Емельянова Людмила, максималистка — 413
- Епинатьев, свидетель — 491, 493
- Еремеев Семен, городской — 294, 296
- Ермолаев Николай, обыватель — 275
- Ермолов Сергей Николаевич — 162, 253, 287
- Ермолов, пристав, ротмистр — 249
- Есенин Сергей Александрович — 143
- Жадаев** Алексей, крестьянин — 112
- Жданов Андрей, агент МСП — 500, 502
- Жданов, городской — 196
- Жервиль-Реаш Леон, репортер — 440
- Жуков Григорий, главарь шайки грабителей — 490–491
- Жуков Иван, крестьянин — 115
- Жуков Сергей Григорьевич — 491
- Жуков, дворник — 159
- Забусский** Герман, эсер-террорист — 418
- Задарновский Климентий Карлович — 453
- Зайцев Иван, максималист — 383
- Зайцев, эсер — 462
- Зайцев-Попов Матфей, домовладелец — 124
- Закиров, дворник — 411
- Закс, комиссионер — 489
- Закурдаев Иван, городской — 329
- Заневский Чеслав Степанович — 253, 445
- Заремба Антон Александрович — 253, 445
- Захаров Алексей, рядовой МЖД — 221, 282
- Захаров Василий, сторож — 196
- Захаров Тимофей, дворник — 196, 197
- Захаров, студент — 113
- Зверев (Зверь) Евгений, эсер — 352, 395, 411
- Зелинский Николай Дмитриевич — 142
- Землячка (Залкинд) Розалия Самойловна — 194, 196
- Земской Алексей, пищик канцелярии градоначальства — 288
- Зензинов (Зинзинов) Владимир Михайлович — 132, 209–213, 215
- Зимовец, военный музыкант, эсер — 358
- Злобинский, комиссионер — 488
- Золотарев Вениамин Николаевич — 198
- Зоммерфельд (Мартынов) В. Я., эсер — 237
- Зубатов Сергей Васильевич — 27
- Зуров Александр Александрович — 218, 255–256
- Зыбин Павел, торговец, скупщик краденного — 491
- Иванова** Агния, эсера — 355
- Иванов Алексей, городской — 436–437
- Иванов Владимир Егорович — 275
- Иванов Егор, городской — 328
- Иванов Иван, максималист — 392
- Иванов Петр, сотник — 106

- Иванов Сергей Васильевич — 139
Иванов Федор, писец канцелярии
градоначальства — 288, 296
Иванов, городской — 329, 374–375
Иванов, служитель полицейского дома — 76
Иванов, максималист — 431
Иванова Софья, член группы коммунистов-
анархистов — 67
Иванов-Луцевич Николай Федорович — 279
Иванюк, городской — 158
Игнатов Иван Тимофеевич — 320
Игнатьев Алексей Алексеевич, граф — 65
Игнатьев Павел Николаевич, граф — 47
Игнатьев, торговец, скупщик краденного — 489
Измаилов Николай, староста артели — 124
Именнов, городской — 435
Иоффе Элья, дантист — 110
Ирлихт Моисей, рядовой, эсер — 357
Иров Ефим, старший машинист смены — 377
Каганов, полицейский надзиратель — 67
Казакова Вера, крестьянка — 102
Кайнихин Василий, чиновник МСП — 476, 491,
497, 516
Кайнихин Степан, надзиратель МСП — 476
Калинин, городской — 157
Каляев (Поэт) Иван Платонович — 45–47, 395,
398, 402
Кан Иосиф Львович — 143
Каныгин Николай, городской — 435–436
Карпов, служитель МОО — 291
Карякин Сергей, рабочий — 154, 502
Касаткин Николай Алексеевич — 139
Касимовский, офицер, эсер — 358
Каутский Карл — 133
Кафтанюк, максималист — 431
Кедров Сергей Иванович — 288, 295
Кельбедин Павел Андреевич — 75, 79, 488
Керков Владимир Эмильевич, капитан — 92
Керстич 1-й Владимир Георгиевич — 253, 296, 329
Керстич 2-й Иван Григорьевич — 443
Ким Чан Иль, переселенец — 12
Киотов, пожарный — 252
Кипарский Владимир Валентинович — 277
Кирыков, городской — 328
Кияшко Андрей Иванович — 458
Клейгельс Николай Васильевич — 44
Климов Михаил, участник беспорядков —
196, 197
Климов, агент правления Московско-Казанской
железной дороги — 500–502, 504
Климович Евгений Константинович — 291, 340,
342–344, 350–351, 353–355, 363, 365, 371, 438,
503–504, 507–508
Кломинский Николай Александрович — 366
Клыков, городской — 159
Книппер-Чехова Ольга Леонардовна — 314
Ковалев Федор, городской — 435–436
Ковалева Екатерина, максималистка — 388
Коган И., большевик — 108, 189, 201, 206, 209,
212–213, 218, 221, 223, 237
Козлов Александр Александрович — 47–52,
55–56, 59–60, 63, 72, 83–84, 298
Козлов Константин Владимирович — 236
Козлов Терентий, городской — 196–197
Козлов, ротмистр жандармерии — 508
Козловский Евдоким, подпоручик — 499–500,
502–503, 505
Козырев Алексей, максималист — 432, 434
Коллинъон Виктор, участник автопробега — 440
Кологривов Сергей, чиновник Межевой
канцелярии — 144
Колоколов Валериан Александрович, ротмистр —
437–438, 499–500, 502–505
Коломиец (Рубец) Иван, максималист — 413
Колонтаев Федор Егорович — 92, 292–293, 377
Колчев, околоточный надзиратель — 159
Кольберг Вера Николаевна — 356
Комаров Евгений, террорист — 364, 381
Комаров Иван, ночной сторож — 294
Комендантов Андрей Леонидович — 306, 455
Кондратьев Сергей Петрович — 399
Кондратьев, полицейский надзиратель — 67
Коновалов Василий (он же Иван Добролюбов),
член группы коммунистов-анархистов — 68
Коновалов Павел, максималист — 389
Коновницын Сергей Николаевич, граф — 361–362

- Коноплянникова Зинаида Васильевна — 120, 380, 406
- Кормаков, унтер-офицер жандармерии — 490
- Кормье Георгий, участник автопробега — 440
- Корнев, торговец, скупщик краденного — 490
- Корнилов Аркадий Петрович — 280
- Коровов, дворник — 436
- Коровин Василий Иванович — 276
- Коровин Константин Алексеевич — 139
- Корольков Степан, участник беспорядков — 197
- Короткий Владимир Аполлонович — 317, 323, 515–516
- Косагов Григорий, крестьянин — 113
- Косматов Семен, городской — 107
- Косорогов Владимир Иванович — 443, 445
- Костовский Василий Степанович — 329, 443
- Костюгин Василий, крестьянин — 113
- Котен Михаил Фридрихович фон — 438–439, 466–467, 499, 503, 507–508, 512
- Кошелев Егор, паропроводчик — 377
- Кошко Аркадий Францевич — 459, 463, 470, 473, 497, 501, 510–512, 516–518
- Крамер Василий, врач — 113
- Красавцев, торговец, скупщик краденного — 489
- Краснопольский Петр, надзиратель МСП — 476
- Кретов Леонтий, глава группы максималистов-экспроприаторов — 436
- Кристи Григорий Иванович — 55, 126–127, 161
- Крузенштерн Аксель Фридрихович — 151
- Кручинин Платон, городской — 329
- Крушеван Павел Александрович — 137–138
- Крушинский Леонид Феликсович — 67
- Крылов Митрофан, максималист — 388
- Крылов, околоточный надзиратель — 329
- Крысанов Петр, дворник — 196
- Кубышев, городской — 159
- Кузнецов Василий, крестьянин — 106
- Кузнецов Павел, максималист — 432
- Кузнецов Терентий, максималист — 389
- Кузнецов, городской — 374–375
- Кузнецов, ночной сторож — 159
- Кузнецова Екатерина Михайловна — 275
- Кузьмин Александр, максималист — 432 434
- Кулагин Кирилл Васильевич — 275
- Кулешов Григорий, городской — 328–329
- Куликов, полицейский урядник — 391–392
- Куликовский Петр Александрович — 45–46, 51, 73
- Куликовский, околоточный надзиратель — 117
- Кулинский Александр Георгиевич — 252, 345
- Куропаткин Алексей Николаевич — 29, 64–66
- Кутовой, околоточный надзиратель — 158, 195
- Кутырев Сергей, машинист — 377
- Лаврентьев, рабочий — 113
- Лавров Леонид (Ленька Бешеный), грабитель — 380
- Лаврухин, унтер-офицер жандармерии — 490
- Лапина (Бэла) Эсфирь, террористка — 400
- Ларионов Василий, эсер — 356
- Ларухин, ночной сторож — 159
- Лауниц Владимир Федорович фон дер — 451–452
- Лахмоткин Александр, городской — 329–330
- Лебедев Василий Иванович — 27, 318
- Лебедев Лев Тимофеевич — 134–136, 288, 295, 494–495
- Лебедев Петр Николаевич 115, 142
- Левитан Исаак Ильич — 118
- Лелуье Евгений, участник автопробега — 440
- Лелюхин Василий Васильевич — 494
- Лемешко, околоточный надзиратель — 329
- Ленин (наст. фам. Ульянов) Владимир Ильич — 151, 177, 234, 315, 442
- Леонов Абрам, околоточный надзиратель — 339
- Леонов, дворник — 159
- Леонтьева Татьяна Александровна — 398
- Летунов, весовщик — 501
- Лжедмитрий II — 240
- Лидваль Федор Иванович — 519
- Лидваль Эрик Иванович — 518
- Литвин (Седой) Зиновий Яковлевич — 188, 190, 237
- Литвинов Иван, делопроизводитель МОО — 365
- Лихачев Иван, извозчик — 196–197
- Лихтанский Виктор Зиновьевич — 27
- Лопатин Николай, студент — 112
- Лопухин Алексей Александрович — 11
- Лосев Дмитрий, дворник — 328

- Лосева, максималистка — 384
Лосков Иван, городской — 329
Лунд Эдуард Эдуардович — 318–322, 487
Лурье (Катя) Рашель Вульфона
Лыков Николай Владимирович — 336
Львов Алексей Евгеньевич, князь — 139
Лядов (наст. фам. Мандельштам) Мартын
Николаевич — 193–194
Лямин, казначей — 279
Мазурин (Володя) Владимир Владимирович —
241, 352, 364, 395, 410–411
Майков Сергей Федорович — 275
Макаров Александр Александрович — 409,
425, 429
Макаров Василий, городской — 328
Макри Иван Георгиевич, корнет — 466–467
Максимов Иван, токарь, максималист — 389
Максимов Федор, максималист — 392
Максимовский Александр Михайлович — 335
Малахов Николай Николаевич — 47, 148, 204, 220,
255–256, 264, 272
Малешков, арестант — 375
Малиновский Роман Вацлавович — 509
Малишевский Виктор Львович — 253, 287, 445
Малкин Залман, помощник присяжного
поверенного — 461
Мальгин Николай, анархист-коммунист — 463,
468–469
Мальгина Вера, эсерка — 357
Мальгина Лидия, эсерка — 357, 359
Мальцев Федор, младший рядовой МЖД — 222
Мария Павловна, великая княжна — 45
Мария Федоровна, российская императрица —
26, 263
Марков, жандарм — 391–392
Марковкин Василий, надзиратель МСП —
497, 516
Мартирий (Михайлов), игумен — 464
Мартынов Петр Павлович — 366
Мартынов, арестант — 76
Марченков Василий Маркович — 320
Маслов Михаил, городской — 160
Маслова Екатерина Петровна — 279
Матвеев Иван Николаевич — 288, 295
Матиясевич Анна, организатор Бутырского
района РСДРП — 382
Мачалин, агент МСП — 502
Машков, ночной сторож — 159
Медведев Владимир Павлович — 275
Медведев Дмитрий, дворник — 329
Медведков Николай Михайлович — 288, 295
Медем Георгий Петрович фон, барон — 55–56, 79,
90, 98–99, 110–111, 117, 120, 122, 126–127, 133,
138, 157–158, 162, 191, 198, 202–204, 220, 227,
246, 253, 264–265, 272–273, 284, 287, 289, 308, 312
Медков Иван, налетчик — 432–434
Мельников Петр Иванович — 243
Мерзликин Захар Семенович — 378
Меркулов, писарь, агитатор — 358
Мецнер Павел Борисович — 118, 236
Микулин, писарь, агитатор — 358
Милюков Павел Николаевич — 103
Мин (урожд. княжна Волконская) Екатерина
Сергеевна — 379
Мин Георгий Александрович — 243–244, 246–248,
250–251, 254, 267, 283, 289, 378–379
Миронов, околоточный надзиратель — 411
Миронов, стражник — 501
Михайлов Иван, максималист — 383
Михайлов Михаил Федорович — 7–8
Михайлова Екатерина, мещанка — 275
Михалин Николай Федотович — 145–147
Михнов Павел Дмитриевич — 295
Моисеенко (Опанас) Борис Николаевич — 45,
361, 364
Моисеенко (Моисеенко) Дмитрий Петрович —
317–318, 323, 350, 472–477, 483–484, 487–488,
491–497, 518
Молев Иван, эсер — 383, 462
Молчанов Николай, городской — 295
Монахов Алексей, городской — 96, 197
Моргунов Иван, агент МСП — 501–502
Мордвинов, городской — 411
Морозов Савва Тимофеевич — 314
Морозов Сергей Викулович — 314
Мужичков, грабитель — 490
Мумриков, подозреваемый — 438
Муравин Михаил, эсер — 357

- Муравьев, помощник пристава — 147
Муравьев-Амурский Николай Николаевич — 140
Мурашев Михаил Иванович — 339
Мусатов Дмитрий, максималист — 393
Мусатов, эсер — 461
Муханов Константин Михайлович — 443
Мухина Анна, певица ресторана — 78
Мухина Мария, крестьянка — 431
Мызников Степан, городской — 329
Мышцецкая Ксения, княжна, максималистка — 413
Набоков Евгений Михайлович — 159
Наумов Андрей, сторож — 391
Неверевский, штабс-капитан — 92
Нефедов Василий Григорьевич — 277
Нефедов Емельян, эсер — 365
Никаноров Александр извозчик — 410–411
Никифоров Василий, надзиратель МСП — 476
Никифоров Николай Семенович — 275
Никифоров, городской — 159
Никифоров, рабочий — 113
Николаев Иван, владелец часового магазина — 78
Николаев Николай Николаевич — 289–290
Николаев, прапорщик — 277
Николай II, российский император — 23, 26, 29–30, 47, 49, 52, 54, 92, 94–96, 114, 139, 162, 172, 263, 311, 424, 442, 506, 515, 518, 520
Николай Николаевич (Младший), великий князь — 205, 207, 254, 260, 261, 205, 207, 254, 260–261
Николай, келейник Екатерининской пустыни — 464
Никольский Гавриил, почетный гражданин — 110
Никольский Иван, эсер-террорист — 355
Никулин Алексей, рядовой МЖД — 282
Нилов Иван Дмитриевич — 256
Новиков Константин, боевик — 507
Новикова Александра, агента МОО — 507–508
Новицкий, капитан — 270
Новоселов, смотритель зданий Казанской железной дороги — 501
Норов Н., большевик — 89, 108
Носков Михаил Николаевич — 287
Оболенский Сергей Александрович, князь — 447
Овлаховский, писец МСП — 241
Огарев Иван Дмитриевич — 474
Огарев Николай Дмитриевич — 473–474
Озеровский Антон Андреевич, ротмистр — 465, 470
Орлов Александр, революционер — 371
Орлов Василий, председатель отделения СРН — 499–500, 505
Орлов Сергей Андреевич — 288
Остапов Абрам, максималист — 383
Остроумов Роман Семенович — 339
Ощевский-Круглик Вячеслав Онуфриевич — 252
Павел Александрович, великий князь — 24, 45
Павлов Алексей, околоточный надзиратель — 295
Павлов Владимир Михайлович — 148
Павлов Дмитрий Яковлевич — 275
Пажель Владимир Владимирович — 103
Палицын Федор Федорович — 229
Пантелеев Александр Ильич — 176
Пантелков, канонир, эсер — 358
Панферов Иван, максималист — 432
Панюшкин, городской — 154
Парины, максималист — 431, 433
Паршина Матрена, максималистка — 389–390
Парышев, вор — 491
Пастель, помощник пристава — 253, 287
Пастернак Борис Леонидович — 139
Пастернак Леонид Осипович — 139
Пастрюлин Иван Иосифович — 466–467
Пахомов, агент МСП — 500, 502
Пахорский Владимир, надзиратель МСП — 467
Пенский Петр, околоточный надзиратель — 295
Перевезенцев Григорий, телеграфист — 288, 295
Переспелов Леонид Иустинианович — 253
Перлина Софья, эсерка — 357
Перфильев Кузьма, городской — 197
Пестржецкий Михаил Илариевич — 297
Петерсон Александр Григорьевич — 181, 198, 285, 342
Петрицкий, городской — 159
Петров Константин, рядовой МЖД — 221, 282
Петров, священник — 137–138

- Печковская Софья, эсерка — 418
Печковский Николай, эсер-террорист — 418–419
Плеве Вячеслав Константинович фон — 12–13, 354, 356, 399
Плетнев Иван, надзиратель МСП — 476
Погодина Мария, эсерка — 363
Подгурский Николай Люцианович — 186
Пожарский, городской — 195
Познанский Василий Егорович — 301
Покровский Леонид, студент, социал-демократ — 382
Покровский Николай Васильевич — 443
Полежаев, грабитель — 490
Поливанов Алексей Андреевич — 235
Поликарпов Григорий, полицейский урядник — 465
Полтев, торговец, скупщик краденного — 489
Полторацкий Николай, студент — 28
Полухин Федор, городской — 101, 114
Поляков Андрей, рабочий — 153
Поляков Евмений Вячеславович — 253, 287, 328
Понс Август, участник автопробега — 440
Понуровский Федор, участник беспорядков — 197
Попов Александр, околоточный надзиратель — 295
Попов Дмитрий, чиновник МОО — 366
Попов Николай Николаевич — 296
Портанский Александр, прапорщик запаса — 106
Порфирьев, обер-фейерверкер — 293
Потапов Степан, крестьянин — 133
Потапов, городской
Потапов, рабочий, максималист — 389
Пржевальский Николай Михайлович
Прокофьев Ефим, легковой извозчик
Прокофьева Екатерина, служанка
Прошин, городской — 410
Прусаков Михаил, городской — 101
Птицын, кучер — 362
Птицына, гимназистка — 436
Пузыревский Михаил Михайлович — 483
Пумпянский Николай, максималист — 413
Радзиковский Альфред, вор-рецидивист — 74–79
Радько Петр Васильевич, смотритель — 339
Райвитис Юзефа, прислуга — 74
Райский Владислав Адольфович — 259
Распутин Григорий Ефимович — 512
Расторгуев Сергей Иванович — 294, 296
Растоскуев Петр, вор — 76, 79
Ратко Василий Васильевич — 40
Ратнер Борух, помощник присяжного поверенного — 461
Рауль Андрей, французский гражданин — 275
Раут, агент МОО — 365
Рауш фон Траубенберг Евгений Александрович — 39, 220
Рафальский, действительный статский советник — 279
Рахманинов Александр Федорович — 209, 212, 257
Рахманов Николай Николаевич — 7–8
Рачковский Петр Иванович — 73, 124
Ребиндер Алексей Максимович — 256
Реймерс Константин Яковлевич
Рейнбот (младший) Анатолий Анатольевич — 313
Рейнбот Анатолий Анатольевич — 308–323, 325–326, 335–337, 342, 368, 371–373, 414–415, 417–419, 426–428, 437, 443–446, 454–455, 457, 472, 474–476, 484–485, 487–488, 491–493, 495–497, 514–515, 518, 520
Рейнбот Георгий Анатольевич — 313
Рейнбот (урожд. Зимина) Зинаида (Зиновия) Григорьевна — 313
Рейнбот (урожд. Дехтеринская) Мария Александровна — 313–314
Ремизов Лавр, анархист-коммунист — 463–465
Ржанов И., мемуарист — 200, 209, 215, 224, 226, 232–234, 236, 255, 257
Риман Николай Карлович, полковник — 246, 250–251, 463
Рипс (Григорий Петрович) Михаил, эсер-террорист — 418–419
Ровный, жандармский унтер-офицер — 468
Рогов Иван, сторож — 465
Роговицкий Виктор, смотритель полицейского дома — 339
Рогуля Иван Григорьевич — 165

- Родин Иван, городской — 196–197
Родионов Николай Матвеевич — 173
Родионов, агент МОО — 410
Рождественский Митрофан, околоточный надзиратель — 295
Розен Федор Иванович — 290
Романкевич Василий Васильевич — 252
Романов Василий, крестьянин — 37
Романович Евгений, техник, максималист — 389, 462
Ростковский Андрей Павлович — 158
Рубцов Алексей Алексеевич — 443
Рубцов Иван Михайлович — 465–466, 469
Рудаков Василий, кочегар — 377
Руденко Прокопий, военный музыкант, эсер — 358
Руденко Прохор, городской — 328
Руднев Иван Николаевич — 27, 31–32, 39–40, 43, 52, 56, 162, 278, 284
Рудов Николай Петрович — 173
Русских Евтихий, городской — 366
Рутенберг Петр Моисеевич — 68
Рыбаков, управляющий домом — 444
Рыковский Владислав Рудольфович — 317
Рыковский Николай Владиславович — 72
Рябко, городской — 410
Рябцев Алексей, агент МСП — 501
Рябцев Петр, агент МСП — 502
Саблон, торговец, скупщик краденного — 589
Савельев Арсений Иванович — 275
Савин Василия, сторож — 435–436
Савинков Борис Викторович — 44–45, 68–69, 238, 353, 359, 394–395, 397–403, 406, 416, 441, 448
Савинов, городской — 158
Савицкий Сергей Викторович — 520
Савков (Тимофей) Владимир Мокиевич — 194
Савосин Василий, участник беспорядков — 196–197
Савченко Иван Иванович — 456
Сазонов Егор Сергеевич — 356
Сальников Егор, крестьянин — 357
Самарин Александр Дмитриевич — 280
Санаев, городской — 410
Сафонов, помощник брандмейстера — 252
Сахаров В. А., околоточный надзиратель — 241
Сахаров Пантелеймон, студент — 196–197
Сахарова (Бабушка) Федосья, сожительница вора Анисимова — 77
Свешников Константин Владимирович — 27, 52, 56
Севастьянова Александра Александровна — 448
Севенард Александр Николаевич — 295
Северианов, студент — 113
Селиванов, грабитель — 490
Семенкович, домовладелец — 125
Семенов, надзиратель МОО — 467
Семячкин Василий, околоточный надзиратель — 339
Сенин, городской — 160
Сенцов Михаил, управляющий имением — 391
Сергеев Степан, машинист — 377
Сергеев, городской — 411
Сергей Александрович, великий князь — 10, 12–13, 23–26, 28–29, 39–40, 43–47, 51, 59, 176, 267, 272, 292, 372–373, 399, 402, 442–443, 506
Серигов Иван, глава группы максималистов-экспроприаторов — 437–438
Серов Валентин Александрович — 139
Серов, ночной сторож — 158
Сидоркин Дмитрий, анархист-коммунист — 463, 465, 468
Сила-Новицкий Эммануил Викторович — 9, 256
Симанский Пантелеймон Николаевич — 208, 218, 255
Симонов Константин, околоточный надзиратель — 295
Синельников, околоточный надзиратель — 154
Синельников, старший стражник — 466
Синцов Константин, максималист — 430–431, 434
Скальский Станислав, рядовой, эсер — 357
Склифосовский, офицер — 277
Скотников Сергей, городской — 329
Слепов, дворник — 159
Снытко, городской — 160
Сова, канонир, эсер — 358
Соколов Александр, см. Барышников Александр

- Соколов (Медведь) Михаил Иванович — 237, 352, 353, 380, 395–396, 411–412
- Соколов Тимофей, мещанин — 78
- Соколов, студент — 113
- Соколова Капитолина, член группы коммунистов-анархистов — 67
- Соколовский Вольдемар Константинович — 212
- Солдатенков, писарь, агитатор — 358
- Соллогуб (урожд. Бокарева) Наталья Федоровна — 518
- Соллогуб Степан Николаевич — 472, 476, 483, 488–489, 491, 492–493, 497, 516–518
- Соллогуб Федор Николаевич — 476, 518
- Соловьев Николай, студент — 195
- Солодянкин Николай, околоточный надзиратель — 295
- Сорвина Марфа, крестьянка — 74
- Спасский, раненый — 275
- Сриницкий, морской офицер — 376
- Ставоржинский Адам, околоточный надзиратель — 295
- Сталин (наст. фам. Джугашвили) Иосиф Виссарионович — 357, 392
- Станоевич Яков, черногорский подданный, студент — 87
- Станюкович Константин Михайлович — 163
- Степанов Евгений Федорович — 445
- Стерлигов Василий (он же Федор Москвин), максималист — 393, 462
- Стерлигов Дмитрий Владимирович — 92
- Стефанов Василий Степанович — 74, 79, 476, 488–489, 491–494, 498–502, 504–506, 508, 511, 518
- Стобровский, дворник — 159
- Столыпин Петр Аркадьевич — 338, 368–370, 375–376, 378, 380, 404, 409, 414, 416, 421, 424–425, 429, 497–498, 506, 511, 515, 519
- Стояновский, морской офицер — 376
- Строганов, грабитель — 491
- Строгонов Семен, десятник — 384
- Струков Александр Петрович — 165
- Суворов Александр Аркадьевич, светлейший князь — 48, 514
- Суконкин Николай, журналист МОО — 365
- Сулин Иван Иванович, полковник — 151
- Сунель Август-Иоган, адвокат-фискал — 310
- Сухинова Наталья, террористка — 380
- Сухов Иван, надзиратель МСП — 476
- Сухоруков, казак — 85
- Сытова Екатерина, содержательница борделя — 519
- Талли Жак дю, репортер — 440
- Тарасов Петр, эсер — 461–462
- Тарасов, дворник — 159
- Тарасов, помещик — 474
- Тарасов, председатель комиссии московских домовладельцев — 125
- Татищев А. А., чиновник — 172–173
- Таширов Хабибула, дворник — 330
- Телегин Михаил, владелец мясной лавки — 432
- Телегина Мария Михайловна — 432,
- Телегина Надежда Михайловна — 432
- Темников Георгий Викторович — 292–293
- Терехин Павел, младший рядовой МЖД — 222
- Терещенко Иван Филиппович — 41
- Терихов, городской — 328
- Терликин Матвей, полицейский служащий — 329
- Тимирязев Климент Аркадьевич — 142
- Тисленко Николай Трофимович — 292–293
- Титков, городской — 374
- Толин, старший унтер-офицер жандармерии — 490
- Траверсе Иван Иванович (Жан-Батист), маркиз — 163
- Травкин, дворник — 159
- Трауберг (Карл) Альберт Давыдович — 448
- Трепов Дмитрий Федорович — 8–9, 12, 24–31, 43, 44, 60, 73, 82, 94, 96, 115–116, 123, 136, 298, 334, 496
- Трепов Федор Федорович — 24, 48
- Трепова Вера Дмитриевна — 27
- Трепова София Дмитриевна — 27
- Трепова (урожд. Блохина), София Сергеевна — 27
- Трифон (Туркестанов), епископ — 279
- Тришин Василий, пожарный — 103
- Троицкий Александр, максималист — 384–385
- Троцкий (Бронштейн) Лев Давидович — 96
- Трубецкой Петр Николаевич, князь — 280

- Трусевич Максимилиан Иванович — 377, 415, 419, 426
- Трутнев Константин Данилович — 162
- Туханов, подпоручик — 9
- Тюрин, околоточный надзиратель — 287
- Ульянов Владимир Ильич, см. Ленин
- Умеруко-Заполи-Запольский, домовладелец — 125
- Успенская Маргарита, максималистка — 388
- Ухтомский Алексей Владимирович — 231, 251
- Фагнер, заключенная — 132
- Федин Александр (он же Александр Вербин), взломщик — 78
- Федоров, агент МОО — 364–365
- Федоров-Забрежнев Владимир Иванович — 67
- Федосов Степан, городской — 196–197
- Федотов Иван, студент, социал-демократ — 382
- Фейденгольц Абрам Антонович — 252
- Ферсман Александр Евгеньевич — 142
- Фивейский Владимир, титулярный советник — 288, 295
- Фидлер Иван Иванович — 180, 211–213
- Филаретов Александр Александрович — 288, 295
- Филатов, полицейский служитель — 159
- Фоглер Леонид Владимирович — 287, 296
- Фомин Петр Филиппович — 276
- Форопонтов Василий, железнодорожный сторож — 500
- Франковский, околоточный надзиратель — 328
- Френкель Луи, германский подданный — 87
- Фриш Матвей Николаевич — 151
- Фролов, ночной сторож — 159
- Фуко Морель, участник автопробега — 440
- Фуллон (урожд. Огарева) Мария Дмитриевна — 473
- Фуллон Петр Александрович — 474
- Фуфлыгин, городской — 375
- Ханженков 2-й Николай Константинович — 148
- Ханженков Александр Алексеевич — 148
- Харибин, ночной сторож — 159
- Харитонов Алексей, максималист — 389
- Хвесьюк, пожарный — 252
- Хвостов Алексей Алексеевич — 173
- Хлебников Николай Владимирович — 497
- Хлебников, эсер — 462
- Хмелев, максималист — 431
- Холуев Сергей, крестьянин — 106
- Хорев Николай, максималист — 389–390
- Хохлов Емельян, ночной сторож — 294
- Цаллагов Григорий, полицейский надзиратель МОО — 366
- Цветаева Марина Ивановна — 387
- Целебров Федор Васильевич — 288, 295
- Целебров, околоточный надзиратель — 252
- Целикова, заключенная — 132
- Цецко, околоточный надзиратель — 411
- Циллиакус Конни, финский журналист — 69
- Цыбин, околоточный надзиратель — 489, 492
- Цырков Александр Родионович — 214, 277
- Цырков Родион Андреевич — 214
- Чагин Егор, крестьянин — 113
- Че Сун Хе (Григорий), переселенец — 12
- Чекмарев Виктор Иванович — 256
- Челищев Алексей Александрович — 25
- Челноков, ночной сторож — 159
- Чемерзин Авенир Авенирович — 451–456, 458
- Чернов Виктор Михайлович — 348
- Чернов Михаил, анархист-коммунист — 468
- Чернов, околоточный надзиратель — 195
- Черных Анна, социал-демократ — 382
- Чернявский Василий Дионисович — 468
- Чесский Александр, эсер — 356, 364
- Четвериков Алексей Алексеевич — 438
- Чехов Антон Павлович — 314
- Чижик Исер, профессиональный вор — 74
- Чижик Фредерика, певица ресторана «Омон» — 74
- Чижик Яков, профессиональный взломщик — 74, 76
- Чириков Илья, участник беспорядков — 197
- Членовы, торговцы, скупщики краденного — 489, 491
- Чураков Родион, крестьянин — 110
- Шалыт Блюма, мешанка — 101, 103
- Шалапин Федор Иванович — 314
- Шамин, агент МСП — 500

- Шанцер (Марат) Виргилий Леонович — 193–194, 196, 207, 371
- Шанявская (урожд. Родственная) Лидия Алексеевна — 140
- Шанявский Альфонс Леонович — 140–142
- Шапкин, агент МСП — 500
- Шауфус (Шаффгаузен-Шенберг-Эк-Шауфус) Николай Константинович — 487
- Шаховской Дмитрий Иванович, князь — 103
- Шевченко, профессиональный грабитель — 490
- Шейдеман Сергей Михайлович — 148–150, 204, 220, 260
- Шестаков Александр Павлович — 176
- Шестаков, член шайки грабителей — 490
- Шильбах, домовладелец — 125
- Шиманский Станислав, городской — 330
- Ширингин, рядовой, эсер — 358
- Шишкин Николай, городской — 329
- Шишмарев, максималист — 431
- Шлеммер Александр Иосифович — 466
- Шмаков Владимир, учащийся Морского кадетского корпуса — 436
- Шмидт (Игнатъева, Таратута) Елизавета Павловна — 268
- Шмит (Андриканис) Екатерина Павловна — 268
- Шмит Александр, мебельщик — 268
- Шмит Алексей Павлович — 268
- Шмит Елизавета Павловна — 268
- Шмит Екатерина Павловна 268
- Шмит Николай Павлович — 179, 248, 345
- Шмит Павел Александрович — 34, 268
- Шорин Даниил, член воровской шайки — 78–79
- Штанков Вячеслав Константинович — 253
- Штурм Всеволод Николаевич, врач — 279
- Шувалов Павел Андреевич, граф — 300
- Шувалов Павел Павлович, граф — 50–51, 56, 61, 68, 80–8, 83, 319
- Шувалова (урожд. Воронцова-Дашкова) Александра Илларионовна, графиня — 51
- Шульгин Василий Витальевич — 5
- Шульц Иосиф Константинович — 443
- Щегловитов Иван Григорьевич — 335
- Щегловский Василий Михайлович — 467–469
- Щепетильников Петр, член боевой дружины — 183
- Щербаков, городской — 104–105
- Эклон Федор Леонтьевич — 88–89, 93
- Энгельгардт Владимир Александрович — 143
- Эрлексова Мария Сергеевна — 109
- Эрн Евгений Иванович — 253
- Эссен Николай Карлович фон — 276
- Эфрон (Трупчинская) Анна Яковлевна — 387
- Эфрон (урожд. Дурново) Елизавета Петровна — 386–388, 391
- Эфрон (Фельдштейн) Вера Яковлевна — 387
- Эфрон Сергей Яковлевич — 387
- Эфрон Яков Константинович — 387
- Эфрон Яков Яковлевич — 387
- Юдин, грабитель — 491
- Юрковский Владимир Иванович — 436
- Юрьев Анатолий Александрович — 253, 287–288, 295
- Юшин, начальник пожарной охраны Прохоровской мануфактуры — 243
- Языков Иннокентий Васильевич — 466, 468–469
- Яковинский, околоточный надзиратель — 243
- Яковлев Николай Иванович — 443
- Яковлев, максималист — 431
- Якорев Сергей, член группы анархистов-коммунистов — 68
- Якубович Самуил, профессиональный вор — 75
- Якуничкин, дворник — 159
- Яловицкий Владимир, эсер — 357, 359
- Яненко Сергей Яковлевич — 501
- Ястребов, рабочий — 232
- Яфимович Владимир Михайлович — 8–9, 27, 52, 56

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

БО — Боевая организация
ВТБ — Военно-техническое бюро
ГЖУ — Губернское жандармское управление
ЖПУЖД — Жандармско-полицейские управления железных дорог
МВД — Министерство внутренних дел
МВО — Московский военный округ
МГЖУ — Московское губернское жандармское управление
МЖД — Московский жандармский дивизион
МК РСДРП — Московский комитет Российской социал-демократической
рабочей партии
МКПС — Московская конно-полицейская стража
МОО — Московское охранное отделение
МПС — Министерство путей сообщения
МСП — Московская сыскная полиция
МСРД — Московский совет рабочих депутатов
ОКЖ — Отдельного корпуса жандармов
ПСР — Партия социалистов-революционеров
РОКК — Российского общества Красного Креста
СНР — Союза русского народа
СПЖД — Санкт-Петербургский жандармский дивизион
ЦК — Центральный комитет

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	5
Глава I. Революция надвигается	7
Предвестия революции.....	7
Московская полиция: структура и численность	14
Старшие полицейские начальники	23
Началось... ..	32
Генеральская чехарда	43
Полиция против революционеров и черносотенцев.....	57
Полиция против уголовных преступников	73
Помощники полиции	80
Глава II. Жаркая осень	88
«Царь испугался, издал манифест...»	88
Дерево свободы.....	97
Оливковая ветвь	114
Полицейские дома	127
Черносотенцы и их враги	137
Ноябрьское обострение	147
Московский адмирал	163
Боевые дружины	177
Накануне восстания	189
Глава III. Кровавый декабрь	200
Стачка	200
Первые столкновения	207
«Веселая кровавая игра»	215

Жизнь на линии фронта	226
Как Пресня стала красной	237
Разгром боевиков	243
Конец восстания	254
Отчеты и планы	264
Жертвы восстания и помощь пострадавшим	273
Глава IV. Новые времена	283
Новый год наступил	283
Новые войска и новый командующий	296
Новые штаты общей полиции	302
Новый градоначальник прибыл	308
Полицейские войны	315
Служба наружной полиции	324
Катастрофа в полицейских домах	330
Глава V. Революция продолжается	342
Московское охранное отделение и революционеры после поражения восстания	342
Ликвидации	355
Выборы в Государственную думу и смена генерал-губернатора	366
Попытка «летнего революционного наступления» 1906 года	373
Разгром полицией революционных организаций в Москве	380
Террор: неоправданное палачество и напрасные жертвы	394
Нужны ли были военно-полевые суды?	404
Глава VI. Революция отступает	414
Месть проигравших	414
Полиция и общественно-политические организации	420

Новые ликвидации	430
Завершение революции	440
Спецсредства для полицейских	450
«Процесс 83-х»	459
«Лосиноостровская битва»	462
Глава VII. Новые угрозы	471
Московская сыскная полиция и уголовники	471
«Железнодорожная мафия»	478
Полицейские войны — 2.	
Удар по «железнодорожной мафии»	487
«К нам едет ревизор!»	493
Полицейские войны — 3. Мафия бессмертна?	498
«Бомбические девицы» и другие провокации	506
Что же дальше?	512
Примечания	521
Именной указатель	542
Список сокращений	556

А. Ю. Шаламов

МОСКОВСКАЯ ПОЛИЦИЯ
1905–1907

Редактор *К. А. Залесский*
Выпускающий редактор *Е. Р. Секачева*
Художественное оформление
и компьютерная верстка *В. В. Забковой*
Корректор *И. В. Рязанова*

ООО «Издательство «Кучково поле»
Москва, 119071, ул. Орджоникидзе, 10, оф. 2-11
Тел.: (495) 256 04 56, e-mail: info@kpole.ru
www.kpole.ru

ООО «ИКС-ИСТОРИ»
119071, Москва, ул. Орджоникидзе,
д. 10, офис 4.2/Б1

Подписано в печать 16.05.2022.
Формат 165×200 мм. Усл. печ. л. 35.
Тираж 1000 экз. Заказ № I-1815

ISBN 978-5-907171-69-5 (12+)

Отпечатано в типографии
ООО «Красногорский полиграфический комбинат»
115093, г. Москва. Партийный пер. д. 1, корп. 58, стр. 1, эт. 1, пом. 1.
Тел.: (495) 374-98-90, info@krpol.com